СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Вадим ТЕЛИЦЫН

Алексей КОСЫГИН

«Второй» среди «первых», «первый» среди «вторых»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во второй половине 1960-х — 1970-х годах не было в Советском Союзе человека, который не знал бы, кто он — Алексей Николаевич Косыгин. В кремлевских кабинетах, в коридорах союзных и республиканских министерств и ведомств, в студенческих аудиториях, в научно-исследовательских лабораториях и институтских курилках, на крохотных кухнях в спальных районах мегаполисов и районных центров спорили о его экономической реформе. Мало кто понимал суть, а потому возникало немало вопросов. Что сподвигло советского премьера начать преобразование хозяйственного механизма Советского Союза? Каким путем идти? Будет ли в итоге реформирована сложнейшая хозяйственная система? Не приведет ли все к полному ее «перевороту»? Или, как в 1920-е годы, все закончится в несколько лет, ибо реформы угрожают базовым (идеологическим) принципам существования СССР?

Автор биографического исследования об А. Н. Косыгине обратился к малоизвестным до настоящего времени архивным документам, воспоминаниям и периодической печати. Результатом скрупулезного труда стал достаточно объективный взгляд как на жизнь и деятельность государственного деятеля, так и на ряд важнейших событий в истории всей страны, к которым он имел самое прямое отношение.

- Вадим Телицын
  - ○
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Биографическая хроника
  - ○ Глава 1. Откуда
    - ■
    - ■ Начало пути: семья, революции, армия
    - ■ Учеба: кооперативный техникум
    - ■ «Во глубине сибирских руд…»
    - ■ Учеба: текстильный институт
  - ○ Глава 2. Как
    - ■
    - ■ Молодой специалист
    - ■ В «ждановской команде»
  - ○ Глава 3. Почему
    - ■
    - ■ Совет по эвакуации и другие назначения

        - Москва…
        - Снова в Ленинграде
        - В помощь армии
        - Новые назначения и новые задачи
        - «Тогда считать мы стали раны…»
        - Восстановление
    - Глава 4. Зачем
        -
        - Денежная реформа 1947 года
        - На крейсере «Молотов»
        - Минфин
        - «Ленинградское дело»
        - XIX съезд и его последствия
    - Глава 5. Когда
        -
        - «Чехарда» и «оттепель»
        - XX съезд
        - Повседневная обыденность
        - Зарубежные вояжи
        - Хрущев и Косыгин
    - Глава 6. Что
        -
        - Начало
        - Стратегия и тактика
        - Реформа: политика внутренняя и внешняя
    - Глава 7. Итого…
        -
        - Неутешительное
        - Последние годы премьерства
    - Заключение
    - Использованные источники и литература
    - Именной указатель
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99

- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143

- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187

- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231

- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275

- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319

- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363

- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407

- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451

- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495

- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537

Вадим ТЕЛИЦЫН

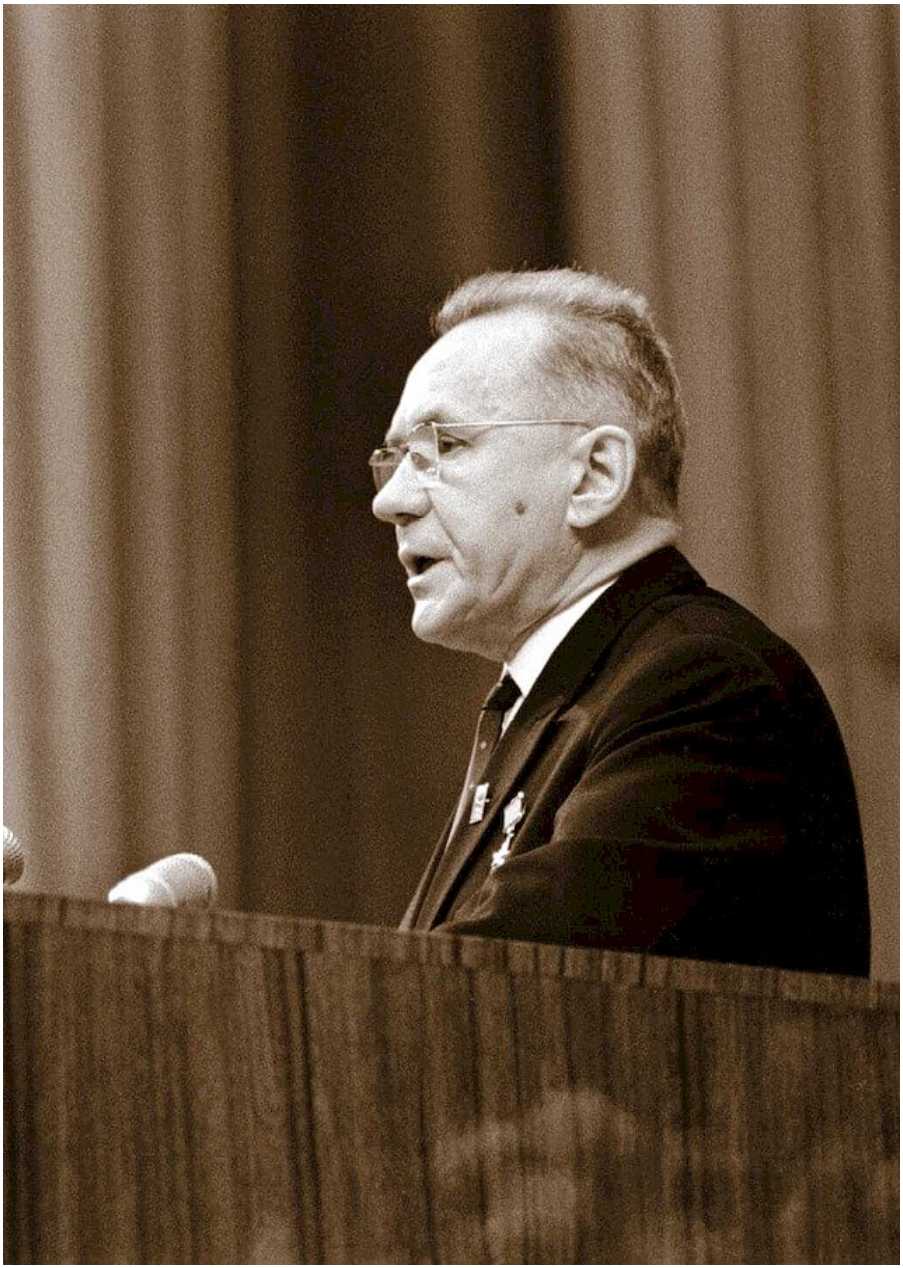
Алексей КОСЫГИН

«Второй» среди «первых», «первый» среди «вторых»

СИСТЕМА РОССПЭН

Москва
2022

Вадим Телицын
Алексей Косыгин. «Второй» среди «первых», «первый» среди «вторых»

Научный консультант серии «Страницы советской и российской истории» *А. К. Сорокин*

© Телицын В. Л., 2022
© Фонд поддержки социальных исследований, 2022
© Государственный архив Новосибирской области, иллюстрации, 2022
© Государственный архив Российской Федерации, иллюстрации, 2022
© Российский государственный архив кинофотодокументов, иллюстрации, 2022
© Российский государственный архив новейшей истории, иллюстрации, 2022
© Российский государственный архив социально-политической истории, иллюстрации, 2022
© Российский государственный военный архив, иллюстрации, 2022
© Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, иллюстрации, 2022
© Политическая энциклопедия, 2022

Ведущий редактор *Е. Д. Щепалова*
Редактор *И. Д. Кантемирова*
Верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Т. Я. Кокорева*

* * *

От автора

«Столыпин Советского Союза», «советский Дэн Сяопин», «последний советский реформатор», «просвещенный волюнтарист эпохи государственно-бюрократического социализма». Последнее определение дано известным идеологом горбачевской «перестройки» Г. Х. Поповым. Есть и совсем уже фантастические версии — «чудом спасшийся сын последнего русского императора Николая II Алексей». И это все об одном человеке.

На самом деле наш герой — уроженец петербургской окраины, сын простого рабочего одного из питерских заводов; вроде ничего особенного, из ряда вон выходящего. А притом — жизнь человека, вознесенного эпохой на самый верх. Замечательный пример того, как эпоха «делала» личности и как личности «делали» эпоху.

Об Алексее Николаевиче Косыгине много написано, но, конечно же, далеко не все сказано.

В 1960–1970-х годах не было в Советском Союзе человека, который не знал бы, кто он и что он — Косыгин. В кремлевских кабинетах, в коридорах министерств и ведомств, в студенческих аудиториях, в научных лабораториях и институтских «курилках», на кухнях обсуждали и спорили о его экономической реформе. Мало кто ведал тогда, что сподвигло его начать реформу, какие соображения к ней подвели. И уж точно никто не представлял, что «шел» Алексей Николаевич к ней если не всю жизнь, то большую ее часть, чтобы в 60-летнем возрасте наконец решиться.

Еще меньше нам известно о Косыгине — дипломате, которому приходилось решать — и успешно — сложнейшие задачи, выдвигаемые временем и внешнеполитической обстановкой в очень неспокойные 1960–1970-е годы…

В чем же «явление» Косыгина — «последнего советского реформатора», «государственника» в полном объеме этого определения? И стоит ли вообще говорить в данном случае о *феномене*? Понять его можно, лишь изучив те периоды его жизни, которые до сих пор лежали вне поля зрения исследователей, слишком уж много в них неясного и даже необъяснимого. Нам предстоит разобраться в источниках и событиях, которые определяли направление и вели Алексея Николаевича на жизненном пути: семья, армия, учеба, работа по профессии… Разобраться в векторах его эволюции как государственного деятеля, ступенях его карьеры, его окружении — служебном и домашнем, взаимоотношениях с «сильными мира сего», особом его складе ума.

Одними архивами и воспоминаниями в данном случае не обойтись. Многое нам предстоит прочесть «между строк» официальных докладов и сообщений, мемуаров, газет, журналов и писем. Но и этого мало. Нам пришлось, что называется, *реконструировать* ряд событий, благодаря чему в книге появились диалоги, монологи, которых, быть может, не было, но воссоздание последних выстраивается сугубо на документальном материале.

В итоге мы можем говорить о *беллетризированной биографии*.

Беллетризированная биография — это между беллетристикой и научной популяризацией истории жизни и деятельности той или иной личности, критерием выбора которой выступает как ее уникальность, так и значительность для страны.

Благодаря выбранному жанру нам предстоит еще раз пройтись по основным вехам жизни Алексея Николаевича Косыгина, дабы высветить то, что ускользало — вольно или невольно — от его биографов.

В чем новизна нашей книги, наших подходов и гипотез, обобщений и выводов?

Мы ставили перед собой цель понять, почему Косыгин всегда оставался — официально — «вторым», то есть занимал «вторые» (председатель Совета министров), а то и «третьи» (руководитель различных министерств и ведомств) высшие государственные посты. Но — среди этих «вторых» и «третьих» лиц он считался «первым»; но — с ним считались и «первые» лица государства, даже недолюбливая его. Чем объяснить его подобное положение «вечного второго»?

Попытаемся разобраться…

Чтобы понять, нам придется ответить на главные вопросы. Их всего семь:

Откуда — социальное происхождение, образование?

Как — как складывалось начало карьеры?

Почему — почему был сторонником экономики мобилизационного типа?

Зачем — зачем понадобилось что-то менять после полного погружения в экономические проблемы?

Когда — когда пришло осмысление необходимости реформы?

Что — что реформировать и каким образом?

Итого — результат реформы?

Таковы те проблемы, которые мы ставим перед собой, вчитываясь в строки косыгинской биографии…

* * *

Бóльшая часть привлекаемых нами архивных материалов была опубликована — в полном объеме или фрагментарно — в печатных и электронных изданиях[1]. Однако при цитировании или ссылке на документ мы сочли правильным делать ссылку и на архивный первоисточник.

Авторские гипотезы и обобщения выделены в тексте *курсивом*.

Биографическая хроника

1904, 21 февраля — родился в Санкт-Петербурге в семье питерского рабочего Николая Ильича Косыгина и его жены Матроны Александровны (в девичестве Алексеевой). В семье уже было двое детей: сын Павел (1898 года рождения), дочь Мария (1902 года рождения). Отец Косыгина — выходец из крестьян деревни Амерево Парфентьевской волости Коломенского уезда Московской губернии.

1904, 7 марта — крещен в соборе Сампсония Странноприимца, что на Выборгской стороне. Восприемниками (крестными) стали мещанин города Торжка Сергей Николаевич Стуколов и «жена крестьянина» деревни Рядка Боровичского уезда Новгородской губернии Мария Ильинична Егорова.

1906 — смерть матери.

1914 — принят в Петербургское мужское 4-классное городское смешанное училище (Петербургская набережная, дом 2–4).

1919, ноябрь — служил в 7-й армии (с 10 февраля 1920 года — Петроградская революционная армия труда) Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Числился сначала посыльным при продовольственной части 1-го участка 16-го военно-полевого строительства, затем — конторщиком продовольственного отделения 61-го военно-полевого строительства Трудармии.

1921, март — демобилизовался.

1921, апрель — поступил на Северные областные продовольственные курсы Петропрофобра (через год переименованные во Всероссийские продовольственные курсы Наркомпрода, затем — в Петроградские кооперативные курсы).

1922, сентябрь — курсант льнопенькового отдела Кооперативного техникума Всероссийского центрального союза потребительского общества.

1924, май — инструктор-льновод Сибирского краевого союза кооператоров (Ново-Николаевск), затем инструктор-организатор по первичным потребительским кооперативам, заведующий секретариатом и орготделом «Обьсоюза».

1926, декабрь — направлен в город Киренск на должность члена правления и заведующего орготделом «Ленсоюза».

1927, сентябрь — Киренским окружным парткомом принят в члены ВКП(б); руководил окружным комитетом комсомола округа.

1927 — женился на Клавдии Андреевне Кривошеиной

(Ванзиной — по отчиму).

1928, декабрь — возвратился в Новосибирск, исполнял обязанности заведующего плановым отделом Сибкрайсоюза, руководил одной из секций горсовета Новосибирска, член бюро ячейки ВКП(б). Участвовал в работе концессии с английской компанией «Лена-Голдфилд».

1929, декабрь — подал в правление Сибкрайсоюза заявление о желании поступить в Новосибирский институт народного хозяйства; заявление отклонено руководством Сибкрайсоюза.

1930, январь — избран ответственным секретарем ячейки ВКП(б) при Сибкрайсоюзе.

1930, февраль — получил согласие руководства Сибкрайсоюза поступить на рабфак факультета потребительской кооперации при институте имени А. И. Рыкова в Москве.

1930, май — семья Косыгиных покинула Новосибирск, переехав в Ленинград.

1930, сентябрь — окончил «рабочий факультет», но сразу поступить в высшее учебное заведение не смог по состоянию здоровья.

1931, 8 февраля — подписан приказ о зачислении Косыгина студентом 1-го курса ткацко-трикотажного факультета Ленинградского текстильного института по специальности «ткачество».

1933 — на досрочных выборах избран секретарем парткома института; редактировал институтскую газету «Основа».

1934, май — знакомство с первым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кировым, прибывшим в Текстильный институт на Всесоюзную выставку текстильных изделий.

1934, 2–3 декабря — участник траурной церемонии прощания с погибшим С. М. Кировым.

1935 — мастер подготовительного отдела, затем — начальник 3-го ткацкого цеха Ленинградской ткацкой и красильной фабрики имени А. И. Желябова.

1936, 31 января — окончил Ленинградский текстильный институт, получив диплом инженера-технолога по ткачеству.

1936, 18 апреля — начальник смены 1-го цеха Ленинградской ткацкой и красильной фабрики имени А. И. Желябова; член парткома фабрики и член бюро ВКП(б) Васильевского райкома.

1937, 21 августа — директор прядильно-ткацкой фабрики «Октябрьская» (бывшая Сампсониевская бумагопрядильная мануфактура).

1938, 29 июня — заведующий Промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б).

1938, 9 октября — председатель Исполкома Ленинградского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

1938, 7 декабря — выступил с речью на открытии памятника С. М. Кирову.

1939, 2 января — назначен народным комиссаром текстильной промышленности СССР (до 17 апреля 1940 года).

1939, март — делегат XVIII съезда ВКП(б).

1939, 21 марта — член Центрального комитета ВКП(б).

1940, 28 марта — член Экономического совета СССР (до 21 марта 1941 года).

1939, 7 апреля — награжден орденом Ленина.

1940, 16 апреля — заместитель председателя Совнаркома СССР (до 15 марта 1946 года); одновременно с 17 апреля — председатель Совета по товарам широкого потребления при СНК СССР (до 21 марта 1941 года).

1941, 24 июня — заместитель председателя Совета по эвакуации при СНК СССР (до 25 декабря 1941 года).

1941, 1 июля — заместитель председателя Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной армии, образованного при СНК СССР.

1941, 11 июля — руководитель специальной группы инспекторов, осуществлявших контроль за проведением эвакуации промышленных предприятий при Совете по эвакуации.

1941, август — включен в состав комиссии, созданной Государственным комитетом обороны СССР для «рассмотрения и решения, совместно с Военным советом Главного командования Северо-Западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда».

1941, 15 октября — подписал постановление Совета по эвакуации «Об эвакуации наркоматов и центральных учреждений из г. Москвы».

1941, 25 октября — заместитель председателя Комитета по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и оборудования лесной и пищевой промышленности.

1941, 7 ноября — участник военного парада на Красной площади в Москве.

1941, 25 декабря — заместитель председателя Комитета по разгрузке железных дорог (до марта 1942 года).

1942, 19 января — уполномоченный Государственного комитета обороны в блокадном Ленинграде с задачей решения вопросов по снабжению мирного населения и города.

1942, 21 мая — ответственный за выполнение заказов Наркомата обороны по инженерному вооружению Красной армии.

1942, 22 июня — уполномоченный образованной Государственным комитетом обороны СССР Комиссии по эвакуации.

1942, 23 августа — уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по «обеспечению заготовок местных видов топлива» — угля, торфа, кокса, дров.

1943, 23 июня — председатель Совнаркома РСФСР (с сохранением должности заместителя председателя Совнаркома СССР).

1944, 15 апреля — вошел в Бюро Совнаркома, оставшись на должности заместителя председателя Совнаркома СССР (до 6 декабря 1945 года).

1945, 6 сентября — член Оперативного бюро СНК СССР по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта (до 20 марта 1946 года).

1946, 16 февраля — председатель Совета министров РСФСР (до 27 марта 1946 года).

1946, март — в Специальном комитете при Совете министров СССР («Атомный проект»).

1946, 18 марта — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (до 4 сентября 1948 года).

1946, 19 марта — заместитель председателя Совета министров СССР (до 15 марта 1953 года).

1946, 20 марта — заместитель председателя Бюро Совета министров СССР (до 8 февраля 1947 года).

1947, 8 февраля — председатель Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете министров СССР (до 9 июля 1948 года).

1948, февраль — член Политбюро ЦК ВКП(б).

1948, 16 февраля — министр финансов СССР (до 28 декабря 1948 года).

1948, 4 сентября — член Политбюро ЦК ВКП(б) (до 5 октября 1952 года).

1948, 28 декабря — министр легкой промышленности СССР (до 15 марта 1953 года).

1949, 7 февраля — председатель Бюро по торговле при Совете министров СССР.

1952, октябрь — делегат XIX съезда КПСС.

1952, 16 октября — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС (до 5 марта 1953 года).

1953, 15 марта — министр легкой и пищевой промышленности СССР (до 24 августа 1953 года).

1953, 24 августа — министр промышленности товаров широкого потребления СССР (до 23 февраля 1954 года).

1953, 7 декабря — заместитель председателя Совета министров СССР (до 25 декабря 1956 года).

1953, 22 декабря — председатель Бюро по промышленности продовольственных и промышленных товаров широкого потребления при Совете министров СССР (до 23 февраля 1955 года).

1955, 26 февраля — член Президиума Совета министров СССР.

1955, 22 марта — член комиссии Президиума Совета министров СССР по текущим делам.

1955, 26 августа — заместитель председателя комиссии Президиума Совета министров СССР по вопросам производства товаров широкого потребления.

1956, февраль — делегат XX съезда КПСС.

1956, 18 сентября — смерть отца А. Н. Косыгина — Николая Ильича.

1956, 25 декабря — первый заместитель председателя Госэкономкомиссии Совета министров СССР по текущему планированию народного хозяйства в ранге министра СССР (до 10 мая 1957 года) с освобождением от обязанностей заместителя председателя Совета министров СССР.

1957, 23 мая — первый заместитель председателя Госплана СССР, в ранге министра СССР (до 1 июля 1957 года).

1957, июнь — поддержал Н. С. Хрущева в противостоянии с так называемой «антипартийной группировкой».

1957, 29 июня — член Президиума ЦК КПСС.

1957, 4 июля — назначен заместителем председателя Совета министров СССР (до 4 мая 1960 года).

1957 — член Главного военного совета при Совете обороны СССР.

1958, 31 марта — заместитель председателя Президиума Совета министров СССР.

1958, 13 октября — председатель комиссии Президиума Совета министров СССР по вопросам цен (до 13 августа 1959 года).

1959, январь — делегат XXI съезда КПСС.

1959, 20 марта — председатель Государственного планового комитета (Госплана) СССР (до 4 мая 1960 года).

1959, 24 марта — представитель СССР в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ).

1959 — член Совета обороны СССР.

1961, октябрь — делегат XXII съезда КПСС.

1962, 28 апреля — член Президиума Совета министров СССР.

1964, февраль — присвоено звание Героя Социалистического

Труда.

1964, март — визит в Италию, встречи с представителями делового мира.

1964, октябрь — поддержал смещение Н. С. Хрущева с руководящих постов государства.

1964, 15 октября — председатель Совета министров СССР.

1964, конец октября — участник встречи, вместе с Л. И. Брежневым и Н. В. Подгорным, с высшим руководством Польши — Вл. Гомулкой и Ю. Циранкевичем в Беловежской Пуще.

1965, 5 октября — подписал постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

1966, январь — участие в межправительственных переговорах в Ташкенте по урегулированию военного конфликта между Пакистаном и Индией.

1966, апрель — делегат XXIII съезда КПСС.

1966, 8 апреля — член Политбюро ЦК КПСС (до 21 октября 1980 года).

1966, 16 мая — подписал постановление «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства».

1966, 10 ноября — назначен председателем Президиума Совета министров СССР.

1967, 13 апреля — подписал постановление «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет».

1967, 1 мая — смерть жены Клавдии Андреевны Косыгиной.

1967, май — участие в улаживании вооруженного конфликта между Израилем и рядом арабских стран («Шестидневная война»).

1967, 19 июня — выступил на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

1967, июль — вояж в США, встреча и переговоры с американским президентом Л. Джонсоном.

1968, лето — участие в разрешении Чехословацкого кризиса; подготовил «Экстренное сообщение ТАСС», опубликованное в «Правде», в день ввода советских войск в Чехословакию; *20–21 августа* вместе с Л. И. Брежневым и Н. В. Подгорным провел в здании Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

1969, лето — переход через Главный Кавказский хребет в паре с президентом Финляндии Урхо Калева Кекконеном.

1969, сентябрь — провел встречу в пекинском аэропорту с

премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем по проблеме урегулирования вооруженного конфликта между СССР и КНР.

1970, 12 августа — подписал «Московский договор» между СССР и Федеративной Республикой Германией.

1971, апрель — делегат XXIV съезда КПСС.

1972, май — прием и переговоры с президентом США Ричардом Никсоном по вопросу о долге за поставки по ленд-лизу во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

1974, февраль — вторично присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1976, март — делегат XXV съезда КПСС.

1979, март — переговоры с политическим руководством Афганистана по вопросу оказания военной и экономической помощи.

1980, 21 октября — освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС.

1980, 23 октября — освобожден от обязанностей председателя Совета министров СССР.

1980, 18 декабря — смерть А. Н. Косыгина в Москве.

1980, 24 декабря — в Москве на Красной площади состоялись похороны (прах захоронен в Кремлевской стене).

Глава 1. Откуда

Первый вопрос — откуда?

Каждый человек — носитель собственной уникальной истории, которая складывается из отдельных мозаичных фрагментов-этапов, каждый по-своему проходит этапы детства, отрочества, юности, зрелости, старости… У каждого свою, порой определяющую роль играют семья, родители, близкое окружение. А в периоды социальных катаклизмов становится значимой еще и вся окружающая обстановка — революции, реформы, войны…

Люди формируются (духом и телом) и проявляют себя на фоне тех событий, что происходят вокруг них: одни оказываются на острие истории и стремятся изменить мир, другие — подчиняются времени и случаю… Очень важны первые двадцать — двадцать пять лет жизни… И Алексей Николаевич Косыгин не был исключением из этих правил.

Но обо всем по порядку.

Начало пути: семья, революции, армия

…1904 год — високосный, и события, произошедшие в начале его, ничего хорошего России не сулили.

В конце января вспыхнул военный конфликт с Японией, ставший одной из причин российского политического кризиса 1905–1907 годов. Того самого, что обычно именуется «первой русской революцией». Уже в феврале в Санкт-Петербург приходят тревожные известия с Дальнего Востока: о гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», об обстрелах Порт-Артура и, главное, о первых жертвах этой войны. Современник тех дней писал 8(21) февраля: «Со всех сторон сообщают о бегствах подростков, начиная с 10–11-летнего возраста, на Дальний Восток, на войну с японцами. Из гимназий и других учебных заведений и от родителей до сих пор, говорят, подано в сыскную полицию до полутораста заявлений об исчезновениях юных воинов; на вокзалах кассиры теперь билетов детям не продают и таковых задерживают»[2].

Иначе, нежели экзальтированные гимназисты, реагировал простой люд. Выборочная мобилизация сопровождалась волнениями и беспорядками среди «призывников», сообщалось о покалеченных и даже погибших. На юге России — на Харьковщине и Полтавщине — в начале февраля 1904 года набирали обороты крестьянские выступления, идущие вот уже второй год.

Росло число забастовок на промышленных предприятиях, в первую очередь — в столице и крупнейших городах Российской империи.

Известная общественная деятельница А. В. Тыркова-Вильямс — та и вовсе полагала, что в России, по сути, идет гражданская война между правительством и населением[3]. Отметим: написано это было в феврале 1904 года.

Император всероссийский Николай II оставался на удивление невозмутим, записав 8 февраля 1904 года в своем дневнике: «Были у обедни в 10 час[ов] и затем поехали в Царское Село подышать свежим воздухом. Погода стояла отличная… Гуляли вместе и отдельно. Всего я пробыл на воздухе около 3 час[ов] и насладился проведенным там временем. Вернулись в город в 4 1/2 ч[асов]. Дядя Владимир пил с нами чай. Читать пришлось немного. Обедали у Мама и провели с нею вечер».

А год спустя страну потрясла первая в ее истории революция.

* * *

Семье питерского рабочего Николая Ильича и его жены Матроны Александровны Косыгиных было в те дни не до общероссийских и не до мировых проблем. В воскресенье 8(21) февраля на свет появился их третий ребенок, мальчик, которого назвали Алешей. Все внимание на только что рожденного сына. Старший, Павел, родился в 1898-м, дочь Мария — в 1902-м.

Глава семьи Косыгиных Николай Ильич — выходец из крестьян деревни Амерево Парфентьевской волости Коломенского уезда Московской губернии. Он отслужил срочную и сверхсрочную в армии. В Вильно, где стоял его полк, встретил свою судьбу — Матрону Александровну Алексееву, которой предложил стать женой. Она согласилась, но свадьбу сыграли, когда Николай Ильич уже демобилизовался из армии в чине фельдфебеля и вернулся в родную деревню.

Через три недели после рождения сына Алексея Николаю Ильичу исполнилось 35 лет. В Петербурге они с женой обосновались в начале XX столетия. Здесь, в российской столице, сложился целый район, где селились пришедшие в поисках удачи и лучшей доли жители Коломенского уезда — «Коломна»[4]. Николаю удалось устроиться на завод № 1 Акционерного общества механических заводов «Г. А. Лесснер» (Выборгская часть, 2-й участок, по Сампсониевской набережной, № 3). С 1889 года предприятие, специализирующееся на паровых машинных котлах, выпускало также торпеды и морские мины.

С августа 1903 года Николай Косыгин трудился слесарем в минной мастерской, с августа 1911-го — токарем «крупно-токарной мастерской» № 9 того же завода, затем опиловщиком, после снова токарем. Супруга же Матрона Александровна (на «Матрену» не откликалась) занималась домашним хозяйством и воспитанием детей.

Крещен младенец Алексей был ровно через месяц после рождения, в понедельник 7 марта 1904 года в соборе Сампсония Странноприимца, что на Выборгской стороне. До сих пор стоит, вызывая восхищение гостей Северной столицы, этот собор «с вытянутыми главками в стиле редкого Анненского барокко». Возведен он по канону, характерному для древнерусских храмов: с западной стороны пристроены трапезная и многоярусная колокольня с луковичной главкой[5]. На территории собора находится могила одного из российских реформаторов XVIII столетия — Артемия Петровича Волынского. *Не символично ли?*

Восприемниками (крестными) Алеши Косыгина стали знакомые родителей — мещанин города Торжка Сергей

Николаевич Стуколов и «жена крестьянина» деревни Рядка Боровичского уезда Новгородской губернии Мария Ильинична Егорова.

В Петербурге семья Косыгиных обосновалась сначала на Саратовской улице в доме № 29. Жили мирно и тихо. Грозный 1905 год прошел мимо семьи, не задев ее своим кровавым крылом. Но следующий принес в дом Косыгиных огромное горе: скоропостижно скончалась Матрона — любимая мужем жена и обожаемая детьми мама. История сохранила ее фотографию (видимо, еще до замужества): скромный наряд, строгость в лице, спокойствие в глазах… В семейном архиве имеется и фотоснимок неутешного вдовца — Николая Ильича, на котором он запечатлен с тремя детьми — двумя сыновьями и дочерью; последняя, хотя была и старше Алексея, выглядит совсем ребенком. Единственная дочь Николая Косыгина — инвалид с детства, остановилась в своем физическом развитии, оставшись на всю жизнь ростом с подростка, но не переставая быть обожаемой дочерью и сестрой… На фотографии они все грустны и не стараются это скрыть: чувствуется, что всем им не хватает материнского тепла и ласки…

Второй раз Косыгин-старший так и не женился. Всю свою жизнь он посвятил детям. Овдовевшему Николаю Ильичу помогали две незамужние сестры, Прасковья и Мария, и его отец Илья Терентьевич. Он умер там же, в Питере, в 1910 году и похоронен на старом Смоленском (православном) кладбище рядом с могилой невестки. Память о нем Алексей сохранил на всю жизнь. Бывая в 1970-х годах наездами в Ленинграде, он просил директора Эрмитажа провести его по тем залам «старого Эрмитажа», по которым они ходили с дедом[6].

В 1910 году семья Косыгиных поменяла местожительство, переехав в дом № 1/10 на Малой Вульфовой улице (что на Петербургской стороне тогдашней российской столицы)[7].

В 1914 году десятилетний Алексей Косыгин был принят в Петербургское мужское четырехклассное городское смешанное училище (Петербургская набережная, 2–4)[8]. Отец Николай Ильич смог выделить из семейного бюджета 20 рублей в год для обучения младшего сына. Старшему он оплачивал учебу в классической гимназии. Иными словами, *простой рабочий имел возможность дать платное образование своим сыновьям. Удивительно? Нет, для России начала XX столетия ничего необычного…*

В училище принимались дети вне зависимости от социального происхождения, будь то из мещан или крестьян, и вероисповедания, то есть и православные, и католики, и

мусульмане. Программа 4-годичного курса обучения включала в себя русский и церковнославянский языки, чистописание, арифметику, историю и географию, естествоведение, рисование и черчение, гимнастику и пение и, естественно, Закон Божий. Желающим за отдельную плату, 6 рублей в год, преподавали иностранные языки. Алексей учил английский. Особое внимание уделялось устному счету (как говорилось, «счету в уме»). Выявившаяся тогда способность быстро оперировать числами «в уме» помогала Алексею Косыгину всю жизнь.

В «проспекте» училища отмечалось, что «грамота преподается по звуковому методу, по способу одновременного обучения письму и чтению. Постепенное ознакомление со всеми звуками и их изображением на письменном и печатном шрифте, преимущественно по аналитическому обучению». Методика — классическая.

В училище принято было проводить познавательные экскурсии, ставить силами учителей и учеников школьные спектакли по произведениям русских классиков.

Алексей отучился в училище всего три года — до 1917-го, пока две революции не перевернули Россию с ног на голову.

«Великие потрясения» обрушились на страну с Первой мировой войной, однако семьи Косыгина до поры до времени не коснулись. Завод, где работал Николай Ильич, был оборонным, и большинство рабочих, в первую очередь квалифицированные, получали «бронь» от призыва в армию. Однако десятилетний Алексей внимательно прислушивался к разговорам — и дома, и на улице, в «хлебной» очереди, во дворе дома, в классе… Конечно, многое из взрослых бесед понять было трудно, и все же приметы военного времени нельзя было не заметить. Закрывались продуктовые магазины, вводился нормированный отпуск на хлеб и на сахар, приходили «похоронки» на близких и друзей отца. Что происходит в городе, который он так любил, в стране, об истории которой он знал из рассказов учителей?

Февраль 1917 года. Алексею Косыгину исполнилось 13 лет. Спустя неделю после его дня рождения в Петрограде (так с августа 1914-го именовался его город) начались обильныеснегопады, блокировавшие на железнодорожных путях идущие в город составы с зерном. «Хлебные» очереди стали еще длиннее. Через несколько дней, 21 февраля, Алексей стал свидетелем того, как на Петроградской стороне люди, не получившие по карточкам хлеб, громили продуктовые лавки. Тогда же он впервые увидел и поразившие его лозунги: «Долой войну» и «Долой самодержавие», выведенные едва ли не аршинными буквами белой краской на алых кусках материи,

закрепленных с двух сторон на шестах.

23 февраля прекратил работу завод, на котором работал Косыгин-старший; об этом сообщил своим детям сам Николай Ильич, вернувшийся домой буквально через час после начала своей смены. Прекратились и занятия в училище Алексея.

Над Петроградом нависло тревожное ожидание.

Мальчишеское любопытство брало вверх над разумом, хотелось увидеть происходящее самому. Хотя отец строго-настрого запретил выходить из квартиры, разве усидишь дома? Видел Алексей и первые стычки демонстрантов с полицией и казаками, и нескончаемый поток людей утром 25 февраля к центру города, слышал стрельбу и взрывы ручных гранат. А на следующий день стал случайным свидетелем разговоров отца с соседями, финнами по национальности. (О них он тепло вспоминал в начале 1970-х годов, выступая по телевидению Финляндии[9].) Обсуждали, что накануне погибло до сорока человек демонстрантов и более сотни получили ранения. А 27 февраля соседи поведали о мятеже солдат столичного гарнизона и о новых жертвах — уже среди офицеров.

Через несколько дней, 3 марта, отец принес ошеломляющее известие: царь отрекся от престола, власть теперь у Временного правительства. Эйфория перемен заполоняла все вокруг, казалось, самое худшее — позади: не придется больше стоять в очередях за хлебом, можно вернуться в училище, к друзьям и учителям…

Занятия в училище действительно возобновились в самом конце марта, но вот с хлебом становилось все хуже и хуже. 25 марта отец прочитал в газетах, что «вводится государственная монополия на хлебную торговлю, контроль за ценами», «создаются местные комитеты по снабжению продовольствием». Хлеба от этого в Питере, правда, не прибавилось.

23 марта Алексей вместе с отцом и старшим братом шли в траурной процессии на похоронах жертв революции на Марсовом поле, а на следующий день он читал в «Петроградском листке»: «…медленно со всех концов города движутся процессии с гробами жертв, с развевающимися флагами, с несметной толпой народа. Медленно, торжественно раздается в воздухе пение тысячи голосов: „Вы жертвою пали в борьбе роковой…“»

Если бы те жертвы были последними… Настало 4 июля, когда при разгоне демонстрации погибло немало «гражданских лиц». По счастью, отец не пустил тогда Алексея на Невский проспект.

В то лето и осень Николай Ильич приносил домой множество газет — большого и малого формата, бесчисленное количество листовок, которые раздавались на каждом углу. Все это

прочитывалось внимательно, порой вслух. Особенно главу семьи интересовал земельный вопрос (из крестьян же!). Косыгин-старший дважды перечитал предложение Всероссийского съезда крестьянских депутатов (июль 1917-го) о безвозмездной передаче помещичьей земли крестьянам. Следил он и за тем, что говорилось на конференциях заводских комитетов и профсоюзов в Петрограде (все же пролетарий!).

Однако политические новости меркли перед заботами о том, как прокормить сына Алешу и дочь Манечку. Старший, Павел, был уже самостоятелен и сам зарабатывал на жизнь. Мало того, с начала года увлекся революционной деятельностью и даже руководил большевистской ячейкой в Выборгском районе.

Летом 1917-го «Завод Лесснера» перестал выпускать военную продукцию. И хотя зарплата вроде увеличивалась («спасибо» печатному станку), цены на «черном рынке» росли быстрее, а покупать продукты больше было негде.

Особенно поволновался Николай Ильич, когда в конце августа прошло сообщение о движении на Петроград «Дикой дивизии», перед которой бывший военный министр Лавр Корнилов поставил задачу «покончить с революцией». Соседи по дому тревожно судачили о новой неминуемой крови. Однако всего через четыре дня после этих известий, 1 сентября, страсти по генералу Корнилову улеглись, и *обыватели вернулись к извечному вопросу: чем накормить детей?*

В конце октября в доме на Малой Вульфовой уже открыто говорили, «что большевики вот-вот возьмут власть». Ко всеобщему удивлению, «взятие» ее и свержение Временного правительства прошли как-то незаметно, едва ли не буднично: 25 октября, вечером, в Петрограде, несмотря на спорадическую стрельбу и передвижение на большой скорости машин с вооруженными людьми (и к тому, и к другому за 1917 год жители столицы уже привыкли), работали театры, кинематографы, по набережным гуляла публика…

Алексей, как обычно, лег спать ровно в 10 часов вечера, а утром в 8 часов проснулся уже при новой власти, выстрел с «Авроры» его не разбудил.

И вновь заботы о насущном хлебе: в ноябре дневной хлебный паек в Петрограде составлял всего 150 граммов, все остальное — на рынке…

Отец надеялся, конечно, что все нормализуется. Особенно он вдохновился после принятия «положения о рабочем контроле» и декрета о страховании от потери работы, но надеждам не суждено было сбыться. В марте 1918-го Николай Иванович остался без работы, а семья — без средств к существованию. А в апреле

петроградцы получали уже полфунта на два дня, то есть по 100 граммов хлеба в день[10].

Летом того года семье Косыгиных как-то удалось «перебиться». Манечку и своих сестер отец отправил на родину — в деревню Коломенского уезда. Но осенью 1918-го Петроград медленно вымирал. К весне 1919 года продовольственная ситуация стала и вовсе невыносимой. Смертность составила более 60 человек на тысячу жителей. Это в три раза больше, чем в 1918 году. В 1920-м смертность возросла в сравнении с предыдущим годом еще втрое…

Сами Косыгины воспоминаний о том времени не оставили, но представить, что пережили они в самый сложный для города 1919 год, можно по мемуарам очевидцев. Те вспоминали, что жизнь в Питере стала совершенно «невыносимой» — ни продовольствия, ни топлива. Умирали от голода, цинги, холода. Смерть воспринималась как спасение…

Власти или не хотели ничего делать, или элементарно не были в состоянии исправить положение. Их — властей — задача была удержаться «у кормила», а гражданское население — все вторичное… спасать себя должно само.

Население Питера… Люди падали от голода, но на помощь никто не приходил. Вот если падала лошадь, тогда другое дело, тут же вокруг собиралась толпа и — собаки, тоже претендующие на конину… В домах холод, топить нечем, все что можно уже сожгли, не работают ни водопровод, ни канализация.

Здоровых не осталось: тиф, цинга, туберкулез — вечные спутники революций и войн. Недоедание усугубляет болезни: «сходят ногти, слабеет зрение, лица землистого цвета, покрываются пухом, а тело — нарывами».

О Т Р У К У I6.

С в е д е н и я

личном составе служащих I-го участка I6-го Военного Строительства к 25-му Марта I920 года

№ по пор.	Имя, отчество и фамилия	Должность	Время назначения на должность.	Примечание
.	ФЕДОСЕЕВ Евгений Дмитриевич	врид Стапро	I6 апр.пр. № I30	
.	КАЛУГИН Иван Николаевич	млапро	пр. I4I или I42	
.	ТЕПЛОВ Владимир Дмитриевич	"	5 марта 20 г. № 66	
.	РЕЙЗМАН Петр Николаевич	помлапро	I5 июня пр. № I68	
.	СИССКИЙ Сергей Алексеевич	врид млапро	I7 мая пр. I37	
.	КАЛУГИН Николай Николаев.	техник	пр. I4I или I42	
.	БИГАЛЕВ Леонид Алексеевич	"	23 июля пр. 2I2	
.	ЛЬВОВ Владимир Яковлевич	"	22 дек. пр. 370	
.	ЯКОВЛЕВ Алексей Яковлевич	"	пр. I4I или I42	
0.	ДЕМИДОВ Иван Петрович	"	I0 февр.20 г.пр. 4I	
I.	ГРИГОРЬЕВ Иван Васильевич	десятник	29 окт.пр. 3I4	
2.	СЕМЕНОВ Николай Александр.	"	8 июля пр. I87	
3.	Шарапов Иван Иванович	"	9 дек.пр. 366	
4.	МИТРОФАНОВ Александр Фомич	"	24 апр. пр. III	
5.	СТРЕЕОВ Матвей Иванович	"	29 окт.пр. 3I4	
6.	ИВАШИН Иван Михайлович	"	25 ноябр.пр. 340	
7.	СУОЯНЕН Филипп Матвеевич	табельщик	I5 дек.пр. 362	
8.	ВИРКЛАНД Семен Иванович	"	8 июня пр. 287	
9.	ШЕНФЕЛЬД Гергард Карлович	"	I дек. пр. 353	
0.	РОНИС Виктор Фердинандович	делопроизв.	I8 янв.пр. 2I	
I.	МИНИН Иван Васильевич	отв.контора.	25 янв.пр. 25	
2.	СКИНКЕР Федор Иванович	письмоводит.	I июня пр. I65	
3.	КРАФ Амалия Яновна	"	I2 сент. пр. 265	
4.	ГУЛЬГИС Стефан Иосифович	"	I4 ноябр.пр. 362	
5.	ДРАНИШНИКОВА Серафима Алекс.	"	6 дек.пр. 353	
6.	ОБЫСОВА Ирина Николаевна	телефонистка	8 июня пр. I87	
7.	ЛАВРЕНТЬЕВА Анна Ивановна	" "	6 дек. пр. 353	
8.	АВВИ Оскар Янович	"	23 янв.пр. 29/20 г/	
9.	КИССЕЛЬ Антон Антонович	"	27 февр. пр. 59/20 г./	
0.	ЛЕБЕДЕВ Никита Павлович	отв. кладовщ.	I2 мая пр. I3I	
I.	ВОРОНИН Александр Петрович	" "	8 июля пр. I93	
2.	ЛЕМЕШОВ Николай Андреевич	" "	I6 мая пр. I36	
3.	ОРЛОВ Александр Дмитриевич	" "	25 сент. пр. 280	
4.	ФЕДОРОВ Юрий Владимирович	чертежник	I8 янв.пр. I8	
5.	ХЕЙНОЛАЙНЕН Александр Осипович	надск.телеф.	29 апр.I49	

36. БАЧЕЗ-БЫКОВ В.А. Лекарск.помощ. 21 марта 1920 г.пр.84

37. ЕГЕРЕВ Василий Архипович Посыльный 29 марта пр. [illegible] 103

38. РОГОЗИНА Таисия Яковлева уборщица I февр. пр. 31

38-а КУЗЬМИН Владимир Алексеевич кассир

ПРОД.ЧАСТЬ.

---

39. ТРАВНИКОВ Павел Николаев. прод.агент

40. СИМОНЕН Петр Янович кассир

41. ВАЙШНЕР ЕленаИвановна счетовод

42. РЕДЛИН Иван Артурович письмоводит.

43. ГОЛУБЕВ Михаил Яковлевич зав.складом

44. БАСЕВИЧ Викентий Францевич служитель

45. КАЛАШНИКОВ Дмитрий Алексна "

46. ФАСОНОВ Александр Семенович "

47. КОСЫГИН Алексей Николаев. посыльный

48. СОЛОВЬЕВА Ольга Алексеевна уборщица

49. Зам. ГЛАЗУНОВ Алексей Васил. зав. лавкой № 2

50. ЩЕРБАКОВ Александр Петрович " " № 3

51. ПЕТРОВ Владимир Петрович " " № I

52 ЗЯБЛОВ Всеволод Алексеевич конторщик

53. ПАНОВА Анастасия Александр. "

№ 785

24/III 20

Сведения о личном составе служащих 1-го участка 16-го военного строительства к 25 марта 1920 года. В «Прод. часть» под № 47 — «Косыгин Алексей Николаевич, посыльный». [РГВА. Ф. 15123. Оп. 3. Д. 8. Л. 120–120 об.]

По вечерам Питер погружался в беспросветную темноту. Электричества не было, свечи и спички стоили так дорого, что не каждый мог себе позволить такую роскошь. Все городское производство остановилось, росло количество нищих. Все это сказывалось на психике петроградцев. Резко, в разы, увеличилось количество потерявших рассудок, выросло количество самоубийств[11]. Люди не знали, что делать.

На семейном совете семьи Косыгиных обсуждался тот же вопрос. *Что делать?*

Выход, довольно неожиданный, был найден.

Старший из детей Косыгиных, Павел, уже служил в Красной армии. В части особого назначения поступил в сентябре 1919-го и Николай Ильич. Благодаря усилиям отца и старшего брата удалось попасть в армию и 15-летнему Алексею, который воинскому призыву по возрасту не подлежал. Но иного спасения от голода и цинги не было. С ноября 1919-го он служил в 7-й армии Рабоче-крестьянской Красной армии, которая еще не остыла от боев под Гатчиной и Ямбургом против частей и подразделений Северо-Западной армии белых. Сам он в боевых действиях не участвовал — не довелось.

Тартуский мирный договор, заключенный 2 февраля 1920 года с Эстонией, означал окончание боевых действий на северо-западе Советской России. Ровно через неделю, 10 февраля 1920 года, 7-я армия была переименована в Петроградскую революционную армию труда. Алексей Косыгин числился посыльным при продовольственной части 1-го участка 16-го военно-полевого строительства[12], затем — конторщиком продовольственного отделения 61-го военно-полевого строительства этой трудовой армии[13]. «Должности», по сути, мирные. Что интересно, в анкетах, заполненных позже — и в 1920-е, и в 1930-е годы, Косыгин никогда не акцентировал внимание на армейских «должностях», указывая просто — «*служил добровольцем в Красной армии*».

Свободного времени у молодого красноармейца Косыгина было предостаточно, хотелось заполнить его любимым занятием — чтением. Однако книг не хватало, главным источником информации служила газета «Боевая правда», издание политического отдела 7-й армии.

Публикации касались не только военных, но и гражданских дел. Майский выпуск 1920-го весьма объективно, хоть и с непременным пропагандистским налетом, излагал причины и

последствия хозяйственной разрухи в стране и пути ее преодоления.

Ситуация выглядела таким образом:

«Два с половиной года войны с империалистами не дали нам возможности приняться за созидательную работу.

Промышленность наша, разрушенная до основания буржуазным правительством за время империалистической войны, лишенная лучших рабочих, занятых самообороной, и основных источников сырья, опиравшаяся на разрушенный транспорт, должна была прийти в полное расстройство.

Сокрушив внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, и вернув себе источники сырья и топлива, пролетариат впервые получает возможность строить свое хозяйство.

Центральным вопросом для возрождения экономической жизни Советской России является приведение в порядок нашего транспорта.

Железные дороги сильно пострадали во время империалистической и гражданской войны. В связи с этим возрастал из года в год процент больных паровозов и вагонов…

Транспорт не может справиться с задачами, встающими перед ним. Он не может перевезти хлеб, ссыпанный на пунктах, доставлять хлопок, металл, уголь и проч. Из 300 миллионов пудов хлеба, ссыпано к началу 1920 года около 60–80 миллионов пудов (то есть около 20–25 %), а вывезено около 10–12 миллионов пудов, то есть около 3–4 %. Страна сильно страдает из-за неполучения хлеба, сырья, топлива и пр. Фабрики останавливаются, рабочие разбегаются.

Основным вопросом является снабжение железных дорог дровами и усиленный ремонт подвижного состава.

В то же время необходимым является усиление погрузки и выгрузки вагонов. Суточная разгрузка в Москве составляет около 150–170 вагонов, а станции забиты (около 1000 вагонов, которые разгрузить нельзя).

Ремонт паровозов вполне возможен. Необходимо для этого усилить работу заводов по изготовлению запасных частей, которых сильно не хватает, дать некоторое количество новых паровозов, но главное — ремонтировать их повсеместно.

Нельзя питать преувеличенных надежд на снабжение подвижным составом со стороны западноевропейских государств, так как они сами сильно пострадали во время войны. Само заключение мира с Советской Россией служит признаком экономического кризиса в странах Антанты. Конкретно можно рассчитывать в ближайшем будущем на получение 300–400 паровозов из Америки, проданных Соединенными Штатами

России еще до Февральской революции и не полученных до сих пор, и на ремонт 500–600 паровозов в год в Эстонии.

Главную часть работы должны проделать сами рабочие Советской России. Работа необходима в трех направлениях: улучшение и ремонт подвижного состава, ремонт путей и усиление нагрузки и выгрузки.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Напрасные труды.

Париж. 5 сессия Совета Лиги Наций откроется в Риме 14 мая. Главнейшие, вопросы, которые будут обсуждаться Советом, следующие: подготовление к 1-му собранию, бюджет Лиги, устав Лиги и учреждение постоянной комиссии для изучения вопроса по всеобщему разоружению.

Забастовка во французских портах продолжается.

Сообщения, полученные из главных французских портов и железнодорожных центров, показывают, что положение создано благодаря частичной забастовке железнодорожников, портовых рабочих и рудокопов мало изменилось.

В департаменте Па-де-Кале рудокопы-матросы и портовые рабочие продолжают бастовать. На железных дорогах движение происходит нормально. Несколько экстремистов арестовано и некоторые служащие уволены железнодорожной администрацией.

В Польше рабочих не задуют.

После ряда обысков и арестов среди рабочих Ченстохова полицией закрыты центральное бюро профсоюзов и рабочая столовая.

Благодаря усиленным ходатайствам и хлопотам столовую разрешили вновь открыть под условием не устраивать в ней никаких собраний Польская газета сообщает, что министерство внутренних дел отменило постановление о выдаче субсидий рабочим столовым в Ченстохове.

По Красной России

Налаживают народную связь.

Отремонтированные от жел. дороги промышленные и лесные уезд ные центры Валдай и Крестцы соединяются с Новгородом телефоном. Подготовительные работы уже начались.

Трудовая повинность молодежи.

Камышинский с'езд молодежи организует ударные трудовые отряды и вводит трудовую повинность учащихся.

Первомайский засев полей.

Около Зменного рока Курин ская ячейка Р. К. П. ознаменовала 1 мая началом работ по засеву полей бедных и сирот и починке дорог и мостов. Союз молодежи произвел посадку сада.

Ремонт вагонов.

Главные уроченские мастерские за апрель выпустили из ремонта и технического осмотра 100 вагонов, из случайного ремонта 89, из крупного 36, оборудовано вспомогательных 5, служебных 3, пассажирских вагонов из технического осмотра выпущено 8, оборудовано 6.

Рабоче-крестьянский 1-майский субботник.

В Иркутске на первомайском субботнике было зарегистрировано участников около 12.000 чел., причем в это число не вошли: красноармейцы, железнодорожники, а также женская секция, которая работала в этот день в мастерских и лазаретах.

Работа всюду была проведена с неизбывающейся ранее интенсивностью. В военный городок на склады подъездного пути явились крестьяне, благодаря помощи которых была произведена не только очистка, но и укладка рельс на протяжении 1 версты.

Что нам нужно ввозить из-заграницы?

Советская делегация во главе с тов. Красиным находится в настоящее время заграницей. Путем непосредственных переговоров с правительствами европейских государств она должна установить время и условия восстановления товарооборота между ними и Россией.

Пусть в данный момент в связи с наступлением Польши и отказом Финляндии от перемирия в международном положении работе-крестьянской России произошло ухудшение,—все же несомненно, что возобновление торговых сношений с Европой и Америкой вопрос ближайшего будущего.

Поэтому Советская Россия должна быть во всеоружии и точно знать, что нам нужно в первую голову получить от капиталистической Европы.

В чем же больше всего нуждается наша обедневшая и разоренная страна?

До войны ежегодно в среднем за четырехлетие 1910—1913 годы Россия ввозила из-заграницы разных товаров на сумму 1.198, миллионов рублей.

Этот ввоз по отдельным группам товаров распределялся следующим образом: пищевые продукты и животные всякого рода 224,3 миллиона рублей, сырье и полуобработан. материалы 582,8 миллиона руб. и готовые изделия 390 9 миллиона рублей.

Таким образом больше всего ввозилось в России сырых и полуобработанных материалов—на долю их приходилось 82% всего ввоза, затем идут готовые изделия и наконец уже пищевые продукты.

Как ни бедна Советская Россия пищевыми продуктами и разными готовыми изделиями, все же совершенно очевидно, что и в настоящее время нам в первую голову нужно ввозить сырье и полуобработайные материалы. Не считая, конечно, машин, ввоз которых абсолютно необходим для восстановления нашего хозяйства.

После же машин и станков по значению для восстановления нашей промышленности на первом месте стоят сырье и полуобработанные материалы, куда входит также и топливо.

Ввозя из-заграницы сырье и полуобработанные материалы, мы получим столь необходимое для нашей промышленности сырье и топливо.

На первом месте среди этих сырых материалов должны находиться хлопок, шерсть, тяжелые сорта кожи, уголь, свинец, медь, олово и т. д.

Получив машины, сырье и топливо мы будем иметь возможность усилить работу по восстановлению нашей промышленности, столь страдающей от их недостатка.

Итак, наши усилия должны быть направлены на ввоз изза границы преимущественно того, что будет питать нашу промышленность, помогая ей стать на ноги.

Результаты такой политики не замедлят сказаться: скоро мы будем иметь продукты, собственного производства.

Советская Россия поступает, как разумный хозяин, который готов перенести некоторое время лишения с тем, чтобы их ценою улучшить свое хозяйство.

Н. Вас.

Материалы к неделе фронта труда.

(Тезисы Главкомтруда для агитации на фронте труда).

1. Два с половиной года войны с империалистами не дали нам возможности приняться за созидательную работу.

2. Промышленность наша, разрушенная до основания буржуазным правительством за время империалистической войны, лишенная лучших рабочих, занятых самообороной, и основных источников сырья, оприкрашася на разрушенный транспорт, должна была придти в полное расстройство.

3. Сокрушив внутреннюю и внешнюю контр-революцию и вернув себе источники сырья и топлива, пролетариат впервые получает возможность строить свое хозяйство.

4. Центральным вопросом для возрождения экономической мощи Советской России является приведение в порядок нашего транспорта.

5. Железные дороги сильно пострадали во время империалистической и гражданской войны.

6. В связи с этим возрастал из года в год процент больных паровозов и вагонов (нормально 16—17% больных паровозов и 3—4% больных вагонов).

В 1917 году процент больных паровозов—22—24, к началу 1918 г. 25% и к концу 1918 г.—47%, в 1919 г.—52—56% к началу 1920 г. 60%. На некоторых дорогах этот процент еще выше. Напр. на Муромской—69% Северной 65% Южных—75%, Александровской 88%, Юго-восточных—85%.

7. В такой же степени ухудшилось и положение с нашим вагонным парком: в 1918 г. было 16% больных вагонов, к началу 1920 г.—около 20%.

8. Суточная работа всей сети по погрузке и выгрузке сильно сократилась: в 1916 г. она составляла от 75.000 до 90.000 вагонов в месяц, в 1918 г. колебалась между 9.000 и 50.000 вагонов, в 1919 г. и в 1920 г. колебалась от 13.000 до 17.000 вагонов в месяц, т. е. уменьшилась в 4—5 раз.

9. Транспорт не может справиться с очередными задачами, встающими перед ним. Он не может перевезти хлеба, скопившегося на ригах, доставить хлопок, металл, уголь и проч.

10. Из 300 милл. пудов хлеба свезено к началу 1920 г. около 60—80 милл. пудов (т. е. около 20—25% разверстки), а вывезено около 10—12 милл. пудов, т. е. около 3—4% разверстки. С момента занятия Урала вывезено всего только один маршрут с металлами, из Туркестана — 2 маршрута с хлебом, очень мало из Донецкого бассейна и т. д.

11. Страна сильно страдает из-за неполучения хлеба, сырья, топлива и пр. Фабрики останавливаются, работие разбегаются.

12. Основным вопросом является снабжение железных дорог дровами, запас которых собран на 4—5 месяцев, и усиленный ремонт подвижного состава.

13. В то же время необходимым является усиление погрузки и выгрузки вагонов. Суточная разгрузка в Москве составляет около 150—170 вагонов, а станции забиты (около 1000 вагонов, которые разгрузить нельзя.)

14. Ремонт паровозов вполне возможен (примеры: усиленный ремонт в течение недели транспорта на Никополь-ской и Муромской жел. д.), маршруты, работы тружданики на Казанбургской ж. д. и Юго-Восточн. — процент больных паровозов сократился с 85% до 70—65% (за месяц работы).

15. Ремонт паровозов вполне возможен. Необходимо для этого усилить работу заводов по изготовлению запасных частей, которых сильно нехватает для движения, дать некоторое количество новых паровозов, но главное—реконструировать их повсеместно.

16. Нельзя питать преувеличенных надежд на снабжение подвижным составом со стороны западноевропейских государств, т. к. они сами сильно пострадали во время войны (сокращение добычи угля и выплавки металла 1918—1919 г.г. в Англии на 20% Франции на 30%, Германии на 25—30% и т. д.).

17. Самое заключение мира с Советской Россией служит признаком экономического кризиса в странах Антанты.

18. Конкретно можно расчитывать в ближайшем будущем на получение 300—400 паровозов из Америки, завладевших Соединенными Штатами России еще до февральской революции и не полученных до сих пор, и на ремонт 500—600 паровозов в год в Эстонии.

19. Главную часть работы должны проделать сами рабочие Советской России.

20. Работа необходима в трех направлениях: улучшение и ремонт подвижного состава, ремонт путей и усиление нагрузки и выгрузки.

21. Жел. дороги, особенно в районе гражданской войны, страшно износились, взрывы мостов, повреждение линий и проч.—Сызранский мост, Камский, Двинский (близ Екатеринослава) и сотни мелких—необходимо их чинить. Снесены рельсы, запахано полотно и т. д.

22. При половодье неизбежен размыв полотна и мостов—при вести их в порядок.

23. Усиление производительности труда возможно (пример: субботники, недели фронта, повышение обычной производительности на 100—200% и больше).

24. Одновременно с работой по транспорту нужно нажать на фронтах разрухи повсеместно: на каждой фабрике, в каждом заводе необходимо поднять производительность. Чем скорее мы наладим производство и транспорт, тем больше будем получать хлеба, мяса и других средств жизни, тем скорее мы выйдем из общей разрухи.

25. В неделю труда коммунисты должны быть в первых рядах. От их мужества и их примера зависит многое. Все честные рабочие поддержат их. Разруха будет побеждена.

Политический отдел 7-й армии.

Боевая правда. 9 мая 1920. [Из открытых источников]

Железные дороги, особенно в районе гражданской войны, страшно износились, взрывы мостов, повреждение линий и проч. Необходимо их чинить, привести их в порядок.

Одновременно с работой по транспорту нужно нажать на фронтах разрухи повсеместно: на каждой фабрике, в каждом заводе необходимо поднять производительность. Чем скорее мы наладим производство и транспорт, тем больше будем получать хлеба, мяса и других средств жизни, тем скорее мы выйдем из общей разрухи. В неделю труда коммунисты должны быть в первых рядах. От их мужества и их примера зависит многое. Все честные рабочие поддержат их. Разруха будет побеждена»[14].

Документ, который приведен здесь с небольшими сокращениями, вполне объясняет, почему строевую армию переформировали в трудовую. Гражданская война близилась к окончанию, и было ясно, кто победитель, однако выстоять без восстановления национального хозяйства республика не могла.

Время сохранило нам два фотоснимка 1919 года. На одном — Николай Ильич Косыгин в военной форме, удивительно молодцеватый и бравый для своих 50 лет (возраст уже непризывной). Наверное, сказывалась прежняя военная служба. На втором снимке запечатлен 15-летний Алексей Косыгин — в застиранной гимнастерке, слегка помятой фуражке полувоенного образца. Грустный взгляд и совсем не боевой вид; видно, что армия и военная служба — не его выбор.

Демобилизовался Алексей в марте 1921 года. В анкетах он указывал, что был демобилизован «*как не достигший призывного возраста*»[15]. Видимо, не один кадровик ломал голову над загадкой, как же его принимали добровольцем в армию за полтора года до этого.

В том же 1921-м, осенью, с военной службы вернулись и Николай Ильич, и старший брат Павел, а из деревни, где начинался голод, — сестры отца и дочь. Вновь все Косыгины объединились на Малой Вульфовой.

С П И С О К

Личного состава сотрудников 61-го Военстро по состоянию на 1-ое Января 1921 года.

№ по пор.	ДОЛЖНОСТЬ, ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО.	ОТМЕТКИ.
	УПРАВЛЕНИЕ:	
I.	~~Отдельный Руководит. Работ~~ **НАЙГОЗИН, Иван Иванович**	
2.	Военный Комиссар **БУНАКВ, Михаил Иванович**	
3.	Помощник Отдельного Руковод.Работ **СТЕПАНОВ, Иван Павлович**	
4.	Заместитель Военного Комиссара **КУЛАКОВ, Иван Иванович**	
5.	Старший Врач	
6.	Младший Врач	
7.	Ветеринарный Врач	
8.	Уборщик **ПРУССКАЯ, Елена Агаповна**	
	Письмоводитель III-го уч-ка **ПОПЕЛИШЕВА, Татьяна Васильевна**	прикомандирована секретарь военкома
	I.СТРОИТЕЛЬНО-ИНСПЕКТОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:	
9.	Начальник Отделения **ДЕМИДОВ Евгений Сергеевич**	
I0.	Делопроизводитель **АЛЕКСАНДРОВ, Владимир Иванович**	
II.	Чертежник **КОВАЛЕВСКИЙ, Николай Алексеевич**	
I2.	Чертежник	
I3.	Чертежник **ГАУШ, Георгий Александрович**	
I4.	Чертежник **ДАНИЛОВ, Михаил Иванович**	
I5.	Журналист **ЛЕОНОВ**	с I2/XI в 2-хмесячн.отпуску.
I6.	Письмоводитель **ДРУНЕНКО, Анастасия Гавриловна**	
I7.	Письмоводитель **АЛЕКСЕЕВА, Серафима Федоровна**	
I8.	Письмоводитель **ШВАН, Эдвиг Павлович**	болен, отправлен в г. Петроград 3/XII.

№ № по пор.	ДОЛЖНОСТЬ, ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО.	Отметки.
92.	Повозочный	
93.	Повозочный	
94.	Повозочный	
95.	Повозочный	
96.	Повозочный	
	ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:	
97.	Ответствен. конторщик СМИРНОВ, Петр Иванович	
98.	Конторщик КОСЫГИН, Алексей Николаевич	
99.	Ответствен. артельщ.-кладовщ. СУВОРОВ, Петр Федорович	
I00.	Ответствен. артельщ.кладовщ. НЕУПОКОЕВ, Василий Савельевич	
I0I.	Ответствен. артельщ.кладовщ.	
	III-ий у ч а с т о к :	
I.	Старший Производит. работ ДАНИЛОВ, Николай Иванович	болен с 23/XII.
2.	Военный Комиссар	
3.	Техноруководитель ЯНСОН, Эдуард Иванович	
4.	Чертежник КУРОЧКИН, Николай Александрович	
5.	Лекарский помощник	
6.	Аптекарский помощник ВАСИЛЬЕВ, Николай Дмитриевич	
7.	Ветеринарный фельдшер	
8.	Мл. производит. работ ЧИКВЕЛИДЗЕ, Борис Всеславович	на работах в Морведе.
9:	Мл. производитель работ ДОБРОВ, Владимир Иванович	
I0.	Мл. производит. работ ВОСКРЕСЕНСКИЙ, Михаил Владимирович	
II.	Пом мл. производит. работ ПУТЯТА, Ал-дар Николаевич	
I2.	Пом. мл. производит. работ ПАКАВКИН Алексей Ильич	
I3.	Пом. мл. производит. работ ЕУКИН, Иван Дмитриевич	
I4.	Пом . мл. производит. работ	
I5.	Пом. мл. производит. работ	
I6.	Пом . мл. производит. работ	

Список личного состава сотрудников 61-го Военстроя по состоянию на 1 января 1921 года. По «Продовольственному отделению» под № 98 числится «конторщик» Косыгин Алексей Николаевич. [РГВА. Ф. 33594. Оп. 1. Д. 12. Л. 63, 68 об.]

Учеба: кооперативный техникум

Еще готовясь к демобилизации, молодой боец трудармии задумывался, чем займется «на гражданке». Чем зарабатывать на хлеб насущный, какую профессию выбрать?

Увлечение математикой в училище, служба конторщиком в хозяйственном отделе армии намечали некий туманный путь в будущее. Было уже ясно, что «красногвардейская атака на капитал» завершена. Весной 1921 года X партийный съезд большевиков объявил о переходе от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Восстанавливались свободный рынок, товарно-денежные отношения. В письмах к отцу весной — летом 1921-го Алексей рассуждал — конечно, в силу своего возраста и своих знаний — о перспективах для людей, сведущих в экономике и в отдельных ее отраслях, в финансах и хозяйственном управлении. Потребуются те, кто в состоянии не только производить товар, но и организовать всю цепочку от снабжения до сбыта. Это называется — управлять производственным процессом.

Уже тогда, в 1921-м, постоянно звучала тема *кооперации. Она должна была стать тем звеном, с помощью которого удалось бы вытянуть из экономического кризиса всю хозяйственную систему страны.* Об этом говорил и сам председатель Совнаркома Ленин, пользующийся в красноармейской среде высочайшим авторитетом.

Время военного противостояния с капиталистическим миром подходило к концу. Большевики стремились возобновить и расширить торговлю с западноевропейскими странами — вчерашними интервентами. Машины и станки, сырье и полуфабрикаты, даже топливо приходится ввозить из-за рубежа, экономика России в руинах. Начинается восстановление деловых контактов с западными промышленниками. Еще год назад «Антанта» служила главным образом врага в большевистской пропаганде. Но «времена и нравы» менялись со скоростью калейдоскопа. И вот уже виднейшие большевистские руководители ищут контактов с представителями капиталистического мира.

Алексей Косыгин сдержанно слушал тех, кто задавался горьким вопросом: «За что боролись?» — и, не находя ответа, обвинял партийное руководство в предательстве революции, ее идеалов. Он слышал эти разговоры и среди неоперившейся молодежи, и между «рядовыми партийцами со стажем».

И все чаще и чаще подмечал, что о восстановлении контактов

с западными странами стали говорить больше, чем о боевых действиях. Реляции с фронтов отходили на второй план, уступая место известиям об успехах советской дипломатии и сообщениям о налаживании внешней торговли…

На исходе лета 1921 года внимание Алексея привлекло развернутое сообщение о новых военно-хозяйственных курсах. Их создавали для подготовки «молодых людей из числа товарищей красноармейцев на различные должности по хозяйственной отрасли». Ведение отчетности, делопроизводства, «широкое ознакомление со всем военно-хозяйственным аппаратом». Преподавательский персонал — «особо опытные в военно-хозяйственном деле лектора».

Принимались командируемые из воинских частей красноармейцы, а также «частные лица», имеющие рекомендацию двух членов Российской коммунистической партии. Требуемое образование — на уровне школы IV ступени.

Занятия ежедневные, с 8 часов вечера, «так как преподавательский персонал днем был занят на службе в различных военных учреждениях», а сами курсанты днем обязаны были отводить время на самостоятельные «практические занятия», на строевое учение и гимнастику, на «посещение музеев, выставок и т. д.».

Срок обучения для счетоводов и делопроизводителей определялся в 13 1/2 недель, для переписчиков и каптенармусов 12 недель; возраст для поступления на курсы — с 18 до 26 лет.

Курсанты обеспечивались общежитием, всеми видами довольствия на правах красноармейцев. Выпускники «подвергались испытаниям и получали аттестаты». Подчеркивалось, что на них «возлагаются особо большие надежды»[16].

Алексей Косыгин мог в очередной раз подосадовать на возраст, но понимал: курсы не единственные в Петрограде, да и красноармейский «стаж» более года многое значит.

Косыгин-старший, желая дать образование сыновьям, не ограничивал их в самостоятельном выборе. Конечно, Николай Ильич втайне мечтал, что сыновья станут такими же «кадровыми» рабочими, как и он сам, если не на родном его «Новом Лесснере», то на другом предприятии. Рассчитывал совершенно оправданно. 1921 год стал отправной точкой для восстановления питерских промышленных гигантов, процесса длительного, болезненного, но неуклонного. Нехватка профессиональных рабочих кадров ощущалась как никогда остро, оставаясь одной из главнейших проблем и Петрограда, и всей страны.

Однако ни старший, ни младший из сыновей Николая Ильича

к станку не спешили. *Оба стремились получить образование и профессию, не только востребованную на данный момент, но и дающую перспективу на будущее. Надежды на профессиональный и карьерный рост, материальное благосостояние нисколько не зазорны для молодых людей в любые времена*.

Старший из сыновей, Павел, в 1921–1923 годах был слушателем Петроградского сельскохозяйственного техникума, следующие два года — электротехнических курсов. В 1926–1927 годах работал монтером завода «Русский дизель», однако уже в начале следующего года пошел «наверх». О нем мы еще расскажем.

Младший брат, демобилизованный в апреле 1921 года, поступил на Северные областные продовольственные курсы Петропрофобра. Через год их переименовали во Всероссийские продовольственные курсы Наркомпрода, затем — в Петроградские кооперативные курсы[17], а осенью 1922 года преобразовали в Кооперативный техникум Всероссийского центрального союза потребительского общества[18]. Техникум располагался практически в центре Питера, на проспекте 25 Октября, 33. Заведовал курсами известный кооператор и педагог Н. А. Виноградов.

15 июля 1922 года Алексей Косыгин подал заявление о зачислении (на самом деле — переводе с курсов того же Центросоюза) в кооперативный техникум. В анкете свое желание он *обосновал в духе времени*:

«Желаю работать в кооперации, так как она освобождает рабочих и крестья[н][19] от капитализма»[20].

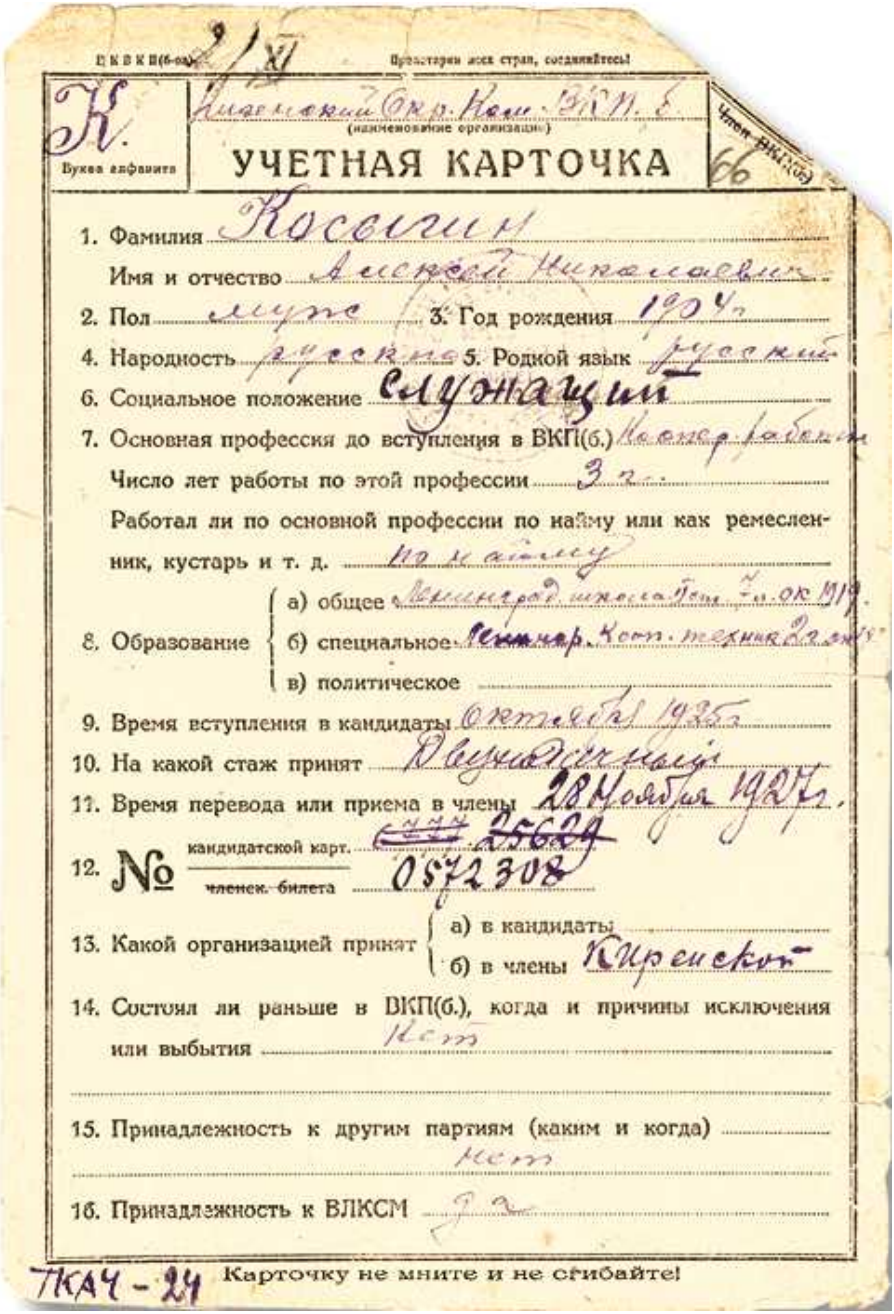
В 1970-е годы Косыгин объяснял свое решение более пространно, но идеологически выверенно: «Если бы не ленинские слова [„Кооперация — путь к социализму“] и не тот громадный резонанс, который они вызвали в сознании миллионов граждан, я бы никогда не пошел в кооперативный техникум, поскольку торговля, потребительская кооперация были мне до этого совершенно не интересны»[21].

Да, далек был Алексей Николаевич от революционной романтики в 1970-е…

Между тем, требования к поступавшим предъявлялись весьма серьезные: знание советской конституции и политэкономии, истории «классовой борьбы в России и на Западе», естествознания, минералогии и геологии, физики, химии, счетоводства, теории и истории кооперации, математики[22].

Рассчитывая попасть на первый курс, наш герой был приятно удивлен, что с 1 сентября 1922 года его зачислили сразу на 2-й курс льнопенькового отдела техникума. На учебу туда поступило

еще 30 человек[23].

ВКП(б) 2/XI Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К. Буква алфавита

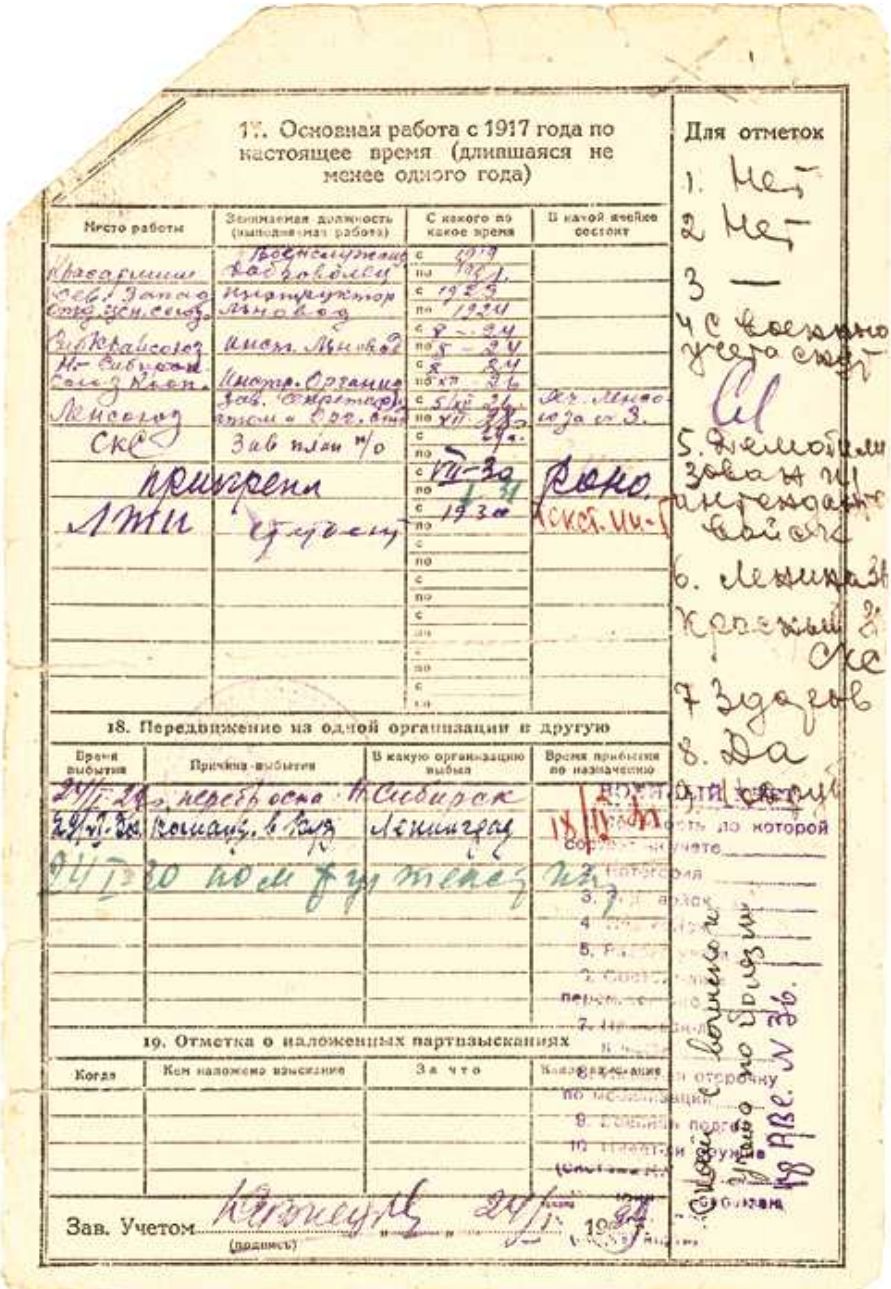
Ленинский Окр. Ком. ВКП. б. (наименование организации)

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

Член ВКП(б) 66

1. Фамилия Косыгин
   Имя и отчество Алексей Николаевич
2. Пол мужс 3. Год рождения 1904
4. Народность русская 5. Родной язык русский
6. Социальное положение служащий
7. Основная профессия до вступления в ВКП(б.) Мастер фабрики
   Число лет работы по этой профессии 3 г.
   Работал ли по основной профессии по найму или как ремесленник, кустарь и т. д. по найму
8. Образование
   а) общее Петербург. школа 1 ст. 1 г. ок 1919.
   б) специальное Техник. Ком. техникум 2 года
   в) политическое
9. Время вступления в кандидаты октябрь 1925 г.
10. На какой стаж принят Двухмесячный
11. Время перевода или приема в члены 28 ноября 1927 г.
12. № кандидатской карт. 25629 / членск. билета 0572308
13. Какой организацией принят
    а) в кандидаты
    б) в члены Кировской
14. Состоял ли раньше в ВКП(б.), когда и причины исключения или выбытия нет
15. Принадлежность к другим партиям (каким и когда) нет
16. Принадлежность к ВЛКСМ да

ЛКАЧ - 24 Карточку не мните и не сгибайте!

17. Основная работа с 1917 года по настоящее время (длившаяся не менее одного года)

Место работы	Занимаемая должность (выполняемая работа)	С какого по какое время	В какой ячейке состоит
Красный Путь	Веснослужащий	с 1919	
Сев. Запас. Отд. Зап. Фронта	Инструктор	с 1923	
Сибкрайсоюз	Инстр. Льновод	с 8-24 по 5-24	
Ин-т Сибкрестьянства	Инстр. Организатор	с 5-24 по XII-26	
Ленсовет	Зав. Секретариатом, потом Отд. Нар. Обр.	с 5 XII 26 по XII 27	Ст. Ленсовета с 3.
СКК	Зав план т/о	с 1-28 по	
прикреп		с VII-30 по	Роно.
ЛТИ	Студент	с 1930 по	Ленсов. Ин-т
		с по	
		с по	
		с по	
		с по	
		с по	
		с по	

18. Передвижение из одной организации в другую

Время выбытия	Причина выбытия	В какую организацию выбыл	Время прибытия по назначению
24/V 26 г.	перевыборы	Сибирск	
24/VI 26 г.	команд. в Кар	Ленинград	18/III
9/IV 30 по ком фу			

19. Отметка о наложенных партвзысканиях

Когда	Кем наложено взыскание	За что	Когда снято взыскание

Зав. Учетом _____ (подпись) 24/I 1929

Для отметок

1. Нет
2. Нет
3. —
4. С военного учета снят
5. Зачислен на учет Ленинградского Совета
6. Ленинград, Красный 2, Ска
7. Здоров
8. Да

Учетная карточка члена ВКП(б) А. Н. Косыгина. 24 января 1929. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9088. Оп. 1. Д. 1580. Л. 66–66 об.]

Алексей Косыгин с головой погрузился в изучение химии, освоение процессов возделывания льна и конопли, механической обработки сырья, его заготовки и экспорта, кооперирования льняного дела[24].

Преподавали в техникуме известные не только в Петрограде,

но и в России кооператоры, льноводы, экономисты и инженеры: Н. Н. Матвеев-Бодрый (кооперативная теория и практика), А. В. Матвеев (финансы и хозяйственная работа первичного кооператива), Н. П. Собянин (прием и хранение сырья), Е. А. Сайков (первичная обработка льна), М. С. Бродский (сортировка и оценка льна) и другие[25]. Благодаря такому подбору кадров техникум превратился в настоящий центр по подготовке практиков кооперативного дела[26].

При поступлении в техникум А. Н. Косыгин просил предоставить общежитие, так как в квартире на Малой Вульфовой народу прибавилось: брат «обзавелся» женой Антониной Васильевной (в девичестве Сорокиной), вернулась из деревни сестра Маня. Общежитие Алексею предоставили, но дома у родных он бывал каждые выходные, а то и чаще. Здесь ему всегда были рады.

Николай Ильич, хотя и не одобрял выбор сыновьями профессий, волю свою им не навязывал. Да и сам он на завод не вернулся. Не позволяло здоровье, подорванное за годы военной службы. Получая небольшую пенсию, он устроился дворником при доме, где жил.

* * *

Годы учебы пролетели для Алексея Косыгина незаметно. Вот уже и последний курс. Практику он проходил инструктором-льноводом Северо-Западного отделения Центросоюза (Новгород — Псков)[27] и на льнопрядильно-текстильной фабрике в Ростове Великом. Там он впервые получил представление о ткацком деле.

Учеба закончилась в 1924-м[28], в мае того же года Алексей Косыгин отправился, согласившись с предложением руководства Всероссийского центрального союза потребительского общества, в далекий Ново-Николаевск, в распоряжение Сибирского краевого союза кооператоров.

Открывалась новая страница жизни.

«Во глубине сибирских руд…»

В начале мая поезд дальнего следования доставил молодого специалиста-кооператора Алексея Косыгина и двух его однокурсников, Федора Новикова и Леонида Минаева, в далекий Ново-Николаевск.

В пути только и разговоров было, что о кооперации: с теорией понятно, а что на практике? И главный вопрос: сумеют ли справиться? С дороги Алексей регулярно писал отцу, опуская письма в почтовые ящики на каждой крупной железнодорожной станции.

Вот и Ново-Николаевск. С 1921 года — губернский центр.

Новых сотрудников принял сам руководитель Сибирского краевого союза кооперативов Иван Иванович Панкратов[29]. То, что он говорил, поразило вчерашних выпускников кооперативного техникума, поскольку совсем не походило на то, чему их учили:

— О кооперации очень много написано хороших книжек, принято резолюций. Однако практическое положение проясняется с большим трудом. А повсюду — что? Недовольство кооперативными центрами. Причина — в самой кооперативной организации, пусть частично перестроенной. В ее неповоротливой политике, недостаточной быстроте и четкости в работе.

Погоду в отношениях кооперации с государственной промышленностью и государственной торговлей диктуют партийные и советские органы. Но позиция государственной промышленности по целому ряду вопросов неясна. Куда идет продукция государственной промышленности? Колоссальное количество продолжает течь через частно-торговый аппарат, через частное посредничество и только в малой степени пытается увязаться с кооперативами первой степени непосредственно. А политика такой «увязки в малой степени» фактически ведет к чему? — Правильно, к ослаблению и разрушению кооперативной системы. Срывает планировку кооперативной работы, усиливает анархию в торговых операциях.

Денежная реформа… Да, необходима, но для проведения придется нести большие жертвы. А ослабить их можно, если создать действительный союз государственного и кооперативного секторов.

Торговая политика государства. Также неустойчива. Что видно, прежде всего, в продвижении товаров к деревенскому потребителю.

Кооперация не отброшена, нет. Кооперация, как

исполнительница… *забракована.*

Живем мы в период бурного строительства. Подчас незаметно делаем довольно большие дела. Но бывают полосы, когда нужно приподняться над днем сегодняшним. Оглянуться, чтобы лучше видеть пройденный путь. Музыканты перелаживаются. Так что будем слушать новую музыку…[30]

Алексею Косыгину было над чем подумать…

Время новой экономической политики — сложное и противоречивое. С одной стороны, люди стали забывать об ужасах гражданской войны — голоде, холоде, эпидемиях, терроре… Воспряла духом экономика, вновь возрождался рухнувший в ад промышленный сектор, правдами и неправдами восстанавливалось крестьянское хозяйство, всеми цветами расцветала сфера услуг — открывались кафе, рестораны, издательства, швейные мастерские, парикмахерские салоны. И все это — частный сектор… И не только в Петрограде или в Москве, но и в самых удаленных от центра губерниях и уездах… Из душ людей уходила тревога, ее заменяло желание жить «на всю катушку», вырваться из нищеты, порожденной двумя революциями и двумя войнами, сконцентрировав все внимание не на проблемах мира, а на заботах собственной семьи, своих собственных желаниях, ежедневных радостях и мечтах…

Казалось, на российскую землю пришли социальный мир и спокойствие. Однако это только казалось… «Пролетарское» государство «не дремало»: периодически «изымались» из общества «социально опасные элементы», за рубеж уходили «философские пароходы», увозившие из Советской России интеллектуальную элиту, возрастал, из года в год, прессинг налоговых органов на тех, кого называли «нэпманами» (по сути — «новые русские»)…

Однако железную стену вокруг нэпа в первой половине 1920-х годов еще не выстраивали. Но новое, постленинское руководство в большинстве своем рассматривало нэп не «всерьез и надолго», а как временное отступление от марксистских канонов. В «верхах» считали, что сворачивать нэп «время еще не пришло», пусть общество «нагуляет жирок». А потому допускало такие лозунги, как бухаринский призыв «Обогащайтесь!», прекрасно понимая, кто на самом деле «хозяин» в Советской России…

Но вписывается ли кооперация в нэп? В советский строй? Как соотносится кооперация с большевистской идеологией, если ее основополагающие принципы ну никак не «стыкуются» с основами кооперации? Вот те вопросы, на которые искал ответы Алексей Косыгин и не находил. Не нашел и много лет спустя, когда в самом конце 1970-х годов вновь вернулся к идеям кооперации…

Конечно же, Панкратов и выпускники кооперативного

техникума были, что называется, в «разных весовых категориях»: ему можно было рассуждать о кооперации как явлении, а им предстояло решать проблемы «на земле».

* * *

До октября 1924 года Алексей Николаевич исполнял обязанности инструктора-льноводa Сибирского краевого союза. Работы — непочатый край. Льняные поля составляли в Сибири в 1926 году около 120 тысяч гектаров, примерно 20 % от всесоюзных. Однако «товарный выход» сибирского льна был ничтожно мал — менее 7,5 % от союзного[31]. Как исправлять ситуацию?

Косыгин быстро убедился, что никакого «чудо-рецепта» не существует. И принялся вдумчиво, по крупицам собирать имеющуюся информацию по всем направлениям. Анализировал ее так же придирчиво и скрупулезно, полагая, что мелочей в народном хозяйстве нет. Эту привычку Алексей Николаевич сохранил на все последующие годы. Друзья и сослуживцы отмечали некую замкнутость его, даже угрюмость, странную для молодого человека двадцати лет. Шумных компаний и застолий он сторонился, явно предпочитая одиночество.

Мысли постепенно выстраивались в систему, и первые же его предложения вызвали интерес руководства. Не прошло и полгода, как Алексей Николаевич сделал первый шаг по профессионально-карьерной лестнице. Инструктора-льноводa повысили до инструктора-организатора по первичным потребительским кооперативам. А затем взяли на должность заведующего секретариатом и орготделом «Обьсоюза».

Пришлось много разъезжать. Часто бывал в Тюмени и Ишиме, Тобольске и Красноярске, Омске и Томске. Однако уже по-настоящему прикипел душой к Новониколаевску, который мало-помалу превращался в центр просвещения и культуры Восточной Сибири. В 1925 году была образована новая административная единица — Сибирский край. В него вошли бывшие Томская, Омская, Новониколаевская, Алтайская и Енисейская губернии, а также Ойротская автономная область. Центром края стал Ново-Николаевск, в начале 1926 года переименованный в Новосибирск.

В апреле 1926 года Алексея Косыгина избрали делегатом общеорганизационного совещания Сибпотребкооперации. Ждал он его с нетерпением. Здесь-то и должны были обозначить главные «болевые точки» кооперации, найти решения наболевших проблем.

Стараясь не пропустить важного, он быстро записывал основные тезисы доклада, с которым выступил один из руководителей Сибкрайсоюза Лев Стриковский.

— Кооперация «обязана стать общественно-хозяйственной системой для планового распределения потребительских товаров госпромышленности рабоче-крестьянскому потребителю». — *Да, это было понятно с самого начала.*

— «Придерживаться финансовых и хозяйственных возможностей, при полной поддержке всей советской системы, курса на овладение рынком путем вытеснения частнокапиталистических элементов с последнего». — *Разумеется. Никто борьбы с капитализмом не отменял.*

— «Должна стать для потребителя самой выгодной снабжающей системой». — *Должна… Только как этого добиться?*

— «Должна строиться на самодеятельности и активности рабоче-крестьянской массы». — *Здесь-то посложнее. У каждого ведь свой интерес.*

— «Должна стать школой общественных и хозяйственных навыков рабоче-крестьянских масс; через потребкооперацию должен поддерживаться — на почве хозяйственной заинтересованности — союз рабочего класса и крестьянства». — *Главная политическая задача, это ясно. Однако решить можно, только если решишь предыдущую.*

— «До сих пор создание кооперативной общественности идет очень туго: пайщик не стал еще действительным хозяином кооператива, активность пайщика не пронизывается и не обобщается в системе». — *Давняя наша проблема. Хоть и вспоминают достолыпинскую сельскую общину, но в общественных делах народ наш далеко не так активен, как в личных…*

— «Со стороны аппарата государственной промышленности и государственной торговли иногда создается такая практика взаимоотношений с кооперацией, которая вносит искривления в осуществление этой принципиальной линии». — *Именно то, о чем говорил Панкратов на той первой памятной встрече.*

«Осуществление регулирования должно покоиться не только и *не столько на административных мероприятиях, а должно проводиться путем хозяйственного воздействия и регулирования… путем использования внутрикооперативного руководства и активности кооперированного населения*»[32].

Последнее звучало смело. Даже очень смело. Не командовать, а искать, как проводить свою политику через кооперативы. Хватит ли умения, терпения? Не обвинят ли докладчика в «уклонизме»?

Как в воду глядел Алексей Косыгин. Попал-таки под репрессии Лев Саулович Стриковский в 1938 году…

Однако же размышления, как сочетать не просто различные уклады, но различные направления экономической эволюции при ведущей роли государства, с тех пор Косыгина не оставляли. А позднее стали его жизненным кредо. Правда, эту позицию ему приходилось, как правило, держать при себе, не афишируя. А реализовать ее на практике он решится очень нескоро, не раньше, чем созреет убежденность в необходимости и неизбежности реформ.

Хотя в годы новой экономической политики такое сочетание отвечало вызовам времени, вписывалось в противоречивую действительность, способствовало учету интересов различных групп хозяйственного комплекса — государства, частника (нэпмана) и кооперации.

В таких оценках кооперации и роли государственных структур складывались те принципы, которыми Косыгин руководствовался позже, в 1960–1970-х годах. В которых, подчеркнем, главное место он всегда отводил государству.

Впрочем, помимо проблем масштаба государственного налицо были и те, что казались на первый взгляд мелкими. Именно что на первый. Ибо хищения в кооперативной системе приобрели размеры поистине «угрожающие». В 223 потребительских кооперативах Сибири вскрылось растрат на сумму 152 тысячи рублей[33]. Как здесь без налаживания контроля и учета операций, особенно с низкой квалификацией персонала?

Причем о многом Косыгин не знал. Не полагалось, что называется, по должности. Руководство Сибкрайсоюза постоянно информировало полномочное представительство ОГПУ по Сибирскому краю о враждебном отношении пайщиков потребобществ к вышестоящему руководству[34]. Несмотря на новую экономическую политику, обстановка в Сибири оставалась тревожной. Рыскали отряды повстанцев. Уже не такие многочисленные, как в начале 1920-х годов, но вооруженные и беспощадные к представителям советской власти. Да и местное население, особенно в отдаленных районах, не очень-то их привечало, даже с удостоверениями кооператоров. Так, не вернулся из командировки коллега и приятель Алексея Косыгина Оскар Болота. Его отравили на постое в частном доме[35].

* * *

В декабре 1926 года Косыгина направили в город Киренск на

должность члена правления и заведующего орготделом «Ленсоюза»[36]. Это почти за три тысячи километров от Новосибирска, больше тысячи верст до ближайшей железнодорожной станции — Иркутска. Что называется, дальше не сошлют, однако должность ответственная, да и город, как выяснилось, исторический.

Пока добирался до места назначения, читал брошюру о Киренске. Маленькая, карманного формата, но свежая, вышла всего год назад, и толковая[37]. Все полезные сведения о торговле, кооперации, покупательной способности населения, о речном флоте. Территория Киренского округа впечатляла — более 275 тысяч квадратных километров. Население, однако, невелико — чуть более 50 тысяч, в городе же проживало всего 4694 человека. Притом действовали несколько школ, педагогический техникум, детский дом, печаталась своя газета «Ленская правда».

Названием своим Киренск был обязан реке Киренге, имя которой, в свою очередь, произошло от эвенкийского «киреннгна» — «орлиное гнездо». Соединяясь с Леной, Киренга образовала остров, где и выросло первое русское поселение. Основал его казачий десятник Василий Бугор. Выйдя из Енисейска в 1628 году, он поднялся по Ангаре, через Илим, Игирму и Куту добрался до Лены, а по ней, собирая ясак, дошел до устья реки Чаи. В устье Киренги на обратном пути он оставил четырех казаков, построивших ясачное зимовье. В 1631-м его расширили и обнесли стеной. Так был заложен Киренский острог.

Участник Северной экспедиции Академии наук Г. Ф. Миллер оставил его описание век спустя: «В том остроге три башни, в том числе одна с проезжими воротами. Острог был обнесен рубленой стеной, в угловых башнях находились бойницы для „огненного“ боя». Внутри все, как положено: церковь, судная изба с помещением для содержания аманатов-заложников, пыточная. За стеною гостиный двор. Пашенные земли в устье Киренги Алексей Михайлович даровал Усть-Киренской пустыни (позже Усть-Киренский Святотроицкий монастырь)[38].

…Суровая история сурового края. Еще более суровой к краю была природа: число теплых дней — не более 150 в году, снег с октября по май, покров до метра. «Очень много в районе, особенно за последние годы, появилось медведей. В некоторых местах их так много, что они стали социальным злом… Всего убивается ежегодно, по предположительным данным, от 100 до 300 медведей. Количество волков так же, как и медведей, стало увеличиваться».

Спустя год Алексею Косыгину самому пришлось в этом убедиться. От стаи волков его спасли только быстрота лошади да

винтовка. Но интереса ни к оружию, ни к охоте Косыгин никогда не испытывал. Позднее даже в компании заядлых охотников Хрущева и Брежнева старался не брать в руки охотничьего ружья.

Здесь, в Киренске и в округе, Алексей Николаевич провел следующие два года жизни, во многом определившие его судьбу — и в плане службы, и в личном плане.

* * *

В сентябре 1927 года Киренский окружной партком принял Алексея Николаевича в члены ВКП(б)[39]. Событие для молодого специалиста с точки зрения карьерного роста весьма важное.

А с точки зрения личной жизни важнее оказалось иное.

В 1927 году Алексей Николаевич женился. Жена его, Клавдия Андреевна, — Кривошеина по отцу или Ванзина по отчиму. Теща — спокойная и уравновешенная Евдокия Прохоровна (в девичестве Меркушева). Родилась Клавдия Андреевна в селе Черепаново, что в 75 километрах от Ново-Николаевска, в 1908 году[40]. Семья была большая: брат, в 1920-х годах инструктор маслопрома, и две сестры, Люда и Ляля. Старшая, Люда, работала экономистом Сибкрайсоюза.

Круг общения Алексея Николаевича в Киренске сложился быстро и естественным образом из людей, близких по образованию, интересам и кругозору. Главным образом это были преподаватели педагогического техникума, они же и учителя городских школ. Образование все получили еще в дореволюционной России, многие прошли Гражданскую войну, причем по «разную сторону баррикад». Для некоторых это обстоятельство послужило причиной репрессий в 1930-х годах.

Косыгин часто бывал в гостях в доме у директора техникума, когда-то выпускника Московской духовной академии Павла Никандровича Плешанова (1884–1938), преподававшего психологию и педагогику. Знаком был с работавшим в техникуме (и по совместительству еще и заведующим Киренским уездным отделом народного образования) Ю. И. Ханиным, с преподавателями истории и литературы С. А. Вишневским и А. Н. Селивановым, учителем математики и физики П. Г. Марковым. У одних за плечами было высшее образование, у других всего два класса учительской семинарии[41], однако каждый был личностью — несомненно. С некоторыми Алексей Николаевич поддерживал переписку до 1960-х годов.

Сами собой сложились контакты с сотрудниками «Ленской правды». Косыгин естественным образом стал ее рабселькором,

регулярно публикуя статьи о состоянии дел в кооперации. О ситуации в кооперативах представление он имел самое ясное, объездив округ вдоль и поперек, побывав практически во всех волостях — Орлинской, Макаровской, Нижнеилимской, Карапчанской, Петропавловской, Витимской и других. Прямой его задачей было расширение торгово-закупочной сети.

Его публикации в «Ленской правде» выглядят профессиональными и достаточно критичными. Так, он анализировал обследование Киренского городского кооператива, осуществленное в «целях проверки выполнения директив Союза о снижении цен»[42]. *В статье этой весь Косыгин — с его знанием дела, тщательностью в сборе и изучении информации, в любви к цифрам, в способности обобщать и делать выводы.*

Бесконечные командировки по округу, работа с бухгалтерскими документами, совещания по ценам, составление планов и отчетов, выступления на заседаниях партийной организации, статьи в «Ленской правде» — жизнь в Киренске кипела.

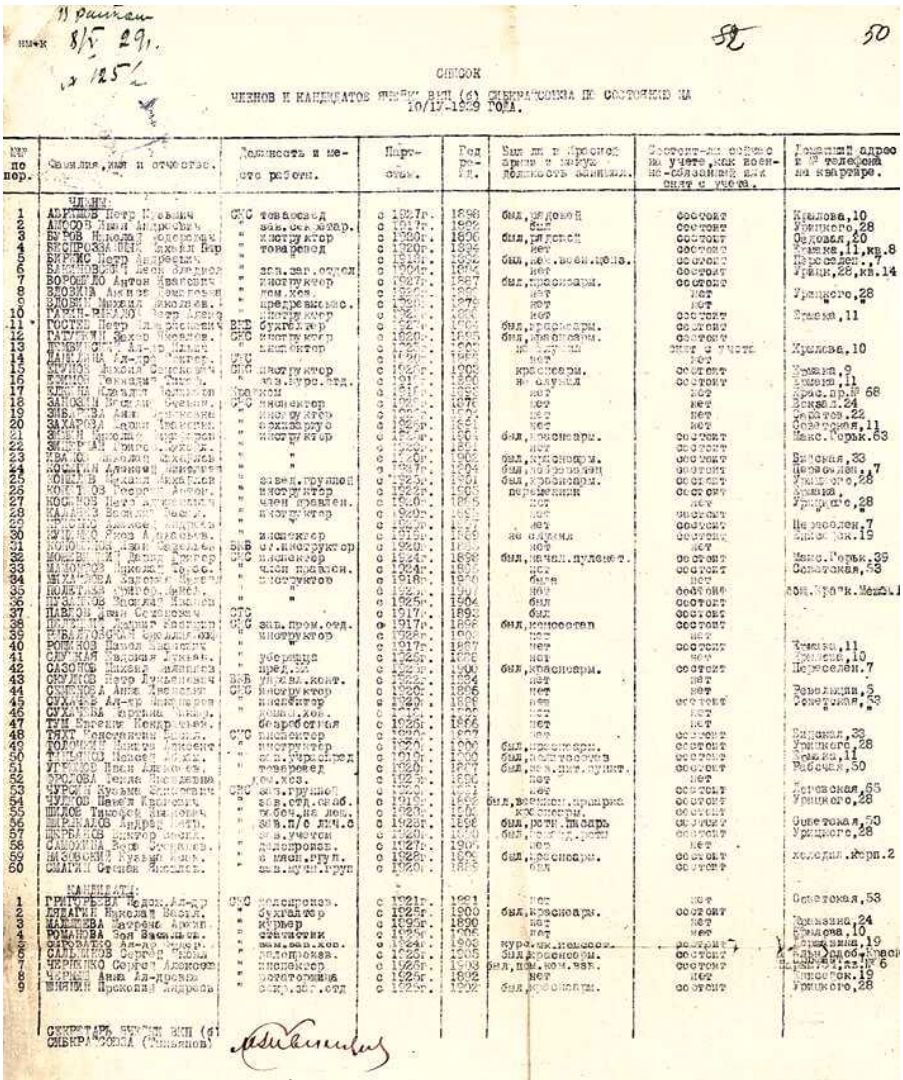
Однако день 4 ноября 1928 года Алексей Николаевич объявил сам себе выходным. В этот день у него родилась дочь Людмила, Люсенька. В помощь молодой матери взяли няню. Анна Кузакова, наполовину русская, наполовину эвенкийка, так навсегда и осталась в семье Косыгиных, помогая сначала с воспитанием дочери, а потом и внуков.

* * *

В конце 1928 года последовал новый поворот в жизни Алексея Николаевича. Сибкрайком, руководство которого внимательно наблюдало за ростом своего специалиста, затребовал возвращения Косыгина в Новосибирск в головной аппарат Сибкрайсоюза. 24 декабря 1928 года на бюро Киренского окружкома ВКП(б) вопрос рассматривался отдельным пунктом. Что примечательно, ни до, ни после этого случая с Косыгиным ничего подобного в документах не зафиксировано. Киренская партийная организация выразила несогласие с требованием Сибкрайкома, считая деятельность Косыгина «плодотворной» и крайне необходимой для города и округа, а его самого — незаменимым работником.

И действительно, показатели деятельности кооперации за 1928 год впечатляли. Торговый оборот по Киренскому округу составил 9 825 000 рублей, из них 78,8 % приходилось на

кооперацию, 18,4 % — на государственную торговлю и только 2,8 % — на частную. Потребительской кооперации принадлежала почти половина торговых заведений — 63 из 128. В потребкооперации участвовало около 74 % населения, в основном сельского[43]. Вдобавок Косыгин руководил окружным комитетом комсомола округа.

СПИСОК
ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ ЯЧЕЙКИ ВКП (б) СИБКРАЙСОЮЗА ПО СОСТОЯНИЮ НА 10/IV-1929 ГОДА.

№№ по пор.	Фамилия, имя и отчество.	Должность и место работы.	Парт-		Год рожд.	Был ли в просоюзах и какую должность занимал.	Состоит-ли сейчас на учете, как военно-обязанный или снят с учета.	Домашний адрес и № телефона квартиры.
	ЧЛЕНЫ:							
1	АБРАМЬЯ Петр Ильич	СУС товаровед	с	1917г.	1898	был, заведов	состоит	Крылова,10
2	АНСОВ Иван Андреевич	зав.сек.кооп.	с	1917г.	1900	был	состоит	Урицкого,28
3	БУТОВ Николай Георгиевич	инструктор	с	1920г.	1896	был,ревизор	состоит	Осадская,20
4	ВЕСЕЛОВСКАЯ Цецилия Вар	товаровед	с	1920г.	1898	нет	состоит	Ульяна,11,кв.8
5	БЕРЕЗИС Петр Андреевич	"	с	1920г.	1894	был, нач.воен.цех.	состоит	Переселен.,7
6	БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Иван Влади	зав.зав.отдел	с	1924г.	1902	нет	состоит	Урица,28,кв.14
7	ВОРОБЬЕВ Антон Иванович	инструктор	с	1927г.	1897	был,красноарм.	состоит	
8	ЗВОНКОВА Анна Семеновна	пом.кас.	с	1922г.	1902	нет	нет	Урицкого,28
9	ЗЛОБИН Николай Николаев.	председатель	с	1923г.	1879	нет	нет	
10	ЛУКИН Виктор Петрович	инструктор	с	1924г.	1903	нет	состоит	Ульяна,11
11	ГОСТЕВ Петр Ильич	ВНД бухгалтер	с	1922г.	1901	был,красноарм.	состоит	
12	ГАЛУШИН Федор Иванович	СУС инструктор	с	1920г.	1900	был,красноарм.	состоит	
13	ГОРБУНОВ Александр Ильич	" инспектор	с	1920г.	1900	не служил	снят с учета	Крылова,10
14	ГАВРИЛОВА Клавдия Ивановна	СУС "	с	1927г.	1898	нет	нет	
15	ГЛУШКОВ Николай Семенович	СУС инструктор	с	1926г.	1905	красноарм.	состоит	Ульяна,9
16	ГЛУШКОВ Геннадий Ивано.	" зав.курс.отд.	с	1917г.	1900	не служил	состоит	Ульяна,11
17	ЗУБКОВА Клавдия Ивановна	Крайком	с	1918г.	1897	нет	нет	Красн.пр.№ 68
18	ЗАЙЦЕВА Евгения Сергеевна	СУС инспектор	с	1921г.	1896	нет	нет	Вокзал.24
19	ЗИБ....	" инструктор	с	1924г.	1901	нет	нет	Ульяна,22
20	ЗАХАРОВА Анна Ивановна	" заведующ	с	1926г.	1897	нет	нет	Советская,11
21	ЗЕМЕН Николай Сергеев	" инструктор	с	1920г.	1901	был,красноарм.	состоит	Макс.Горьк.63
22	ЗЕМЦОВ Иван Семенович	"	с	1924г.	1901	нет	состоит	
23	ИВАНОВ Федор Иванович	"	с	1920г.	1900	был,кустанарм.	состоит	Ветлуга,33
24	КОСТИН Алексей Семенович	"	с	1917г.	1904	был,партизан	состоит	Переселен.,7
25	КОШЕЛЬ Михаил Михайлов	" завед.группой	с	1925г.	1901	был,красноарм.	состоит	Урицкого,28
26	КОРЕЛОВ Георгий Антон.	" инструктор	с	1922г.	1903	переменник	состоит	Ульяна,
27	КОСТЮНИН Петр Антонович	" инструктор	с	1920г.	1895	нет	нет	Урицкого,28
28	КАЛИНИН Василий Ивано.	" инструктор	с	1920г.	1900	нет	нет	
29	КОЛЕСНИКОВ Николай Ив.	"	с	1922г.	1902	нет	состоит	Переселен.7
30	КИТАЕВ Илья Алексеев.	" инспектор	с	1915г.	1892	не служил	состоит	Ульяна,19
31	КОЛОСОВ Иван Федорович	БНВ ст.инструктор	с	1920г.	1899	нет	нет	Макс.Горьк.39
32	МОСКОВЦЕВ Денис Петров	СУС инспектор	с	1924г.	1898	был,нач.пулемет.	состоит	Советская,33
33	МАЛЮГИН Иван Ильич	" член правлен.	с	1924г.	1902	нет	состоит	
34	МИХАЙЛОВА Зинаида Ивано	" инструктор	с	1918г.	1900	была	нет	
35	МОЛЧАНОВ Сергей Ивано.	"	с	1922г.	1901	нет	бобыль	Ком.Проф.Мост.1
36	МАЛЬЦОВ Василий Ивано	"	с	1925г.	1904	был	состоит	
37	ПАВЛОВ Иван Семенович	СУС	с	1917г.	1899	был	состоит	
38	ПЕТРОВ Федор Сергеевич	СУС зав.пром.отд.	с	1917г.	1898	был,переселен	состоит	
39	ПЕРЕВОЗЧИКОВ Василий Ив	" инструктор	с	1928г.	1900	нет	нет	
40	РОМАНОВ Павел Васильевич	"	с	1917г.	1897	нет	состоит	Ульяна,11
41	СЕРГЕЕВА Надежда Ивано.	" уборщица	с	1923г.	1898	нет	нет	Ульяна,10
42	САЗОНТОВ Михаил Иванович	" пред.ЦК	с	1920г.	1900	был,красноарм.	состоит	Переселен.7
43	СКУДНОВ Иван Трофимович	БНВ инжен.конт.	с	1924г.	1894	нет	нет	
44	СМИРНОВА Анна Ивановна	СУС инструктор	с	1920г.	1896	нет	нет	Революции,5
45	СУХАНОВ Ал-ей Иванович	" инспектор	с	1920г.	1898	нет	состоит	Осадская,33
46	СУХАНОВА Марфина Ивано.	" домаш.хоз.	с	1923г.	1901	нет	нет	
47	ТИМ Евгений Генрихович	" беспартийный	с	1925г.	1896	нет	нет	
48	ТЯГТ Конрад Конрадович	СУС инспектор	с	1920г.	1897	нет	состоит	Ульяна,33
49	ТОЛСТИХИН Никита Иванов	" инструктор	с	1920г.	1900	был,инженерн.	состоит	Урицкого,28
50	ТЕЛЕШОВ Павел Ивано.	" зав.Чувашпо	с	1919г.	1900	был,инструктор	состоит	Ульяна,11
51	УРЮПИН Иван Алексеев.	" товаровед	с	1920г.	1898	был,зав.пик.кунит.	состоит	Рабочая,30
52	ЧЕРСОВА Ольга Ивановна	" пом.кас.	с	1920г.	1900	нет	нет	
53	ЧУРСИН Кузьма Семенович	СУС зав.группой	с	1922г.	1897	нет	состоит	Осадская,65
54	ЧУЛКОВ Павел Кронович	" зав.отд.снаб.	с	1915г.	1898	был,военком.приприс	состоит	Урицкого,28
55	ШИЛОВ Тимофей Яковлевич	" зав.об.на пом.	с	1923г.	1900	кассиром.	состоит	
56	ШЕРЕНАЛОВ Андрей Сем.	" зав.п/с лич.с	с	1922г.	1898	был,ротн.писарь	состоит	Советская,50
57	ЩЕРБАКОВ Сергей Ивано.	" зав.учетом	с	1924г.	1901	был,[illegible]	состоит	Урицкого,28
58	САВОЙКИНА Вера Сергеев.	" делопроизвод.	с	1927г.	1900	нет	нет	
59	ЯКОВЛЕВСКИЙ Кузьма Ива.	" в инсп.груп.	с	1922г.	1901	был,красноарм.	состоит	Холодил.перп.2
60	ЯЛАГИН Степан Николаев.	" зав.культгруп	с	1920г.	1895	был	состоит	
	КАНДИДАТЫ:							
1	ГРИГОРЬЕВА Федос.Александр	СУС делопроизв.	с	1921г.	1901	нет	нет	Советская,53
2	ЛЯПИНА Николай Васил.	" бухгалтер	с	1925г.	1900	был,красноарм.	состоит	
3	ЛАЛЕЕВА Евгения Алекс.	" курьер	с	1923г.	1899	нет	нет	Крылова,24
4	РОМАНОВА Зоя Васильев.	" статистик	с	1924г.	1902	нет	нет	Крылова,10
5	СИРОМЯТНО [illegible]	" зам.зав.хоз.	с	1924г.	1903	курс.шк.комсост.	состоит	Осадская,19
6	САЛЬНИКОВ Сергей Ивано.	" делопроизв.	с	1925г.	1905	был,красноарм.	состоит	Ульяновск,Красн
7	ЧЕРНЕНКО Сергей Алексеев	" инженер-э	с	1926г.	1903	был,пом.ком.взв.	состоит	[illegible]
8	ЧЕРНЫХ Анна Ал-дровна	" машинистка	с	1925г.	1902	нет	нет	Переселен.19
9	ШИПИН Арсений Андреев	" зав.зап.отд	с	1925г.	1900	был,красноарм.	состоит	Урицкого,28
	СЕКРЕТАРЬ ЯЧЕЙКИ ВКП (б)							
	СИБКРАЙСОЮЗА (Семенов)							

Список членов и кандидатов ячейки ВКП(б) Сибирского краевого союза кооператоров по состоянию на 10 апреля 1929 года. Под № 24 в списке — Косыгин Алексей Николаевич. [ГАНО. Ф. П-919. Оп. 1. Д. 6. Л. 52]

Сибкрайком все же настоял на своем, поскольку Алексей Николаевич входил в систему потребкооперации и номенклатурным партработником не был.

Так семья Косыгиных вернулась из Киренска в Новосибирск. Туда же перебралась и «нянечка Аннушка». Теперь молодой семье помогала и мама Клавдии Андреевны, тоже переехавшая в Новосибирск на улицу III Интернационала, 27. Семье предоставили жилье в доме № 7 по Переселенческой (сейчас это улица 1905 года). На службу Алексей Николаевич ходил теперь в новое здание на Красном проспекте, выстроенное по проекту сибирского архитектора Андрея Дмитриевича Крячкова. На фронтоне фасада красовалась надпись «Сибкрайсоюз», рядом со зданием, у главного входа, возвышались два семиметровых обелиска с фонарями в виде больших шаров.

С декабря 1928 года Косыгин не только исполнял обязанности заведующего плановым отделом Сибкрайсоюза, но и руководил одной из секций горсовета Новосибирска, будучи еще и членом бюро ячейки ВКП(б)[44]. Некоторое время участвовал в работе концессии с английской компанией «Лена-Голдфилд», однако уже 1929-м та свернула свои филиалы в Советской России. Впоследствии Алексей Николаевич старался об этом эпизоде не вспоминать.

Казалось, жизнь наладилась: уверенное продвижение по службе, замечательная семья, свое жилье, приличная зарплата — 215 рублей в месяц, что в три раза выше, чем средняя зарплата рабочих. В глазах обывателей — почти что нэпман, как и другие кооператоры.

Сложились и определенные бытовые привязанности, привычки, вкусы: утром — овсянка с подсолнечным маслом и хлеб из муки грубого помола, на обед — отварная треска, любимое блюдо по выходным — пельмени.

И — никогда ни слова о своей работе в семейном кругу.

Хотя большую часть досуга, как и прежде, посвящал чтению. В Новосибирске Косыгин получил возможность познакомиться с еще не запрещенными и не изъятыми из библиотек трудами экономистов как умеренно социалистических взглядов (А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев), так и либерального направления (Л. Н. Литошенко, С. Н. Прокопович). Познакомившись с их исследованиями кооперации, Алексей Николаевич не оставил без внимания и работы по общим экономическим проблемам. Ранее он только слышал о них от преподавателей Киренского педтехникума.

Конечно, сторонником ни «Чаяновской школы», ни либеральной экономики Косыгин не стал. Но благодаря этим книгам углубил видение хозяйства и управления им. Много позже, уже в 1950-е годы, он по достоинству оценил высказывание китайского императора Цинь Шихуанди (правда, в повторе

лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна): «Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ».

Не касаясь идеологической подоплеки, Косыгин считал, что оно вполне применимо к поискам оптимальных путей в экономике.

* * *

Ровно через год после возвращения из Киренска, в декабре 1929-го, Алексей Николаевич подал в правление Сибкрайсоюза заявление о желании поступить в Новосибирский институт народного хозяйства, открывшийся весной того же года.

С одной стороны, Косыгин понимал, что «перерос» те должности, которые ему приходилось занимать, а подняться выше — не хватало образования. С другой стороны, Алексей Николаевич наблюдал за тем, что происходило в стране. Набирали силы политические процессы против «буржуазных специалистов». Осознание того, что процессы эти сфальсифицированы, пришло позже: в 1960-х годах Косыгин открыто говорил, что «Шахтинский процесс» сфабрикован. А в конце 1920-х *сомнения и размышления оставлял «при себе»: «осуждал» как все, «возмущался» как все и «требовал строго наказать виновных» — тоже как все. Скрытность свою, еще в детстве заложенную и с годами усиленную, он не раз потом благодарил.*

Руководство Сибкрайкома в просьбе Алексея Николаевича о поступлении в вуз отказало, однако сочло возможным отправить его на учебу в Кооперативный институт в Москву. Правда, в неопределенном будущем.

В начале января 1930-го Косыгина избрали ответственным секретарем ячейки ВКП(б) при Сибкрайсоюзе. На посту этом он пробыл очень недолго, чуть более месяца, так как 19 февраля из Москвы телеграфом пришла весть: Сибирскому краю выделялось три места «на факультете потребительской кооперации при институте имени Рыкова»[45]. Вновь ему представлялся шанс получить высшее образование.

На этот раз помогло личное знакомство с 1-м секретарем Сибирского (с 1930-го — Западно-Сибирского) крайкома ВКП(б) Робертом Эйхе. В вопросе начавшейся коллективизации он шел «в ногу» со Сталиным, однако Косыгину посоветовал:

— Уезжай, иначе затопчут, а для борьбы ты не создан.

Мнение Эйхе стало решающим и при рассмотрении вопроса в местных инстанциях.

Ячейка ВКП(б) при Сибкрайсоюзе приняла решение:

«1. Послать одного батрака, поручить подобрать грамотного.

2. На оставшиеся два места выдвинуть А. Косыгина и В. Пузакова»[46].

С Алексеем Николаевичем вопросов больше не возникало, его кандидатуру подтвердили еще раз на заседании ячейки ВКП(б) 28 февраля 1930-го, а вот В. Пузакову не повезло: этого номинанта отклонили.

Готовясь к отъезду, Косыгин принял для себя решение, что *в кооперацию он больше не вернется*.

1929–1930 годы — годы «великого перелома» не только в деревне, но и в кооперации. Здесь круто, на 180 градусов, разворачивали принципы деятельности, «обновляли» кадры. Большевистская партия намеревалась использовать кооперацию в коллективизации сельского хозяйства. В стороне от «столбового» направления не остался ни один региональный союз. В Сибкрайсоюзе постановили передать в фонд коллективизации 85 % фондов кооперирования[47]. Это означало только одно — кооперация теряет самостоятельность, трансформируясь в обыкновенную советскую торговую «лавку» — структуру по распределению товаров. Под контролем государства, при непосредственном руководстве государства и за счет государства. Свободный рынок сменялся обязательными государственными поставками.

Развернулось настоящее наступление и на аппарат Сибкрайсоюза, откуда вычищали «сомнительный элемент»: бывших умеренных социалистов, меньшевиков и эсеров. Алексей Николаевич ценил старых специалистов-кооператоров вне зависимости от их прежней партийной принадлежности и увольнение каждого переживал очень болезненно. Однако высказываться против, заступаться не решался, глядя, как набирают обороты репрессии против «буржуазных», а с ними и молодых специалистов…

Кооперация же на фоне «успехов коллективизации» оказывалась едва ли не последним «буржуазным пережитком», так как прежний оплот товарно-денежных отношений, частное сельское хозяйство, доживал последние дни.

В складывающейся ситуации рассчитывать можно было только на государственный сектор. Это понимали и Косыгин, и увольняемые «по сокращению штатов» его коллеги. Увы, помочь им он не мог.

* * *

…Эпоха конца 1920-х — начала 1930-х годов во многом напоминала время Революции 1917 года, вновь началась «красногвардейская атака на капитал»: в городе шло наступление на нэпманов, которые и «опериться»-то толком не успели, в деревне — на «отложивших жирок в тучные нэпмановские годы» крестьян. Широким охватом шло наступление на кооперацию, уж слишком она стремилась быть самостоятельной…

По сути, наступление большевизма шло по всем фронтам, цель — не дать возможности эволюционировать «капиталистическому элементу», вновь применив на практике весь набор средств и методов военно-коммунистической политики.

Естественно, первым результатом «закручивания гаек» явились дефицит всего и вся, ликвидация тысяч частных мелких предприятий и магазинов, структур, созданных и задействованных в сфере бытовых услуг, а также отвечавших за «взаимодействие» производителя и торговли, резко скакнула вверх безработица. За развалом «логистической системы», всеобщим дефицитом, безработицей последовала нехватка продовольствия, что повлекло за собой возрождение карточной системы распределения и «хлебных» очередей… Все эти «революционные явления» поразили не только удаленные от центра губерний и уезды, но Москву и Ленинград…

И начался поиск «врагов народа», никем и ничем не сдерживаемый… Газетные страницы запестрели сообщениями о «раскрытых заговорах», «предотвращенных диверсиях», об арестованных «вредителях» и их «пособниках», о «борьбе с кулачеством», о «борьбе за хлеб», как одной из «форм классовой борьбы». Агитационно-пропагандистская машина заработала на всю мощность. Все, что подпадало под определения «индивид», «частник», «частная собственность», объявлялось по сути дела «вне закона».

Сменялась эпоха, ломались судьбы…

Считалось, однако, что в такие времена выживать все же возможно, только в крупных мегаполисах… Там, как казалось, есть больше возможностей…

Что оставалось делать Алексею Николаевичу?

Весной 1930 года семья Косыгиных покинула Новосибирск[48].

Автобиография

35

Крылов А.Н. Уб № 0625249

Родился в 1904 г. в г. Ленинграде отец работал на заводе бывш. „ст. Лесснер" токарем.

До 1919 г. я учился в школе на петроградской стороне.

В 1919 г. добровольцем вступил в Красную Армию (7 армия 16 и 61 Восточ.-Полевое Строительство)

С 1921 году был демобилизован из 61 Восточ.-Полевого строительства из г. Мурманска, как недостигший призывного возраста.

В 1921 г. после демобилизации приехал в г. Ленинград поступил на курсы Наркомпрода - продработников, эти курсы в 1922 г. были переформированы в Ленинградский Кооперативный техникум Центросоюза которой я и окончил в 1924 г.

После окончания техникума в 1924 году был направлен Центросоюзом в г. Новосибирск в распоряжение Сибкрайсоюза, где работал уполномоченным который направил в „Обьсоюз" Новосибирский Союз Кооперативов где работал с 1924 по 1926 г. в качестве инструктора организатора по первичным потреб. кооперативам.

В 1925 г. Новосибирским окружкомом был принят кандидатом ВКП(б).

В 1926 г. Сибкрайкомом ВКП(б) и Сибкрайсоюзом ввиду развала работы в г. Киренске на Лене в Лесосоюзе, был направлен туда как укрепившийся работник в качестве члена правления зав. орготделом работал в г. Киренске с 1926 по 1928 г.

Там-же Киренским окружкомом в 1927 г. был принят

в членах ВКП(б) и кандидатов.

В 1928г. был отозван из города Кирешка в Новосибирск через Сибкрайком дать работу в Сибкрайсоюзе в качестве зав. плановым отделом.

В Сибкрайсоюзе работал с 1928г. по 1930г., затем был отпущен для учебы по моему заявлению.

В 1930г. окончил курсы по подготовке во ВТУЗ и поступил в Ленинградский Технологический институт.

Окончил шестиступку в январе 1936г.

В шестиступке обязанности все нарушую работу секретаря факультетской ячейки, культорга парткома и секретаря парткома.

Находясь на 5 курсе в шестиступке поступил на ф-ку им. „Жемлова" и работал в качестве мастера, затем в качестве начальника цеха и в настоящее время начальник смены новой фабрики.

Выбран на ф-ке в члены парткома.

Избран членом Василеостровского райкома.

В Ленинграде живет отец по адресу ул. Вульфовая д №1/10 кв. 93 и с ним сестра не трудоспособная. Отец получает пенсию 70 сент и одновременно работает в ученье.

Брат в Ленинграде член ВКП(б) работает в качестве директора на рабфаке Красногвардейского района.

В оппозиции не состоял, выговоров не имею. Брат также не имеет партвзысканий не имеет.

7/VII-37г. А.Косыгин

Автобиография А. Н. Косыгина. 7 июля 1937. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 5–5 об.]

Учеба: текстильный институт

Вместо рабфака при Институте Рыкова Косыгин поступил на рабфак при Ленинградском текстильном институте, только что образованном в результате разделения Института прикладной технологи на Технологический и Текстильный[49].

Может показаться странным, что Косыгин, проработав почти десятилетие на руководящих должностях, выбрал специальность «ткачество», рассчитывая получить диплом инженера-текстильщика. Из организаторов производства — в узкие специалисты?

Похоже, в тот момент профессия чисто «техническая», существующая вроде бы вне идеологии и политики, представлялась Алексею Николаевичу более заманчивой, чем вечное существование «как на вулкане» под дамокловым мечом непредсказуемых партийных решений. Конечно же, он ошибался, но понял это позже.

А текстильное дело было отчасти знакомо по льнопрядильно-текстильной фабрике в Ростове Великом в начале 1920-х годов.

* * *

Образование двух институтов, Технологического и Текстильного, — результат постановления Президиума ВСНХ Советского Союза от 15 февраля 1930 года о реорганизации высших учебных заведений в отраслевые институты.

Текстильный расположился в доме № 19 по улице Герцена (ныне Большая Морская). Директором его стал Александр Федорович Зеленский, бывший заместитель директора Института прикладной технологии. В 1934-м его сменил Григорий Сергеевич Агапов. К тому времени вуз насчитывал 5 факультетов, 6 прекрасно оборудованных лабораторий, причем электротехническая считалась лучшей в Ленинграде. К концу 1934-го текстильный институт стал одним из ведущих вузов города. Сменивший Зеленского Григорий Сергеевич Агапов до 1920 года работал на Путиловском заводе, затем секретарем петроградских районного исполкома и районного совета; управляющим Ленинградского государственного текстильно-ватного треста и Ленинградского государственного трикотажного треста.

Именно на время руководства институтом этими двумя несомненно талантливыми администраторами и пришлось обучение Косыгина. Стоит отметить, что Зеленский был всего на

четыре года старше Косыгина. Алексей Николаевич стал студентом в возрасте 26 лет, когда другие институт уже заканчивали, а то и успевали несколько лет отработать по специальности. Поздновато, конечно, но Косыгин — натура деятельная, идущая к цели, не обращая внимания на «условности», будь то возраст или социальное положение, и привыкшая добиваться своего.

Рабочий факультет Косыгин окончил летом 1930 года, но сразу поступить на ткацко-трикотажный факультет не смог по состоянию здоровья. Сказались последствия сурового сибирского климата.

16 октября 1930 года он подал на имя директора института заявление:

«В течение месяца до 10 октября я находился на излечении в больнице по поводу болезни воспаления среднего уха (врачебная справка мною представлена). В настоящее время опять появились боли в ухе, и врачом предложено в ближайшее время занятие оставить на неопределенный срок, причем возможно в зависимости от хода болезни придется прибегнуть к операции.

При этом состоянии здоровья вести нормально занятие в институте, при больших пропусках я не могу, невозможно.

В силу этих условий прошу перевести меня в счет январского приема, так как к этому времени окончательно смогу вылечить болезнь уха»[50].

Директор удовлетворил просьбу Косыгина. Только 8 февраля 1931 года был подписан приказ о составе группы 1-го курса по специальности «ткачество», приступающей к занятиям с 11 февраля. Группа — 30 человек, Алексей Николаевич — 20-й по списку.

Учебный план включал общетехнические циклы: «Детали машин», «Теплотехника», «Электротехника», «Отопление и вентиляция», «Строительное дело», «Противопожарная техника» — и специальные: «Учение о волокнах, пряже и прядении», «Анализ тканей», «Ткачество», «Механика ткацкой машины», «Технология трикотажного и отделочного производства», «Экономика текстильной промышленности», «Организация производства».

Естественно, студентам читали курсы «Диалектический материализм» и «Ленинизм», обязательными были иностранный язык и физкультура.

Запомнились лекции и практические занятия профессора

Александра Дмитриевича Монахова, автора книги «Ткацкий станок», выдержавшей три издания, профессора Леонида Ивановича Поволоцкого по кооперативному законодательству и доцента А. П. Алякринского по организации производства. Математические науки читал профессор М. К. Куренский, теоретическую механику — профессор Е. К. Митропольский, прикладную — профессор С. В. Вяхирев. Профессор С. А. Розенбаум преподавал предмет «Детали машин», профессор Е. Н. Яковлев — теплотехнику, а профессор Б. А. Воронова — электротехнику.

Особенно восхищался Алексей Николаевич Монаховым.

— Удивительный человек! — рассказывал он жене и отцу. — И лекции читает, и книги по специальности одну за другой выпускает… А как прекрасно иностранными языками владеет: и английским, и немецким, и французским… А знаете, что говорит? Для профессии нашей знание языков первостепенное дело…

«*А знаете, что*» с того времени стало любимым косыгинским присловьем…

Сам Алексей Николаевич «нажимал» на английский, благо, что на изучение иностранного языка в институте отводилось 88 часов в год. (Несколько лет спустя в анкетном листе Косыгин скромно указал: «неплохо читаю по-английски»[51].)

В мае 1933 года Косыгин был отмечен премией и почетной грамотой «за активное участие в социалистическом соревновании высших школ и техникумов, выразившееся в высокой успеваемости на основе самостоятельной работы и в умелом сочетании учебы и общественной деятельности». В характеристике за 1934 год отмечалось, что «за время пребывания в Институте товарищ Косыгин показал себя, как образцово выдержанный и политически развитый коммунист, занимающий ведущую роль в группе. Все время несет большую ответственную работу, как-то: староста группы, и в данный момент является секретарем парткома [добавим: секретарь факультетской ячейки и культпропа[52]. — *В. Т.*]. Успеваемость хорошая, все время ударник. Премирован. Дисциплина хорошая. Способности хорошие»[53].

15/VII-37 87962.

За дачу ложных сведений подлежу ответственности.

ПРИМЕЧАНИЕ: Ответы на все вопросы анкеты должны даваться точные и подробные. Подчеркивания не допускаются

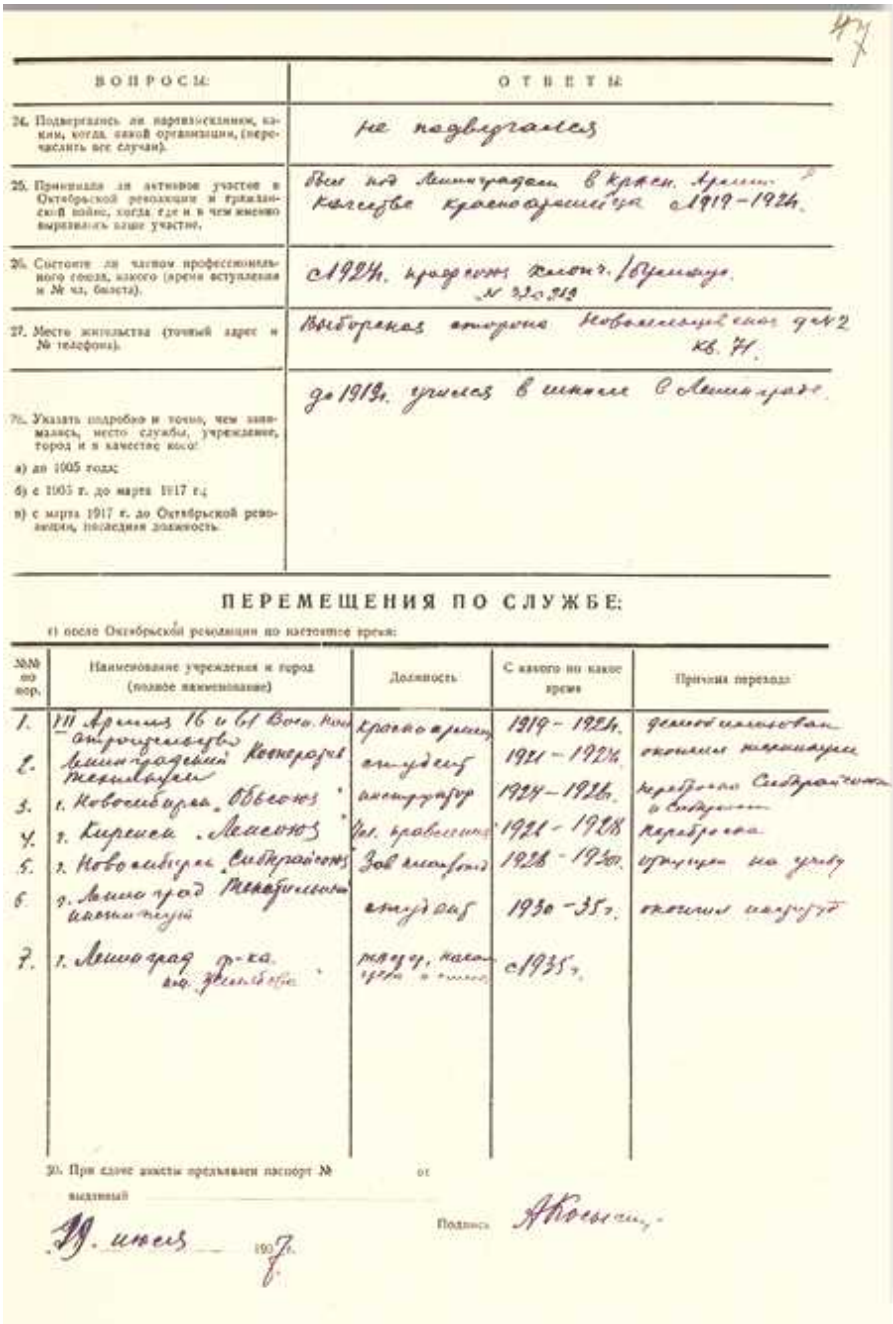
Анкетный лист

Полное наименование учреждения Ф-ка им. Жемчужина

Занимаемая должность начальник смены

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:	
1. Фамилия, имя, отчество (псевдоним литературный, либо другой). При перемене фамилии указывать старую.	Косыгин Алексей Николаевич	
2. Год и место рождения старого (губ., уезд, волость и деревня) и нового (обл., край, район и село) районирования (если родился в городе указать адрес или адрес родственников)	г. Ленинград 1904 год	
3. Точно указать сословие или происхождение до революции (из крестьян, мещан, дворян, купцов, дух. звания, воен. сословия).	Крестьянин	
4. Родители:	ОТЕЦ	МАТЬ
а) Фамилия, имя и отчество (указать девичью фамилию матери).	Косыгин Алексей Николаевич	Анненкова Екатерина
б) Месторождение, сословие и происхождение.	Ленинград крестьянин	из крестьян
в) Владели ли недвижимым имуществом, каким именно и где.	нет	нет
г) Чем занимались до революции (указать конкретно).	завод им. Лесснер токарь	умерла в 1906 г.
д) Чем занимаются и где находятся (точный адрес) в настоящее время.	в Ленинграде инженер и старший в цехе на ст. Вуоксинской д. №11 кв. 93	жила при отце домашней хоз.
5. Ваша профессия или специальность.	инженер по технологии механик	
6. Национальность.	русский	
Подданство (гражданство).	СССР.	
7. Семейное положение (холост, женат, вдов).	женат	
а) Фамилия, имя и отчество жены (девичью), мужа.	Клавдия Андреевна	Волынина (по отчиму) Кривошейка (по отцу)
б) Где и на какой должности работала (работает) жена (муж).	завод им. Энгельса бухгалтер цеха	
8. Родители жены (мужа):	ОТЕЦ	МАТЬ
а) Фамилия, имя, отчество.	Павел Фил. Волынин (по отчиму) Кривошейка по отцу	Евдокия Прокофьевна Шершнева
б) Чем занимались до революции.	отчим и отец были рабочие	при отце
в) Чем занимаются и где находятся (точный адрес) в настоящее время.	отец и отчим умерли	в г. Ковеньгрес III переулок дом №27 живут на иждивении отца он инвалид слепой и дочери которая эвакуирована в Сибирь

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
10. Кто из родственников ваших или вашей жены (мужа) женины избирательных прав и за что, или были арестованы, или судились.	Нет
11. Образование (перечислить все учебные заведения с указанием их места нахождения).	окончил Ленинградский Кооперативный техникум в 1928 г. окончил Ленинградский Геодезический институт
12. Какие знаете языки кроме русского, и в какой степени владеете ими.	только русский и немного читаю по английски.
13. Жили ли за границей, где, сколько времени, причины возвращения в Россию (СССР).	нет
14. Чем занимались за границей и на какие средства существовали.	нет
15. Имеете ли родных или близких знакомых за границей, где и чем занимаются, когда и почему выехали из СССР и их адрес.	нет
16. Часть войск, последний чин и занимаемая должность в старой армии.	не служил
17. Служили ли в войсках или в учреждениях белых правительств (белых армий), в каком чине (должности), где и когда были ли на территории белых, когда, где и сколько времени, вы или ваши родственники, кто.	нет
18. Имеете ли знакомых или родственников в иностранных миссиях.	нет
19. Служили ли в Красной армии, когда, где и в какой должности (последняя должность)	с 1919 г. по 1924 г. добровольцем в VII Армии красноармейцем
20. Ваше отношение к воинской повинности и настоящее время. а) Подлежите ли зачислению в Красную армию. б) Состоите ли на учету, когда и где приняты на учет. в) Если снят с учета, когда и по какой причине.	Командир взвода. Состою на учете в Ленинградском Военном комиссариате
21. Партийность (членам ВКП(б) и ВЛКСМ) указать время вступления, организацию (где вступил) и № членского билета).	Чл. ВКП(б) с 1927 г. №0625249
22. Состоял ли раньше в каких либо политических партиях, в какой именно, где, когда и причина выхода.	не состоял
23. Привлекались ли к суду, следствию, были ли арестованы, подвергались ли наказаниям в судебном или административном порядке, когда, где и за что именно.	До революции: нет После революции: нет

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
24. Подвергались ли партвзысканиям, каким, когда какой организации, (перечислить все случаи).	не подвергался
25. Принимали ли активное участие в Октябрьской революции и гражданской войне, когда где и в чем именно выражалось ваше участие.	Был под Ленинградом в красн. Армии в конном корпусе Буденного с 1919–1924.
26. Состоите ли членом профессионального союза, какого (время вступления и № чл. билета).	с 1924. продолж. член. / Булочник. № 330.219
27. Место жительства (точный адрес и № телефона).	Выборгская сторона Новолитейская дом 2 кв. 71.
28. Указать подробно и точно, чем занимались, место службы, учреждение, город и в качестве кого: а) до 1905 года; б) с 1905 г. до марта 1917 г.; в) с марта 1917 г. до Октябрьской революции, последняя должность.	до 1919 г. учился в школе в Ленинграде.

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПО СЛУЖБЕ:

г) после Октябрьской революции по настоящее время:

№№ по пор.	Наименование учреждения и город (полное наименование)	Должность	С какого по какое время	Причина перехода
1.	III Армия 16 и 6 Воен. Конно-стрелковые	красноармеец	1919 – 1924 г.	демобилизован
2.	Ленинградский Комбинат Технилевтекс	студент	1921 – 1924 г.	окончил институт
3.	г. Новосибирск Обьеснаб	инструктор	1924 – 1926 г.	переехал Сибирячком в Сибирь
4.	г. Киренск Ленснаб	Зав. правлением	1926 – 1928	переехал
5.	г. Новосибирск Сибирячком	Зав. магазином	1928 – 1930	отпущен на учебу
6.	г. Ленинград Текстильный институт	студент	1930 – 35 г.	окончил институт
7.	г. Ленинград ф-ка им. Желябова	мастер, нач. цеха и смены	с 1935 г.	

30. При сдаче анкеты предъявлен паспорт № от

выданный

Подпись А. Косыгин

29. июля 1937 г.

Анкетный лист начальника смены Ленинградской текстильной фабрики имени А. И. Желябова А. Н. Косыгина. 22 июля 1937. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 6–7]

Как видно, от политики уйти ему не удавалось. В 1933 году Смольнинский райком партии распустил «бюро коллектива ВКП(б) текстильного института за допущенные политические

ошибки». На досрочных выборах секретарем парткома был избран Косыгин, старший из студентов.

Одно время Косыгин редактировал институтскую газету «Основа» и сам писал туда. 17 марта 1934 года, как партийный секретарь, совместно с директором Зеленским опубликовал статью о работе вуза с перечислением всех достигнутых успехов[54].

Публикация в «Правде» известного «фельетониста» Г. Рыклина «Учись или судись»[55] разразилась громом среди ясного неба. Речь шла о проблемах в Ленинградском текстильном институте и неспособности руководства их разрешить. Публикацию обсуждали на бюро Смольнинского райкома ВКП(б). В результате А. Ф. Зеленский был освобожден с поста директора и назначен начальником Главного управления учебных заведений Наркомата легкой промышленности. Его сменил Агеев. Косыгин также был вынужден оставить пост секретаря парткома, причем считал, что отделался малой кровью.

Тогда же, в мае 1934 года, в институт на Всесоюзную выставку текстильных изделий приезжал С. М. Киров. На его встрече с преподавателями и студентами присутствовал и Косыгин, «в прошлом семестре секретарь парткома», один из тех, кто сумел «добиться исключительных академических результатов»[56].

Киров говорил со студентами обо всем, что происходило в мире и в СССР: о событиях января — февраля 1933 года в Германии, о коллективизации, о введении в строй крупнейших в СССР Челябинского тракторного завода и Уральского завода тяжелого машиностроения, о гибели парохода «Челюскин» и спасательной операции «челюскинцев», о Лейпцигском процессе, о XVII съезде ВКП(б), об итогах I и планах II пятилеток…

Алексей Николаевич пристально всматривался в выступающего. *Первый секретарь Ленинградского обкома ему явно импонировал. Позднее Косыгин даже в чем-то копировал его стиль общения.*

Был Косыгин и на прощании с погибшим полгода спустя после этой встречи Кировым, 2–3 декабря во дворце Урицкого (бывший Таврический). Видел, как Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов вынесли гроб и установили его на артиллерийский лафет. Звучали траурные мелодии, кортеж медленно двигался по Шпалерной, по Литейному, свернул на Невский к Московскому вокзалу. После выноса тела руководители партии незаметно вышли из рядов и в шествии участия не принимали.

Обстановка в «колыбели революции» была накалена, партийный актив Ленинграда был мобилизован, вооружен и

переведен на несколько дней на казарменное положение.

Через год имя Кирова присвоят Текстильному институту.

Тревога витала в воздухе, но жизнь продолжалась. Алексей, Клавдия и Людмила Косыгины жили вместе с отцом и сестрой. Старший брат с женой перебрались на отдельную жилплощадь. Алексей Николаевич учился, Клавдия Андреевна работала бухгалтером цеха на Машиностроительном заводе имени Ф. Энгельса, затем — на плавающих корабельных мастерских Кронштадта. Николай Ильич служил сторожем в местном жилищно-арендном кооперативном товариществе.

Приходилось нелегко. По свидетельствам современников, в городе царила «катастрофическая дороговизна». Хлеба, получаемого по карточкам, не хватало, так что приходилось «прикупать коммерческий». «Зарплата сплошь и рядом падает до 50–60 рублей в месяц», ее не хватает «даже на прожиточный минимум», расходуется на следующий же день после ее получения. «Приходится голодать, мерзнуть и лишать себя самого необходимого». Со всех сторон слышишь умоляющее: «Подайте копеечку». «Мыла не дают и в кооперативах. Нет ни одного куска сахара и вообще сладостей». «Теснота ужасная. И холодно… Раздоров, ругани и криков становится все больше и больше. Чаще всего возникают они по пустякам, почти необоснованно»[57].

Напоминает Питер времен гражданской войны…

В апреле 1935 года Клавдия Андреевна отправила в Новосибирск фотографию, на которой снялась с дочкой. На обороте черкнула несколько строк:

«12 апреля 1935 года. Ленинград. Дорогой мамочке от дочки и внучки.

Мамочка, ведь мне уже 27 лет, а дочке моей 6 1/2 лет. Годы летят, даже не верится, что я уже пожилая женщина, но характер мой, мамочка, очень подвижен и молод, чему я довольна. Клавдия»[58].

«Пожилая»? В 27 лет? Скорее, уставшая — от обыденной, повседневной жизни… Ведь первые четыре года в Ленинграде, пока Алексей Николаевич «штурмовал вершины знаний», она одна содержала семью на зарплату бухгалтера. Видимо, напряжение этих лет долго сказывалось. В последующие годы Клавдия Андреевна не работала, оставаясь домохозяйкой, сохраняя уют в доме и счастье в семье, помогая дочери и внукам.

Сам Алексей Николаевич, стиснув зубы, шел к поставленной цели. 31 января 1936 года ему было присвоено звание инженера-технолога по ткачеству. Диплом он защитил блестяще: «оценка за

проект — пять, оценка за защиту — пять, итоговая — пять».

Получив дипломы, решили сфотографироваться на память у здания института: преподаватель и семь вчерашних студентов и студенток. Косыгина, возвышающегося над другими выпускниками, легко было принять за педагога. Он был старше однокурсников лет на десять.

Годы спустя Алексей Николаевич говорил о времени учебы в вузе как о лучших годах жизни, несмотря на все бытовые трудности, и всегда «с волнением» вспоминал институт, преподавателей и товарищей. А встречаясь в родных стенах в 1960–1970-е годы с однокурсниками, обнимался и шутил, невзирая на должности.

Глава 2. Как

Считается, что человек делает себя — как личность, свою карьеру, свою семью, свою, в итоге, судьбу, — все сам. И это так. Однако существует множество «но», которые прямо или косвенно влияют и на судьбу, и на карьеру. И этих «но» — великое множество. Первыми и главнейшими факторами выступают время и общество, в которых «живут и умирают». Затем — желание и способности человека, в том числе способность мимикрировать под обстоятельства и под «среду обитания»: правильно выбрать, когда сказать «да», когда сказать «нет» — вместе со всеми, когда промолчать, когда аплодировать вождям — опять же вместе со всеми, а когда — лучше уйти в сторону и остаться в одиночестве…

Ну и, конечно, важно ухватить «госпожу удачу за хвост».

И еще одно — от того, как складывалась карьера в самом начале жизненного пути, во многом зависело то, какие импульсы она получит в дальнейшем…

Итак, как же складывалось начало карьеры Алексея Николаевича?

Вторую половину 1930-х годов в жизни Косыгина можно по праву считать переломной: за 5 (пять!) лет из подающего надежды инженера-текстильщика он превратился в заместителя председателя правительства СССР… Феноменально? Да. Хотя, если учитывать обстоятельства того времени, — вполне объяснимо.

Молодой специалист

Будучи еще студентом пятого курса, Косыгин поступил на Ленинградскую ткацкую и красильную фабрику имени А. И. Желябова мастером подготовительного отдела, чем снял бремя материального обеспечения семьи с жены. Молодого специалиста быстро оценили, и всего через несколько месяцев он стал начальником 3-го ткацкого цеха. С 18 апреля 1936 года, уже с дипломом о высшем образовании, Алексей Николаевич — начальник смены 1-го цеха[59]. Фабрика с «богатой историей», она была запущена в строй еще в конце XIX века, а в середине 1930-х годов здесь трудилось почти 1700 человек. Оборот по хлопчатобумажному суровью составлял внушительные 13,5 миллионов рублей.

Не оставил Косыгин и общественную работу — состоял членом парткома фабрики и членом бюро Васильевского райкома. Оставаясь «праведным» коммунистом, в анкетном листе начальника смены отметил: «*В оппозиции не состоял, выговоров не имею. Брат также никаких партийных взысканий не имеет*»[60].

Начальника смены и партийного активиста районного масштаба заметили. Через полтора года после окончания института, 21 августа 1937-го, Косыгин неожиданно получает назначение на пост директора прядильно-ткацкой фабрики «Октябрьская» (бывшая Сампсониевская бумагопрядильная мануфактура[61]) и вскоре переезжает на новую квартиру на Новосельцевской улице, дом 2.

ХАРАКТЕРИСТИКА .

12

На КОСЫГИНА, Алексея Николаевича .

Т. КОСЫГИН, А.Н. год рождения 1904. Уроженец г.Ленинград, постоянное место жительство: Новосельцевская дом 2- кв. 71 . Образование - высшее .
Член ВКП/б/ с 1927 г. Член профсоюза Хлопчатобумажников.
Т. КОСЫГИН, А.Н. работает на ф-ке с 1934 г. в начале мастером приготовительного отдела, а с 29/IУ-35 г. начальником 3-го ткацкого цеха и с 18/IУ-36 г. начальником смены I-го цеха . За время работы на ф-ке в работе себя проявил, как энергичный, настойчивый, энергично проводит в жизнь все мероприятия по ф-ке .
Вопросами производства интересуется . Дисциплинирован, выдержан, политически устойчив .
Являлся членом партийного комитета, избран был членом партийного комитета прошлого состава . Член Районного комитета ВКП/б/ ВАСИЛЕОСТРОВСКОГО Райкома .

Секретарь П.К : /КАРПЕНКОВА /

22-го июля 1937 г.

Характеристика партийного комитета фабрики имени А. И. Желябова на А. Н. Косыгина. 22 июля 1937. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 12]

РАССЕКРЕЧЕНО

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОПРОСОМ СЕКРЕТАРЕЙ ГОРКОМА

Шифр

(Прот. № 4, п. 17 ге от "29" августа 193 7г.) 113

О Директоре фабрики "ОКТЯБРЬСКАЯ".

Утвердить тов. КОСЫГИНА А.Н. директором фабрики "ОКТЯБРЬСКАЯ"

Результаты голосования:

Выписки тт.: Лукьянову, Выборгскому РК, учет ГК

Выписка из протокола № 4 заседания секретариата Ленинградского городского комитета ВКП(б) об утверждении А. Н. Косыгина директором фабрики «Октябрьская». 29 августа 1937. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 1030. Л. 113]

Партийная характеристика кратко констатировала, что новый директор «сумел за короткое время вывести фабрику из длительного прорыва»[62].

Любопытно, что «прорывом» именован здесь не излюбленный тогдашней пропагандой рывок вперед, а провал, причем долговременный, вызванный технологической заскорузлостью производства. Хронической проблемой в ткачестве была обрывность нитей основы. И справиться с нею можно было только через глубокую модернизацию.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (б)

ВЫБОРГСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ ВКП (б)

ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

№ ..... Ленинград, 8 Апреля 193 8г.

Пр. Карла Маркса, д. № 84

на № .....

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Тов.КОСЫГИН Алексей Николаевич,чл.ВКП(б) с 1927 г.директор Октябрьской прядильно-ткацкой ф-ки с Июля 1937 года,по образованию инженер.

За короткое время работы в качестве директора фабрики показал себя, как хороший организатор-хозяйственник.В практической работе умеет сочетать хозяйственную работу с партийной.В настоящее время тов.КОСЫГИН является членом В.О. Райкома ВКП(б),член Парткома на фабрике.Ведет большую пропагандистскую работу.Партвзысканий не имеет.Политически грамотный,партийно-выдержанный большевик.На ф-ке пользуется авторитетом.Сумел за короткое время вывести ф-ку из длительного прорыва.

СЕКРЕТАРЬ РК ВКП(б) (ШТЫКОВ)

Особый сектор тел. № Г-225-86

Характеристика Выборгского районного комитета ВКП(б) на А. Н. Косыгина. Апрель 1938. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 18]

Верный себе, Алексей Николаевич создал на фабрике научно-исследовательскую лабораторию. Поручил сотрудникам изучить и довести до ума предварительную обработку нити — шлихтование. Пряжа пропитывалась специальным клеящим составом, шлихтой, после чего высушивалась и наматывалась на навой. Качество шлихты имело первостепенное значение. Чтобы нить была износоустойчивой и достаточно гибкой, пряжу должна была покрывать временная пленка, прочная и эластичная.

Косыгин ввел ежедневный контроль вязкости шлихты. Для соблюдения температурного режима при ее варке установили в баках термометры, разработали и внедрили новый рецепт приготовления клейкой массы.

Следом Косыгин предложил усовершенствовать сам ткацкий станок. Здесь пригодились лекции и работы профессора А. Д. Монахова, чья книга «Ткацкий станок» оставалась для Косыгина «настольной».

Выдать мандат с правом РЕШАЮЩЕГО голоса
Член президиума
"27" мая 1938 г.

РЕШАЮЩИЙ
Выборгский
какой районной организацией делегирован на V Ленинградскую городскую конференцию ВКП(б)

АНКЕТА № 702.

Делегата V Ленинградской городской конференции ВКП(б)

1. Фамилия, имя, отчество Косыгин Алексей Николаевич
2. Пол муж. 3. Год рождения 1904 г.
4. Социальное положение Служащий
5. Основная профессия (специальность) Инженер - технолог
6. Стаж работы на производстве 14 года
7. Национальность Русский
8. Партийный стаж XI - 1927 г. 9. Партбилет № 0625249
10. Состоял ли в братских компартиях (каких, когда, где) не состоял
11. Состоял ли в других партиях (каких, когда, где) не состоял
12. Состоял ли ранее в ВКП(б) (когда, где и причины выбытия) не состоял
13. Участвовал ли в оппозициях и антипартийных группировках (каких, когда, где) не участвовал
14. Состоит ли членом ВЛКСМ не состоит
15. Место работы (название предприятия, учреждения, учебного заведения и т. д.) Октябрьская ф-ка
16. Выполняемая основная работа в данное время Директор ф-ки
17. Является ли стахановцем, ударником не является

18. Имеет ли награды союзного, республиканского значения (за что, кем и когда выданы)
не имеет

19. Членом каких выборных партийных органов состоит (первичной парторганизации, Райкома, Горкома, Окружкома, Обкома, ЦК ВКП(б), К. П. К. при ЦК ВКП(б), Парткомиссии в частях Красной Армии и флота) член партколлегии ф-ки, член пленума и Бюро Выборгского РК ВКП(б)

20. Какую партийную и общественную работу выполняет в настоящее время (кроме основной работы) Пропагандист

21. Образование:
а) общее Высшее
б) техническое Высшее
в) политическое Кружки по изучению истории ВКП(б)

22. Где учится в настоящее время
самообразование

23. На каких городских партконференциях города Ленинграда участвовал:
а) с решающим голосом на III Лен. Гор. партконференции
б) с совещательным голосом не участвовал

Подпись делегата А. Косыгин

28 *мая 1938 года.*

Подпись регистратора

Ленобллитиздат 8/V-38 г. Издание Обкома ВКП(б) Типография "Коммунист" Зак. 1020—800 : 25

Анкета № 702 делегата V Ленинградской городской конференции ВКП(б) А. Н. Косыгина. 28 мая 1938. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 1225 в. Л. 3–3 об.]

Решение оказалось на удивление простым. На станках появились специальные ламельные приборы — «основонаблюдатели». Каждую из нитей контролирует своя пластинка. Обрывается нить — пластинка падает, и машина останавливается. К концу 1939 года такими приборами был оснащен почти весь станочный парк фабрики.

Косыгин нашел способ ликвидировать еще один дефект ткани — недосеки, поперечные полосы с меньшей плотностью, возникающие при обрыве уточной нити. С этой проблемой справились установкой недосечников.

Наконец, Косыгин настоял на принятии паковок увеличенного веса. Это вроде бы малозначительное новшество позволило удлинить нить в челноке, а значит, реже останавливать станки для перезаправки.

По инициативе Косыгина ввели общественную разбраковку тканей: браковщиц закрепляли за определенными участками, и они регулярно обходили их, осматривая суровье непосредственно на станках[63].

В 1938 году журнал «Текстильный вестник» детально рассказывал об опыте фабрики, отдавая должное самому директору (современники много лет спустя вспоминали его как «высокого, стройного человека в прекрасно сшитом сером костюме… остальные ходили в полувоенных френчах»[64]) и его помощникам: главному инженеру П. Н. Козырину, главному механику П. В. Григорьеву, секретарю парткома Ф. И. Ковалеву.

В «ждановской команде»

Директором фабрики Косыгин проработал около года. Последующие три стали, пожалуй, самыми головокружительными в его карьере. С 29 июня (по другим данным — 1 июля) 1938 года он — заведующий Промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б).

Чем объяснить выдвижение инженера-прядильщика на столь высокий пост, и кто стоял за этим назначением? Безусловно, всесильный «хозяин» Ленинграда и Ленобласти.

Первый секретарь Ленинградского обкома Андрей Александрович Жданов — фигура весьма странная и до сих пор историками до конца не разгаданная. Хотя написано и сказано о нем немало, он так и остался «темной лошадкой» на политическом Олимпе Страны Советов.

Почему «темной»? В первую очередь потому, что никто, даже самые близкие люди, не знал, что «у него на уме» и чего от него ждать.

П Р О Т О К О Л № 1

заседания бюро Ленинградского областного комитета ВКП(б)

от 29 июня 1938 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Члены бюро обкома ВКП(б): тт.Жданов, Кузнецов А., Литвин, Никитин А., Петровский, Соловьев, Штыков

Кандидаты в члены бюро обкома ВКП(б): тт.Сафонов, Шулемзон.

Канд. в члены обкома ВКП(б): т.Гутман.

1.- О составе секретариата Ленинградского обкома ВКП(б).
т.Жданов.

Утвердить секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) в составе тт.:Жданова А.А., Штыкова Т.Ф. и Соловьева Н.В.
Внести на утверждение пленума обкома ВКП(б).

2.- О заведующих отделами обкома ВКП(б).
т.Штыков.

а) О зав.отделом руководящих партийных органов ОК ВКП(б).

Утвердить первым заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов обкома ВКП(б) т.Перова Г.В., возложив на него временное исполнение обязанностей заведующего отделом.
Освободить т.Перова от обязанностей первого секретаря Мгинского РК ВКП(б).

б) О зав.отделом партийной пропаганды и агитации ОК ВКП(б).

Утвердить зав.отделом партийной пропаганды и агитации ОК ВКП(б) т.Никитина М.Н.

в) О зав.промышленно-транспортным отделом ОК ВКП(б).

Утвердить зав.промышленно-транспортным отделом ОК ВКП(б) т.Косыгина А.Н.

Из протокола № 1 заседания бюро Ленинградского областного комитета (ЛОК) ВКП(б) — об утверждении А. Н. Косыгина заведующим промышленно-транспортным отделом ЛОК ВКП(б). 29 июня 1938. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 2143. Л. 2]

Одного у Жданова отнять нельзя: он умел формировать команду, подыскивать людей, которые до конца оставались ему преданными в политической борьбе — борьбе, в которой сам он был «политическим гроссмейстером». Кажется, участвовал он в ней не только ради продвижения по партийно-государственной лестнице, но и ради «спортивного интереса». В ней он находил

возможность доказать свое превосходство, удовлетворить лидерские амбиции.

Никто не мог оспорить его преданность Сталину, но все отмечали, что *он был «в контрах» с московской партийной элитой (так называемыми «московскими») и нуждался в собственной команде «ленинградцев».*

Сейчас невозможно установить, кто рекомендовал Жданову обратить внимание на Косыгина, но у первого секретаря имелась своя «картотека лиц», которые его интересовали в кадровом отношении.

Именно Жданов неожиданно для всех и предложил тридцатичетырехлетнего Косыгина на очень ответственный пост заведующего отделом в обкоме (правда, и самому Жданову на тот момент было всего 42 года).

Чем же мог заинтересовать Жданова Алексей Николаевич?

Во-первых, соответствующее социальное происхождение — из рабочих (хотя в ряде анкет он указывал «из крестьян», видимо, учитывая социальное происхождение отца).

Во-вторых, молод, но успел отслужить в Красной армии во время Гражданской войны. Притом — не на тех должностях, которые порождали неуемные амбиции. Они-то многих тогда и сгубили.

В-третьих, только-только закончил институт, и не гуманитарный (гуманитариев Жданов не жаловал), а промышленный, получив диплом «советского инженера». Зарекомендовал себя добросовестным и ответственным исполнителем. Инициативным в меру поставленных задач.

В-четвертых, коммунист со стажем, уже более десяти лет в партии.

В-пятых, в «порочащих партийную честь» связях замечен не был.

В-шестых, предан и не предаст. К этому выводу Жданов пришел, внимательно изучив биографию и плотно пообщавшись с теми, кто хорошо знал Косыгина по институту, по фабрике, Выборгскому райкому.

Настораживало в Косыгине только одно — *еще не проявил он умения идти, когда надо, напролом*.

«„Недостаток“ этот, — размышлял Жданов, — устраним, надо только поставить молодого руководителя в жесткие условия, перед выбором: или ты любыми средствами решаешь задачу, или „голова прочь“».

Встречался ли Жданов с Косыгиным один на один, прежде чем подписать приказ о назначении? Наивный вопрос. И, конечно же, не задачи Промышленно-транспортного отдела они

обсуждали.

Жданов был лаконичен:

— Товарищ Косыгин, у меня один вопрос. Вы готовы работать со мной, в одной обойме? «Правая рука» у меня уже есть — А. А. Кузнецов, нужна «левая». И Вы, товарищ Косыгин, должны стать этой моей «рукой»…

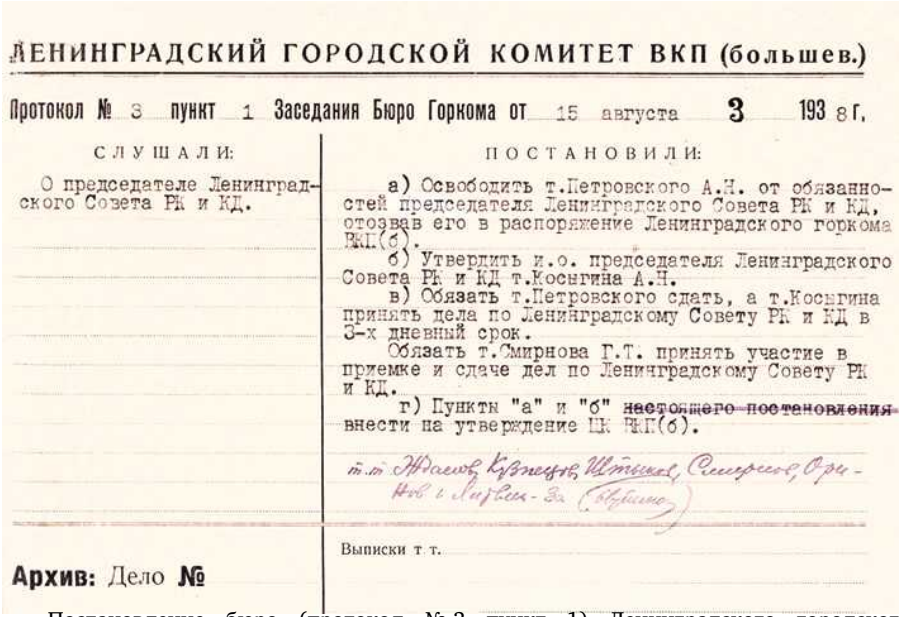
Жданов дал понять Косыгину, что карьера его зависит не только и не столько от него самого, сколько от патрона, который решает многое, и не только в Ленинграде.

Конечно же, Жданов не раскрывал перед Косыгиным всех своих карт, но Алексей Николаевич и сам в состоянии был многое понять. Жданов выстраивал далеко идущие планы своей карьеры, и ему нужны были «свои» люди не только в Ленинграде — «Северная столица» для Жданова только «трамплин», но и в Москве — в Совнаркоме, в ЦК партии… И Косыгина он рассматривал как одного из своих людей. И Алексей Николаевич должен был дать короткий и однозначный ответ: «Да» или «Нет». «Да» означало разделить со Ждановым не только победы, но и возможные поражения в политическом противостоянии с «московской», «свердловской» и другими группировками. «Нет» означало поставить большой жирный крест и на своей карьере, и на благополучии семьи, да и на собственной жизни, пожалуй, тоже.

Ответив «Да», Косыгин предопределил свой дальнейший путь.

Не мог не знать и не понимать Косыгин проблему партийной «ротации», которая, как считали многие, порождена сталинской сентенцией: «Чем ближе к социализму, тем острее классовая борьба». Что это означало? А то, что происходила постоянная «ротация» партийных и хозяйственных кадров, причем последняя шла, конечно, не по «начертанному генсеком» «классовому принципу», а сугубо по принципу «пауков в банке» — выживал тот, кто сильнее и влиятельнее… Они же занимали «освобождавшиеся» места… Более «безопасно» было действовать «в группе» под началом влиятельного «шефа», у которого были свои цели и задачи в политическом «марафоне»…

…На посту руководителя Промышленно-транспортного отдела обкома партии Косыгин пробыл всего три месяца. Что можно успеть за это время? В лучшем случае войти в курс обязанностей. Ясно, что это была проверка, и он успешно ее прошел.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ВКП (большев.)

Протокол № 3 пункт 1 Заседания Бюро Горкома от 15 августа 38 г.

СЛУШАЛИ:

О председателе Ленинградского Совета РК и КД.

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Освободить т.Петровского А.Н. от обязанностей председателя Ленинградского Совета РК и КД, отозвав его в распоряжение Ленинградского горкома ВКП(б).

б) Утвердить и.о. председателя Ленинградского Совета РК и КД т.Косыгина А.Н.

в) Обязать т.Петровского сдать, а т.Косыгина принять дела по Ленинградскому Совету РК и КД в 3-х дневный срок.

Обязать т.Смирнова Г.Т. принять участие в приемке и сдаче дел по Ленинградскому Совету РК и КД.

г) Пункты "а" и "б" настоящего постановления внести на утверждение ЦК ВКП(б).

т.т. Жданов, Кузнецов, Штыков, Смирнов, Орлов и Лаврик - за (подпись)

Выписки т т.

Архив: Дело №

Постановление бюро (протокол № 3 пункт 1) Ленинградского городского комитета ВКП(б) об утверждении А. Н. Косыгина исполняющим обязанности председателя Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 15 августа 1938. [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 1334. Л. 3]

Следующей ступенью стала должность председателя Исполкома Ленинградского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Ленсовет утвердил Косыгина на этом посту 15 августа 1938 года, а через два дня кандидатуру рассмотрело Политбюро ЦК ВКП(б). «За» проголосовали И. В. Сталин, Г. М. Маленков, А. А. Жданов, В. М. Молотов, М. И. Калинин, Л. М. Каганович, Н. И. Ежов[65].

К исполнению новых обязанностей глава исполнительной власти во втором по значимости городе страны приступил 9 октября 1938 года.

Борьба с «врагами народа», репрессии и политический террор — в апогее. Подобно миллионам сограждан, Косыгин голосовал, осуждал, выступал с обличениями в печати и на собраниях. *Руководящему кадру, стремительно вознесенному наверх, абсолютная лояльность правильно выбранной команде обеспечивала не только карьерный рост, но и выживание. Косыгин все это прекрасно понимал и действовал согласно партийной установке: «чем ближе к бесклассовому обществу, тем острее классовая борьба».*

Предшественником Косыгина на посту председателя горисполкома был Алексей Николаевич Петровский. Полный тезка занимал должность менее года. Примечательно, что попал он туда с того же самого поста, что и Косыгин, — заведующего

Промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома. Не слишком ли много совпадений?[66]

Второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов, представляя Косыгина на заседании Ленсовета в октябре 1938 года, весомо заявил: «Политически Петровскому нельзя доверять, он не заслуживает доверия. Косыгин — энергичный, добросовестный товарищ с достаточной культурой, с достаточным кругозором, с опытом хозяйственной работы, а главное — с большой партийностью»[67]. Решение ЦК об отстранении Петровского с поста руководителя Ленинградского горисполкома Косыгин поддержал. Иначе и быть не могло.

Почва буквально ходила под ногами советской элиты. Обуревал страх перед завтрашним днем, и каждый справлялся с ним как умел. Косыгин тщательно скрывал его за сосредоточенностью и нелюдимостью, даже угрюмостью. Впрочем, в отличие от многих, он сумел выработать собственную философию жизни. При общепринятых правилах: «особо не вылазь», «скажут — осудить, осужу, скажут — проголосуй, подниму руку, скажут — похвали, поаплодирую» — он всегда держал себя в рамках, «без фанатизма». Осторожность в высказываниях, в общении с коллегами по службе, с которыми никогда не приятельствовал, многие считали природной чертой его натуры. Скорее, однако, стиль жизни он сознательно выработал сам и следовал ему неукоснительно.

В новой должности Косыгин успел публично отметиться лишь однажды — 7 декабря 1938 года он выступил с речью на открытии памятника Кирову. Этого человека он уважал, ценил и помнил. Выступил, как всегда, сдержанно, так как знал: Жданов Кирова терпеть не мог, но вынужден был поддерживать «любовь и память к погибшему вождю питерских рабочих». Из этих соображений он и предложил произнести речь Косыгину. Тот выполнил задание «на отлично».

Николай Константинович Черкасов. 1940-е. [Из открытых источников]

Василий Иванович Шестаков. 1930-е. [Из открытых источников]

А в самом конце декабря 1938 года — не прошло и трех месяцев, как Косыгин попал в исполком, — его неожиданно вызвали в Москву. Алексей Николаевич отбыл туда 3 января. И в вагоне узнал о своем новом назначении: попутчик по купе, артист Николай Константинович Черкасов, протянул ему свежий номер «Правды», где был опубликован указ о назначении Алексея Николаевича… наркомом текстильной промышленности СССР.

И за этим назначением маячила тень Жданова. «Московские» стремились провести на этот пост «своего», но Жданов оказался более напористым. В ходе очень продолжительной беседы со Сталиным он смог убедить генсека согласиться с его кандидатурой.

Сработало и то, что с сентября 1937 года наркомат возглавлял Василий Иванович Шестаков, прежде — председатель

Исполкома Ленсовета. Жданов интересы своей ленинградской «вотчины» «в центре» отстоял, а Косыгин шел проторенной дорожкой. Кстати, из-за этого Молотов (один из «московских») невзлюбил его и при всякой возможности давал ему это понять.

Громоздкое хозяйство пришлось принимать Алексею Николаевичу. Наркомат легкой промышленности был разделен на Наркомат текстильной промышленности и на Наркомат легкой промышленности[68]. В «текстильный» входили предприятия хлопчатобумажной, шерстяной, льняной, пенько-джутовой, шелковой, искусственного шелка и ватной отрасли; предприятия первичной переработки хлопка, льна, лубяных культур, котонина и шерстомойки; предприятия по производству подсобных материалов и деталей для текстильной промышленности[69].

Семья перебралась в Москву, и с тех пор в родном Ленинграде Алексей Николаевич бывал только наездами, в основном в командировках. В столице жили сначала в «Доме правительства» на Берсеневской набережной. «Квартира большая, не уютная, казенная и чужая», — видимо, освободившаяся после ареста прежнего высокопоставленного жильца. Затем семье Косыгиных предоставили жилье на улице Грановского. Клавдия Андреевна поступила во Всесоюзную промышленную академию машиностроения имени Л. М. Кагановича[70].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (б) — ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

256

«8» марта 1939 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано тов. КОСЫГИНУ Алексею Николаевичу

п/б. № 2434982 в том, что он избран Ленинградской об'единенной VIII областной и VI городской партийной конференцией делегатом на XVIII с'езд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) с правом РЕШАЮЩЕГО голоса.

Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)

Жданов

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВКП(б) 26

Удостоверение делегата XVIII съезда ВКП(б) А. Н. Косыгина с правом решающего голоса. 8 марта 1939. [РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 118. Л. 256]

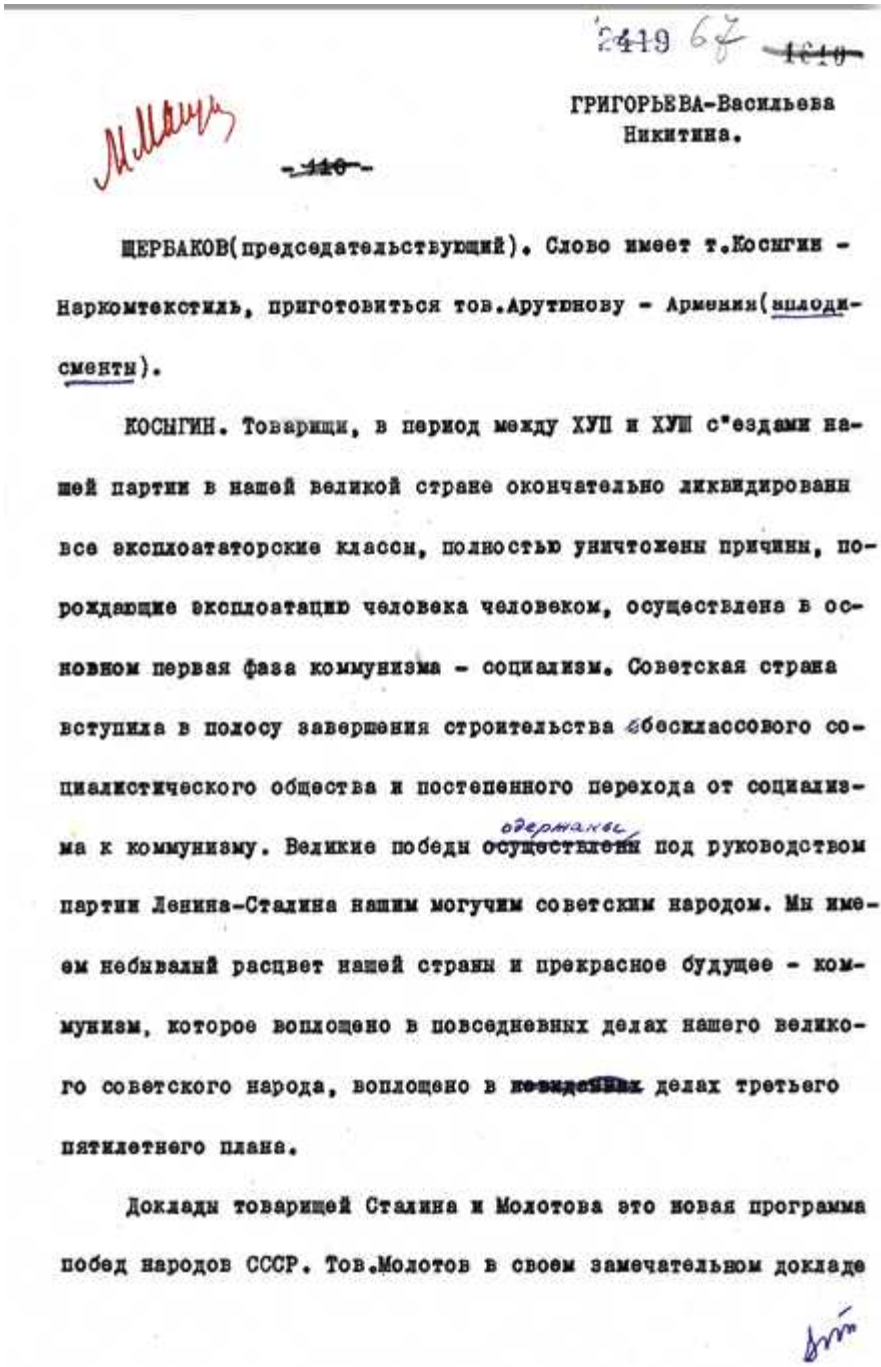
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

XVIII СЪЕЗД ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б)

10–21 МАРТА 1939 г.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

2419 67 ~~1619~~

ГРИГОРЬЕВА-Васильева
Никитина.

~~- 116 -~~

ЩЕРБАКОВ(председательствующий). Слово имеет т.Косыгин - Наркомтекстиль, приготовиться тов.Арутюнову - Армения(аплодисменты).

КОСЫГИН. Товарищи, в период между XVII и XVIII с"ездами нашей партии в нашей великой стране окончательно ликвидированы все эксплоататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплоатацию человека человеком, осуществлена в основном первая фаза коммунизма - социализм. Советская страна вступила в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Великие победы одержаны осуществлены под руководством партии Ленина-Сталина нашим могучим советским народом. Мы имеем небывалый расцвет нашей страны и прекрасное будущее - коммунизм, которое воплощено в повседневных делах нашего великого советского народа, воплощено в ~~невиданных~~ делах третьего пятилетнего плана.

Доклады товарищей Сталина и Молотова это новая программа побед народов СССР. Тов.Молотов в своем замечательном докладе

Стенограмма выступления А. Н. Косыгина на XVIII съезде ВКП(б). 16 марта 1939. [РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 11. Л. 67]

16 марта 1939 года Алексей Николаевич — 35-летний нарком — выступил с речью, посвященной состоянию текстильной промышленности на XVIII съезде ВКП(б). Первый в его жизни

партийный съезд и первое выступление на самом высоком уровне.

Очевидец в духе времени описывал впечатление от него в самых лестных выражениях: «Он выступал так, как будто обращался к тебе, к каждому из сидящих в зале, рассказывал о проблемах своей отрасли»[71]. Косыгин знал их действительно не понаслышке и говорил «по делу», свободно, точно, оперируя фактами и цифрами. Но прежде всего отдал дань политической обстановке и сложившимся партийным ритуалам. Начал доклад со славословия в адрес Сталина и Молотова, с предречения скорой гибели капитализма и с «вредительства» в отрасли. Упомянул арестованного наркома Исидора Евстигнеевича Любимова, из-за которого отраслью не был выполнен план второй пятилетки[72].

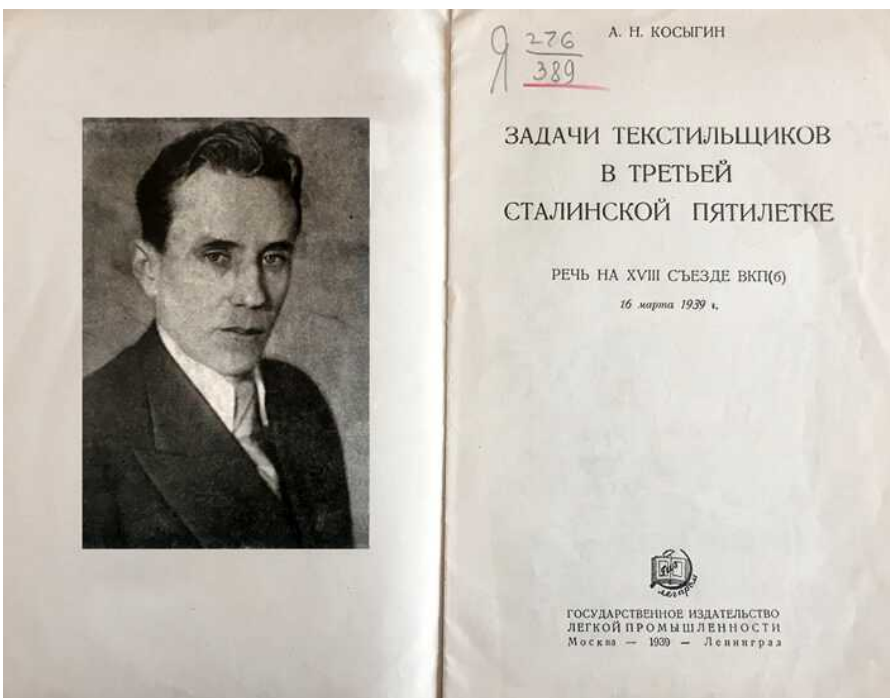
Исидор Евстигнеевич Любимов. 1930-е. [Из открытых источников]

Далее внимательный слушатель нашел бы некоторую неувязку: с одной стороны, «капитализм загнивает», с другой — по основным показателям советскую экономику все же превосходит. И догонять его — капитализм — придется еще долго…

Еще один обязательный пункт речи на съезде — самокритика. Косыгину пришлось здесь легче, чем другим, поскольку беды текстильного производства тянулись от предшественника: самый низкий процент выполнения плана второй пятилетки, а отсюда — задержка в развитии других отраслей промышленности.

Далее стандарт выступления на партийном съезде предполагал изложение плана преодоления недостатков. Чем более развернуто и уверенно, тем лучше. И в заключение непременная клятва в выполнении. Причем последняя часть «ритуальной» уже не была, учитывая судьбу тех, кто не справлялся.

Что же предлагал молодой и напористый нарком?

Текс речи А. Н. Косыгина «Задачи текстильщиков в третьей сталинской пятилетке». 1939. [Из открытых источников]

Его программа развития текстильной отрасли на ближайшие пять лет насчитывала 16 пунктов[73], среди которых на первом месте стояла «борьба»: с некомпетентностью и техническим

консерватизмом, с недопониманием рядом наркоматов важности текстильного производства, с нехваткой кадров, оборудования, помещений и прочего, прочего, прочего…

И как бы между делом звучали действительно амбициозные предложения: «Работу перестроить по типу, скажем, американской промышленности, которая заключает договор сразу на целый комбинат и комплектно обеспечивает поставку и монтаж целой текстильной фабрики». Иными словами — обеспечьте масштабные вложения!

Выступление Косыгина пользовалось успехом. Даже смотрящий на него свысока Молотов заметил, что назначение нового руководства текстильной промышленностью «начинает давать свои плоды» и народный комиссар «товарищ Косыгин сумеет научить текстильщиков работать по-большевистски»[74].

На съезде Косыгина избрали членом ЦК ВКП(б). Первым, кто поздравил его, был его недавний шеф Андрей Александрович Жданов.

7 апреля 1939 года состоялась первая личная встреча Алексея Николаевича со Сталиным, которая продолжалась ровно 20 минут. В этот день Косыгин был награжден орденом Ленина[75]. В кабинете присутствовали Молотов и Маленков[76], и, когда Сталин, поздравляя с наградой, заметил, что пост наркома для Алексея Николаевича не «потолок», он отметил их «натянутые» улыбки.

Наркомом текстильной промышленности Косыгин проработал год и четыре месяца. 16 апреля 1940 года он был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР[77], а на следующий день — председателем Совета по товарам широкого потребления при Совнаркоме СССР[78],

У К А З

Президиума Верховного Совета СССР

О награждении работников
текстильной промышленности.

За перевыполнение плана, за проявленные образцы стахановской работы на предприятиях текстильной промышленности наградить:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. АКИМОВА Илью Николаевича – заместителя Народного Комиссара Текстильной промышленности СССР.
2. АНТОНИНА Ивана Ивановича – бригадира приготовительного отдела фабрики "Пролетарский Труд", г.Ленинград.
3. АЛЕКСЕЕВУ Акулину Алексеевну – директора Крестовского льнозавода, Велижского района, Смоленской области.
4. БОЛЬШАКОВУ Любовь Ивановну – ткачиху фабрики им.Ногина, г.Вичуга, Ивановской области.
5. ВОРОНИНА Руфа Семеновича – главного инженера Меланжевого комбината, гор.Иваново.
6. ГАСИЛИНУ Ольгу Михайловну – ветеринцу фабрики "Красное Знамя", гор.Раменское, Московской области.
7. ГОЛУБЕВУ Прасковью Ильиничну – ткачиху Дрезненской фабрики, Дрезна, Московской области.
8. ДЕНИСОВУ Анну Семеновну – ветеринцу льнокомбината "Заря Социализма", Гаврилов Ям, Ярославской области.
9. ДУРНАКОВУ Марию Прокофьевну – подавальщицу в декортикатор Городищенского пенькозавода Орловского треста.

10. ДМИТРИЕВА Владимира Ивановича – Народного Комиссара легкой промышленности Белорусской ССР.

11. ЕРШОВА Федора Емельяновича – директора опытного хлопкозавода № 2 Научно-Исследовательского Института Хлопкозаводов, г.Ташкент.

12. ЗАКУСКИНА Анисима Петровича – заместителя заведующего Лыткинской ткацкой фабрики, Лыткино, Московской области.

13. КАЛИНОВУ Людмилу Васильевну – ткачиху фабрики "Работница", г.Ленинград.

14. КОМИССАРОВУ Александру Гавриловну – заведующую прядильно-ткацкого комбината "Рабочий", г.Ленинград.

15. КОНИКОВУ Софью Павловну – инструктора стахановских методов работы Ярцевской прядильно-ткацкой фабрики им.Молотова, г.Ярцево, Смоленской области.

16. КОЗЛОВУ Татьяну Ильиничну – ткачиху тонкосуконной фабрики им.Рудой, гор.Пушкино, Московской области.

17. КОРОЛЕВУ Веру Ивановну – ткачиху фабрики "Большевик", гор.Родники, Ивановской области

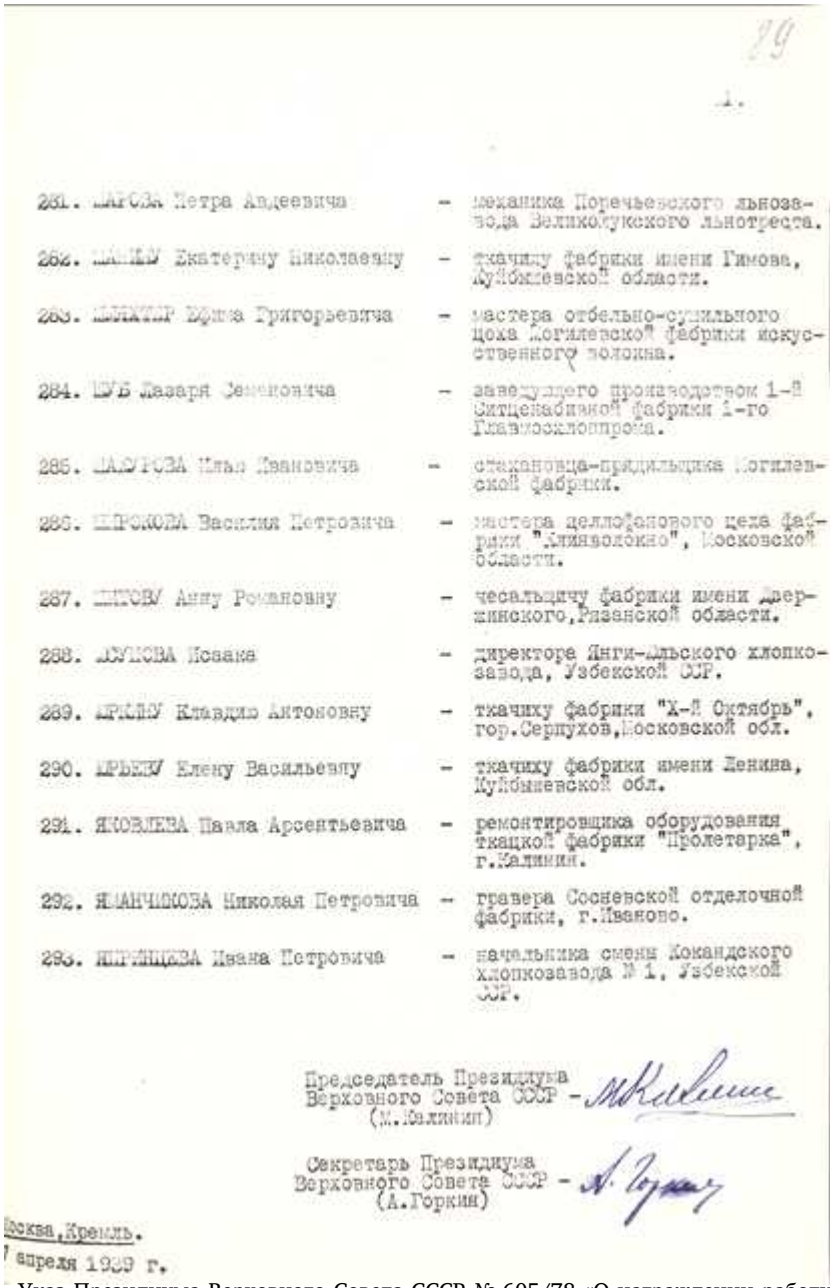
18. КОСЫГИНА Алексея Николаевича – бывшего директора фабрики "Октябрьская" в гор.Ленинграде, ныне Народного Комиссара Текстильной промышленности Союза ССР.

19. КУЗЬМИНУ Наталью Кузьминичну – ткачиху Егорьевской фабрики "Вождь Пролетариата", г.Егорьевск, Московской области.

20. ЛЕОНОВА Петра Григорьевича – заведующего художественной мастерской фабрики ЗИМ имени Молотова, гор.Иванов.

21. МАШКИНА Георгия Анатольевича – заместителя Народного Комиссара Текстильной промышленности СССР.

22. МИЛОХОВА Николая Ивановича – главного инженера Ферганского Заготхлоптреста.

281. [illegible] Петра Андреевича – механика Поречьевского льнозавода Великолукского льнотреста.

282. [illegible] Екатерину Николаевну – ткачиху фабрики имени Гимова, Куйбышевской области.

283. [illegible] Юлия Григорьевича – мастера отбельно-сушильного цеха Могилевской фабрики искусственного волокна.

284. [illegible] Лазаря Семеновича – заведующего производством 1-й Ситценабивной фабрики 1-го Главмосхлоппрома.

285. [illegible] Ильи Ивановича – стахановца-прядильщика Могилевской фабрики.

286. [illegible] Василия Петровича – мастера целлофанового цеха фабрики "Химволокно", Московской области.

287. [illegible] Анну Романовну – чесальщицу фабрики имени Дзержинского, Рязанской области.

288. [illegible] Исака – директора Янги-Юльского хлопкозавода, Узбекской ССР.

289. [illegible] Клавдию Антоновну – ткачиху фабрики "Х-й Октябрь", гор. Серпухов, Московской обл.

290. [illegible] Елену Васильевну – ткачиху фабрики имени Ленина, Куйбышевской обл.

291. ЯКОВЛЕВА Павла Арсентьевича – ремонтировщика оборудования ткацкой фабрики "Пролетарка", г. Калинин.

292. ЯНАНЧИКОВА Николая Петровича – гравера Сосневской отделочной фабрики, г. Иваново.

293. [illegible] Ивана Петровича – начальника смены Коканского хлопкозавода № 1, Узбекской ССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР – М. Калинин
(М. Калинин)

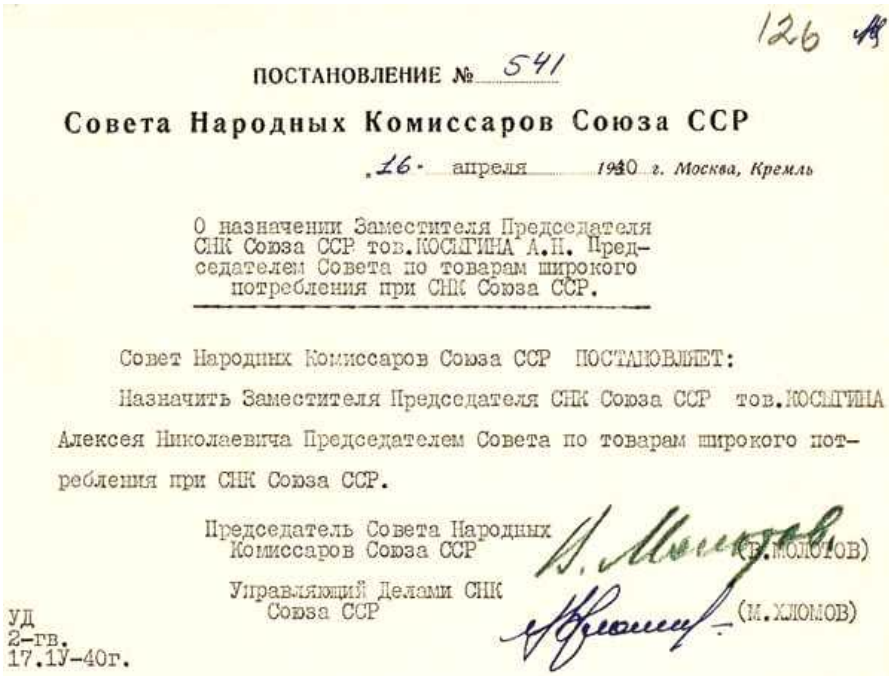
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР – А. Горкин
(А. Горкин)

Москва, Кремль.
7 апреля 1939 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР № 605/78 «О награждении работников текстильной промышленности орденом Ленина». 7 апреля 1939. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 12. Л. 39, 40, 89]

День спустя, 19 июня, состоялась еще одна встреча со Сталиным, продолжавшаяся 1 час 15 минут[79]. Обсуждали ситуацию, сложившуюся в Прибалтике. 16 июня 1940 года Советский Союз предъявил Эстонии ультиматум, в котором обвинял ее «в грубом нарушении условий ранее заключенного

соглашения и требовал сформировать новое, просоветское, правительство»[80]. 19 июня 1940 года эстонское правительство во главе с Ю. Улуотсом подало в отставку. Всем было понятно, что Эстония вот-вот войдет в состав СССР, что и произошло 6 августа того же года.

126

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 541

Совета Народных Комиссаров Союза ССР

16 апреля 1940 г. Москва, Кремль

О назначении Заместителя Председателя СНК Союза ССР тов.КОСЫГИНА А.Н. Председателем Совета по товарам широкого потребления при СНК Союза ССР.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

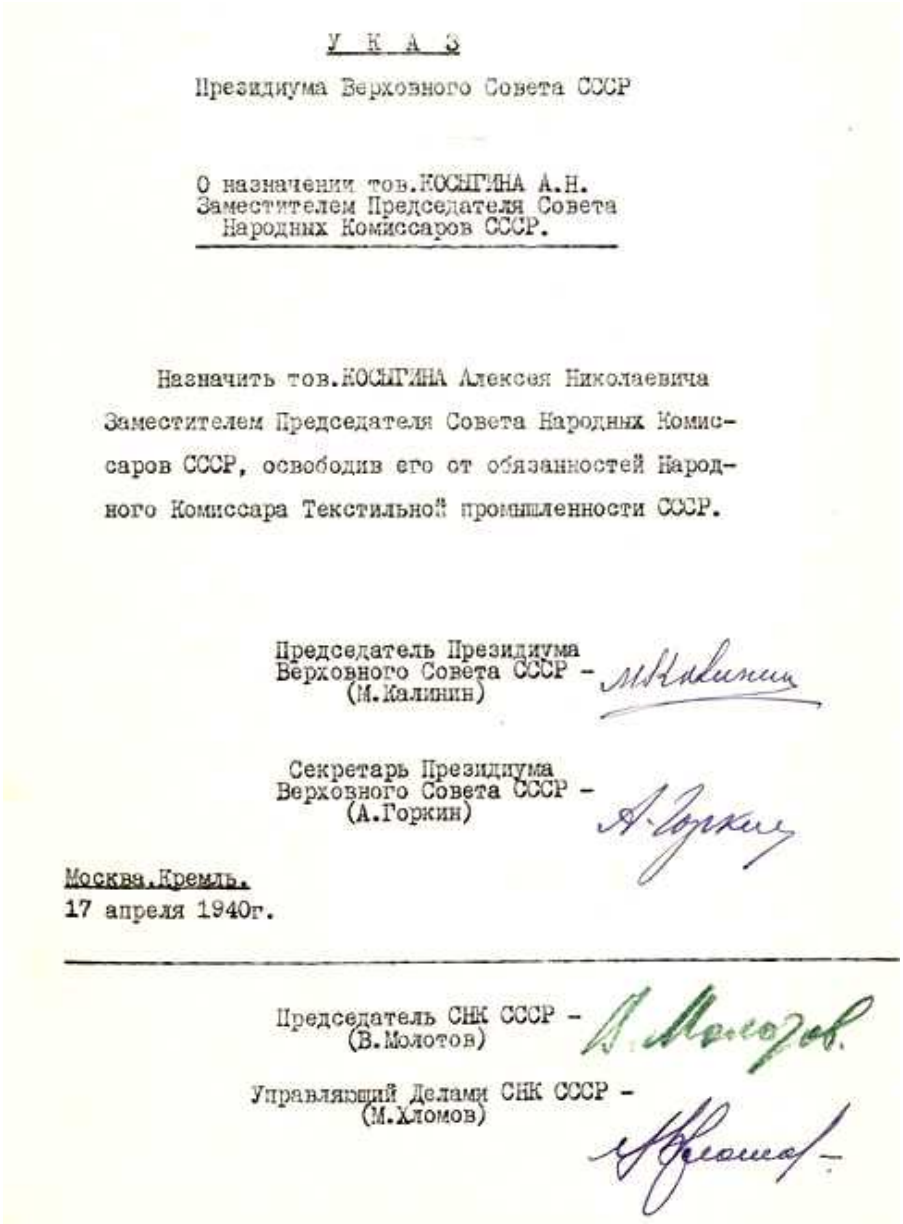
Назначить Заместителя Председателя СНК Союза ССР тов.КОСЫГИНА Алексея Николаевича Председателем Совета по товарам широкого потребления при СНК Союза ССР.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР (В.МОЛОТОВ)

Управляющий Делами СНК Союза ССР (М.ХЛОМОВ)

УД
2-гв.
17.1У-40г.

Постановление Совнаркома СССР № 541 «О назначении заместителя председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгина председателем Совета по товарам широкого потребления при Совнаркоме Союза ССР». 16 апреля 1940. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 166. Л. 126]

У К А З

Президиума Верховного Совета СССР

О назначении тов.КОСЫГИНА А.Н.
Заместителем Председателя Совета
Народных Комиссаров СССР.

Назначить тов.КОСЫГИНА Алексея Николаевича Заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, освободив его от обязанностей Народного Комиссара Текстильной промышленности СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР -
(М.Калинин)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР -
(А.Горкин)

Москва.Кремль.
17 апреля 1940г.

Председатель СНК СССР -
(В.Молотов)

Управляющий Делами СНК СССР -
(М.Хломов)

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении А. Н. Косыгина заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР». 17 апреля 1940. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 33. Л. 76]

На совещании обсуждалось экономическое положение и потенциал Эстонии, как включить республику в единый хозяйственный механизм, кого «двинуть» на укрепление советской власти. В кабинете собрались все руководители «хозяйственного блока»: замкнутый М. Г. Первухин, улыбчивый И. Ф. Тевосян, невозмутимый А. И. Микоян, самоуверенный

Н. А. Вознесенский, всего опасающийся В. А. Малышев, все время недовольный Л. М. Каганович и сам Алексей Николаевич.

Косыгин становился все более частым гостем сталинского кабинета. Следующая встреча произошла 26 октября 1940 года. Всего 35 минут. Кроме самого Сталина и его ближайшего окружения, присутствовал начальник Главного управления трудовых резервов при СНК СССР Петр Георгиевич Москатов[81]. Рассматривали проект постановления «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий». Косыгин, не понаслышке знающий проблему кадрового голода, осторожно высказал свои соображения. Сторонником платного обучения он не был, но и перечить Сталину не решился.

Более обстоятельная, полуторачасовая встреча с вождем состоялась 17 января 1941 года[82] — по итогам ревизии стратегических государственных резервов. Как выяснилось, на случай чрезвычайных обстоятельств их явно недостаточно — например, по запасам продовольствия. По черным и цветным металлам, нефтепродуктам они и вовсе мизерны. Косыгин стал одним из тех, кому было поручено всесторонне оценить и исправить ситуацию.

13 марта 1941 года[83] в сталинском кабинете с участием Косыгина обсуждались последствия войны с Финляндией.

Таким образом, *Алексей Николаевич постепенно входил если не в ближайший круг Сталина, то в «обойму», которая привлекалась для обсуждения важнейших вопросов. Причем таких, которые касались не только экономики, но и внутренней политики в целом.*

Со Ждановым Косыгин общался очень часто. Андрея Александровича интересовало все, что происходило в сталинском кабинете и кремлевских коридорах. Косыгин хорошо усвоил все правила партийного «политеса» и был со Ждановым откровенен — насколько возможно.

Глава 3. Почему

Почему Косыгин был сторонником экономики мобилизационного типа?

Потому что сам сыграл не последнюю роль в создании этой модели советской экономики, благодаря которой в годы войны удалось создать прочный тыл, обеспечить перевод всего хозяйственного комплекса на «военные рельсы».

Но складываться мобилизационная экономика начала задолго до 1941-го. И Косыгин, будучи едва ли не в «главной обойме» руководства страны, считал, что именно эта модель обеспечит существование Советского Союза «во вражеском окружении» как «военного лагеря», в который надо превратить СССР, чтобы «догнать и перегнать» станы «капитализма». А потому ответ на вопрос, ***почему*** *необходима данная модель экономики, для Косыгина существовал без всяких альтернатив.*

И в этой «безальтернативности» его убедила война…

Совет по эвакуации и другие назначения

День 22 июня 1941 года стал переломным для всех без исключения советских граждан, будь то работяга или народный комиссар. Жизнь человеческая разделилась на «до» и «после» дня гитлеровского вторжения.

Будучи на тот момент заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР, Алексей Николаевич Косыгин узнал о нападении Германии одним из первых. Жены в тот момент дома не было — ушла на рынок. Что сказать ей, двенадцатилетней дочери, старику-отцу, остававшемуся в Ленинграде? Для них нужно было найти подходящие слова, приободрить, хотя сам он понимал, что «шапками врага не закидаешь», что война — всерьез и надолго. Информацией он располагал не только по экономическим, но и по оборонным проблемам. Сейчас они приобретали особую остроту, и решать их предстояло новыми средствами, причем немедленно.

…И все же Алексей Николаевич улучил момент позвонить в тот день отцу:

— Папа, мы победим…

Борис Михайлович Шапошников. 1940-е. [Из открытых источников]

* * *

Отступление Красной армии под массированными ударами вермахта поставило под угрозу оккупации области, где проживало примерно 40 % населения Советского Союза, где работали более 3000 промышленных предприятий, более 1000 шахт, более 3000 нефтяных скважин, 61 электростанция[84].

Оставлять врагу огромный хозяйственный потенциал на этой территории — немыслимо. Уже на второй день войны встал вопрос об эвакуации промышленных предприятий и населения из западных республик и областей СССР в восточные районы страны. Первые три дня эвакуацией занимались «по собственному усмотрению» военное командование, партийные и советские органы. «Собственное усмотрение» принесло и соответствующие результаты: неразбериху и хаос. Где-то эвакуация из-за бардака и

дублирования руководящих структур была сорвана. Где-то эвакуация изначально приняла плановый характер, и на восток двинулись эшелоны с эвакуированными людьми и грузами. В первую очередь вывозили семьи комсостава Рабоче-крестьянской Красной армии, советских и партийных работников. Отправляли архивы, ценности, промышленное оборудование.

Заблаговременно подготовленных и утвержденных планов эвакуации не существовало, поскольку врага предполагалось бить исключительно на его территории. Впрочем, отдельные попытки предусмотреть такое развитие событий предпринимались. Еще 21 апреля 1941 года Совнарком СССР принял подготовленное Военно-промышленной комиссией при СНК СССР постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы». Один из его пунктов был посвящен созданию специальной комиссии по эвакуации населения из советской столицы в случае вражеского наступления. Комиссию возглавил председатель Моссовета В. П. Пронин. В начале июня она представила на рассмотрение И. В. Сталина план эвакуации и проект постановления Совнаркома «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время»[85].

Однако Сталин, ознакомившись с представленными документами, резко отчитал Пронина:

— Данные вопросы, во-первых, не в компетенции председателя Моссовета, товарищ Пронин…

— А во-вторых, — Сталин выдержал паузу, — эвакуация не отвечает нашей военной доктрине, которая не допускает даже намека на то, что какая-то часть советской территории будет отдана противнику в случае военного конфликта! Запомните это, товарищ Пронин!

Об этом разговоре — после которого руководитель Моссовета попал в больницу с сердечным приступом — Алексею Николаевичу рассказал сам Пронин, с которым у него сложились не просто деловые, а дружеские отношения.

Подлежит возврату в течение 24-х часов в Особую группу Секретного Отдела Управления Делами Совнаркома СССР.

253 190 229

РАССЕКРЕЧЕНО

экз. № 1

~~Сов. секретно.~~ (~~особая папка~~)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1740-748сс

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б) и СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

"24" июня 1941 года, Москва, Кремль.

О создании Совета по эвакуации.

Для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей Центральный Комитет ВКП/б/ и Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Создать Совет по эвакуации в составе тт. Кагановича Л.М. (председатель), Косыгина А.Н. (заместитель председателя), Шверника Н.М. (заместитель председателя), Шапошникова Б.М., Круглова С.Н. Попкова П.С., Дубровина Н.Ф., Кирпичникова.

2. Обязать Совет немедленно приступить к работе.

3. Установить, что решения Совета по эвакуации подписываются его председателем и являются обязательными.

Секретарь ЦК ВКП/б/
и Председатель Совнаркома СССР И.Сталин.

Постановление № 1740–748сс ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О создании Совета по эвакуации». 24 июня 1941. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106сч. Д. 20. Л. 190]

Председатель Совета по эвакуации Л. М. Каганович. 1930-е. [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 380. Л. 1]

Виктор Семенович Абакумов. 1938. [Из открытых источников]

Смятение, вызванное германским вторжением, было вскоре преодолено. Уже 24 июня 1941 года решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации при СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей». Косыгин был назначен заместителем председателя совета[86]. Еще одним заместителем стал председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Н. М. Шверник. В совет также вошли Б. М. Шапошников от Генерального штаба РККА, С. Н. Круглов от Народного комиссариата внутренних дел, П. С. Попков от Ленгорисполкома, Н. Ф. Дубровин от Наркомата путей сообщения и П. И. Кирпичников от Госплана СССР.

Председателем Совета по эвакуации был назначен, учитывая первостепенную роль в этом вопросе железных дорог[87], нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович.

Командующий войсками Западного фронта В. Д. Соколовский. 1943. [Из открытых источников]

Экз.№_

Рассекречено

ПРОТОКОЛ № 1

ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ПО ЭВАКУАЦИИ

24 июня 1941 года.

Председатель - Л.Каганович.

Присутствуют члены Совета: тт.Косыгин, Кирпичников, Дубровин.

Приглашенные: тт.Абакумов (НКВД СССР) и Соколовский (Генштаб РККА).

---

1. Об организации работы Совета по Эвакуации.
(тт.Каганович Л.М., Косыгин, Соколовский, Абакумов, Кирпичников).

1. Организовать в составе Совета по эвакуации 6 групп, согласно приложению.

Поручить т.Кагановичу Л.М. и т.Косыгину А.Н. 25 июня с.г. подобрать начальников групп и укомплектовать группы необходимыми работниками.

2. Утвердить т.Измайлова Ф.Т. секретарем Совета по Эвакуации.

3. Установить, что Совет по Эвакуации не имеет своих органов на местах и вся работа по эвакуации населения и имущества на местах проводится председателями СНК республик, облисполкомов и райисполкомов под их личную ответственность.

Внести в связи с этим соответствующий проект постановления на утверждение ЦК ВКП(б).

4. Обязать Госбанк - т.Дулганина, Наркомторг - т.Любимова, Наркомзем - т.Бенедиктова, Наркомздрав - т.Митерева, Наркомтяжмаш - т.Казакова, Наркомсредмаш - т.Малышева, Наркомобщмаш - т.Паршина, Центросоюз - т.Сидорова для оперативного разрешения вопросов, связанных с эвакуацией, выделить своих первых заместителей.

Поручить т.Косыгину проинструктировать соответственно этих зам.наркомов.

2.-

II. Срочные оперативные вопросы.
(тт.Каганович Л.М., Косыгин)

1. Поручить т.Абакумову (НКВД СССР) и т.Дубровину выявить 25.VI.с.г. наличие в пути на железных дорогах эшелонов с эвакуированным населением и представить предложения об организации их продвижения, обслуживания и об установлении пунктов их дальнейшего направления.

2. тт.Косыгину и Абакумову подготовить свои предложения по эвакуации ценного имущества из некоторых городов и районов фронтовой полосы.

Председатель Совета
по Эвакуации (Л.Каганович)

Протокол № 1 заседания Совета по эвакуации «Об организации работы Совета по эвакуации». 24 июня 1941. [ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 1–4]

Совет обязали приступить к выполнению своих прямых

обязанностей немедленно, а решения его были обязательны для исполнения. Первое заседание провели в день его создания, 24 июня 1941 года. Обсуждали организацию работы.

Председательствовал Каганович, присутствовали Косыгин, Дубровин, Кирпичников, а также В. С. Абакумов от НКВД и В. Д. Соколовский от Генштаба РККА.

По предложению Кагановича (не являвшегося, однако, автором идеи) при совете были созданы шесть групп.

Первая — по организации эвакуации по республикам и областям, с задачами учета эвакуируемого имущества, определения размеров эвакуации, установления ее сроков и порядка. Она состояла из девяти человек, представлявших три Прибалтийские республики, Белоруссию, Украину, Молдавию, Карело-Финскую ССР, Мурманск и область, Ленинград и область плюс один человек «по свободному учету».

Вторая группа отвечала за распределение и «использование» (так в документе) эвакуированного населения. Кроме руководителя группы, двое уполномоченных отвечали за эвакуацию сельского населения, двое — рабочих и служащих, еще двое решали и координировали вопросы жилищного размещения, врачебного обеспечения, обслуживания эвакуируемых в местах посадки, в пути следования и пунктах прибытия и размещения.

Третья группа должна была решать вопросы использования эвакуируемого имущества и наблюдения за всем ходом эвакуации. Состав группы: руководитель и шесть уполномоченных — по предприятиям электропромышленности и электростроительству, по оборонной промышленности, по машиностроению, по текстильной и легкой, пищевой, мясной и рыбной промышленности.

Четвертая группа отвечала за эвакуируемые сырье и товары и состояла из руководителя и уполномоченных — по хлебу, продовольственным товарам и по промышленному сырью.

Пятая группа — транспортировки и охраны имущества — состояла из начальника и двух уполномоченных.

Наконец, шестая отвечала за эвакуацию учреждений и культурных ценностей. Эту группу составили, кроме руководителя, уполномоченные по музеям и библиотекам, научным и учебным заведениям и по «перемещению учреждений»[88].

На первом же заседании Совета по эвакуации было принято решение, что в этот же день Каганович и Косыгин должны подобрать начальников групп и укомплектовать их уполномоченными. Впрочем, вопросом этим занимался один Алексей Николаевич, Кагановичу хватало дел и в родном

Наркомате путей сообщения.

На местах структуры Совета по эвакуации решили не создавать, а работу осуществлять через представителей совнаркомов республик, облисполкомов и райисполкомов. Тогда же постановили обязать Государственный банк, Наркомат внешней торговли, Наркомат земледелия, Наркомат здравоохранения, Наркомат тяжелого машиностроения, Наркомат среднего машиностроения, Наркомат общего машиностроения, Центросоюз (Центральный союз потребительских обществ) направить в совет первых заместителей их руководителей. Конкретно Косыгину поручалось проинструктировать «уполномоченных представителей». Кроме того, на него возлагалось решение оперативных вопросов. В первую очередь Алексею Николаевичу надлежало выявить — уже 25 июня 1941 года — наличие на железнодорожных магистралях эшелонов с эвакуируемым населением и представить предложения по установлению пунктов их дальнейшего направления. Косыгину — вместе с Абакумовым — поручалось также в срочном порядке подготовить предложения по эвакуации имущества районов, уже попавших в прифронтовую полосу[89].

27 июня 1941 года Совет по эвакуации был усилен Анастасом Ивановичем Микояном которого, как и Косыгина, считали «сильным хозяйственником», а 1 июля постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в совет были введены Л. П. Берия и М. Г. Первухин[90].

Новые назначения были вызваны тем, что из-за ухудшения обстановки на фронте масштаб эвакуации расширялся, а плановости и порядка все еще не хватало. Кроме того, приходилось выбирать, какие предприятия и учреждения следует эвакуировать в первую очередь.

Общение с Берией Косыгин старался свести к минимуму, предпочитая работать и делить ответственность с Микояном и Первухиным, которых знал много лет. Уже 1 июля они провели совещание, что называется, в «узком кругу». Говорили, естественно, о ситуации, сложившейся на фронте и в тылу, о неразберихе в НКПС, о первоочередных задачах.

Первым высказался Микоян:

— Обстановка на фронте меняется буквально каждый час. Вопрос стоит не в том, как снабжать фронт, а как спасти в западных районах запасы продовольствия, вооружения, боеприпасов и снаряжения…[91]

Косыгин добавил:

— Анастас Иванович, нам приходится буквально «с ходу» выбирать, что перебазировать в интересах государства в первую

очередь, а что — оставлять… К сожалению, вооружение и боеприпасы вывозить оперативно не получается, все, что можно, — сразу раздаем войскам.

Не удержался и Первухин:

— Да, выбор, что эвакуировать в первую очередь, а что — во вторую и третью, неизбежен… И выбирать надо срочно…

Микояну оставалось только поинтересоваться:

— А кто возьмет на себя ответственность в этом «выборе»?

Алексей Николаевич не замедлил с ответом:

— Только мы, Анастас Иванович: Вы, я, Михаил Георгиевич… И ЦК, и Совнарком свои решения будут мотивировать нашими расчетами и выводами…

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 года определялись первоочередные объекты эвакуации. В первую очередь вывозу в тыл подлежали квалифицированные рабочие кадры, старики, женщины, дети, затем — оборудование крупнейших предприятий, цветные металлы, хлеб, имеющие государственное значение ценности. На шестой день войны, 27 июня, были приняты постановления «О вызове из Ленинграда ценностей и картин ленинградского Эрмитажа, Русского и других музеев» и «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля»[92]. Это постановление было дополнено утвержденной Совнаркомом СССР специальной инструкцией о порядке демонтажа и вывоза оборудования промышленных предприятий. Основные положения инструкции были разработаны Косыгиным, Ленинград оставался его «малой родиной».

При его участии готовилась и директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, которая призывала население «не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего»[93].

27

ПОСТАНОВЛЕНИЕ №

Совета Народных Комиссаров Союза ССР

1 июля 1941 г. Москва, Кремль

Об образовании при СНК СССР Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной армии.

Утвердить следующее постановление СНК СССР:

"Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Образовать при ~~Гос~~ Совнаркоме СССР Комитет продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии в составе:

т.МИКОЯН А.И. (председатель)
т.КОСЫГИН А.Н. (заместитель)
т.ХРУЛЕВ А.В.
т.ЗОТОВ Б.П.
т.ЛУКИН С.Г.
~~т.ПЕТРОВИЧ К.Г.~~

Ответственный Секретарь Комитета - СМИРНОВ М.С."

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

(И.СТАЛИН)

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР

(Я.ЧАДАЕВ)

Т34/169
1.VII-41г.

Отпечатано 5 экз.
Подпись Якокина

Постановление СНК СССР «Об образовании при СНК СССР Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной армии» (утверждено Политбюро ЦК ВКП(б)). 1 июля 1941. Автографы А. И. Микояна, И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. А. Андреева. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1317. Л. 27]

Через два дня, 1 июля 1941 года, Косыгин был назначен заместителем председателя Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной армии[94], образованного при СНК СССР. Возглавил его А. И. Микоян. В комитет также вошли начальник Главного управления тыла РККА в ранге заместителя наркома обороны СССР А. В. Хрулев, народный комиссар пищевой промышленности СССР В. П. Зотов и руководитель Народного комиссариата легкой промышленности СССР С. Г. Лукин. Ответственным секретарем был назначен М. С. Смиртюков, с которым Алексей Николаевич проработает вместе почти 40 лет.

Александр Васильевич Хрулев. 1940-е. [Из открытых источников]

Косыгину впервые пришлось заниматься вопросами снабжения действующей армии, да еще в условиях военного времени. Правда, много лет спустя А. И. Микоян утверждал, что данный комитет практически не действовал[95].

По распоряжению Микояна Косыгин, проконсультировавшись с наркомом земледелия СССР И. А. Бенедиктовым, заместителем

наркома зерновых и животноводческих совхозов СССР И. А. Крыловым, наркомом мясомолочной промышленности СССР В. П. Смирновым, а также с упомянутым уже Зотовым, подготовил проект постановления ГКО об эвакуации из прифронтовой зоны скота, зерна, различных материальных ценностей, принадлежащих колхозам, совхозам, МТС и другим государственным организациям. В проекте постановления предусматривалось обязать правительства Украины, Белоруссии, Молдавии и исполкомы Ленинградской, Смоленской, Калининской, Орловской областей в декадный срок провести соответствующую эвакуацию. При этом прописывались места, куда необходимо было перевезти скот и оборудование, утверждался порядок эвакуации.

После согласования проекта постановление ГКО по данному вопросу было принято[96].

Но и это еще не все.

Согласно постановлению Государственного комитета обороны СССР от 6 июля 1941 года (за № 30) «О плане производства и поставки боеприпасов на июль и второе полугодие 1941 года», на Косыгина возлагался контроль за выполнением принятых мобилизационных заданий по боеприпасам и вооружению по семи союзным наркоматам: текстильной, легкой, пищевой и рыбной промышленности, мясной и молочной промышленности, лесной промышленности, строительных материалов и местной промышленности союзных республик[97].

В тот же день Сталин, позвонив своему заместителю, сказал:

— Товарищ Косыгин, вам предоставляется право самостоятельно принимать решения, касающиеся деятельности этих ведомств.

* * *

Налаживалась эвакуация с большим трудом. Сказывалась обстановка на фронте: немецкие танковые колоны уже на седьмой день ворвались в Минск и двинулись в сторону Смоленска, откуда на Москву открывался прямой путь. Были и другие причины.

Для многих и в Совнаркоме, и в самом Совете по эвакуации уже в начале июля стало ясно, что Каганович с обязанностями руководителя совета не справляется, да и с задачами, поставленными перед ним как наркомом путей сообщения, управляется с трудом.

На железных дорогах стали «пропадать» вагоны с

боеприпасами и вооружением, столь необходимые фронту. Руководство НКПС и Управления военных сообщений во главе с генерал-лейтенантом Н. И. Трубецким «совершило ряд стратегических просчетов и ошибок, усугубивших положение» (так считали в Государственном комитете обороны). Согласно их распоряжениям, воинским транспортам перестали присваивать «литерные» номера. Вооружение и боеприпасы отправлялись в действующую армию партиями в 3–5 вагонов. Это привело к полной утрате контроля над ними. Бывали случаи, когда начальники станций, не имея информации об этих составах и считая их бесхозными, загоняли их в тупики. Или, в лучшем случае, включали в невоенные. Днями, а то и неделями они простаивали в тупиках или «растворялись» среди обычных товарников[98].

Подобная ситуация наблюдалась не только на второстепенных железнодорожных узлах, но и в Москве, где шедшими со всех направлений составами оказались забиты все железнодорожные вокзалы, ветки и тупики. Здесь царила полная неразбериха. Вагоны с боеприпасами, продовольствием, медикаментами и фуражом терялись, эшелоны с эвакуированным населением и оборудованием отправлялись не к тем пунктам назначения, которые указывались в путевых листах. Доходило до того, что военные грузы перегружали с вагонов на грузовые автомашины и уже таким образом отправляли на фронт.

В конце концов генерал Трубецкой был 8 июля 1941 года снят с должности, через три дня арестован и предан военному суду[99], а Л. М. Каганович, получив строгий выговор, был снят с поста председателя Совета по эвакуации. Косыгин этому решению не удивился. С Кагановичем отношения у него складывались непросто, учитывая «взрывной» характер, жесткость, подозрительность, свойственные наркому путей сообщения[100]. Косыгин в противовес ему — спокойный, исключительно порядочный, хотя и не менее требовательный.

На пост руководителя Совета по эвакуации 3 июля 1941 года был назначен Николай Михайлович Шверник, входивший в совет с момента его образования. Косыгин и Микоян стали его заместителями. Шверник слабо разбирался в хозяйственных вопросах, кроме того, не мог похвастаться крепким здоровьем. Человеком он был очень осторожным, при возможности готов был переложить ответственность (как и лавры победителя) на своих заместителей, которых уважал как специалистов и которым доверял во всем.

Председатель Совета по эвакуации Н. М. Шверник. 1930-е. [РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.Д. 859]

Повторим: конкретного, заблаговременно разработанного эвакуационного плана не существовало, не было и опыта планирования и осуществления в условиях военного времени перемещения — в таких масштабах и на такие расстояния — населения, оборудования промышленных предприятий, сырьевых и продовольственных запасов, культурных ценностей.

По воспоминаниям одного из уполномоченных Совета по эвакуации, он и его коллеги обращались в центральные библиотеки и архивы с просьбой подобрать литературу и документы, содержащие информацию об эвакуации во время Первой мировой войны. Увы, найти мало что удалось, да и времени не было. Опыт приобретался на практике, путем проб и ошибок[101].

В самом начале июля 1941 года А. Н. Косыгин и А. И. Микоян, центральные фигуры Совета по эвакуации, предприняли попытку выработать, хотя бы в общих чертах, единый план эвакуационных мероприятий. Он содержал 17 пунктов.

Пункты плана «сводили воедино» на «малом совете» двух лиц — Косыгина и Микояна.

Докладывал Косыгин:

— Итак, Анастас Иванович, из прифронтовых районов население должно эвакуироваться по приказам военного командования, а из других районов — по решению Совета по эвакуации. Причем в последнем случае контингент и очередность эвакуируемых, ход эвакуации — все определяется местными властями. Это и количество необходимых вагонов, маршруты, порядок и время погрузки в эшелоны. Процесс строго регламентируется. Списки эвакуируемых должны составляться в каждом из эшелонов повагонно и передаваться на руки начальникам эшелонов. Совнаркомам республик, областным и краевым исполкомам предписывается создавать отделы по эвакуации, разрабатывать маршруты эвакуации.

Микоян не спорил, так как все было уже обговорено.

— Необходимо четко прописывать правила формирования эшелонов с эвакуируемыми: назначение специальных уполномоченных для организации эвакуации, создание эвакопунктов и обеспечение их всем необходимым, подбор медицинского персонала и политработников на эвакопункты, назначение начальников эшелонов, на которых возложить обязанности сопровождения эвакуируемых до пункта назначения. Строго-настрого запретить самовольное размещение в эшелонах лиц, не имеющих специальных разрешений советских или военных властей…

Микоян вставил свое:

— Пункты «окончательного направления»: Иваново, Тамбов, Пенза, Поворино, Сталинград. Местные власти должны обеспечивать расселение эвакуируемых. Считаю правильным предложение о создании двух линий «разнесения» эвакуируемых, первая — в пределах Поволжья и Предуралья, вторая — в пределах Восточной Сибири и Казахстана.

Косыгин, внимательно выслушав Микояна, продолжил:

— Теперь о Москве, она, по сути, получает особый статус. Чтобы предотвратить попытки эвакуируемых задержаться в столице, необходимо создать пункты-заслоны милиции, проводить проверки всех пассажирских поездов, следующих через Москву. На железнодорожных вокзалах и в пригородных зонах

осуществлять «зачистки» эвакуируемых, самочинно прибывающих в столицу как группами, так и в одиночку[102]. Нарушителей — под арест.

«Собеседник» Косыгина вновь поспешил вставить свое слово в строку:

— Власти районов, куда идет эвакуация населения и оборудования, обязаны отвечать за своевременную разгрузку железнодорожного транспорта, подготовку жилого фонда, размещение эвакуируемых и устройство их на работу, оказание медицинской помощи, а также обеспечение их всем необходимым: питанием, одеждой, обувью… Всем, чем могут…

Алексей Николаевич продолжил:

— На первое время стоит предусмотреть возможность «уплотнения» местного населения, бесплатное использование местного транспорта для перемещения эвакуируемых от железнодорожных станций до мест проживания, выдачу единовременного пособия эвакуируемым при приеме их на работу, организацию учета эвакуируемых на местах и создание бюро справок о местонахождении последних.

Микоян с сомнением покачал головой:

— Это так, но стоит подумать о создании временного фонда жилья, создании запасов продовольствия и медикаментов…

— Согласен, — Косыгин даже и не думал возражать.

На основе разработок Косыгина и Микояна и по их же инициативе и при прямом участии СНК СССР 5 июля 1941 года принял постановление «О порядке эвакуации населения в военное время» за № 1825–818. Постановление было подписано председателем Совнаркома СССР И. В. Сталиным[103].

Казалось, учли все, что нужно. Эвакуируемых — не более 2 миллионов человек — предполагалось расселять в ближайшие тыловые районы: чуть более 1,5 миллионов в границах первой линии и около 500 тысяч — в границах второй. Однако отступление советских войск и наступление немецких продолжалось. Вскоре стало ясно, что эвакуировать придется многие миллионы людей и тысячи предприятий.

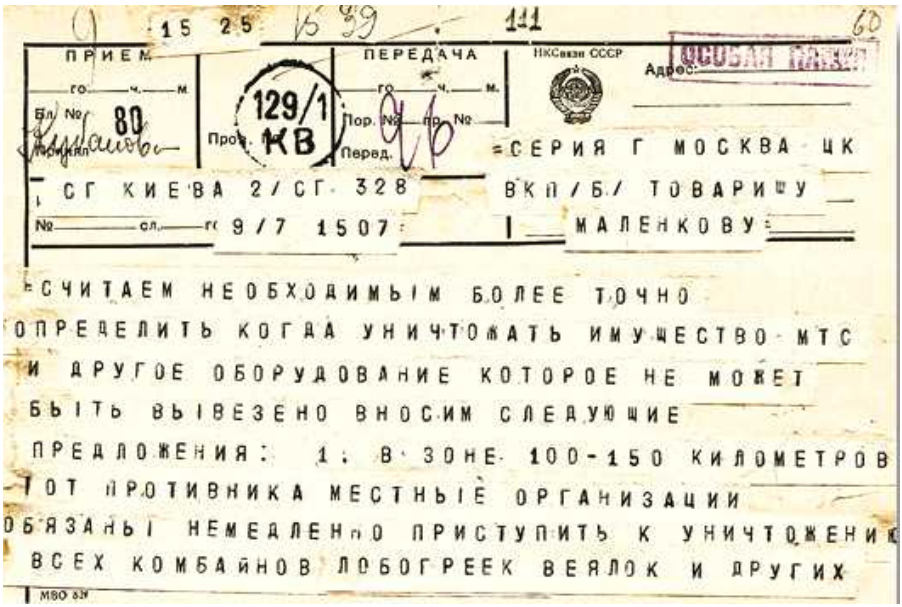
9 июля из Киева пришла срочная телеграмма от Хрущева:

«Считаем необходимым более точно определить, когда уничтожать имущество МТС и другое оборудование, которое не может быть вывезено. Вносим следующие предложения:

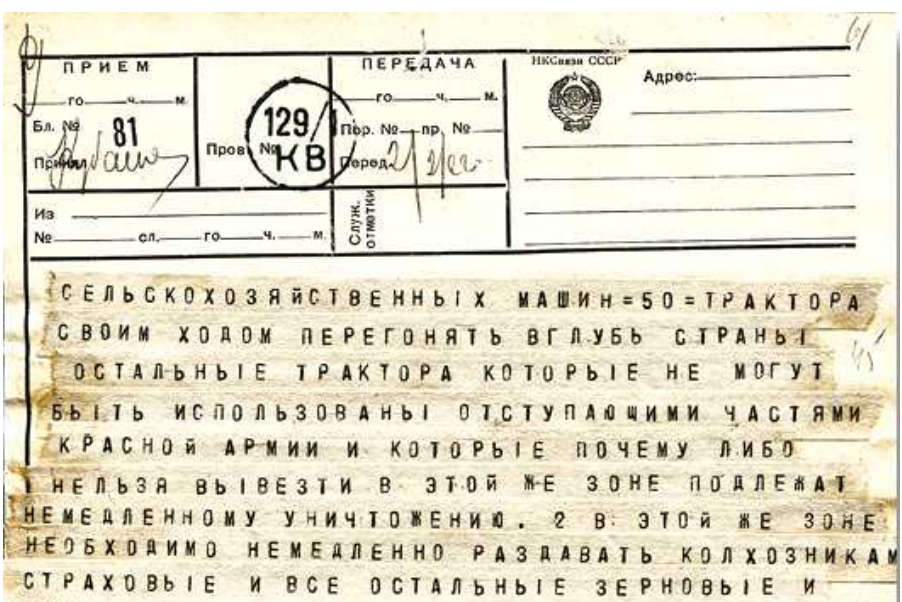
В зоне 100–150 километров от противника местные организации обязаны немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов, лобогреек, веялок и других сельскохозяйственных машин. Тракторов своим ходом перегонять

вглубь страны, остальные трактора, которые не могут быть использованы отступающими частями Красной армии и которые почему-либо нельзя вывезти в этой же зоне, подлежат немедленному уничтожению.

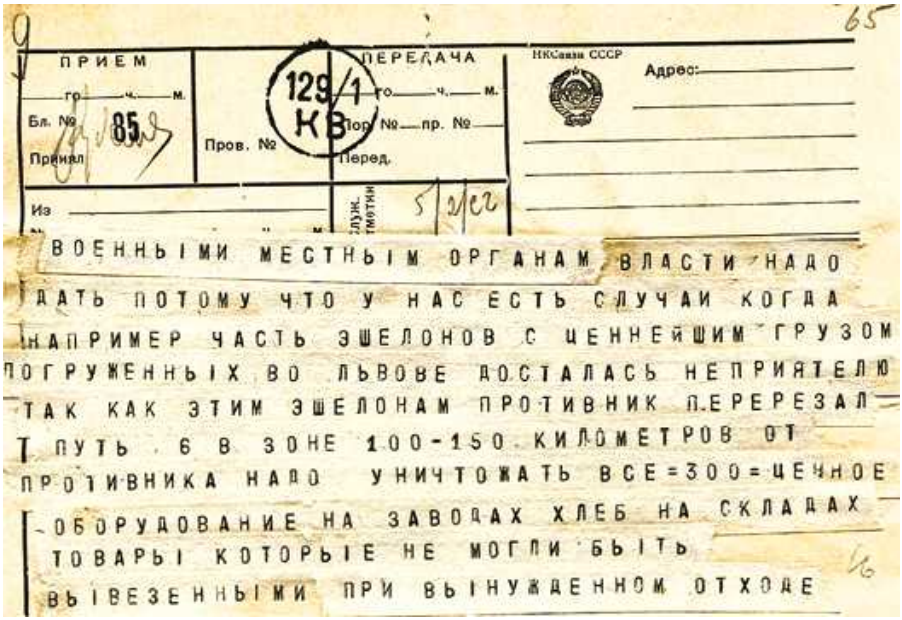
В этой же зоне необходимо немедленно раздавать колхозникам страховые и все остальные зерновые и прочие колхозные фонды.

ПРИЕМ
ПЕРЕДАЧА
НКСвязи СССР
Адрес:
Бл. № 80
Прин.
Пров. 129/1 КВ
Перед.
=СЕРИЯ Г МОСКВА ЦК
СГ КИЕВА 2/СГ 328
ВКП/Б/ ТОВАРИЩУ
№ сл. г. 9/7 1507
МАЛЕНКОВУ
=СЧИТАЕМ НЕОБХОДИМЫМ БОЛЕЕ ТОЧНО
ОПРЕДЕЛИТЬ КОГДА УНИЧТОЖАТЬ ИМУЩЕСТВО МТС
И ДРУГОЕ ОБОРУДОВАНИЕ КОТОРОЕ НЕ МОЖЕТ
БЫТЬ ВЫВЕЗЕНО ВНОСИМ СЛЕДУЮЩИЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ: 1. В ЗОНЕ 100-150 КИЛОМЕТРОВ
ОТ ПРОТИВНИКА МЕСТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЯЗАНЫ НЕМЕДЛЕННО ПРИСТУПИТЬ К УНИЧТОЖЕНИЮ
ВСЕХ КОМБАЙНОВ ЛОБОГРЕЕК ВЕЯЛОК И ДРУГИХ
МВО 82

ПРИЕМ
ПЕРЕДАЧА
НКСвязи СССР
Адрес:
Бл. № 81
Прин.
Пров. 129/1 КВ
Перед.
Из
№ сл. г. м.
Служ. отметки
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАШИН=50=ТРАКТОРА
СВОИМ ХОДОМ ПЕРЕГОНЯТЬ ВГЛУБЬ СТРАНЫ
ОСТАЛЬНЫЕ ТРАКТОРА КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ
БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ОТСТУПАЮЩИМИ ЧАСТЯМИ
КРАСНОЙ АРМИИ И КОТОРЫЕ ПОЧЕМУ ЛИБО
НЕЛЬЗЯ ВЫВЕЗТИ В ЭТОЙ ЖЕ ЗОНЕ ПОДЛЕЖАТ
НЕМЕДЛЕННОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ. 2 В ЭТОЙ ЖЕ ЗОНЕ
НЕОБХОДИМО НЕМЕДЛЕННО РАЗДАВАТЬ КОЛХОЗНИКАМ
СТРАХОВЫЕ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ЗЕРНОВЫЕ И

ПРИЕМ
го ч. м.
Бл. № 85
Принял
Пров. №
129/1 КВ
ПЕРЕДАЧА
го ч. м.
Пор. № пр. №
Перед.
НКСвязи СССР
Адрес:
Из
Служ. отметки
5/7/41
ВОЕННЫМИ МЕСТНЫМ ОРГАНАМ ВЛАСТИ НАДО
ДАТЬ ПОТОМУ ЧТО У НАС ЕСТЬ СЛУЧАИ КОГДА
НАПРИМЕР ЧАСТЬ ЭШЕЛОНОВ С ЦЕННЕЙШИМ ГРУЗОМ
ПОГРУЖЕННЫХ ВО ЛЬВОВЕ ДОСТАЛАСЬ НЕПРИЯТЕЛЮ
ТАК КАК ЭТИМ ЭШЕЛОНАМ ПРОТИВНИК ПЕРЕРЕЗАЛ
ПУТЬ 6 В ЗОНЕ 100-150 КИЛОМЕТРОВ ОТ
ПРОТИВНИКА НАДО УНИЧТОЖАТЬ ВСЕ=ЗОО=ЦЕННОЕ
ОБОРУДОВАНИЕ НА ЗАВОДАХ ХЛЕБ НА СКЛАДАХ
ТОВАРЫ КОТОРЫЕ НЕ МОГЛИ БЫТЬ
ВЫВЕЗЕННЫМИ ПРИ ВЫНУЖДЕННОМ ОТХОДЕ

ПРИЕМ
го ч. м.
Бл. № 86
Принял
Пров. №
129/1 КВ
ПЕРЕДАЧА
го ч. м.
Пор. № пр. №
Перед
НКСвязи СССР
Адрес:
Из
№ сл. го ч. м.
Служ. отметки
5/7/41
ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ =СЕКРЕТАРЬ
ЦК КП/Б/У Н ХРУЩЕВ 9 ИЮЛЯ 1941 Г

Шифротелеграмма Н. С. Хрущева Г. М. Маленкову с предложением об уничтожении в зоне 100–150 км от противника всего сельскохозяйственного имущества, которое не может быть вывезено. 9 июля 1941. [РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 22. Л. 60–66]

В этой же зоне немедленно приступать к угону всего скота колхозов, совхозов, волов и молодняка лошадей. Рабочие лошади, которые могут понадобиться отступающим частям Красной армии, подлежат угону тогда, когда противник подошел на расстояние 10–30 километров. Категорически запретить гнать скот по дорогам, где происходит передвижение войск, скот гнать по посевам, по свекле и по дорогам, которые не использует Красная армия.

Свиньи колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим в городах, госпиталях, больницах,

ученикам ФЗО. Определенное количество свиней подлежит оставлению в этой зоне в живом виде для проходящих частей Красной армии. Птица колхозных и совхозных ферм в этой же зоне также подлежит раздаче в убойном виде воинским частям, колхозникам, рабочим.

В зоне 100–150 километров местные органы власти, по согласованию с военным командованием, сами принимают решение о том, какое именно ценное оборудование, погруженное в вагоны, должно быть уничтожено в эшелонах вследствие невозможности вывоза его. Такую директиву военным и местным органам власти надо дать потому, что у нас есть случаи, когда, например, часть эшелонов с ценнейшим грузом, погруженных во Львове, досталась неприятелю, так как этим эшелонам противник перерезал путь.

В зоне 100–150 километров от противника надо уничтожить все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезенными при вынужденном отходе частей Красной армии.

Секретарь ЦК КП(б) Украины Хрущев»[104].

Ответ поручили готовить Алексею Николаевичу, а подписал его Сталин:

«10 июля 1941 г. Киев, Хрущеву.

1. Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина[105], где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство советской властью, расстроить тыл Красной армии и создать, как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

Государственный комитет обороны обязывает вас ввиду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать, с тем чтобы электростанции надолго не могли действовать.

Водопроводы не взрывать.

Заводы не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование.

Председатель Государственного комитета обороны И. Сталин»[106].

Взвешенный ответ на панические предложения остудил пыл Хрущева, а заодно заложил первый камень его нелюбви к Косыгину. «Доброжелатели» информировали его, кто подготовил текст депеши.

11 июля 1941 года постановлением Государственного комитета обороны СССР № 99 «Об эвакуации промышленных предприятий» при Совете по эвакуации создавалась специальная группа инспекторов, осуществляющих контроль за проведением эвакуации промышленных предприятий. Руководителем группы назначили А. Н. Косыгина. Сказались его организаторские способности, знание ситуации и умение принимать оптимальные решения[107]. Инспекторами Совета по эвакуации стали уполномоченные Совнаркома СССР: М. Д. Хломов, А. К. Горчаков, А. С. Болдырев, Г. А. Малявин; заведующие отделами ВЦСПС: А. П. Степанов, М. В. Бербасов, А. О. Алмазов (погибший при эвакуации Ростова), В. Т. Зубов; представители ЦК профсоюзов: К. А. Агаджанов, Б. В. Воженин, А. О. Асланов, М. И. Салтыков (также погиб при эвакуации Ростова); секретари и работники обкомов партии: Г. Е. Мельников, Я. А. Желинин, Е. М. Порошин, Г. М. Колосов, В. Ф. Гоголев, К. П. Воронин и другие.

Экз. №.....

СОВ. СЕКРЕТНО

РАССЕКРЕЧЕНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-99сс.

от „11" июля 1941 г. Москва, Кремль.

ОБ ЭВАКУАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ.

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Утвердить представленный Советом по Эвакуации план эвакуации промышленных предприятий, согласно прилагаемому списку.

2. Обязать наркоматы, перечисленные в списке, выделить ответственных лиц (по наркомату, главку, каждому предприятию) за проведение эвакуации предприятий, обеспечив своевременную погрузку и доставку на место в полной сохранности всего оборудования, материалов и другого имущества.

3. Установить, что одновременно с эвакуацией оборудования вывозят бригады монтажников и инженерно-технических работников для монтажа этого оборудования на новом месте.

4. Установить, что на всех заводах, передаваемых для других назначений, задания по производству вооружения и боеприпасов на этих заводах, безусловно, подлежат сохранению.

5. Срок эвакуации предприятий, указанных в прилагаемом списке, установить 5-7 дней, за исключением заводов и отдельных цехов, выполняющих неотложные текущие военные заказы, в отношении которых срок эвакуации устанавливается особо Государственным Комитетом Обороны.

6. Обязать НКПС выделить для вышеуказанной эвакуации промышленных предприятий 40940 вагонов и установить, совместно с заинтересованными наркоматами, количество вагонов, подлежащих подаче ежесуточно под погрузку людей, оборудования и материалов.

7. Образовать при Совете по эвакуации группу инспекторов во главе с тов. Косыгиным по контролю за проведением эвакуации предприятий.

Государственный Комитет Обороны № 1 Протокольная часть ГКО

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В.МОЛОТОВ

Выписки посланы: т.т.Швернику, Косыгину, Кагановичу, Маленкову - все; Устинову, Богатыреву, Горемыкину, Носенко, Ломако, Денисову, Митрохину, Тевосяну, Малышеву Паршину, Ефремову, Казакову, Вахрушеву - пост.все, из приложения - соотв.
Наркомам - соотв., обкомам ВКП(б) - соотв.

5-нс.

Постановление ГКО СССР № 99сс «Об эвакуации промышленных предприятий». 11 июля 1941. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 39]

Максим Захарович Сабуров. 1940. [Из открытых источников]

Алексей Николаевич знал каждого из инспекторов лично, доверял им и поощрял их инициативу. Гибель подчиненных переживал как личную трагедию.

16 июля 1941 года Совет по эвакуации был переподчинен Государственному комитету обороны, что заметно повысило его статус. А в поименном списке заместителей председателя совета А. Н. Косыгин занял первую строчку. За ним следовали: М. Г. Первухин, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, М. З. Сабуров, В. С. Абакумов. Именно так, а не по алфавиту[108].

Это явственно подтверждало авторитет Косыгина в Совете по эвакуации.

Однако признание — признанием, но проблемы с эвакуацией стояли по-прежнему остро. Спустя почти месяц с начала войны Генштаб направил в Совет по эвакуации письмо, в котором отмечалось, что вывоз населения и ценного имущества,

оборудования и материалов промышленных предприятий из прифронтовых районов до сих пор осуществляется с огромными трудностями. Все это, признавали военные, результат отсутствия заблаговременно составленного эвакоплана. Они предлагали совету подключить наркоматы к организации вывоза предприятий, заранее определив эвакобазы и районы для размещения эвакуируемого населения[109].

…Учитывая стремительно ухудшающуюся обстановку на фронтах, приходилось вывозить только наиболее важные агрегаты и комплексы. Ценность оборудования определялась двумя главными факторами: возможностью быстро развернуть его на востоке и пригодностью его для выпуска военной продукции. Причем перебоя в производстве боеприпасов и вооружений допустить было нельзя, а потому оборонные предприятия продолжали работать на старом месте до последней возможности. Очередность эвакуации промышленных предприятий зависела от конкретной обстановки на фронте, от значения их для оборонного комплекса.

150

~~Проект~~

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Постановление № 173

от 16 июля 1941 г. Москва, Кремль

О ~~составе~~ Совета по эвакуации

Во изменение Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 года № 1740-748сс, Государственный Комитет Обороны постановляет:

Создать Совет по эвакуации в следующем составе:

т.Шверник Н.М. – Председатель Совета

т.Коснгин А.Н. – Зам.Председателя Совета

т.Первухин М.Г. – Зам.Председателя Совета

т.Каганович Л.М.–(с заменой т.Арутюновым Б.Н.)

т.Сабуров М.З. – (с заменой т.Косяченко Г.П.)

т.Абакумов В.С. (НКВД)

Председатель Государственного
Комитета Обороны

ГКО-173
от 16 VII.41 г.

Кат. ук. – 1 экз. + т. Гадаеву

Б.

Постановление ГКО СССР № 173 «О составе Совета по эвакуации». 16 июля 1941. Правка В. М. Молотова. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 5. Л. 150]

Косыгин требовал, чтобы на местах контролировали

комплектность при демонтаже и перевозке механизмов, станков и агрегатов. Эшелоны следовало формировать и направлять так, чтобы в пункте назначения можно было быстро развернуть предприятие. Притом учитывался порядок создания производства на новых местах: эшелоны должны были доставлять «блоки» для монтажа всей производственной цепочки в соответствующей очередности.

Этих правил начали строго придерживаться уже при переброске предприятий Наркомата тяжелого машиностроения и черной металлургии с правого берега Днепра[110] в начале августа 1941-го. Вслед за ними настала очередь предприятий химической, пищевой промышленности, боеприпасов. Вопросы эвакуации решались в тесном контакте с представителями Генерального штаба РККА. По настоятельной просьбе А. Н. Косыгина в Совет по эвакуации был введен заместитель начальника Главного управления тыла РККА генерал-лейтенант М. В. Захаров[111].

Николай Николаевич Воронов. 1950-е. [Из открытых источников]

СОЮЗ
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

„26" августа 1941 г.

№ 586

МОСКВА, КРЕМЛЬ

~~1941~~ №5

5

М А Н Д А Т

Заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны т.МОЛОТОВ В.М.,Член Государственного Комитета Обороны т.МАЛЕНКОВ Г.М. Народный Комиссар Военно-Морского Флота т.КУЗНЕЦОВ Н.Г., заместитель Председателя Совнаркома СССР т.КОСЫГИН А.Н.,Командующий ВВС Красной Армии т.ЖИГАРЕВ П.Ф. и Начальник Артиллерии Красной Армии т.ВОРОНОВ Н.Н. уполномачиваются Государственным Комитетом Обороны для рассмотрения и решения, совместно с Военным Советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным Советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. Сталин.

Мандат В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. Г. Кузнецова, А. Н. Косыгина, П. Ф. Жигарева и Н. Н. Воронова как уполномоченных ГКО СССР по рассмотрению и решению вопросов обороны, эвакуации предприятий и населения Ленинграда. 26 августа 1941. [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 862. Л. 5]

19 августа 1941 года Косыгина принял И. В. Сталин, причем — одного, без других заместителей и даже без его непосредственного начальника по совету. Видимо, он был осведомлен о том, *кто* фактически руководил эвакуацией и что

Шверник являлся фигурой по сути номинальной. Встреча один на один продолжалась 30 минут[112]. Обсуждался вопрос об эвакуации населения и предприятий из Ленинграда. Решение Сталин уже принял:

— Вы должны этим заняться, товарищ Косыгин, это же Ваш родной город.

Уже через несколько дней Косыгина включили в состав комиссии, созданной ГКО СССР для «рассмотрения и решения, совместно с Военным советом Главного командования Северо-Западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»[113].

Поскольку комиссия имела право «рассматривать и решать» все вопросы по обороне Ленинграда, ее состав был внушительным: заместитель председателя ГКО В. М. Молотов, член ГКО Г. М. Маленков, народный комиссар военно-морского флота Н. Г. Кузнецов, командующий ВВС РККА П. Ф. Жигарев, начальник артиллерии РККА Н. Н. Воронов. Косыгин вошел в комиссию и как заместитель председателя Совета по эвакуации, и как — в недавнем прошлом — председатель Ленинградского горисполкома. 27 августа комиссия вылетела в Ленинград. Там к ней присоединился Л. П. Берия.

О первой военной поездке в Ленинград сохранились воспоминания самого Алексея Николаевича в изложении писателя Даниила Гранина[114]:

«…Летели самолетом до Череповца. Дальше нельзя — шли воздушные бои. В Череповце взяли паровоз с вагоном. Недалеко от Мги попали под бомбежку. Вышли из вагона, укрылись в кювете, впереди зарево, горят станция, склады, поселок. Пути разбиты. Сидим. Я говорю Кузнецову — пойдем, посмотрим, что делается впереди. Пошли. Кое-где ремонтники появились, еле шевелятся. Стоит какой-то состав. Часовые. Мы к ним: что за эшелон? Красноармеец матом нас шуганул. Представляете — наркома и меня, заместителя председателя Совнаркома!.. Мы потребовали вызвать командира эшелона. Он явился. Попросил извинить. Оказывается, сибирская дивизия следует на фронт. Через них кое-как связались с Ленинградом, с Ворошиловым. Он прислал за нами бронепоезд — два вагона плюс зенитки.

Под утро добрались до Ленинграда. Прибыли в Смольный, собрали командование. О положении на фронте докладывал Ворошилов — главком Северо-Западного направления. Наступление немецких войск удержать не удалось. Немецкие армии двигались на город с нескольких сторон. Обстановка была запутанной, нарушалось управление фронтами. Вечером

комиссия подвела итоги. Несколько Военных советов — Северо-Западного направления, города, Красногвардейского укрепрайона и других — создавали неразбериху. Решено было создать единый Военный совет, выделить самостоятельный Карельский фронт, передать ему такие-то части».

Уже тогда стало ясно, что руководство города, не понимая опасности, угрожающей Ленинграду, не заботилось обеспечить эвакуацию жителей и промышленности…

«Комиссия должна была определить, можно ли оставлять Ворошилова командующим, как наладить взаимодействие армии и Балтийского флота. А за всем этим поднимался грозный вопрос — удастся ли удержать город? Следовало предусмотреть самые тяжкие варианты. Если не удастся, — что делать тогда с флотом, с населением, городом?.. Назавтра разбились на группы».

Молотов занимался Смольным, Берия — НКВД, Косыгин — промышленностью. Вечером докладывали в Москву. Молотов сказал Косыгину:

— Вы здесь задержитесь. Так сказал Сталин. Потом созвонимся.

Косыгин остался организовать эвакуацию предприятий на восток. Вместе с заводами надо было отправлять специалистов… [115]

* * *

29 августа 1941 года Косыгин подписал постановление Совета по эвакуации Ленинграда. Оно требовало утвердить план вывоза населения и оборудования промышленных предприятий. Ответственность за мероприятия возлагалась на местные власти и на руководство Октябрьской и Ленинградской железных дорог. Один из пунктов гласил: «Предупредить директоров предприятий, что за задержку подвижного состава под погрузкой сверх установленной нормы, а также за нерациональное использование грузоподъемности вагонов, они будут привлечены к уголовной ответственности»[116].

Тогда же, 29 августа, из Ленинграда в Москву ушла телефонограмма за подписью Косыгина, Молотова и Маленкова, которая предлагала с 30 августа по 8 сентября «принять решение эвакуировать 250 тысяч человек — женщин и детей и 66 тысяч человек населения из прифронтовой полосы, исходя из среднесуточной подачи 790 вагонов»[117].

2016 282

РАССЕКРЕЧЕНО

СОВ.СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ №

СОВЕТА ПО ЭВАКУАЦИИ.

29 августа 1941 г.

I. Утвердить план эвакуации промышленных предприятий города Ленинграда на период с 30 августа по 8 сентября 1941 года, согласно прилагаемого графика.

2. Обязать начальника Октябрьской ж.д. т.КОЛПАКОВА и начальника Ленинградской ж.д. т.ВАСИЛЬЕВА обеспечить подвижным составом утвержденный план эвакуации, в сроки и количестве, указанные в плане.

3. Обязать директоров эвакуируемых предприятий обеспечить своевременную погрузку подаваемого железными дорогами подвижного состава.

Предупредить директоров предприятий, что за задержку подвижного состава под погрузкой сверх установленной нормы, а также за нерациональное использование грузоподемности вагонов, они будут привлечены к уголовной ответственности.-

Ч. Обязать т. Колпакова и начальника дороги т. Васильева устроить ежедневный контроль за погрузкой вагонов с эвакуацией.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ПО ЭВАКУАЦИИ - /А.КОСЫГИН/

Л.1 экз.
Э/УШ-41 г.
лв/нп.

На узел!

29/VIII-41 г.

Постановление Совета по эвакуации об утверждении плана эвакуации промышленных предприятий Ленинграда на период с 30 августа по 8 сентября 1941 года. 29 августа 1941. [ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 201в]

В Москву Косыгин вернулся в самом начале сентября.

5 сентября его снова вызвал Сталин. Встреча продолжалась 20 минут. Присутствовали Л. З. Мехлис, Е. А. Щаденко, П. К. Пономаренко, пятью минутами раньше Косыгина в кабинет вошел А. И. Микоян[118]. Косыгин очень коротко доложил о сделанном, о задачах и о своей «субъективной», как он сам подчеркнул, оценке ситуации в городе:

— Товарищ Сталин, в Ленинграде обстановка «нервозная». Противник все ближе к городу, причем «прет» не в лоб, а охватывая город со всех сторон… Активизировались финны… Они блокируют Ленинград с севера… В городе продовольствие еще есть, но нормы выдачи сокращаются, так как сокращаются поставки с «Большой земли»… Ладогу бомбят, железнодорожные и автомобильные пути сообщения либо уже перерезаны, либо находятся под прямым обстрелом немецкой артиллерии. Эвакуация идет, но население не стремится покидать город, так как все уверены, что город не сдадим… Да и четкого плана эвакуации нет…

Косыгин высказал жесткую и горькую правду: эвакуация ленинградцев ранней осенью 1941 года оказалась уже невозможной. Впрочем, поставить это в вину Косыгину никак нельзя: слишком поздно взялось за дело руководство города.

Сталин выслушал Косыгина, не прервав и не проронив ни слова в заключение…

И снова — в Ленинград. На этот раз Косыгин направлялся туда вместе с Г. К. Жуковым, который 5 сентября был назначен командующим войсками Ленинградского фронта. Алексей Николаевич был и среди тех, кто присутствовал при передаче командования Ленинградским фронтом Ворошиловым Г. К. Жукову 14 сентября.

Косыгин вспоминал:

— Провожали [с поста командующего] Ворошилова тепло, устроили ему товарищеский обед, так что все было по-человечески, а не так, как изображено в некоторых романах[119].

Вместе с «отставленным» маршалом Алексей Николаевич и вернулся, по требованию Ставки, в Москву.

Путь был крайне опасен, так как уже 8 сентября Ленинград был полностью блокирован с суши и сообщение с «Большой землей» осуществлялось только по воздуху, без пересадки в Череповце.

Перед вернувшимся из Ленинграда Косыгиным была поставлена новая масштабная задача — *эвакуация крупнейших промышленных объектов Харькова и Харьковской области*. Харьков был центром не только промышленности, но и науки, культуры, образования. По численности он уступал лишь Москве и

Ленинграду, превосходя Киев. К тому же он был стратегическим узлом железнодорожных и автомобильных путей сообщения. После 22 июня 1941 года значение города как транзитного транспортного узла еще более возросло. С востока через Харьков шли к линии фронта и к рокадным направлениям военные эшелоны, а через восточное, северное и южное направления харьковский узел связывал Украину с центральными областями РСФСР, с Крымом, Кавказом, Приднепровьем. Как своеобразный «логистический центр», говоря современным языком, Харьков едва ли уступал Москве. А после оставления Киева в город перебрались руководящие структуры Советской Украины. В сентябре они переместились далее — в Купянск, а затем в Воронеж.

Говоря о промышленном потенциале Харькова, стоит вспомнить о Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ) имени Коминтерна, турбинном и тракторном, авиационном и электромашиностроительном заводах. Всего же в Харькове и Харьковской области действовало более сотни крупных промышленных предприятий.

На ХПЗ до лета 1941 года выпускалось до 80 % всех танков для РККА (только до сентября 1941 года на этом заводе было выпущено 1677 танков «Т-34»), артиллерийские тягачи «Коминтерн» и «Ворошиловец» и двигатели к ним. Сначала в дизельном цехе ХПЗ, а с лета 1938 года на новой площадке (моторостроительный завод № 75, он же — филиал завода № 183 [так стал именоваться ХПЗ]) был разработан и внедрен в производство танковый дизель «В-2».

Харьковский турбинный завод — уникальный промышленный комплекс, выпускавший с 1934 года оборудование для электростанций.

На других предприятиях города, начиная уже с летних месяцев 1941 года, выпускали 82-мм и 102-мм минометы и заряды к ним, артиллерийские снаряды, стрелковое оружие (пистолет-пулемет «ППШ»), патроны, гранаты, противотанковые и противопехотные мины.

Необходимо было эвакуировать эти производственные мощности, но главное — тех, кто смог бы на новых местах базирования в кратчайшие сроки развернуть производство: инженерно-технических работников, квалифицированных рабочих с семьями. Только с ХПЗ надлежало эвакуировать более тысячи человек — инженеров, техников и рабочих.

Но и это еще не все. В Харькове располагались около 70 научно-исследовательских институтов, в том числе Конструкторское бюро ХПЗ — ведущее учреждение в области

танкостроения; институт «Гипросталь» — генеральный проектировщик 45 металлургических заводов Советского Союза; Украинский физико-технический институт, где велись исследования в области ядерной энергии, обогащения урана.

В Харькове были развернуты не менее десятка военных госпиталей, где находились несколько тысяч раненых бойцов и командиров Красной армии. Нельзя было оставлять под оккупантами семьи комсостава, советского и партийного руководства. Следовало позаботиться и о культурных ценностях.

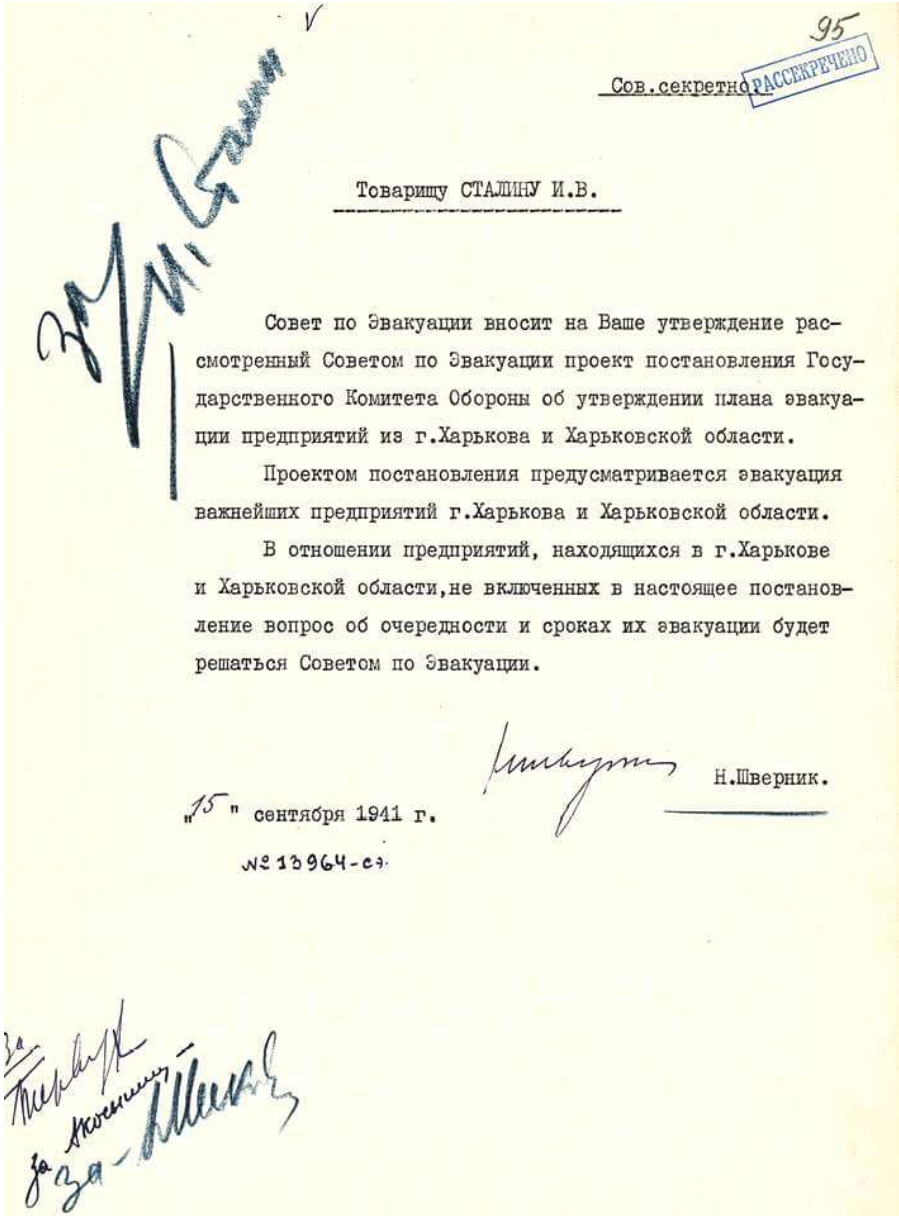
Прекрасно понимало значение Харькова и высшее политическое и военное руководство Германии. Уже с июля месяца город подвергался массированным налетам, причем удары Люфтваффе наносила по транспортным узлам, складам, жилым кварталам, военным городкам, но не по расположению крупных промышленных предприятий. Их рассчитывали сохранить и использовать для экономики Германии, а значит, и не допустить их эвакуации вглубь СССР. Германские военные колонны, используя преимущество в технике, шли вперед, не считаясь с потерями. РККА с трудом сдерживала напор противника. После войны один из участников тех событий, И. Х. Баграмян, охарактеризовал бои осенью 1941 года за Харьков как «кровопускание»…[120]

15 сентября 1941 года под Киевом были окружены войска Юго-Западного фронта. Учитывая стратегическое значение Харькова и области, 16 сентября 1941 года Государственный комитет обороны СССР постановлениями № 681 «Об эвакуации предприятий Харькова и Харьковской области» и № 685 «Об эвакуации женщин и детей из Харькова» утвердил график эвакуации. А. Н. Косыгину поручили ее организацию, координацию и контроль.

Сталин по этому вопросу Косыгина к себе не вызывал и поставил задачу в телефонном разговоре:

— Надо спасти харьковскую промышленность, она важна для обороны страны.

Алексей Николаевич принял решение ознакомиться с положением дел на месте. Вместе со своим помощником А. Г. Карповым Косыгин на легковушке отправился в город. Там он провел всего несколько дней, но успел обсудить все наиважнейшие вопросы, разработать и утвердить с директором ХПЗ Ю. Е. Максаревым график эвакуации завода, а также выработать совместно с партийным руководством планы эвакуации турбинного, тракторного и авиационного заводов.

95

Сов.секретно РАССЕКРЕЧЕНО

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Совет по Эвакуации вносит на Ваше утверждение рассмотренный Советом по Эвакуации проект постановления Государственного Комитета Обороны об утверждении плана эвакуации предприятий из г.Харькова и Харьковской области.

Проектом постановления предусматривается эвакуация важнейших предприятий г.Харькова и Харьковской области.

В отношении предприятий, находящихся в г.Харькове и Харьковской области,не включенных в настоящее постановление вопрос об очередности и сроках их эвакуации будет решаться Советом по Эвакуации.

Н.Шверник.

"15" сентября 1941 г.

№ 13964-сс

Докладная записка Н. М. Шверника И. В. Сталину о плане эвакуации предприятий из Харькова и Харьковской области (утверждено постановлением ГКО СССР № 681 от 16 сентября 1941 г.). 15 сентября 1941. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 95]

В кратком разговоре один на один с Максаревым, кстати, почти сверстником — полгода разницы, Косыгин был откровенен:

— Харьков нам не удержать, и надо вывезти все, что можно, в первую очередь — ХПЗ. Задача непростая. Надо рассчитать, сколько необходимо для этого вагонов, товарных и пассажирских, сколько платформ. Идет эвакуация предприятий Брянска, там

задействовано более 3 тысяч вагонов. А промышленный потенциал Харькова в разы больше. Да и времени у вас, харьковчан, «в обрез», враг может в любой день прорвать оборону. Необходимо форсировать подготовку, мобилизовать все и вся.

Косыгин почувствовал себя обязанным в заключение предупредить:

— Эвакуация Харькова — это не просто правительственное задание, это вопрос жизни и смерти и для Вас, Юрий Евгеньевич, и для тысяч харьковчан…[121]

…Из Харькова Косыгин с помощником выехали на машине, километрах в двадцати от города ее остановили красноармейцы:

— Прямо нельзя, там немцы. Берите вправо!

Но и «справа» они попали под пулеметный обстрел. Никто не пострадал только благодаря реакции водителя и чутью Карпова. Он вовремя «подсказал», куда свернуть. Сам Алексей Николаевич тоже не потерял самообладания, а когда прорвались, от чистого сердца поблагодарил шофера и помощника.

Вернувшись в Москву, Косыгин внимательно следил за ситуацией в Харькове, требуя ежедневных сводок о демонтаже оборудования, о вышедших из города эшелонах. Эвакуация началась в конце сентября, однако график постоянно срывался. В одном из специальных сообщений Транспортного управления НКВД СССР от 4 октября 1941 года отмечались растерянность заводского начальства, нехватка вагонов, постоянные налеты на железнодорожные узлы германской авиации при малой эффективности средств противовоздушной обороны. Чтобы ускорить дело, Косыгин предложил задействовать городские трамваи как тягачи для переброски оборудования из заводских цехов, куда были проложены трамвайные пути, к железнодорожным вагонам и транспортным платформам.

РАССЕКРЕЧЕНО

105

Сов.Секретно.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Председатель Харьковского облисполкома т.Свинаренко обратился в Совет по Эвакуации с ходатайством о разрешении Харьковскому облисполкому приступить к эвакуации из г.Харькова женщин и детей рабочих, служащих и военнослужащих в количестве 100 тыс.человек.

В связи с этим Совет по Эвакуации вносит на Ваше утверждение проект постановления Государственного Комитета Обороны по этому вопросу.

Проектом предусматривается эвакуация из г.Харькова 100 тыс.человек членов семей рабочих, служащих и военнослужащих в течение десяти дней с 18 по 28 сентября 1941г.

Размещение эвакуируемого населения из г.Харькова намечено произвести:

в Сталинградской области - 20 тыс.чел.
в Саратовской области - 30 " "
в Казахской ССР - 50 " "

Н.ШВЕРНИК.

"16" сентября 1941г.

№ 13979-сс

Докладная записка Н. М. Шверника И. В. Сталину об эвакуации женщин и детей из Харькова (утверждено постановлением ГКО СССР № 685 от 16 сентября 1941 г.). 16 сентября 1941. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 105]

К 21 октября 1941 года из Харькова и области эвакуировали оборудование 70 крупных и средних промышленных

предприятий. На восток ушло 320 эшелонов из 7550 вагонов. Вывезли 24,5 тысячи человек — инженерно-технических сотрудников, рабочих и членов их семей. На 56 санитарных поездах успели эвакуировать почти всех раненых, гражданское население отправили на 225 эшелонах. Почти полностью был спасен подвижной состав Южной железной дороги. Из сельскохозяйственных районов удалось вывезти более 90 % механизированного парка и столько же — поголовья крупного рогатого скота и лошадей. Предприятия пищевой промышленности — мукомольные и хлебопекарные, мясоперерабатывающие, и прочие — пришлось уничтожить. Так же поступили с неубранными посевами зерновых, корнеплодов. Минировали и подрывали заводские строения…

За размещение специалистов и оборудования на новых местах также отвечал А. Н. Косыгин. По его предложению Харьковский паровозостроительный перебрасывался на площадку Уралвагонзавода Нижнего Тагила и Челябинска. Там на базе местного тракторного завода был создан так называемый Танкоград. Харьковский тракторный направили в Сталинград, а оттуда, в 1942 году, в Сибирь, авиационный — в Пермь. Заводы эти практически с колес стали выдавать военную технику и комплектующие. И снова Косыгин — координировал, требовал, настаивал, объяснял, сам разбирался в проблемах и решал их.

21 октября из Харькова ушел последний эшелон, а 24-го в город с боем вошли германские войска. Советские части оставили окраины Харькова 25 октября…

Москва…

Удары немецких армий нацеливались на столицу. В Москве и Московской области было сконцентрировано 22 % промышленного потенциала СССР, в том числе 475 крупных заводов и фабрик. Большинство в ускоренном порядке переходили на выпуск вооружения и боеприпасов: «Красный пролетарий», «Калибр», «Динамо», «Фрезер». На предприятиях легкой и пищевой промышленности увеличивали объемы выпуска обмундирования и продуктов, поставляемых в действующую армию. Каждому предприятию, от промышленных гигантов до небольших, в несколько десятков человек, заведений, был определен участок работ. «Все для фронта, все для победы». Из опасения массированных бомбардировок их решено было эвакуировать в глубь страны.

14 октября 1941 года к Сталину были вызваны руководители Совета по эвакуации: Н. М. Шверник, А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, М. Г. Первухин — а также нарком танковой промышленности В. А. Малышев, замнаркома вооружения В. Н. Новиков, начальник Главного артиллерийского управления РККА Н. Д. Яковлев, первый заместитель предсовнаркома Н. А. Вознесенский, начальник Главного управления связи РККА И. Т. Пересыпкин[122]. Обсуждали обеспечение Красной армии военной техникой за счет возможного ускорения запуска производства на эвакуируемых предприятиях.

Сталин был резок и краток:

— Нам нужно все — бронетехника, орудия, стрелковое оружие… Все это в полном объеме можно получить, только развернув эвакуируемые предприятии… Но для них на новых местах нет ничего — ни помещений, ни топлива, ни хлеба… Но вооружение нам нужно, крайне необходимо… Поэтому разворачивайте хоть в чистом поле, но через неделю — надо выдавать. И никаких возражений!

То и дело возвращались к ситуации, которая складывалась на подступах к Москве. И здесь Сталин был краток и резок:

— Ситуация тяжелая, немцы рвутся к Москве, они все ближе и ближе, а мы — отступаем… И остановить их пока не можем… Думаю, нужные жесткие, самые жесткие меры по отношению к трусам и паникерам… Не останавливаться ни перед чем!!! Надо расстреливать — расстреливайте, и перед строем, чтобы…

Сталин прервался, да и так всем все было понятно…

На следующий день Косыгин вновь оказался на совещании у Сталина, которое, по воспоминаниям А. И. Шахурина,

происходило на «ближней даче» Верховного с участием В. М. Молотова и А. С. Щербакова[123]. В узком составе оценивали ситуацию на фронтах и меры на случай самого неблагоприятного развития событий.

Косыгин представлял Совет по эвакуации вместо «заболевшего» Шверника:

— Товарищ Сталин, эвакуация из Москвы промышленных предприятий и населения осуществлялась с конца июня 1941 года, когда началось перебазирование двух стратегических заводов Наркомата судостроительной промышленности. К концу июля 1941 года из столицы было вывезено более 959 тысяч человек, включая следующих транзитом беженцев из западных районов страны. 26 июля 1941 года Совет по эвакуации принял решение о необходимости ежедневно вывозить из Москвы не менее 60–65 тысяч человек…[124]

Постановление Гос. Комитет Обороны

Об эвакуации столицы СССР г. Москвы

Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т.Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г.Куйбышев. (НКПС - т.Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД - т.Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем председателя СНК т.Молотовым (т.Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата Обороны (и Наркомвоенморта) в г.Куйбышев, а основной группе Генштаба - в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД - т.Берия и т.Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин

15.10.41

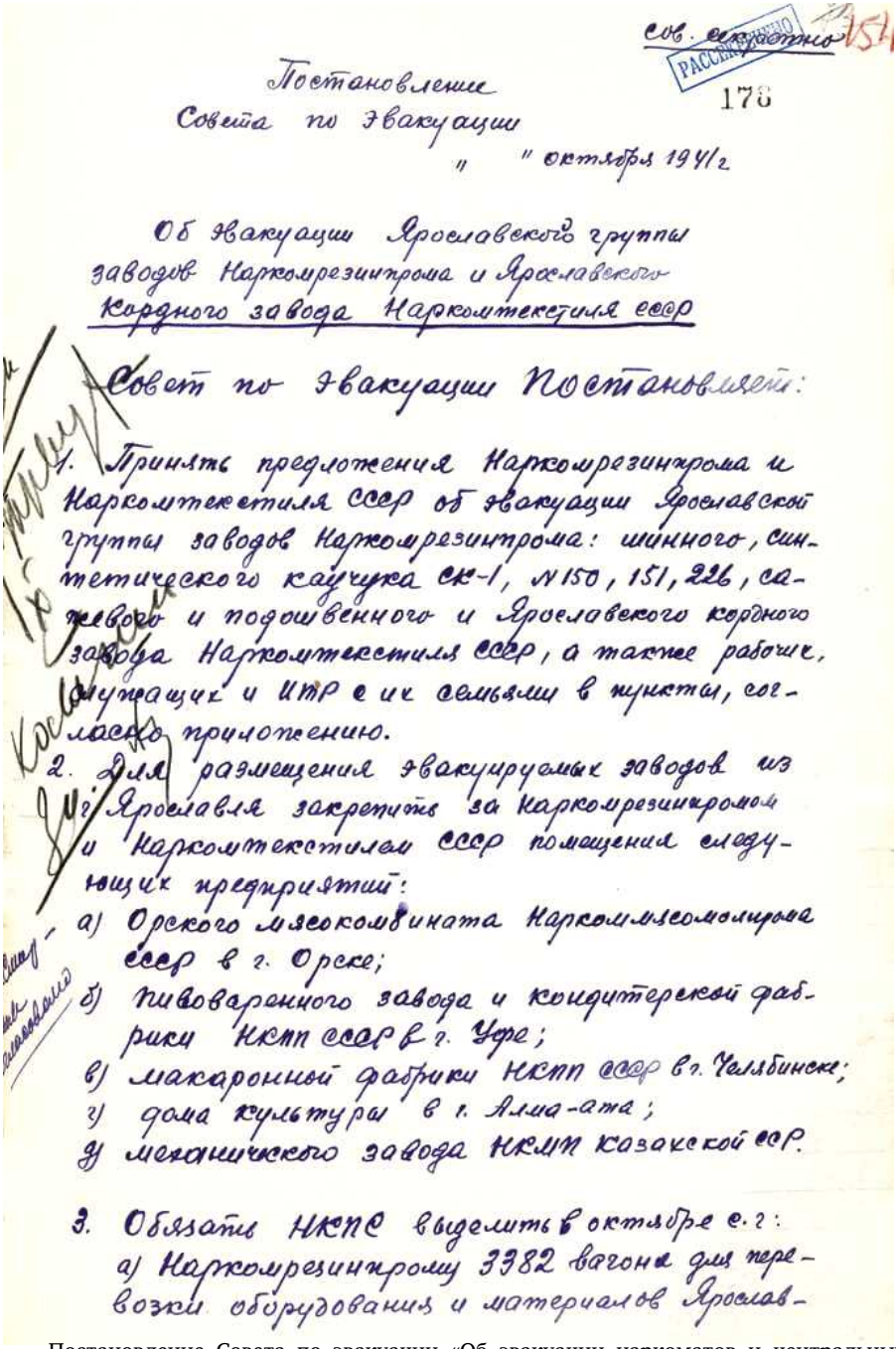
т. Берия, Молотову, Маленкову

по всем тем их касается

(Шапошникову - 3, Щербакову - 4)

Кузнецову (НКВМФ) - 3

Постановление ГКО СССР № 801 «Об эвакуации столицы СССР Москвы». 15 октября 1941. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 23. Л. 20]

Совершенно секретно
РАССЕКРЕЧЕНО
154

Постановление
Совета по эвакуации
178
" " октября 1941 г.

Об эвакуации Ярославской группы заводов Наркомрезинпрома и Ярославского кордного завода Наркомтекстиля СССР

Совет по эвакуации Постановляет:

1. Принять предложения Наркомрезинпрома и Наркомтекстиля СССР об эвакуации Ярославской группы заводов Наркомрезинпрома: шинного, синтетического каучука СК-1, №150, 151, 226, резиновой и подошвенного и Ярославского кордного завода Наркомтекстиля СССР, а также рабочих, служащих и ИТР с их семьями в пункты, согласно приложению.

2. Для размещения эвакуируемых заводов из г. Ярославля закрепить за Наркомрезинпромом и Наркомтекстилем СССР помещения следующих предприятий:
а) Орского мясокомбината Наркоммясомолпрома СССР в г. Орске;
б) пивоваренного завода и кондитерской фабрики НКПП СССР в г. Уфе;
в) макаронной фабрики НКПП СССР в г. Челябинске;
г) дома культуры в г. Алма-ата;
д) механического завода НКПП Казахской ССР.

3. Обязать НКПС выделить в октябре с.г.:
а) Наркомрезинпрому 3382 вагона для перевозки оборудования и материалов Ярослав-

Постановление Совета по эвакуации «Об эвакуации наркоматов и центральных учреждений из Москвы». 15 октября 1941. [ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 542. Л. 154]

В тот же день Косыгин подписал — вместо Шверника — постановление совета «Об эвакуации наркоматов и центральных учреждений из г. Москвы». Оно определяло пункты назначения и

сроки эвакуации. Ответственность возлагалась на руководство народных комиссариатов и центральных учреждений. Соответствующие указания были обязательны для НКПС[125].

Теперь, 15 октября, решено было переходить к массовой эвакуации мирного населения из столицы[126].

На следующий день Косыгин принял по очереди всех (!) наркомов и руководителей центральных учреждений и уточнил с ними расписание эвакуации и места назначения: города Урала, Западной и Восточной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Из кабинета Косыгина наркомы выходили с графиками подачи поездов и тут же отправлялись в свои наркоматы (время не терпит!). Наркоматы должны были выехать из Москвы до 9 часов утра 17 октября…

Вечером 16 октября здание Совнаркома опустело, двери кабинетов настежь распахнуты: «Валяются бумаги, шуршат под ногами, и повсюду звонят телефоны».

Косыгин перемещался из кабинета в кабинет, срывал с рычагов трубки, но никто не отзывался. На том конце провода молчали. Он понимал: проверяют, остался ли кто в Совнаркоме. «Поэтому и носился от телефона к телефону. Надо, чтобы кто-то был, пусть знают…»

Один из звонивших назвал себя. Этот известный человек деловито справился:

— Ну как, Москву сдавать будем?

Косыгин выругался. Никогда не ругался, а тут выругался…[127]

Немного успокоившись, он вызвал оставшихся помощников; одному из них поручил обзвонить по списку «самых неорганизованных» — известных ученых, писателей, художников, актеров:

— Передайте им предельно кратко и четко о положении в Москве и спросите, готовы ли они к отъезду. Говорите с ними спокойно, не в приказном порядке, но разъясняя ситуацию и настойчиво, объясняя важность и необходимость эвакуации…[128]

Заместитель наркома путей сообщения Б. Н. Арутюнов вспоминал о 17 октября: из Кремля до наркомата проехать на машине уже не смог. Было около 4 часов дня. Улица Кирова, площадь Дзержинского и все прилегающие к ней улицы и переулки были забиты людьми. «Женщины с малышами на руках, дети постарше и старики с колясками, чемоданами, корзинами» сплошным потоком двигались на Каланчевскую площадь, к Казанскому вокзалу, к поездам. Многие не знали, куда их повезут. Это нервировало, однако плачущих не было видно. «Лица у всех суровы и строги».

Эвакуационные поезда уходили с Казанского и Северного [ныне — Ярославский. — *В. Т.*] вокзалов. На Казанский вокзал Косыгин выезжал сам, так как оттуда поступил сигнал, что железнодорожники «стопорят»[129]. Посадкой людей в эшелоны руководили работники НКПС во главе с начальником Пассажирского управления наркомата В. К. Мартышевым. За соблюдением порядка следили бойцы и командиры военных комендатур.

Собран был весь пригодный для перевозки людей подвижной состав: вагоны пассажирских и пригородных поездов, электричек, метрополитена, теплушки — крытые товарные вагоны. Один за другим переполненные эшелоны уходили на восток.

На восток эвакуировалась и семья Косыгина — жена с дочерью, а также отец и сестра (последних он сумел «вытянуть» из Ленинграда в августе). Эвакуацию Косыгины пережили в Новосибирске, в небольшом, но уютном доме тещи Алексея Николаевича. Клавдия Андреевна трудилась на оборонном предприятии, дочь заканчивала школу, отец, теща и сестра — как пенсионеры (кто по возрасту, кто по инвалидности) старались сохранять домашний уют, без чего пережить трудные военные времена — жили как все — было очень непросто. Да, и постоянно писали письма в Москву, Алексею Николаевичу, рассказывая обо всем, что происходило в их «новой» жизни… Сам же Косыгин отвечал редко, времени не хватало, но если уж брался за перо, то письма получались объемные. Но, конечно, ни слова о работе, только о родных, ближних, друзьях и знакомых…

…А навстречу к Москве двигались составы со стрелковыми дивизиями из Сибири и Дальнего Востока. После выгрузки вагоны практически сразу же подавали на вокзалы для эвакуации населения.

Косыгину 18 октября докладывали:

— В 18 часов 20 минут 16 октября были отправлены первые эшелоны, а к 10 часам утра 17 октября удалось подать уже свыше 100 составов. За одну ночь из Москвы вывезено около 150 тысяч человек[130].

И в этом бешеном ритме нужно было обеспечить порядок: направить куда следует работников предприятий, сотрудников научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, учреждений культуры, госслужащих…[131]

В аппарате Косыгина оставалось всего 5 из 85 человек, Н. М. Шверник с основной частью аппарата эвакуировался в Куйбышев.

19 октября в Москве было введено осадное положение. В тот день у Сталина проходило совещание — самое долгое, длившееся

4 часа 45 минут. Вместе с Косыгиным туда были приглашены В. П. Пронин и Л. М. Каганович — люди, непосредственно отвечавшие за эвакуацию Москвы. В сталинском кабинете уже находились Л. П. Берия, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, А. С. Щербаков. Чуть позже прибыли начальник Управления оперативных войск НКВД П. А. Артемьев, начальник штаба Московской зоны обороны А. И. Кудряшов, член Военного совета Московского военного округа К. Ф. Телегин, заместитель начальника Генерального штаба и начальник Оперативного управления А. М. Василевский, начальник Главного разведывательного управления Генштаба Ф. И. Голиков[132]. При эвакуации столицы требовалось учитывать множество факторов, от положения на фронте до настроений в тылу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

№ 813 от 19.X.41г.

Сим об"является, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100-120 километров западнее Москвы, поручена Командующему Западным фронтом генералу армии т.ЖУКОВУ, а на начальника гарнизона г.Москвы генерал-лейтенанта т.АРТЕМЬЕВА возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов, с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г.Москвы, причем в случае об"явления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правил, утвержденных московской противовоздушной обороной и опубликованных в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т.СИНИЛОВА, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, Милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. Сталин

Москва, Кремль
19 октября 1941 г.

4-нс.

Опубликовано
20 октября 1941 г.

Постановление ГКО СССР № 813 «О введении осадного положения в Москве и прилегающих к городу районах». 19 октября 1941. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 23. Л. 49–50]

25 октября 1941 года — новая встреча со Сталиным и

Микояном[133]. И на этот раз обсуждался вопрос об «эвакуации в глубь страны из районов прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов мануфактуры, текстильного оборудования и сырья, кожевенного оборудования и сырья, оборудования холодильников, оборудования обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов, табачного сырья и махорки, мыла и соды»[134].

Для выполнения этих задач постановлением ГКО СССР за № 834 был создан Комитет по эвакуации из прифронтовой полосы продовольствия, сырья и оборудования лесной и пищевой промышленности. Председатель — Микоян, Косыгин — его заместитель. В комитет также вошли нарком мясной и молочной промышленности СССР В. П. Смирнов, нарком пищевой промышленности СССР В. П. Зотов и нарком речного флота СССР З. А. Шашков[135].

* * *

Всю вторую половину октября и весь ноябрь Косыгин занимался эвакуацией предприятий и жителей Москвы и Московской области. Один из этих дней ему запомнился особо — парад 7 ноября 1941 года. Он стоял на трибуне Мавзолея, когда мимо маршировали, направляясь прямо на фронт, части Красной армии[136]. Приглашение на трибуну Мавзолея в те годы расценивалось выше, чем орден, — оно служило знаком особого доверия Сталина.

В самом конце ноября Косыгин представил в ГКО СССР и СНК СССР развернутый доклад о ходе эвакуации столицы и области. Документ, подписанный А. Н. Косыгиным 30 ноября 1941 года, содержит ценнейшую информацию о промышленном потенциале столичного региона и задачах, которые пришлось решать самому Алексею Николаевичу.

Эвакуация осуществлялась по 22 наркоматам, чьи предприятия и учреждения размещались в Москве и Московской области. В первую очередь попали предприятия и специалисты военно-промышленного комплекса.

По Наркомавиадору эвакуировалось 53 предприятия: более 26 тысяч станков, два десятка тысяч тонн металлов, более 125 тысяч работников, не считая членов их семей. Это — более 20 тысяч вагонов.

По Наркомату вооружения — 17 предприятий. Почти 25 тысяч станков, более 50 тысяч тонн металлов и грузов. Более 38 тысяч работников (опять же — без учета членов семей). Почти 14

тысяч вагонов.

Эти цифры дают представление о поистине титанических усилиях, которые были приложены для перемещения в тыл промышленного и человеческого потенциала Москвы. Далее мы ограничимся только количеством эвакуированных предприятий по наркоматам.

По Наркомату боеприпасов — 20 предприятий, танкостроения — 28, судостроительной промышленности — 6, минометного вооружения — 17, среднего машиностроения — 16, тяжелого машиностроения — 6, электропромышленности — 27, черной металлургии — 14, цветных металлов — 10, химической промышленности — 30, резиновой — 10, строительных материалов — 21, текстильной промышленности — 67, легкой — 62.

Целиком демонтировались и направлялись в тыл Каширская и Шатурская ГРЭС, Фрунзенская и Сталинская ТЭЦ, системы Мосэнерго, Волгоэлектросетьстроя, Шатурского и Ореховского торфотрестов. Так же поступили с несколькими радиовещательными центрами.

Из Москвы и Московской области эвакуировали 498 предприятий союзного и союзно-республиканского значения. В их число не включены предприятия республиканского подчинения, промкооперации, высшие учебные заведения, научно-исследовательские и проектные институты, библиотеки, музеи, театры и иные учреждения.

Всего было эвакуировано 210 тысяч рабочих, инженерно-технических рабочих и служащих, более 100 тысяч станков, почти 170 тысяч тонн металлов, более 60 тысяч тонн прочих материалов и изделий. На это потребовалось более 70 тысяч вагонов.

И это еще не все. Во вторую очередь, в декабре 1941 года, предстояло вывезти дополнительно 135 тысяч человек и более 130 тысяч тонн грузов — всего около 60 тысяч вагонов[137].

При этом необходимо было позаботиться об обеспечении всем необходимым предприятий, которые оставались в столице и продолжали действовать по обеспечению нужд фронта и «текущих потребностей города»[138].

К середине декабря 1941 года из Москвы и области удалось полностью или частично эвакуировать 523 предприятия и более полумиллиона работников и членов их семей[139]. Общее число эвакуированных москвичей достигло 1,5 миллиона[140].

Что стоит за этими цифрами? Нешмоверное напряжение миллионов человек на «трудовом фронте», с одной стороны, и бесконечно сложная организационная работа «мозгового треста

управленцев» — с другой. Это заботы о демонтаже оборудования, его переброске, установке и пуске на новых местах, обеспечении производства сырьем, энергией и сбытом. Направление и контроль движения сотен эшелонов, сколько их в пути и сколько прибыло к местам назначения. Сколько отбыло специалистов и сколько их не хватает на местах прибытия. Сколько и каких производств оставить на местах, чтобы обеспечить потребности фронта и дать время для развертывания предприятий на новых местах.

По сути, Косыгин в этот период был «кризисным управляющим». Эту роль ему приходилось играть еще не раз и во время, и после войны, да и не только в области экономики. Много позже ему предстоит проявить себя и на дипломатическом поприще…

Конечно же, наивно полагать, будто государственная мобилизационная машина действовала от начала до конца как часы. С мест приходили сообщения о неразберихе и вопиющей дезорганизации.

Вот одно из них, от ноября 1941 года:

«Эвакуируя из города Сталино других, в конце всего из Донбасса эвакуирован и я в Новосибирск, но застрял в Сталинграде. Позвольте сказать по-большевистски прямо: я не видел такого беспорядка, хаоса и беспомощности за все годы революции. Народ произвольно движется на восток, буквально голодая, вынося невероятные страдания. И что плохо, так это неспособность властей по железной дороге и в городах организовать в широком масштабе питание, кипяток и теплый кров для живых людей. Почему это так, я спрашиваю?

Какая злонамеренная, враждебная, вражеская рука оставляет народ в пути на произвол судьбы? Знает ли обо всем этом ужасе и народном горе наш вождь и учитель товарищ Сталин?

Я — член ВКП(б) с 1917 года. Я боролся за советскую власть еще до ее возникновения, но я в 50 лет вижу, что мы можем погибнуть, если не сделать где-то такого кордона, от которого можно было бы чувствовать порядок и всю силу нашей революционной власти. Я считаю, что нужно призвать в руководящие органы в городах и в армии старых, опытных большевиков и дать им задание — умереть или навести порядок. Почему такой, как я, оказался не привлеченным к большой оборонной работе? Да я жизнь отдавал и отдам за наши идеалы, так почему же выскочки, сопляки, молокососы нас изолируют от борьбы с фашизмом, от борьбы за советскую власть?..

Член ВКП(б) товарищ Рыловников-Рыльский»[141].

Письма ложились на стол тому, кому положено. На приведенном стояла резолюция: «Разослать товарищу Мехлису, товарищу Косыгину». Дата: «14 XI-41 года». И пометка о том, что Алексей Николаевич с письмом ознакомлен. Знал ли он *эту* часть правды? Несомненно.

Он выезжал не только в наркоматы, но и на предприятия, и в «конторы» различного профиля, на вокзалы, паровозные депо и железнодорожные станции. Постоянные телефонные и телеграфные переговоры, постановления, сводки, отчеты, графики; сообщения с мест, обращения с требованиями, просьбами, мольбами, предложениями, оценками; совещания, встречи, консультации, согласования, встречи с подчиненными и руководством. Постоянные заботы о том, где взять недостающие вагоны, локомотивы, паровозные бригады, как обеспечить их питанием и хотя бы минимальным отдыхом; создание транзитных эвакуационных пунктов, обеспечение питанием и медицинской помощью эвакуируемых, охрана в пути, встреча и размещение на новых местах и, главное, — срочное включение производства вооружений для фронта…

Впрочем, помимо вопросов эвакуации, возникали и другие, не терпящие отлагательства. Тогда же, в ноябре 1941 года, Косыгину вместе с Микояном пришлось «в силу обстоятельств заниматься упорядочением учета ресурсов угля и нефти и их использования в Москве и Московской области». Позднее Алексей Николаевич вспоминал: «К концу 1941 года в Москве создалось тяжелое положение с топливом. Запасы угля на электростанциях, железных дорогах и предприятиях истощались. Возникла угроза топливного голода. И тогда стотысячная армия жителей столицы, в большинстве своем женщины, направилась на лесозаготовки»[142].

Замаячил призрак удушающего холода, хорошо знакомого Косыгину по временам гражданской войны. С огромными усилиями его удалось предотвратить: были созданы запасы дров, налажен «учет угля и нефтепродуктов и потребности в них предприятий Москвы и Московской области… Аппарат Наркомугля и Наркомнефти с этим делом уже освоился и может составлять вполне грамотные и проверенные планы снабжения углем и жидким горючим. Поэтому теперь вполне возможно Москву и Московскую область планировать в части снабжения углем и горючим в общем порядке…»[143]

К 1 декабря 1941 года запасы угля в Москве составили 403 тысячи тонн при потребности в 264 тысячи тонн, а в Московской области — 162 тысячи тонн при потребности в 138 тысяч тонн[144]. Город и предприятия, оставшиеся в Москве и области,

топливом были обеспечены.

151

Тов. КОСЫГИН А.Н.

СПРАВКА

о количестве размещенного в областях, краях и республиках эвакуированного из прифронтовой полосы населения по состоянию на 15 декабря 1941 года

(в тыс.)

Наименование областей, краев и республик	Количество человек
Алтайский край	81,4
Краснодарский край	226,7
Красноярский край	100,0
Орджоникидзевский край	226,9
Архангельская область	78,8
Вологодская область	134,5
Воронежская область	94,5
Горьковская область	145,5
Ивановская область	60,0
Иркутская область	14,0
Калининская область	41,3
Кировская область	178,2
Курская область	25,0
Куйбышевская область	200,0
Молотовская область	164,5
Новосибирская область	180,7
Омская область	169,6
Пензенская область	113,6
Ростовская область	183,0
Рязанская область	234,5
Саратовская область	230,5
Свердловская область	317,0
Сталинградская область	183,5
Тамбовская область	108,7
Тульская область	69,1

151

152

Челябинская область	350,4	
Чкаловская область	188,0	
Ярославская область	168,2	
Башкирская АССР	194,3	
Дагестанская АССР	11,0	
Коми АССР	13,1	
Марийская АССР	37,5	
Мордовская АССР	60,3	
Татарская АССР	187,1	
Удмуртская АССР	30,9	
Чувашская АССР	62,6	
Казахская ССР	371,3	кроме того в Казахской ССР расселено немцев 232 тыс.чел.
Узбекская ССР	603,0	
Ворошиловградская область	30,0	
Всего:	5.870.000 человек	

(А.Горчаков.)

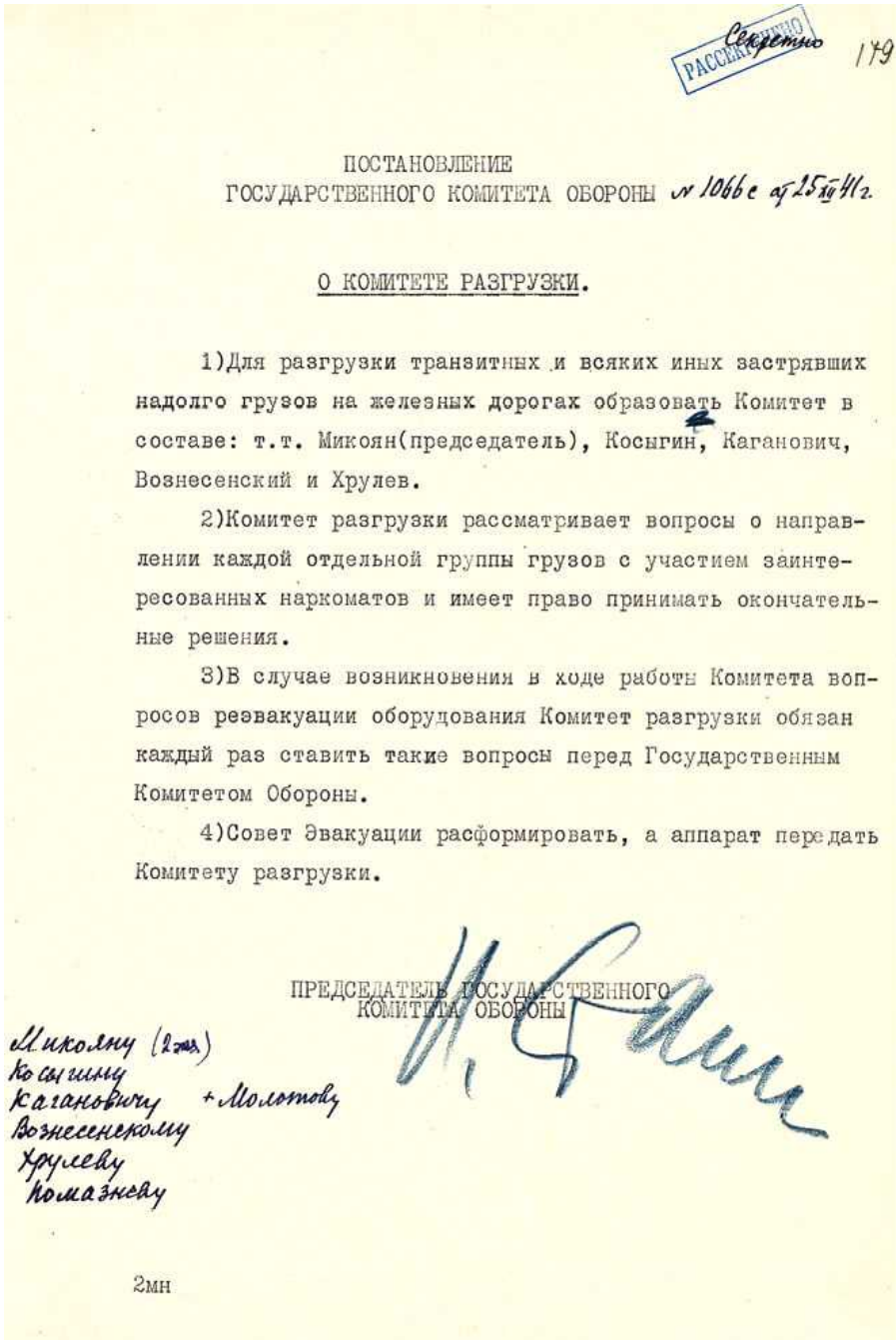
17 декабря 1941 г.

Справка А. К. Горчакова, направленная А. Н. Косыгину, о количестве размещенного в областях, краях и республиках эвакуированного из прифронтовой полосы населения по состоянию на 15 декабря 1941 года. 17 декабря 1941. [ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 481. Л. 151, 152]

То и дело возникавшие «побочные» задачи не снимали с Косыгина главной — эвакуации. Согласно справке, составленной его помощником А. К. Горчаковым 15 декабря 1941 года, в республиках, областях и краях было размещено 5 миллионов 870 тысяч человек, эвакуированных из прифронтовой полосы. Больше всех приняли Узбекистан, Казахстан, Челябинская и Свердловская области[145].

Уже в 1960-х годах Алексей Николаевич сделал подсчет: на территории, временно оккупированной врагом, до войны действовало 31 850 крупных и средних промышленных предприятий. По данным Совета по эвакуации и сводкам НКПС, на восток было вывезено 2593 предприятия — примерно 8 % от общего числа. Искусство управления заключалось в том, чтобы спасти самые необходимые, базу оборонной отрасли. А параллельно — осуществить военную перестройку национального хозяйства. Сотни предприятий, действовавших в восточных районах страны, в срочном порядке перепрофилировались на выпуск военной продукции. На базе эвакуированных заводов создавались два-три новых предприятия. Косыгин, как заместитель председателя Совета по эвакуации и председателя Совнаркома СССР, по сути, отвечал за сохранность всей «цепочки» военного производства.

Контрнаступление Красной армии, начавшееся 5 декабря 1941-го под Москвой, сняло с повестки дня эвакуацию как первоочередную хозяйственную задачу. 25 декабря Совет по эвакуации расформировали вместе с другими подобными структурами. И в тот же день был образован Комитет по разгрузке железных дорог в составе А. И. Микояна (председатель), А. Н. Косыгина (заместитель), Н. А. Вознесенского, Л. М. Кагановича. Согласно постановлению, комитет решал вопросы о «направлении каждой отдельной группы грузов с участием заинтересованных наркоматов» и имел право принимать «окончательные решения». В случае возникновения вопросов реэвакуации оборудования промышленных предприятий Комитет по разгрузке обязан был согласовывать ситуацию в Государственном комитете обороны[146].

Секретно
РАССЕКРЕЧЕНО
179

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ № 1066с от 25/XII 41 г.

О КОМИТЕТЕ РАЗГРУЗКИ.

1)Для разгрузки транзитных и всяких иных застрявших надолго грузов на железных дорогах образовать Комитет в составе: т.т. Микоян(председатель), Косыгин, Каганович, Вознесенский и Хрулев.

2)Комитет разгрузки рассматривает вопросы о направлении каждой отдельной группы грузов с участием заинтересованных наркоматов и имеет право принимать окончательные решения.

3)В случае возникновения в ходе работы Комитета вопросов реэвакуации оборудования Комитет разгрузки обязан каждый раз ставить такие вопросы перед Государственным Комитетом Обороны.

4)Совет Эвакуации расформировать, а аппарат передать Комитету разгрузки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Микояну (2 экз.)
Косыгину
Кагановичу
Вознесенскому
Хрулеву
Помазневу
+ Молотову

2мн

Постановление ГКО СССР № 1066с «О комитете разгрузки». 25 декабря 1941. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 30. Л. 179]

Учитывая страшный дефицит подвижного состава, в первую очередь — вагонов, нужно было навести порядок в направлении приоритетных грузов. В январе 1942 года Микоян и Косыгин

подписали жесткое постановление «о разгрузке вагонов с местными грузами». На все железнодорожные магистрали были направлены уполномоченные, которые совместно с начальниками железных дорог и с представителями местной власти и наркоматов выясняли происхождение и назначение грузов, принимали решения по выгрузке местных. НКПС отныне обязан был сообщать в Госплан СССР сведения о передаче грузов предприятиям, что находило отражение в плановых корректировках.

Именно Косыгин предложил проводить на всех магистралях перепись вагонов с эвакуированными грузами. Фиксировались номер вагона, его маршрут, груз, его принадлежность тому или иному наркомату и предприятию[147]. Это упростило доставку оборудования эвакуированных заводов по назначению. Для бездокументных грузов организовали специальные базы, где такие вагоны разгружали. Причем эти грузы также строго учитывались, о них сообщалось в Госплан.

Комитет по разгрузке железных дорог просуществовал до марта 1942 года[148].

Снова в Ленинграде

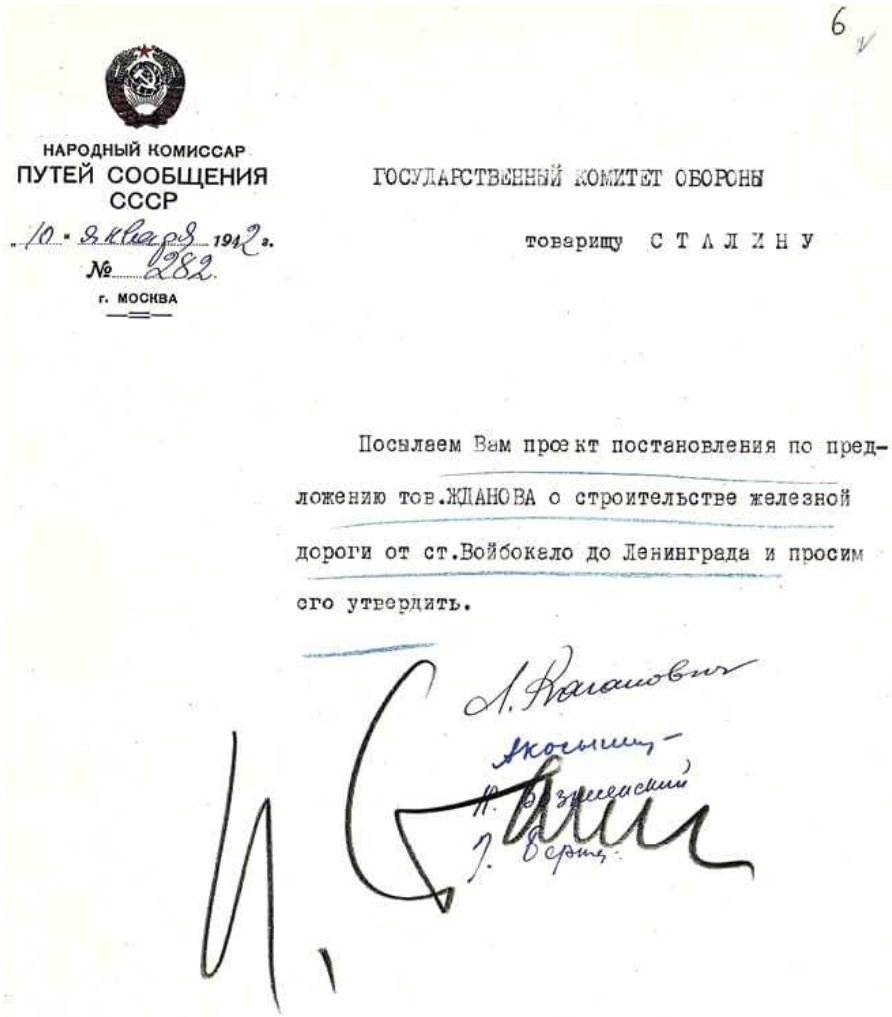
Новый 1942-й год Косыгин встречал вместе с Николаем Алексеевичем Вознесенским (тогда — первый заместитель председателя союзного Совнаркома) и бывшим коллегой по Ленинграду Петром Сергеевичем Попковым (в 1941-м — член Комиссии по вопросам обороны города). Неожиданно Косыгина вызвали к телефону. Это был Сталин:

— Что делаете? Новый год встречаете? С кем? Каким образом вместе собрались?

Выслушал, пару секунд промолчал, потом произнес:

— Оставь их, а сам приезжай к нам.

В 3 часа ночи Косыгин был у Сталина на «ближней даче». За столом — Маленков, Берия, Хрущев. Неожиданно, между общим разговором, Сталин сказал, что Алексея Николаевича решено отправить в Ленинград. Берия тут же вспомнил о летней командировке в город на Неве, о том, как лежали под бомбежкой в канаве, а Алексей Николаевич — как проезжал по улицам родного города и не узнавал его — развалины, «ежи», зенитки, бомбоубежища…

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
СССР

10 января 1942 г.
№ 282
г. МОСКВА

6

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу С Т А Л И Н У

Посылаем Вам проект постановления по предложению тов.ЖДАНОВА о строительстве железной дороги от ст.Войбокало до Ленинграда и просим его утвердить.

Л. Каганович
Косыгин
Вознесенский
Берия

Докладная записка Л. М. Кагановича, А. Н. Косыгина, Н. А. Вознесенского, Л. П. Берии И. В. Сталину о направлении на утверждение проекта постановления о строительстве железной дороги от станции Войбокало до Ленинграда. 10 января 1942. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 33. Л. 6]

К разговору вернулись 17 января, когда Косыгина вызвали к Сталину в Кремль[149]. Через два дня Алексей Николаевич был назначен уполномоченным ГКО в блокадном Ленинграде. Там ему предстояло решать целый комплекс задач: эвакуация населения и предприятий, изыскание резервов для продолжения работы крупнейших оборонных заводов, организация систематического подвоза продовольствия.

Перед вылетом в блокированный с суши Ленинград Косыгин встретился с руководителем Исполкома Моссовета В. П. Прониным[150]. Договорились о создании колонны из 40 автобусов и 200 грузовых машин с водителями и ремонтниками

для приема эвакуируемых по Ладожскому озеру ленинградцев. Более 250 грузовиков обязались предоставить Ярославская и Горьковская области. Машины были загружены продовольствием и горючим. Наркомат путей сообщения обещал срочно доставить машины к Ладожскому озеру.

Встретился Косыгин и с Микояном. Тот, как всегда, говорил о том, что в бедах Ленинграда виноват Жданов:

— Еще летом прошлого года, когда бои шли на Лужском рубеже, я предлагал организовать завоз в Ленинград зерна и размещать его в переделанные под склады дома, те, что еще дореволюционной постройки. Даже в случае попадания бомбы и разрушения здания мог выгореть только верхний слой зерна, это два-три сантиметра, а остальное все сохранилось бы. Но Жданов был против, говоря «зачем заваливать город продовольствием?»[151]

Косыгин слушал молча. О Жданове, о его роли в обороне Ленинграда у него было свое мнение, но последним он ни с кем не делился, и «прочесть» что-то по его лицу было, как всегда, невозможно… Он прекрасно знал, что позицию Микояна поддерживают Маленков и Берия, который старается настроить Сталина против Жданова. А последний, в свою очередь, жаловался Сталину на Микояна. Алексей Николаевич старался не занимать ничьей стороны. Хотя про себя удивлялся тому, что Жданов из своего кабинета в Смольном не выходит, не выезжая ни на фронт, ни на предприятия (если только в бомбоубежище).

Косыгин вылетел в Ленинград 19 января. Пилот «Дугласа», опытный ас, еще на московском аэродроме с недовольством смотрел на пять истребителей, которые должны были сопровождать самолет Косыгина: «А „хвост“-то нам зачем? Только внимание привлекут, а мы бы в одиночку тихонько пробрались, трассу я прекрасно знаю».

Алексей Николаевич улыбнулся, пожал плечами: «Это не ко мне…»[152]

В Ленинград прибыли ночью. Через час после приземления Алексей Николаевич был в Смольном. Вместе со Ждановым его встречали второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) и председатель Продовольственной комиссии А. А. Кузнецов, один из руководителей Отдела пищевой промышленности, торговли и общественного питания Ленинградского горкома П. Г. Лазутин и командующий войсками Ленинградского фронта М. С. Хозин.

Разговор был долгим. Косыгин был как всегда и откровенен, и деловит:

— Ставка и лично товарищ Сталин очень обеспокоены (не сказал, что очень недовольны) положением дел в Ленинграде.

Противнику город ленинградцы не сдадут, это ясно всем. Но есть и другой враг (процитировал некрасовские строчки, которые помнил с детства): «Голод названье ему…»

Отсюда, — продолжал Косыгин, — и такое количество жертв, и катастрофическое падение производства на ленинградских предприятиях. Станки простаивают, материалы, столь необходимые на «Большой земле», в Ленинграде не задействованы. Кроме того, как считает Государственный комитет обороны, в Ленинграде много излишнего населения, которое необходимо было эвакуировать еще осенью прошлого года. А потому перед нами три задачи, решать которые необходимо одновременно, в «связке», — эвакуация населения и оборудования вместе с материалами и завоз в Ленинград с «Большой земли» продовольствия.

Косыгин выслушал всех, от Жданова до Хозина, что-то записывал, задавал вопросы, вроде бы незначительные, что-то просил уточнить. Разошлись поздно ночью…

На следующий день Алексей Николаевич побывал на Кировском заводе и «Электросиле», в нескольких жилых районах города.

Нашел полчаса, чтобы заглянуть на квартиру отца (тот был в эвакуации в Новосибирске). Вспомнил его просьбу: «Пошарь в полке над дверью».

«К счастью, дом уцелел, квартира уцелела. Стекла, конечно, повыбивало, стены заиндевели». Косыгин встал на табурет у входной двери, сунул руку в глубину полки и вытащил оттуда одну за другой чекушки водки. Оказывается, у отца был обычай на Новый год прятать «маленькую» на память о прожитом годе. «Извлек оттуда бутылочки еще царской водки… Целый мешок набрал, потом в Смольном всех угощал»[153].

Его помощники (И. М. Андреев, А. С. Болдырев, А. Г. Карпов, А. К. Горчаков) также осматривали промышленные предприятия города, изучали состояние автомобильного, железнодорожного транспорта. Вечером Косыгин выслушал доклады помощников. Положение оказалось тяжелее, чем ожидали. Городской автомобильный транспорт к массовой эвакуации людей не подготовлен. В критическом состоянии железная дорога: не хватает паровозов, горюче-смазочных материалов, топлива, деталей. Многие машинисты, ремонтники, путейцы просто не могут работать из-за сильного истощения. Ряд железнодорожных участков нуждается в срочном ремонте, несколько станций — в прикрытии средствами ПВО, которых по-прежнему не хватает.

Вывод неутешительный: ситуация в сравнении с летом — осенью 1941 года мало изменилась. Еще тогда он и его

сотрудники отметили: «Крайне медленная, вяло организованная эвакуация… И когда спохватились, настоящей твердой службы по эвакуации не было создано… Надежда существовала, что фронт будет прорван… Потому даже в октябре, ноябре не были подготовлены эвакопункты. Не был подготовлен транспорт для эвакуации. Не думали, чтобы сохранить подводников, машинистов, шоферов и т. д. Не готовились всерьез…»[154] Это — нелицеприятная оценка всей партийно-хозяйственной верхушки города, и в том числе Жданова.

Блокаду Ленинграда Косыгин воспринимал через цифры и факты, имена и действия. Ресурсы на предприятиях, количество необходимых продуктов, число жертв и эвакуируемых и прочее, прочее, прочее…

Сумел уговорить Л. П. Берию прислать в Ленинград сотрудников НКВД из тыловых областей, чтобы сменить ленинградских милиционеров, «валившихся с ног» от голода.

Он не оставил ни строчки о блокадном городе, за исключением совершенно «казенного» предисловия к сборнику 1968 года — воспоминаниям блокадников. Жизненный — в прямом и переносном смысле — эпизод с его участием описал помощник А. С. Болдырев.

По занесенной снегом пустынной улице двое мальчиков лет 11–12 тянули санки, на которых лежал умерший — еще один парнишка — друг их или сосед по школьной парте. Картина типичная для тех дней и мало кого из ленинградцев удивлявшая. Так свозили покойников по всему городу.

Что-то заставило Косыгина остановить автомобиль у этой горестной процессии. Он поинтересовался у ребят, кого они везут хоронить. Те не успели ответить, как Алексей Николаевич заметил, что у мальчика, лежащего на санках, дрогнуло веко. Может быть, в эти последние мгновения уходящей из него жизни сквозь забытье он услышал голос, похожий на отцовский? Косыгин взял ребенка на руки, тот стал приходить в себя. Косыгин распорядился, чтобы мальчика отогрели, покормили, а затем эвакуировали из Ленинграда[155].

После войны, как ни расспрашивали Алексея Николаевича об этом случае, рассчитывая получить подтверждение или опровержение, он «не мог его вспомнить» — или, скорее, не хотел вспоминать[156]. Может быть, считал, что «миссия государственного деятеля» — организовать спасение всех, а не каждого поодиночке?

От помощников Косыгин получал информацию о производственных ресурсах, оборудовании, приборах, запасах крайне необходимых на «Большой земле» цветных металлов.

Алексей Николаевич распорядился в кратчайшие сроки подготовить перечень материалов и оборудования, которые можно вывезти из Ленинграда без ущерба военно-промышленному комплексу города.

Позже он с горечью признавал необходимость «выбирать» — кого или что вывозить: «*И людей вывозили, и оборудование. Одновременно… Так и решали, и то, и другое. А как тут еще можно выбирать? — Но приходилось выбирать…*»[157]

21 января 1942 года на заседании Военного совета Ленинградского фронта и Ленинграда обсуждался вопрос о массовой эвакуации жителей города и раненых из госпиталей. После окончания заседания Косыгин по прямому проводу связался со Сталиным и доложил ему о планируемых мероприятиях. 22 января ГКО выпустил постановление об эвакуации из Ленинграда не менее 500 тысяч человек.

Начинать надо было с коммуникаций. Путь был один — через Ладожское озеро. К нему от Ленинграда вела Ириновская железнодорожная ветка. На станции Борисова Грива, что примерно в десяти километрах от озера, решено было создать основной пункт эвакуации населения. Для транспортировки от станции к берегу туда стянули все городские автобусы. Параллельно осуществлялся и ремонт железнодорожной ветки — подымалась насыпь, менялись шпалы, проверялся крепеж рельсов. Уже 22 января к Борисовой Гриве двинулись первые поезда, к началу февраля из Ленинграда отходило два, в марте — до пяти составов. По распоряжению Косыгина паровозные бригады формировались из железнодорожников Ярославской и Горьковской областей — более готовых к нагрузкам, чем ослабевшие от голода ленинградцы.

За блокадным кольцом 20 февраля 1942 года открыли движение по железнодорожной ветке от станции Войбокало до поселка Кабона. Это позволило сократить пробег машин и оживило сообщение блокадного города с «Большой землей».

Три-четыре раза в неделю Косыгин приезжал на станцию Борисова Грива. Объезжал все эвакопункты, проверяя, как они готовы к приемке и отправке людей и грузов, как осуществляется подготовка пунктов ремонта автомобильной техники и противовоздушной обороны. Часто видели Косыгина на важнейшем узле всей эвакосистемы, станции Жихарево, в пунктах за блокадным кольцом — на восточном берегу Ладожского озера.

Казалось, он никогда не уставал и не чувствовал тягот. А. С. Болдырев вспоминал:

«Как-то он остался ночевать в Жихарево. Поздно вечером… собрались спать. Небольшого роста Карпов [помощник Косыгина,

с которым в 1941-м были в Харькове. — *В. Т.*] улегся на короткую кровать, Алексей Николаевич — на обычную. Пока он раздевался, я вышел в коридорчик и вернулся с двумя полушубками, которые начал раскладывать на полу. Алексей Николаевич, приподнявшись, некоторое время смотрел на мои приготовления, а затем тоном, не терпящим возражения, сказал:

— Вы что это надумали? На полу дует, кровать у меня широкая — марш ко мне…

Я начал было отговариваться, но он решительно подвинулся к стене, положил рядом со своей подушкой вторую, и я бочком примостился рядом»[158].

Косыгин решительно взялся за увеличение выпуска продукции на крупнейших ленинградских заводах. Предложил сконцентрировать производство на предприятиях с наибольшим количеством исправного оборудования, а также определять номенклатуру выпускаемых изделий для каждого завода отдельно. Благодаря этому удалось «расконсервировать» и перевести на выпуск военной продукции около 200 предприятий города, остановив 76 заводов и фабрик[159].

С докладом Сталину о ситуации в Ленинграде Косыгин прибыл в Москву 26 февраля. Докладывал 25 минут в присутствии В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича и Н. А. Вознесенского[160]. Сталина интересовало, как спасать город, устоявший осенью 1941-го под ударами немецких войск, от голода и холода? И как город может помочь стране? Насколько можно рассчитывать на ледовую «Дорогу жизни»?

Военно-автомобильная дорога (ВАД) № 101 — огромный и сложный механизм, где было задействовано около 20 тысяч военнослужащих и гражданских лиц, почти 3800 грузовых машин, автобусов, тракторов. Развернуты были три полевых госпиталя, пять эвакогоспиталей, эвакоприемники, пункты противовоздушной обороны, связи и прочее.

Нагрузки на Октябрьскую железную дорогу, связывающую Ленинград, а после его полной блокады — и восточное побережье Ладожского озера с центральными районами страны, и в первую очередь с Москвой, возросли в несколько раз. В феврале 1942 года к Ладожскому побережью было проведено 524, в марте — 927, в первой половине апреля 520 железнодорожных вагонов со всевозможными грузами[161], в первую очередь с продовольствием и медикаментами; в обратном направлении в этих же вагонах вывозили эвакуируемых и оборудование.

В феврале — марте — начале апреля 1942 года по «Дороге жизни» было эвакуировано 502 тысячи ленинградцев, а в город

доставлено более 290 тысяч тонн различных грузов, в первую очередь — продовольствия. Это позволило уже с февраля 1942 года восстановить нормы выдачи продовольствия, действовавшие до 12 сентября 1941 года.

…Жихарево, раннее утро. Косыгин направляется к Дворцу культуры, где разместился эвакопункт для ленинградцев. Там они получали возможность согреться, поесть горячего, получить паек. «В огромном помещении было чисто, светло и сухо. Эвакуированные расслабились, пропало чувство тревоги, ожидания чего-то худшего, неизвестного. С лиц исчезла угрюмость, настороженность, люди переговаривались, улыбались. Некоторые сценки трогали до глубины души. Помню, как старая изможденная женщина прижимала к груди булку, на которую падали крупные слезы: — Хлеб, хлеб!»[162]

Послано т. Кагановичу, Орг т. Жданову, Кассатки.

162

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОЗОК ПО ЛАДОЖСКОМУ ОЗЕРУ В НАВИГАЦИЮ 1942 ГОДА.

К началу навигации 1942 года в Ладожском озере Северо-Западное речное пароходство будет располагать следующим количеством самоходного и несамоходного флота:

а) озерных буксирных пароходов – 4 единицы общей мощностью 1581 ЛС

б) один пассажирский речной пароход мощностью 200 лс, вместимостью 200 чел. пассажиров

Будет отремонтировано к началу навигации:

озерных лесных и сухогрузных барж – 7 единиц общей грузоподъемностью 5.392 тонны

одна озерная бензиновая баржа грузоподъемностью 250 тонн.

Кроме того, должно быть построено к 15.5 10 металлических озерных барж грузоподъемностью 6000 тонн и 10 деревянных барж грузоподъемностью 3300 тонн, а всего будет в строю к 15.У 28 барж общей грузоподъемностью 14.942 тонны.

Исходя из общей грузооборачиваемости барж 2,5 суток, имеющийся тоннаж будет обеспечивать следующие перевозки:

за счет имеющихся барж в сутки	– 2250 тонн
за счет вновь построенных барж в сутки	– 3720 тонн
ВСЕГО:	– 5970 тонн

2.

Указанным тоннажем можно обеспечить завоз в Ленинград не менее 4000 тонн грузов в сутки, а также ежесуточный вывоз из Ленинграда до 3000 человек населения и 1000 тонн обратного груза.

Учитывая опыт перевозок по Ладожскому озеру в навигацию 1941 года и условия работы на Ладожском озере в период навигации 1942 года, считаем необходимым:

а) Организацию водных перевозок по Ладожскому озеру возложить на Балтфлот НКВМФ, подчинив ему на время навигации флот Наркомречфлота, работающий на Ладожском озере, Приладожских каналах и реке Волхову.

б) Организацию перевалочных баз и производство погрузо-разгрузочных работ возложить на Управление тыла Ленинградского фронта.

в) Охрану транспортов и водных путей и вооружение судов Наркомречфлота зенитными средствами возложить на Наркомвоенморфлот.

В соответствии с этим, представляем проект решения Государственного Комитета Обороны, который просим рассмотреть и утвердить.

А. ЖДАНОВ

А. КОСЫГИН

8С/385
6 апреля 42г.

Докладная записка А. А. Жданова, А. Н. Косыгина И. В. Сталину об организации перевозок по Ладожскому озеру в навигацию 1942 года. 6 апреля 1942. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 48. Л. 162, 163]

Регулярное движение по льду ВАД было прекращено 21 апреля, но к этому времени уже был готов план летней навигации по озеру. В начале апреля 1942 года Косыгин предоставил в ГКО

СССР докладную записку об организации перевозок по Ладоге. Он прекрасно понимал, что прорыв блокады произойдет еще не скоро и необходимо поддерживать единственную артерию, питающую обескровленный город.

В докладной записке Косыгин со свойственной ему тщательностью перечислил все наличные плавсредства Северо-Западного речного пароходства на Ладожском озере: 4 озерных буксирных парохода общей мощностью 181 л. с.; 1 пассажирский речной пароход мощностью в 200 л. с. и вместимостью в 200 пассажиров; 7 озерных лесных и сухогрузных барж грузоподъемностью в 5392 тонны; 1 озерная бензиновая баржа грузоподъемностью в 250 тонн. Получалось немного. Совсем немного. Поэтому к середине мая предстояло ввести в строй еще 10 металлических и 10 деревянных барж общей грузоподъемностью 9300 тонн. После этого все 28 барж смогут взять около 15 тысяч тонн, обеспечивая перевозки около 6 тысяч тонн в сутки. Конкретно это позволяло ежедневно завозить в Ленинград не менее 4000 тонн грузов в сутки и вывозить от 3000 человек и 1000 тонн грузов.

Обеспечение перевозок, погрузок и разгрузок, охраны и безопасности Косыгин предлагал возложить на Наркомат военно-морского флота и Управление тыла Ленинградского фронта[163]. Посильную помощь автомобильным транспортом оказывало Управление тыла Ленинградского фронта. К его начальнику генерал-лейтенанту интендантской службы Ф. Н. Логунову Косыгин неоднократно обращался сам[164].

Имея привычку все проверять лично, Алексей Николаевич в мае несколько раз выходил в Ладожское озеро на катере и однажды попал под обстрел из крупнокалиберных пулеметов.

И вновь помощники говорили: «С ним не страшно».

Это многого стоило…

Еще одна проблема — обеспечение Ленинграда топливом. С начала года ощущалась острая нехватка бензина для автомашин городских служб, керосина для населения, горюче-смазочных масел для промышленных предприятий. А в конце января произошла катастрофа. 25 января электростанции не получили мазут, поэтому на 36 часов пришлось отключить главную городскую водопроводную станцию, что привело к выходу из строя всех водопроводных магистралей, остановке хлебозаводов. Косыгин был вынужден взять под личный контроль вопрос снабжения города нефтепродуктами.

24 апреля 1942 года Алексей Николаевич обратился напрямую к И. В. Сталину как председателю ГКО СССР с проектом строительства по дну Ладожского озера трубопровода. Косыгин

предлагал проложить 4-дюймовую трубу от станции Мыс Кареджи до станции Ладожское озеро протяжением примерно 25 километров. Она позволила бы прокачивать 300–350 тонн нефтепродуктов в сутки. Учитывая потребность не только Ленинграда, но и Ленинградского фронта в бензине (150 тонн), в керосине (50 тонн) и лигроине (30 тонн), трубопровод не только покрывал суточную потребность, но и позволял создать стратегические резервы топлива.

Сталин предложение Косыгина принял, ввод трубопровода был намечен на 20 июня 1942 года[165]. В дальнейшем, при жесткой экономии и контроле нефтепродуктов, город мог быть полностью обеспечен и бензином, и керосином, и горюче-смазочными материалами.

5 июня 1942 года А. Н. Косыгин в записке на имя председателя ГКО СССР докладывал о результатах своей деятельности в Ленинграде:

— За неполных три месяца (конец января — середина апреля) 1942 года из Ленинграда и области, в том числе с Карельского перешейка, было эвакуировано 539 400 человек, среди них раненых и инвалидов — более 40 тысяч. Почти столько же составлял «спецконтингент», то есть заключенные, политически неблагонадежные, лица немецкой и финской национальностей[166].

Не вызывает сомнения, что эвакуация спасла жизнь сотням тысяч ленинградцев. Голод, холод, болезни буквально «косили» людей. Косыгин сообщал, что, «лучше освободить город от „части населения, требующего особого обслуживания (дети, инвалиды войны, раненые), разместив оставшуюся часть населения в имеющихся укрытиях и убежищах от обстрела и воздушных бомбардировок“».

Особый раздел своей докладной записки Косыгин посвятил эвакуации сырья, ценных материалов и металлов, оборудования, предназначавшегося для оборонной промышленности. За январь — апрель из Ленинграда было вывезено 15 152 тонны грузов, в том числе оборудование и приборы для танков и самолетов.

Две недели спустя Косыгин направляет на имя Сталина проект постановления ГКО «Об эвакуации оборудования из г. Ленинграда». Предполагалось вывезти 23 467 единиц, чтобы разместить их в Москве, Подольске, Коломне и в восточных районах[167]. Для сравнения: до середины июня сумели отправить более 2,5 тысяч станков разного типа[168].

В город же шли главным образом продовольствие и медикаменты — почти 80 тысяч рейсов грузовыми машинами[169].

Результаты работы Алексея Николаевича в Ленинграде

впечатляют. В первую очередь налажена эвакуация населения и грузов. Ленинградские предприятия благодаря грамотным решениям Косыгина смогли увеличить производство вооружения и боеприпасов, причем для нужд не только Ленинградского, но и других фронтов. Удалось наладить поставки в Ленинград продовольствия и топлива.

«Зима-убийца» в Ленинграде больше не повторилась. Позже А. Н. Косыгин был занесен в список почетных ветеранов Ладоги и награжден орденом Красного Знамени[170]. Из своих орденов — к ним он был равнодушен и не носил даже орденские планки, из-за чего получил в 1976-м выговор от Л. И. Брежнева, — этот он выделял и гордился им.

В помощь армии

…19 мая 1942 года в секретариат председателя ГКО СССР поступило обращение за подписью заместителя народного комиссара обороны СССР генерал-майора М. П. Воробьева[171]: «Прошу доложить председателю ГОКО[172] тов. Сталину И. В. письмо с просьбой о возложении персональной ответственности на одного из заместителей председателя СНК СССР (желательно на тов. Косыгина А. Н.) за обеспеченность действующей армии средствами инженерного вооружения»[173].

Армия ощущала острую нехватку инженерно-саперного оборудования и шанцевого инструмента. Промышленность почти год не выполняла плановых поставок по противотанковым и противопехотным минам, взрывчатым веществам, средствам маскировки, электросредствам и переправочным паркам. По передвижным ремонтным мастерским, лесозаготовительным средствам, дорожно-строительному оборудованию и насосам поставки вообще прекратились. Все запасы были исчерпаны, инженерные части и подразделения со своими задачами справлялись с трудом, что подрывало боеспособность действующей армии.

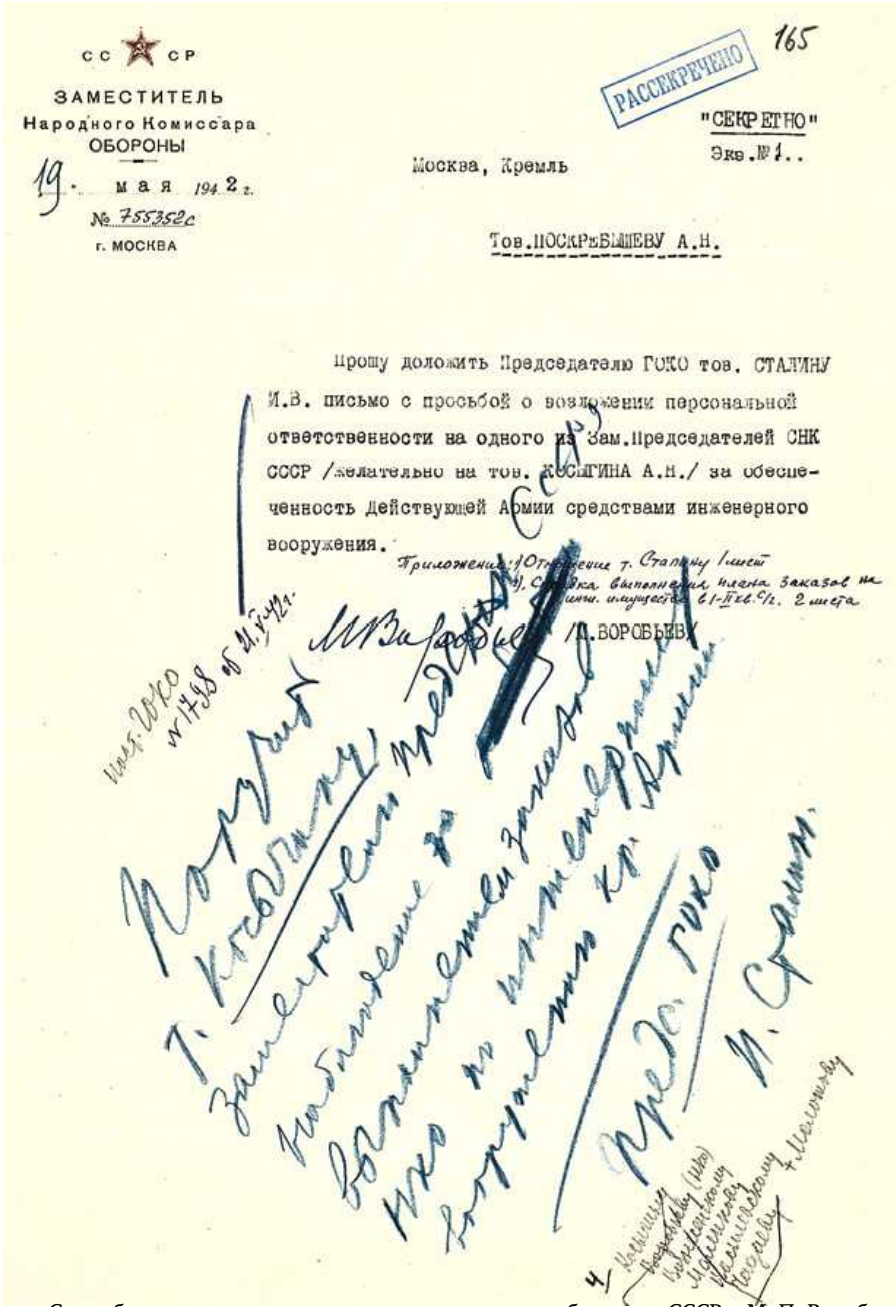

Михаил Петрович Воробьев. 1950-е. [Из открытых источников]

Откуда же Воробьев, человек сугубо военный, мог знать о Косыгине? Судя по всему, в армии его способности тоже знали и ценили. Просьбу Воробьева Сталин удовлетворил незамедлительно: «Поручить т. Косыгину, заместителю председателя СНК СССР, наблюдение за выполнением заказов НКО по инженерному вооружению Красной армии»[174].

Уже 21 мая 1942 года Косыгин был назначен ответственным за выполнение заказов Наркомата обороны по инженерному вооружению РККА.

Для Алексея Николаевича это поручение было совершенно неожиданным — инженерным вооружением ему заниматься никогда не приходилось. Как всегда, начал он с того, что сам подробно изучил ситуацию. Попросил председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского ежеквартально представлять ему лично проекты планов производства инженерного вооружения, согласованные с Главным военно-инженерным управлением РККА.

СССР

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
Народного Комиссара
ОБОРОНЫ

19. мая 1942 г.
№ 755352с
г. МОСКВА

РАССЕКРЕЧЕНО

165

"СЕКРЕТНО"
Экз. №1..

Москва, Кремль

Тов. ПОСКРЕБЫШЕВУ А.Н.

Прошу доложить Председателю ГОКО тов. СТАЛИНУ И.В. письмо с просьбой о возложении персональной ответственности на одного из Зам. Председателей СНК СССР /желательно на тов. КОСЫГИНА А.Н./ за обеспеченность действующей Армии средствами инженерного вооружения.

Приложение: 1/Отношение т. Сталину 1 лист
2/ Справка, выполнения плана заказов на ... имущества 61-й Кас. С/г. 2 листа

/М.ВОРОБЬЕВ/

Служебная записка заместителя наркома обороны СССР М. П. Воробьева А. Н. Поскребышеву с просьбой доложить И. В. Сталину о ходатайстве Наркомата обороны СССР о возложении персональной ответственности за обеспечение действующей армии предметами инженерного вооружения на одного из заместителей председателя Совнаркома СССР, желательно на А. Н. Косыгина. 19 мая 1942. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 63. Л. 165]

27

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГОКО-1798

от "21" м а я 1942 г. Москва, Кремль.

Поручить т.Косыгину, заместителю пред.СНК СССР наблюдение за выполнением заказов НКО по инженерному вооружению Красной Армии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.СТАЛИН

Выписки разослать: т.т.Косыгину, Воробьеву (НКО), Вознесенскому, Маленкову, Василевскому, Чадаеву.

5мн

Постановление ГКО СССР № 1798 о поручении А. Н. Косыгину наблюдения за выполнением заказов Наркомата обороны СССР по инженерному вооружению Красной армии. 21 мая 1942. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 36. Л. 27]

Почти за год боевых действий инженерные части РККА понесли огромные потери в вооружении. Запасы, хранившиеся на складах и распределявшиеся по войскам, расходовались быстрее, чем предусматривалось. Взрывчатых веществ хватило всего на три месяца, шанцевого инструмента — на четыре. Того, что удалось «наскрести» в военных округах, расположенных в восточных областях СССР, хватило до декабря 1941 года. Поставки нового инженерного вооружения с промышленных предприятий начались в самом конце 1941 года, но, как и отмечал генерал-майор М. П. Воробьев, плановые задания не выдерживались.

Приходилось пользоваться помощью населения, подручными средствами, создавать кустарные ремонтные мастерские, изымать у людей инструменты. Ясно, что такие меры не могли обеспечить инженерное обустройство позиций, особенно в оборонительных боях.

Алексей Николаевич был немало удивлен, узнав, что с начала войны ГКО СССР и СНК СССР приняли полтора десятка постановлений и отдали более 20 распоряжений, связанных с производством инженерного вооружения[175]. Дело же «с мертвой точки» практически не сдвинулось.

По мнению военных и гражданских специалистов, которых Алексей Николаевич привлек к работе, для выстраивания работающей системы понадобится год. А параллельно нужно

решать первоочередные задачи. Уже на следующий день после нового назначения Косыгин обратился в ГКО:

«В связи с необходимостью увеличения выпуска деревянных противотанковых мин для ГВИУ КА [Главного военно-инженерного управления Красной армии] нами рассмотрен вопрос об организации производства динамона [динамита] и снаряжения им противотанковых мин на незагруженных предприятиях Наркомстройматериалов СССР, Наркомстройматериалов РСФСР и Наркомхимпрома (кирпичные и цементные заводы, Егорьевский рудник).

В мае месяце указанные заводы смогут снарядить 70 тысяч мин и в июне 585 тысяч мин. Кроме того, на Новороссийских цементных заводах с июня будет организован ежемесячный выпуск 60 тысяч асбоцементных мин, снаряжаемых также динамоном [динамитом].

Выпуск деревянных корпусов противотанковых мин производится на предприятиях Наркомлеса СССР, Наркомтекстиля СССР, Наркомторга СССР, Наркоммясомолпрома СССР, Наркомместпрома РСФСР и промкооперации.

Прилагая проект постановления ГОКО „О мероприятиях по расширению производства противотанковых мин“, просим рассмотреть его и утвердить.

Проект согласован с заинтересованными наркоматами»[176].

Тот факт, что уже на второй день после нового назначения Косыгин поставил вопрос о производстве мин, не случаен. Противотанковых средств в оборонительных операциях критически не хватало. Поступали требования о создании новых моделей и типов, усовершенствовании уже существующих образцов. Однако исходить приходилось из имевшихся возможностей, производственных мощностей. Отсюда и упомянутые мины в асбоцементном корпусе. Взялись, как требовала армия, и за освоение новых типов мин, противотанковых и противопехотных. Количество задействованных предприятий выросло всемеро за счет военной конверсии гражданской промышленности.

Общий план Косыгин представил И. В. Сталину на личной встрече 14 июня 1942 года[177]. Он включал широчайший спектр средств, оборудования и машин: мины и взрывчатые вещества, шанцевый инструмент, миноискатели и подрывные машинки, электростанции типа АЭ-2 и АЭС-3, землеройно-транспортные машины, снегоочистители, грейдеры, прицепные катки, лесопильные станки и рамы, броневые скрывающиеся огневые

точки и многое другое[178]. Полная номенклатура инженерного вооружения насчитывала более 2000 наименований[179].

Самые серьезные сложности возникли с переправочными парками. Большая часть специализированных предприятий оказалась на оккупированной территории, а в Ленинграде и в Ленинградской области профильные заводы встали. Те, что были эвакуированы на восток, перешли на выпуск другой продукции. Косыгин настоял на привлечении предприятий гражданской промышленности, понимая, что им для перестройки мощностей понадобится определенное время. Оно было использовано для того, чтобы внести изменения в конструкции переправочных средств, пойдя на ряд упрощений и снизив требования к характеристикам продукции. В частности, вместо специальных марок стали использовать иные, по преимуществу — углеродистые.

В итоге к весне 1944 года части и подразделения Красной армии были полностью укомплектованы переправочными средствами: деревянно-понтонными парками ДМП-41, ДМП-42, тяжелыми понтонными парками ТМП и Н2П, легкими понтонными парками НЛП и ДЛП, а также катерами БМК-60 и полуглиссерами НКЛ-27[180]. Это дало возможность обеспечить наступательные операции с форсированием водных преград.

По инициативе Алексея Николаевича производство средств инженерного вооружения планировалось не только на год, но и поквартально. По его же предложению в аппарате СНК СССР была создана группа инженерного вооружения, которую возглавил один из его ближайших помощников А. С. Болдырев.

Этому предшествовал довольно любопытный эпизод. Генерал-майор М. П. Воробьев, узнав о назначении гражданского лица руководителем группы, пришел к Косыгину.

— Алексей Николаевич, прошу вас изменить свое решение, Болдырев, вероятно, хороший технолог, но ни о минах, ни о переправочных средствах, заграждениях и другом инженерном имуществе он понятия не имеет, — заявил генерал.

Алексей Николаевич не сдержал улыбку:

— А знаете что, сделаем так. Пусть Болдырев поработает месяца три. Если не справится, приму предложенную вами кандидатуру.

Болдырев, как добросовестный ученик Косыгина, начал с того, что «собрал все справочники, ОСТы, ГОСТы и технические условия по инженерной технике и составил по всей номенклатуре свой сводный справочник с указанием норм расхода материалов на изготовление этой техники и саперного имущества».

На «первом же рассмотрении у Косыгина проекта плана

поставок на III квартал 1941 года М. П. Воробьев прервал доклад Болдырева и заметил, что для понтонных парков недодано 600 тонн металла. Алексей Николаевич вопросительно посмотрел на Болдырева.

— Все правильно, — сказал Болдырев. — Вот справка об обеспечении понтонных парков металлом. По договоренности с Госпланом в ресурсах учтены и потери металла, и дополнительная потребность на комплектацию соединительных устройств. Норма расхода даже немного превышает нормы ГВИУ — они указаны в справке.

Тогда Косыгин обратил свой взор на Воробьева. Тот что-то нервно шепотом выговаривал начальнику ГВИУ полковнику А. Я. Калягину и его заместителю А. А. Игнатову.

— Да, видимо, в наших расчетах есть неточность, — наконец смущенно проговорил Воробьев. — Я снимаю свои возражения. К сожалению, мы без согласования с поставщиками несколько завысили нормы.

— Есть ли еще вопросы по плану? — спросил Косыгин. Все молчали. — Нет? Это редкий случай, — заключил он»[181].

Размещение всей номенклатуры заказов инженерного вооружения требовало знания возможностей и оборудования «непрофильных» предприятий. Заказы Главного военно-инженерного управления РККА со второй половины 1942 года передавались заводам местной и кооперативной промышленности Наркомата промышленности строительных материалов СССР (взрывчатые вещества, замыкатели, взрыватели), Наркомата лесной промышленности (шанцевый инструмент и «тара» для мин), Промкооперации (маскировочные средства). К работе подключили даже Государственное учебно-педагогическое издательство и Комитет по делам искусств при СНК[182].

Разумеется, для конверсии привлекались инженерно-технические работники, ученые из оборонной промышленности. Это требовало грамотной координации, смелости в принятии порой рискованных решений, особенно при поточном методе производства.

В общей сложности к началу 1945 года было создано и модернизировано более 180 видов различных инженерных средств, стоящих на вооружении в РККА.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1943 года за успешное выполнение заданий правительства по изготовлению и снабжению Красной армии средствами инженерного вооружения 369 человек были награждены орденами и медалями, в том числе орденом Ленина — пятеро, Красного Знамени — двое, Отечественной войны II степени —

двое, Трудового Красного Знамени — 24, Красной Звезды — 38, «Знак почета» — 104 человека. Среди новых кавалеров ордена Ленина мы встречаем и М. П. Воробьева[183], теперь уже в чине генерал-лейтенанта.

Сам М. П. Воробьев еще в декабре 1942 года ходатайствовал перед председателем ГКО СССР о награждении А. Н. Косыгина орденом Ленина. Он отмечал, что «с мая 1942 года поступление инженерных средств в Красную армию увеличилось в два-три раза. Промышленность по ряду номенклатур инженерной техники выполнила и перевыполнила план, предусмотренный постановлением Государственного комитета обороны. Из общего количества поступления средств инженерной техники за время Отечественной войны в последние шесть месяцев поставлено более 60–65 %.

87 31

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

тов. С Т А Л И Н У И.В.

С мая 1942 года поступление инженерных средств в Красную Армию увеличилось в два три раза. Промышленность по ряду номенклатур инженерной техники выполнила и перевыполнила план предусмотренный Постановлением Государственного Комитета Обороны. Из общего количества поступления средств инженерной техники за время Отечественной войны в последние шесть месяцев поставлено более 60-65%

Перелом поставки инженерных средств произведен благодаря большой работе, проведенной тов. КОСЫГИНЫМ А.Н. и повседневной помощи оказываемой им Наркоматам выполняющим заказы по средствам инженерного вооружения для Главного Военно-Инженерного Управления Красной Армии.

Прошу ходатайства перед Верховным Советом Союза Советских Социалистических Республик О НАГРАЖДЕНИИ тов.КОСЫГИНА АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.-

/М.ВОРОБЬЕВ/

Докладная записка заместителя наркома обороны СССР М. П. Воробьева председателю ГКО СССР И. В. Сталину с ходатайством о награждении А. Н. Косыгина орденом Ленина. 15 декабря 1942. [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 863. Л. 31]

Перелом поставки инженерных средств произведен благодаря большой работе, проведенной тов. Косыгиным А. Н., и повседневной помощи, оказываемой им Наркоматам, выполняющим заказы по средствам инженерного вооружения для Главного военно-инженерного управления Красной армии»[184].

И пусть в наградные списки капитана запаса А. Н. Косыгина не включили, оценка его деятельности главным заинтересованным лицом говорит о многом.

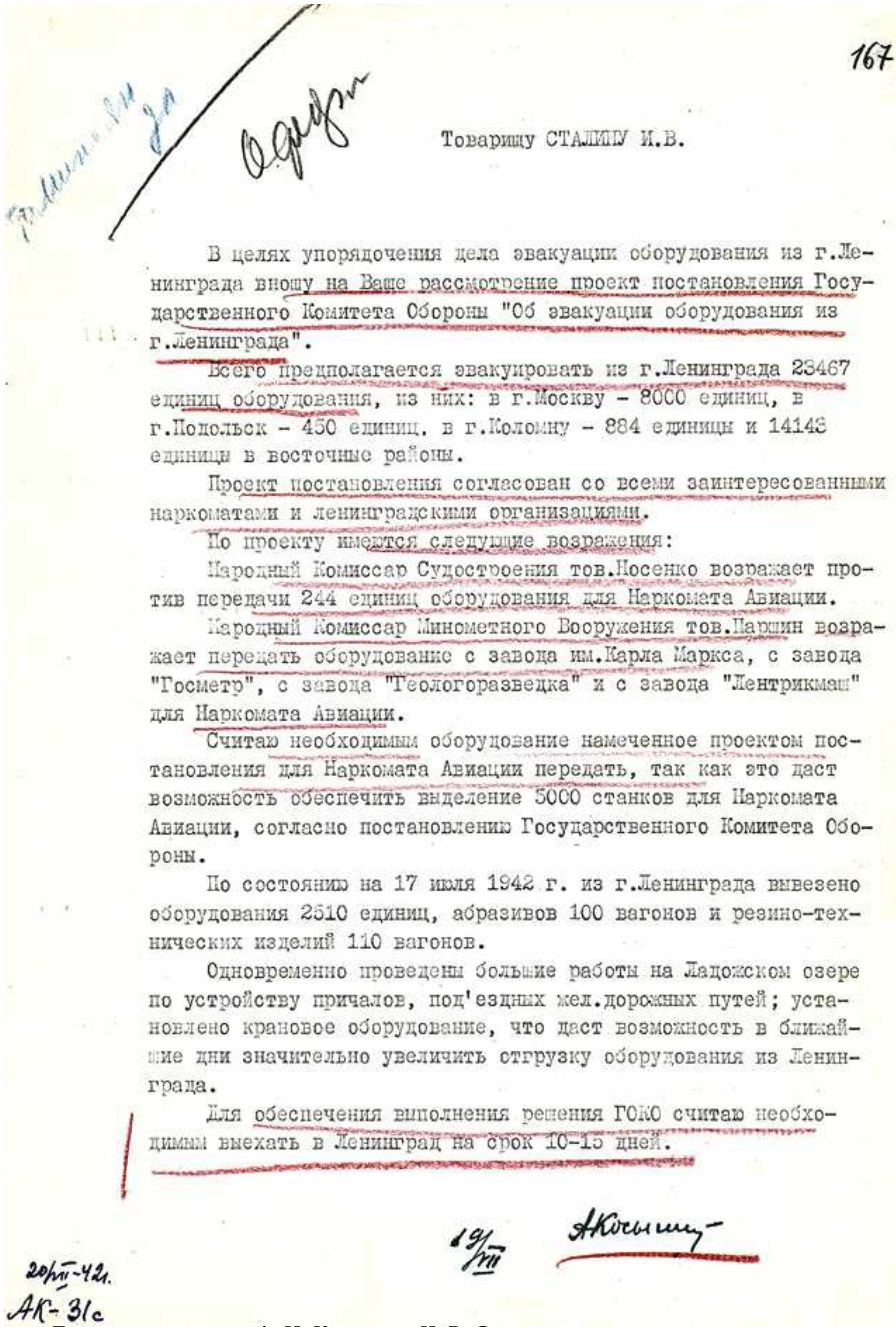
Новые назначения и новые задачи

Ситуация весны — лета 1942 года — неудачи Красной армии на юго-западном участке советско-германского фронта, в первую очередь под Харьковом, стремительное продвижение вермахта на Кавказ и к Волге — потребовала эвакуации гражданского населения, промышленных предприятий и материальных ценностей из южных областей и северокавказских автономий СССР.

22 июня 1942 года, ровно год спустя после начала войны, А. Н. Косыгин был назначен уполномоченным образованной ГКО СССР Комиссии по эвакуации (постановление за № 1922)[185]. В нее также вошли Н. М. Шверник (председатель), А. И. Микоян, М. З. Сабуров, Б. Н. Арутюнов, П. А. Ермолин.

Как и прежние, эта комиссия вносила свои решения на утверждение ГКО, а ее распоряжения были обязательны «для всех наркоматов и местных организаций на исполнение по эвакуации»[186].

Вторая волна эвакуации, охватившая Ростовскую, Воронежскую, южные районы Орловской, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ, была менее интенсивной и более организованной. Однако возникли новые транспортные проблемы. Так, направлять эшелоны из Ростовской области и Краснодарского края на север через Лихую и на северо-восток через Тихорецкую — Сальск — Сталинград — Саратов летом 1942 года было уже невозможно. Их можно было проводить только через Тихорецкую — Армавир — Гудермес и далее на Кавказ. Оборудование с промышленных предприятий, сырье и готовая продукция эвакуировались через Махачкалу, Баку и Красноводск в Среднюю Азию и далее. Огромный поток эвакуационных поездов от Ростова на Кавказ встречался с встречным потоком воинских эшелонов, двигавшихся к фронту. Дабы избегать транспортных пробок, приходилось отслеживать местоположение каждого состава.

167

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

В целях упорядочения дела эвакуации оборудования из г.Ленинграда вношу на Ваше рассмотрение проект постановления Государственного Комитета Обороны "Об эвакуации оборудования из г.Ленинграда".

Всего предполагается эвакуировать из г.Ленинграда 23467 единиц оборудования, из них: в г.Москву – 8000 единиц, в г.Подольск – 450 единиц, в г.Коломну – 884 единицы и 14143 единицы в восточные районы.

Проект постановления согласован со всеми заинтересованными наркоматами и ленинградскими организациями.

По проекту имеются следующие возражения:

Народный Комиссар Судостроения тов.Носенко возражает против передачи 244 единиц оборудования для Наркомата Авиации.

Народный Комиссар Минометного Вооружения тов.Паршин возражает передать оборудование с завода им.Карла Маркса, с завода "Госметр", с завода "Геологоразведка" и с завода "Лентрикмаш" для Наркомата Авиации.

Считаю необходимым оборудование намеченное проектом постановления для Наркомата Авиации передать, так как это даст возможность обеспечить выделение 5000 станков для Наркомата Авиации, согласно постановлению Государственного Комитета Обороны.

По состоянию на 17 июля 1942 г. из г.Ленинграда вывезено оборудования 2510 единиц, абразивов 100 вагонов и резино-технических изделий 110 вагонов.

Одновременно проведены большие работы на Ладожском озере по устройству причалов, под'ездных жел.дорожных путей; установлено крановое оборудование, что даст возможность в ближайшие дни значительно увеличить отгрузку оборудования из Ленинграда.

Для обеспечения выполнения решения ГОКО считаю необходимым выехать в Ленинград на срок 10-15 дней.

19/VII А.Косыгин

20/VII-42.
АК-31с

Докладная записка А. Н. Косыгина И. В. Сталину к вносимому им на утверждение проекту постановления ГКО СССР «Об эвакуации оборудования из Ленинграда» и о своем намерении выехать в Ленинград на 10–15 дней для обеспечения выполнения решения ГКО СССР. 19 июля 1942. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 80. Л. 167]

Германские военно-воздушные силы ежедневно бомбили не только крупные железнодорожные узлы Краснодарского края и Северного Кавказа, но и небольшие станции и разъезды,

железнодорожные перегоны, мосты[187]. «В Серафимовическом районе приступили к эвакуации жителей и всего ценного. Паромов мало — скот переправляется вплавь. Большие трудности возникли с вывозом зерна. Нет горючего. Да, невесело…»[188] — записал в своем дневнике 13 июля 1942 года первый секретарь Сталинградского обкома партии.

Косыгин опирался на опытную команду профессионалов, которая уверенно бралась за новые задачи — такие, как переброска оборудования с нефтепромыслов, запасов нефти и нефтепродуктов. Эвакуация промышленных предприятий, зерна и фуража, исторических ценностей, а главное, конечно, людей была уже отработана. Несомненно, Косыгин помнил слова Сталина: «Эвакуация прифронтовой полосы нужна также для того, чтобы в этой полосе не осталось ни одного подозрительного лица, чтобы войсковой тыл был зачищен на 100 %». Их передал командующий Юго-Западным фронтом С. К. Тимошенко. Однако своей задачей Косыгин видел спасение мирных граждан, стариков, детей, женщин.

«Зачистки» — не его забота. Позволил ли он себе некоторое отступление от «линии партии»? Пожалуй…

26 июля 1942 года состоялась еще одна встреча Косыгина со Сталиным, которая растянулась почти на два часа. В кабинете традиционно присутствовали Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков. Приглашены были также заместители наркома обороны Е. А. Щаденко, Н. Н. Воронов, Н. Д. Яковлев, офицеры Главного организационного управления Генштаба А. Г. Карпоносов, Ф. И. Вахитов, Н. И. Четвериков, известный летчик А. В. Беляков, в то время — начальник одного из летных учебных заведений. Алексей Николаевич докладывал об итогах первого месяца эвакуации 1942 года, а также о ситуации на юго-западе в народнохозяйственном аспекте. Главная угроза — потеря нефтяных промыслов Северного Кавказа, прекращение поставок бакинской нефти — была близка как никогда.

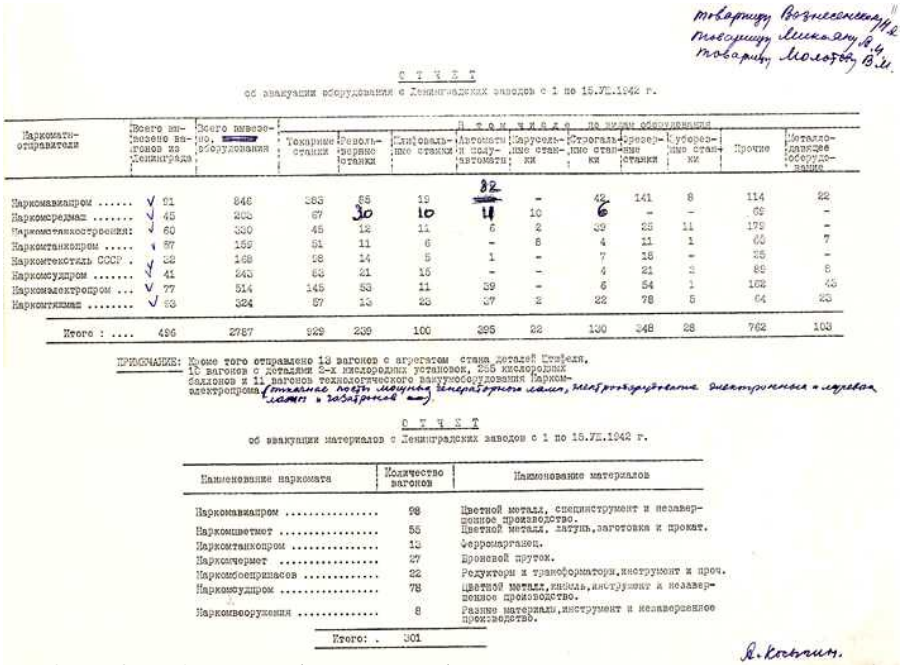

Семен Константинович Тимошенко. 1950-е. [Из открытых источников]

Спустя всего два дня, 28 июля 1942 года, появился знаменитый приказ № 227 — «Ни шагу назад»…

После назначения в июне 1942 года в Комиссию по эвакуации А. Н. Косыгин был освобожден от обязанностей уполномоченного по эвакуации Ленинграда. Однако, выполняя поручение ГКО СССР, продолжал курировать переброску с ленинградских заводов оборудования до ноября 1943 года[189]. 11 ноября 1943 года за подписью А. И. Микояна, А. А. Жданова, А. Н. Косыгина на имя И. В. Сталина была направлена докладная записка о внесении на утверждение проекта постановления «О прекращении эвакуации оборудования из Ленинграда»: «Дальнейшая эвакуация может быть разрешена только в части ненужного для Ленинграда оборудования с предварительным согласованием с Военным советом Ленинградского фронта и только с разрешения ГОКО»[190]. ГКО СССР принял соответствующее постановление 12

ноября 1943 года[191].

товарищу Вознесенскому Н.А.
тов. Микояну А.И.
товарищу Молотову В.М.

О Т Ч Е Т

об эвакуации оборудования с Ленинградских заводов с 1 по 15.УШ.1942 г.

Наркоматы-отправители	Всего вагонов из Ленинграда	Всего вывезено оборудования	В том числе по видам оборудования: Токарные станки	Револьверные станки	Универсально-фрезерные станки	Автоматы и полуавтоматы	Карусельные станки	Отрезные станки	Зуборезные станки	Шлифовальные станки	Прочие	Металлодержащее оборудование
Наркомавиапром	91	846	383	65	19	32	-	42	141	8	114	22
Наркомсредмаш	45	205	67	30	10	4	10	6	-	-	68	-
Наркомстанкопром	60	330	45	12	11	6	2	39	25	11	179	-
Наркомтанкопром	87	159	51	11	6	-	6	4	11	1	68	7
Наркомтекстильмаш	38	168	18	14	5	1	-	7	18	-	95	-
Наркомсудпром	41	243	63	21	15	-	-	4	21	2	89	8
Наркомэлектропром	77	514	145	53	11	39	-	6	54	1	102	43
Наркомхиммаш	63	324	97	13	23	37	2	22	78	5	64	23
Итого :	496	2787	929	239	100	295	22	130	348	28	762	103

ПРИМЕЧАНИЕ: Кроме того отправлено 13 вагонов с агрегатом стана деталей Штефля, 10 вагонов с деталями 2-х кислородных установок, 235 кислородных баллонов и 11 вагонов технологического вагоноборудования Наркомэлектропрома (станки поэт. мощн. генераторных ламп, электрооборудование электронных и мерных ламп и габаритное)

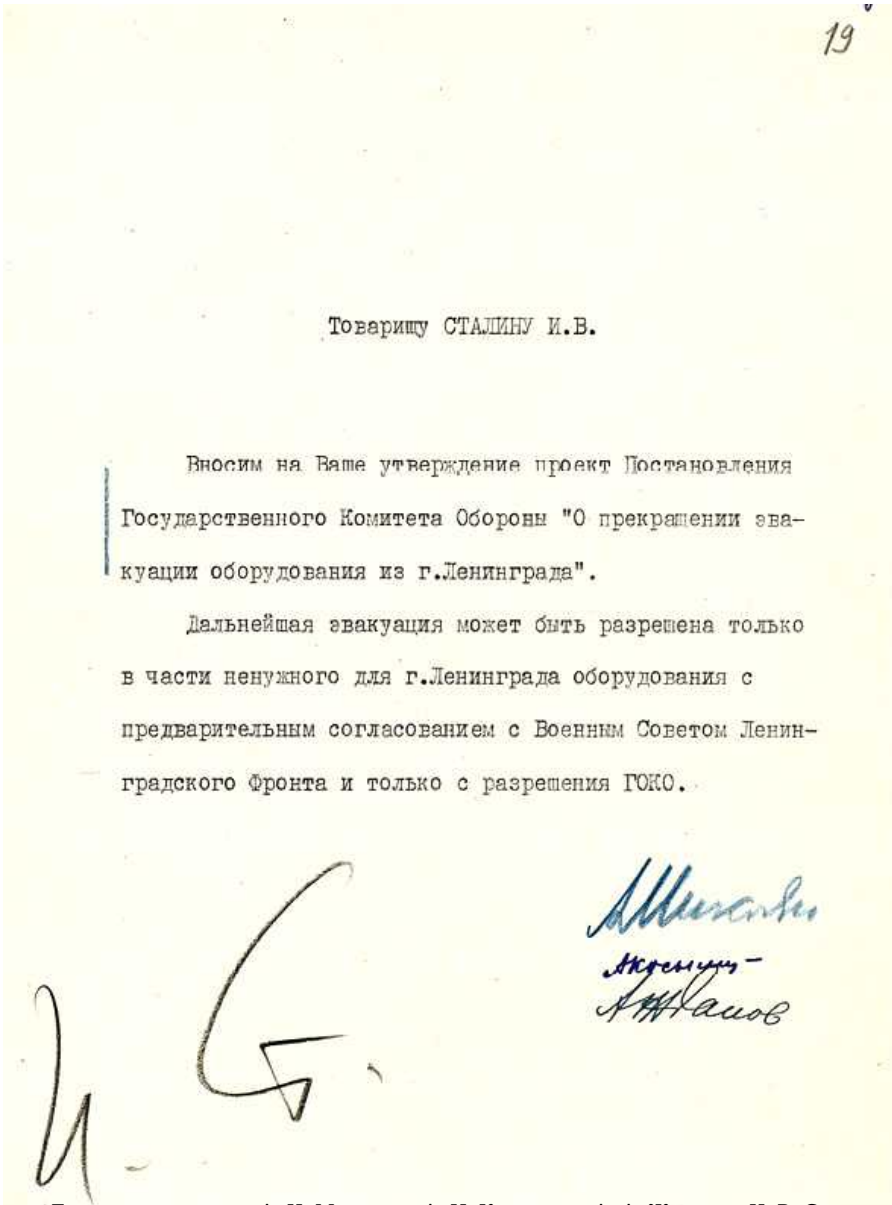
О Т Ч Е Т

об эвакуации материалов с Ленинградских заводов с 1 по 15.УШ.1942 г.

Наименование наркомата	Количество вагонов	Наименование материалов
Наркомавиапром	98	Цветной металл, специнструмент и незавершенное производство.
Наркомцветмет	56	Цветной металл, латунь, заготовка и прокат.
Наркомтанкопром	13	Ферромарганец.
Наркомчермет	27	Бронзовый пруток.
Наркомвооружения	22	Редукторы и трансформаторы, инструмент и проч.
Наркомсудпром	78	Цветной металл, никель, инструмент и незавершенное производство.
Наркомвооружения	8	Разные материалы, инструмент и незавершенное производство.
Итого: .	301	

А. Косыгин.

Отчет А. Н. Косыгина об эвакуации оборудования с ленинградских заводов с 1 по 15 августа 1942 года. 1942. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 12. Л. 11]

19

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Вносим на Ваше утверждение проект Постановления Государственного Комитета Обороны "О прекращении эвакуации оборудования из г.Ленинграда".

Дальнейшая эвакуация может быть разрешена только в части ненужного для г.Ленинграда оборудования с предварительным согласованием с Военным Советом Ленинградского Фронта и только с разрешения ГОКО.

Микоян
Косыгин
Жданов

Докладная записка А. И. Микояна, А. Н. Косыгина, А. А. Жданова И. В. Сталину о внесении на утверждение проекта постановления ГКО СССР «О прекращении эвакуации оборудования из г. Ленинграда». 11 ноября 1943. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 243. Л. 19]

* * *

23 августа 1942 года А. Н. Косыгин был назначен уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК СССР по обеспечению заготовок местных видов топлива — угля, торфа, дров.

Потеря в 1941 году Донецкого угольного бассейна, огромные разрушения на Подмосковном угольном бассейне лишали промышленные предприятия и железнодорожный транспорт необходимого топлива. Приходилось мобилизовать внутренние резервы, изыскивать на местах новые и расконсервировать старые угольные месторождения, использовать торф и даже дрова.

Косыгин уже занимался этой проблемой (уголь) в ноябре — декабре 1941 года в Москве и Московской области. Теперь ее нужно было решать в иных масштабах.

Во-первых, важно было понять объемы потребления. Учесть нужды населения и промышленности, железных дорог и речного флота…

Во-вторых, выяснить, какими топливными и трудовыми ресурсами располагает тот или иной регион.

В-третьих, необходимо было создать механизм, обеспечивающий добычу, если потребуется — обогащение, доставку и распределение энергоносителей.

И вновь Алексей Николаевич как «кризисный менеджер» начинает с нуля: сбор информации, привлечение специалистов. Составление сводок, планов, графиков. Требования, обращения, телефонограммы, командировки, встречи и совещания с подчиненными и руководством Совнаркома СССР…

Косыгин выезжал на Урал и в Кузбасс, в Башкирию и Татарию, постоянно бывал на объектах Подмосковного угольного бассейна. Особенно внимательно следил за поставками угля в Ленинград, требуя от начальника Главного управления по снабжению народного хозяйства углем при Совнаркоме РСФСР И. В. Курмашева соблюдать график[192].

Многие вопросы решал самостоятельно, на свой страх и риск, доверяясь многолетнему опыту и профессиональному чутью, которые его, как правило, не подводили. Резко выросли объемы добычи угля на шахтах и разрезах Урала и Сибири, производство каменноугольного кокса в Челябинске, Нижнем Тагиле, Караганде, заготовки древесины в северных областях (Архангельск, Вологда) и в Сибири, торфоразработки в Московской области.

Косыгин добился, чтобы труд в шахтах, на обогатительных фабриках приравнивался к службе в действующей армии и шахтеры получали «бронь».

№ 605/94.

ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
ПРЭЗІДЫУМА ВЕРХОЎНАГА СОВЕТА СССР
ЫАҚ SOVETI PREZIDIUMUNUN FƏRMANЫ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫ ЗАКАЗЫ ЗАСЛУЖАНЫМ ЛЮДЗЯМ
ЧАВАШЛЫ МАРИЙ ЭЛМЫНСКИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ

SSSR JOKARЬ SOVETI PREZIDIUMЬNЬҢ UKAZЬ
SSSR ALIJ SOVETI PREZIDIUMINIҢ UKAZI
UKAZI PREZIDIUMI SOVETI OLIJI SSSR
SSSR ÖLЬ SOVETJ PREZIDIUMЬNЬҢ UKAZЬ
SSSR ÇOŞQORQU SOVETI PREZIDIUMUNUN UKAZЬ

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденами и медалями начальствующего и рядового состава Красной Армии и Военно-Морского Флота.

За образцовое выполнение заданий Правительства по снабжению города Ленинграда и Ленинградского фронта **н а г р а д и т ь -**

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. Капитана 3 ранга БУРАЧЕНКО Александра Петровича.
2. Генерал-лейтенанта ВИНОГРАДОВА Василия Ивановича.
3. ГРАНКИНА Василия Кузьмича.
4. Старшего лейтенанта ДУДНИКОВА Ивана Васильевича.
5. Генерал-лейтенанта ЕРМОЛИНА Павла Андреевича.
6. ЕРОФЕЕВА Ивана Дмитриевича.
7. Главного старшину КАЗАНЦЕВА Анатолия Николаевича.
8. Старшину КАРПЕНКО Иосифа Прокофьевича.
9. КИСЕЛЕВА Бориса Михайловича.
10. ЛУКЬЯНОВА Александра Александровича.
11. МЕЛЬНИЧЕНКО Михаила Емельяновича.
12. Генерал-лейтенанта МИЛОВСКОГО Михаила Павловича.
13. Капитана 1 ранга ОЗАРОВСКОГО Николая Юрьевича.
14. РОМАНОВА Ивана Яковлевича.
15. Краснофлотца РЫБАКОВА Афанасия Яковлевича.
16. Полковника интендантской службы СМИРНОВА Михаила Сергеевича.

17. ТЕРТЫЧНОГО Гавриила Никифоровича.
18. Генерал-майора ТЮРКИНА Петра Андреевича.
19. Старшего лейтенанта ХОДОВА Федора Леонтьевича.
20. ЧЕРНОГО Александра Савельевича.
21. Капитана 1 ранга ЧЕРОКОВА Виктора Сергеевича.
22. Майора ШАМЕНКОВА Ивана Сергеевича.

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Старшину 1 статьи БЕРЕЖНОГО Александра Григорьевича.
2. Бригадного комиссара ВЛАСОВА Петра Ивановича.
3. Старшего лейтенанта ВОЛОШЕНКО Ивана Павловича.
4. Капитана-лейтенанта ГЛАДКИХ Михаила Александровича.
5. Генерал-лейтенанта ГОЛОВКО Владимира Александровича.
6. Старшину ГОРЮНОВА Григория Андреевича.
7. Майора ЕРМОЛАЕВА Алексея Алексеевича.
8. КОСЫГИНА Алексея Николаевича.
9. Краснофлотца КРИВОРОТОВА Якова Федоровича.
10. Капитана 1 ранга КУДРЯВЦЕВА Сергея Валентиновича.
11. Генерал-лейтенанта интендантской службы ЛАГУНОВА Феофана Николаевича.
12. Капитана 1 ранга НЕФЕДОВА Михаила Александровича.
13. Старшего лейтенанта ПЕТУНИНА Александра Ивановича.
14. Бригинтенданта ПЕШКОВА Ивана Яковлевича.
15. Бригадного комиссара СЕРЕБРЯННИКОВА Леонида Васильевича.
16. Полковника СИНИЦЫНА Владимира Яковлевича.
17. СОЛОВЬЕВА Николая Васильевича.
18. Старшего лейтенанта ШЕРШАЕВИЧА Семена Иосифовича.
19. Генерал-майора интендантской службы ШИЛОВА Афанасия Митрофановича.
20. Капитана 1 ранга ЭЙСТА Александра Ивановича.
21. Капитана 1 ранга ЮРКОВСКОГО Федора Леонтьевича.

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1 СТЕПЕНИ

1. Краснофлотца ВОСТРОПЯТОВА Степана Алексеевича.
2. Капитана ЗЕЙНАЛОВА Ризвана Эйюбовича.
3. Воентехника 1 ранга ИВАНОВА Александра Родионовича.
4. Капитана 2 ранга КОТЕЛЬНИКОВА Михаила Осиповича.
5. Краснофлотца КОРОВИНА Александра Петровича.

Указ Президиума Верховного Совета СССР № 605/94 «О награждении орденами и медалями начальствующего и рядового состава Красной армии и Военно-Морского Флота». 7 марта 1943. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 155. Л. 55, 56]

Он координировал деятельность управлений по заготовке топлива, созданных по его распоряжению при наркоматах, обеспечение предприятий угольной, торфяной и лесной промышленности необходимым инструментом, механизмами и оборудованием.

К работам по заготовке топлива, по разгрузке вагонов с углем и дровами привлекали рабочих, служащих, учащихся старших классов. Как отмечал Косыгин, большой процент «заготовителей» составляли женщины и подростки[193].

Пожалуй, описываемый период — безусловно, самый сложный для Алексея Николаевича. Много лет спустя он вспоминал:

«Во время войны изменились формы и методы планового руководства народным хозяйством, усилилась централизация в управлении экономикой. Быстро меняющаяся обстановка на фронтах, необходимость принятия оперативных и гибких решений обусловили повышение роли текущего планирования. Квартальные, месячные и декадные народнохозяйственные планы стали основной формой планирования в военное время.

Оборонная промышленность в первую очередь обеспечивалась рабочей силой. В пользу военного производства перераспределялись металл, уголь, электроэнергия, оборудование…

Был увеличен рабочий день, введены обязательные сверхурочные работы, отменены очередные и дополнительные отпуска. Это позволило без увеличения числа работников примерно на одну треть повысить загрузку и использование оборудования. Совнаркомам республик, крайисполкомам и обкомам было предоставлено право оперативно маневрировать рабочей силой в интересах увеличения военного производства.

На нужды войны стали работать почти все отрасли промышленности. Заводы тяжелого, транспортного и сельскохозяйственного машиностроения переходили на выпуск танков, предприятия среднего машиностроения — минометов, артиллерийских орудий, боеприпасов. На производство вооружения и боеприпасов переводились также ремонтно-механические цехи заводов, предприятия местной промышленности и промысловой кооперации.

ОВЕДЕНО ОПРОСОМ ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР 23 июня 1943 г.

77/1. Указ об освобождении тов.ХОХЛОВА И.С. от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР.

д. №

Освободить тов.ХОХЛОВА Ивана Сергеевича от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР ввиду перехода его на военную работу.

78/2. Указ о назначении тов.КОСЫГИНА А.Н. Председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР.

д. №

Назначить Председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР тов.КОСЫГИНА Алексея Николаевича – Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

И.о.Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

Члены Президиума:

Выписка из протокола № 15 заседания Президиума Верховного Совета РСФСР о назначении А. Н. Косыгина председателем Совнаркома РСФСР. 23 июня 1943. [ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 1. Д. 383. Л. 32]

В черной металлургии за короткий срок резко увеличилась выплавка высококачественной стали, возрос выпуск специальных

видов проката. В производстве нефтепродуктов существенно повысился удельный вес авиационного бензина, а в выпуске химической продукции — химикатов для нужд фронта.

В короткие сроки была перестроена работа транспорта. Движение поездов осуществлялось по специальному воинскому графику, что обеспечивало большую ритмичность и лучшее использование пропускных способностей железных дорог…»[194]

О чем это? Да все о той же мобилизационной экономике, принципы которой были базовыми для Советского Союза, причем не только в годы войны…

Кульминационным моментом в ее развитии стал 1943 год. Этот же год стал знаковым и для Алексея Николаевича.

«Тогда считать мы стали раны…»

16 марта 1943 года главный редактор американского издания «Биографическая энциклопедия мира» Николс отправил в Москву письмо на имя Алексея Николаевича Косыгина: «Ваше имя предложено включить в третье издание энциклопедического словаря мира, посвященного лицам каждой страны, чьи достижения в соответствующей отрасли заслуживают признания. Пожалуйста, заполните и возвратите приложенную карточку-анкету»[195].

Косыгин лишь улыбнулся: не до того…

23 июня 1943 года он был назначен председателем Совнаркома РСФСР с сохранением за ним должности зампреда Совнаркома СССР[196]. Согласно постановлению СНК РСФСР от 3 августа 1943 года за № 697 «Распределение обязанностей между председателем СНК и его заместителями», Косыгин координировал Народный комиссариат финансов и Народный комиссариат государственного контроля РСФСР[197]. По сути же — все республиканские наркоматы и ведомства.

Теперь Косыгину предстояла «инвентаризация» всего хозяйства РСФСР: промышленного, транспортного, сельского, социального. Точнее — того, что осталось от довоенной экономики республики: тяжелой, легкой и пищевой промышленности. От совхозов и колхозов, производивших почти треть валового сбора зерна в СССР…[198]

Общий ущерб Подмосковному угольному бассейну — примерно 400 миллионов рублей.

«Ростовуголь» — взорваны и затоплены более 200 шахт, уничтожено или вывезено (во время эвакуации или немцами) все оборудование.

Нефтепромыслы Чечено-Ингушской АССР и Краснодарского края — более 3 тысяч скважин с годовой добычей до 5 миллионов тонн нефти разрушены или полностью уничтожены.

Грозненский нефтяной район — взорвана атмосферно-вакуумная установка с годовой производительностью 660 тысяч тонн нефтепродуктов и крекинг-установка с годовой переработкой 227 тысяч тонн нефти. Разрушены 720 нефтебаз, выведен из строя керосинопровод Грозный — Трудовая, почти полностью уничтожен Краснодарский нефтеперегонный завод[199]. Суммарный ущерб — более 5 миллионов рублей.

Черная и цветная металлургия. От Сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь», Сулинского и Таганрогского металлургических заводов остались одни руины.

Значительные разрушения Косогорского и Новотульского заводов.

Машиностроение. Выведены из строя Сталинградский тракторный, Ростсельмаш, Калининский вагоностроительный, Брянский паровозостроительный, Краснодарский станкостроительный, Таганрогский котлостроительный, Бежецкий и Людиновский машиностроительные заводы. К минимуму свели производство ленинградские «Русский дизель», «Электросила», Невский завод имени В. И. Ленина, «Кировский», «Большевик», «Электропровод», «Красная заря», Ижорский[200].

Всего же на временно оккупированной территории РСФСР частично или полностью разрушено 12 150 больших и малых промышленных предприятий[201].

Приведены в негодность 13 тысяч километров железных дорог, вокзалы, станционные постройки, морские и речные порты[202]. Особенно сильно разрушены железные дороги Москва — Ленинград, Москва — Минск, Москва — Киев, морские порты: Мурманский, Ленинградский, Новороссийский, Керченский, Севастопольский, а также портово-пристанское хозяйство Волги, Дона, Верхнего Днепра, Беломорско-Балтийского канала и канала Москва — Волга.

На территориях, освобожденных от оккупации, почти не осталось легковых и грузовых автомобилей, автобусов, во многих районах — только гужевой транспорт[203].

— Сельское хозяйство, — Косыгин вздохнул. — Разорены все попавшие в зону оккупации совхозы и колхозы, а также машинно-тракторные станции, уничтожена или вывезена в Германию вся не эвакуированная на восток сельскохозяйственная техника — 46 тысяч тракторов и 18 тысяч комбайнов[204]. Значительно сократились, кое-где на треть, посевные площади[205]. От поголовья крупного рогатого скота где-то осталась половина, где-то — четверть[206]. Более чем на две трети уменьшилось поголовье лошадей[207].

— Народное образование и здравоохранение — здесь еще хуже, — вздыхал про себя Алексей Николаевич, — уничтожено и повреждено 23 тысячи школ, более 1600 больниц, 3700 поликлиник[208].

Разрушено 500 городов и рабочих поселков, около 3 миллионов городских жителей республики остались без крова[209]. Только на территории 19 территориально-административных объединений республики погибли более 1,8 миллиона мирных жителей, из 17 областей РСФСР вывезли в Германию свыше 2,4 миллиона человек. Население сократилось с 15,7 миллиона человек по переписи 1939 года до 11,8 миллиона человек после освобождения (в первые месяцы 1943 года)[210], то

есть на четверть[211].

Общий прямой ущерб, нанесенный гитлеровцами народному хозяйству, составил в РСФСР 249 миллиардов рублей[212].

Страшные цифры, страшные масштабы человеческого бедствия. А война продолжалась, и конца ей не было видно…

Восстановление

Главная задача Косыгина на посту председателя Совнаркома РСФСР очевидна — восстановление хозяйства освобожденных и прифронтовых районов республики. Они должны работать на Победу, и будут работать на Победу. Алексей Николаевич выразился кратко, но емко: «В работе по обеспечению фронта нет второстепенных участков. Каждое звено экономики важно, от его успешной деятельности зависит работа всего военного хозяйства»[213].

В течение 1943–1944 годов на восстановление экономики освобожденных и прифронтовых районов РСФСР было выделено 17 миллиардов рублей из союзного бюджета. Для Российской Федерации — крохи, но Косыгин прекрасно понимал, насколько непросто было выкроить и эту сумму. Он и не настаивал на большем, зато контролировал расход каждого рубля.

Восстанавливать хозяйство РСФСР предстояло одновременно на огромной территории и по всем направлениям. Прежде всего — топливную и тяжелую промышленность, транспорт. В страшном дефиците были строительные материалы и техника. Не хватало рабочих рук, но даже оставшееся население сложно было обеспечить продовольствием, одеждой, обувью, медикаментами, жильем.

Восстановление топливной промышленности на территории РСФСР началось еще в декабре 1941 года, после контрнаступления Красной армии под Москвой. Уже тогда А. Н. Косыгин немало сделал для реализации постановления Совнаркома СССР от 29 декабря 1941 года «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном угольном бассейне»[214]. «На месте» изучил подмосковные районы, где велись угольные и торфяные разработки, прежде всего Волоколамский, Клинский, Шатурский.

Теперь, уже будучи председателем республиканского Совнаркома, он обладал гораздо большими полномочиями и возможностями, в том числе кадровыми. Вновь пригодилась редкая способность находить квалифицированных специалистов и в кратчайшие сроки формировать собственную «команду»[215]. Очень помогал талантливый молодой (41 год) руководитель угольной промышленности Союза Василий Васильевич Вахрушев.

26 сентября 1943 года в постановлении ГКО СССР «О мерах по дальнейшему увеличению добычи угля в Подмосковном бассейне для обеспечения потребностей в угле промышленности и транспорта г. Москвы и центральных областей СССР»

отмечалось, что Подмосковный угольный бассейн дает уже на 18 % угля больше, чем до войны[216]. Результат поистине феноменальный. Однако Косыгин прекрасно понимал, что московского угля (14 % от общего объема на конец 1943 года) центральным областям России не хватит.

С осени 1943 года началось возрождение объединения «Ростовуголь». К концу 1943 года здесь вступили в строй 123 шахты, добыча угля составила 8–9 тысяч тонн в сутки — четверть от довоенного уровня. Уже на следующий год она выросла втрое. Произошло это не только за счет самоотверженного труда шахтеров. Косыгин добился восстановления шахтного оборудования — копров, подъемников, врубовых машин, отбойных молотков, электровозов и вагонеток, подъездных железнодорожных путей. Часть поставили с шахт Урала и Сибири. В ноябре 1945 года «Ростовуголь» достиг довоенных объемов. Это была победа.

Без внимания не оставалась и нефтяная промышленность. К январю 1944 года было восстановлено 228 скважин «Грознефти», добыча нефти по сравнению с 1943 годом увеличилась более чем на 40 %. Косыгин считал эти показатели настоящим «прорывом».

По инициативе Косыгина на Кубани создавались краткосрочные подготовительные курсы, туда командировались инженерно-технические кадры из Азербайджана и Дагестана, вводился бригадно-индивидуальный метод обучения. Благодаря этим усилиям в 1943–1944 годах удалось пополнить кадры нефтяников «Грознефти» более чем 4,5 тысячами специалистов — бурильщиками, операторами, механиками, диспетчерами, мотористами.

6 ноября 1943 года ГКО СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению нефтяной промышленности Краснодарского края», где Совнаркому РСФСР устанавливался план добычи нефти, бурения скважин и ввода в действие нефтеперерабатывающих комбинатов. В феврале 1944 года Косыгин сообщал в союзный Совнарком и ГКО СССР, что за шесть месяцев на Кубани было пробурено 6 новых скважин, введены в строй 8 промысловых нефтекачалок, проложен 90-километровый нефтепровод Краснодар — Хаджи. Для работников нефтепромыслов построили 120 жилых домов. В начале 1945 года в Краснодарском крае было добыто более 650 тысяч тонн нефти, что составило 30 % от довоенного уровня.

«В войну страна вошла с 32 млн тонн добычи нефти, вышла с 19 млн тонн, — суммировал после 1945 года нарком нефтяной промышленности западных и южных районов РСФСР Н. К. Байбаков, — к 1947 году добыча нефти в РСФСР превысила

довоенные показатели»[217].

Однако мы забежали вперед. А тогда, в военном 1943-м, нехватку угля и нефти восполняли дровами и торфом.

«На дровяное топливо были переведены железные дороги Севера, Северо-Запада и Центра, многие промышленные предприятия, коммунальное хозяйство большинства городов, в том числе Москвы и Ленинграда», — отмечал Алексей Николаевич[218].

Добавим в качестве примера, что один из оборонных заводов Пермской области запрашивал в неделю 300 вагонов дров!

Заготовке торфа, которая в годы войны стала по-настоящему одной из стратегических отраслей, вошедшей в состав Наркомата электростанций, до 1943–1944 годов достаточного внимания не уделялось, хотя известно, что торф при условии его качественного брикетирования — отличное высококалорийное топливо.

А. Н. Косыгин специально изучал способы его использования и заготовок. В 1945 году в РСФСР были запущены 28 торфобрикетных заводов мощностью 225 тысяч тонн в год. В 1946 году планировалось ввести в 3–4 раза больше. И соответственно освоить новые месторождения. Председатель СНК РСФСР поставил задачу наладить выпуск необходимого оборудования, а также обеспечить торфоразработки рабочей силой[219].

В 1943 году предприятия Главторфа добыли 11,2 миллионов тонн торфа — больше, чем в последнем довоенном. По представлению Косыгина Президиум Верховного Совета СССР принял указ, согласно которому «за успешное выполнение заданий правительства по добыче торфа в сезоне 1943 года» были награждены 465 работников торфяной промышленности: орденом Ленина — 9 человек, орденом Трудового Красного Знамени — 48 человек, орденом «Знак Почета» — 171 человек, медалью «За трудовую доблесть» — 118 человек и медалью «За трудовое отличие» — 119 человек[220].

Это все, что он мог…

Есть топливо — можно поднимать металлургию. В первую очередь восстанавливались крупнейшие предприятия, такие, как Новотульский и Косогорский металлургические заводы, Мышегский, Дубенский, Ханинский и Митинский чугунолитейные.

Особое внимание — освобожденному Сталинграду. До войны он был индустриальным и культурным центром Средней Волги. Теперь он лежал в руинах. Первый секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуянов вспоминал, каким увидел город сразу после капитуляции 6-й армии вермахта в начале февраля 1943

года: «Город… был весь в развалинах. Кое-где еще пылали пожарища. Из подвалов и завалов домов несло трупным запахом. Заводы разрушены, цехи представляют груды искореженного металла, бетона и штукатурки. Мертвыми гигантами замерли „Красный Октябрь“, „Баррикады“, тракторный… стоят обгоревшие и разбитые скелеты развалившихся огромных корпусов большой городской гостиницы, Дома Красной армии, универмага, гостиницы „Интурист“, „Дома коммуны“ и многих других. Еще не убраны разбитые немецкие танки, орудия, автомашины. Повисли на проводах телефонные столбы. Лежит на рельсах сгоревший трамвай»[221].

Прежде чем расчищать руины, сначала их тщательнейшим образом осматривали саперы в поисках мин и неразорвавшихся боеприпасов, потом за дело брались рабочие бригады. Поначалу восстановительные работы велись местными силами. Однако Косыгин настоял на приоритетном выделении строительной техники для Сталинграда, несмотря на довольно скудный ее запас. Он предложил создать специальные строительные организации (спецстройтресты) и добился поддержки ГКО. В Сталинград строителей отправляли со всей страны. Были также задействованы нестроевые части РККА и «спецконтингент» — заключенные ГУЛАГа.

Люди жили в палатках, землянках и неотапливаемых бараках, плохо было поставлено питание, обеспечение спецодеждой и инструментом. Об этом А. Н. Косыгину сообщали многие — от простых работяг до инструкторов КПК ЦК ВКП(б).

Косыгин бывал в Сталинграде в 1944 и 1945 годах, наблюдая за ходом восстановительных работ и в промышленных зонах, и в самом городе. Он прекрасно понимал, что восстановление индустриальных исполинов, таких, как «Красный Октябрь», — это не только весомый экономический вклад в Победу, но и мощный моральный фактор[222].

Вопрос о восстановлении Сталинграда рассматривался на заседании Совнаркома РСФСР 13 января 1944 года. По личному распоряжению Косыгина на заседание был вызван 1-й секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуянов, чьи воспоминания о Сталинграде мы уже приводили.

Итог почти года работ в разрушенном городе был внушителен: введены в строй 378 тысяч квадратных метров жилой площади для 116 тысяч человек, электростанция, водопровод, трамвайное сообщение, телефонная сеть, школьные здания (на 22 300 учащихся), 187 магазинов, 125 столовых[223].

В конце марта 1945 года были запущены основные мощности: блюминг, четыре мартеновских печи, три прокатных стана

сталинградского промышленного гиганта «Красный Октябрь».

Не оставлял без внимания А. Н. Косыгин и свой родной Ленинград, где восстановительные работы начались еще до полного снятия блокады. Центральными объектами стали заводы «Электросила» имени С. М. Кирова, «Большевик», Машиностроительный завод имени В. И. Ленина, Кировский завод, Ижорский машиностроительный завод и другие.

В постановлении ГКО от 29 марта 1944 года «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году»[224] регламентировались сроки исполнения работ, в том числе на промышленных объектах, в первую очередь «энергетических хозяйствах малой металлургии… промышленности строительных материалов»[225]. Постановление носило обязательный характер для всех структур Совнаркома РСФСР.

В течение 1944 года Совнарком РСФСР совместно с союзным правительством принял еще 18 решений, связанных с восстановлением промышленности и городского хозяйства Ленинграда. В подготовке каждого из этих постановлений Алексей Николаевич участвовал лично.

В 1943–1944 годах СНК РСФСР принимал аналогичные постановления относительно Калинина, Орла, Курска, Новороссийска, Севастополя, Ростова-на-Дону, Краснодара, Воронежа. А. Н. Косыгин бывал в этих городах и до войны, и после их освобождения. Здесь первоочередное внимание уделялось пищевой промышленности (хлебопекарням, молочным заводам и пр.).

Средства, отпускаемые на нужды жилищно-коммунального хозяйства, в большинстве городов в 1944 году были освоены лучше, чем в 1943 году, полностью. В 1945 году предусматривался дальнейший рост капиталовложений на нужды жилищно-коммунального хозяйства[226].

Предприятия местной промышленности и кооперации — сферы, хорошо известной Алексею Николаевичу еще с 1920-х годов, — восстанавливались в Воронежской, Курской, Тульской областях, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР и в ряде других районов. Только в Орловской области до конца 1944 года было восстановлено 202 предприятия районного подчинения[227]. Косыгин полагал, что местная промышленность и потребкооперация должны сыграть существенную роль в решении бытовых проблем освобожденных районов РСФСР.

В 1944 году республиканская и местная промышленность произвела продукции на 3,6 миллиарда рублей, превысив

показатели 1943 года на 18 %[228]. Правда, приходилось делать поправку на приписки, да и качество изделий оставляло желать лучшего. Знал ли об этом Косыгин? Несомненно. Однако был уверен, что сектор располагает значительными резервами, которые следует использовать по-хозяйски. Он настоятельно требовал экономить сырье, электроэнергию, нефтепродукты[229]. И все же план по снижению себестоимости выполнили только наркоматы легкой промышленности и пищевой промышленности, остальные ведомства оставались «аутсайдерами».

Можно удивляться тому, что молодой премьер РСФСР, решая стратегические хозяйственные задачи, детально вникал и в отраслевые проблемы и даже находил возможность заниматься проектами отдельных предприятий.

А. Н. Косыгин лично рассмотрел и одобрил разработанный директором план восстановления Людиновского паровозостроительного завода[230]. Он утверждался на коллегии Наркомтяжмаша СССР, где выступил и сам Алексей Николаевич[231]. Разумеется, говорил он об одном этом заводе. Помимо него, на средства республиканского правительства восстанавливался Бежецкий паровозовагоностроительный завод в Орловской области[232] и другие предприятия. Косыгин остановился главным образом на общих проблемах: распыления средств и сил, недостаточного внимания к местным резервам и к социально-бытовым аспектам, что влекло срыв планов.

Возрождение железнодорожного сообщения требовало не только нового локомотивного и вагонного парка, но и восстановления железных дорог. Оно начиналось немедленно с контрнаступлением Красной армии. Части железнодорожных войск шли следом за соединениями действующей армии, ремонтируя полотно. Однако железнодорожные вокзалы, станции, пакгаузы, водокачки ждали своего часа, так как на них у железнодорожных войск не хватало ни времени, ни средств, ни рабочих рук.

Косыгин убеждал коллег, что дело восстановления железнодорожного комплекса — это не только забота Наркомата путей сообщения или армии. Он настаивал на подключении к процессу всех наркоматов и ведомств, которые нуждались в доставке сырья и отправке готовой продукции со своих предприятий по железной дороге. Нужно было обратить внимание и на железные дороги восточных районов РСФСР. В годы Великой Отечественной нагрузка на них возросла в разы, эксплуатировались они на пределе возможностей, паровозный парк был изношен, большинство вагонов требовалось заменить, не хватало специалистов.

В январе 1944 года СНК СССР принял важное постановление «О транспортном освоении малых рек», подтолкнувшее развитие малотоннажного флота речных артерий. В соответствии ним Совнарком РСФСР установил на 1945 год областям план строительства катеров, судов, малотоннажных барж, наметил план мероприятий. Из бюджета в 1945 году на это было отпущено 30 миллионов рублей[233].

А. Н. Косыгин считал, что «значительное снижение себестоимости продукции могло дать развитие перевозок грузов по малым рекам. Из 500 тысяч километров протяженности рек, по которым можно перевозить грузы, фактически использовались меньше 100 тысяч километров. На территории, например, Вологодской, Архангельской, Кировской областей, а также областей Сибири и Дальнего Востока протяженность малых рек в десять с лишним раз превышала протяженность железнодорожных путей. Вывоз сельскохозяйственных продуктов из ряда населенных пунктов по железным дорогам был затруднен; едва ли не единственным средством вывоза грузов из многих сел и деревень служил гужевой транспорт, а малые реки не использовались. Притом, себестоимость перевозки одного тонно-километра груза по малым рекам была почти в 10 раз ниже, чем автомобильным транспортом. Расход горючего был примерно в 5–6 раз меньше, чем при использовании автомобильного транспорта. Освоение малых рек не требовало и привлечения дефицитных (на тот момент) материалов и могло успешно и без проблем осуществляться местными организациями в значительных масштабах»[234].

Данные по сельскому хозяйству РСФСР, которыми располагал А. Н. Косыгин, рисовали картину страшного опустошения западных областей. За 1941–1943 годы там было уничтожено более 1 миллиона жилых домов колхозников, около 300 тысяч колхозных хозяйственных построек, свыше 4 тысяч мельниц. Погибло более 15 миллионов голов скота — лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец и коз[235].

Восстановление аграрного сектора требовало не столь больших капитальных вложений, как промышленного, однако не меньших организационных усилий.

Возвращался из эвакуации и передавался колхозам и совхозам в освобожденных районах рабочий и крупный рогатый скот. Оказывалась и дополнительная «шефская» помощь из тыловых областей[236]. При участии А. Н. Косыгина было организовано шефство сибирских хозяйств над колхозами центрально-черноземных районов[237]. В западных областях РСФСР было создано 50 межрайонных школ по подготовке кадров

специалистов — ветеринаров, техников-животноводов, в которых в 1943–1944 годах обучались более 6000 человек.

К 1 марта 1944 года в западных областях РСФСР было восстановлено 115 машинно-тракторных станций (МТС), 490 машинно-тракторных мастерских (МТМ) и 5 ремзаводов, а в восточных создано 575 МТС, 511 МТМ и 8 ремзаводов. В восстановленные МТС РСФСР были возвращены из эвакуации 1306 тракторов.

А. Н. Косыгин настоял на том, чтобы вся возвращающаяся сельскохозяйственная техника не делилась на мелкие доли, не распылялась по областям или районам, а направлялась крупными партиями в те освобожденные районы республики, которые особенно сильно пострадали в ходе боевых действий и где могли бы в кратчайшие сроки обеспечить существенный прирост сельскохозяйственной продукции.

Алексей Николаевич последовательно настаивал на льготах для сельских производителей. Их получили от 9 до 26 % действующих в РСФСР колхозов. Освобождались от поставок государству некоторых видов сельхозпродуктов и сельхозсырья и отдельные крестьянские хозяйства — семьи воинов Красной армии и партизан, нетрудоспособные по возрасту, учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства и инвалиды войны.

Для восстановления животноводческих ферм в освобожденных районах РСФСР в 1943 году было выделено более одного миллиона кубометров леса. Причем за каждый кубометр шла настоящая борьба. («Борьба», по сути, стала синонимом мобилизационной экономики.)

Древесина требовалась и оборонной промышленности, и угольной (крепежный материал для шахт), и для строительства в освобожденных районах, в первую очередь сельских. Заготовки и поставки строевого леса оказались важнейшей государственной задачей, на которую Алексей Николаевич неоднократно обращал внимание в 1944–1945 годах[238]. Не хватало, особенно в северо-западных областях, исправных пилорам, автомашин, оборудованных площадок и складов для хранения пиломатериала, рабочих рук.

5 февраля 1945 года А. Н. Косыгин, остававшийся, напомним, зампредом союзного Совнаркома, подготовил проект постановления СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению оборудования, портового, складского хозяйства и улучшению работы лесозаводов Наркомлеса СССР в Архангельской области». Он касался заготовок древесины, поставок леспромхозам техники и оборудования, создания новых предприятий, обеспечения зон хранения древесины, ее перевозки, привлечения рабочих рук.

Руководству Госплана поручалось выделить целевые фонды на закупки оборудования[239].

Еще один жизненно важный аспект, на который Алексей Николаевич указывал в своих выступлениях, — восстановление жилого фонда в освобожденных районах РСФСР: «Жилищный фонд в городах и районных центрах был за годы войны почти на 60 % разрушен или приведен в негодность»[240]. Но даже те здания, что уцелели, нуждались в срочном ремонте.

21 августа 1943 года Совнарком СССР постановил построить в РСФСР 22 завода по производству стройматериалов из местного сырья. К началу 1944 года все они запустили производство. По инициативе А. Н. Косыгина Совнарком РСФСР предоставил застройщикам освобожденных районов кредиты со сроком погашения 10 лет[241].

Удивительным выглядит обращение к наркому авиационной промышленности: «…в Псковской области должно быть построено к осени 1945 года 26 тыс. колхозных домов для расселения в них колхозников, проживающих в настоящее время в землянках. Для оказания помощи Псковскому облисполкому в проведении этой большой работы прошу Вас выделить возможное количество металлообрабатывающих и дерево-обрабатывающих станков и инструмента и сообщить, какое количество может быть выделено в 1 и 2 кварталах 1945 года и с каких заводов. Поставку желательно произвести с ленинградских и московских предприятий»[242].

Разгадка в том, что два года назад Косыгин принял поручение СНК СССР и ГКО СССР об обеспечении авиационных заводов рабочей силой[243] и, решая проблему «комплексно», как привык, обеспечил рабочих-авиационщиков жильем за счет общегосударственных, а не ведомственных резервов. Так что теперь он вполне мог рассчитывать на ответную помощь Шахурина.

По сути, Косыгин поставил дело так, что в восстановлении жилого фонда были задействованы все наркоматы. За каждым оборонным ведомством закреплялись одна-две «подшефные» области[244]. Участие в жилищном строительстве Косыгин обсуждал с каждым из наркомов.

Еще одна проблема, постоянно волновавшая председателя Совнаркома РСФСР, — дети, оставшиеся в войну круглыми сиротами. К концу ноября 1943 года на территории РСФСР было открыто 118 детских домов, рассчитанных на 16 тысяч воспитанников. На 1 января 1944 года было принято в детские дома 14 390 детей. Действовали 22 дома ребенка, где воспитывались 908 детей, и 36 детских приемников-

распределителей на 2300 детей[245].

О «детях войны» шла речь и в обращении А. Н. Косыгина к И. В. Сталину и В. М. Молотову летом 1945 года с предложением увеличить государственную помощь семьям погибших воинов и инвалидов Великой Отечественной войны. Его проект указа содержал предложения:

«Об увеличении размера ежемесячных пенсий семьям погибших воинов, партизан и инвалидам Отечественной войны;

о выдаче ежегодно к празднику Победы семьям погибших воинов, партизан и инвалидам единовременного денежного пособия в размере месячной пенсии;

о сложении с хозяйств погибших воинов и партизан и с хозяйств инвалидов, полностью потерявших трудоспособность, числящихся недоимок по сельскохозяйственному налогу, по обязательным поставкам, по обязательному окладному страхованию и штрафов;

о сохранении за семьями погибших воинов и партизан, впредь до особого распоряжения, всех льгот, ранее установленных для семей военнослужащих, находящихся в Красной армии;

о возможности обеспечения бесплатно коровой или телкой каждой, имеющей малолетних детей, семьи погибшего воина и инвалида I и II группы, проживающей в сельской местности;

об организации для детей, потерявших на войне родителей, а также для детей инвалидов I группы особых средних технических и сельскохозяйственных училищ закрытого типа с полным содержанием за счет государства;

об установлении стипендий для учащихся в средней школе детей погибших воинов рядового, сержантского и старшинского состава, партизан и инвалидов Отечественной войны;

об освобождении детей и других иждивенцев погибших воинов и партизан, а также детей инвалидов I и II группы от платы за обучение в VIII — X классах средних школ, техникумах и высших учебных заведениях;

об освобождении детей погибших воинов рядового, сержантского и старшинского состава, партизан и инвалидов I и II группы от платы за содержание в пионерских лагерях и на детских оздоровительных площадках; о понижении платы за содержание в яслях и детсадах детей погибших воинов рядового, сержантского и старшинского состава, партизан и инвалидов I и II группы;

о закреплении за семьями погибших воинов и партизан занимаемой ими жилой площади;

о выделении определенного процента жилой площади в

домах местных советов и ведомств для семей погибших воинов, партизан и для инвалидов Отечественной войны;

об увеличении размера ссуд, выдаваемых на индивидуальное жилищное строительство семьям погибших воинов, партизан и инвалидам и об установлении для них отпуска строительного леса без взимания платы;

о предоставлении многодетным семьям погибших воинов, партизан и инвалидов I и II группы дополнительных льгот по сельскохозяйственному налогу и по обязательным поставкам;

об организации специальных домов отдыха для инвалидов, а также для престарелых родителей и вдов воинов;

о возложении на руководителей предприятий и учреждений обязанностей по бытовому устройству семей их бывших рабочих и служащих, погибших на фронтах Отечественной войны, а также о повышении производственной квалификации членов этих семей и продвижении их на вышеоплачиваемые работы. О возложении тех же обязанностей на колхозы по устройству семей погибших воинов и инвалидов Отечественной войны;

о выдаче в июне 1945 года семьям погибших воинов и партизан, а также инвалидам I и II группы единовременного государственного пособия и о предоставлении им возможности приобрести в течение определенного срока продовольственные и промышленные товары на сумму пособия»[246].

Огромный перечень предложений… Все они были реализуемы при бюджетной поддержке — не российского, а союзного уровня. Не все предложения были поддержаны, и Косыгин не мог настаивать. Более того, несколько лет спустя, занимая пост министра финансов, сам он вынужден был настаивать на сокращении льгот по ряду категорий населения…

А что с образованием, просвещением, культурой и здравоохранением? В 1943–1944 годах открылось 28 600 школ, 80 педагогических училищ, 23 педагогических института (82 % от 1940 года). «В 1945 учебном году в освобожденных районах работало около 35 тысяч начальных и средних школ, в которых обучалось 4800 тысяч детей»[247].

Будем оптимистами: цифры — цифрами, но какой была реальность?.. Да, школы, училища и вузы вновь открывали свои двери, но не хватало всего и вся, самого элементарного. Но главное — не хватало преподавателей… Кто-то — на фронте, кто-то — у станка, а многие — сложили свои головы… Война…

В 1944–1946 годах возобновили работу Ленинградский, Воронежский и Ростовский университеты, а также институты Академии наук СССР, чьи коллективы возвращались из Ташкента

и Новосибирска к местам довоенной прописки, в Москву и Ленинград.

Научно-технические разработки времен войны Алексей Николаевич оценивал очень высоко:

«…Война стала временем смелых и оригинальных организационных, экономических, технических решений, оправданного производственного риска, отказа от многих привычных методов работы и вместе с тем высокого подъема творческой мысли ученых, конструкторов, инженеров, рабочих. О многих научно-технических решениях можно сказать, что они были найдены [советскими учеными] впервые в мире.

Например, в танковой промышленности впервые в мировой практике песочные формы при отливке крупных стальных деталей были заменены металлическими, благодаря чему затраты труда сократились вдвое. Большую роль в прогрессе танкостроения сыграла впервые примененная в нашей стране термическая обработка деталей токами высокой частоты. Она позволила повысить твердость и износостойкость деталей и резко уменьшить время на термообработку. Огромное значение для совершенствования танкового производства имела осуществленная под руководством академика Е. О. Патона замена ручной сварки брони корпусов танков автоматической. Ни наши противники, на которых работал весь арсенал Европы, ни наши союзники, обладавшие высокоразвитой промышленностью, до самого конца войны так и не сумели сваривать танки автоматами, да еще на конвейерах[248]. А наша танковая промышленность смогла это сделать в невероятно сложных условиях начала войны. Наши танкостроители разработали и успешно освоили производство методом штамповки башни танка Т-34. Быстрый технический прогресс был характерен для всех отраслей военной промышленности»[249].

К концу 1946 года были восстановлены мединституты в Краснодаре, Сталинграде, Ставрополе, Курске, Смоленске, Симферополе[250]: страна нуждалась в медицинских кадрах, они в годы войны «поредели», многие остались лежать на полях сражений…

Возобновляли работу культурно-просветительные учреждения. В 1943–1946 годах открылись 22 крупных театра в республиканских, краевых и областных центрах. Вновь распахнули свои двери кинотеатры, дома культуры, клубы.

О пристальном внимании Косыгина к вопросам образования и культуры говорят многие документы.

…Лето 1943-го. Идет ожесточенное сражение на Курской дуге. Каждая тонна металла на учете. А Косыгин обращается в Госплан с удивительной просьбой — «учесть при составлении плана распределения металла на III квартал сего года выделение Наркомместпрому РСФСР 6 тонн сшивальной проволоки для ученических тетрадей».

Тогда же, летом 1943-го, Центросоюз пожаловался на Наркомат резиновой промышленности, который «систематически срывает сдачу потребкооперации школьной стиральной резинки». Резолюция Косыгина: «Прошу дать указание об обеспечении полной сдачи стиральной резинки».

14 ноября 1943 года в секретариат председателя Совнаркома поступила телеграмма: «Благодарю проявленную вами заботу о школьниках Алтайского края… [К] началу учебного года получено свыше двух миллионов тетрадей [в] среднем четыре-пять тетрадей на ученика… Ваша забота дала возможность школам нормально начать учебный год… Завалткрайоно Анисимова».

Еще одна телеграмма, также поступившая в ноябре 1943 года, из Сызрани: «Москва Совнарком Косыгину. Решение Совнаркома выполнено. Театр Сызрани сформирован. Капитальный ремонт закончен. Открывается шестнадцатого ноября. Директор Вылинский, местком Лядский»[251].

Такие сообщения свидетельствовали: ростки будущей мирной жизни крепнут, чтобы после Победы дать свои плоды. Косыгин сделал для этого очень многое лично, но еще больше — своей кадровой политикой. Направляя ответственных работников и уполномоченных от наркоматов и ведомств на места, с каждым из них он беседовал лично.

А. Н. Косыгин координировал весь ход восстановительных работ в освобожденных от оккупации районах. Информацию получал из докладов, поступавших от представителей облисполкомов и крайисполкомов, совнаркомов автономных республик, из личных встреч на заседаниях Совнаркома РСФСР[252], а также постоянно выезжая в командировки.

В докладе на XI сессии Верховного Совета СССР в апреле 1945 года А. Н. Косыгин отмечал, что государственный бюджет обеспечивался за счет внутренних источников. Рост доходов по сравнению с 1944 годом составит 13,9 %. Расходы предполагалось увеличить на 21,4 % — как на военные нужды, так и на развитие промышленности, сельского хозяйства, на народное образование, здравоохранение и материальную помощь семьям военнослужащих.

Оперативное руководство всеми восстановительными

работами в освобожденных районах республики осуществлялось созданным 21 декабря 1943 года по инициативе А. Н. Косыгина Управлением по делам архитектуры при Совнаркоме РСФСР. Его задачи — помощь в разработке, анализ и утверждение проектов планировки, застройки и восстановления населенных пунктов, а также проектов жилых, культурно-бытовых и общественных зданий.

В то же время нельзя было забывать и о тех городах, которые обеспечивали тыл для вооруженных сил страны. Они росли вслед за производственными мощностями, что требовало расширения коммунальной сети. Так, еще в декабре 1943 года Косыгин настоял на устройстве централизованной системы водоснабжения и канализации в одном из крупнейших центров оборонной промышленности Свердловской области — Нижнем Тагиле[253].

Позже дошли руки и до совсем уже глубокого тыла. Хотя — можно ли назвать тылом Дальний Восток? Победа над Японией позволила обратить внимание на хозяйственное укрепление восточных регионов СССР.

«20 ноября 1945 г. ему поздно ночью позвонил М. И. Калинин. Слегка запинаясь, он в обычной своей манере, неторопливо сказал:

— Товарищ Косыгин, следовало бы подумать о мерах помощи Южному Сахалину, о его административном делении, о переименовании южно-сахалинских городов.

Через несколько дней была создана комиссия по вопросам Южного Сахалина под председательством Косыгина. Ему также поручалось внести на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР проект указа об образовании в составе Южно-Сахалинской области 14 районов с выделением шести городов в областное подчинение».

Косыгин «изучил множество архивных и современных материалов о выдающихся мореплавателях, первопроходцах, просмотрел немало исторических и литературных источников, включая „Остров Сахалин“ А. П. Чехова. Алексей Николаевич рассудил, что названия городам даются на века, и они должны быть связаны с крупными историческими событиями, выдающимися личностями, прославившими Россию. Почти по каждому городу было несколько вариантов названий. Алексей Николаевич вдумчиво выбрал лучшие. Составленный им проект указа был принят без поправок»[254].

~~Проект~~

27

Постановление Политбюро.

О заместителях Председателя Совнаркома Союза ССР.

В настоящее время имеется 13 заместителей председателя Совнаркома: Молотов (первый заместитель), Микоян, Берия, Ворошилов, Каганович, Вознесенский, Вышинский, Малышев, Первухин, Косыгин, Сабуров, Булганин, Мехлис. Из этого числа заместителей председателя Совнаркома всего 6 или 7 человек имеют возможность исполнять функции заместителей, остальные же либо потому, что слишком загружены работой в своем Наркомате, либо потому, что в настоящее время отвлечены для работы на фронте (Булганин, Мехлис), - не имеют возможности отправлять функций заместителей председателя Совнаркома. С другой стороны, т.Маленков, который не состоит заместителем председателя Совнаркома, на деле выполняет функции заместителя по ряду наркоматов. Политбюро постановляет:

В связи с изложенным ~~предлагается~~:

а) Освободить от обязанностей заместителей председателя Совнаркома т.т. Мехлиса, Булганина, Вышинского, Первухина, Сабурова, Малышева, Кагановича;

б) Назначить заместителем председателя Совнаркома т.Маленкова;

в) Утвердить бюро Совнаркома в составе - Молотов (председатель), Микоян, Вознесенский, Шверник, Андреев, Косыгин;

г) Утвердить оперативное бюро Государственного Комитета Обороны в составе - Берия (председатель), Маленков, Микоян, Вознесенский, Ворошилов.

№43/140
15.V-44г.

Политбюро ЦК ВКП(б)

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О заместителях председателя Совнаркома СССР». 15 мая 1944. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1406. Л. 27]

Думается, что в этой цитате явное преувеличение. Вряд ли Алексей Николаевич имел время и возможности работать с многочисленными источниками, в лучшем случае просмотрел подготовленные помощниками материалы — краткие, но емкие.

Да и названия все же не радовали, думаю — и самого Косыгина. Так, красивое село Владимировка (при японцах Тоёхара) получило после Второй мировой войны обыденное «Южно-Сахалинск» (только потому, что расположено на юге острова?). Сам Алексей Николаевич побывал на Сахалине только в январе 1957-го.

* * *

В день Победы, 9 мая, Косыгин бросил курить. Так он отметил главный рубеж в жизни страны. «Трудовой фронт» после окончания войны только расширялся.

Оперативная координация действий различных наркоматов и ведомств, способность быстро ориентироваться в различных управленческих и производственных вопросах, цепкая память и ясный ум, знание положения дел в самых разных отраслях — все это способствовало продуктивной деятельности Алексея Николаевича на посту председателя Совнаркома РСФСР. И эти качества получили должное признание руководства страны.

Еще 15 апреля 1944 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о заместителях председателя Совнаркома СССР. Прежде их насчитывалось тринадцать: В. М. Молотов (первый заместитель), А. И. Микоян, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Н. А. Вознесенский, А. Я. Вышинский, В. А. Малышев, М. Г. Первухин, А. Н. Косыгин, М. З. Сабуров, Н. А. Булганин, Л. З. Мехлис. Как выяснилось, из их числа «всего 6 или 7 человек имеют возможность исполнять функции заместителей, остальные же либо потому, что слишком загружены работой в своем Наркомате, либо потому, что в настоящее время отвлечены для работы на фронте (Н. А. Булганин, Л. З. Мехлис), — не имеют возможности отправлять функций заместителей председателя Совнаркома. С другой стороны, Г. М. Маленков, который не состоит заместителем председателя Совнаркома, на деле выполняет функции заместителя по ряду наркоматов»[255].

При реорганизации Г. М. Маленков получил назначение зампреда, полномочия сложили Мехлис, Булганин, Вышинский, Первухин, Сабуров, Малышев, Каганович.

От т. Косыгина

Дек. 45.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 года при исполкомах Советов депутатов трудящихся и Совнаркомах республик были созданы специальные органы – отделы и управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

За годы войны указанные отделы и управления совместно с советскими, партийными, профсоюзными и другими общественными организациями, провели большую работу по удовлетворению материально-бытовых нужд и охране интересов семей защитников родины.

В связи с победоносным завершением Великой Отечественной войны, прошу Вас рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего увеличения государственной помощи семьям погибших воинов и инвалидам Отечественной войны.

Если Вы сочтете возможным провести в настоящее время ряд мер дополнительной помощи семьям погибших воинов и инвалидам Отечественной войны, прошу Вас поручить Бюро Совнаркома СССР образовать комиссию для подготовки проекта соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР, который отразил бы заботу Советского государства об осиротевших семьях и инвалидах Отечественной войны.

В проекте Указа следовало бы предусмотреть такие вопросы:

об увеличении размера ежемесячных пенсий семьям погибших воинов, партизан и инвалидам Отечественной войны;

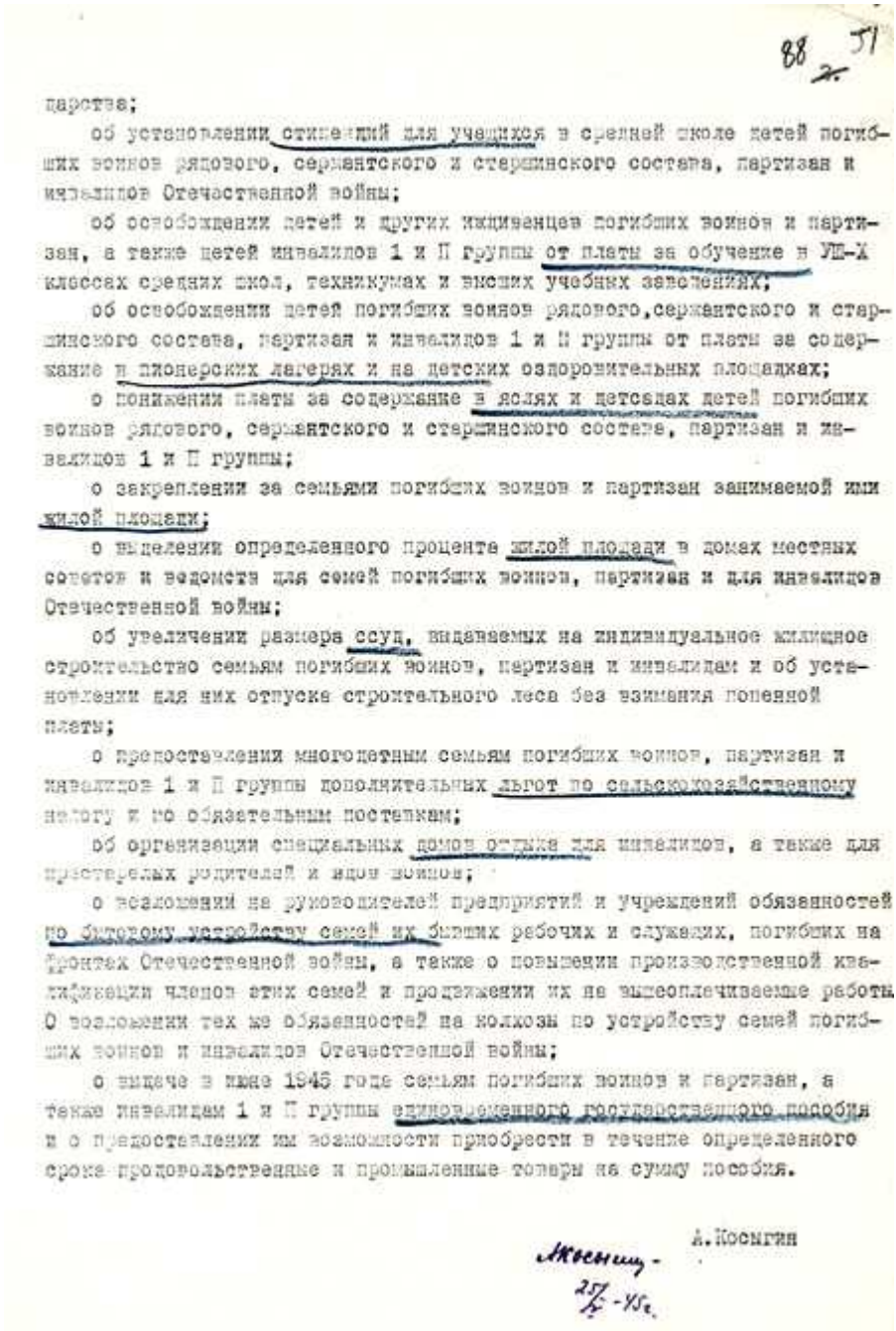
о выдаче ежегодно к празднику Победы семьям погибших воинов, партизан и инвалидам единовременного денежного пособия в размере месячной пенсии;

о снижении с хозяйств погибших воинов и партизан и с хозяйств инвалидов, полностью потерявших трудоспособность, числящихся недоимок по сельскохозяйственному налогу, по обязательным поставкам, по обязательному окладному страхованию и штрафов;

о сохранении за семьями погибших воинов и партизан, впредь до особого распоряжения, всех льгот ранее установленных для семей военнослужащих, находящихся в Красной Армии;

о возможности обеспечения бесплатно коровой или тёлкой каждой, имеющей малолетних детей, семьи погибшего воина и инвалида I и II группы, проживающей в сельской местности;

об организации для детей, потерявших на войне родителей, а также для детей инвалидов 1 группы особых средних технических и сельскохозяйственных училищ закрытого типа с полным содержанием за счёт госу-

88 2. 51

царства;

об установлении стипендий для учащихся в средней школе детей погибших воинов рядового, сержантского и старшинского состава, партизан и инвалидов Отечественной войны;

об освобождении детей и других иждивенцев погибших воинов и партизан, а также детей инвалидов 1 и II группы от платы за обучение в VIII-X классах средних школ, техникумах и высших учебных заведениях;

об освобождении детей погибших воинов рядового, сержантского и старшинского состава, партизан и инвалидов 1 и II группы от платы за содержание в пионерских лагерях и на детских оздоровительных площадках;

о понижении платы за содержание в яслях и детсадах детей погибших воинов рядового, сержантского и старшинского состава, партизан и инвалидов 1 и II группы;

о закреплении за семьями погибших воинов и партизан занимаемой ими жилой площади;

о выделении определенного процента жилой площади в домах местных советов и ведомств для семей погибших воинов, партизан и для инвалидов Отечественной войны;

об увеличении размера ссуд, выдаваемых на индивидуальное жилищное строительство семьям погибших воинов, партизан и инвалидам и об установлении для них отпуска строительного леса без взимания повышенной платы;

о предоставлении многодетным семьям погибших воинов, партизан и инвалидов 1 и II группы дополнительных льгот по сельскохозяйственному налогу и по обязательным поставкам;

об организации специальных домов отдыха для инвалидов, а также для престарелых родителей и вдов воинов;

о возложении на руководителей предприятий и учреждений обязанностей по бытовому устройству семей их бывших рабочих и служащих, погибших на фронтах Отечественной войны, а также о повышении производственной квалификации членов этих семей и продвижении их на вышеоплачиваемые работы. О возложении тех же обязанностей на колхозы по устройству семей погибших воинов и инвалидов Отечественной войны;

о выдаче в июне 1945 года семьям погибших воинов и партизан, а также инвалидам 1 и II группы единовременного государственного пособия и о предоставлении им возможности приобрести в течение определенного срока продовольственные и промышленные товары на сумму пособия.

А. Косыгин

Жосыгину -
25/I-45г.

Докладная записка А. Н. Косыгина И. В. Сталину и В. М. Молотову с просьбой рассмотреть вопрос о возможности увеличения государственной помощи семьям погибших воинов и инвалидам Великой Отечественной войны и с предложениями по подготовке проекта соответствующего указа Президиума Верховного Совета СССР. 25 января 1945. [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 804. Л. 87, 88]

Алексей Николаевич не только сохранил свой пост в

Совнаркоме СССР, но и вошел в Бюро СНК — орган, созданный для повседневного руководства подведомственными учреждениями и организациями. В. М. Молотов стал его председателем, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, Н. М. Шверник, А. А. Андреев — членами[256]. Чуть позже Косыгина включили и в Оперативное бюро СНК СССР по вопросам работы промышленных наркоматов и транспорта.

Работы прибавилось, как, разумеется, и ответственности. У Косыгина было четыре секретаря, которые выходили по двое в смену через день. Рабочий день их начинался в 10 утра, а кончался в 4–5 утра следующего дня. Косыгин же работал каждый день, и по такому же насыщенному графику, без смены.

Война не изменила его внешне: выше среднего роста, еще молодой (41 год в 1945-м), подтянутый и с довольно суровым лицом. Не изменился и внутренне. Он служил с полной самоотдачей и того же требовал от подчиненных.

Вот еще один фрагмент из воспоминаний А. С. Болдырева:

«Алексею Николаевичу стало известно, что некоторые из его заместителей не гнушаются принимать „сувениры“, „опытные образцы“ от представителей краев и областей, наркоматов.

— Вы знаете об этом? — в упор спросил он меня.

— Конкретных фактов у меня нет, но слышал об этом, — ответил я.

И надо же было такому случиться! Буквально через несколько дней на столе Алексея Николаевича вместо привычного письменного прибора и стакана с карандашами появилась изящная шкатулка, отделанная серебром, и красивый чернильный прибор.

Не для публикации 43

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2284

от 6 сентября 1945 г. Москва, Кремль.

Об образовании оперативных бюро Совета Народных Комиссаров Союза ССР

В связи с упразднением Государственного Комитета Обороны Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Для повседневного оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств, вместо существующих ныне Бюро СНК и Оперативного Бюро ГОКО, образовать:

а) Оперативное Бюро СНК - по вопросам работы НКО, Наркомвоенморфлота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, Наркоматов Торговли и Финансов, а также Комитетов и Управлений при Совнаркоме СССР, отнеся к ведению его следующие наркоматы и ведомства:

Наркомобороны, Наркомвоенморфлот, Наркомморфлот, Наркомречфлот, Наркомзаг, Наркомсовхозов, Наркомзем, Наркомпищепром, Наркоммясомолпром, Наркомрыбпром, Наркомторг, Центросоюз, Наркомфин, Госбанк, Наркомсвязи, Наркомздрав, Наркомюст, Главное Управление Гражданского Воздушного Флота, Главное Управление Государственных Материальных Резервов, Главное Управление Трудовых Резервов, Комитет по учёту и распределению рабочей силы при Совнаркоме СССР, Государственная Штатная Комиссия, Комитет по Делам Высшей Школы, Главсевморпути, Главлесоспирт, Главное Управление Геодезии и Картографии, Комитет по Делам Физической Культуры и Спорта, Комитет по Делам Архитектуры, Комитет по Делам Кинематографии, Комитет по Делам Искусств, Комитет Стандартов, Комитет по Делам

Искусств, Комитет по Делам Мер и Измерительных Приборов, Комитет по Радиофикации и Радиовещанию, Управление по охране военных тайн в печати;

б) Оперативное Бюро СНК – по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта, отнеся к ведению его следующие наркоматы и ведомства:

Наркомчермет, Наркомцветмет, Наркомуголь, Наркомнефть, Наркомхимпром, Наркомрезинпром, Наркомэлектростанций, Наркомэлектропром, Наркомтяжмаш, Наркомсредмаш, Наркомстанкостроения, НКПС, Наркомавиапром, Наркомтанкопром, Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомминвооружения, Наркомсудпром, Наркомлес, Наркомбумпром, Наркомтекстиль, Наркомлегпром, Наркомстрой, Наркомстройматериалов, Главвоенпромстрой, Главгазтоппром, Главснабуголь, Главнефтеснаб, Главкислород, Главснаблес, Главлесоохрана, Комитет по Делам Геологии.

2. Установить, что Оперативные Бюро СНК СССР:

а) подготавливают и представляют на рассмотрение Председателя СНК СССР проекты решений по народнохозяйственному плану (квартальному и годовому), по планам материально-технического снабжения, а также по отдельным важным вопросам, требующим решения Совета Народных Комиссаров Союза ССР;

б) принимают оперативные меры по обеспечению выполнения установленных Совнаркомом планов и осуществляют оперативный контроль за выполнением соответствующих решений СНК СССР; принимают от имени СНК СССР обязательные для соответствующих наркоматов и ведомств решения по вопросам текущего оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств.

3. Утвердить Оперативное Бюро СНК СССР, ведающее вопросами работы НКО, Наркомвоенморфлота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, Наркоматов Торговли и Финансов, а также Комитетов и Управлений при Совнаркоме СССР, в следующем составе:

Молотов В.М. (Председатель)
Вознесенский Н.А. (Заместитель)
Микоян А.И.
Андреев А.А.
Булганин Н.А.
Шверник Н.М.

4. Утвердить Оперативное Бюро СНК СССР, ведающее вопросами работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта, в следующем составе:

Берия Л.П. (Председатель)
Маленков Г.М. (Заместитель)
Вознесенский Н.А.
Микоян А.И.
Каганович Л.М.
Косыгин А.Н.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР

(И.Сталин)

Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров СССР (Я.Чадаев)

Постановление Совнаркома СССР № 2284 „Об образовании оперативных бюро Совнаркома СССР“. 6 сентября 1945. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 262. Л. 43–45]

Заместитель председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгин выступает на заседании X сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. Москва. 1944. [РГАКФД. Ед. хр. 4828 а]

— Откуда это?! — Он был по-настоящему рассержен. — Прикажите немедленно убрать и выясните, кто автор этой провокации.

Я узнал, что шкатулку и прибор доставил представитель одной из кавказских автономных республик якобы по заказу Косыгина.

— Какая гадость, — заметил Алексей Николаевич. — А знаете что, я с этим товарищем разберусь сам, а вы через десять минут пригласите ко мне всех заместителей.

Шкатулку и прибор убрали, на столе появились обычные карандаши в стакане и небольшая чернильница. В кабинете собрались заместители. Косыгин в самой резкой форме рассказал о случившемся и о слухах по поводу „сувениров“ и „опытных образцов“.

— Я предупреждаю, — сказал он, — если кто-нибудь позарится на такие подарки, я немедленно поставлю вопрос о снятии виновного с занимаемого поста»[257].

Заседание X сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. Делегаты слушают доклад А. Н. Косыгина. Москва. 1944. [РГАКФД. Ед. хр. 4828 в]

* * *

Почти три года Алексей Николаевич занимал пост председателя Совета народных комиссаров РСФСР, самой крупной территориальной единицы в СССР. Пост и сам по себе ответственный, а в условиях войны и первых послевоенных месяцев — вдвойне. За время деятельности Косыгина на посту

председателя Совнаркома РСФСР правительство приняло более 50 постановлений, причем большинство из них было связано с совершенствованием государственного управления.

Неимоверное напряжение военных лет только укрепило в его натуре те черты, которые выделяли его среди многих чистых хозяйственников, выполнявших поручения «сверху». За что бы он ни брался, глубоко изучал проблему не только изнутри, но и во взаимосвязи с общей ситуацией. Это — черты сформировавшегося государственного деятеля. Косыгин концентрировал внимание на практических подходах и решениях и не терпел общих рассуждений и некомпетентности. Он не ограничивался телефонными отчетами с мест, проверял и перепроверял информацию и, когда нужно, — выезжал на место сам. Притом умел отбирать специалистов, на которых мог положиться — не в политических баталиях и интригах, а в промышленности, строительстве, в сельском хозяйстве, в инженерии, в медицине, в образовании. Деловые качества людей он определял практически безошибочно и находил достойным место в своей команде. Однако и требовал с них больше, чем с других. Особая ответственность возлагалась, как водится, за собственные инициативы.

В условиях мобилизационной экономики особенно пригодились трезвый расчет, рационализм, умение быстро принимать оптимальное решение.

Деятельность всей системы «отмобилизованного» хозяйства Косыгин благодаря своим должностям в 1941–1945 годах освоил и изучил, что называется, изнутри. Разумеется, первейшая роль в такой модели отводилась первому лицу государства, наделенному поистине диктаторскими полномочиями. Все мобилизационно-управленческие структуры — ГКО, Совнарком, Совет по эвакуации, многочисленные комиссии и комитеты — служили лишь придатками, или, правильнее сказать, «приводными ремнями» для «перезапуска» экономики в условиях военного времени.

Косыгин ни на секунду не сомневался в объективной необходимости избранной системы управления. Став председателем Совнаркома РСФСР в военном еще 1943-м, он считал, что, только мобилизуя все и вся, сконцентрировав все рычаги и нити управления в одних руках, возможно обеспечить фронт всем необходимым и заниматься восстановлением разрушенного хозяйства. В годы своего российского премьерства Алексей Николаевич искренне считал себя исполнителем воли генсека.

Был ли Косыгин в 1940-х — начале 1950-х годов сталинистом, безусловным адептом его идей, начинаний, политики? Вне всякого сомнения. Иначе и быть не могло: руководитель такого уровня мог

думать и действовать только так, мог принимать решения строго в рамках полномочий, которые были четко обозначены и прописаны.

Далеко в прошлом остались времена, когда Косыгин интересовался идеями экономистов, отстаивающих «альтернативные» пути экономического развития. В 1940-х годах книжные полки Косыгина, его рабочий стол украшали труды самого Сталина и книга Н. А. Вознесенского о военной (читай: мобилизационной) экономике. Вряд ли Алексей Николаевич черпал что-то для себя новое из содержания этих трудов, поскольку сам он был одним из тех, кто создавал ее и управлял ею, долгие годы считая безальтернативной.

Заслуга Косыгина — в том, что он все же нашел в себе силы преодолеть магическое воздействие милитаризации экономики и общества. Правда, случилось это позже.

А. Н. Косыгин, премьер-министр Румынии П. Гроза, прибывший в Москву, А. Я. Вышинский (слева направо) и другие на аэродроме. Москва. 1945. [РГАКФД. Ед. хр. 6970 б]

* * *

…11 марта 1946 года на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин неожиданно высказался: «Комиссаров — чертова гибель, путается народ. Бог его знает, кто выше. Кругом комиссары, а министра народ поймет…»[258]

Вождь редко бросал слова на ветер. Момент наступил 16 февраля 1946 года, когда наркоматы были переименованы в

министерства, а российский Совнарком, как и союзный, — в Совет министров. На посту председателя Совмина РСФСР Алексей Николаевич пробыл совсем недолго, до 23 марта 1946-го[259], то есть на время передачи дел. Тогда же, в марте, он стал и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б): еще на одну ступеньку поднявшись «вверх» по карьерной лестнице.

Начинался новый этап его биографии.

Глава 4. Зачем

Война закончилась, а от мобилизационной модели экономики никто отказываться не собирался. Зачем? Зачем что-то менять?

Позиция эта превалировала у большинства руководителей страны.

А что Косыгин? Ставил ли он сам себе вопрос — зачем?

Вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов были для Алексея Николаевича временем не менее суровых испытаний, чем военное лихолетье. Мало того, его жизнь в этот период напоминала «зебру»: «черные» полосы чередовались с «белыми», он то «взлетал», то ждал репрессий… В то же время частая смена должностей подарила ему уникальный шанс «complete immersion» (полного погружения) в советскую экономику. Именно благодаря этому «погружению» он начинал понимать — зачем.

Денежная реформа 1947 года

В 1946–1947 годах в высшем государственном руководстве СССР произошли структурные изменения, которые, правда, никоим образом не отразились на повседневной жизни советского народа, который их просто не заметил. Косыгин же оказался едва ли не в эпицентре событий.

До весны 1946 года действовали Оперативное бюро Совнаркома и Оперативное бюро Государственного комитета обороны. На заключительном этапе Великой Отечественной войны эти два бюро решали важнейшие задачи, связанные с развитием экономики СССР. 6 сентября 1945 года Оперативное бюро ГКО было ликвидировано.

А. Н. Косыгин у гроба с телом В. П. Потемкина. Москва. Февраль 1946. [РГАКФД. Ед. хр. 4887 в]

Для оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств было принято решение организовать:

Оперативное бюро Совнаркома — по вопросам работы Народного комиссариата обороны, Народного комиссариата военно-морского флота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, Народного комиссариата торговли и Народного комиссариата финансов, а также комитетов и управлений, действовавших при Совнаркоме СССР;

Оперативное бюро Советского правительства, которое

отвечало за вопросы работы промышленных наркоматов и Народного комиссариата железнодорожного транспорта.

20 марта 1946 года вместо двух оперативных бюро было образовано одно — Бюро Совета министров Советского Союза. Руководил Бюро Л. П. Берия. Буквально через год — 8 февраля 1947 года — при Совете министров СССР было образовано 8 отраслевых бюро — по важнейшим отраслям национального хозяйства.

35

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 623

от 20 марта 1946 г. Москва, Кремль.

Об образовании бюро Совета Министров СССР.

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1) Вместо существующих двух оперативных бюро Совнаркома СССР образовать бюро Совета Министров СССР в составе заместителей Председателя Совета Министров.

2) Председателем бюро Совета Министров утвердить т.Берия Л.П., его заместителями - т.т. Вознесенского Н.А. и Косыгина А.Н.

Председатель
Совета Министров СССР (И.СТАЛИН)

Управляющий Делами
Совета Министров СССР (Я.ЧАДАЕВ)

Постановление Совета министров СССР № 623 «Об образовании Бюро Совета министров СССР». 20 марта 1946. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 35]

С 20 марта 1946 года Алексей Николаевич занимал пост заместителя председателя Бюро Совета министров СССР, а с февраля 1947 года до июля 1948-го — председателя Бюро Совмина по торговле и легкой промышленности.

Новое назначение он получил после постановления ЦК и

Совета министров от 8 февраля 1947 года «Об организации работы Совета министров СССР». Ключевой смысл постановления — разделение функций между Советом министров и Политбюро ЦК КПСС.

В результате к Политбюро отошли вопросы внешней политики и внешней торговли, государственной безопасности, финансовой политики и обороны, к Бюро Совмина — социально-экономическая сфера. Притом полномочия Совета министров и бюро в сфере экономики расширились настолько, что хозяйственные вопросы решались без участия Политбюро.

Руководящим звеном Совмина стало его бюро, которое возглавил И. В. Сталин, руководивший правительством. В бюро вошли его заместители В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, А. Н. Косыгин, А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, М. З. Сабуров.

Заместители председателя Совета министров руководили восемью отраслевыми бюро. Одно из них, по торговле и легкой промышленности, возглавил Алексей Николаевич. Ему были подотчетны пять министерств и ведомств.

Руководители бюро наделялись большой самостоятельностью в решении оперативных вопросов управления своим хозяйственным сектором. У каждого был собственный штат — работники аппарата Совмина, государственные советники. Но управление экономикой осуществлялось все в том же «ручном режиме», по мобилизационной модели.

Заседания бюро проводились регулярно. Как правило, они были закрытыми, при необходимости приглашались отраслевые специалисты. Сталин участия в их деятельности никогда не принимал, председательствовали на заседаниях Молотов, Берия, Каганович, Булганин, иногда Сабуров[260].

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 674

от "28" марта 1946 г. Москва, Кремль.

О распределении обязанностей в Совете Министров СССР между Председателем и Заместителями Председателя Совета Министров по наблюдению за работой министерств, комитетов и главных управлений

Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Утвердить следующее распределение обязанностей в Совете Министров СССР между Председателем и Заместителями Председателя Совета Министров по наблюдению за работой министерств, комитетов и главных управлений:

1. Тов. А Н Д Р Е Е В А.А.

Министерство земледелия
Министерство животноводства
Министерство технических культур
Министерство сельскохозяйственного машиностроения
Главлесоохрана

2. Тов. Б Е Р И Я Л.П.

Министерство путей сообщения
Министерство черной металлургии
Министерство угольной промышленности западных районов СССР
Министерство угольной промышленности восточных районов СССР
Министерство нефтяной промышленности западных и южных районов СССР
Министерство нефтяной промышленности восточных районов СССР

Министерство транспортного машиностроения
Министерство строительства предприятий топливной промышленности
Главгазтоппром
Министерство внутренних дел
Министерство государственной безопасности
Министерство государственного контроля

3. Тов. В О З Н Е С Е Н С К И Й Н.А.

Министерство авиационной промышленности
Министерство тяжелого машиностроения
Министерство автомобильной промышленности
Министерство станкостроения
Министерство судостроения
Министерство строительства военных и военно-морских предприятий
Министерство финансов
Госбанк
Главное управление государственных материальных резервов
Главное управление трудовых резервов
Комитет по учету и распределению рабочей силы

4. Тов. В О Р О Ш И Л О В К.Е.

Министерство морского флота
Министерство речного флота
Министерство связи
Министерство здравоохранения
Министерство кинематографии
Главсевморпути
Главное управление гражданского воздушного флота
Главное управление геодезии и картографии
Главное управление метеорологической службы
Комитет по делам мер и измерительных приборов
Комитет по делам искусств
Комитет по делам физкультуры и спорта

Управление канала Москва-Волга
Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца
Осоавиахим
Совет по делам русской православной церкви
Совет по делам религиозных культов

5. Тов. К А Г А Н О В И Ч Л.М.

Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии
Министерство строительного и дорожного машиностроения
Комитет по делам архитектуры

6. Тов. К О С Ы Г И Н А.Н.

Министерство текстильной промышленности
Министерство легкой промышленности
Министерство лесной промышленности
Министерство бумажной промышленности
Министерство химической промышленности
Министерство резиновой промышленности
Министерство машиностроения и приборостроения
Министерство электропромышленности
Министерство электростанций
Комитет по делам стандартов
Главснаблес
Главкислород

7. Тов. М И К О Я Н А.И.

Министерство пищевой промышленности
Министерство мясо-молочной промышленности
Министерство рыбной промышленности
Министерство заготовок
Министерство цветной металлургии
Министерство торговли
Центросоюз
Главлесоспирт
Главнефтеснаб
Главснабуголь
Комитет по делам геологии

8. Тов. М О Л О Т О В В.М.

Министерство юстиции
Комитет по делам высшей школы
Комитет по радиофикации и радиовещанию
ТАСС

9. Тов.С Т А Л И Н И.В.

Министерство вооружения

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР (И.СТАЛИН)

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР (Я.ЧАДАЕВ)

2п+200лм.са +10ни

Постановление Совета министров СССР № 674 «О распределении обязанностей в Совете министров СССР между председателем и заместителями председателя Совета министров по наблюдению за работой министерств, комитетов и главных управлений». 28 марта 1946. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 275. Л. 121–124]

Алексей Николаевич был включен также в Специальный комитет при Совете министров СССР, занимавшийся вопросами применения ядерной энергии в военном деле, однако его роль в «Атомном проекте» была весьма скромной: он участвовал всего лишь в нескольких заседаниях комитета. Поначалу его привлекали для обсуждения задач, связанных с торговлей и легкой промышленностью. Позднее, когда Косыгин возглавил Министерство финансов, с его участием решался более широкий круг вопросов: от выделения помещений для Радиевого института и реконструкции Ухтинского завода до предоставления надбавок за секретность сотрудникам, задействованным на объектах. На стол ему регулярно ложились обзоры зарубежной печати по теме «Атомная энергия в военных целях» (Косыгин стоял 14-м по общему списку рассылки)[261].

А. И. Микоян, А. Н. Косыгин на Красной площади во время Первомайского парада. 1 мая 1946. [РГАКФД. Ед. хр. 1519 г]

* * *

22 мая 1946 года Косыгина вызвал Сталин. Встреча началась в 23.40 и продолжалась почти два часа[262]. Присутствовал министр финансов СССР А. Г. Зверев. Обсуждали денежную реформу.

И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и А. Н. Косыгин (на втором плане) на территории Кремля. 1946. [РГАСПИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 401]

Сталин, расхаживая по кабинету и слегка жестикулируя правой рукой, сжимавшей курительную трубку, начал «издалека»:

— Необходимость реформы для нас была ясна еще в 1943

году. И уже тогда началась работа над ее проектом. — Правая рука Сталина рассекла воздух сверху вниз и справа налево. — Работу вела специально созданная группа «по денежному обращению» Народного комиссариата финансов под руководством товарища Дьяченко[263]. В 1944 году товарищи доложили о первых результатах. — Сталин на секунду остановился, чтобы прикурить потухшую трубку, в кабинете — мертвая тишина, никто даже не шелохнулся. — Главная цель нашей денежной реформы — это борьба с «черным рынком». Скопились огромные суммы наличности; процветают спекуляция и фальшивомонетничество… Это недопустимо!

Арсений Григорьевич Зверев. 1930-е. [Из открытых источников]

Голос Сталина зазвенел… Посетители кабинета несколько напряглись… Но генсек справился с волнением.

— Первый проект реформы товарищ Дьяченко представил в

декабре 1944-го. В ноябре 1945 года товарищ Гойхбарг предложил еще один проект[264]. А в мае 1946 года председатель правления Государственного банка товарищ Голев изложил, в докладной записке на мое имя, свои расчеты…[265] Проекты в чем-то схожи и в чем-то различны. И в Министерстве финансов и Совете министров есть ко всем этим проектам вопросы и замечания. Я думаю, — Сталин выдержал секундную паузу, — нам надо заслушать всех товарищей; нам надо понять, какой из вариантов предпочтительней…

Самый дискуссионный вопрос всех проектов — разменный курс. Он обсуждался в сталинском кабинете еще дважды, 3 и 4 июня, с участием Алексея Николаевича. Первая беседа продолжалась почти час, вторая — всего 15 минут[266]. Можно предположить, что после детального изложения своих подходов Зверев и Косыгин на следующий день докладывали ответы на поставленные вопросы.

А. И. Микоян, А. А. Кузнецов, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский (слева направо) на правительственной трибуне Центрального аэроклуба имени В. Чкалова во время авиационного парада. Москва. Август 1946. [РГАКФД. Ед. хр. 8373]

То есть на обсуждение реформы в общей сложности ушло три заседания, которые по времени растянулись в общей сложности часа на три… Не так много, как кажется! Но стоит учесть, что все дискуссии о разменном курсе прервал сам Сталин:

— Считаю, нужно установить соотношение обмена старых денег на новые как десять к одному… Товарищ Зверев утверждает, что это даст нам резерв в 20–22 миллиона рублей.

Зверев, не вставая с места, кивнул, подтверждая сказанное…

А. Н. Косыгин, И. В. Сталин, В. М. Молотов у гроба с телом М. И. Калинина перед захоронением его на Красной площади. Москва. 6 июня 1946. [РГАКФД. Ед. хр. 6757 а]

Эти заседания очень многое дали Алексею Николаевичу, по его собственному признанию; до этого ему практически не приходилось решать вопросы финансовой жизни всей страны, а не только отдельных отраслей хозяйства… Но пришлось «схлестнуться» с министром финансов Зверевым, который считал — хотя вслух, естественно, не произнес ни слова, — что Косыгин «занялся не своим делом». Он и сам был бы не прочь отойти в сторону от тех вопросов, в которых пока (пока!) не считал себя специалистом, но возражать Сталину, как и все, тот же Зверев — не смел.

* * *

Лето 1946-го в европейской части выдалось жарким и засушливым, в восточных областях — дождливым. Посевы зерновых на разоренных войной западных территориях гибли, население и в городах, и в особенности на селе голодало. Сообщалось о голодных смертях. Ситуация складывалась критическая, и в начале осени Алексей Николаевич подготовил докладную записку на имя Сталина. Тот согласился его принять.

Разговор был коротким. Сталин был не в настроении, и это было заметно, что называется, «невооруженным глазом».

Алексей Николаевич постарался быть очень кратким:

— Товарищ Сталин, ситуация с продовольствием в

центрально-европейских областях СССР напряженная, не хватает самого необходимого, даже по карточкам. Из ряда областей приходят тревожные сигналы о голодных обмороках и даже о смертях…

Сталин оставался невозмутимым, но Косыгин увидел, как постепенно сужались его глаза… Первый признак скорого «взрыва»… Но Косыгин нашел в себе силы продолжить:

— Товарищ Сталин, мы предлагаем осуществить ряд безотлагательных мер…

Договорить не успел, Сталин прервал его, резко и громко:

— Товарищ Косыгин, я не верю паникерам и не намерен разбазаривать наши резервы!

Когда Косыгин вернулся в свой кабинет, «его лицо было покрыто красными пятнами, руки дрожали», ни на какие вопросы не отвечал…[267]

После этой встречи Алексей Николаевич вывел сам для себя: экономическая политика будет проводиться государством, то есть — Сталиным — так, как считает «первое лицо», причем — твердо и неуклонно, невзирая на чрезвычайные обстоятельства и многочисленные жертвы, поскольку «государство — это все». Косыгину был дан сигнал сконцентрироваться на главной задаче — денежной реформе, увязанной с отменой карточной системы.

А. А. Андреев, Н. М. Шверник, Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин (слева направо) и другие в Президиуме VII сессии Верховного Совета РСФСР. Москва. 1946. [РГАКФД. Ед. хр. 6775]

Отмена карточек на продовольственные и промышленные

товары планировалась на 21 октября 1947 года (сроки в итоге не выдержали), причем — с дифференцированием розничных государственных цен. Так, на хлеб и крупу цены предполагалось снизить в среднем на 10 %, но на мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия — оставить на уровне существующих цен. Цены на картофель, овощи, фрукты, яйца, молоко и чай предлагалось повысить — не менее чем на 15 %, а на спиртные напитки, на пиво и мороженое снизить в среднем на 29 %. Считалось, что подобного рода балансировка даст возможность снизить существующие коммерческие цены на продовольствие в три раза.

На ткани, обувь и одежду планировалось устанавливать единые государственные розничные цены, но в сельской местности — на уровне действующих, а в городе — «в среднем» на 10 % ниже уже существующих.

На папиросы и табак розничные цены предлагалось оставить без изменений, на парфюмерные изделия снизить в среднем по сравнению с ценами в коммерческой сети в 2,5 раза. На 35 % планировалось снизить государственные розничные цены и на товары «длительного пользования» — радиоприемники, патефоны, фотоаппараты, охотничье оружие. Но в то же время цены на мыло подымались на 100 %, а на спички — на 50 %.

А. Н. Косыгин, В. М. Молотов, И. В. Сталин в почетном карауле у гроба В. В. Вахрушева. Москва, ГУМ. 14 января 1947. [РГАКФД. Ед. хр. 9203]

Дифференцирование розничных государственных цен рассматривалось как некий механизм, с помощью которого удастся, с одной стороны, избежать резкого их роста на те или

иные товары, с другой — не допустить падения доходов казны. Причем к вопросу о дифференцировании подходили, просчитывая, какие товары «при любом раскладе» будут востребованы населением, например спички и мыло — как товары «повседневного спроса», а значит, можно увеличить цену по максимуму; а на какие — как товары «длительного пользования» — можно и значительно понизить… Население, правда, реагировало по-своему, но об этом чуть ниже.

Прейскурант единых розничных цен на все продовольственные и промышленные товары поручалось — Министерству торговли и Министерству финансов — разработать и утвердить в срок до 1 июля 1947 года. Дабы избежать появления дефицита, предлагалось принять все меры не только «по расширению в 1947 году мощности» промышленного сектора, но и для организации и обеспечения завоза продовольственных и промышленных товаров, а также по уменьшению «фондов внерыночного потребления», по сокращению отпуска товаров «для военных потребителей», по использованию государственного резерва промтоваров.

По предварительным расчетам самого Косыгина, в 1948 году горожане могли рассчитывать получить от снижения цен в коммерческой торговле экономию в 60 миллиардов рублей, а в государственной — 18 миллиардов рублей. В абсолютных выражениях это, конечно, выглядит солидно, а в относительных — к отдельно взятому человеку? Крохи! Понимал ли это Косыгин? Или «мыслил по-государственному», рассчитывая не повторять ошибок, как совсем недавно, с докладной Сталину по поводу голода? *Так или иначе, но осторожничал…* Только этим объясняются его «предложения» и «соображения» по поводу трат населения в 1948-м.

В то же время в 1948 году расходы на покупку товаров, по которым цены повышались, должны были увеличиться: по продовольственным товарам на 4 миллиарда рублей и по промышленным — на 14 миллиардов рублей. Если экономия выражалась в столь «приличных» цифрах — 78 миллиардов рублей, то денежные доходы рабочих и служащих в 1948 году по сравнению с первой половиной 1947 года можно было и уменьшить. Тем более что денежные доходы и расходы населения в IV квартале 1947 года «взаимно покрываются», а в 1948 году расходы должны были превысить доходы (за счет отложенных сбережений) на 10 миллиардов рублей.

Но в расчетах баланса денежных доходов и расходов населения непременным условием было запрещение «какого бы то ни было» повышения зарплаты и заготовительных цен. Вот так! По-

государственному!

Ради централизации всего аппарата распределения продовольственных и промышленных товаров, ради отмены существующих самых минимальных льгот, предназначаемых рабочим «вредных производств», в период подготовки денежной реформы и отмены карточной системы предполагалось ликвидировать самостоятельно действующие отделы рабочего снабжения (орсы) на предприятиях в городах и рабочих поселках, а торговую сеть и сеть общественного питания, транспорт, торговые складские хозяйства и производственно-бытовые предприятия ликвидируемых орсов передать Министерству торговли СССР[268].

Идеи, предположения, расчеты были адресованы Косыгиным конкретно «первому лицу государства»: «Просим, товарищ Сталин, рассмотреть… и дать необходимые указания»[269].

С одной стороны, демонстрация желания сбалансировать интересы государства и общества, с другой — явное превалирование государственной выгоды, казна должна была в меньшей степени пострадать от реформы. Это — основная идея реформы, основная ее цель, главная задача, ориентир для всех и для каждого…

…Приготовления к денежной реформе держались в строжайшей тайне, однако слухи о том, что вот-вот введут «новые деньги», по Москве, а потом и по стране все же поползли: на Гознаке уже в 1946-м печатали новые купюры, но с 1947 годом выпуска[270].

Министр внутренних дел С. Н. Круглов в приватном разговоре с Косыгиным поделился с ним информацией о том, какие слухи распространяются в связи с готовящейся реформой:

— Говорят, Алексей Николаевич, что за два старых рубля будут давать один новый, что цены будут усреднены между коммерческими и пайковыми… А кое-кто утверждает, что деньги вообще аннулируют…

Косыгин промолчал, не пытаясь даже вникнуть в «логику» тех, кто распространял подобные, просто фантастические предположения…

К 6 мая 1947 года Алексей Николаевич представил В. М. Молотову проекты двух постановлений по переходу от нормированного снабжения по карточкам к «развернутой советской торговле продовольственными и промышленными товарами»:

— «Об отмене карточной системы по хлебу, продовольственным и промышленным товарам». Его предполагалось опубликовать за два дня до отмены карточной

системы;

— «О мерах по подготовке к отмене карточек в 1947 году». Здесь предусматривалась «большая организационная и подготовительная работа и создание необходимых запасов товаров»[271].

Молотов вызвал Косыгина ранним утром 7 мая.

— Товарищ Косыгин, товарищ Сталин ознакомился с проектами… Вопросов, принципиальных замечаний нет. Но один из аспектов Вы все же упустили…

Алексей Николаевич напрягся: что упустили?

А. Н. Косыгин, И. В. Сталин, Г. М. Маленков и другие на территории Кремля перед началом Первомайского парада. Москва. 1 мая 1947. [РГАКФД. Ед. хр. 8413]

На территории Кремля перед началом Первомайского праздника. И. В. Сталин обменивается рукопожатием с А. Н. Косыгиным, рядом стоит Г. М. Попов. Москва. 1 мая 1947. [РГАКФД. Ед. хр. 8415]

Молотов, кажется, не заметил или сделал вид, что не заметил реакции:

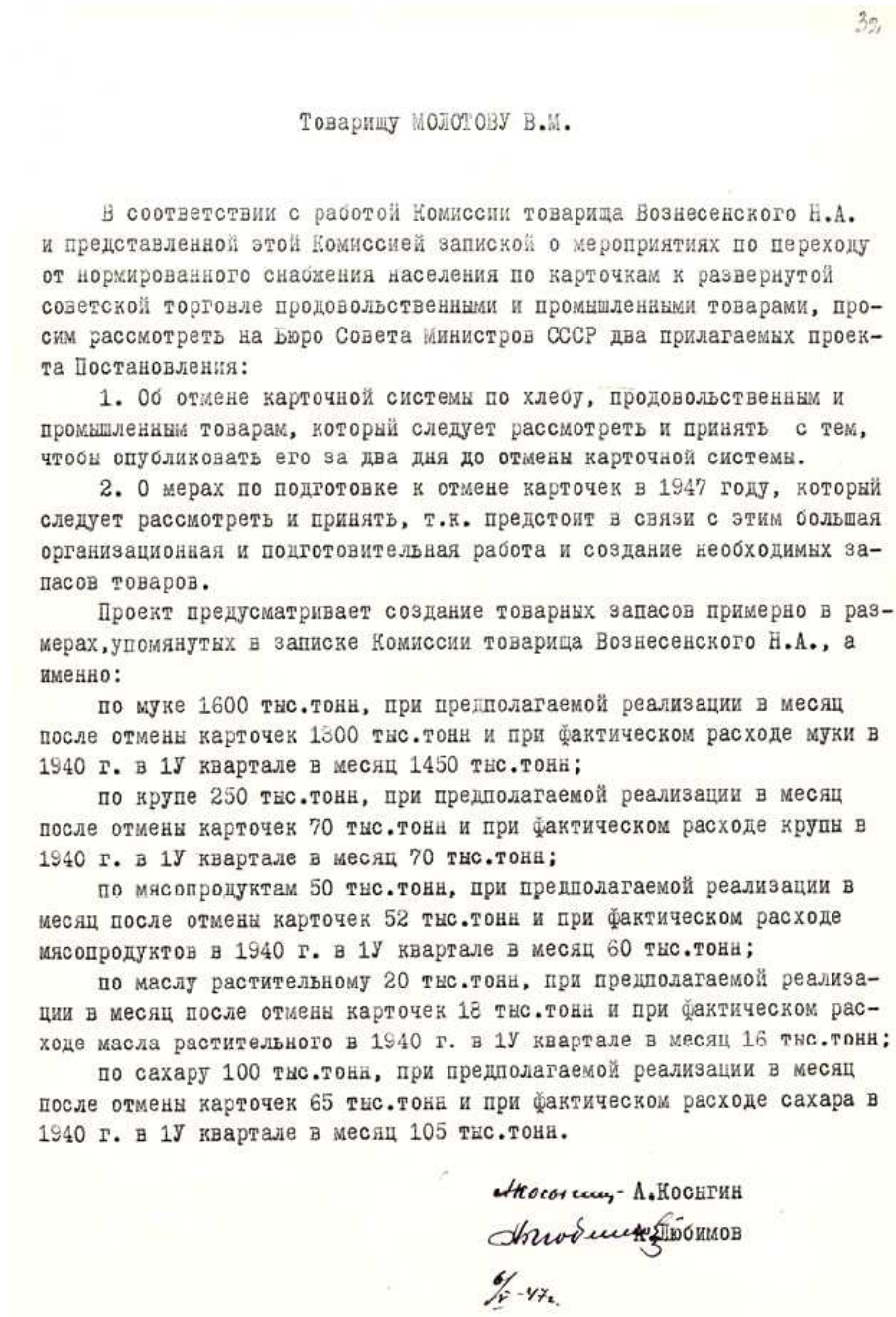
— Товарищ Сталин считает, что надо параллельно с проектами этих постановлений подготовить еще один проект. Но проект указа Верховного Совета об ответственности, уголовной, за нарушения, вызванные и связанные с проведением реформы.

С этими словами Молотов протянул Косыгину исписанный листок бумаги. Алексей Николаевич узнал почерк Сталина. Последний предлагал ввести уголовное наказание «за хищение государственного и общественного имущества»: «За кражу, присвоение, растрату или иное хищение государственного имущества — от 7 до 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовом лагере с конфискацией или без конфискации имущества. За хищение государственного имущества, совершаемое повторно, или организованной группой, или в крупных размерах, наказывать заключением от 10 до 25 лет с конфискацией имущества»[272].

— Подумайте над этим, товарищ Косыгин!

В конце концов, Молотов все же проекты одобрил, и 27 мая 1947 года на очередной ночной встрече в сталинском кабинете было принято решение создать комиссию по денежной реформе[273]. Ей предстояло доработать для Совета министров СССР публикуемый проект постановления по денежной реформе и непубликуемый — по организационным мерам. В комиссию

вошли Молотов (руководитель), Вознесенский, Берия, Жданов, Микоян, Маленков, Косыгин, Зверев, Голев и другие[274].

30

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

В соответствии с работой Комиссии товарища Вознесенского Н.А. и представленной этой Комиссией запиской о мероприятиях по переходу от нормированного снабжения населения по карточкам к развернутой советской торговле продовольственными и промышленными товарами, просим рассмотреть на Бюро Совета Министров СССР два прилагаемых проекта Постановления:

1. Об отмене карточной системы по хлебу, продовольственным и промышленным товарам, который следует рассмотреть и принять с тем, чтобы опубликовать его за два дня до отмены карточной системы.

2. О мерах по подготовке к отмене карточек в 1947 году, который следует рассмотреть и принять, т.к. предстоит в связи с этим большая организационная и подготовительная работа и создание необходимых запасов товаров.

Проект предусматривает создание товарных запасов примерно в размерах, упомянутых в записке Комиссии товарища Вознесенского Н.А., а именно:

по муке 1600 тыс.тонн, при предполагаемой реализации в месяц после отмены карточек 1300 тыс.тонн и при фактическом расходе муки в 1940 г. в 1У квартале в месяц 1450 тыс.тонн;

по крупе 250 тыс.тонн, при предполагаемой реализации в месяц после отмены карточек 70 тыс.тонн и при фактическом расходе крупы в 1940 г. в 1У квартале в месяц 70 тыс.тонн;

по мясопродуктам 50 тыс.тонн, при предполагаемой реализации в месяц после отмены карточек 52 тыс.тонн и при фактическом расходе мясопродуктов в 1940 г. в 1У квартале в месяц 60 тыс.тонн;

по маслу растительному 20 тыс.тонн, при предполагаемой реализации в месяц после отмены карточек 18 тыс.тонн и при фактическом расходе масла растительного в 1940 г. в 1У квартале в месяц 16 тыс.тонн;

по сахару 100 тыс.тонн, при предполагаемой реализации в месяц после отмены карточек 65 тыс.тонн и при фактическом расходе сахара в 1940 г. в 1У квартале в месяц 105 тыс.тонн.

Косыгин - А.Косыгин

Любимов

6/V-47г.

Докладная записка А. Н. Косыгина, А. В. Любимова В. М. Молотову о рассмотрении проектов постановлений Совета министров СССР «Об отмене карточной системы по хлебу, продовольственным и промышленным товарам» и «О мерах по подготовке к отмене карточек в 1947 году». 6 мая 1947. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 49а.

Д. 2902. Л. 32]

31 мая комиссия, в полном составе, собралась в сталинском кабинете. Сталин за все время не проронил ни слова, говорил только Молотов:

— Работа по реформе растянулась, вот уже четыре года мы ходим вокруг да около, а реальности нет. Наши экономисты представляют нам одну докладную записку за другой, наши министры — один проект постановления за другим, наши чекисты — одну сводку за другой… Из всего этого вороха бумаг, а по-другому я и не могу этот массив охарактеризовать, невозможно вывести какой-то общей картины, составить план работ… И те проекты постановлений, которые мне две недели назад передал товарищ Косыгин, также далеки от идеала, хотя и одобрены мной… Считаю, что эти два документа должны стать итоговыми; комиссии стоит доработать их, а не стремиться предложить что-то свое… Иначе утонем…

За все время монолога Молотов время от времени бросал взгляд в сторону Сталина, казалось, он боится «оступиться» в своей речи, одобренной заранее генсеком, в чем ни у кого не было сомнения…

Совещание 2 июня открыл сам Сталин, предпочитая, как обычно, вести речь, вышагивая от двери кабинета к противоположной стене и обратно:

— По Москве ползут слухи, что готовится акция по полному изъятию у населения денег и замены их на купоны…

Косыгин вспомнил о приватной информации министра внутренних дел Круглова. А Сталин остановился у торца стола для заседаний, набил трубку табаком, прикурил и продолжил:

— Мы попросили товарищей из Министерства внутренних дел и государственной безопасности пресекать все на корню! Надеюсь, они нас услышали… Но и нам, то есть — вам, — Сталин ткнул чубуком трубки в сторону заседавших, — надо поторопиться…

По результатам этих совещаний — 31 мая и 2 июня 1947 года[275] — Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило доработанные тексты постановлений, разработанных в аппарате Косыгина, и приняло решение о создании Комиссии по вопросам торговли и укрепления торговой сети, которую возглавил А. Н. Косыгин. В нее вошли Микоян, Мехлис, Зверев, заместитель министра торговли СССР по общим вопросам Г. В. Жаворонков, заместитель председателя Госплана М. Ф. Власов, председатель правления Центросоюза СССР И. С. Хохлов и член Совета Наркомтяжпрома А. М. Питерский. Алексею Николаевичу предстояло решать

вопросы о передаче торговых функций орсов союзному Министерству торговли, а также вопросы, связанные с взаимоотношениями между орсами и государством; об открытии дополнительно к существующей торговой сети Министерства торговли и Центросоюза 20 тысяч магазинов и 10 тысяч торговых палаток и наполнении их фондов продовольственными и промышленными товарами, продаваемыми по коммерческим ценам[276].

Маховик был запущен…

На крейсере «Молотов»

Алексей Николаевич работал, что называется, «на износ». Кроме разработки денежной реформы, он продолжал руководить отраслевым Бюро Совета министров по торговле и легкой промышленности, исполнял обязанности заместителя председателя Совета министров СССР и кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

В августе 1947-го ему с семьей все же удалось вырваться на отдых в Мухалатку под Ялтой. Первый отпуск за восемь лет. Однако и там, на государственной даче у моря, государственные дела не оставляли.

В Ялте тогда отдыхал и сам Сталин. В Ливадийском дворце он занимал три комнаты: спальню, кабинет и гостиную на первом этаже в восточном крыле, обращенном к морю.

В один из августовских дней на даче у Косыгиных раздался телефонный звонок:

— Здравствуйте, товарищ Косыгин, это Сталин… Как ваши дела?

— Здравствуйте, товарищ Сталин, спасибо, отдыхаем всей семьей.

— Хорошо… Хочу предложить вам всей семьей подъехать ко мне, в Ливадию… Надеюсь, супруга ваша, если не путаю, Клавдия Андреевна, составит нам компанию… И детей тоже жду…

Косыгин не успел ничего ответить и переспросить о времени прибытия, как Сталин повесил трубку. Оставалось собраться и ждать.

Дочь Алексея Николаевича Л. А. Гвишиани-Косыгина вспоминала:

«…приехал небольшой полноватый человек в военной форме — генерал Власик, начальник личной охраны Сталина, и сказал, что Иосиф Виссарионович ждет Алексея Николаевича с семьей к себе в Ливадийский дворец.

Папа, конечно, принял приглашение, и мы поехали все вместе — с нами были родственники, два мальчика лет по 10–11, а мне тогда было 18. В Ливадию приехали уже вечером, часов в 6–7. Нас поместили в две большие смежные комнаты, идеально убранные, но пустоватые, с кроватями, на которых были красивые, легкие покрывала.

Через некоторое время маму и папу пригласили поужинать к И. В. Сталину»[277].

У Клавдии Андреевны это была первая и, скорее всего, единственная встреча со Сталиным.

Стол был накрыт на открытой веранде, с моря веял легкий ветерок, вокруг дачи — парк, тишина и пустота…

Хозяин Ливадийского дворца рассказывал гостям о своем побеге из Туруханской ссылки, а Клавдия Андреевна и Алексей Николаевич — о своей жизни в Сибири (в Новосибирске и Киренске) в 1924–1930 годах.

Сталин еще раз побывал в Сибири в самом конце 1920-х годов. Беседуя с Косыгиными, он, вполне возможно, вспоминал «вехи» этого «вояжа»: и Новосибирск, и Омск, и Барнаул, и Красноярск, и Рубцовск…[278]

Беседа легко переходила от одной темы к другой, и Сталин спросил Клавдию Андреевну, как она представляет себе роль жены, ее место в семье.

Клавдия Андреевна прекрасно понимала, кто ее собеседник, была очень дипломатична:

— Товарищ Сталин, у меня, конечно, есть собственное представление на этот счет, но я была бы Вам весьма признательна, если бы Вы первым высказались по этому вопросу.

Сталин улыбнулся, ему, по-видимому, понравилось это замечание:

— Жена — это товарищ, подруга, любовница, хозяйка дома, воспитательница детей.

Клавдия Андреевна и не пыталась что-то противопоставить, но заметила:

— Я ни в какой мере не отрицаю важности всех этих характеристик. И все же да будет мне позволено не согласиться с тем, что полагать главным в характеристике жены. Ведь главное состоит в том, что жена — это судьба[279].

Сталин, попыхивая трубкой:

— Товарищ Косыгин, а что если нам совершить морскую прогулку? И Клавдия Андреевна с нами.

Косыгин, конечно, не знал, что еще 18 августа Сталин звонил из Ливадии главнокомандующему Черноморским флотом адмиралу Ф. С. Октябрьскому[280]:

— Ну, здравствуй, хозяин.

Ф. С. Октябрьский, находясь за несколько десятков километров, вытянулся в струнку, крепко сжимая телефонную трубку левой рукой:

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

— Когда сможете прибыть за мной в Ялту?

— Утром 19 августа, как мне приказано предварительно.

— А на чем вы думаете доставить меня в Сочи?

— На крейсере «Молотов», товарищ Сталин.

— Сколько всего будет кораблей?

— Два, товарищ Сталин.

— Хорошо. А какой скоростью думаете идти?

— 24–26 узлов, товарищ Сталин.

— Прошу вас: приходите к 4.00, не торопитесь с ходом, я никуда не спешу, я в отпуске. Пойдем потише. Все. До встречи.

То есть переход из Ялты в Сочи планировался заранее, но для Косыгиных он должен был выглядеть сюрпризом.

В 4.30 утра Октябрьский был в Ливадии. Сталин встретил его на балконе за сервированным столом. В левой руке он держал бокал с вином. На противоположном конце стола сидели Косыгин и его жена. Сталин обратился к Октябрьскому:

— Товарищ Октябрьский, можно ли взять на Ваш корабль женщину с нами в поход? Я говорю: «можно» и приглашаю ее, а мой «главком» [то есть личный помощник Сталина Поскребышев. — *В. Т.*] говорит, что нельзя, что это противоречит морским традициям.

Октябрьский не заставил себя ждать с ответом:

— По старым морским традициям действительно не положено, но я считаю, что можно взять.

Выйдя на улицу, все минут пять ждали, пока выйдет Сталин. Он появился «во френче, в брюках навыпуск и в плаще генералиссимуса» и сел в одну машину с Косыгиными.

На «Молотове» их встречал командир корабля, капитан второго ранга Б. Ф. Петров[281]. Сталина и Косыгиных проводили до салона, и крейсер двинулся в сторону Сочи.

В салоне Сталин пробыл недолго, вместе с Косыгиным прошелся по палубе, осмотрел корабль и отправился отдохнуть. Часов через шесть он вернулся в салон, где вел беседы с Косыгиным и Октябрьским. Обсуждали вопрос материально-технического снабжения флота.

Сталин вопрошал, что называется, «в лоб»:

— Товарищ Октябрьский, чем живет, чем дышит Черноморский флот? Какие проблемы для вас сегодня?

Октябрьский, набрав воздуха в легкие, выдохнул, решив выложить все, о чем хотел, но не решался сказать:

— Торговля в Севастополе — главный вопрос: продовольственных и промышленных товаров, обеспечивающих флотских, не хватает; проблема со свежими овощами и молоком, и то, и другое приходится покупать на рынках, а там цены!.. Самому флоту не хватает медико-санитарных материалов и оборудования; слишком мало мебели для казарм и домов офицеров, недостаточно выделяется шкиперского и

гидрографического имущества, трансформаторов, электромоторов, инструмента, кухонной и столовой посуды, противопожарного оборудования, средств связи, смазочных материалов…

Сталин поморщился:

— В общем и в целом, всего… Давайте попросим заняться этим вопросом товарища Косыгина. Не возражаете? Нет? Договорились…

В Сочи их встречал В. М. Молотов[282].

Почему именно Косыгин составил компанию Сталину, чем объяснить такое явное благоволение? Уже в 1950-е годы Хрущев в разговоре с главой Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном проговорился о том, что Сталин видел в Косыгине *возможного председателя правительства*. Буквально за день-два до поездки в Ялту Сталин встречался со Ждановым, разговор шел за закрытыми дверями, причем — не в кабинете генсека, а на «ближней даче». В тот период Жданов укреплял свои позиции в противостоянии с «московскими» (Маленков, Молотов) и продвигал наверх «своих» людей, «ленинградских». Естественно, Косыгина он числил среди них и рекомендовал его Сталину. Впрочем, тот и сам был прекрасно осведомлен о его способностях.

Сталин был откровенен со Ждановым, которому многое доверял, вызывая тем недовольство Л. П. Берии, считавшего себя «фаворитом».

— Товарищ Жданов, я помню Ваши характеристики Косыгина. Вы были правы: он действительно специалист — и в широких экономических, и в более узких, финансовых, вопросах. И память, и умение считать — быстро и точно… Я даже иногда зову его «арифмометром»…

Жданов улыбнулся:

— Товарищ Сталин, я думаю, что сегодняшняя должность для Косыгина не «потолочная».

Сталин удивленно взглянул на Жданова:

— И я так считаю.

Жданов осторожно, рассчитывая скрыть свой интерес:

— И кем Вы его… видите в дальнейшем…

Здесь уже пришло время улыбаться самому Сталину:

— Давайте не будем торопиться, товарищ Жданов.

Торопиться действительно не стоило, и Жданов молча «проглотил» последнюю реплику.

* * *

…Чета Косыгиных вернулась в Мухалатку, к дочери, через два дня. Алексею Николаевичу тот памятный «круиз» добавил новых забот — по снабжению Черноморского флота. 8 октября 1947 года он представил председателю Совмина записку о предпринятых мерах «по оказанию помощи морякам Черноморского флота», в которой сообщал об улучшении торговли в Севастополе, о выделении и завозе продовольственных и промышленных товаров, обеспечивающих «нормальную торговлю по коммерческим ценам во всех магазинах города»; о завозе овощей, что позволило снизить цены на рынках города; о выделении флоту медико-санитарных материалов и оборудования; о размещении заказа на изготовление мебели для кораблей флота и на приведение «в порядок казарм и домов офицеров»; о выделении шкиперского имущества (парусина, сукно приборное, ткани, концы, тросы, сурик, кислота аккумуляторная, кожа, бумага, тетради, карандаши и другие товары), трансформатора и электромоторов; вещевого имущества, инструмента, кухонной и столовой посуды, весов, гвоздей, клея, мыла, противопожарного оборудования, черного и цветного металла, строительного материала, средств связи, гидрографического имущества, смазочных масел для пополнения ремонтных мастерских флота; электрических лампочек и обтирочных концов; оборудования для строящегося в Севастополе хлебозавода[283].

Вопросы, которыми должны были заниматься на уровне городского или областного руководства, в крайнем случае на уровне Министерства обороны, решал заместитель председателя Совета министров СССР… Но никакого недовольства Косыгин, естественно не проявил: это был личный приказ Сталина.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

По Вашему поручению, данному на крейсере "Молотов" 19 августа 1947г. по оказанию помощи морякам Черноморского флота проведены следующие меры:

Значительно улучшена торговля в г.Севастополе, выделены и завезены продовольственные и промышленные товары, обеспечивающие нормальную торговлю по коммерческим ценам во всех магазинах города.

Осуществляется сезонный завоз картофеля и овощей. В результате принятых мер снизились цены на рынках города.

Улучшено материальное обеспечение кораблей Черноморского флота, а именно:

Министерство вооруженных сил из своих фондов выделило дополнительно материалы,оборудование и медико-санитарное имущество, необходимые флоту.

Мною по согласованию с министерствами изысканы дополнительные материалы и оборудование, необходимые для улучшения быта моряков и приведения в порядок кораблей флота, как то:

размещён заказ на изготовление мебели для кораблей флота на 2200 тыс.рублей и на 500 тыс.рублей мебели для приведения в порядок казарм и домов офицеров;

выделено необходимое для флота шхиперское имущество (парусина, сукно приборное, ткани, концы, тросы, сурик, кислота аккумуляторная, кожа, бумага, тетради, карандаши и другие товары);

для улучшения водоснабжения г.Севастополя выделен трансформатор и электромоторы;

выделено дополнительно вещевое имущество, инструмент, кухонная и столовая посуда, весы, гвозди, клей, мыло;

даны дополнительные фонды на противопожарное оборудование, чёрные и цветные металлы, строительные материалы, средства связи, гидрографическое имущество, санитарно-техническое оборудование, медикаменты и медико-санитарное имущество;

г.

б.

также дополнительно выделено оборудование, инструмент и смазочные масла для пополнения ремонтных мастерских флота;

отгружены и получены Черноморским флотом электрические лампочки и обтирочные концы;

министерством пищевой промышленности выделено оборудование для строящегося хлебозавода в г.Севастополе.

При проверке на корабле выяснилось, что пища для моряков выдаётся однообразной, например, каша продолжительное время изготовляется из одного вида крупы (как правило ячменка). Макароны изготовляются из чёрной муки.

В связи с этим планом снабжения на 1У квартал для всего морского флота выделена разнообразная крупа с указанием количества и сорта (указано, сколько гречневой, пшенной, ячменной и риса), а также определено качество поставляемых макарон.

Принятые меры разработаны совместно с тт.Василевским и Октябрьским.

А.Косыгин

Подл. направлен
тов. Сталину ИВ
8.X.1947 № 152/А

Докладная записка А. Н. Косыгина И. В. Сталину о выполнении поручения, данного на крейсере «Молотов» 19 августа 1947 года, по оказанию помощи морякам Черноморского флота. 8 октября 1947. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 39. Л. 157, 158]

* * *

…Весь ноябрь 1947-го продолжалась подготовка денежной реформы. Все главные действующие лица: Сталин, Вознесенский, Косыгин, Любимов, Зверев, Голев, Микоян — встречались в сталинском кабинете многократно[284].

1 декабря Косыгин подал на имя Сталина докладную записку, в которой обобщил состояние торговли промышленными товарами в коммерческих магазинах за ноябрь 1947 года. В частности, Алексей Николаевич отмечал, что «*резко увеличился спрос населения на все промышленные товары в коммерческих магазинах Москвы, Ленинграда и других городов*»[285].

Особенно вырос спрос на хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые, льняные ткани, швейные изделия, обувь, трикотажные изделия, меха, изделия из серебра и золота, хрусталь, фарфор, швейные машинки, велосипеды, мотоциклы, ковры: «*во всех магазинах, торгующих промышленными товарами, покупают в последние дни дорогостоящие вещи, большинство которых целыми месяцами не имели спроса*»[286].

Особое внимание Косыгин акцентировал на нескольких эпизодах:

«1. За 29 ноября 1947 г. в Центральном универмаге г. Москвы продано 150 патефонов стоимостью 1500 рублей каждый, раньше этих патефонов продавали не более одного в день.

2. В Ленинском универмаге г. Москвы за последний год не было продано ни одного пианино, 29 ноября в этом магазине было продано 11 пианино стоимостью 12 000 рублей каждое.

3. В Центральном универмаге г. Москвы в среднем в день продавали 1 мотоцикл стоимостью 3500 рублей, 29 ноября в этом магазине продано 16 мотоциклов.

4. В Ленинском универмаге г. Москвы в среднем за неделю продавали 1 мотоцикл стоимостью в 5000 рублей, 29 ноября было продано 10 мотоциклов»[287].

Население стремительно избавлялось от дензнаков, опасаясь потерять их при реформе, в наступлении которой мало кто уже сомневался, — подвел черту Косыгин.

И вновь — ночные бдения в сталинском кабинете, где согласовывались последние детали[288]. Косыгин держался в тени, но тщательно обдумывал и обобщал все, что говорилось коллегами:

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

По сообщениям Министерства торговли СССР за последние дни резко увеличился спрос населения на все промышленные товары в коммерческих магазинах Москвы и Ленинграда, а также и в других городах.

Особенно возрос спрос на хлопчатобумажные, шерстяные, шёлковые, льняные ткани, швейные изделия, обувь, трикотажные изделия, меха, изделия из серебра и золота, хрусталь, фарфор, швейные машины, велосипеды, мотоциклы, ковры и другие дорогие товары.

В коммерческих промтоварных магазинах г.Москвы было продано товаров:

за 26 ноября	-	на 7.836 тыс.рублей	
" 27 "	-	" 9.228 "	"
" 28 "	-	"10.297 "	"
" 29 "	-	"25.900 "	"

Во всех магазинах, торгующих промышленными товарами, покупают в последние дни дорогостоящие вещи, большинство которых целыми месяцами не имели спроса.

Показательными являются следующие примеры:

1. За 29 ноября 1947 г. в Центральном универмаге г.Москвы продано 150 патефонов стоимостью 1.500 рублей каждый, раньше этих патефонов продавали не более одного в день.

2. В Ленинском универмаге г.Москвы за последний год не было продано ни одного пианино. 29 ноября в этом магазине было продано 11 пианино стоимостью 12.000 рублей каждое.

3. В Центральном универмаге г.Москвы в среднем в день продавали 1 мотоцикл стоимостью 3.500 рублей, 29 ноября в этом магазине продано 16 мотоциклов.

4. В Ленинском универмаге г.Москвы в среднем за неделю продавали 1 мотоцикл стоимостью в 5.000 рублей. 29 ноября было продано 10 мотоциклов.

5. В Центральном универмаге г.Москвы обычно продавали галантереи на сумму 260.000 рублей в день. 29 ноября продано галантереи на сумму 1 млн.рублей.

Сильно возрос приток покупателей в магазины, так например: Центральный универмаг в г.Москве за день посещало в среднем 65-70 тыс.человек. 28 и 29 ноября этот магазин посетило 100-120 тыс.человек. Аналогичный рост покупателей был во всех коммерческих магазинах Москвы, Ленинграда и других городов. Перед открытием магазинов 28 и 29 числа были очереди. Среди покупателей появились приезжие из сельской местности.

В связи с тем,что необычно повышенный спрос на всевозможные товары в коммерческих магазинах может привести к истощению ресурсов приняты меры к ограничению выпуска товаров на рынок. В коммерческих магазинах прекращена торговля обувью, текстильными изделиями, трикотажем и другими товарами.

Эти магазины закрываются на переучёт и для производства необходимого ремонта с тем,чтобы подготовить их к открытию одновременно с отменой карточной системы.

В результате принимаемых мер за 30 ноября с.г. в коммерческих магазинах г.Москвы было продано товаров только на 3.225 тыс.рублей.

А.Косыгин

Докладная записка А. Н. Косыгина И. В. Сталину о торговле промышленными товарами в коммерческих магазинах за период 26–29 ноября 1947 года. 1947. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 40. Л. 78, 79]

В. М. Молотов — за реформу и предложенные меры по ее осуществлению, но с оговорками, не принципиальными, скорее — для того, чтобы его «вклад не забыли».

Жданов, Микоян — безоговорочно «за».

Берия и Круглов — вообще отмежевались от обсуждения.

Зверев — поддерживает те мероприятия, которые сам и предлагает, и резко критикует то, что идет от других.

Любимов — «за», но с оговорками, последние, правда, только из-за его осторожности — как бы самому себе не навредить.

Маленков — «играет в молчанку»…

Таков был «высший расклад».

Слово оставалось за Сталиным.

13 декабря 1947 года Сталин подписал протокол заседания Политбюро, на котором в окончательном варианте были приняты:

постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»;

постановление Совета министров СССР «О порядке обмена денег дипломатическими представительствами в СССР в связи с проводимой денежной реформой и отменой карточной системы» (*не для печати*);

решение о трансляции постановления о денежной реформе 14 декабря в 6 часов вечера по радио. В центральных газетах его опубликуют 15 декабря вместе с приказом министра торговли о новых единых государственных розничных ценах на продовольственные и промышленные товары и инструкцией Министерства финансов о порядке проведения реформы.

Кроме того, созданной комиссии в составе Косыгина (председатель), Попова, Двинского, Власова (Госплан), Любимова, Фомина, Невского поручалось (Сталин вписал собственноручно прямо в проект) «рассмотреть вопрос о дополнительном выделении из государственного резерва сахара, животных жиров, жмыхов и сена для продажи после отмены карточек в крупных городах, обеспечив в первую очередь Москву, Ленинград, а также Московскую и Ленинградскую области»[289].

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

ПОЛИТБЮРО

Протокол № 60 *пункт* I *от* 13 декабря 19 47 г.

СЛУШАЛИ:

1. Отмена карточной системы и денежная реформа.

ПОСТАНОВИЛИ:

а) Утвердить проект постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) "О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары" с внесенными поправками (см.приложение № 1).

б) Утвердить с поправками проект постановления Совета Министров СССР "О порядке обмена денег дипломатическими представительствами в СССР в связи с проводимой денежной реформой и отменой карточной системы" (не для печати - см.приложение № 2).

Поручить Министерству иностранных дел СССР уведомить иностранные дипломатические представительства в СССР о содержании настоящего постановления 15 декабря 1947 г.

в) Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) "О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары" передать 14 декабря в 6 час.вечера по радио, а в центральной печати ("Правда","Известия") опубликовать 15 декабря следующие документы:

1. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) "О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары".

(см.н/об.)

Выписки т.т.

а) Вознесенскому, Микояну, Звереву

а, б) Чуянову, Гайдаеву - Мх»

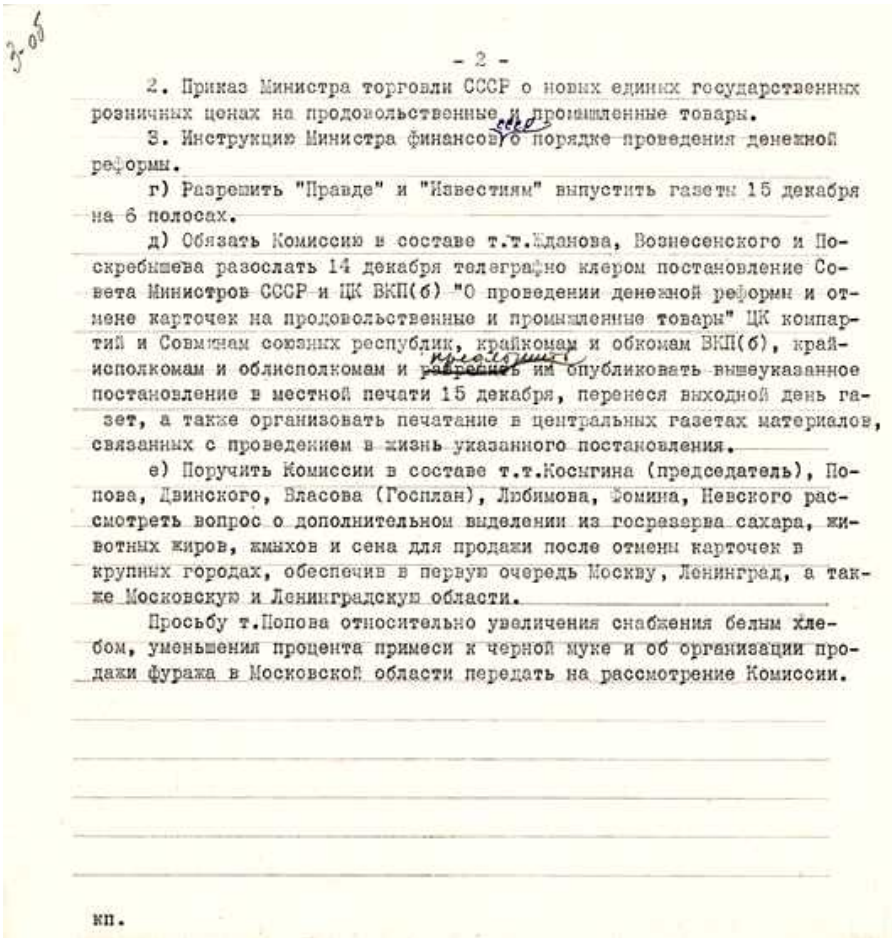
в) Вознесенскому, Микояну

г) Шкирятову

д) Ученому к-ту + Попову

Кем отправлены
(подпись)

Архив: Дело № 39.85 Мх46

3 об

- 2 -

2. Приказ Министра торговли СССР о новых единых государственных розничных ценах на продовольственные и промышленные товары.

3. Инструкцию Министра финансов о порядке проведения денежной реформы.

г) Разрешить "Правде" и "Известиям" выпустить газеты 15 декабря на 6 полосах.

д) Обязать Комиссию в составе т.т.Жданова, Вознесенского и Поскребышева разослать 14 декабря телеграфно клером постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) "О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары" ЦК компартий и Совминам союзных республик, крайкомам и обкомам ВКП(б), крайисполкомам и облисполкомам и разрешить им опубликовать вышеуказанное постановление в местной печати 15 декабря, перенеся выходной день газет, а также организовать печатание в центральных газетах материалов, связанных с проведением в жизнь указанного постановления.

е) Поручить Комиссии в составе т.т.Косыгина (председатель), Попова, Двинского, Власова (Госплан), Либимова, Томина, Невского рассмотреть вопрос о дополнительном выделении из госрезерва сахара, животных жиров, жмыхов и сена для продажи после отмены карточек в крупных городах, обеспечив в первую очередь Москву, Ленинград, а также Московскую и Ленинградскую области.

Просьбу т.Попова относительно увеличения снабжения белым хлебом, уменьшения процента примеси к черной муке и об организации продажи фуража в Московской области передать на рассмотрение Комиссии.

кп.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об утверждении проекта постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) „О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары“». 13 декабря 1947. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1506. Л. 3–3 об.]

Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) за № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» было принято 14 декабря 1947 года Алексею Николаевичу вместе с Вознесенским пришлось еще немало потрудиться над текстом.

Во время последней правки проекта Косыгин предложил:

— А знаете что, Николай Алексеевич, предлагаю внести в преамбулу еще один абзац — «сокращение государственной и кооперативной торговли предметами широкого потребления и увеличение спроса населения на колхозных рынках привели к резкому повышению рыночных цен, которые в отдельные периоды были выше довоенных цен в 10–15 раз».

Вознесенский, что было удивительно, не возражал:

— Согласен. Эти цифры, с одной стороны, отражают

действительное положение дел, с другой — вселяют надежду на то, что реформа вернет цены к прежнему уровню. Но предлагаю:

— Во-первых. Обмен ныне обращающихся на руках наличных денег на новые деньги производить с ограничением, предложенным Сталиным: десять рублей в старых деньгах на один рубль в новых деньгах.

Косыгин согласился.

— Во-вторых. Денежные вклады в сберегательных кассах и государственном банке переоценивать на более льготных условиях, чем обмен наличных денег. Например, вклады до трех тысяч рублей переоценивать рубль за рубль. Это позволит сохранить в прежнем объеме вклады, принадлежащие подавляющему большинству вкладчиков.

И это предложение Алексей Николаевич оспаривать не стал.

— В-третьих. Необходимо провести конверсию всех ранее выпущенных государственных займов, за исключением займа 1947 года, объединив их в единый заем. Обмен производить по соотношению три рубля в облигациях прежних займов на один рубль в облигациях нового единого займа.

Косыгин задумался:

— Не готов сейчас что-то ответить, дай время.

Вознесенский, согласно кивнув, продолжил:

— В-четвертых. Заработная плата рабочих и служащих, а также доходы колхозников, получаемые за счет государственных заготовок, и другие трудовые доходы всех слоев населения не затрагиваются реформой и будут выплачиваться в новых деньгах в прежних размерах.

По этому пункту Косыгин не возражал и «не впадал в задумчивость».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б)

№ 4004 „14" декабря 1947 г. Москва, Кремль

О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары.

В настоящее время перед советским государством встала задача проведения денежной реформы в целях укрепления курса рубля, а также – задача отмены карточной системы снабжения и перехода к развёрнутой торговле по единым государственным ценам.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. потребовала напряжения всех сил советского народа и мобилизации всех материальных ресурсов страны. В годы Отечественной войны резко возросли расходы Советского государства на содержание армии и на развёртывание военной промышленности. Огромные военные расходы потребовали выпуска в обращение большого количества денег. Количество денег, находящихся в обращении, значительно увеличилось, как и во всех государствах, участвовавших в войне. В то же время сократилось производство товаров, предназначенных для продажи населению, и значительно уменьшился розничный товарооборот.

Кроме того, как известно, в период Отечественной войны на временно захваченной советской территории немецкие и другие оккупанты выпускали в большом количестве фальшивые деньги в рублях, что ещё больше увеличило излишек денег в стране и засорило наше денежное обращение.

В результате всего этого, в обращении оказалось значительно больше денег, чем это нужно для народного хозяйства, покупательная сила денег понизилась и теперь требуются специальные мероприятия по укреплению советского рубля.

Несмотря на условия военного времени, Советскому Правительству удалось на всё время войны сохранить без изменения довоенные государственные цены на нормированные товары, что было обеспечено введением карточной системы снабжения продовольственными и промышленными товарами. Однако сокращение государственной и кооперативной

11. Со дня об'явления конверсии государственных займов до 1 августа 1948 года откладывается проведение очередных тиражей выигрышей и оплата очередных купонов по облигациям займов, подлежащих конверсии; с августа 1948 года возобновляются очередные тиражи и выплаты, в том числе за предшествующий период.

12. Ставки налоговых платежей, размеры долговых и договорных обязательств между предприятиями, учреждениями и организациями, размеры обязательств по платежам населения государству, а также размеры договорных обязательств между СССР и иностранными государствами остаются без изменения.

II.

Отмена карточной системы снабжения.

1. Одновременно с проведением денежной реформы, то-есть с 16 декабря 1947 года отменить карточную систему снабжения продовольственными и промышленными товарами, отменить высокие цены по коммерческой торговле и ввести единые сниженные государственные розничные цены на продовольствие и промтовары.

2. При установлении единых розничных государственных цен на продовольственные и промышленные товары исходить из следующего:

а) на хлеб и муку снизить цены в среднем на 12% против ныне действующих пайковых цен;

б) на крупу и макароны снизить цены в среднем на 10% против ныне действующих пайковых цен;

в) на мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия, соль, картофель и овощи сохранить цены на уровне действующих пайковых цен;

г) на молоко, яйца, чай, фрукты в отмену ныне действующих высоких коммерческих цен и слишком низких пайковых цен установить новые цены применительно к уровню действующих пайковых цен на основные продовольственные товары;

д) на ткани, обувь, одежду, трикотажные изделия в отмену ныне действующих высоких коммерческих цен и слишком низких цен нормированного снабжения, установленного в городах и рабочих посёлках, установить новые цены на уровне в 3,2 раза ниже коммерческих цен;

е) на табачные изделия и спички сохранить цены на уровне действующих пайковых цен;

ж) на пиво снизить цены в среднем на 10% против ныне действующих цен;

з) на водку и вино сохранить ныне действующие цены.

3. Поручить Министерству торговли СССР установить в соответствии с настоящим Постановлением, новые сниженные государственные розничные цены на продовольственные товары по поясам, а также новые государственные розничные цены на промышленные товары для города и деревни.

4. Цены, установленные настоящим Постановлением, не распространяются на колхозный рынок и на кооперативную торговлю товарами собственных закупок.

Председатель
Совета Министров Союза ССР
И.СТАЛИН.

Секретарь ЦК ВКП(б)
А.ЖДАНОВ.

УД

Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) № 4004 «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». 14 декабря 1947. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 318. Л. 62–72]

* * *

Конфискационный характер реформы был совершенно очевиден, и в постановлении это признавалось: «При проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет *последняя*

жертва».

На словах «*последняя жертва*» настоял Сталин, и вряд ли кто осмелился ему противоречить. Хотя все, и Косыгин в том числе, понимали: жертва — отнюдь не последняя.

Горькую пилюлю денежной реформы подсластили отменой карточной системы, но, даже по официальным данным (а других не было), цены должны были снизиться всего на 10–12 %. С учетом изъятых «излишков» денежной массы у населения — совсем немного. И совершенно несопоставимо с 10–15-кратной инфляцией, которую обозначил Косыгин.

Заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин с женой Клавдией Андреевной в домашней обстановке. Москва. 1947. [РГАКФД. Ед. хр. 34643]

На обмен дензнаков выделялась всего неделя: «Деньги старого образца, не предъявленные к обмену в установленный срок, аннулируются и теряют свою платежную силу».

Денежная реформа стартовала 16 декабря 1947 года (то есть почти на два месяца позже запланированных сроков).

С первых дней ее проведения А. Н. Косыгин тщательно отслеживал ситуацию в розничной торговле. В сводке по Москве сообщалось:

«Общие замечания:

1. *Во всех магазинах уменьшились очереди.*

2. *Покупатели ведут себя спокойно, не чувствуется нервозности.* Чувствуется уважение к новому советскому рублю. В магазине № 6 кассирша недодала 10 копеек, покупательница заявила: „Вы мне недодали 10 копеек, деньги теперь дорогие, их надо беречь“.

3. Покупатели часто спрашивают, почему нет в продаже муки?

4. Совершенно нет в продаже гречневой крупы и папирос высших сортов.

5. В каждом магазине имеется картофель, но его не покупают. Большим спросом пользуются соленые овощи»[290].

Но это — показатели одного-двух-трех магазинов. Общую картину в советской торговле Косыгин получил от министра торговли Любимова. За первые пять дней торговли без карточек (16–20 декабря) *в целом по стране лимит продаж не был перекрыт, объемы продаж по средним показателям за пять дней предыдущего месяца были выполнены*.

Иными словами, платежный баланс был рассчитан в целом верно. Однако Косыгин, разумеется, не довольствовался «средней температурой по больнице». Важно было найти точный баланс цен между товарными группами и внутри этих групп, а также, ориентируясь на свободный спрос, направлять средства на их производство. Например, продажа черного хлеба во всех крупных городах и промышленных центрах проходила бесперебойно и, как правило, без очередей; с другой стороны, спрос на белый хлеб не удовлетворялся, за ним выстраивались очереди. Выделенные на вторую половину декабря фонды сортовой муки составляли 11 % к общему фонду муки, тогда как, например, в 1940 году удельный вес сортовой муки достигал 39 %. В небольших городах и в сельской местности продажа хлеба населению осуществлялась с очередями и неполный день.

Отмечался повышенный спрос на крупу, макароны, сахар, дешевые конфеты, печенье, дешевые сорта рыбы, растительное масло, за которыми во многих городах выстраивались очереди.

Большое напряжение в торговле продовольственными товарами наблюдалось в городах, население которых до отмены карточек не находилось на гарантированном снабжении.

Продажа водки, водочных изделий и виноградных вин по сравнению с реализацией в среднем за пятидневку в октябре сократилась в 10–13 раз, а спрос на шампанское совершенно отсутствовал.

Значительно сократилась продажа табачных изделий, а также «товаров длительного пользования» — патефонов, пианино, фототоваров, велосипедов, мотоциклов. Так, например, в московских универмагах за четвертую пятидневку декабря было продано только 6 велосипедов, 1 мотоцикл, 18 патефонов и ни одного пианино, а в Ленинграде за этот период не было продано ни одного мотоцикла, велосипеда и пианино. Впрочем, это легко объяснялось тем, что буквально накануне реформы в магазинах «сметали» все самое дорогое — те же пианино, мотоциклы, патефоны…

А. Н. Косыгин в кругу семьи. Москва. 1947. [РГАКФД. Ед. хр. 34644]

Резко снизился спрос на ювелирные, золотые и серебряные изделия[291]. И хотя это не было вопросом выживания для населения, Косыгина данное обстоятельство тревожило из-за падения поступлений в бюджет.

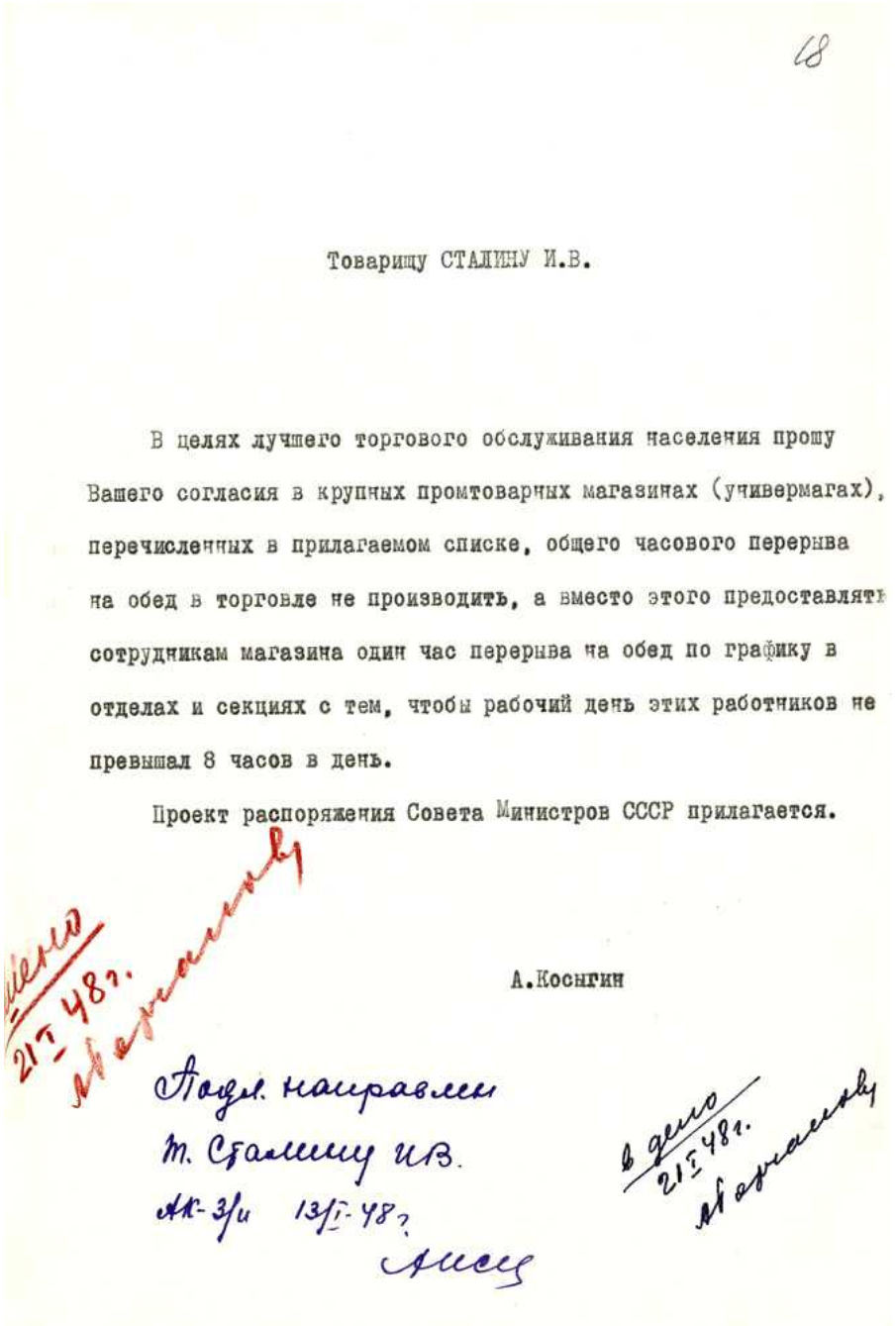

А. Н. Косыгин в кругу семьи. Москва. 1947. [РГАКФД. Ед. хр. 34645]

Алексею Николаевичу приходилось постоянно сталкиваться с «*издержками*» (так их характеризовали, на самом деле — «последствиями») реформы, затронувшей благосостояние отнюдь не только теневых деятелей. В декабре 1947 года в его секретариат поступило письмо от более чем ста офицеров Советской армии за подписью четырех представителей:

«Во исполнение директивы начальника Генерального штаба В[ооруженных] С[ил] № 484089 команды офицерского состава Таврического, Прибалтийского, Забайкальского военных округов 12, 13 декабря убыли для продолжения дальнейшей службы в группе Советских оккупационных войск в Германии. По выезде из частей нам было выплачено денежное довольствие за декабрь месяц и подъемное пособие в старой валюте.

Часть офицерского состава едет со своими семьями для их устройства на новом месте жительства в пределах Советского Союза.

18

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

В целях лучшего торгового обслуживания населения прошу Вашего согласия в крупных промтоварных магазинах (универмагах), перечисленных в прилагаемом списке, общего часового перерыва на обед в торговле не производить, а вместо этого предоставлять сотрудникам магазина один час перерыва на обед по графику в отделах и секциях с тем, чтобы рабочий день этих работников не превышал 8 часов в день.

Проект распоряжения Совета Министров СССР прилагается.

А.Косыгин

Служебная записка А. Н. Косыгина И. В. Сталину с просьбой рассмотреть вопрос об изменении графика работы универмагов. 13 января 1948. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 43. Л. 18]

В результате денежной реформы имеющиеся денежные средства утратили свою силу, что вызвало затруднение в

устройстве и дальнейшей жизни семей. Причем находящийся в отпусках и командировках офицерский состав по Вашему указанию получает перерасчет за декабрь месяц в новой валюте, хотя они и находятся в более выгодных условиях, так как их семьи находятся на постоянных местах жительства.

Убедительно просим Вас дать указание соответствующим органам о производстве перерасчета денежного содержания за декабрь месяц и подъемного пособия, выданного также в декабре.

Наше обращение к министру финансов, начальнику Генерального штаба, начальнику финансового управления Вооруженных сил и др. положительного результата не дало; нам только решили выплатить аванс за первую половину января, что не меняет создавшегося положения»[292].

* * *

Решение по письму офицеров Советской армии было принято положительное. Неизвестно, правда, с кем оно согласовывалось: не с самим ли Сталиным? Это — личное согласие — потребовалось даже в решении об изменении графика работы столичных универмагов…[293]

Национальное хозяйство управлялось «в ручном режиме», принципы мобилизационной экономики никто не отменял. По-прежнему считалось, что это единственный путь восстановить хозяйство. Косыгин этого не оспаривал, хотя явственно ощущал, что управленческой «элите» не хватает ни инициативы, ни ответственности. Чиновники боятся и шаг ступить самостоятельно, а потому любой вопрос, связанный с экономикой, топят в согласованиях. Сам Косыгин привык принимать ответственные решения и добиваться их исполнения. Однако он уже начинал ощущать, что «игра по правилам» тормозит развитие.

Минфин

Февраль 1948 года — новый поворот в судьбе Алексея Николаевича, 16 февраля он был назначен министром финансов СССР[294].

Прежнего министра А. Г. Зверева, по его собственным словам, сделали «восьмым замом», на что супруга Арсения Григорьевича заметила: зато он стал «рано» приходить с работы — к 10 часам вечера. Сам Зверев отмечал изменение поведения коллег — некоторые при встрече изображали занятость и рассеянность: «Очень интересно наблюдать!»[295] *Алексей Николаевич был не из числа тех, кто старался его игнорировать, и, ценя предшественника как специалиста, привлекал его к подготовке важных расчетов и документов.*

Смысл «рокировки» (по-другому оценить нельзя) — в том, что, понимая известное недовольство реформами, Сталин решил на время «спрятать» Зверева, выставив более крупный (с точки зрения управленческих особенностей, но не как специалиста в финансовой сфере) авторитет — Косыгина. Понимал ли это Косыгин? Бесспорно, понимал. Так же, как понимал и последствия — реальные и гипотетические. Но и возражать, отказываться не имел никакой возможности — решение «Самого». И все свои «соображения» и «возражения» держал «при себе», правильнее сказать — «в себе», не давая никому даже повода для замечания.

Уже через два месяца после назначения Алексей Николаевич подготовил докладную записку «О повышении покупательной способности рубля и реальной заработной платы». Картина выглядела весьма оптимистично:

«Сообщение Госплана о повышении покупательной способности рубля на 41 % подтверждается представленными расчетами. Расчеты показывают также, что соответственно в среднем повысилась и реальная заработная плата. Кроме того, в I квартале 1948 г. имело место повышение на 7 % средней денежной зарплаты по сравнению с I кварталом 1947 г., в результате чего общее повышение реальной зарплаты составит 51 %.

В указанных выше расчетах не учтено снижение государственных цен, произведенное 10 апреля 1948 г.

Как видно из прилагаемых расчетов, повышение покупательной способности рубля имеет место не только за счет снижения цен в государственной и кооперативной торговле, но еще в большей мере — за счет снижения цен на колхозном рынке,

в результате денежной реформы, отмены карточной системы и снижения государственных цен.

Данные об объеме колхозной торговли являются расчетными (отчетности по колхозной торговле не существует), и точность их на основе имеющихся материалов не может быть определена. В связи с этим предлагаем поручить Госплану СССР представить предложения в Совет министров СССР об улучшении в дальнейшем учета и разработки бюджетов рабочих и крестьян, производимого органами ЦСУ»[296].

Удалось ли справиться с «черным рынком», что являлось немаловажной задачей реформы? Косыгин мог ориентироваться на данные Министерства внутренних дел: с 16 декабря 1947 года по 1 мая 1948 года органами МВД было выявлено скрытых от учета и похищенных товаров на 61 715 187 рублей и выявлено незаконных вкладов в сберегательные кассы и отделения Госбанка на 101 504 500 рублей. Возбуждено 9975 дел, по которым привлечено к уголовной ответственности 9551 человек, в том числе 4401 человек членов и кандидатов в члены ВКП(б).

У лиц, привлеченных за преступления, связанные с проведением денежной реформы, изъято:

Денег нового образца	14 534 814 руб.
Продовольственных товаров на сумму	23 026 642 руб.
Промышленных товаров на сумму	16 288 313 руб.
Других ценностей на сумму	6 556 156 руб.
Всего на сумму	60 405 925 руб.

Общая сумма возвращенных государству средств в порядке возмещения ущерба, причиненного преступниками в ходе проведения денежной реформы, составила свыше 160 миллионов рублей.

Более половины привлеченных за преступления составили работники торговой сферы, среди них из системы Министерства торговли — 4017 человек, из потребительской кооперации — 4129[297].

К

73

Пункт 37

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

О председателе Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров СССР

1. Освободить т.Косыгина от обязанностей председателя Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров СССР ввиду перегруженности его работой по Министерству Финансов СССР.

2. Утвердить председателем Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров СССР т.Крутикова, освободив его от обязанностей первого заместителя министра внешней торговли.

3. Назначить т.Крутикова заместителем председателя Совета Министров СССР.

4. К работе по новой должности т.Крутикову приступить немедленно после возвращения из отпуска, тогда же произвести приемку и сдачу дел по Бюро торговли и легкой промышленности при Совете Министров СССР. Тов.Косыгину до возвращения т.Крутикова из отпуска продолжать исполнение обязанностей председателя Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете Министров СССР.

П64/115
9.VII.48

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О председателе Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете министров СССР». 9 июля 1948. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1513. Л. 73]

Последняя цифра — количество «ворья» из потребкооперации — была для Алексея Николаевича особенно неприятна… Да и вообще, цифры свидетельствовали о превалировании в обществе «негатива». Где «социалистическая сознательность»? Где поддержка усилий государства со стороны общества? Что — никак не удается перебороть убежденность в том, что «воровали, воруют и будут воровать»? Причем почти половина из арестованных и осужденных лиц — с партийным билетом в кармане… Было над чем задуматься.

9 июля 1948 года А. Н. Косыгин был освобожден от обязанностей председателя Бюро по торговле и легкой промышленности при Совете министров СССР «ввиду перегруженности его работой по Министерству финансов СССР»[298]. Дел в Минфине действительно хватало…

* * *

31 августа 1948 года Алексей Николаевич узнал о скоропостижной смерти, в возрасте 52 лет, Андрея Александровича Жданова. Многим обязанный ему в своей карьере, он уважал этого человека, хотя и осознавал, что Жданов — личность крайне противоречивая и неоднозначная: он способствовал не только поднятию своих «креатур» в «князи», но и «опусканию назад» провинившихся — «в грязь»… И примеров тому — масса, многие из его ставленников уже в конце 1930-х годов, из-за падения к ним «интереса» со стороны Жданова, оказывались не у дел, а порой и лишались жизни… Косыгину в этом плане повезло, Жданов ценил его всегда…

Стоя в почетном карауле у гроба Жданова, Алексей Николаевич старался «пропустить через себя» жизнь этого партийного «босса», их совместную деятельность, собственные взлеты и падения, произошедшие благодаря и вопреки Жданову.

«Вот я, — размышлял Косыгин, — выходец из самых что ни на есть пролетарских слоев, из рабочих, а отец Андрея Александровича, и это он никогда не скрывал, инспектор народных училищ… Это — ладно, и отец Ленина занимал ту же должность… Но отец Жданова еще и профессор богословия… Этот факт сам Жданов не афишировал… В ЦК знали, конечно, но никто даже словом не обмолвился… Все — благодаря авторитету Жданова, его взаимоотношениям с „Самим“… Дело еще и в том, что Андрею Александровичу повезло — попав в „революционную струю“, оказался уже в двадцатые годы на первых государственных постах… Знакомство со Сталиным, преданность

ему — бескомпромиссная… все сыграло „на руку“… И команду он формировать умел… этого не отнимешь… И „борец“ был, но — разборчив, где надо — зажимал, где надо — поддакивал, где надо — „головы сносил“… „Дружил со всеми и против всех“… И скрытен, очень скрытен, никто не знал, как он себя поведет… Но многому у него научиться можно было, многому…»

Парадоксально, но не только жизнь, но и смерть Жданова послужила импульсом к новому витку карьеры Косыгина. Уже 4 сентября он был переведен из кандидатов в состав членов Политбюро ЦК ВКП(б)[299].

Андрей Александрович Жданов. 1940-е. [РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1008]

То есть еще на одну ступеньку поднялся вверх по карьерной

лестнице. Кто такой член Политбюро ЦК ВКП(б)? *По сути, он оказался в «клане» наиболее влиятельных членов Центрального комитета, определявших не только политику партии, но и всего советского государства.* Но осознал он это чуть позже, а пока все мысли об одном — о денежной реформе…

…На посту министра финансов Косыгину предстояло разрешить проблему госдолга, важную не только для государства, но и для многих миллионов советских граждан. В ходе денежной реформы была проведена конверсия государственных займов с обменом облигаций 1938 года.

Свои предложения Косыгин представил — на имя И. В. Сталина — 20 сентября 1948 года в пространной «Записке», содержавшей детальный анализ ситуации:

«Обмен облигаций займа 1938 года на облигации вновь выпущенного Государственного 3 % внутреннего выигрышного займа по соотношению 1:5 производился одновременно с обменом денег.

Всего у населения имелось облигаций займа 1938 года на 2 млрд рублей, из них было предъявлено для оплаты наличными деньгами на 1 131 млн рублей и обменено на облигации нового свободно обращающегося займа на 778 млн рублей.

…Конверсии подлежали следующие займы, размещавшиеся среди населения в 1936–1946 гг.: заем второй пятилетки, Заем укрепления обороны Союза ССР, заем третьей пятилетки, четыре военных займа и Заем восстановления и развития народного хозяйства СССР.

…Наряду с займами, размещенными среди населения, конверсия распространялась также на займы, размещенные за счет средств кооперативных организаций и колхозов.

…В отличие от прежних займов, по которым выигрыши исчислены за двадцатилетний срок в среднем из расчета 4 % в год, по конверсионному займу доход выплачивается из расчета 2 % в год.

Обмен производился по соотношению три рубля в облигациях прежних займов за один рубль в облигациях конверсионного займа. Срок обмена облигаций был установлен — с 3 мая по 1 августа 1948 года. Обмен облигаций производился в сберегательных кассах, а также непосредственно в предприятиях, учреждениях и колхозах.

Правилами обмена, утвержденными Советом министров СССР, были определены условия обмена облигаций, под залог которых их владельцами были получены ссуды в сберегательных кассах в течение 1937–1941 годов.

…Сумма заложенных облигаций составляла 21,3 млрд рублей, а сумма выданных ссуд 6,4 млрд рублей. Задолженность населения по ссудам вместе с наросшими за истекшие годы процентами значительно превышала стоимость заложенных облигаций после их обмена на облигации нового займа. Поэтому правилами обмена было предусмотрено, что лица, получившие ссуду под залог облигаций, могли погасить ссуду наличными деньгами без уплаты наросших процентов и обменять выкупленные из залога облигации на общих основаниях. Однако погашение ссуд наличными деньгами населением не производилось и ссуды фактически погашены за счет заложенных облигаций.

В процессе проведения обмена облигаций производилась оплата выигрышей, не востребованных населением в прошлые годы. В соответствии с условиями денежной реформы выигрыши, не востребованные населением до 16 декабря 1947 года, выплачивались в размере одной десятой части. Всего выплачено в таком порядке 160 млн рублей, что соответствует 1,6 млрд рублей, которые должны были быть выплачены до денежной реформы.

…К 1 августа 1948 года обмен облигаций был закончен повсеместно, за исключением наиболее отдаленных районов Крайнего Севера, где срок — до 1 ноября 1948 года. Сумма облигаций в этих районах является весьма незначительной и практически не окажет влияния на общие результаты обмена.

Сумма не предъявленных к обмену облигаций составила 18,1 млрд рублей, из них не обменено облигаций населением на сумму примерно 17,1 млрд рублей, колхозами и кооперативными организациями — на 1 млрд рублей. Сумма не предъявленных к обмену облигаций довоенных займов является относительно более высокой по сравнению с суммой облигаций военных займов… Надо полагать, что значительная часть не предъявленных к обмену облигаций погибла.

Взамен принятых по обмену облигаций прежних займов и свидетельств по специальным вкладам выдано облигаций Государственного 2 % займа 1948 года на сумму 32,6 млрд рублей, из них выигрышного выпуска на 29,8 млрд рублей и процентного выпуска — на 2,8 млрд рублей. Облигации выигрышного выпуска выданы населению, а облигации процентного выпуска — колхозам на 1,5 млрд рублей и кооперативным организациям — на 1,3 млрд рублей.

Н. А. Булганин, А. А. Андреев, Л. М. Каганович, за его спиной — А. Н. Косыгин, Г. М. Маленков, М. Ф. Шкирятов, К. Е. Ворошилов (слева направо) и другие в президиуме торжественного заседания, посвященного 31-й годовщине Октябрьской революции и прошедшего в Большом театре СССР. Москва. 6 ноября 1948. [РГАКФД. Ед. хр. 5986 в]

Проведение конверсии резко сократило расходы по государственным займам. При сохранении прежних займов и свидетельств по специальным вкладам платежи только по ним в течение всего срока их обращения составили бы 161 млрд рублей. После обмена облигаций платежи по конверсионному займу в течение 20-летнего срока составят 41 млрд рублей. Таким образом, разница в платежах выражается в сумме 120 млрд рублей; при этом платежи будут произведены в более поздние сроки.

…В настоящее время общая сумма государственного долга уменьшилась по сравнению с суммой долга ко времени проведения обмена более чем на 100 млрд рублей, по сравнению с довоенной суммой государственный долг возрос в 1,6 раза, в то время как объем государственного бюджета увеличился более чем в 2 раза»[300].

Сумев существенно сократить в ходе денежной реформы государственный долг, Косыгин ясно осознавал, что текущих финансовых проблем это не решает. В те же дни он представил предложения по увеличению доходов и сокращению расходов государственного бюджета.

В очередной, «совершенно секретной», докладной записке на имя Сталина Алексей Николаевич отмечал:

— Считаю возможным увеличить в 1949 году налоги за счет отмены льгот по уплате подоходного налога и налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР (кроме

военнослужащих) — дополнительные поступления до 245 миллионов рублей; отмены льгот по уплате подоходного налога рабочими и служащими, награжденными орденами СССР, — дополнительные поступления до 750 миллионов рублей; отмены льгот для генералов и офицеров Советской армии по уплате налога по крайней мере в половинном размере — дополнительные поступления не менее 900 миллионов рублей.

Косыгин предлагал обложить сельскохозяйственным налогом хозяйства учителей, агрономов, зоотехников, медицинских и ветеринарных врачей, землеустроителей, фельдшеров, мелиораторов, директоров и старших механиков МТС, а также хозяйства районных руководящих работников (это около полумиллиона хозяйств), что принесло бы в бюджет до 170 миллионов рублей.

А. А. Кузнецов, А. И. Микоян, М. А. Суслов, Л. П. Берия, А. Н. Косыгин, Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Г. М. Попов (слева направо) на торжественном заседании, посвященном 25-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Москва. 1949. [РГАКФД. Ед. хр. 7010]

Еще до 140 миллионов рублей предполагалось получить за счет повышения налога на строения с 1 % до 1,5 %.

Да, многое изменилось с весны — лета 1945-го, когда Алексей Николаевич предлагал расширить налоговые льготы… *Взяв в свои руки финансы страны, он вынужден был играть по правилам «государственника» не только по духу, но и по занимаемой должности, принимать «непопулярные» — с точки зрения обывателя — меры.*

Впрочем, Косыгина никак не упрекнешь в том, что на новом

посту он превратился в бухгалтера, озабоченного лишь тем, как сводить баланс. Финансовая политика оставалась для него инструментом развития экономики. В частности, он предлагал снижение действующих процентных ставок для предприятий по кредитным операциям[301]. Еще одна мера — продавать колхозам автомобили, сельскохозяйственные машины и инвентарь по единым оптовым ценам. Только это должно было увеличить доходы народного хозяйства более чем на миллиард рублей.

Проект народнохозяйственного плана на 1949 год предусматривал снижение себестоимости промышленной продукции на 6,2 %, притом что за 9 месяцев 1948 года себестоимость промышленной продукции снизилась на 8,5 %; экономия составила 13,6 миллиарда рублей. Экономия за весь 1948 год ожидалась в размере 19–19,5 миллиарда рублей. На 1949 год Косыгин считал необходимым снизить себестоимость до 7 % с дополнительной экономией до 2,5 миллиарда рублей.

Предложения Косыгина по бюджету рассматривал лично Сталин. О его реакции Алексею Николаевичу не сообщили, но 28 декабря Алексей Николаевич узнал, что освобожден от обязанностей министра финансов и утвержден министром легкой промышленности[302].

Что-то пошло не так? Где-то Косыгин допустил промах, просчет, и все — «фортуна изменила»? Было ли новое назначение понижением? Несомненно.

Но Алексей Николаевич прекрасно понимал, что в Министерстве финансов он был временной фигурой. После его отставки на прежний пост вернулся А. Г. Зверев. Косыгин же возвращался в давно знакомую ему среду.

Министр путей сообщения СССР И. В. Ковалев приводил оценку Косыгину, данную в то время Сталиным: «Легковик». Ковалев пояснял: Сталин имел в виду не то, что Алексей Николаевич возвращается в ведомство легкой промышленности, а то, что он «легковат» для Министерства финансов[303]. Сразу возникает вопрос: а что, Сталин не догадывался об этом до смены Зверева на Косыгина? И это при знании Сталиным всех достоинств и недостатков своих «подчиненных»?

Можно порассуждать — что и как, но все это будут «гадания на кофейной гуще». Истинную причину «обратной рокировки» знал только Сталин…

* * *

В советском прошлом любой временной отрезок можно

считать *уникальным*. Не стал исключением и период второй половины 1940-х годов: с одной стороны, страна восстанавливалась после чудовищной войны, возвращаясь к мирной жизни после таких испытаний, каких ее история еще не знала. С другой стороны, пришедшиеся на этот отрезок времени социально-экономические изменения справедливо оценивают как уникальные. Восстановление национального хозяйства, осложненное послевоенным голодом, сопровождалось такими глобальными реформами тех сфер, которые, казалось, были далеки от повседневной жизни и быта — как денежная реформа, как реформа управления, как реформа военно-промышленного комплекса в условиях развязывания «холодной войны». Но все это — на фоне новой волны *политических репрессий*.

«Ленинградское дело»

Январь и первая половина февраля 1949-го были едва ли не самыми спокойными для Алексея Николаевича. Недолго… 15 февраля 1949 года — точка отсчета так называемого Ленинградского дела, которое началось с постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.».

Их обвинили в «самовольной и незаконной организации Всесоюзной оптовой ярмарки с приглашением к участию в ней торговых организаций краев и областей РСФСР, включая и самых отдаленных, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик»[304].

На ярмарке реализовывались товары, которые должны были распределяться *исключительно союзным правительством по общегосударственному плану*. Кроме того, подчеркивалось в постановлении, для организации ярмарки были несогласованно выделены средства, что привело к огромным и, как считалось, совершенно неоправданным затратам. Ярмарка была объявлена «*антигосударственным действием*», поскольку ленинградское руководство не запросило разрешения на ее проведение ни в ЦК партии, ни в союзном Совете министров.

Суть начавшихся гонений — *борьба партийных кланов* — явственно проступила в разоблачениях «нездорового» антибольшевистского уклона, «демагогического заигрывания» ленинградских партийных руководителей с «отдельными представителями руководства РСФСР», выходцами из того же Ленинграда. Руководству Ленинградского обкома и горкома инкриминировали, что оно создает «средостение» (слово то какое нашли!) между Центральным комитетом партии и Ленинградской партийной организацией, не информировало подробно тот же ЦК о партийной жизни в городе и области, стремясь самоизолироваться и существовать автономно, опираясь на неформальных «шефов» — выходцев из Ленинграда.

Все это характеризовалось как «антипартийная групповщина». В постановлении проводилась откровенная параллель между руководством Ленинградского обкома и горкома партии «образца 1948 года» и Зиновьевым — «врагом народа, понесшим заслуженное наказание».

Утверждено

Выписка верна

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

О деятельности работников Совета Министров СССР т.т. Родионова М.И. и Попкова П.С. Председатель Кандидат-

На основании проведенной проверки установлено, что Совет Министров РСФСР вместе с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) тов.Кузнецова А.А. самовольно и незаконно организовал Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением и участием в ней торговых организаций краев и областей РСФСР, включая и самых отдаленных, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. На ярмарке были предъявлены к продаже товары на сумму около 9 млрд.рублей, включая товары, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краев, областей и республик. Кроме того, проведение ярмарки нанесло ущерб государству в связи с большими и неоправданными затратами государственных средств на организацию ярмарки и на переезд участников ее из отдаленных местностей в Ленинград и обратно.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает главными виновниками указанного антигосударственного действия кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т.Родионова и Попкова и члена ЦК ВКП(б) т.Кузнецова А.А., которые нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины, поскольку ни Совет Министров РСФСР, ни Ленинградский обком ВКП(б) не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение Всесоюзной оптовой ярмарки и, в обход ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, самовольно организовали ее в Ленинграде.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у т.т.Кузнецова А.А., Родионова, Попкова имеется недопустимый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации,

от т. Вознесенского

126

в политике представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в политике создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б). В связи с этим следует отметить, что т.Попков, являясь первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), не старается обеспечить связь ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б), не информирует ЦК партии о положении дел в Ленинграде и вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии, на путь сомнительных закулисных, а иногда и явственных комбинаций, проводимых через различных самозванных „шефов" Ленинграда, вроде т.т.Кузнецова, Родионова и других.

В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) предложение „шефствовать" над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т.Попков к т.Вознесенскому Н.А., а также неправильное поведение т.Попова, когда он связи ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым „шефом" т.Кузнецовым А.А.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что такие непартийные методы должны быть пресечены в корне, ибо они являются выражением антипартийной группировки, семя недоверия в отношениях между Ленобкомом и ЦК ВКП(б) и способны привести к отрыву ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам запугивания с ленинградской организацией, оклеветания Центрального Комитета ВКП(б), якобы не заботящегося о нуждах Ленинграда, отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и противопоставления ленинградской организации партии и ее Центральному Комитету.

Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять т.Родионова с поста председателя Совета Министров РСФСР, об'явить ему выговор и направить на учебу на партийные курсы при ЦК ВКП(б).

Ужесточить на непримиримого такого предложения

127

2. Снять т.Попкова с поста первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), об'явить ему выговор и направить на учебу на партийные курсы при ЦК ВКП(б).

3. Снять т.Кузнецова А.А. с поста секретаря ЦК ВКП(б) и об'явить ему выговор.

4. Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т.Вознесенский, хотя и отклонил предложение т.Попкова о „шефстве" над Ленинградом, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении „шефствовать" над Ленинградом, сделанном ему т.Попковым.

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

15/II

Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». 15 февраля 1949. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1520. Л. 125–127]

П. С. Попков, А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин (слева направо) на трибуне Дворцовой площади. Ленинград. 1 мая 1941. [РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1008. Л. 109]

Берия добавил к «ярмарочным обвинениям» еще одно. Он утверждал, что именно «ленинградские слили» информацию о подготовке денежной реформы 1947 года, породив, преднамеренно, слухи и панику среди обывателей.

История с ярмаркой — лишь повод, «копали под Ленинград» давно. Свидетельство тому — последствия, которые не заставили себя ждать. Ряд выходцев из Ленинграда, занимавших высокие посты, отправили в отставку (в документе — «на партийные курсы»). В частности, поста председателя Совета министров РСФСР лишился Родионов, поста секретаря ЦК — Кузнецов, поста первого секретаря Ленинградского обкома и горкома — Попков. Вознесенского, приятельствовавшего и с Родионовым, и с Кузнецовым, и с Попковым, обвинили в «недоносительстве»[305], сняли с поста заместителя председателя Совета министров СССР и вывели из Политбюро ЦК.

Две недели спустя, 28 ноября 1949-го, Кузнецова и Родионова освободили также и от обязанностей членов Оргбюро ЦК[306].

За принятие этого решения голосовали и А. Н. Косыгин, и Н. А. Вознесенский, арестованный по этому же делу чуть позже. Последний раз они виделись в сталинском кабинете 7 апреля 1949 года[307]. Но это уже, как вспоминал позднее Н. С. Хрущев, был не Вознесенский, а его тень…

Николай Алексеевич Вознесенский был старше Косыгина всего на год. В отличие от Алексея Николаевича, он был не экономистом-практиком, а, скорее, экономистом-теоретиком. В 32

года стал доктором экономических наук, в 41 год — академиком Академии наук СССР, в 44 года был отмечен Сталинской премией за исследование «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Хотя он и отличался крайней амбициозностью и известной долей высокомерия, характеризовался как честный, рассудительный, прямой в суждениях и высказываниях. Сталин всегда внимательно читал то, что выходило из-под пера Вознесенского, и никогда лично не критиковал его. А вот Маленков и Каганович явно его недолюбливали, считая «выскочкой из провинции».

Никто тогда не мог предположить, что прозвучали лишь первые раскаты грома, возвещавшие страшную политическую бурю, вызванную столкновением двух группировок в высшем руководстве партии — «ленинградской» (Жданов) и «московской» (Маленков, Каганович и Берия). Смерть Жданова развязала руки его противникам. Уничтожались его соратники, его протеже, работавшие в партийных структурах по всей стране. «Ленинградские» были разгромлены. Кроме упомянутых Кузнецова, Родионова, Попкова и Вознесенского были арестованы: второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Я. Ф. Капустин, председатель Ленгорисполкома П. Г. Лазутин, первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) И. М. Турко, завотделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов М. В. Закржевская, второй секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б) Г. Ф. Бадаев, первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) Н. В. Соловьев, заместитель министра морского флота СССР по политической части А. Д. Вербицкий, заместитель председателя Саратовского облисполкома (уволенный из МГБ генерал) П. Н. Курбаткин…

Г. М. Попов, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов (слева направо) на трибуне Мавзолея В. И. Ленина во время Первомайского парада на Красной площади. Москва. 1 мая 1949. [РГАКФД. Ед. хр. 7417]

Почти все проходившие по «Ленинградскому делу» лица были в различное время коллегами или просто хорошими знакомыми Алексея Николаевича, а Кузнецов еще и дальним — по жене — родственником Клавдии Андреевны Косыгиной. Алексей Николаевич прекрасно знал как достоинства, так и недостатки многих «ленинградцев», но не мог предположить, что те или иные огрехи могут вызвать репрессии такого — *всесоюзного* — масштаба.

Сам он мог ждать чего угодно и когда угодно, вплоть до ареста. Мало того, что с 1930-х годов его считали протеже А. А. Жданова, в блокадном Ленинграде он работал с Кузнецовым, а с Вознесенским — уже в Москве и в годы войны, и сразу после. И тесные его контакты с «ленинградскими» ни для кого не были тайной.

П. К. Пономаренко, А. Н. Косыгин, Чжоу Эньлай, А. И. Микоян, Мао Цзэдун, Н. А. Булганин (слева направо) в президиуме торжественного собрания, посвященного 26-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Москва. 1950. [РГАКФД. Ед. хр. 7085]

— Что происходит? — задавал сам себе вопрос Косыгин. — Чем объяснить не просто «свержение с политического пьедестала», а аресты, обыски, суды, смертные приговоры? Ведь под суд идут те, кто прошел войну, фронт… Неужели всерьез верят в существование некоего «заговора»? Неужели всерьез верят в существование некой «русской партии»? Неужели не очевидна абсурдность обвинений бывшего ленинградского руководства в антипартийности? Ведь все проходящие по «Ленинградскому делу», образно выражаясь, «птенцы из ждановского гнезда». Всех их «выпестовал» и «выпустил в большое политическое плавание» недавно скончавшийся Андрей Александрович. Что же, и Жданова можно обвинить в том же, в чем обвинили всех его протеже? Но при жизни Жданова даже голос на него из «московских» никто повысить не мог, все знали отношение к нему со стороны Сталина. Неужели его смогли убедить в обратном?

— Неужели, неужели и вновь неужели, — спрашивал сам себя Косыгин и не находил ответа.

В сентябре 1950 года состоялся суд над участниками «Ленинградского дела», которых обвиняли во всех грехах — и действительных, и вымышленных. Всего по делу было осуждено 214 человек «основных обвиняемых» и 145 их «близких и дальних родственников». Двое арестованных умерли до суда, 26 обвиняемых, включая Вознесенского и Кузнецова, были приговорены к смертной казни[308].

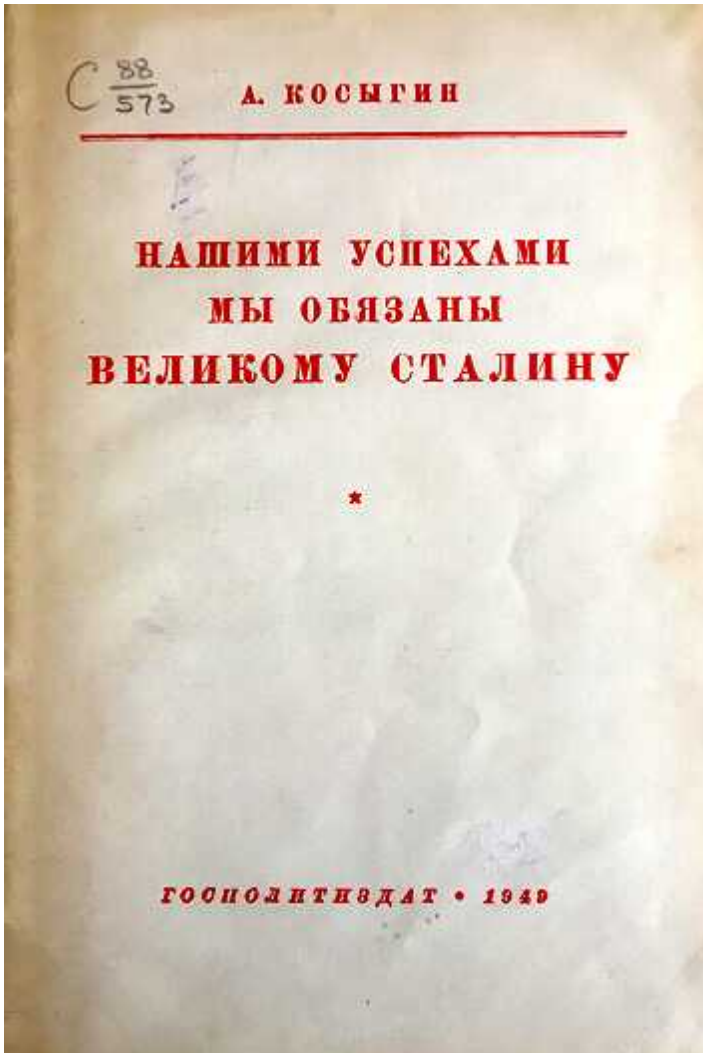
Уцелеть в этой мясорубке удалось единицам из «ленинградцев», в том числе Косыгину и первому заместителю председателя Государственного планового комитета СССР Г. В. Перову[309].

Н. С. Хрущев и в 1960-х годах говорил, что не может объяснить, как Алексей Николаевич «удержался» и как Сталин не приказал арестовать Косыгина.

Алексея Николаевича спасло исключительно личное расположение Сталина, который пристально следил за ходом дела, давая «добро» на арест того или иного лица — так как речь шла о деятелях самого высокого ранга. По-другому объяснить спасение Косыгина невозможно. Сталин ценил Косыгина как специалиста и профессионала, практика, разбирающегося в сложнейших вопросах экономики и финансов и не замеченного в политических интригах.

На одном из заседаний Политбюро осенью 1949-го Сталин панибратски похлопал Косыгина по плечу: «Что, Косыга, дрожишь? Не волнуйся, поработаешь еще…»[310] Страх оставался одним из непременных элементов управления, и Алексей Николаевич должен был почувствовать это на себе.

Естественно, фамилия Косыгина неоднократно звучала на допросах обвиняемых. Их копии представляли всем членам Политбюро, в том числе и самому Косыгину; кто-то в его экземпляре услужливо подчеркивал красным карандашом любое упоминание о нем. И по каждому такому случаю Косыгину приходилось готовить подробнейшие ответы, дабы при необходимости защитить себя.

Текст выступления А. Н. Косыгина «Нашими успехами мы обязаны великому Сталину». 1949. [Из открытых источников]

Каждое утро, уезжая на службу, Алексей Николаевич мысленно прощался с семьей, поскольку не знал, вернется или нет. Да и ночью Косыгин не спал, внимательно прислушиваясь, что происходит за дверями квартиры…

Квартира Косыгиных, видимо по прямому распоряжению Берии, была нашпигована прослушивающей аппаратурой. И жена, и дочь Алексея Николаевича знали об этом, а потому предпочитали все серьезные разговоры вести вне стен дома[311].

Косыгин был осведомлен, что в подготовленном проекте закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.» Маленков

пытался «подвести под статью» и его: «Следует указать на неправильное поведение Косыгина А. Н., который оказался как член Политбюро не на высоте своих обязанностей… Он не разглядел антипартийного, вражеского характера группы Кузнецова, не проявил необходимой политической бдительности и не сообщил в ЦК ВКП(б) о непартийных разговорах Кузнецова и др.»[312].

Перед Первомайским парадом у здания Президиума Верховного Совета СССР (слева направо): К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, И. В. Сталин, А. Н. Косыгин. Москва. 1 мая 1952. [РГАКФД. Ед. хр. 351797]

Сталин проект письма так и оставил проектом, «похоронив» его в своем личном архиве.

О «Ленинградском деле» Косыгин все последующие годы своей жизни старался «не распространяться» и даже «не рассуждать», так много седых волос оно добавило ему и его жене… Однако помог тем, кто уцелел в этом «деле» (жене казненного А. А. Кузнецова) и был освобожден во второй половине 1950-х годов…

Члены правительства СССР А. Н. Косыгин, Л. М. Каганович, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, Н. А. Булганин перед парадом на Красной площади. Москва. 1 мая 1952. [РГАКФД. Ед. хр. 351800]

«Ленинградское дело» — один из последних «аккордов» массовых репрессий, пожалуй, самое страшное в их послевоенной волне…

«Московские» боялись Жданова — от одной только фамилии, от одного облика Жданова веяло чем-то тревожным, брала оторопь — а потому ему рискнули «отомстить» только после его смерти, и то — изощренно, нанеся удар по его выдвиженцам… Словно пауки в банке: «выживает сильнейший», а те, кто остался без лидера и из-за этого ослаб, должны быть уничтожены. Таков закон советских политических джунглей. И сам Жданов в 1930-х годах не чурался подобной политики, и его оппоненты, не имея возможности «свалить» его при жизни, «валили» его команду, потерявшую «вожака»…

Но почему сам Сталин не вступился за «ленинградских», за «ждановских»? И почему Косыгин — исключение? А потому, что генсек мыслил так же, по-звериному — «выживает сильнейший». С другой стороны, Сталину было выгодно — для укрепления

собственных позиций — столкновение «политических» групп; во-первых, они в этой борьбе апеллировали исключительно к нему; во-вторых, те, кого он поддерживал, становились его верными союзниками; в-третьих, он — Сталин — получал прекрасный повод, обвинив, например, во «внутрипартийной борьбе», их самих ликвидировать, что и делал и в 1920-е, и в 1930-е годы.

XIX съезд и его последствия

«Выдохнуть страх» Алексей Николаевич смог только тогда, когда был избран делегатом XIX съезда КПСС. В центральной прессе сообщалось:

«5 октября 1952 г. в Большом зале Кремлевского дворца открылся XIX съезд ВКП(б). В зале заседания — делегаты съезда, а также многочисленные гости, представители трудящихся советской столицы, рабочие, государственные и партийные деятели, представители науки и искусства и представители зарубежных коммунистических и рабочих партий.

Семь часов вечера. Появление на трибуне товарища Сталина и его верных соратников товарищей Молотова, Маленкова, Ворошилова, Булганина, Берия, Кагановича, Хрущева, Андреева, Микояна, Косыгина делегаты встречают долгими аплодисментами»[313].

Алексей Николаевич — последний в перечислении «верных соратников», это — конечно же, последствия «Ленинградского дела». Однако он не вычеркнут из жизни, не вычеркнут из партийной иерархии, и ему предоставляют слово для доклада.

Если отбросить привычные славословия в адрес Сталина, в косыгинской речи останется только обзор состояния дел в легкой промышленности. Построено по стандарту: что было к началу очередной пятилетки, с какими результатами подошли к съезду. Естественно, планы выполнены и перевыполнены. Однако нельзя и без самокритики: «…У нас в этом деле еще имеется много серьезных недостатков, которые мы обязаны устранить».

Члены президиума XIX съезда ВКП(б). В первом ряду: И. В. Сталин, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия, Н. А. Булганин; в последнем ряду: А. И. Микоян, А. Н. Косыгин. 1952. [РГАКФД. Ед. хр. 351818]

Не обошлось и без сравнения с капиталистическими странами, гневных слов об империализме, американской военщине, росте производства вооружений и сокращении производства гражданской промышленности, сокращении покупательной способности, безработице и иных признаках «загнивания» Запада. Заключительным аккордом — план действий, заключавшийся в «реализации» известного лозунга — «догнать и перегнать»[314].

Доклад Косыгина на XIX съезде по своей полноте, глубине анализа, обобщениям и выводам явно уступал тому, что он готовил к предыдущему XVIII партийному форуму: не видно концептуальных предложений, оценки осторожны, речевые обороты как под копирку. Сохранилась фотография президиума съезда: Косыгин и Микоян сидят в президиуме за Сталиным, вид у того и другого несколько отрешенный…

Руководители КПСС и Советского государства в президиуме одного из заседаний. Слева направо в 1-м ряду: А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, Л. М. Каганович, И. В. Сталин; во 2-м ряду: Н. С. Хрущев, Л. П. Берия (лицо замазано), М. Г. Маленков, Н. А. Булганин, В. М. Молотов. 1952. [РГАКФД. Ед. хр. 365067]

XIX съезд компартии закончил свою работу 14 октября. А. Н. Косыгин был переведен из членов в кандидаты в члены Политбюро (Президиума ЦК КПСС). Все эти перемещения — также последствия «Ленинградского дела». *Но Алексей Николаевич справедливо полагал, что ему повезло…*

* * *

…Через пять месяцев после съезда страна неожиданно для самой себя оказалась на пороге новой эпохи: 5 марта 1953 года умер И. В. Сталин.

1945–1953, последние сталинские годы, и экономика: сочетание несочетаемого. С одной стороны, страх, социально-экономические трудности восстановительного периода, «голодные годы», карточная система, дефицит товаров первой необходимости, гонения в научной и творческих сферах. С другой — поиск пути социально-экономического развития страны, который шел в конце 1940-х — начале 1950-х годов, взаимосвязанный с наращиванием темпов производства в те же годы, с демографическим бумом, с первыми нонконформистскими «рывками» в науке, образовании, культуре…

Как это все увязать между собой? Как объяснить?

Нас, конечно, в первую очередь интересует экономика того времени, которая за короткий период времени, 8 лет, пережила по крайней мере «две эпохи» — восстановления и рывка в своем

развитии.

Если восстановительный период — единение бескорыстного энтузиазма и непоколебимой убежденности в приоритетности государственного интереса над личностным, то экономический рывок начала 1950-х годов — результат применения мобилизационных методов в экономике, но уже в условиях мирного времени: по сути, страна оставалась «военным лагерем», где каждый человек оставался «винтиком» громадного механизма, но весь экономический потенциал был направлен не на поддержание милитаристской машины, а на восстановление и развитие собственно национального хозяйства…

Особенность этих двух периодов проявлялась в особенностях отечественного менталитета, традиций, веры в бесспорную важность в развитии страны идей и парадигмы патернализма…

Глава 5. Когда

Когда к Алексею Николаевичу пришло понимание того, что без реформ — глобальных и всеохватывающих — советская экономика просто «рухнет»?

Ответ однозначен: в самом конце 1950-х — начале 1960-х годов, спустя примерно 10 лет после смерти Сталина, когда пропал страх перед возможным остракизмом, отставкой, арестом, преданием забвению, когда стало понятно, что экономика мобилизационного типа вот-вот затянет страну «на дно», когда Косыгину удалось сравнить советскую модель хозяйствования с западноевропейской, когда он сам себе мог сказать: «надо действовать»…

Так что произошло за эти первые десять послесталинских лет?

«Чехарда» и «оттепель»

«Назначенческая чехарда» — вот так двумя словами можно было бы охарактеризовать жизнь Алексея Николаевича в 1953–1964 годах.

Судите сами:

15 марта 1953 года он был утвержден министром легкой и пищевой промышленности СССР. Это министерство было образовано в результате слияния четырех министерств: легкой, пищевой, мясной и молочной, рыбной промышленности. Спустя пять месяцев, 24 августа, Алексей Николаевич был назначен министром промышленности товаров широкого потребления СССР. Буквально через 2,5 месяца, с 7 декабря того же года, он уже, сохраняя пост министра, назначается заместителем председателя Совета министров СССР, а спустя две недели, с 22 декабря — председателем Бюро по промышленности продовольственных и промышленных товаров широкого потребления при Совете министров СССР.

23 февраля 1955 года Косыгин был освобожден от обязанностей министра промышленности товаров широкого потребления, но с 26 февраля того же года он уже член Президиума Совета министров СССР, а с 22 марта — член комиссии Президиума Совета министров СССР по текущим делам, с 26 августа — заместитель председателя комиссии Президиума Совета министров СССР по вопросам производства товаров широкого потребления.

25 декабря 1956 года Алексей Николаевич получает назначение на пост первого заместителя председателя Госэкономкомиссии Совета министров СССР по текущему планированию народного хозяйства в ранге министра с освобождением от обязанностей заместителя председателя Совета министров СССР.

С 23 мая 1957 года Косыгин — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Совета министров СССР (Госплана СССР) в ранге министра; в начале июня был избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, с 4 июля — заместитель председателя Совета министров СССР. В том же году был утвержден членом Главного военного совета при Совете обороны Советского Союза.

С 31 марта 1958 года Алексей Николаевич — заместитель председателя Президиума Совета министров СССР, с 13 октября того же года председатель комиссии Президиума Совета министров СССР по вопросам цен.

С 20 марта 1959 года он — председатель Госплана СССР, одновременно оставаясь заместителем председателя Совета министров СССР, 24 марта был утвержден представителем СССР в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ).

В самом начале мая 1960 года Косыгин был избран членом Президиума ЦК КПСС, а 4 мая — назначен первым заместителем председателя Совета министров СССР с освобождением от обязанностей председателя Госплана СССР[315].

Как говорится, «и это все о нем». Было бы неправильным утверждать, что карьерного роста в этот период не просматривается. Нет: по «шажочку», по «полшажочка», но Алексей Николаевич «прокладывал» себе путь. И «прокладывал», судя по всему, удачно: «звезд с неба не хватал», но и «вниз» не скатывался…

Добавим к этому и особенности того времени — первого послесталинского пятилетия: «оттепель» еще не наступила, но и страха заметно поубавилось. Уход «в мир иной» Сталина еще до XX съезда стал не только временем «всенародного плача», но и первым сигналом к внутреннему раскрепощению — исчезла боязнь наказания за опоздание на работу, за невольно вырвавшееся слово…

«Раскрепощению» способствовали многочисленные слухи, за которые год-два назад «оторвали бы голову»: мол, скоро распустят колхозы, выпустят «невинно осужденных»…

Колхозы, конечно, никто распускать не стал, но уже в 1953–1954-м стали возвращаться из лагерей те, кого загнали туда по пресловутой «58-й»… Конечно, нельзя забывать и «бериевскую амнистию» весны — лета 1953-го… Но «слов из песни не выбросишь»… ситуация менялась с каждым днем…

Точка отсчета — отказ от развернувшейся в конце 1940-х годов гонки вооружений, что позволило нарастить объем инвестиций государства в потребление наравне с повышением покупательной способности населения.

Произошло расширение полномочий отраслевых министерств, которые перестали согласовывать каждый «чих» с Советом министров. Кардинально снижались цены на продовольствие и потребительские товары, правда — за счет роста закупочных цен на продукцию колхозов. Что, естественно, вело к инфляции, так как проблему решали за счет «печатного станка» Гознака. В августе 1953 года правительство пошло на принятие дефицитного бюджета. Неслыханное дело! Но при плановом дефиците в 10 % удалось в результате прийти к небольшому, достаточно скромному, но — профициту. За счет чего? За счет сокращения в два раза расходов на вооруженные

силы и военно-промышленный комплекс. В тоже время Г. М. Маленков, как председатель Совета министров, настоял на списании долгов с колхозников, на сокращении в два раза с них же налогов, на расширении приусадебных участков в пять (!) раз и на повышении оплаты труда в тех же колхозах. Результат? Заработок колхозника увеличился: в среднем с 80 рублей в месяц до 300 соответственно, прилавки магазинов не только Москвы и Ленинграда, но и иных больших и малых городов заполнялись товарами, цены на которые снижались, что называется, «не по дням, а по часам»…[316] Конечно, все это не означало, что все проблемы были решены, нет: одни исчезали, появлялись другие, новые, и это нормально для такого сложнейшего «организма», каким является государство, а уж советское — тем более. Но самая главная проблема всегда оставалась в выстраивании взаимоотношений между лидерами страны, каждый «тянул одеяло на себя», что произошло уже и в начале 1955 года, когда обострилось противостояние между «наследниками Сталина» — Хрущевым и Маленковым: каждый из них считал, что только его взгляд на развитие экономики и общества единственно верный. «Верх» взял Хрущев, отправивший Маленкова с поста премьера на должность министра энергетики, но об этом чуть ниже. «Маленковский ренессанс», продолжавшийся чуть более двух лет, свернулся…

Рассекречено
Акт № ___
от «__» ____ 20 г.

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

В соответствии с Вашим поручением мною изучено уголовное дело по обвинению КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО и других, а также рассмотрены и проверены заявления осужденных к лишению свободы по этому же делу ТУРКО - бывш.секретаря Ярославского обкома КПСС и ЗАКРЕВСКОЙ - бывш.заведующей отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов Ленинградского обкома КПСС.

Всем обвиняемым по этому делу вменялось в вину, что они проводили вредительско-подрывную работу в партии и, намереваясь, подобно зиновьевцам, превратить ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с ЦК ВКП/б/, насаждали в ней недовольство в отношении ЦК ВКП/б/, избивали и устраняли честных коммунистов из руководящего состава ленинградской организации и заменяли их политически и морально разложившимися людьми, расставляли антипартийных людей в других пунктах СССР и, опираясь на них, имея в руках ленинградскую организацию, ставили целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; вели подрывную работу в государственных органах, нарушали государственные планы, дезорганизовывали распределение материальных фондов и снижали темпы развития народного хозяйства.

В ходе следствия по этому делу вымогались клеветнические показания на А.А.Жданова, А.Н.Косыгина. Перед судом Комаров предупреждал обвиняемых, чтобы они не называли на суде эти имена. Комаров признал это.

Таким образом, следует считать установленным, что заявления ТУРКО, ЗАКРЖЕВСКОЙ, МИХЕЕВА о том, что они невиновны, что показания они дали в результате незаконных методов следствия подтвердились.

Доказательств в деле о контрреволюционном вредительстве, участии во вражеской группе, измене Родине, кроме признаний обвиняемых – нет.

Таким образом, основания считать, что дело о контрреволюционной изменнической группе в Ленинграде сфальсифицировано АБАКУМОВЫМ в своих авантюристических вражеских целях.

В архивном деле, хранящемся в МВД СССР за июль 1949г., есть копия донесения Абакумова в адрес И.В.Сталина от 21/УП-1949г. за № 5691/А, в котором Абакумов сообщает, что в Ленинградском УМВД имеется агентурный материал, указывающий, что Капустин, находясь в 1935 г. в Англии в служебной командировке, был в интимной связи с какой-то англичанкой и что он подозрителен на связи с английской разведкой.

В этом же сообщении АБАКУМОВ указывал, что быв. начальник УМВД Кубаткин дал указание уничтожить этот материал, но он все же сохранился.

На конце этого же донесения есть надпись, учиненная АБАКУМОВЫМ: "Предложил тов.И.В.Сталин арестовать Капустина и Кубаткина". Надпись эта датирована 25/УП-1949г., а 23 июля, т.е. за два дня до этой надписи, по приказанию Абакумова, Капустин был арестован и без санкции прокурора заключен в тюрьму. Санкция на его арест была получена у

контрреволюционном предательстве и участии во вражеской группе должно быть также прекращено с посмертной реабилитацией их.

Докладываю, что в связи с этим делом было осуждено Военной коллегией Верховного Суда СССР и Особым совещанием свыше 200 человек, часть как соучастников, а большинство - близких и дальних родственников. Сейчас по протесту Прокуратуры СССР Верховным судом СССР прекращены дела в отношении Хованова, быв.секретаря Крымского обкома Чернецова, быв.секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ Зиминой, быв.зам. председателя Ленинградского облисполкома , а также 105 человек родственников осужденных с освобождением их из-под стражи.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР

Р.РУДЕНКО

"12" февраля 1954 г.

№ 43/лсс

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Москва, Пушкинская, 15-а

РАСПИСКА

Куда Секретарю ЦК КПСС

Кому тов. Хрущеву Н.С. лично

Наш исх. № 43 лсс

Получен 12. II 1954 года

в 19.10. час. мин.

Подпись

605

Докладная записка генерального прокурора СССР Р. А. Руденко Н. С. Хрущеву о материалах по «Ленинградскому делу» на А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Н. А. Вознесенского и других осужденных. 12 февраля 1954. [ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 1, 8, 11]

* * *

…Все должности Косыгина второй половины 1950-х годов, какими бы «высокими» они ни казались, не вытесняли обычную жизнь: со своими правдами и ложью, горестями и радостью, успехами и поражениями, не вытесняли мысль…

* * *

…Не зря время со второй половины 1950-х годов называли в Советском Союзе периодом общественной «оттепели»… Главное — с «зоны» возвращались осужденные по 58-й статье «враги народа», «члены семьи врагов народа» и прочее, и прочее, и прочее. Начались пересмотры возбужденных уголовных дел, реабилитации осужденных.

В феврале 1954 года Н. С. Хрущев показал Косыгину докладную записку, подготовленную генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко по поводу «Ленинградского дела»:

— Ознакомьтесь, товарищ Косыгин. Вам будет небезынтересно.

Алексей Николаевич и не знал, что первый секретарь ЦК КПСС дал поручение поднять материалы этого «дела» и, если надо, вновь возобновить следствие…

В докладной записке красным карандашом были отчеркнуты несколько параграфов, видимо, специально для Алексея Николаевича:

«Всем обвиняемым по этому делу вменялось в вину, что они проводили вредительско-подрывную работу в партии и, намереваясь… превратить ленинградскую [партийную] организацию в свою опору для борьбы с ЦК ВКП(б), насаждали в ней недовольство в отношении ЦК ВКП(б), избивали и устраняли честных коммунистов из руководящего состава ленинградской организации и заменяли их политически и морально разложившимися людьми, расставляли антипартийных людей в других пунктах СССР и, опираясь на них, имея в руках ленинградскую организацию, ставили целью взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; вели подрывную

работу в государственных органах, нарушали государственные планы, дезорганизовывали распределение материальных фондов и снижали темпы развития народного хозяйства».

В докладной записке генерального прокурора отмечалось, что в ходе следствия по «Ленинградскому делу» «вымогались клеветнические показания» и на уже покойного к этому времени А. А. Жданова, и на здравствующую его креатуру А. Н. Косыгина. Перед началом судебного процесса над «ленинградскими» Комаров (*следователь по делу А. А. Кузнецова; в 1954 году сам был арестован, осужден и… расстрелян, как и все другие следователи по «Ленинградскому делу»*) «предупреждал обвиняемых, чтобы они не называли на суде эти имена». Будучи сам под арестом, «Комаров признал это».

Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко самолично признался, что каких-либо конкретных доказательств в деле о «контрреволюционном вредительстве, участии во вражеской группе, измене Родине», кроме полученных под пытками признаний обвиняемых, — нет, что «дело о контрреволюционной изменнической группе в Ленинграде» сфальсифицировано министром государственной безопасности СССР В. С. Абакумовым «в своих авантюристических вражеских целях».

В «Записке» Руденко особо подчеркивалось, что в связи с «Ленинградским делом» было осуждено Военной коллегией Верховного суда СССР и Особым совещанием более 200 человек, причем «часть как соучастников, а большинство — близких и дальних родственников». По протесту Прокуратуры СССР Верховным судом СССР прекращены дела в отношении ряда лиц, в частности против бывшего секретаря Крымского обкома Чернецова, бывшего секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ Зиминой и более чем 100 человек родственников, осужденных с освобождением их из-под ареста или мест отбывания наказания[317].

Познакомившись с этим документом и переговорив с Хрущевым и Руденко, Косыгин еще раз осознал, еще раз получил подтверждение того, что *несколько лет «ходил по краю пропасти», а все это «шитое белыми нитками дело» — результат столкновения «ленинградских» и «московских», в котором последние взяли верх*. Из тех, кто оставался на свободе, о ком в деле упоминалось, но кто не был арестован и о ком следствие «рекомендовало» арестованным не вспоминать на суде, — это Жданов и Косыгин. Косыгина поставили рядом со Ждановым… То есть для кого-то — понятно, для кого — эти две фигуры были равнозначны? Но Жданов умер еще до начала «дела», а Косыгина

просто не тронули, и понятно, по чьему распоряжению. *Появляется вопрос — Косыгина просто не тронули или готовили к какой-то новой должности? Вполне вероятно, что второе предположение верно, но чуть позднее от него отказались и даже несколько понизили в партийной иерархии, но жизнь сохранили. Косыгин, можно сказать, «вытащил счастливый билет»…*

Почему именно Косыгину Хрущев показал эту записку Руденко? Первый секретарь ЦК КПСС ждал от Алексея Николаевича личной преданности, а как еще ее «завоевать» иным способом, чем тот, когда завоевываешь человека, сообщая ему же и о нем же самую страшную правду, ту правду, которая выводила его на острый гребень между жизнью и смертью?

Бесспорно, Косыгин был благодарен Хрущеву за то, что он помог ему «отрешиться от страха» и разобраться в «Ленинградской истории», но «лично преданным» Алексей Николаевич становиться не хотел, хотя, как человек острожный, не выказывал свое нежелание. Несимпатичен был ему Никита Сергеевич. Но и сторониться Косыгин от первого лица государства не стремился, ценил сам себя, свои возможности, свой профессионализм и «крест на своей карьере» ставить не собирался. А потому спокойно и уравновешенно воспринимал «чехарду» с должностями, которую затеял с ним Хрущев.

…В конце апреля 1954 года Верховный суд СССР пересмотрел «Ленинградское дело» и реабилитировал всех, проходивших по нему лиц. 3 мая того же года Президиум ЦК КПСС принял постановление «О деле Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других»[318].

Товарищу КОСЫГИНУ А.Н.

С П Р А В К А

по заявлениям и жалобам трудящихся, поступившим на Ваше имя за апрель 1954 г.

За указанный период поступило всего 279 писем, в том числе:

1.	О предоставлении жилплощади и улучшении жилищных условий	– 80
2.	О недостатках в работе предприятий и учреждений и жалобы на действия руководителей учреждений и предприятий	– 16
3.	Жалобы на качество товаров народного потребления и недостаток некоторых видов товаров в торговле	– 2
4.	Об устройстве на работу, восстановлении на работе и переводе на другую работу	– 53
5.	О направлении на работу по освоению целинных и залежных земель	– 1
6.	Об освобождении от работы	– 6
7.	О пересмотре норм выработки и оплате труда	– 13
8.	О внедрении рационализаторских предложений и изобретений	– 4
9.	О назначении и восстановлении выплаты пенсий	– 23
10.	Об оказании материальной помощи	– 11
11.	Об оказании помощи в лечении	– 5
12.	О выделении мотоколясок для инвалидов	– 1
13.	О выдаче ссуды	– 4
14.	Об устройстве детей в детские учреждения	– 2
15.	Жалобы на решения судебных органов, просьбы о помиловании и снятии судимости	– 21
16.	Об оказании помощи в получении алиментов	– 2
17.	Об оказании помощи в поступлении на учёбу	– 2
18.	О предоставлении льгот по уплате сельхозналога и госпоставкам сельхозпродуктов	– 9
19.	О материально-техническом снабжении предприятий	– 4
20.	Об оказании помощи в получении документов	– 7
21.	Об оказании помощи в получении приусадебного участка	– 4
22.	Р а з н ы е	– 9
	Итого:	279

Справка по заявлениям и жалобам трудящихся, поступившим на имя А. Н. Косыгина за апрель 1954 года. 1954. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 102. Л. 130]

Узнав об освобождении и возвращении в Москву вдовы

расстрелянного А. А. Кузнецова, жена Косыгина навестила ее. Опережая вопрос «Почему не поддержали Алексея Александровича, почему не помогли?», Клавдия Андреевна ответила честно: «Боялась за своего Алешу…»

Побывали Косыгины и в семье Анастаса Ивановича Микояна, чей сын Серго был женат на дочери А. А. Кузнецова Алле. Косыгины нашли в себе силы признать, что были не правы, что боялись за собственную дочь, что боялись за собственную судьбу, когда после ареста А. А. Кузнецова постарались свести до минимума общение с его дочерью и ее мужем. Микояну-старшему после суда над проходящими по «Ленинградскому делу» обвиняемыми пришлось непросто, но зла на Косыгиных он не держал[319]. Но его сын Серго Анастасович Микоян, судя по его воспоминаниям, Косыгиных так и не простил…

В 1957-м Алексей Николаевич Косыгин последний раз столкнется с «московскими»…

XX съезд

14 февраля 1956 года в Москве начал работу знаменитый своими решениями XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Косыгин был выдвинут на съезд от Узбекской партийной организации. Конечно, это была чистая формальность.

Над своим докладом Косыгин работал самостоятельно, пришлось на несколько ночей забыть о сне и отдыхе.

О чем хотел сказать и что сказал Алексей Николаевич?

В первую очередь о сфере тогдашней своей деятельности — о производстве «товаров массового потребления» — самом «слабом» месте советской экономики во все времена ее существования.

Но, как оказалось, не эти моменты были главными в его докладе. «Изюминка» была скрыта в другом. Ближе к середине доклада Косыгин подверг жесткой критике научно-исследовательские учреждения, отвечающие за разработку и продвижение технологических новаций: «В своем большинстве научно-исследовательские институты… и отраслевые институты… являются маломощными, часто работают параллельно над одними и теми же темами. Экспериментальная база в институтах, как правило, слаба»[320]. То есть слаба научная база развития советского национального хозяйства. Смелое, хотя и несколько завуалированное заявление!

214

Выдан мандат с правом ..... голоса

№ .....

АНКЕТА

делегата на XX съезд КПСС

1. Фамилия Косыгин Алексей Николаевич

Имя, отчество Алексей Николаевич

Партбилет № 00175200 2. Какой партийной организацией делегирован Узбекский

3. Выполняемая в настоящее время работа Премьер Совмина СССР

4. Был ли делегатом предыдущих съездов партии, каких, с правом решающего или совещательного голоса

был делегатом XVIII и XIX съездов с правом решающего голоса.

Подпись делегата Косыгин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МАНДАТНОЙ КОМИССИИ

Выдать мандат с правом ..... голоса.

Член мандатной комиссии .....

„.....“ *февраля 1956 г.*

Анкета делегата XX съезда КПСС А. Н. Косыгина. Февраль 1956. [РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 88. Л. 214]

Лет 15 спустя он снова обратит свое внимание на

деятельность научно-исследовательских учреждений, и его отношение к последним мало чем изменится. В 1970-х годах он указывал на то, что работа по отбору кадров для научных учреждений поставлена очень плохо. На научную работу необходимо выдвигать специалистов, работающих в промышленности, так как система комплектования научно-исследовательских учреждений молодыми специалистами из числа оканчивающих учебные заведения не всегда приносит положительные результаты. Данный подход не позволяет «выявить и выдвинуть» молодых людей, действительно способных к научной деятельности. В науку очень часто приходят люди, не имеющие необходимых для исследовательской деятельности способностей. В результате они длительное время без всякой пользы для дела занимают место в научных институтах и лабораториях, они приходят не для того, чтобы «пытливо заниматься исследовательской работой и дать пользу народному хозяйству, а для того, чтобы полегче подготовить и защитить диссертацию, получить ученую степень»[321]. А потому очень много диссертаций, и не только кандидатских, но и докторских, не приносящих никакой пользы экономике, которые «просто лежат на полках в архиве».

По мнению Косыгина, необходимо, чтобы диссертации рассматривались прежде всего с точки зрения их пользы для практических мероприятий, необходимо покончить «с таким положением, чтобы защита диссертации была самоцелью. Диссертация должна являться работой, в той или иной степени способствующей движению вперед науки или техники». Диссертация должна явиться «завершающим этапом определенного периода практической работы соискателя в конкретной области науки».

Важно уже при утверждении тематики диссертаций ставить перед соискателями научных степеней задачу использования результатов научного исследования в практической деятельности[322].

Как будто для нас, сегодняшних, сказано…

Но вернемся к выступлению Алексея Николаевича на XX съезде.

Ближе к концу доклада Косыгин высказался относительно мероприятий по «совершенствованию социалистического планирования»:

— Всем известны мероприятия Центрального комитета нашей партии и Советского правительства, направленные на улучшение плановой работы. Это — образование Госплана по перспективному планированию и Госэкономкомиссии — по

текущему планированию, решение об изменении практики планирования сельского хозяйства и целый ряд других важных вопросов в области планирования.

Косыгин считал, что планы не в полном объеме отражают требования «закона планомерного (пропорционального) развития социалистического хозяйства», в результате в национальном хозяйстве появляются «временные, частичные диспропорции, которые в известной мере тормозят развитие ряда его отраслей». В связи с этим Алексей Николаевич сделал «некоторые замечания» по планированию капиталовложений:

— Ныне действующий порядок планирования капитальных работ имеет серьезные недостатки, заключающиеся в том, что капиталовложения планируются по объектам только на один год, хотя строительство промышленных и других объектов, как правило, рассчитывается на несколько лет. *Финансирование капитальных работ целесообразно организовать таким образом, чтобы отпуск средств производился по мере их освоения, независимо от годовых назначений по данному объекту, в пределах общего объема финансирования капитальных работ*.

Здесь в первый раз раздались аплодисменты: так отреагировали те, кому непосредственно приходилось сталкиваться с проблемами, поднятыми Косыгиным.

— Другой вопрос, — продолжал Алексей Николаевич, — относительно увязки текущих и перспективных планов. Имевшие место частичные диспропорции в хозяйстве объясняются в значительной мере тем, что у нас не придавалось должного значения перспективному планированию. В истекшей пятилетке отсутствие в ряде случаев согласованности между текущими и перспективными планами обусловливалось тем, что наши планирующие органы не разработали на основе директив XIX съезда партии детального пятилетнего плана развития народного хозяйства. Между тем известно, что еще первый пятилетний план был разработан и имел показатели в годовом разрезе… Наши экономисты и плановики почти ничего не сделали в части улучшения дела перспективного планирования. С их стороны не было проявлено должной заботы о комплексной разработке всех показателей народнохозяйственного плана, о взаимной увязке этих показателей в пятилетнем и годовых планах.

В самом конце выступления Косыгин суммировал:

— Жизнь требует поднять народнохозяйственное планирование на более высокий уровень. Нужно уделить большее внимание разработке качественных показателей народнохозяйственных планов. При составлении перспективных народнохозяйственных планов необходимо также разрабатывать

проектировки по государственному бюджету и по балансам денежных доходов и расходов.

Необходимость постоянного совершенствования методов планирования диктуется объективно действующим законом планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства нашей страны. («Аплодисменты».)[323]

По сути, своим монологом Алексей Николаевич *в пух и прах разнес работу всего Госплана*… Это подразумевало одно — последние годы страна развивалась без всякой опоры на план, последнего просто в реальности не было…

Выступление Алексея Николаевича отметили и оценили: «По пятому пятилетнему плану не был утвержден подробно разработанный план по годам и отраслям промышленности, что отрицательно сказалось на ведении народного хозяйства, о чем справедливо говорил с этой трибуны товарищ Косыгин»[324].

Инициатива, как говорится, «наказуема»: в ходе съезда Алексей Николаевич был избран не только членом Центрального комитета КПСС, но и *в состав комиссии по рассмотрению поправок и дополнений к проекту* «директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы»[325]. В сущности, правильно: столько, сколько знал он о советской экономике, не знали ни Н. А. Булганин, занявший пост председателя Совета министров Советского Союза, ни сам Н. С. Хрущев, который был первым секретарем ЦК КПСС. *Косыгин был, и оставался, хозяйственником-практиком, а не экономистом-теоретиком, без конца, к месту или не к месту, цитирующим «Капитал» Маркса, но мало имеющим представления о конкретных, а не «в общем и целом» проблемах национального хозяйства, его отдельных отраслей и даже отдельных предприятий. Но и у самого Косыгина не было ни одной теоретической или обобщающей работы, в которой суммировался бы опыт его деятельности в той или иной хозяйственной отрасли или во всем национальном хозяйственном комплексе.*

Был Алексей Николаевич и на том самом знаменитом «закрытом» совещании 25 февраля, на котором Н. С. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях»…

…Фотограф съезда запечатлел для истории один из дней съезда: Хрущев на трибуне, выступая, *как всегда*, эмоционален и экстравагантен. А в самом верхнем ряду президиума, в правом углу одинокая фигура Алексея Николаевича, *как всегда* — немного грустного и углубленного в свои мысли. О чем думал? О четырнадцати годах, проведенных «рядом со Сталиным»? О Жданове? О «Ленинградском деле»? О том, что ждало его и семью, окажись он сам в жерновах репрессий? О многом из того,

что произнес на съезде Хрущев, Косыгин знал. Но никогда после февраля 1956-го Алексей Николаевич не давал никаких публичных оценок ни самому съезду, ни выступлению Хрущева, ни его докладу; никогда не делился своим отношением к тем фактам, которые прозвучали в докладе о «культе личности». Никогда…

* * *

18 сентября 1956 года умер отец Алексея Николаевича… Ему казалось — все перевернулось… Весной Николаю Ильичу исполнилось 87 лет, но ничто не предвещало ухода из жизни… Последний раз они встречались летом 1955-го, в память о той встрече осталась их совместная фотография, сделанная в Архангельском (под Москвой): отец и сын, полулежа в высокой траве, улыбающиеся и счастливые самой жизнью.

Косыгина-старшего похоронили на Смоленском православном кладбище Ленинграда, там же вечным сном спали его жена, отец, сестры… Стоя у свежего могильного холма, Алексей Николаевич вспоминал прошедшие годы. Отец после смерти матери старался сделать все, чтобы «вывести сыновей в люди»: деньги за учебу в училище, которые отец мог бы потратить на себя, но счел правильным «вложиться» в сыновей; голодные первые послереволюционные годы; служба в Красной армии и письма к отцу, в которых Алексей «забрасывал» Николая Ильича вопросами о том, что ему делать после мобилизации, чему посвятить свою жизнь. Вспоминал Косыгин-младший, насколько бесценна была помощь отца в 1920-е и 1930-е годы, когда заработок Косыгина-старшего помог ему — ученику техникума, а затем и студенту института, — когда с финансами было очень туго. Не забыл Алексей Николаевич и письма отца, приходившие в Новосибирск в 1920-е, когда Алексей Николаевич трудился на «ниве» кооперации, и из Новосибирска в 1940-е годы, когда Николай Ильич — вместе с дочерью Маней, с невесткой и внучкой — находился там в эвакуации, в гостеприимном доме тещи Алексея Николаевича. В каждом отцовском письме звучали тревога за сына, переживание за страну, ожидание победы в войне. Все письма от Алексея и Павла отец аккуратно укладывал в коробку и сберегал. После похорон письма эти отдала Алексею Николаевичу сестра Маня. Всю ночь Косыгин читал и перечитывал их, вспоминая, когда и где он писал их и что осталось за строками посланий к отцу.

…Как только появилась возможность — в 1945-м, — отец

Алексея Николаевича вернулся из эвакуации обратно в Ленинград, на свою старую квартиру, и там прожил последние одиннадцать лет своей жизни. У сына в Москве бывал не очень часто, к старости не был быстр на подъем, но сам Алексей Николаевич, бывая по делам в родном городе, всегда находил время, чтобы навестить отца… После смерти Николая Ильича в душе сына (впрочем, как и у всех любящих своих родителей детей) образовалась пустота, которую уже ничем нельзя было заполнить…

После похорон сестра Алексея Николаевича Маня перебралась в Москву и остаток жизни прожила в семье брата…

…В конце 1950-х годов ушел из жизни и старший брат Алексея Николаевича Павел… Конечно, таких высот, как его младший брат, он не достиг, но жизнь прожил честно…

Навалившееся горе Косыгин попытался «заглушить» работой, а последней было хоть отбавляй.

И не только работы. В июне 1957 года разразился очередной политический кризис в верхах власти — попытка смещения Никиты Сергеевича Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС. Противостояли ему все те же «московские» — Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович и, как говорилось в те годы, «человек с самой длинной в СССР фамилией»: «…и примкнувший к ним Шепилов». «Примкнул», правда, не только Д. Т. Шепилов, но еще и М. Г. Первухин, и М. З. Сабуров. Последних двух Косыгин хорошо знал по работе в Совете по эвакуации и был очень удивлен их позиции. Хрущева «московские» невзлюбили давно, еще в конце 1940-х — начале 1950-х годов, когда он, «проштрафившись» в глазах Сталина за просчеты на фронте в 1941–1942 годах, смог в первые послевоенные годы вновь завоевать авторитет у генерального секретаря. Не приняли «московские» — впрочем, не только они — и хрущевское выступление на XX съезде. Хрущева, правда только за его спиной, осуждали, считая, что он сам не меньше виноват в репрессиях и выступил с осуждением Сталина только для того, чтобы повысить собственный авторитет. *Косыгин старался воздерживаться и от споров, и от оценок как Сталина, так и Хрущева. И на протяжении всех лет «хрущевского правления» не проявлял — открыто — ни недовольства, ни критики действий первого секретаря Центрального комитета партии. Оставаясь верным своим принципам, не высказывался, до поры до времени, ни по вопросам разделения, ни по вопросам совмещения партийных и государственных постов. Хотя, думается, понимал, что первое может привести к появлению «оппозиции и внутрипартийному противостоянию и борьбе за власть», а второе — к появлению*

нового «культа».

Что и случилось в итоге.

18 июня 1957 года на заседании Президиума ЦК КПСС за смещение Н. С. Хрущева с поста первого лица партии высказались В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин. Поддержали Хрущева — с некоторыми оговорками — А. И. Микоян, М. А. Суслов, А. И. Кириченко. Без оговорок Хрущева поддержал… сам Хрущев. Спасли ситуацию кандидаты в члены Президиума ЦК Л. И. Брежнев, Г. К. Жуков, Н. А. Мухитдинов, Е. А. Фурцева, Н. М. Шверник. Несмотря на то что у них было право лишь «совещательного голоса», они настояли на рассмотрении этого вопроса на пленуме ЦК КПСС; в противном случае благодаря антихрущевскому большинству здесь же, на президиуме, могло быть принято решение сместить Никиту Сергеевича и пересмотреть состав Секретариата ЦК.

Судьба Никиты Сергеевича висела на волоске, поскольку собрать летом, во время отпусков, пленум ЦК КПСС казалось просто нереальным. Вмешались руководители КГБ и Министерства обороны — И. А. Серов и Г. К. Жуков. На военно-транспортных самолетах в Москву срочно доставляли из отпусков членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС, совминовское руководство. Прибыл в столицу таким же образом и сам Косыгин, и Фрол Романович Козлов, один из самых влиятельных людей в ЦК, поддерживающий Хрущева. На пленуме развернулась не просто дискуссия, а настоящее противостояние между двумя группировками; звучали взаимные обвинения — и в участии в репрессиях, и в попытках фракционным путем сместить высшее руководство партии и страны и сорвать реорганизацию управления национальным хозяйством страны, и в выступлениях против освоения целины, против нормализации отношений с такими странами, как Югославия и Япония, и прочее, прочее, прочее. Вспомнили все «грехи московской группы»…[326] «Московские» чувствовали, что остаются в меньшинстве, да и XX съезд нанес сокрушительный удар по их авторитету, по их позиции в партии, поскольку практически все они — «старая сталинская гвардия», не желающая, как Хрущев, «мимикрировать» в соответствии с изменяющейся общественной обстановкой.

А. Н. Косыгин поддержал Никиту Сергеевича, справедливо считая, что выступления этой группы — шаг назад в эволюции и партии, и страны в целом, в этом он с Хрущевым был един во мнениях, помня о «Ленинградском деле». Но это была не месть, подобного термина не было в лексиконе Косыгина. *Однако и особой активности он не проявлял, понимая, что и без тривиальной борьбы за власть здесь дело не обошлось.*

Поддержал Алексей Николаевич и те меры наказания, которые были предложены для «провинившихся». Косыгин никогда не соглашался с самой постановкой определения — «антипартийная группа», которое шло с 1930-х годов, со времен репрессий… Не был он кровожадным, не стремился мстить «московским», попортившим ему много крови… Но забыть и простить гибель своих коллег тоже не мог…

Тогда же, в июле 1957-го, Алексей Николаевич, неожиданно для всех, оформил себе командировку — на одни сутки — в Ленинград. В графе «цель поездки» командировочного удостоверения было вписано: «служебная», но это был лишь повод. В тот жаркий июльский день он большую часть времени провел, «блуждая» по городу — на машине или пешком: был на Петроградской стороне у дома, где они жили семьей, на Смоленском кладбище, у здания, где в 1920-е годы размещался кооперативный техникум, у «тряпочки» (так ласково прозвали студенты Текстильный институт), конечно же в Смольном, где проработал не один день… О чем думал, что вспоминал? Не осталось никаких свидетельств и воспоминаний, известно лишь, что в этот день не было ни одной встречи, *был только город*…

140

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от „ 5 “ июля 1957 г. № 775

Москва, Кремль

О составе Президиума Совета Министров СССР

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Утвердить следующий состав Президиума Совета Министров СССР: Председатель - т.Булганин Н.А., члены Президиума: тт.Микоян А.И. - Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Косыгин А.Н. - Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Кузьмин И.И. - Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Хрущев Н.С., Кучеренко В.А., Мацкевич В.В. и Хруничев М.В.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

УД

Постановление Совета министров СССР № 775 «О составе Президиума Совета министров СССР». 5 июля 1957. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 665. Л. 140]

* * *

Одобрил — уже в марте 1958 года — Косыгин, без всяких оговорок, и предложение о совмещении постов председателя Совета министров и первого секретаря ЦК КПСС, а также — предложение выдвинуть на этот «объединенный» пост, естественно, Никиту Сергеевича Хрущева[327].

Не находил нужным входить по данному вопросу «в клинч» с Хрущевым: зачем? Наоборот, он ждал ответного шага со стороны Никиты Сергеевича, рассчитывая, что поддержка ему с его стороны будет замечена и оценена.

Н. А. Булганин, занимавший кресло председателя Совета министров СССР и поддержавший годом ранее В. М. Молотова и Г. М. Маленкова, попал в опалу: сначала был направлен на должность председателя правления Государственного банка, затем, лишившись маршальских погон (!), отправлен в далекий от Москвы Ставропольский край, где руководил краевым совнархозом. Почетная ссылка; впрочем, подобному наказанию подверглись почти все члены «антипартийной группы», некоторые еще и были изгнаны из КПСС. Но кое-кто из них дожил до времени, когда их восстановили в партии, когда им вернули чины и регалии, когда им назначили персональные пенсии, и они спокойно, ни о чем не волнуясь и ничего не опасаясь, давали многочисленные интервью и писали мемуары… О Косыгине мало кто из них вспоминал. Лишь Молотов в беседе с публицистом Ф. Чуевым — уже в самом начале 1970-х годов — обмолвился: «Косыгин — честный человек, глубоко партийный. Лучше других»[328].

Косыгин, как мы помним, был утвержден тогда же, в 1958-м, *заместителем председателя Президиума Совета министров Советского Союза*.

Н. С. Хрущев и А. Н. Косыгин на территории Кремля. 1958. [РГАСПИ. Ф. 397. Оп. 3. Д. 941]

* * *

Последний раз Косыгин поддержал Хрущева в 1960-м, когда тот смещал еще один «антипартийный элемент» — К. Е. Ворошилова — с поста председателя Верховного Совета СССР. Хрущев давно мечтал убрать Ворошилова с этого поста, но не решался, понимая, каким авторитетом до сих пор обладает «герой гражданской войны» Климент Ефремович среди советских обывателей. Но подвернулся случай — встреча Ворошилова с сыном Сталина Василием, произошедшая 9 апреля 1960 года. Разговор их был записан (за Василием следили, учитывая его разгульную жизнь и несдержанный во время пьянок язык). Вряд ли на диалог обратили бы внимание, так как Ворошилов пытался только лишь образумить сталинского отпрыска, но во время беседы он уж очень хорошо отзывался о Сталине, не забывая, правда, критиковать недавно «осужденных партией» Молотова и Кагановича. Но сам факт встречи возмутил Хрущева, и этот случай рассматривали как отдельный вопрос на заседании Президиума ЦК КПСС уже 15 апреля того же года.

Ворошилову досталось по «полной программе».

Выступил и Косыгин, речь его, правда, была несколько сбивчивой:

— Василий Сталин — государственный преступник. Необходимо его изолировать. Неправильно, что его принял товарищ Ворошилов, неправильно ведет, обзывая товарищей. Вот: Вы — старый человек — зачем это говорить? Осудить поведение товарища Ворошилова[329].

Василия Сталина Косыгин совсем не знал, хотя и был прекрасно наслышан обо всех его «шалостях».

Ворошилов каялся, но пост председателя Верховного Совета пришлось оставить.

Совсем иное отношение у Алексея Николаевича было к дочери Сталина Светлане. Он помогал ей даже тогда, когда сам — даже будучи председателем Совета министров — мог пострадать. Доказательством тому может служить история бегства Светланы Сталиной из Советского Союза.

Началось все со знакомства Светланы с гражданином Индии Браджешем Сингхом. Через непродолжительное время стало известно, что они подали документы в загс.

О ситуации было доложено (сотрудниками КГБ) лично Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину, то есть первым лицам государства — генеральному секретарю ЦК и председателю Совета министров. В «соответствующих структурах» помнили, что Косыгин всегда питал самые добрые и отеческие чувства к Светлане (в отличие от Василия) «и в сложных житейских проблемах был ее постоянным и добрым опекуном».

Алексей Николаевич встретился со Светланой 5 мая 1965 года в бывшем кабинете ее отца, который тогда занимал как премьер-министр, и попытался объяснить ей — очень убедительно, — что лично он против заключения брака хотя бы потому, что Браджеш Сингх женат и не собирается порывать с семьей, которая проживает в Индии. Да и сам Сингх очень больной человек.

Светлана Аллилуева (Сталина). 1940-е. [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1669. Л. 26]

Косыгин предложил Светлане жить с Браджешем Сингхом в гражданском браке и обещал, что высшее партийное руководство Советского Союза будет смотреть на эту ситуацию сквозь пальцы.

Светлана прислушалась к советам Косыгина. Сингх переехал к ней, и она «фактически не только стала гражданской женой, но и содержала своего сожителя, поскольку всю свою зарплату он отправлял семье в Индию, иногда и сам выезжая на родину»[330].

Но совместная жизнь продолжалась совсем не долго…

31 октября 1966 года Сингх умер. Его тело кремировали в Москве, а Светлана отправила письмо лично Л. И. Брежневу с просьбой о временном выезде в Индию, куда должна была, нет, обязана была доставить прах усопшего.

Она вновь встречается с А. Косыгиным, которого Брежнев просил разобраться с ситуацией, и просит разрешить ей выехать на родину покойного мужа, чтобы «развеять его прах над священными водами Ганга».

Политбюро ЦК КПСС от 4 ноября 1966 года — очень оперативно — вынесло решение: «Согласиться с просьбой о выезде в Индию на 7 дней Аллилуевой Светланы. Поручить товарищу Семичастному В. Е. [председатель Комитета государственной безопасности СССР. — *В. Т.*] выделить двух работников [КГБ] для поездки с ней в Индию»[331].

По сути, вопрос этот решало не Политбюро, а один Косыгин. Он стал единственным, кто взял на себя ответственность за все возможные последствия. Понимал ли он, что рискует? Уверен, что да, понимал, но, относясь к Светлане как к дочери, все равно готов был ей помочь.

В КГБ стало известно, что к тому времени Светлана закончила работу над своей рукописью «Двадцать писем к другу», копию которой чекисты смогли заполучить. По их мнению, «ничего особо криминального в них не было — немного грязи по поводу репрессивной политики отца, благодарность Хрущеву и Косыгину за то, что после смерти Сталина ей сохранили многие льготы и привилегии, воспоминания о встрече с Василием после его выхода из Владимирской тюрьмы и другие эпизоды семейной жизни»[332].

В Индию она рукопись не взяла, но смогла переправить ее с помощью дочери посла Индии в СССР, с которой была прекрасно знакома. Правда, много лет спустя после этой истории роль «курьера» в передаче рукописи стремились присвоить себе многие, в том числе и очень сомнительные личности.

В Советский Союз Светлана не вернулась. Ей удалось незаметно для сопровождающих пробраться на территорию американского посольства в Дели, благо, что оно было рядом с отелем, где она остановилась. Оттуда ее тайно переправили в столичный аэропорт, а затем в Швейцарию, где она и попросила политического убежища.

Побег Светлана готовила тщательно и долго, видимо, продумывая возможные варианты еще при жизни Браджеша Сингха. И ни с кем, даже с самыми близкими людьми, не делилась планами, ее сын Иосиф оставался в полном неведении, он готовился к свадьбе и никак не ожидал, что его мать проманкирует это событие. И самые близкие подруги не могли ничего сказать, когда их вызывали в КГБ (после бегства Светланы), стремясь выяснить, что же и кому же все же было известно. Она смогла «обвести вокруг пальца» не только своих близких, но и сотрудников советского посольства, и сопровождающих ее в Индии чекистов.

Над сотрудниками КГБ, осуществлявшими контроль над Светланой в Индии, нависла серьезная угроза, однако в дело вновь вмешался Косыгин, который отвел возможность наказания от чекистов[333]. Но председатель КГБ СССР все-таки лишился должности. Как вспоминал Шелест, «формальным поводом послужил побег на Запад дочери Сталина Светланы Аллилуевой. Семичастный, оправдываясь, доказывал, что категорически возражал против ее поездки в Индию, решение принял Косыгин. Его, однако, не стали слушать»[334]. То был первый камень «нелюбви» к Алексею Николаевичу со стороны руководства Комитета государственной безопасности, все явственнее проявлявшейся годами позже…

Повседневная обыденность

Но не эти «реплики» и «истории» составляли бытие Алексея Николаевича, они — скорее, исключение из правил для Косыгина, его повседневная жизнь была наполнена иным — экономикой, экономикой и еще раз экономикой.

Стоит обратиться к его выступлениям на заседаниях Президиума ЦК КПСС, где решались хозяйственные вопросы, многие из которых были важнейшими для национального хозяйства страны, и становится ясным, что для Косыгина оставалось первоочередным и главенствующим.

В 1956 году он поддержал проект о всеобщих государственных пенсиях; были и противники последнего. Но в социальной политике это был настоящий «прорыв»: человек, всю свою жизнь, все свои силы отдавший государству, вправе был рассчитывать на поддержку с его стороны в годы, когда силы и возраст не позволяли бы ему трудиться.

В ноябре 1957 года, вновь повторяя свое мнение о «*низком уровне планирования*», Косыгин подчеркивал:

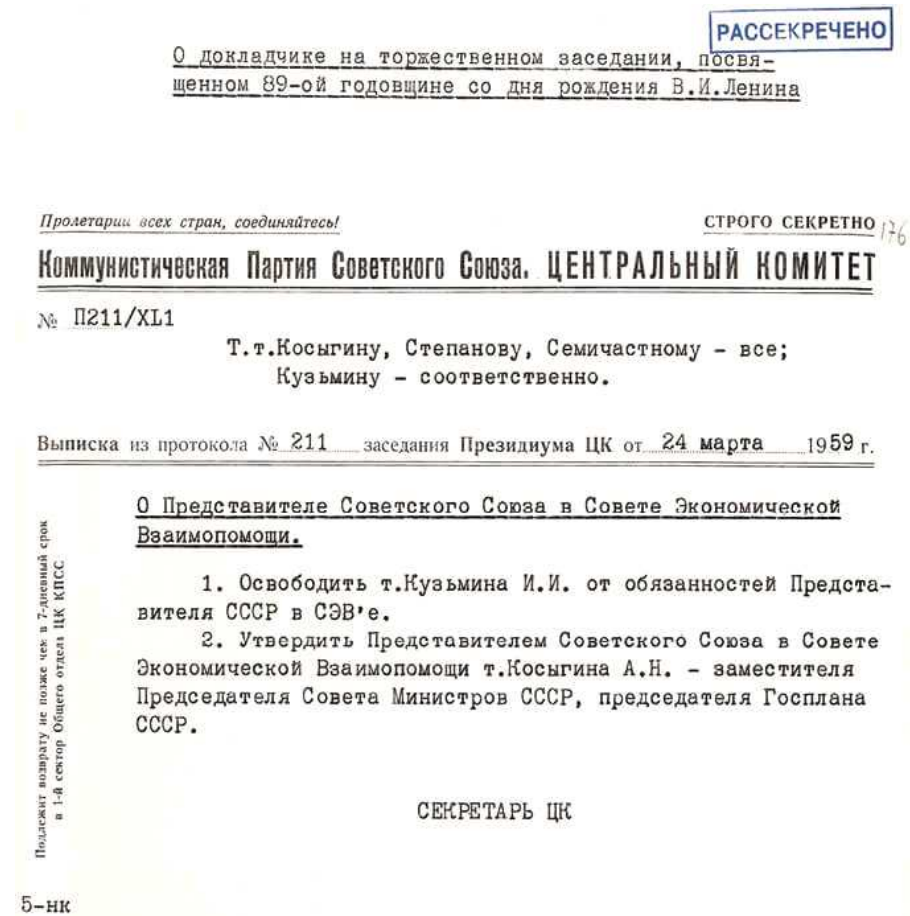
— Госэкономкомиссия не в состоянии осуществлять возложенные на нее функции. Предлагаю объединить в единый комплекс все «снабы и сбыты», начать «перестройку по отраслевым направлениям», а по строительству планировать до окончания стройки[335].

Здесь — и критика системы планирования. Здесь — и определение «перестройка», как своеобразная заявка на будущую реформу. Здесь — и новые подходы к вопросам управления отдельными отраслями. То есть Косыгин уже не только осмысливал, но и «прилаживался» к тем узловым проблемам, к тем «гордиевым узлам», которые следовало разрубить в первую очередь. Но не упускал из виду более обыденные аспекты. Так, в 1958 году Алексей Николаевич предложил и настаивал на бесплатном приеме детей в детские сады! Удивительно, и этот вопрос рассматривали на Президиуме Центрального комитета партии! Дальше уже некуда!

Еще на XX съезде КПСС было заявлено о новом «тренде» государственной политики — «развороте на восток» — индустриализации огромных просторов Сибири. Принятые съездом директивы 6-го пятилетнего плана (1956–1960 годы) ставили целью создание в Сибири к началу 1970-х годов крупнейшей базы по добыче угля, газа, нефти…

В конце апреля 1959 года Алексей Николаевич направил на имя Н. С. Хрущева докладную записку «Об использовании

природного газа месторождения Якутской АССР». Записка эта была составлена со знанием дела — Косыгин не видел ничего зазорного в привлечении знающих специалистов и экспертов — и во многом могла предопределить развитие региона на десятки лет.

РАССЕКРЕЧЕНО

О докладчике на торжественном заседании, посвященном 89-ой годовщине со дня рождения В.И.Ленина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО 176

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П211/XL1

Т.т.Косыгину, Степанову, Семичастному - все;
Кузьмину - соответственно.

Выписка из протокола № 211 заседания Президиума ЦК от 24 марта 1959 г.

О Представителе Советского Союза в Совете Экономической Взаимопомощи.

1. Освободить т.Кузьмина И.И. от обязанностей Представителя СССР в СЭВ'е.
2. Утвердить Представителем Советского Союза в Совете Экономической Взаимопомощи т.Косыгина А.Н. - заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже чем в 7-дневный срок в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

5-нк

Выписка из протокола № 211 заседания Президиума ЦК КПСС «О представителе Советского Союза в Совете экономической взаимопомощи». 24 марта 1959. [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 497. Л. 176]

Потребовалась и личная встреча Косыгина с Хрущевым, во время которой Алексей Николаевич еще раз обосновал свою позицию «поворота на восток» и первого шага в этом направлении — разработки природных богатств Восточной Сибири.

Косыгин начал «издалека»:

— А знаете что, Никита Сергеевич [Косыгин с Хрущевым был на «вы», Хрущев же мог и «тыкнуть». — *В. Т.*], в Якутии уже не первый год осуществляются геологоразведочные работы по обнаружению запасов нефти и газа с целью создания собственной

региональной топливной базы для промышленности, сельского хозяйства как всего Союза, так и Восточной Сибири и Дальнего Востока. В частности, одна из задач всех этих работ заключалась в выявлении нефтяных месторождений для обеспечения сырьем Хабаровского и Комсомольского нефтеперерабатывающих заводов. Это дало бы нам возможность сначала сократить, а затем и совсем прекратить затратные перевозки на данные предприятия сырой нефти из Татарии и Башкирии.

Хрущев поморщился:

— Алексей, что ты все вокруг да около ходишь, ты мне изложи конкретно — что делается и что надо еще сделать.

Косыгин «переключился» мгновенно:

— В марте 1959 года на якутском месторождении «Таас-Тумусском», в «зоне Предверхоянского прогиба»[336] забил газовый фонтан — с глубины 2030 метров — с примерным дебитом около 2 миллионов кубометров в сутки. Предположение о промышленном значении месторождения — его размеры примерно, ориентировочно составляют по длине 17 километров и ширине — шесть — получило подтверждение. У нас в разработке еще две скважины, а еще четыре — в строительстве. Освоение этих скважин предопределило возможность добычи нефти и газа еще пять объектов в интервале 1500–2000 метров друг от друга.

Хрущев расцвел улыбкой во все лицо.

Алексей Николаевич же невозмутимо продолжал:

— Анализ экспертами показателей Таас-Тумусского месторождения позволяет нам предположить, что и другие, ранее выявленные шесть месторождений Предверхоянского прогиба можно считать достаточно перспективными. Конечно, насколько наши расчеты точны, покажет разработка месторождений. А всего возможные запасы газа Таас-Тумусского месторождения оцениваются в 29 миллиардов кубометров. В целях использования газа Таас-Тумусского месторождения было предусмотрено — согласно решению Совета министров — строительство газопровода Таас-Тумус — Якутск, протяженностью примерно в 430 километров с вводом его в действие в 1963 году.

Хрущев вставил короткую реплику:

— Грандиозная задача!..

Алексей Николаевич, казалось, его не услышал:

— …По этому газопроводу, в соответствии с хозяйственной потребностью города Якутска и прилегающих к нему районов, газ будет подаваться в первые годы эксплуатации в количестве примерно 750–800 миллионов кубометров в год с перспективой увеличения этой подачи до 1,5 миллиардов кубометров в год. Подача газа в Якутск бесспорно улучшит топливоснабжение этого

города, который и до сих пор потребляет исключительно дрова и каменный уголь. Стоимость этих видов твердого топлива составляла в среднем 220 рублей за тонну, в то время как стоимость тонны газа, доставленного по газопроводу в Якутск, не должна была превышать 50 рублей.

Хрущев покосился на Косыгина:

— Это что, экономия в 4 раза?!

— Да, Никита Сергеевич, но экономия будет также складываться и в результате использования автотранспортными парками Якутии бензина и дизельного топлива, выработанных исключительно из местного сырья! Издержки по производству топлива из местного сырья, доставке бензина и дизельного топлива в Якутск будут составлять примерно 250 рублей за тонну, а издержки по «дальнепривозному» бензину достигают уже 800 рублей и дизельному топливу 700 рублей за тонну.

Хрущеву оставался только возглас:

— В три раза экономичнее!

— Никита Сергеевич, есть одно «но»: использование газа в текущем семилетии для других — кроме Якутска — потребителей в Якутии пока не оправдано из-за их большой удаленности от газового месторождения и пока, надо сказать, относительно незначительной потребности их в газе. Неудобство, конечно… над этим надо подумать, стоит проработать и разные варианты использования местных ресурсов газа. Мы предлагаем при расчете возможностей привлечь для тепловых электростанций для электроснабжения якутских алмазных предприятий в городе Мирный и поселке Удачный местный газ.

Хрущев заинтересованно взглянул на Косыгина:

— И какие варианты?

Косыгин не спешил с безальтернативным ответом:

— Рассматриваются три варианта размещения и строительства этих электростанций: первый — одной электростанции непосредственно у самого газового месторождения с подачей электроэнергии по дальним линиям электропередачи; второй — одной электростанции в Мирном с прокладкой к последней газопровода протяженностью примерно 700 километров и линии электропередачи от Мирного в Удачный; третий — двух тепловых электростанций — в Мирном и Удачном — с прокладкой к ним газопроводов общей протяженностью около 1200 километров.

Хрущев слушал внимательно и, казалось, вникал в каждую особенность:

— Я так понимаю, что у каждого варианта свои «за» и «против»?

— Безусловно, Никита Сергеевич. При первом варианте строительства электростанций на газе с учетом сооружения дальних газопроводов и линий электропередачи объем капиталовложений составит на 100–200 миллионов рублей меньше, чем при возведении, как предлагалось, Вилюйской гидростанции, но, и я не скрываю, эксплуатационные расходы этой линии будут превышать расходы по обслуживанию гидростанции ежегодно на 40–80 миллионов рублей. Строительство тепловой электростанции в Мирном или двух электростанций — одной в Мирном, а другой в Удачном — и их эксплуатация повлекут за собой необходимость прокладки газопроводов в непростых условиях Восточной Сибири на расстояние в 700 километров (расход труб — 87,5 тысяч тонн), а во втором случае — 1200 километров (расход труб — 118,5 тысяч тонн) с подачей по этим газопроводам — максимально — до 800 миллионов кубометров газа в год.

Хрущев задумался:

— Глубоко «копаете»…

Алексей Николаевич действительно «копнул» глубоко, рассматривая всевозможные варианты, сопоставляя и сравнивая, учитывая все возможные нюансы, все «сильные» и «слабые» стороны.

№ 137/6.

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
ҚАЗ ПРЗЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА САВЕТА СССР
ССР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
ССР ЖОГАРГЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
ԱՍՍՀՏՀՈՒՆ ԱՆ ԱՐՁԱՆՆ ՅԱՍՐՈՆՆ ԱՆԱՅՆ ՆԱԽԱԳԱՀՆԱՆ
СРИ АЛИ СОВЕТИ РӘЈАСӘТ ҺЕЈ'ӘТИНИН ФӘРМАНЫ
SRS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS

УКАЗУЛ ПРЕЗИДИУМУЛУЙ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ АЛ УНИУНИЙ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRĒTS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМУНУН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
ՍՍՀՄ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ՍՈՎԵՏԻ ՆԱԽԱԳԱՀՈՒԹՅԱՆ ՀՐԱՄԱՆԱԳԻՐԸ
СССР ЁКАРЫ СОВЕТИНИҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÕLEMNÕUKOGU PRESIIDIUMI SEADLUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов.Косыгина А.Н. Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР

Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

Назначить тов.КОСЫГИНА Алексея Николаевича Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, освободив его от обязанностей Председателя Госплана СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР - К.Ворошилов
(К.Ворошилов)

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР - М.Георгадзе
(М.Георгадзе)

Москва, Кремль
4 мая 1960 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении тов. Косыгина А. Н. первым заместителем председателя Совета министров СССР». 4 мая 1960. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 77. Д. 105. Л. 10]

— И что же предлагает Госплан? — Хрущев, видимо, решил застать собеседника врасплох.

— А Госплан, Никита Сергеевич, предлагает следующее. Целесообразно использовать газ Таас-Тумусского месторождения в размерах, требующихся только для снабжения Якутска и прилегающих к нему районов. Но в случае выявления новых и более крупных месторождений газа вопрос о целесообразности строительства газопроводов для транспортирования газа на более

дальние расстояния должен решаться дополнительно[337].

Значимый документ и разговор!

Во-первых, руководитель Госплана продемонстрировал свои профессиональные способности не только как плановика, но и как знающего управленца.

Во-вторых, Косыгин убедительно продемонстрировал и доказал важность новых месторождений природного топлива не только для региона, но и для всей страны.

В-третьих, акцентировал внимание на возможностях экономного использования природных ресурсов.

В-четвертых, указал на то «звено» в экономике региона, которое даст возможность запустить на полную мощность весь хозяйственный механизм последнего.

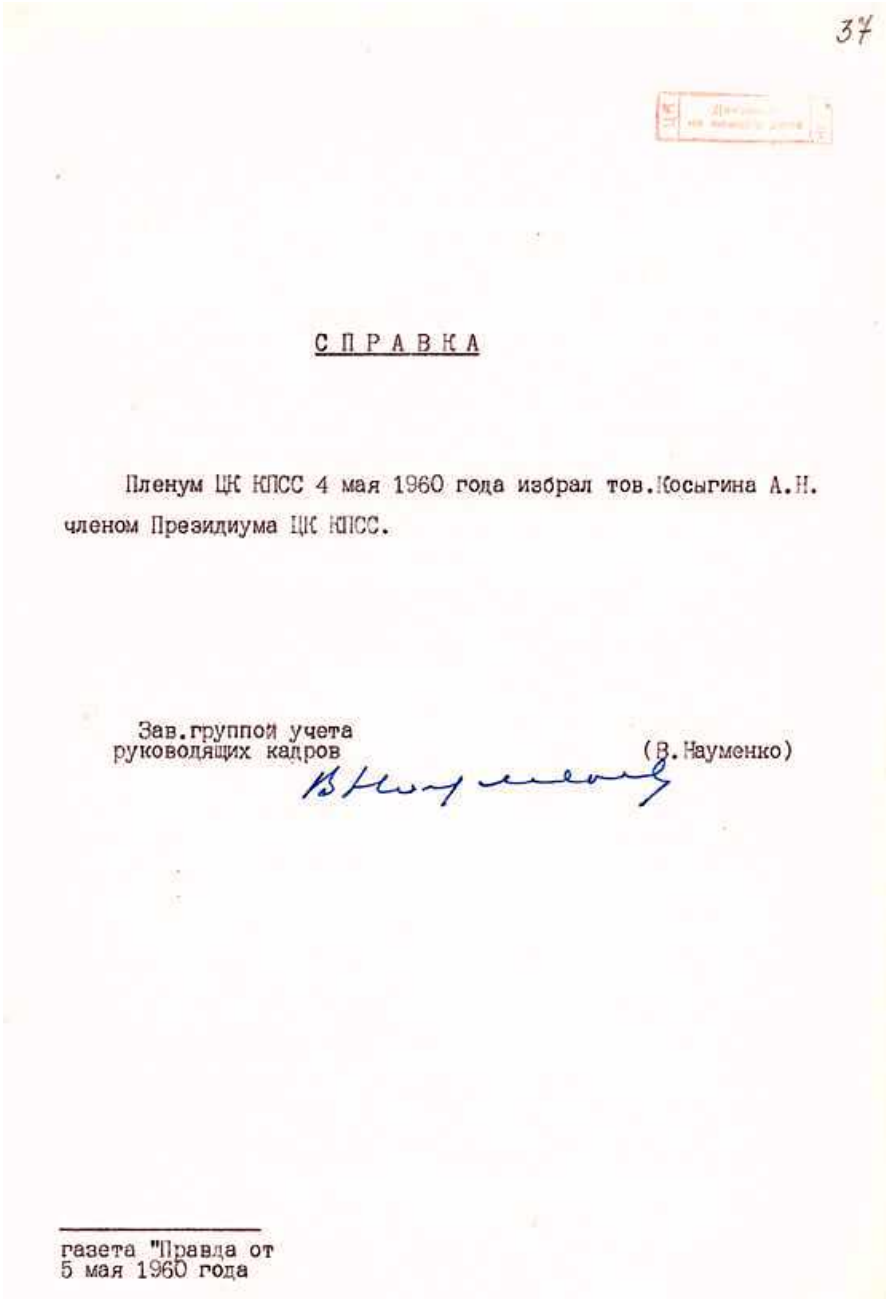
В-пятых, планы по развитию Якутии полностью соответствовали директивам XX съезда о развитии востока страны.

И, главное, предлагал заложить экономическую основу для развития Якутии — огромного края — на десятки лет вперед.

* * *

Начало 1960-х годов, активность Косыгина поражает, такое впечатление, что он занимается всеми отраслями народного хозяйства, критикуя недостатки — не самой плановой экономики, а тех структур, которые отвечают за тот или иной участок работы.

1960 год: «Действительная трудность — в увязке наших годовых планов с действительностью. Комитет (Госплан) в таком виде, как он есть, — он не годится для такой работы. Если Госплан — это тип ВСНХ, — то он сейчас этому не отвечает. Комитет сейчас — совнархоз»[338].

37

СПРАВКА

Пленум ЦК КПСС 4 мая 1960 года избрал тов.Косыгина А.Н. членом Президиума ЦК КПСС.

Зав.группой учета
руководящих кадров (В.Науменко)

газета "Правда от
5 мая 1960 года

Справка сектора учета руководящих кадров об избрании Пленумом ЦК КПСС А. Н. Косыгина членом Президиума ЦК КПСС. 4 мая 1960. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 17219. Л. 37]

Здесь «камень в огород» самого Н. С. Хрущева — главного сторонника и «толкача» идеи создания совнархозов. Косыгин изначально был против этой идеи, считая, что совнархозы — излишний элемент в управлении хозяйством страны, необходимо

было искать иное «звено», с помощью которого можно было бы «вытащить» всю «цепь». Однако хоть и был «против», но в «драку» не ввязывался, считая, что время и практика должны доказать просчеты при создании совнархозов.

В 1962–1964 годах важнейшими для Косыгина оставались вопросы реорганизации — Госплана, Совнархоза, Госстроя и многочисленных комитетов, составляющих совнархозы; именно в этих структурах были сконцентрированы все рычаги управления советским национальным хозяйством, и от их деятельности зависел рационализм всего хозяйственного механизма.

Первый заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин (справа) беседует с генеральным директором ТАСС Л. М. Замятиным в Банкетном зале Кремлевского Дворца съездов. Москва. Июнь 1960. [РГАКФД. Ед. хр. 368855]

Особое внимание Косыгин концентрировал на Госплане — основном стержне всего экономического планирования:

— Перед Госпланом поставлена задача, что он должен отвечать за пропорции в народном хозяйстве, должен заниматься всем планированием, что планирование целиком сосредоточивается в Госплане, планирование предусматривается пятилетнее с разбивкой по годам непрерывно.

И эти задачи являются «совершенно посильными и правильными для Госплана».

В президиуме митинга советско-китайской дружбы первый заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и глава правительственной делегации КНР, председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Лю Шаоци. Москва. Декабрь 1960. [РГАКФД. Ед. хр. 367277]

По твердому убеждению Алексея Николаевича, *планирование должно идти снизу*, то есть предприятия, республиканские совнархозы представляют план в правительство и в Госплан, который «в отраслевом разрезе» этот план передает соответствующему комитету. Комитет же рассматривает план «с учетом последних достижений науки и техники, уровня, которым они располагают, скажем, в области машиностроения и высокоразвитой техники». Госплан дает «определенную придержку» контрольным цифрам по капитальным работам и, главное, по материальному обеспечению, *эти планы будут реальными планами*, которые в Госплане должны быть сведены в один общий план.

«*Такая система должна дать возможность Госплану не иметь большого количества отраслевых отделов и управлений, а возложить эти задачи на соответствующие Комитеты, а в Госплане иметь только сводный отдел*»[339], — заявил Алексей Николаевич на одном из заседаний правительства.

Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и первый заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин (слева направо) беседуют в неформальной обстановке. Индия, Дели. 1960. [РГАКФД. Ед. хр. 118579]

Особо Косыгин обращал внимание на тот факт, что *«если до сих пор вопросы науки были оторваны от планирования, то сейчас планирование и наука объединяются, а этим мы достигаем, что обеспечиваем грамотное построение плана, а значит, и грамотное построение данной отрасли промышленности»*[340].

То есть вновь выступал за то, чтобы объединить науку с практикой: «если, например, что-то разработали в пробирке и не произвели объединение, то это пойдет либо в архив, либо как источник чистой науки и практического применения не получит»[341]*. При новом положении вопросы связи науки с практикой будут решаться «более рационально».*

В зоне внимания Косыгина оставались и совнархозы, основная задача которых — это текущее руководство промышленностью. Совнархоз должен «четко и серьезно отвечать за все вопросы снабжения в стране, а также и за годовой план, где ему предоставлены самые широкие права». Совнархоз имел право корректировать годовой план, вносить изменения, которые вытекали из интересов национального хозяйственного комплекса, выдвигать дополнительные задания, перераспределять материальные ресурсы. В руках совнархозов был сконцентрирован мощный сбытовой и снабженческий аппарат, с помощью которого

он мог «с успехом» управлять текущей ситуацией в хозяйстве, причем с учетом необходимых изменений, которые нужно и можно вносить в план.

Косыгин считал, что председатели комитетов как структурных единиц совнархозов должны отвечать за ту или иную отрасль как министры. Они получают «право входа в Совет министров, они являются членом Президиума Совета министров и членом правительства, одновременно являются председателем Комитета при Госплане, они ведут данную отрасль. В таком направлении они отвечают за план, за технологию, за технику»[342].

Для того чтобы обеспечить четкое руководство отраслями, Косыгин предлагал предоставить комитетам возможность решать вопросы технологии, науки, проектирования непосредственно с управлением соответствующей отрасли данного совнархоза, то есть «чтобы мы имели сквозное руководство отраслью снизу»[343].

Первый заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин с супругой Клавдией Андреевной (в центре) и сопровождающие их лица на экскурсии в форте Агра. 23 февраля 1961. [РГАКФД. Ед. хр. 119172]

Алексей Николаевич неоднократно и настойчиво вносил предложение о создании комитетов по легкой промышленности, по пищевой промышленности и по торговле, о создании Комитета

по строительным материалам. Последнее предложение Косыгин считал наиважнейшим для того времени — полным ходом шло строительство так называемых хрущевок, и комитет должен был сконцентрировать в своих руках все нити управления данным сектором экономики: это огромный сектор материальных ценностей, это около полутора миллионов рабочих и служащих.

Косыгин, однако, акцентировал внимание и на том, что детальное обсуждение по каждому комитету его задач невозможно, так как специфика комитетов разная: нельзя, например, Комитет автоматизации и машиностроения сравнивать с Комитетом торговли. И тот, и другой имеют разные задачи — поэтому специфика комитетов должна быть изложена на базе общих задач.

Первый заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин (второй справа) и члены делегации пьют кокосовое молоко. Индия. Март 1961. [РГАКФД. Ед. хр. 119170]

Предлагал Алексей Николаевич и глубже вникнуть в проблему деятельности Комиссии по вопросам организации и правам совнархозов, в состав которой предлагал включить

директоров крупных предприятий, таких, как завод имени Лихачева, Горьковский завод, Уралмашзавод, Трехгорная мануфактура и другие.

Косыгин был уверен в необходимости и важности того, чтобы «*найти такую форму, которая создаст четкость в руководстве народным хозяйством и не создаст лишние сложные и дополнительные инстанции*»[344].

У трибуны Мавзолея В. И. Ленина. Слева направо: К. Е. Ворошилов, А. И. Гагарин, Ю. А. Гагарин, А. Т. Гагарина, А. Н. Косыгин, Н. С. Хрущев, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, В. И. Гагарина, Л. И. Брежнев, А. И. Микоян, Ф. Р. Козлов. 14 апреля 1961. [РГАСПИ. Ф. 397. Оп. 3. Д. 389]

В этих идеях весь Косыгин*: он размышляет, сопоставляет, предлагает, отвергает, ищет оптимальные подходы к созданию структуры управления хозяйственным комплексом, прекрасно понимая, что управление — один из важнейших и основных институтов экономики. Подчеркивает, что институт управления — структура чрезвычайно сложная, что каждый элемент управления — комитет, министерство, Госплан, совнархоз — нуждается в особом внимании и понимании функций.*

Он много размышлял о том, как сблизить науку с производством, с практикой, и что самое важное — с планированием:

— Планирование остается для нас главным стержнем всей хозяйственной системы, вокруг которого все и «крутится». Планирование должно идти «снизу», а не спускаться «сверху». При планировании важен принцип единого руководства, принцип ответственности. Важна четкость в понимании и реализации основных принципов руководства экономикой, что предотвратит появление сложных и дополнительных управленческих инстанций, способных лишь затруднить деятельность всего хозяйственного механизма, — подобного рода «монологи», когда

Алексей Николаевич «проговаривал» сам для себя ту или иную идею, были для него составной частью выработки общей концепции решения той или иной проблемы.

Первый заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин, композитор, народный артист СССР А. И. Хачатурян с супругой на одном из мероприятий. Москва. 1961. [РГАКФД. Ед. хр. 116001]

Все это — поиск *оптимальной модели управления*, которая не «палочка-выручалочка», а работающий механизм, но требующий постоянного внимания и реакции на внутренние процессы, требующий постоянных изменений, дополнений, исправлений и доработок, то есть, по сути, «живой организм», оперативно реагирующий на «окружающую среду».

К осознанию базовых принципов будущей реформы Косыгин подходил постепенно, осмысливая каждый узел хозяйственного механизма.

Прогулка на даче Н. С. Хрущева под Москвой. Слева направо: А. И. Микоян, О. Куусинен, Р. Я. Малиновский, Н. В. Подгорный, Ф. Р. Козлов, Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов и другие. 1963. [РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 407. Л. 6]

Эти же идеи Алексей Николаевич озвучил в выступлении в Институте общественных наук, обобщая свой анализ: экономика не может быть замкнутой в рамках одной страны, догматизм в экономике чрезвычайно опасен, в настоящее время требуются и новые подходы, и новые люди… Косыгин знал, о чем говорил, примеров тому он мог бы привести, что называется, «массу», да и сами слушатели были осведомлены о том, что происходило в таких странах, как Албания или более близкие к советским границам Китай и Северная Корея, руководство которых уже с конца 1950-х годов ориентировалось на самоизоляцию…

Руководители партии и правительства во время прогулки на подмосковной даче. На первом плане слева направо: А. И. Микоян и А. Н. Косыгин; далее Н. С. Хрущев, Н. В. Подгорный, Л. И. Брежнев и другие. 1963. [РГАКФД. Ед. хр. 384340]

Руководители партии и правительства на прогулке. Слева направо: секретарь ЦК КПСС Н. В. Подгорный, председатель Совета министров СССР Н. С. Хрущев, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, секретарь ЦК КПСС Ф. Р. Козлов и первый заместитель председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгин. Московская область 1963. [РГАКФД. Ед. хр. 115882]

Зарубежные вояжи

В середине июня 1962 года начался первый зарубежный деловой визит Алексея Николаевича Косыгина в Италию.

Мы не случайно, говоря о зарубежных вояжах и встречах, уделяем столько места Италии. Эта страна занимала особое место в стремлении А. Н. Косыгина понять и перенять зарубежный опыт управления промышленностью, именно эта страна выступила соучастником ряда важнейших индустриальных проектов, которые советскому премьеру удалось реализовать в 1970-х годах. Ни одна другая страна — даже Финляндия, с президентом которой он дружил, — не смогла занять столько внимания Косыгина, сколько Итальянская Республика.

Визиту предшествовали непростые, скорее даже трагикомические, обстоятельства: представители советского посольства в Италии, сотрудники Министерства иностранных дел Советского Союза никак не могли организовать приглашение Косыгина в Италию от официального Рима. Причины были непонятны и необъяснимы.

Советский посол в Италии Сергей Павлович Козырев рискнул пойти на довольно рискованный, даже несколько авантюрный шаг: заместителя председателя советского правительства А. Н. Косыгина (с женой и дочерью) пригласило в Италию само советское посольство в лице советского посла! Редчайший случай в дипломатической практике.

…Интерес к западной экономической и научно-технической мысли, западноевропейской экономике, к особенностям управления в промышленно развитых странах Западной Европы у Алексея Николаевича сохранился еще со времен службы в Красной армии благодаря газете «Боевая правда», на страницах которой публиковался разнообразный материал, освещающий и дающий — общее конечно — представление о национальном хозяйстве европейских государств. Не переставал интересоваться последним Косыгин и в 1920-е годы, в пору работы в сибирской кооперации. В 1930-х годах (по возможности) он знакомился с англоязычной специальной технической литературой, посвященной исключительно проблемам ткачества и производства текстиля (напомним, что Косыгин, как он сам признавался, «неплохо читал по-английски»). Во время Второй мировой войны благодаря ленд-лизу у А. Н. Косыгина, как заместителя председателя Совнаркома СССР, была возможность получать техническую литературу, периодические специализированные издания, анализировать информацию о

технических новинках. Во второй половине 1950-х годов, когда появилась реальная возможность получать информацию не только из зарубежных газет или реферируемых сборников, но и благодаря возможности выезда за рубеж, встреч с представителями деловых кругов западноевропейских стран, А. Н. Косыгин не преминул этим воспользоваться, благо, что это нужно было не только «лично ему».

Еще в мае 1961-го состоялась его встреча с министром торговли Великобритании Реджинальдом Модлингом, на которой обсуждались перспективы развития советско-британской торговли.

Как оказалось, Алексей Николаевич был наделен всеми задатками не только «крепкого и талантливого советского хозяйственника», но и прирожденного дипломата (и это он еще не раз докажет).

Во время беседы с Модлингом Косыгин первым делом заявил о своей принципиальной позиции: *он — сторонник торговли не конъюнктурной, а выстроенной на фундаментальной основе, не единовременных сделок, а долгосрочных контактов*.

Из записи беседы Косыгина с Модлингом было ясно, что советская сторона имеет прекрасное представление о технологических новинках в промышленном производстве, о состоянии дел в отдельных хозяйственных отраслях, причем не только в Великобритании, а также в США, Франции, Японии.

Но встреча с министром торговли Великобритании была лишь «пробным шаром», который получил ускорение во время поездки Алексея Николаевича в Италию, в 1962 и 1964 годах…

Тогда, в 1962-м, советскому посольству в Италии не только удалось «пробить» и организовать поездку Косыгина в страну, но и подготовить в Милане конференцию 14 представителей итальянских деловых и политических кругов. Косыгин выступил на этой конференции с докладом, в котором *без каких-либо обиняков сказал о том, что Советский Союз нуждается в установлении прочных торговых, научно-технических контактов с Западом, что ни одна страна в мире не может жить изолированно от всего остального мира, в противном случае страну эту ждет социально-экономический упадок, что от того противостояния, которое сложилось между «социалистическими и капиталистическими странами» после 1947-го* (Косыгин упомянул Фултонскую речь Черчилля, но ни словом не обмолвился о советской реакции на нее), надо постепенно отходить: «*мы нуждаемся друг в друге*», — примерно таковым был лейтмотив косыгинского выступления.

Участники встречи ничего подобного не ожидали, а потому

совершенно естественными были приглашения Косыгину посетить ряд итальянских фирм. Алексей Николаевич воспользовался радушием хозяев и побывал на крупнейших производствах таких всемирно известных итальянских фирм, как «Эни», «СНИА Вискоза», «Фиат», «Монтекатини», «Пирелли» и «Шатильон».

Во время этой поездки внешне невозмутимый Косыгин с трудом сдерживал свое восхищение не только тем, как выстраивался процесс производства, но и управлением предприятиями, взаимоотношениями, контактами с партнерами по совместным производственным проектам; не ускользали от него и проблемы, но они, по его мнению, носили, скорее, социальный характер и, как считал Алексей Николаевич, не могли иметь места в СССР.

Но самое главное заключалось в том, что Косыгин сам для себя искал ответ на вопрос: в чем причина технического «прорыва» западноевропейских стран? Та же Италия… она пережила почти 26 лет фашистской диктатуры, «катком» по ней прошлась Вторая мировая война, экономические проблемы 1940-х годов едва не «добили» страну, поставив на грань нищеты огромные массы населения… И вот такой социально-экономический «прорыв»!

Ответ на вопрос он нашел (правильнее сказать — сформулировал) позже, когда вернулся домой…

А после поездок по промышленным центрам Итальянской Республики у Алексея Николаевича состоялось 27 июня две встречи.

Первая — с министром внешней торговли Италии, вторая — с премьером страны.

…Июньское утро, летняя резиденция посла СССР в Италии вилла Абамелек. Небольшой овальный стол, несколько стульев, друг напротив друга сидят Косыгин и итальянский министр торговли Луиджи Претти. Рядом переводчики и помощники.

Начал разговор итальянец:

— Господин Косыгин, Министерство внешней торговли республики не имеет таких полномочий, как советское Министерство внешней торговли, и не осуществляет оперативного контроля за коммерческой деятельностью итальянских фирм, действующих на свой страх и риск.

Но наше Министерство внешней торговли Италии охотно пойдет на расширение торговли с СССР, тем более что Советский Союз по сравнению с другими странами — покупателями итальянского промышленного оборудования имеет большие финансовые возможности и вопросы платежей за товары в советско-итальянской торговле решаются легче, чем в торговле с

другими странами.

Что касается импорта советской нефти в Италию, то мы рассчитываем, что в будущем ее можно будет закупать в бóльших объемах, чем это делалось ранее.

Косыгин не заставил ждать с ответом:

— Господин Претти, я сторонник *идеи долгосрочных торговых соглашений* и считаю, что экономика Советского Союза и экономика Итальянской Республики от этого только выиграют.

— Но, — Алексей Николаевич на секунду задумался, — долгосрочное соглашение может быть заключено лишь при обоюдном желании двух стран. У советской стороны такое желание есть, слово за Италией…

Выслушав перевод, Претти поспешил заверить, что и он в принципе за долгосрочные соглашения.

А. Н. Косыгин акцентировал внимание еще на одном моменте:

— С*оветская сторона будет покупать оборудование там, где оно дешевое и технически более передовое*.

На встрече с премьер-министром Итальянской Республики Аминторе Фанфани, начавшейся спустя два часа после окончания беседы с министром торговли, Косыгин повторил:

— Советский Союз готов строить свои деловые отношения с Италией, но не на основании каких-либо конъюнктурных соображений или от случая к случаю, а на долгосрочной перспективе, которая создала бы прочную основу не только для торговли, но и для советско-итальянских отношений в целом.

Выдержав паузу, Алексей Николаевич добавил:

— Для этого в наличии есть все необходимые важнейшие условия, поскольку экономики двух стран взаимно и гармонично дополняют друг друга, и обе стороны проявляют заметный и настоящий, а не показной интерес к увеличению товарооборота.

Итальянский президент никак не комментировал сказанное, так что Косыгин, не дождавшись ответной реакции, продолжил:

— Стоит внимательно изучить вопрос о возможности заключения долгосрочного торгового соглашения между СССР и Италией до 1970 года (то есть на 8 лет), учитывая обоюдное желание сторон.

Специально Косыгиным был затронут вопрос о положении юга Италии, который, будучи аграрным регионом, уступал промышленно развитому северу страны. Косыгин досконально изучил вопрос и своими предложениями рассчитывал заинтересовать итальянское руководство:

— На юге Италии налицо все возможности для своего развития, в первую очередь — большие резервы рабочей силы,

которые ждут своего применения, а также удобные морские коммуникации, соединяющие страну в том числе и с Советским Союзом.

— В план итальянского правительства, — указал советский гость, — входит развитие промышленности на юге республики, в том числе строительство металлургических комбинатов на морском побережье. Можно было бы рассмотреть вопрос о снабжении этих металлургических комбинатов железной рудой и углем из Советского Союза в обмен на оборудование и продукцию итальянской промышленности. В свою очередь, развитие металлургии на юге страны дало бы мощный толчок всему развитию национального хозяйства Италии и способствовало бы повышению экономического уровня и росту благосостояния южных районов страны, развитие которых, по заявлению самих итальянских деятелей, является одной из серьезных проблем республики.

Фанфани был удивлен тем обстоятельством, что человек, пребывавший в Италии всего 10 дней, сумел очень точно определить проблемы развития итальянской экономики и дать свои предложения.

В ответ Косыгин отметил, что во время его поездки по стране ему оказывалось самое сердечное гостеприимство со стороны итальянских деловых кругов и государственных деятелей, а также населения тех городов, которые он посетил. Он поблагодарил премьера за его усилия для того, чтобы сделать эту поездку приятной и полезной.

Фанфани было явно неудобно, поскольку поездку организовало советское посольство. Но советский посол, присутствующий на встрече, не проронил ни слова.

…В течение 1963 года мало что изменилось между СССР и Италией в развитии экономических взаимоотношений, причина — состоявшиеся в Италии выборы в парламент и смена правительственного кабинета.

Но Косыгин привык не отступать, а доводить все до конца.

В марте 1964-го в Рим отбыла представительная советская правительственная делегация во главе с Алексеем Николаевичем с целью сдвинуть «с мертвой точки» экономические взаимоотношения, добиться решения о заключении долгосрочного договора с Итальянской Республикой.

А. Н. Косыгин и посол СССР в Италии С. П. Козырев провели ряд встреч с «верхушкой» политического и государственного истеблишмента республики — президентом страны Антонио Сеньи, председателем Совета министров Италии Альдо Моро, заместителем премьера Пьетро Ненни, министром иностранных

дел республики Джузеппе Сарагатом, министром внешней торговли Бернардо Маттареллой, с наиболее влиятельными представителями деловых кругов Италии — руководством таких фирм, как «Фиат», «Шатильон», «Монтекатини», «Пирелли», «СНИА Вискоза», «Эни», «Оливетти». Косыгин посетил ряд предприятий итальянских химических и нефтехимических фирм, в том числе концерна «Эни» в Джеле (Сицилия) и Флоренции, фирмы «СНИА Вискоза» в Павии, «Эдисон» в Порто-Маргере и Приоло (Сицилия), «Шатильон» в Верчелли, «Бомбрини Пароди-Дельфино» в Коллеферро, «Монтекатини» в Порто-Маргере и Терни, судостроительные верфи «Ансальдо» в Генуе.

Когда много лет спустя у Косыгина интересовались, какие из многочисленных зарубежных поездок и встреч с западными политиками и бизнесменами ему запомнились более всего, он всегда вспоминал свои поездки в Италию в первой половине 1960-х годов. Это были, по сути, первые его зарубежные поездки, связанные с решением глобальных задач по развитию советской экономики посредством поиска возможного сотрудничества с западными деловыми кругами. Именно во время этих первых поездок закладывалось и «оттачивалось» умение вести переговоры, что называется, «на высшем уровне», умение объективно сравнивать особенности «у них» и «у нас», умение выбирать с учетом собственных интересов, но не обижая деловых партнеров и поддерживая интерес к совместному сотрудничеству.

В самолете, возвращаясь домой, Алексей Николаевич старался суммировать и осмыслить результаты поездок, особенно последней, в Италию:

— Мы же… во многом похожи друг на друга, итальянцы и русские… Порой — рассудительны, порой эмоционально неуравновешенные… И у нас есть чему друг у друга поучиться. Что у итальянцев? Во-первых, они всерьез обеспокоены экономической обстановкой: темпы капиталовложений и промышленного производства снижаются, сокращаются кредитные возможности, значительно ослабли экспортные возможности итальянской промышленности, а утечка капиталов за рубеж, наоборот, увеличивается — все это грозит обернуться серьезными осложнениями…

Можно ли считать Италию слабым звеном экономики всей Западной Европы? Да, конечно… — Косыгин вздохнул, — экономическая конъюнктура на мировом рынке ухудшается, идет усиление конкуренции со стороны набирающей индустриальную мощь Западной Германии, и в то же время экспортные возможности итальянской промышленности уменьшаются…

В итоге, — Алексей Николаевич придвинул к себе

составленную еще накануне полета справку о торговом балансе Италии, — идет увеличение импорта, которое тянет за собой отрицательное сальдо и дефицит платежного баланса… Каков он? Вот — более одного миллиарда долларов. Все это скажется, если уже не сказывается, не только на промышленных гигантах, но и на среднем и мелком бизнесе… Не завидую….

А что бы ты, Алексей Николаевич, сделал на месте итальянского премьера и всего правительства? Конечно, в качестве одной из возможностей поддержания экономической активности и обеспечения заказами крупнейших итальянских фирм, настоял бы на росте экспорта продукции в другие страны, прежде всего в Советский Союз, рынок сбыта которого очень впечатляет…

…И что же у нас остается в сухом остатке, Алексей Николаевич?

Косыгин в своих расчетах оказался прав. Новое итальянское правительство, несмотря на его более «правый характер», чем у кабинета Фанфани, выступая за развитие торговых отношений с СССР и за выделение кредитов для расширения советско-итальянской торговли, заключило двухсторонний договор сроком на пять лет…[345]

В итоге двух поездок Косыгина в Италию в том же 1964-м было подготовлено постановление Президиума ЦК КПСС «О закупке в Италии на условиях долгосрочного кредита комплектного оборудования для химической, нефтехимической и легкой промышленности и использовании в СССР опыта итальянского машиностроения и строительства промышленных предприятий в связи с поездкой советской правительственной делегации в Италию». Согласно одному из пунктов постановления, комиссии, в состав которой вошел А. Н. Косыгин, поручалось подготовить комплекс предложений по вопросам проектирования и строительства предприятий. Для этого предполагалось пересмотреть весь существующий в настоящее время порядок проектирования, строительства и реконструкции предприятий.

* * *

Представление о возможной, но крайне необходимой реформе складывалось у Косыгина, как мозаика — единая картинка из разномастных и разноразмерных кусочков — состояние национального хозяйства СССР, его «сильные» и «слабые» стороны, зарубежный опыт, новые технологии, поиск деловых партнеров и

свободных ресурсов… Еще одно усилие, и общее видение должно сложиться в единый пазл. Заинтересованность в результатах труда, которую можно стимулировать только одним — ставкой на рост материального благосостояния (проще сказать — «рублем»). Да, это выпадало из марксистской теории, но в мировую революцию Косыгин давно не верил и не скрывал этого[346]*. Взамен — шесть основных «базовых точек»:*

Заинтересованность — да.

А еще — конкуренция.

А еще — оперативность внедрения новых технологий.

А еще — экономизация населения страны.

А еще… да много таких «еще»…

Но главное — ситуация в высших эшелонах партийного руководства СССР — поддержат, не поддержат, будут «вставлять палки в колеса» или нет…

Хрущев и Косыгин

О Косыгине — в мире — заговорили после его обстоятельного доклада, с которым он выступил в Риме по итогам итальянского вояжа, его фото появлялись в западноевропейской и американской печати, где по достоинству оценили его ум и хватку, профессионализм и умение вести деловые переговоры.

Однако в Москве отношение к Косыгину не было столь однозначно восхитительным.

…Хрущев недолюбливал Косыгина, нелюбовь эта начала складываться еще во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Косыгин же старался не демонстрировать свои настроения, не высказывать своих оценок, не выплескивать сиюминутные эмоции. А может быть, срабатывал старый принцип, выработанный еще во времена Сталина: «не высовывайся»… На заседаниях Президиума ЦК КПСС Косыгин никогда не противоречил, никогда не спорил и уж, упаси Бог, никогда не критиковал первого секретаря Центрального комитета. Его выступления были выдержанными в рамках того «жанра», который был принят в ЦК: обязательно подчеркнуть, что действуешь «в русле» сказанного руководством и следуешь «ценным указаниям», а после можно предложить и свои идеи. Но — предложить, а не настаивать. «Последнее» слово всегда за «первым»…

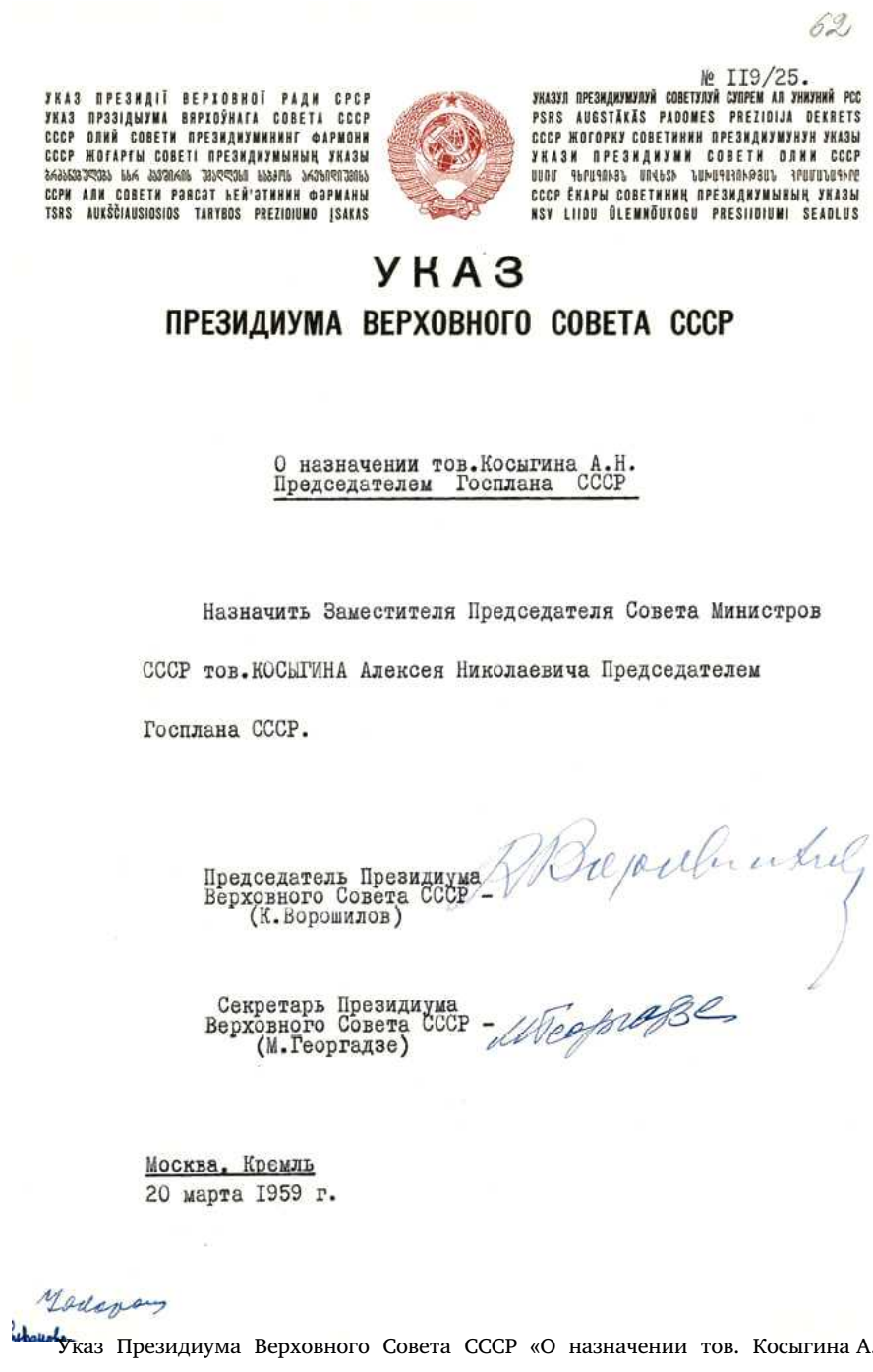
Хрущев старался сделать все, чтобы держать Косыгина на вторых, после себя, позициях, хотя и признавал, что в вопросах хозяйственных Алексей Николаевич «на голову» выше него и что и в правительстве, и в ЦК профессиональнее Косыгина как хозяйственника-практика никого нет. Выбирая в 1959-м кандидатуру на пост руководителя Госплана между А. Н. Косыгиным и И. И. Кузьминым[347]*, Хрущев сделал выбор в пользу Алексея Николаевича, хотя симпатии большинства членов Центрального комитета были на стороне обаятельного (но не профессионала) Иосифа Иосифовича, проработавшего на этом посту уже два года.*

А ведь еще в 1957-м, во время проходившего в Москве Международного совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Хрущев рекомендовал Косыгина Мао Цзэдуну как вероятного кандидата на пост председателя Совета министров СССР[348], особо подчеркнув, что и Сталин обдумывал возможность назначения Косыгина на пост руководителя правительства. Но, как известно, до этого дело «не дошло»…

Сохранялось, таким образом, такое паритетное равновесие, но

не союз двух единомышленников.

В феврале 1964 года Хрущев даже «подсластил» горькую пилюлю, удостоив Косыгина званием Героя Социалистического Труда — к 60-летию со дня рождения[349].

62

№ II9/25.

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЭЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА СОВЕТА СССР
СССР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
СССР ЖОГАРГЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
ՍՍՀՄ ԱԼԻ ՍՈՎԵՏՆԵՐԻ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ՀՐԱՄԱՆՆԵՐԸ
ССРИ АЛИ СОВЕТИ РӘҪӘТ ҺЕЙ'ӘТИНИН ФӘРМАНЫ
TSRS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS

УКАЗУЛ ПРЕЗИДИУМУЛУЙ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ АЛ УНИУНИЙ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМУНУН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
ՍՍՀՄ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ՍՈՎԵՏԻ ՆԱԽԱԳԱՀՈՒԹՅԱՆ ՀՐԱՄԱՆԱԳԻՐԸ
СССР ЁКАРЫ СОВЕТИННҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PRESIIDIUMI SEADLUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов.Косыгина А.Н.
Председателем Госплана СССР

Назначить Заместителя Председателя Совета Министров СССР тов.КОСЫГИНА Алексея Николаевича Председателем Госплана СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР -
(К.Ворошилов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР -
(М.Георгадзе)

Москва, Кремль
20 марта 1959 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении тов. Косыгина А. Н.

председателем Госплана СССР». 20 марта 1959. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 77. Д. 55. Л. 62]

Однако рано или поздно «нарыв должен был вскрыться» и «эпоха компромисса» должна была закончиться. И это произошло во время заседания Президиума ЦК — в августе 1964 года, на котором Косыгин отсутствовал (почему? специально или нет? сделано все, чтобы не присутствовал? — непонятно). На заседании, в частности, обсуждали вопросы о текстиле, хлопке, синтетике.

Хрущев был, что называется, в ударе:

— Нет здесь Косыгина. Но тут Косыгиным пахнет… Нити тянутся к Косыгину. У него старые взгляды… Он мне целую лекцию прочел… Видно, что он со знанием дела говорит. Но до того, когда плуг ввели, крестьяне сохой пахали. А он, Косыгин, говорил, что урожаи при вспашке сохой лучше[350].

Желая «усилить» свою «речь», Хрущев состроил на лице глупую «мину» и, как бы в недоумении, развел руки в стороны.

Никита Сергеевич был в своем «репертуаре»…

Косыгин знал, о чем и как велся разговор, и 14 октября того же 1964-го, на ставшем знаменитым двухдневном заседании Президиума, где «снимали» Никиту Сергеевича с главных постов страны и партии, «выдал» Хрущеву хотя и эмоционально и сбивчиво, но по «гамбургскому счету»:

— Стиль Ваш, товарищ Хрущев, — не ленинский. Вы все сами и сами. Других — в сторону. На XXII съезде партии два доклада на себя взяли. А пленумы? Сами все делаете. Противопоставили себя и Президиуму ЦК, и самому ЦК! А о коллегиальности забыли? Военные вопросы монополизировали. Ни с кем не считаетесь. Интригуете. Не радуетесь карьерному росту Ваших коллег. Власть на вас давит. Письма льстивые рассылаете, а критические нет. Вам нравятся овации.

Подлежит опубликованию в "Ведомостях" и центральной печати

152

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЭЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА САВЕТА СССР
СССР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
СССР ЖОГАРГЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
ԱՀԱՍՏԱՏՄԱՆ ԱՒՐԱՀՆԱ ՅԱՄԱՀՈՎ ԱՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ССРИ АЛИ СОВЕТИ РЯЛАСЭТ ЬЕЙ'ЭТИНИН ФЭРМАНЫ
TSRS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS

УКАЗУЛ ПРЕЗИДИУМУЛУЙ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ АЛ УНИУНИЙ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRĒTS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМУНУН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
ՍՍՀՄ ԳԵՐԱԳՈՅՆ ՍՈՎԵՏՆ ՆԱԽԱԳԱՀՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇՈՒՄԸ
СССР ЁНАРЫ СОВЕТИНИҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PRESIIDIUMI SEADLUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении тов. Косыгину А.Н. звания Героя Социалистического Труда

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с шестидесятилетием со дня рождения члена Президиума ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. Косыгина А.Н. присвоить тов. КОСЫГИНУ Алексею Николаевичу звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА с вручением ему ордена ЛЕНИНА и золотой медали "СЕРП и МОЛОТ".

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(Л. Брежнев)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(М. Георгадзе)

Москва, Кремль.
20 февраля 1964 г.
№ 2257-УІ.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении А. Н. Косыгину звания Героя Социалистического Труда». 20 февраля 1964. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 82. Д. 118. Л. 152]

Записки и единоличные решения о пятилетке и восьмилетке, в которых Вы замазываете трудности, — кому это нужно?

Считаю, Вас необходимо освободить от всех постов…[351]

Вот так: в 1957-м поддержал, а спустя семь лет — просто «утопил»… Опять же — сделал, как велели правила внутрипартийной жизни в КПСС…

…Хрущев был освобожден от должности первого секретаря ЦК и выведен из состава Президиума ЦК. Пленум ЦК КПСС 14 октября 1964 года признал нецелесообразным в дальнейшем совмещение постов руководителя партии и правительства.

15 октября Никита Сергеевич был освобожден и от обязанностей председателя Совета министров.

Когда сообщение об отставке Хрущева готовилось для печати, Косыгин настаивал:

— Усилить о культе Хрущева, мягче о его вкладе[352].

И зачем? Мстил? Нет, не был Алексей Николаевич мстительным. Не думаю. Скорее всего, так диктовали «правила», а последних Алексей Николаевич в своей партийной и государственной службе придерживался всегда… Да и эмоции — не в последнюю очередь…

По словам сына Хрущева, который ссылается при этом на тогдашнего руководителя КГБ СССР В. Е. Семичастного, «когда пришли к Косыгину за неделю до этого [свержения Хрущева], то первый его вопрос был:

— Как КГБ?

Когда ему сказали, что мы в этом участвуем, он сказал:

— Я согласен»[353].

То есть Косыгин был в курсе готовящегося снятия Хрущева как минимум дней за семь до октябрьских событий. Но это если верить В. Е. Семичастному и С. Н. Хрущеву. Последний считал Косыгина «рассудительным»[354].

* * *

Однако 11 лет спустя после отставки Хрущева и четыре года спустя после его смерти, летом 1975-го, Косыгин сделал все, чтобы помочь родственникам бывшего первого секретаря установить на могиле последнего памятник работы скульптора Эрнста Неизвестного. Очень уж боялись партийные бонзы — разного ранга — брать на себя ответственность. Алексей Николаевич не побоялся, и с тех пор надгробный памятник, состоящий из пяти белых и пяти черных камней (точная характеристика времени «правления» Хрущева), «украшает» место последнего упокоения Никиты Сергеевича.

РАССЕКРЕЧЕНО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

ПРОТОКОЛ № 9

ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

от 14 октября 1964 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Члены ЦК КПСС: т.т.Абрамов, Абрасимов, Аджубей, Андропов, Аристов, Афанасьев, Ахундов, Баграмян, Бенедиктов, Бещев, Бирюзов, Бодюл, Брежнев, Вершинин, Волков, Воробьев, Воронов Г.,

Воронов Ф., Гаганова, Галаншин, Гарбузов, Георгиев, Голиков, Горшков, Горячев, Гречко, Гришин В., Гришин К., Гришманов, Громыко, Грушецкий, Даниялов, Дементьев,

Демичев, Денисов, Джавахишвили, Дымшиц, Егорычев, Елютин, Енютин, Ермилов, Ефремов Л., Ефремов М., Жегалин, Заробян, Захаров, Зорин, Иващенко, Игнатов Н.Г., Игнатов Н.Ф.,

Ильичев, Кавун, Казанец, Калмыков, Калнберзин, Капитонов, Келдыш, Кириленко, Киселев, Клименко, Коваленко, Кожевников, Кокарев, Комяхов, Конев, Коновалов, Корнейчук, Корытков,

Костоусов, Косыгин, Крахмалев, Крылов, Кузнецов, Кулаков, Кунаев, Курбанов, Кучумов, Кэбин, Лесечко, Ломако, Лубенников, Ляшко, Мазуров, Малиновский, Мануковский,

Манякин, Мжаванадзе, Микоян, Михайлов, Монашев, Москаленко, Мухитдинов, Насриддинова, Новиков В., Новиков И., Нуриев, Овезов, Органов, Павлов, Патоличев, Пегов, Пельше,

Подгорный, Поляков, Полянский, Пономарев, Поспелов, Притыцкий, Пузанов, Пысин, Расулов, Рашидов, Розенко, Рудаков, Руденко, Руднев, Рябиков, Сенин, Синица, Скрябин,

Смирнов, Снечкус, Соболь, Соколов, Соловьев, Соломенцев, Спиридонов, Степанов, Сурганов, Суслов, Табеев, Титов, Толстиков, Толубеев, Устинов, Усубалиев, Федосеев, Фурцева,

Хрущев, Чуйков, Чураев, Шверник, Шевченко, Шелепин, Шелест, Шибаев, Шитиков, Школьников, Шурыгин, Щербицкий, Щетинин, Якубовский, Яснов.

ственность порученного мне сегодня дела и постараюсь отдать все свои силы, опыт и знания для того, чтобы, безусловно, при вашей поддержке оправдать то высокое доверие и честь, которые вы мне оказали. (Бурные аплодисменты).

Нам надо рассмотреть вопрос о Председателе Совета Министров СССР. (Аплодисменты).

ГОЛОСА. Предлагаем рекомендовать т.Косыгина.

БРЕЖНЕВ. Это совпадает и с мнением Президиума ЦК. Других предложений нет, товарищи? Я голосую. Кто за то, чтобы рекомендовать Президиуму Верховного Совета СССР назначить Председателем Совета Министров СССР т.Косыгина А.Н., прошу членов ЦК поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. (Аплодисменты).

Давайте проголосуем все вместе - и кандидаты в члены ЦК, и члены Ревизионной комиссии. Я голосую. Кто за то, чтобы т.Косыгина рекомендовать Председателем Совета Министров СССР, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против, кто воздержался? Нет. Рекомендуется на пост Председателя Совета Министров СССР единогласно. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают).

КОСЫГИН. Товарищи! Хочу поблагодарить вас за то большое доверие, которое мне оказано сегодня. Со своей стороны приложу все силы, знания, умение, чтобы оправдать ваше высокое, большое доверие, буду стремиться к тому, чтобы выполнить его с честью. (Бурные аплодисменты).

БРЕЖНЕВ. На Президиуме ЦК возник ряд других вопросов, критика в адрес товарищей и необходимость решения ряда организационных вопросов. Президиум ЦК КПСС считает необходимым обратиться к вам с предложением не рассматривать на сегодняшнем Пленуме эти вопросы.

Есть еще какие-нибудь замечания? Нет. Тогда разрешите работу Пленума на этом считать законченной. (Продолжительные аплодисменты).

ГОЛОС. Да здравствует наша могучая ленинская партия и ее Центральный Комитет. (Бурные аплодисменты, возгласы ура).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

яв,зв
пе,кс

Протокол № 9 заседания Пленума ЦК КПСС об утверждении председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгина. 14 октября 1964. [РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 748. Л. 3, 23]

* * *

На заседании пленума ЦК КПСС 14 октября 1964-го рассматривался вопрос о председателе Совета министров СССР:

«Голоса: Предлагаем рекомендовать т. Косыгина.

Брежнев:

— Это совпадает и с мнением Президиума ЦК. Других предложений нет, товарищи? Я голосую. Кто за то, чтобы рекомендовать Президиуму Верховного Совета СССР назначить председателем Совета министров СССР товарища Косыгина А. Н., прошу членов ПК поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет.

Давайте проголосуем все вместе — и кандидаты в члены ЦК, и члены Ревизионной комиссии. Я голосую. Кто за то, чтобы товарища Косыгина рекомендовать председателем Совета министров СССР, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Нет. Рекомендуется на пост председателя Совета министров СССР единогласно. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают.)

Косыгин:

— Товарищи! Хочу поблагодарить вас за то большое доверие, которое мне оказано сегодня. Со своей стороны, приложу все силы, знания, умение, чтобы оправдать ваше высокое, большое доверие, буду стремиться к тому, чтобы выполнить его с честью. (Бурные аплодисменты.)».

15 октября указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении А. Н. Косыгина председателем Совета министров был подписан председателем Президиума А. И. Микояном[355].

Подлежит опубликованию в "Ведомостях" и печати 116

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЭЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА САВЕТА СССР
СССР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
СССР ЖОГАРҒЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
ՍՍՀՄ ԱԶԳԱՅԻՆ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՆԱԽԱԳԱՀՈՒԹՅԱՆ
ССРИ АЛИ СОВЕТИ РЯЈАСӘТ ҺЕЈ'ӘТИНИН ФӘРМАНЫ
TSRS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS

УКАЗУЛ ПРЕЗИДИУМУЛУЙ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ АЛ УНИУНИЙ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRĒTS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМУНУН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
ՍՍՀՄ ԿԱՐԱԳ ՍՈՎԵՏՆԵՐԻ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ԽՈՐՀՐԴԻ
СССР ЁКАРЫ СОВЕТИНИҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PRESIIDIUMI SEADLUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О назначении тов.Косыгина А.Н. Председателем Совета Министров СССР

Назначить тов.КОСЫГИНА Алексея Николаевича Председателем Совета Министров СССР, освободив его от обязанностей Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(А.Микоян)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(М.Георгадзе)

Москва, Кремль.
15 октября 1964 г.
№ 2918-VI.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении тов. Косыгина А. Н. председателем Совета министров СССР». 15 октября 1964. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 82. Д. 153. Л. 116]

Американский финансист и политик Дэвид Рокфеллер считал, что Косыгин *проиграл в борьбе за власть* в Кремле руководителю Коммунистической партии Леониду Ильичу Брежневу и был назначен на подчиненное положение председателя Совета министров СССР — «главного операционного директора советской экономики»[356].

Но так ли это? Стремился ли он занять первый пост —

генерального секретаря? Не могу найти тому подтверждения.

Косыгин был и оставался «вторым» — везде и всегда, всегда и везде…

С другой стороны, почему же Брежнев «выбрал» Косыгина? Почему «доверил» экономику страны? Не было других кандидатур? Уверен — были. Обоюдное соглашение, заключенное между Брежневым и Косыгиным на каких-то взаимных условиях? Вполне вероятно. Но, может, ответ на вопрос о «выборе» где-то, что называется, «на поверхности»? В вопросах экономики и социальной политики Косыгин был опытнее и авторитетнее Брежнева. Его знали и уважали «хозяйственные тяжеловесы» — руководители крупнейших производств. И в этом Брежнев уступал Косыгину. И признавал это, хотя бы сам себе. И все последующие годы у Брежнева даже мысли не было заменить Косыгина кем-то другим. Заниматься «ржавым» механизмом под названием «советская экономика» у генерального секретаря никакого желания не было. И никто, как нам представляется, не желал взваливать этот груз, это бремя. Косыгин был самой удобной кандидатурой: много и многих знал, многое умел, «жил» в экономике, да и в политические «дрязги» не лез, старался обходить стороной все партийные «кланы» и «землячества»; хватило ему «Ленинградского дела» и столкновения «московских» с «ленинградскими».

Но желал ли сам Косыгин занять пост председателя Совета министров? Своими планами он никогда и ни с кем не делился, но и «заявлять самоотвод» не собирался. Так же как не собирался просто «отбывать свой номер».

Глава 6. Что

Перед всеми реформаторами всегда стоял главный вопрос — что реформировать (в смысле — каким образом)?

Такой вопрос встал и перед Косыгиным. Но для этого ему стоило пропустить «сквозь себя» все особенности национального хозяйства СССР, своеобразие его управления, весь свой опыт хозяйственника. От того, правильно ли будет дан ответ на вопрос «что?», зависела судьба и реформы, и самого реформатора.

И еще одно в этой связи. История советской экономики, да и всего советского общества, схожа со слоеным тортом — слой светлый, слой темный… Не исключение и то время, когда Косыгин занимал пост председателя Совета министров…

Начало

Как складывались взаимоотношения с новым генеральным секретарем ЦК КПСС — с Л. И. Брежневым? Они были знакомы давно, видимо — с первых послевоенных лет. В 1950-е годы даже дружили семьями. В конце 1950-х годов их с женами видели вместе на матче «Локомотив» — «Зенит» на стадионе «Динамо», в Театре сатиры…[357]

Не знаю, общались ли они накануне 14 октября 1964-го, но едва ли не через несколько дней после назначения их на новые должности состоялся разговор Брежнева (в ранге генерального секретаря) и Косыгина (в ранге премьера) на не очень приятную тему — «по хлебу и другим продуктам»[358].

Говорили — в мире — о складывании «нового триумвирата» — Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный. Но это были только слухи. Во-первых, время «триумвиратов» уже прошло; во-вторых, ни Брежнев, ни Косыгин на это не пошли бы; в-третьих, с Подгорным властью никто делиться не собирался: Брежнев — уж точно, а от решения экономических проблем председатель Президиума Верховного Совета СССР и сам открещивался. Несмотря на то, что Николай Викторович Подгорный с декабря 1965 года по июнь 1977-го был председателем Президиума Верховного Совета Советского Союза — формальным главой страны — реальной властью он не обладал.

Брежнев, по сути, «скинул» на Косыгина не только все внутренние (хозяйственные), но и международные дела, в частности встречи и переговоры с представителями зарубежных стран, на которых обсуждались не только важнейшие для того времени экономические, но и геополитические вопросы[359].

Да и Косыгин сам после итальянских вояжей начала 1960-х годов готов был «с головой» окунуться в новую для него сферу. Правда, он рассчитывал, что круг вопросов его компетенции будет ограничен чисто экономическими сюжетами; оказалось — не так!

В феврале 1965 года А. Н. Косыгин, которого сопровождал в ту пору секретарь ЦК и завотделом ЦК (по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран) Ю. В. Андропов, отправился в Пекин, дабы обсудить ставший уже тогда достаточно острым вопрос о границах между двумя государствами.

Почему в столицу Китая отправились Косыгин и Андропов, а не Брежнев и Громыко, что было бы логичнее?

Г. А. Арбатов вспоминал о событиях, произошедших месяцем

ранее, в январе 1965 года:

«На носу было заседание политического консультативного комитета Организации Варшавского договора. На Президиуме ЦК обсуждался проект директив нашей делегации, подписанный Андроповым и Громыко…. И вот на заседании Президиума ЦК состоялся первый после октябрьского пленума большой конкретный разговор о внешней политике.

Андропов пришел с заседания очень расстроенный… Как мы узнали потом, некоторые члены Президиума — Андропов был тогда „просто“ секретарем ЦК — обрушились на представленный проект, резко критиковали его за недостаток „классовой позиции“, „классовости“, ставили авторам в вину чрезмерную „уступчивость в отношении империализма“, пренебрежение мерами для улучшения отношений, сплочения со своими „естественными“ союзниками, „собратьями по классу“ (как мы поняли, имелись в виду прежде всего китайцы). От присутствовавших на совещании узнали, что особенно активны были А. Н. Шелепин и, к моему удивлению, А. Н. Косыгин. Брежнев больше отмалчивался, присматривался, выжидал. А когда Косыгин начал на него наседать, требуя, чтобы тот поехал в Китай, потерял терпение и буркнул: „Если считаешь это до зарезу нужным, поезжай сам“.

Главным реальным результатом начавшейся дискуссии в верхах стало свертывание наших предложений и инициатив, направленных на улучшение отношений с США и странами Западной Европы. А побочным — на несколько месяцев — нечто вроде опалы для Андропова»[360].

Во время двухчасовой беседы с Мао последний неоднократно вопрошал Косыгина о том, можно ли вести переговоры с политическими деятелями, которые «предали сначала одного своего лидера, потом — другого» (подразумевая Сталина и Хрущева).

Алексей Николаевич еле «отбился», Андропов все время молчал.

Переговоры — о вопросах границы — пришлось прекратить, так как Мао сводил все попытки о чем-то договориться к критике тогдашнего советского руководства[361].

Мао не произвел впечатления на Алексея Николаевича. Отталкивали высокомерие, желание принизить собеседника, демонстрируя свое «превосходство», и в то же время ярко выпячивалась восточная скрытность и очень была заметна лесть.

Косыгин сам никогда не был склонен к выпячиванию своего «я», он представлял свою страну, а не свою персону, как «великий

Мао»…

С китайским лидером Косыгин больше не встречался.

Алексей Николаевич был раздосадован, но позиции сдавать не собирался и рассчитывал вернуться к обсуждаемой теме чуть позже. На время вопрос о границах пришлось отложить, но, как и предполагал Косыгин, он проявился вновь, причем в совершенно ином, трагическом «обличье» — в вооруженном пограничном конфликте.

У Косыгина были запланированы и другие, не менее важные международные встречи и беседы.

Стратегия и тактика

После памятных октябрьских событий 1964-го прошел год, ровно год…

За это время Косыгину удалось полностью сформировать правительство (более 150 руководителей союзных министерств и ведомств), куда, к удивлению многих, вошли люди степенные, известные и в «летах». Когда Косыгину указывали на возраст министров и их заместителей, Алексей Николаевич возмущался: «Не футбольную команду формирую…»[362]

В правительство вошли не только те, кому Косыгин доверял полностью, так как знал их по совместной работе — Н. С. Патоличев[363], Е. П. Славский[364], А. К. Кортунов[365], И. Т. Новиков[366], Н. К. Байбаков[367], В. Э. Дымшиц[368], Л. А. Костандов[369], К. Т. Мазуров[370], И. В. Архипов[371], З. Н. Нуриев[372], М. С. Смиртюков[373] и другие, — но и «люди Брежнева» — Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов… Как вспоминали очевидцы, с Дмитрием Федоровичем Устиновым сработаться было очень непросто. Не получилось это и у Косыгина, хотя знакомы они были еще с военных времен, но они совершенно разные люди: Косыгин — выдержанный и невозмутимый, Устинов — очень резкий, вспыльчивый, принимал порой и просто непродуманные решения[374].

Дмитрий Федорович Устинов. 1970-е. [Из открытых источников]

Николай Александрович Тихонов. 1980-е. [Из открытых источников]

Если б знать, где упадешь, соломки бы подстелил… Решение о формировании *«великовозрастного»* правительства вышло Косыгину «боком», не сработался он не только с Устиновым… Недолюбливал Косыгина и Андропов, в будущем — с мая 1967 года — всесильный руководитель Комитета государственной безопасности СССР. Он, завидуя тому уважению, которое окружало премьера, считал Косыгина «либералом», не уставая повторять, что по мировоззрению премьер — «большой человеколюб», тогда как такие важнейшие должности требуют иных личностей — жестких и безжалостных…

Алексей Николаевич пытался вспомнить и понять — где и как, что произошло, по какой причине не сложились отношения с «силовиками» — председателем КГБ СССР и министром обороны СССР — Ю. В. Андроповым и Д. Ф. Устиновым?

С Устиновым Косыгин познакомился еще в 1939-м, на XVIII съезде ВКП(б). Дмитрий Федорович вот уже два года как трудился

директором ленинградского завода «Большевик», работавшего на военно-промышленный комплекс. И был — в одно время с Алексеем Николаевичем — отмечен орденом Ленина. Но Косыгин сделал стремительный рывок вперед, став заместителем председателя Совнаркома СССР, а Устинов «тормознулся» на уровне наркома (наркома вооружения). Должность, конечно, немалая, но, как оказалось, нарком (он же министр) — «потолок» (даже не заместитель председателя Совета министров) для Устинова: все, дальше он не поднялся… В чем дело? На пост директора «Большевика» и на пост наркома его рекомендовал все тот же А. А. Жданов. Однако в дальнейшем никакой поддержки от первого секретаря Ленинградского обкома Устинов не получал… Видимо, Жданов счел, что Устинов «не тот человек»: да, работящий, да, знающий, но не тот… «Узкий» специалист и очень уж амбициозный… Да и не мог Жданов ему простить, что, оказавшись в Москве, Устинов сделал «ставку» не на Андрея Александровича, а на Николая Алексеевича Вознесенского, который курировал Наркомат вооружения и который казался молодому наркому более «перспективным» руководителем. «Связь» с Вознесенским «аукнулась» Устинову в 1949-м, во время «Ленинградского дела» его вызывали на допросы, но — лишь в качестве свидетеля…

Проходил по «Ленинградскому делу» и Юрий Владимирович Андропов, трудившийся в конце 1940-х годов вторым секретарем ЦК ВКП(б) Карело-Финской ССР. Он близко знал одного из осужденных по делу — Ивана Владимировича Власова[375], а потому и его таскали на допросы чуть ли не ежедневно, стараясь накопать «компромат»… В начале 1950-го вызовы на допрос прекратились, спас его Отто Вильгельмович Куусинен, глава Карело-Финской республики, он же устроил Андропову и перевод в Москву в 1951-м.

Уже став председателем КГБ СССР, Андропов затребовал из ведомственного архива материалы «Ленинградского дела». Как оказалось, материалы по Андропову были выделены в отдельное делопроизводство…

И Андропов, и Устинов знали о том, что Косыгин во время «Ленинградского дела» «отделался испугом» и был едва ли не единственным человеком, близко стоящим к Жданову, кто избежал ареста. Завидовали его карьерному росту? Несомненно! Близости к Жданову и Сталину? Удачному избежанию репрессий? Вполне вероятно… Но первому фактору — скорее всего. Амбициозные были товарищи, и тот, и другой…

* * *

Косыгин занял пост председателя Совета министров, перевалив 60-летний рубеж жизни. Каким он стал к этим годам? Какие качества как руководитель выработал? Чем отличался от остальных? Умудренный жизненным опытом, Косыгин был осторожен, никогда не «рвался сломя голову» вперед, каждый шаг продумывал, казалось, все просчитывал… В беседе с подчиненными никогда не прибегал к «директивному тону». Наоборот, настаивал на том, чтобы собеседник высказал свое видение той или иной проблемы, того или иного процесса. Его ближайшее окружение — родные и близкие — считали, что Алексея Николаевича отличали «психологическая устойчивость и чувство хорошей ориентировки» — где надо — противостоял, где не надо — уходил в сторону от борьбы[376]*. Этого принципа он придерживался всю жизнь и изменять его не желал.*

Но так по-настоящему и не стал «бойцом-политиком»: групп внутрипартийных не создавал, своих людей к «хлебным» местам не пропихивал… Нет, не был он «бойцом»…

Как же складывался рабочий день Косыгина? В девять часов он приезжал в свой рабочий кабинет в Кремле и начинал просмотр центральных газет. Затем принимал заведующего своим секретариатом, который докладывал о самых неотложных делах, по которым премьер сразу давал задания аппарату, своим заместителям, работникам Госплана, сотрудникам Госснаба, министрам. Все такие поручения, их выполнение, а порой и ход дел тщательно контролировал.

Затем приходил помощник Косыгина по «партийным делам» Владимир Николаевич Соколовский с материалами Политбюро или отдельными поручениями по линии Центрального комитета. Как правило, предварительно решения по этим вопросам были тщательно подготовлены и согласованы с различными организациями. За исполнением последних также был установлен особый контроль[377].

После обеда следовало два часа отдыха, затем — приемы, встречи, работа с документами и прочее, и прочее, и прочее…

Рабочий день был не нормирован.

Министр геологии СССР Е. А. Козловский считал, что Алексей Николаевич — это человек самой высочайшей эрудиции, никогда не вмешивался в политические дрязги, занимался хозяйственными вопросами, в которых разбирался и которые в состоянии был решить. Если возникала какая-то экономическая проблема, он как бы говорил: я в состоянии разрубить этот узел, но — самостоятельно, используя весь багаж своих знаний и опыта…

«Косыгин, — продолжал Козловский, — был уникальным

человеком, очень самостоятельным и ответственным: если он брался за какое-то дело, то отвечал за него до конца».

А еще он всю жизнь свою оставался человеком тактичным, с уважением относился ко всем. Но никогда «ради такта» не отказывался от своих принципов, от своей позиции. И в «этом его превосходство в значительной степени над остальными членами руководства страны»[378].

Став премьером, Косыгин мог «сам себе сказать»: «Второго момента может и не быть…» Действительно, все складывалось: Косыгин — второе лицо государства (Подгорный — не в счет), Брежнев еще не определился, на кого можно опереться, и даже не «сколотил» свою «команду»… А в экономике дела шли все хуже и хуже — не хватало всего и вся. «Дефицит» стал «пиком сезона»…

Время конца 1964-го — первой половины 1965-го стало для Косыгина «точкой невозврата к старому»: сказав «а» в проблеме переустройства советского хозяйства во время своего назначения на пост председателя правительства, он должен был сказать «б» — представить собственный план реформ.

Косыгин много размышлял над возможными различными вариантами реформы, но все они сводились к одному: «надо», «надо», «надо». Но вот как? Косыгин не был теоретиком, и ему, как практику, всегда не хватало умения «подвести» под поиск решения проблемы теоретическую базу, обосновать то или иное решение, ведь реформировать предполагалось не одно какое-либо предприятие, и даже не одну какую-либо отрасль, а — глобально, все хозяйство. Алексей Николаевич искал «некий» «теоретический стержень», который мог бы послужить основанием реформы, искал те формулировки, с помощью которых можно было не только четко объяснить цели и задачи реформы, но обозначить те узловые моменты, которые явились бы основными в реформировании хозяйства.

Конечно, экономистов-теоретиков в Советском Союзе хватало (как, впрочем, и сейчас — в России), но те разработки, с которыми знакомился Косыгин, его явно не устраивали: чего-то в них «не хватало»… И он требовал от помощников все новых и новых материалов экономистов о состоянии дел в национальном хозяйстве, о проблемах последнего и о возможных путях их разрешения…

* * *

Еще осенью 1962 года Алексей Николаевич обратил внимание — скорее всего, по совету своего зятя Д. М. Гвишиани

(о нем чуть ниже), недавно ставшего кандидатом философских наук, но интересующегося проблемами социологии, экономики и управления, — на опубликованную в газете «Правда» статью профессора Харьковского государственного университета Е. Г. Либермана «План, прибыль, премия»[379].

Харьков и его жителей Косыгин знал еще с военных лет, имел представление об интеллектуальном потенциале харьковских научных (да и управленческих) кругов. И неудивительно, что статья именно харьковского экономиста легла на рабочий стол Косыгина.

И эту статью харьковского ученого Алексей Николаевич прочитал, что называется, «с карандашом в руках», останавливая свое внимание на узловых моментах.

Не сохранилось точных сведений о том, произошла ли личная встреча Косыгина и Либермана. Но если она все же состоялась, то какие вопросы могли обсуждаться?

Разговор начал сам Е. Г. Либерман:

— Я настоятельно рекомендовал бы обратить особое внимание на такие показатели, как «прибыль» и «рентабельность» производства.

А. Н. Косыгин в поисках ответа на самый главный вопрос задал свой контрвопрос:

— Почему именно на «прибыль» и «рентабельность»?

Е. Г. Либерман «парировал»:

— Для экономиста было важным найти простое и вместе с тем научно обоснованное решение одной из самых важнейших задач: выстроить систему планирования и оценки работы промышленных предприятий так, чтобы последние были сами заинтересованы в достаточно высоких плановых заданиях для себя, во внедрении новой техники и технологий и в улучшении качества выпускаемой продукции, то есть в наибольшей эффективности производства. Реальной эффективности можно было добиться, если разрабатывать планы предприятий только по объему выпускаемой продукции в номенклатуре и срокам поставок. А это стоило делать только с максимальным учетом существующих прямых связей между производителями и потребителями.

Все остальные показатели производства предприятиям просто не нужны, их надо освободить от «груза» показателей.

Сами же предприятия на основе полученного объемно-номенклатурного задания должны сами, самостоятельно, составлять конкретный план, в том числе по таким показателям, как производительность труда и численность работников, как заработная плата и себестоимость продукции, как накопления,

как капиталовложения и новая техника. И только!

А. Н. Косыгин, разводя руками, ставил новый вопрос:

— Как же можно доверить предприятиям составлять планы, если все их предложения, как правило, ниже возможностей?

Е. Г. Либерман, без тени сомнения и с ходу отвечал:

— Возможности будут учтены, если предприятия сами — морально и материально — будут заинтересованы в привлечении существующих резервов не только при выполнении, но и уже при составлении самих планов.

Для этого по каждой отрасли промышленного комплекса необходимо разработать — на длительный срок — «плановые нормативы рентабельности». Проще и правильнее всего данные «нормативы» разрабатывать и утверждать в централизованном порядке — в виде «шкал», определяющих размеры поощрения работников в зависимости от достигнутого уровня рентабельности.

А. Н. Косыгин, в задумчивости:

— Насколько это целесообразно и оправдано?

Е. Г. Либерман, уверенно:

— Во-первых, чем выше будет рентабельность, тем и поощрение работника будет значительней, и объемы доходов, поступающих в государственный бюджет, будут увеличиваться. То есть рентабельность должна гарантировать рост «общественного богатства» и вместе с тем «страховать» от чрезмерно высоких отчислений в пользу предприятия.

Во-вторых, предприятиям предоставляется возможность получить «поощрения» благодаря долевому участию в доходе: чем рентабельней будет план, который предложит и разработает само предприятие, тем больше будет и поощрение. Если план не будет выполнен, то предприятие может рассчитывать на поощрение лишь в зависимости от фактической рентабельности. Если план будет перевыполнен, то предприятие получит поощрение из расчета средней ставки между плановой и фактической рентабельностью. Составлять заниженные планы станет для предприятия невыгодным делом. Вместе с тем появится стимул к выполнению и перевыполнению планов.

При невыполнении своих же заданий по объему, номенклатуре и срокам поставок продукции предприятие лишается права на поощрения.

Можно было значительно и упростить, и, вместе с тем, улучшить планирование рентабельности предприятий, так как последние должны получать только одно задание по выпуску продукции в номенклатуре и свои планы должны рассчитывать, исходя из существующей шкалы поощрений за рентабельность.

Еще один вопрос, ответ на который Косыгин искал для себя:

— Что необходимо сделать, чтобы добиться высокой рентабельности?

У Е. Г. Либермана и на это был развернутый, принципиальный и продуманный заранее ответ:

— Предприятие при разработке планов должно стремиться к наиболее полной загрузке мощностей и оборудования, так как прибыль должна быть отнесена в процентах к производственным фондам.

Предприятие в собственных интересах обязано будет повышать загрузку имеющегося в его распоряжении оборудования, отказаться от требований излишних капиталовложений, от создания ненужных запасов. Общепринятым было, что сырьевые и материальные запасы предприятий — «почти бесплатный резерв». Однако при введении новых правил, ориентированных на рентабельность производства, стремление к созданию исключительно «на черный день» запаса будет «чувствительно материально», так как будет сокращаться рентабельность, а значит, и поощрения. При оптимальном использовании мощностей предприятия будут стремиться к тому, чтобы максимально снижать себестоимость продукции, не завышать нормы расхода материалов, топлива, инструмента, энергии, поскольку снижение затрат и обеспечит повышение рентабельности.

Рентабельность, таким образом, будет выступать объективным критерием деятельности предприятия. Предприятия будут стремиться максимально повысить производительность труда, перестанут увеличивать рабочую силу, так как подобного рода увеличение снижает рентабельность и, следовательно, фонды поощрения.

Что касается фонда поощрения, создаваемого в зависимости от существующего уровня рентабельности, то он должен быть *единым* и *единственным* источником всех поощрений.

А. Н. Косыгин постарался вставить свое:

— Важной для производства — в условиях внимания к рентабельности и прибыли — остается задача увязать воедино коллективную и личную материальную заинтересованность в труде и использование части прибыли самим предприятием.

Е. Г. Либерман не возражал:

— Предлагаемые идеи освобождали предприятия от мелочной опеки со стороны Госплана, от попыток воздействовать на предприятия и работников последнего не экономическими, а административными мерами. Только само предприятие знает о своих резервах, о своих возможностях. И оно не должно опасаться

того, что все его начинания будут свернуты лишь по «звонку сверху», что все основные рычаги планирования деятельности — финансы, бюджет, учет, капиталовложения, стоимостные, трудовые и натуральные показатели темпов развития, пропорций в сфере производства, распределения и потребления — будут определяться исключительно только из центра.

А. Н. Косыгин что-то набросал на листке бумаги:

— А если что, при составлении текущих плановых заданий предприятия будут бесспорно заинтересованы в том, чтобы произвести максимальное количество продукции, но при минимуме затрат. Сумма планов предприятий должна в полном объеме обеспечить не только выполнение, но и перевыполнение централизованных заданий.

Е. Г. Либерман не возражал, развивая мысль Алексея Николаевича:

— Предприятия не будут оспаривать предложения главков об увеличении показателей, так как поощрения от этого не должны изменяться: сумма и система отчислений останется прежней. При тщательной проработке плана размер поощрения будет оставаться высоким. Любое изменение плана со стороны центра вызывает требование со стороны предприятий пересмотреть все взаимосвязанные показатели; этого при новой системе быть не может.

А. Н. Косыгин постепенно выстраивает и свое видение:

— Предлагаемая система исходила из очень простого принципа: то, что выгодно обществу, должно быть выгодно каждому предприятию, каждому работнику. И наоборот: что невыгодно обществу, то должно быть крайне невыгодным для любого предприятия, для любого работника.

Е. Г. Либерман его поддерживает:

— Некоторые экономисты говорят, что нельзя слишком выпячивать прибыль, что это-де капиталистический показатель. Неверно это! Наша прибыль не имеет ничего общего с капиталистической. Сущность таких категорий, как прибыль, цена, деньги, у нас совсем иная, и они с успехом служат делу строительства коммунизма. Наша прибыль, при плановых ценах на продукты труда и при использовании чистого дохода на пользу всего общества, есть результат и в то же время измеритель (в денежной форме) действительной эффективности затрат труда.

Последнюю установку Е. Г. Либермана можно рассматривать и как попытку «отбиться» от критиков, укрывшись за чисто идеологическим обоснованием: конечно, прибыль остается прибылью, каким бы прилагательным ее ни маркировали — капиталистическая или социалистическая.

А. Н. Косыгин, опасаясь:

— Предприятия начнут выпускать только рентабельную продукцию, а от нерентабельной будут отказываться.

Е. Г. Либерман старается рассеять его опасения, аргументируя свои идеи:

— Во-первых, при нарушениях ассортимента предприятие будет лишаться всякого поощрения. А во-вторых, не должно быть такого, когда одни виды продукции высокорентабельны, а другие, в силу недостатков ценообразования, убыточны.

Таким образом, задача ценообразования — обеспечить рентабельность для всего ассортимента изделий.

Но на вопрос, как этого достичь, ответа Косыгин не услышал и не нашел.

Но у А. Н. Косыгина остаются и другие опасения:

— Предприятия начнут искусственно завышать цены на свои изделия, также давался ответ с указанием на то, что это труднее всего проконтролировать из центра. Потребители безразлично реагируют на калькуляции поставщиков, потребителей устраивает поставка по любой цене, лишь бы она была кем-то утверждена.

Е. Г. Либерман, «закрепляя» свои идеи:

— Любое повышение цен снижает рентабельность изделий. А устанавливаемые поставщиками цены будут проверяться с максимальной требовательностью. Считалось, что будет действенный, а не формальный контроль за процессом ценообразования.

В предложенной «харьковской модели» реформирования очень четко проводилась мысль о том, что рентабельность производства снизится, если предприятие возьмет курс на освоение большого ассортимента изделий и техники. Предлагаемая харьковским экономистом «шкала добавок и снижений размера поощрений» находилась в зависимости от представленного в плане того или иного предприятия удельного веса новой продукции: при выпуске уже освоенных изделий общий размер поощрений будет очень заметно снижаться, при освоении новой — «существенно повышаться».

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин прикрепляет орден Ленина к знамени Латвийской ССР в связи с 25-летием установления советской власти в Латвии. 18 июля 1965. [РГАКФД. Ед. хр. 349836]

Е. Г. Либерман продолжал отстаивать свои идеи очень убедительно:

— Процесс ценообразования должен быть максимально гибким: на новые, востребованные в производстве или в потреблении изделия следует выстраивать цены так, чтобы изготовитель был в состоянии покрыть все свои затраты. В этом случае потребитель не понесет лишних расходов, а, наоборот, получит для себя выгоду, так же как и все национальное хозяйство.

Поощрение за рентабельность должно стать важнейшим рычагом в процессе внедрения новой техники, повышения качества производимых изделий, тогда как существующая система поощрений предприятий «за снижение себестоимости продукции или за повышение выработки против плана или против прошлого года» только препятствовала повышению качества продукции и освоению новых изделий.

А. Н. Косыгину оставалось только вопрошать:

— Что еще предлагаете?

Е. Г. Либерман не задержался с ответом:

— Рассмотреть вопрос о «показателях» производства.

Многие из них требовалось пересмотреть, но сами по себе они ничего не давали, поскольку дело не в показателях, а в системе взаимоотношений предприятий, в способах планирования, оценки и поощрения работы.

Любые показатели будут искажаться, когда их «спускают»

«сверху». Необходимо предоставить предприятиям возможность самим рассчитывать для себя оптимальные сочетания показателей, чтобы добиться конечного эффекта: действительно нужной потребителям качественной продукции, с наибольшей рентабельностью производства. Без «свободы хозяйственного маневра» нельзя резко повысить эффективность производства, нельзя добиться повышения прав предприятия. Текущее планирование необходимо освободить от функции «мерила для определения степени поощрения», но необходимо усилить значение плана как «регулятора производства в целях обеспечения роста объема производства и его эффективности».

Автор «харьковской модели» предупреждал, что предлагаемый метод — это не панацея, он сам по себе не устранит все недостатки. Главное — это заинтересованность, и не ради «показателей», в реальной эффективности производства. Предприятия должны выпускать только такую продукцию, которая сможет быть реализована и оплачена.

В Советском Союзе было общепринятым положение о том, что оценка деятельности предприятий и поощрение должны исходить от факта выполнения плана, который «создает равные для всех условия». Но в действительности планы предприятий устанавливались, исходя из существующего уровня развития предприятий. Этим создавались неравные условия: льготные — для проблемных производств, напряженные — для тех, кто был достаточно успешен.

«Равные стартовые условия» могут быть созданы только при существовании единого норматива рентабельности для всех предприятий, находящихся в одинаковых естественных и технических условиях. Предприятия, получая длительный норматив рентабельности, сами должны показать, на что они способны.

Суммируя свои идеи, Е. Г. Либерман настаивал на том, что необходимо учитывать:

— В СССР нет «конкуренции», но есть «соревнование за лучшие методы руководства», предлагаю установить, что производственные планы — после принятия «объемно-номенклатурной программы» — полностью составляются самими предприятиями.

Косыгин мог добавить к сказанному:

— Необходимо гарантировать «государственную добросовестность и заинтересованность» предприятий в максимальной эффективности производства, установить единый фонд для всех видов материального поощрения в зависимости от рентабельности; необходимо централизованно утвердить «шкалы»

поощрения, находящиеся в зависимости от рентабельности, для различных отраслей и групп предприятий.

Е. Г. Либерман с ним соглашался, но настаивал еще на том, что:

— Необходимо усилить централизованное планирование путем доведения обязательных заданий только до аппарата ведомств, ликвидировав при этом практику разверстки заданий сверху и между предприятиями по «достигнутому уровню».

Алексей Николаевич, казалось, уже увлекся идеями и планами своего собеседника:

— Важно обязать оценивать самостоятельно разработанные предприятиями текущие планы без внесения изменений в показатели рентабельности как базы для поощрения предприятий; разработать порядок использования фондов поощрения из прибылей, расширения права предприятий в расходовании данных фондов; выработать принцип и установить порядок *гибкого образования цен* с таким расчетом, чтобы изделия были рентабельны и для производителей, и для отдельных потребителей, то есть для национального хозяйства в целом…[380]

* * *

Мы не ставим перед собой задачу критиковать, сопоставлять или выискивать «слабые» или «сильные» стороны экономиста с позиции сегодняшнего дня…

«Харьковская модель» вызвала широкую дискуссию и была перепечатана во многих республиканских и областных изданиях, а также переведена на ряд западноевропейских языков и появилась в средствах массовой информации Чехословакии, Польши, Югославии, Западной Германии, Франции, Италии и Великобритании.

Уверен, что со своей статьей Е. Г. Либерман пришел в «Правду» не «с улицы», а получил, как и газета, «добро» на публикацию в соответствующих структурах (что подтверждается воспоминаниями тогдашнего главного редактора «Известий» А. И. Аджубея[381]).

Идеи, высказанные харьковским профессором, поддержали считавшиеся «либеральными конформистами» советские экономисты — академики Академии наук СССР В. С. Немчинов и С. Г. Струмилин, член-корреспондент Академии наук СССР А. М. Румянцев[382]. Появился даже термин «либерманизм», под которым понимали новые веяния в экономической науке… Но были и противники — например, бывший министр финансов

А. Г. Зверев или ученый-экономист В. М. Глушков, инициатор и главный идеолог разработки и создания Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации, предназначенной для автоматизированного управления советской экономикой. Однако Зверев, критикуя Либермана, не предлагал каких-либо альтернатив, а реализация проекта Глушкова была возможна только с учетом его финансирования в объеме 20 миллиардов рублей (астрономической по тем временам суммы) и могла быть полностью осуществлена только к 2000 году…

Далеко не со всеми выкладками, обобщениями и выводами автора Косыгин был согласен, ему понадобилось время, чтобы, проконсультировавшись с экспертами из Госплана, Академии наук, Московского университета, понять убедительность доводов Либермана в отстаивании своих идей. По сути, харьковский профессор теоретически обосновал то, о чем и сам Косыгин размышлял на протяжении многих лет, а также объяснял, с научной точки зрения, выгодность одних и косность иных элементов экономического механизма. По сути, Либерман свел воедино все «за» и «против» реформы, доказывая, почему так, а не иначе. В то же время Алексей Николаевич прекрасно понимал, что Евсей Григорьевич чистой воды теоретик, мало имевший дело с практической реализацией теоретических парадигм. Косыгин и сам старался иметь дело с практиками, останавливая ученых-теоретиков:

— Подождите, вы потом будете подводить экономическую базу, давайте сейчас послушаем тех, кому осуществлять реформу, они лучше знают все подробности производства[383].

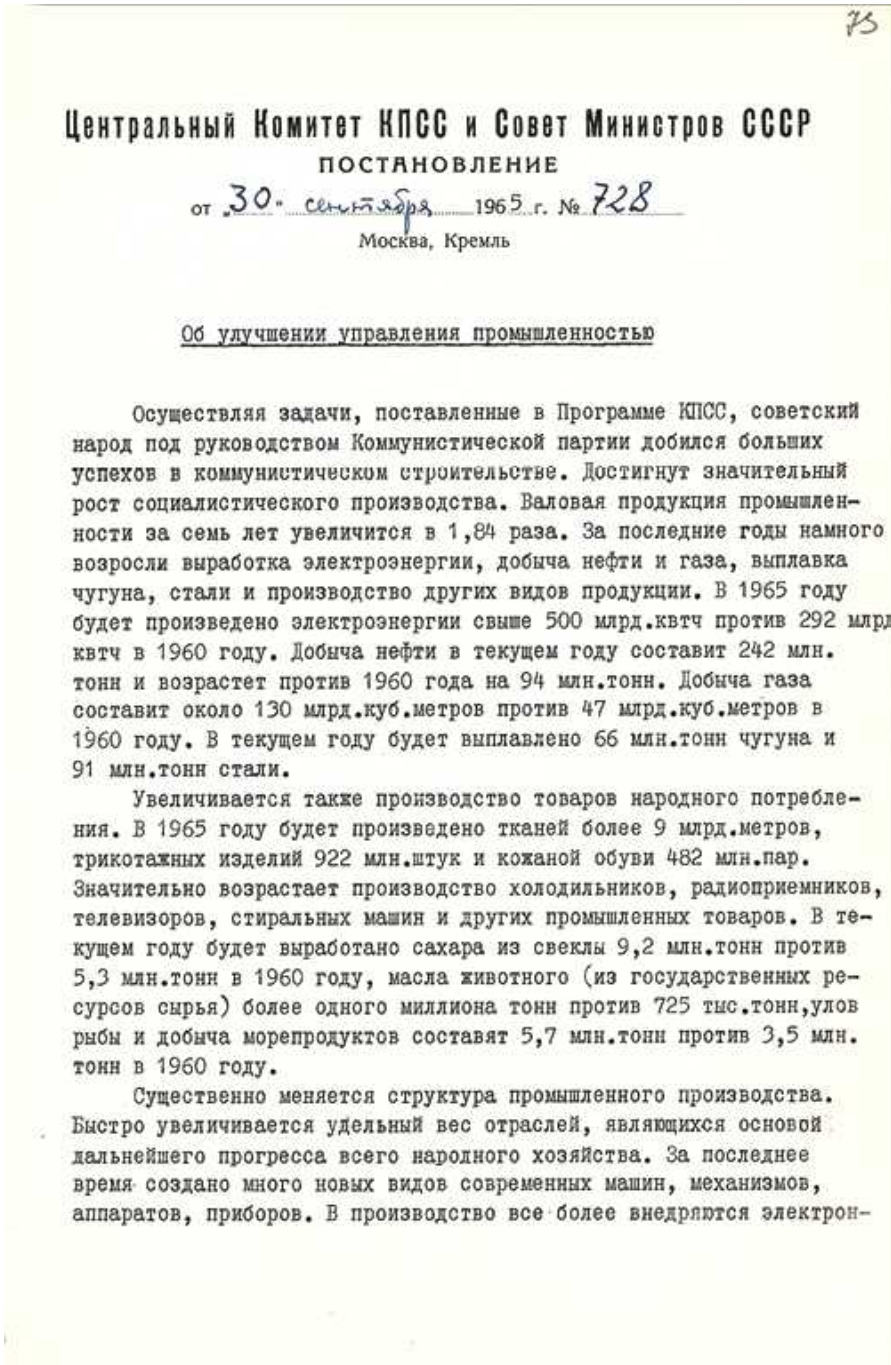
Станислав Густавович Струмилин. 1940-е. [Из открытых источников]

Статья Либермана была той «последней каплей», которая перетянула чашу весов с аргументами «нужно ли» над аргументами «можно ли».

Уверен, Косыгин сам себе (но только — сам себе) признавался в том, что «экономические законы социализма», как тогда принято было определять, «носят объективный характер». Их нельзя «реформировать» волей одного лица или целого государства. Однако их можно и нужно познавать и использовать для решения конкретных задач национального хозяйства. Эта установка и сделала возможным начать «косыгинскую реформу».

Стоит учитывать и тот факт, что экономическая концепция Либермана выступала, и это понимали многие, альтернативой сталинской концепции, принцип «народнохозяйственной рентабельности» она предлагала заменить рентабельностью отдельного предприятия[384]. Естественно, «харьковская модель», и это признавали сами ее авторы, нуждалась в доработке, в устранении противоречий. Но «устранять и дорабатывать»

предполагалось в процессе самих реформ… Да и средств для дальнейшей разработки не требовалось столько, сколько запрашивал для реализации своих идей В. М. Глушков. Все это, несомненно, подкупало.

75

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 30 сентября 1965 г. № 728

Москва, Кремль

Об улучшении управления промышленностью

Осуществляя задачи, поставленные в Программе КПСС, советский народ под руководством Коммунистической партии добился больших успехов в коммунистическом строительстве. Достигнут значительный рост социалистического производства. Валовая продукция промышленности за семь лет увеличится в 1,84 раза. За последние годы намного возросли выработка электроэнергии, добыча нефти и газа, выплавка чугуна, стали и производство других видов продукции. В 1965 году будет произведено электроэнергии свыше 500 млрд.квтч против 292 млрд квтч в 1960 году. Добыча нефти в текущем году составит 242 млн. тонн и возрастет против 1960 года на 94 млн.тонн. Добыча газа составит около 130 млрд.куб.метров против 47 млрд.куб.метров в 1960 году. В текущем году будет выплавлено 66 млн.тонн чугуна и 91 млн.тонн стали.

Увеличивается также производство товаров народного потребления. В 1965 году будет произведено тканей более 9 млрд.метров, трикотажных изделий 922 млн.штук и кожаной обуви 482 млн.пар. Значительно возрастает производство холодильников, радиоприемников, телевизоров, стиральных машин и других промышленных товаров. В текущем году будет выработано сахара из свеклы 9,2 млн.тонн против 5,3 млн.тонн в 1960 году, масла животного (из государственных ресурсов сырья) более одного миллиона тонн против 725 тыс.тонн,улов рыбы и добыча морепродуктов составят 5,7 млн.тонн против 3,5 млн. тонн в 1960 году.

Существенно меняется структура промышленного производства. Быстро увеличивается удельный вес отраслей, являющихся основой дальнейшего прогресса всего народного хозяйства. За последнее время создано много новых видов современных машин, механизмов, аппаратов, приборов. В производство все более внедряются электрон-

19. Сохранить действующую систему материально-технического снабжения предприятий и организаций железнодорожного и воздушного транспорта, морского и речного флота, связи, энергетики, транспортного строительства, газовой промышленности, сельского хозяйства и исполкомов местных Советов депутатов трудящихся.

x x
x

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР считают, что указанные мероприятия по улучшению управления промышленностью должны способствовать более полному использованию преимуществ социалистической системы хозяйства для дальнейшего развития экономики страны.

Большую роль в этом деле должны сыграть создаваемые промышленные министерства, призванные в новых условиях обеспечить более конкретное руководство производством, непрерывное совершенствование его, повышение качества выпускаемой промышленной продукции и дальнейший рост производительности труда на основе внедрения современных достижений науки и техники, передового опыта, научной организации труда и повышения культуры производства. Особое внимание должно быть обращено на улучшение работы с кадрами, всемерное развитие инициативы и творческой активности работников производства, дальнейшее укрепление государственной и производственной дисциплины, совершенствование организации и проверки исполнения решений и повышение ответственности каждого работника за порученное ему дело.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР уверены в том, что партийные и советские органы, общественные организации, работники промышленности организованно проведут намеченные мероприятия и добьются новых успехов в подъеме промышленного производства для удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в высококачественной промышленной продукции.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
Брежнев (Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров Союза ССР
Косыгин (А.Косыгин)

УД

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 728 «Об улучшении управления промышленностью». 30 сентября 1965. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 791. Л. 73, 83]

…С конца 1964-го по начало осени 1965-го Косыгин вместе с

помощниками — более всех ему помогал все тот же А. Г. Карпов, с которым он работал и в Совете по эвакуации, и в осажденном Ленинграде, и в Совете народных комиссаров РСФСР — сводил воедино теоретические выкладки реформы, продумывая каждый параграф, каждый абзац, каждое предложение.

27 сентября 1965 года председатель Совета министров СССР выступил с докладом об основных направлениях экономического курса вновь созданного правительства «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

О чем же хотел сказать и сказал премьер?

По мнению Косыгина, для того чтобы правильно поставить, понять и решить задачи долгосрочного развития «социалистической промышленности», важно учесть ряд моментов, которые характеризуют современную стадию развития производства. Говоря о состоянии советской экономики, Алексей Николаевич отмечал, что за конец 1950-х — первую половину 1960-х годов произошло «*некоторое*» (типичная советская «оговорка» — «*некоторое*») снижение объемов национального дохода и промышленной продукции, приходящихся «на рубль основных производственных фондов». Замедлились, причем очень существенно, темпы роста производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве, также «представляющие собой важные показатели эффективности общественного производства»; хозяйственная инициатива рабочих, руководителей и права предприятий оказались практически на нулевой отметке; хозрасчет носит чисто формальный характер; действующая система материального поощрения работников слабо заинтересовывает их в улучшении деятельности предприятий, а зачастую даже действует вразрез с интересами национального хозяйства в целом[385].

Основные проблемы экономики Советского Союза очертил, по сути, одним, правда несколько длинноватым, предложением: *существующая между развитием промышленности группы «А» и группы «Б» непреодолимая диспропорция, недостаточное количество и низкое качество предметов потребления, ведущее к тотальному дефициту и недовольству населения, распыление средств, направляемых на капитальное строительство (об этом Косыгин говорил начиная с конца 1950-х годов), медленное внедрение в промышленное производство научных достижений*[386].

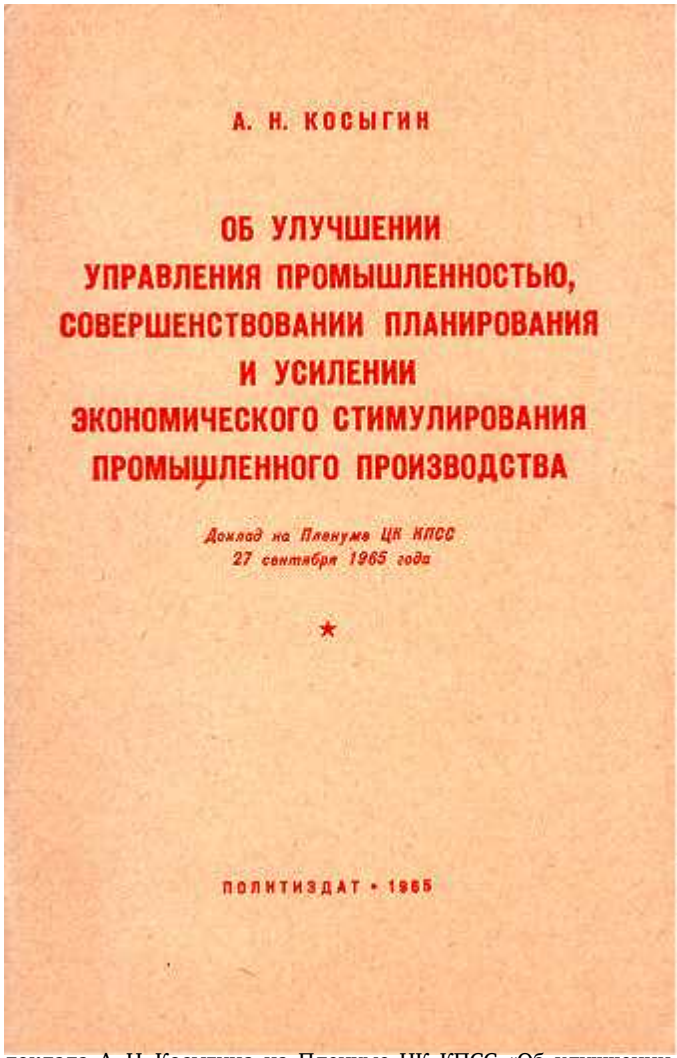
Вывод советского премьера оказался «простым, как сама правда» — советская экономика нуждается в реформировании, причем — срочно. Сказано это было не «прямо в лоб» слушателям, а к этому Косыгин подводил, что называется, «исподволь». Но в

докладе своем Косыгин отстаивал главный принцип советской экономики — *при всех реформах она должна оставаться плановой.*

Верил ли он в то, что говорил? Несомненно. Ведь советская экономика «окружала» его почти всю жизнь, он сам стал ее «составной частью», он, как ему казалось, знал каждый сектор, каждую проблему, каждый рычаг, с помощью которого можно было бы перезапустить тот или иной механизм. А плановость для Косыгина оставалась базовым понятием, отличающим социализм от капитализма, который он, Алексей Николаевич, даже в этом докладе подверг критике.

…Но понимал ли Косыгин, что любая реформа в Советском Союзе будет полностью зависеть от политической конъюнктуры?

Думаю, что понимал, но рискнул…

А. Н. КОСЫГИН
ОБ УЛУЧШЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ, СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПЛАНИРОВАНИЯ И УСИЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 сентября 1965 года
★
ПОЛИТИЗДАТ • 1965

Текст доклада А. Н. Косыгина на Пленуме ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». 27 сентября 1965. [РГАСПИ]

На следующий день доклад был опубликован[387], однако реакции на него не последовало: все ждали реальных шагов…

Реформа: политика внутренняя и внешняя

30 сентября и 5 октября 1965-го за подписью генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина выходят два постановления, друг за другом, за номерами 728 и 729: «Об улучшении управления промышленностью» и «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Реформа начала свой отсчет… И то, и другое постановления — результаты деятельности «команды» Косыгина.

* * *

…Конец сентября 1965 года, рабочий кабинет генерального секретаря ЦК КПСС, за столом — друг напротив друга — двое — Брежнев и Косыгин…

У Брежнева в руках проект постановления «Об улучшении управления промышленностью». Косыгин — до того как последний поставил свою подпись под текстом постановления — объясняет его суть и смысл, что называется, «на пальцах», переходя то на «вы», то на «ты»:

— Леонид, а знаешь что… может, тебе читать и вникать в столь далекие от тебя премудрости и не стоит… Но я постараюсь объяснить основное… Ведь вся ответственность на мне… Ты же помнишь, что совсем еще недавно мы обсуждали вопрос о закупке хлеба… Страшно сказать, хлеба у нас не хватает… И не только… Дефицит самого элементарного… Да, да, не удивляйся: самого элементарного… вчера мне в секретариат письмо прислали, что в самой Москве с трудом смогли купить бритвенные лезвия и мужские носки. Это — в Москве! А в других городах?

Выслушивать все это Брежневу было не очень приятно… Но Косыгин был настойчив:

— Первое — предлагаю *«поставить крест» на территориальных принципах управления нашей экономикой*, отказаться от советов народного хозяйства и государственных комитетов, вернуться к отраслевой системе, к уже привычным министерствам и ведомствам. Знаешь ли, Леонид, я очень скрупулезно рассматривал итоги деятельности совнархозов и развития нашего экономического комплекса за вторую половину 1950-х — начало 1960-х годов и пришел к выводу: существовавшие формы и методы управления промышленным и аграрным комплексами с позиции решения главной нашей задачи

— повышения эффективности всего производства — не отвечали выдвигаемым нами же требованиям![388]

А знаешь что, я убежден: главное противоречие и главный недостаток совнархозов в том, что управление различными отраслями хозяйства, представляющего собой единое целое, было раздроблено…

Конечно, далеко не все были согласны с Косыгиным. Первый секретарь ЦК компартии Украины П. Е. Шелест записал в своем дневнике 10 июня 1965 года: «Заседание Президиума ЦК КПСС. Основной вопрос — организация управления промышленностью. Выступал Косыгин. *Речь его была не совсем собранной, неубедительной*. Большие нападки на систему совнархозов: якобы из-за нее у нас довольно вялая экономика, при них снизились все технико-экономические показатели в промышленности и строительстве, упала производительность труда, на вложенный рубль нет должной отдачи, снизился национальный доход… *Все грехи приписываются совнархозам*»[389].

Но в разговоре с Брежневым Косыгин был *собран и убедителен*, в итоге было принято решение «упразднить Высший совет народного хозяйства СССР Совета министров СССР, Совет народного хозяйства СССР, республиканские советы народного хозяйства и советы народного хозяйства экономических районов», *преобразовав* их в союзно-республиканские министерства.

Некоторые из современных исследователей считают, что данное решение носило сугубо политический характер[390].

Но какая уж тут политика? Это — «чистой воды» вопрос управления громоздким советским хозяйственным комплексом, снабжения его материальными ресурсами и «регулировки» его технического развития: в связи с переходом к управлению промышленностью по отраслевому принципу общесоюзные и республиканские министерства должны были стать «распорядителями» ресурсов, выделяемых на развитие хозяйственных отраслей, а реализация хозяйственных планов материально-технического снабжения должна была осуществляться через «систему главснабсбытов и территориальных органов материально-технического снабжения».

Другой вопрос в том — не произойдет ли в результате смены совнархозов на министерства обычной *перестановки слагаемых*, которая никак не скажется на общей ситуации? Ответ можно было бы найти в чисто идеологической «вставке» постановления: «Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР считают, что указанные мероприятия по улучшению управления промышленностью *должны способствовать более полному использованию преимуществ социалистической системы хозяйства*

для дальнейшего развития экономики страны…»[391] То есть — способствовать, а не менять что-то коренным образом.

Но понимал ли Косыгин, что подобные «пассажи» придают его идеям и словам некую «двойственность», стремление «угодить всем и каждому»?

Скорее всего, здесь и дань традициям, и уступка Агитпропу (Отделу агитации и пропаганды ЦК КПСС), который настаивал на подобного рода «вкраплениях» и «вставках» и применял их к месту и не к месту. Косыгин и сам, видимо, не возражал, поскольку, во-первых, стремился сохранить *главное* в документе, а во-вторых, давно усвоил правила партийной «игры».

…Возвращение к старой, испытанной управленческой структуре — министерствам и ведомствам — произошло не «вмиг», к этому вопросу возвращались снова и снова. Так, в июле 1967 года к вопросу о роли и месте министерств вновь вернулись, когда Косыгин подписал постановление «Об утверждении Общего положения о министерствах СССР».

Согласно этому положению, министерство является центральным органом государственного управления, осуществляющим общее руководство той или иной отраслью национального хозяйства; «несет перед партией, государством и народом» (градация чисто идеологическая) ответственность за состояние и развитие соответствующей отрасли хозяйства, научно-технический прогресс и технический уровень производства, за технологию производства, за качество всей выпускаемой продукции, за «наиболее полное удовлетворение потребностей страны»; осуществляет *плановое* руководство отраслью промышленности «*на научной основе с учетом требований комплексного развития*» национального хозяйства всего Советского Союза; обеспечивает «*оптимальное сочетание*» экономических и административных методов руководства, в том числе — «*наиболее полное и рациональное*» использование таких экономических рычагов, как заработная плата, прибыль, цена, премия, кредит, внедрение эффективных систем управления с обязательным привлечением электронно-вычислительной техники; «обеспечивает» разработку и реализацию «объективных принципов» подбора, обучения, выдвижения и расстановки руководящих хозяйственных, инженерных и научно-исследовательских кадров; решает вопросы по отрасли в пределах предоставленных ему прав и полномочий; обязано неукоснительно соблюдать права одноименных министерств союзных республик, а также права предприятий, организаций и учреждений и «содействовать развитию их хозяйственной самостоятельности и инициативы» и так далее, и тому

подобное[392].

В принципе, ничего оригинального, примерно то же говорилось и о совнархозах, когда принималось постановление об их организации.

…Даже при учете агитпроповских вставок и поправок в тексте Косыгин любил четкость, причем — в любом документе, от простой записки до правительственного постановления. В документах о роли и значении вновь создаваемых министерств, казалось, прописано было все, но все же постановления носили обобщающий характер; экономику нельзя было загнать в четко прописанные границы развития — это хорошо в теории, но невозможно применить в полном объеме и безотказно на практике. В реальности министерствам приходилось решать массу вопросов, которые ну никак не укладывались в принятые постановления.

Понимал ли это Косыгин?

Конечно понимал, нет никаких сомнений.

А он и не рассматривал постановление как документ, который способен дать ответы на все вопросы, возникающие в процессе производства и управления той или иной отраслью промышленности или сельского хозяйства. Для Косыгина было важно наметить основные направления деятельности и ответственности министерства, дав возможность последнему проявить самостоятельность. Другой вопрос в том, возможно ли это было в рамках советской экономики?

* * *

Но вернемся в кабинет Брежнева, в сентябрьский день 1965 года…

Брежнев взял в руки листок с проектом другого постановления — «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»[393]. Для генсека текст еще более пространный и менее понятный, и еще более «расплывчатый», чем предыдущий.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от „4" октября 1965 г. № 729

Москва, Кремль

О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства

Народное хозяйство СССР успешно развивается по единому общегосударственному плану, обеспечивающему и направляющему деятельность всех предприятий и организаций, коллективный труд советского народа.

Социалистическая промышленность является основой нашей экономики, базой могущества страны. От уровня и масштабов ее развития, от результатов ее работы зависит успешный рост всех отраслей народного хозяйства, повышение благосостояния советского народа. В ходе выполнения семилетнего плана достигнуто значительное увеличение объема производства, улучшилась его структура; наиболее передовые отрасли растут опережающими темпами. Промышленное производство развивается на здоровой и прочной основе социалистических производственных отношений.

Осуществление поставленных задач по созданию материально-технической базы коммунизма, неуклонному подъему материального и культурного уровня жизни народа требует обеспечения высоких темпов развития промышленного производства, внедрения в народное хозяйство новейших достижений науки и техники, научной организации труда, улучшения качества продукции и повышения эффективности общественного производства.

Важнейшим условием решения этих задач является более полное использование преимуществ системы социалистического хозяйства, дальнейшее улучшение планового руководства промышленностью.

Существующие методы и формы планирования и стимулирования в промышленности имеют крупные недостатки и не отвечают новым требованиям хозяйственного строительства, современным технико-экономическим условиям и уровню развития производительных сил.

стимулирования промышленного производства в центр своего внимания, усилить работу по воспитанию работников предприятий в духе сознания высокого долга и ответственности за результаты своей работы и работу всего коллектива, обеспечить активное участие широких масс рабочих, инженерно-технических работников и служащих в использовании имеющихся резервов для ускорения технического прогресса, повышения качества продукции и эффективности производства.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
(Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров Союза ССР
(А.Косыгин)

УД

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». 4 октября 1965. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 791. Л. 84, 118]

Косыгин, опуская привычные агитпроповские тирады об

«успешном развитии по единому общегосударственному плану, обеспечивающему и направляющему деятельность всех предприятий и организаций, коллективный труд советского народа», о решении «задач по созданию материально-технической базы коммунизма и неуклонному подъему материального и культурного уровня жизни народа», постарался представить Брежневу самую суть:

— Леонид, ты же не будешь спорить с тем, что действующие у нас методы и формы планирования и стимулирования не отвечают современным требованиям управления хозяйственным механизмом? Не будешь возражать тому, что мы чрезмерно большое место отводим этим самым пресловутым административным формам и методам, а роль экономических рычагов и подходов управления хозяйственным комплексом принижена, и очень сильно?

Впрочем, что я спрашиваю, это вообще-то — факт общеизвестный.

Брежнев согласно кивнул, зачем, что и как ему возражать?

— С моей стороны дерзким, пожалуй, будет утверждение о том, что плановые задания ориентированы главным образом на достижение *количественных показателей,* тогда как *качество отходит на второй план*.

Но и это «признание» не было для Брежнева в новинку: в утверждение слов Косыгина он только согласно вздохнул.

— Но это далеко не все. — Косыгин на пару секунд прервал речь, видимо, раздумывая над тем, как доходчивей преподнести свою мысль. — Знаешь что… *самостоятельность* предприятий в развитии собственного производства и в выполнении государственных планов у нас *необоснованно ограничена. Нет у нас должной и нужной материальной заинтересованности* в общих итогах работы предприятия, в привлечении внутренних «скрытых» резервов и повышении рентабельности самого производства. *Не прописана ответственность* каждого предприятия за нарушение сроков поставки продукции потребителям, и уж тем более — за бракованную продукцию.

Тебе что-то говорит такое понятие, как *«хозяйственный договор»*?

Генсек только пожал плечами, это не в его «сфере интересов»…

— Вот! И он своего важного и нужного места в хозяйственных отношениях не нашел. А зря! Добавим к этому еще и *хозяйственный расчет*! Он тоже как-то у нас сам по себе существует, чисто формальное явление, к сожалению! И вообще, кроме хозяйственных договора и расчета мы и в планировании, и

в самом производстве очень незначительно привлекали и использовали прибыль, премии, кредит. И политика ценообразования у нас хромает на обе ноги.

Брежнев развел руками. Вот тебе, «бабушка», как говорится, «и Юрьев день»: на 49-м году советской власти признание — «все плохо»!

Косыгин внимательно наблюдал за реакцией Брежнева, не спеша выкладывал ему и то, что «плохо», и то, что «хорошо».

— Однако наши слабости не стоит считать только недостатками, они еще — задачи, стоящие перед нами; задачи непростые, поскольку уже не одно поколение советских управленцев, и я в том числе, пытались найти методы и средства, дабы что-то изменить в указанных «параметрах». Наиболее удачливыми в этом плане были годы новой экономической политики, но дважды в одну реку зайти невозможно: с 1920-х годов изменилось много — и обстановка, и само хозяйство, и наш народ, для которого, например, определение «частная собственность» просто неприемлемо.

Но главное для нас, — Косыгин предупреждающе повел указательным пальцем вверх, — содержание понятия «прибыль», ее роль в процессе реформирования деятельности предприятия…

…Еще работая над теоретическими выкладками будущей реформы, Косыгин указывал на то, что прибыль, в отличие от себестоимости, в более полном объеме отражает рост объемов произведенной продукции, а также постоянное обновление и повышение качества выпускаемых изделий, и все это есть различные стороны производственной деятельности предприятия, которые надо учитывать и контролировать. Важно было принимать во внимание не только размер и прирост прибыли, но и *уровень рентабельности*, то есть иметь информацию о том, сколько прибыли получено на каждый рубль производственных фондов[394].

Стараясь быть понятым, Косыгин был осторожен в формулировках:

— Это коренным образом поменяет сами *базовые принципы деятельности экономики* в Советском Союзе. Если в настоящее время, сейчас, основными показателями остаются «вал» и «себестоимость», то в условиях реформы будут — «прибыль» и «рентабельность»… Хочу напомнить тебе, Леонид, что «вал» и «себестоимость» предоставляют предприятию возможность выпускать больше продукции, не «заморачиваясь» на ее качестве. Но благодаря росту объемов удавалось снижать ее себестоимость. Так?

Брежнев вновь утвердительно кивнул головой.

Косыгин же боялся упустить мысль:

— Все остальное — *исключительно право государства*, которое само определяет цены на произведенную продукцию. И исходит оно при этом из собственных представлений о формировании стоимости. Получается так, Леонид, что само предприятие не заинтересовано в результатах своей работы, поскольку во главе угла стоял принцип «план по валу», которому подчинялся весь процесс производства.

Брежнев внимательно, но молча, не возражая, слушал Косыгина, однако Алексей Николаевич оставался в неведении, понимает ли его собеседник то, о чем идет речь? Однако сворачивать монолог было нельзя, и Косыгин продолжал, стараясь излагать свои идеи, как можно проще:

— При смене принципа «вала» на «прибыль» и «рентабельность» коллектив *предприятия будет заинтересован не только в повышении качества, но еще и в экономии: тех же материалов, той же электроэнергии*. Но, — Косыгин чуть-чуть повысил голос, — для запуска в действие этих новых экономических рычагов — «прибыль» и «рентабельность» — в отношениях между государством и отдельным предприятием важно тщательно продумать особенности действия механизма регулирования их заинтересованности. Иначе интересы производства могли вступить в противоречие с интересами всей нашей экономики. И это могло вылиться в настоящий коллапс[395].

— Каков в этой ситуации план действий? — Косыгин посмотрел прямо в глаза Брежневу, но генсек был невозмутим.

— Главное — *пересмотр методов планового руководства* — а знаешь что, Леонид, позволь, далее я процитирую: «соблюдение *сочетания централизованного государственного планирования с хозяйственной инициативой предприятий и усилением экономического стимулирования всего производства*; расширение прав предприятий *на основе полного хозяйственного расчета*; оценка результатов деятельности предприятий по реализованной продукции, по полученной предприятием прибыли, по выполнению заданий по поставкам произведенной, согласно хозяйственным договорам, продукции; *непосредственная зависимость* оплаты труда не только от результатов индивидуальной деятельности, но и от общих итогов работы всего предприятия».

Косыгин выдохнул и продолжил:

— Я считаю, эти подходы предусматривают, что основой, базой отношений между предприятиями должен выступать *принцип взаимной, хочу это подчеркнуть, взаимной, материальной*

ответственности, а системы планирования и экономического стимулирования должны обеспечить заинтересованность в разработке обоснованных плановых заданий, где предусматривались бы все внутренние ресурсы, в том числе и производственные фонды, и рабочая сила, и совершенствование технологии, и улучшение качества нашей продукции.

Все это будет способствовать основной цели реформы — *росту и эффективности производства, пропорциональному развитию нашего хозяйства*. Согласен?

И вновь в ответ только кивок головы.

— Следовательно, — Алексей Николаевич порыскал взглядом по лежащим перед ним бумагам, — необходимо сконцентрировать все наше внимание на *планировании и на расширении хозяйственной самостоятельности предприятий*.

Как это возможно было реализовать? — Косыгин выдержал паузу. — За *счет повышения роли перспективных планов*, с внедрением самых последних достижений не только нашей, но и мировой науки, с внедрением принципа *пропорциональности* в развитие различных отраслей хозяйства.

Сам же пятилетний план — с распределением важнейших заданий по каждому году — должен оставаться основной формой государственного планирования развития всего национального хозяйства страны. Я на этом принципиальном положении настаиваю! Но!.. Но задания пятилетних планов должны конкретизироваться и уточняться в годовых планах. Это моя очень старая идея, которую я все же рассчитываю реализовать. Пятилетние и годовые планы предприятий должны разрабатываться исключительно на основе устанавливаемых Госпланом контрольных цифр, исходя из которых предприятия-изготовители, — Алексей Николаевич поднес один из лежащих перед ним листков бумаги к глазам, — «*заблаговременно договариваются с предприятиями-потребителями или сбытовыми и торгующими организациями об объеме, ассортименте, качестве и сроках поставки продукции и формируют портфель заказов*».

— И это еще не все, — Косыгин «рубанул» ладонью воздух, — одним из главных принципов предприятий должно выступать правило «обеспечения качества продукции». Отсюда и повышение *роли государственных стандартов,* которые, и с этим, Леонид, не поспоришь, необходимо совершенствовать и обеспечивать быстрейшее их внедрение в производство![396]

— Я уверен, что для нас важным должно стать *расширение* хозяйственной самостоятельности предприятий, при *обязательном сокращении числа показателей плана.* И знаешь, хочу тебе напомнить, Леонид, что сейчас насчитывается более 30

подобного рода показателей. Они «спускаются» предприятиям Государственным комитетом по планированию и соответствующими профильными министерствами. Предлагаю сократить, оставив самые важные, самые профильные.

Во-первых, по *производству* — общий объем реализуемой продукции в действующих оптовых ценах. В отдельных отраслях — в случае необходимости — мог бы применяться иной показатель — объем отгруженной продукции.

Во-вторых, по *труду* — общий фонд заработной платы.

В-третьих, по *финансам* — общая сумма прибыли и рентабельность; платежи в бюджет и отчисления из бюджета.

В-четвертых, по *капитальному строительству* — общий объем централизованных капитальных вложений и ввод в действие основных фондов и производственных мощностей за счет централизованных капитальных вложений.

В-пятых, по *внедрению новой техники*.

В-шестых, по *материально-техническому снабжению* — объем поставок предприятию сырья, материалов и оборудования, распределяемых вышестоящей организацией.

Итого — всего *шесть* показателей!

Выудив из бумажной стопки очередной листок с машинописным, но с густо внесенной рукописной правкой, текстом, Косыгин, сочтя, что генсеку так будет понятнее, просто зачитал одно из предложений: *«все остальные показатели планов предприятий утверждению вышестоящими организациями не подлежат, а разрабатываются самими предприятиями и используются плановыми органами как расчетные материалы к составлению планов»*.

— Леонид, прошу, обрати внимание, это очень важный пункт, он во многом предопределяет самостоятельность предприятий, заинтересованность их в собственном производстве, как по количеству, так и по качеству выпускаемой продукции… Да, этот пункт вступает в некоторое противоречие с таким понятием, как плановость всего производства, плановость, которую никто не отменял и отменять не собирается и которая останется *стержнем* всего нашего экономического комплекса! И это для нас должно оставаться базовым!

Косыгин стремился и рассчитывал сбалансировать два несочетаемых в принципе элемента, что и пытался объяснить Брежневу.

— Предприятия должны *са-мо-сто-я-тель-но,* — разбил на слоги, — решать вопросы хозяйственной деятельности, но обязательное выполнение заданий государственного плана должно оставаться первоосновой всей его деятельности.

— И еще, одно, Леонид: это вопросы хозяйственной деятельности отдельного предприятия. Они, как мне представляется, должны включать: как планирование *объемов производства, всю номенклатуру и весь ассортимент продукции*, так и *заказы, принятые в порядке прямых связей с самими потребителями*; как планирование и осуществление *мероприятий по замене устаревшего технического оборудования, так и внедрение новых технологических процессов, методов и средств учета и контроля*, и устранение всевозможных «узких мест» производственного процесса. Все это должно обеспечить повышение эффективности производства; планирование долговременных — на этом я настаивал и настаиваю постоянно — связей с поставщиками и потребителями. И еще: в сферу вопросов предприятий должны войти как планирование *численности работников* и *средней заработной платы*, так и рациональная *структура управления, использование части средств, остающихся в распоряжении,* — на материальное поощрение работников, на социально-культурные объекты, на жилищное строительство, на развитие и расширение производства, на совершенствование техники…

— Я настаиваю, — Алексей Николаевич «вперился» взглядом в Брежнева, — я настаиваю на том, что при разработке и реализации планов предприятия должны обеспечивать *систематический* рост производства за счет увеличения выпуска продукции и за счет улучшения ее потребительских качеств, за счет постоянного повышения технического уровня производства, снижения издержек производства, увеличения рентабельности и прибыли.

Ты можешь спросить меня: как все это «претворить в жизнь»?

Брежнев не удержался, «смыв» с лица непроизвольную улыбку:

— Вот с этого и стоило начинать!

Косыгин как будто и не заметил реплики:

— Только путем тщательной разработки и широкого привлечения в планировании прогрессивных нормативов и балансовых расчетов.

Вновь пауза, Алексей Николаевич выуживает листок бумаги с каким-то текстом: «Извини, прочту, боюсь что-то упустить».

— С помощью «ежегодных балансов производственных мощностей и нормативных сроков их освоения, нормативных режимов работы и производительности оборудования и механизмов, норм расхода материалов, сырья, топлива и электроэнергии, нормативов трудовых и денежных затрат, материальных и стоимостных балансов».

Брежневу показалось, что все это он уже слышал… Увы, «широкое привлечение и использование» — это, к сожалению, «общее место» для большинства документов времен 1960-х годов, конкретика же оставалась пока «за кадром».

Косыгин считал важным — в реформировании хозяйственных механизмов — сбалансировать роль Госплана иными хозяйственными рычагами:

— А знаешь что, в интересах последовательного осуществления хозрасчетных отношений стоит, думаю, установить, что хозяйственный договор должен стать основным документом, определяющим права и обязанности сторон по поставкам всех видов продукции, включая и ту, что распределяется в централизованном порядке.

Я, Леонид, твердо убежден — можно без проблем отказаться от существующего вот уже много лет порядка реализации произведенной продукции по квартальным, месячным и разовым нарядам. В качестве базового основания для заключения хозяйственных договоров у нас должны выступать наряды на централизованно распределяемую продукцию.

Косыгин, внимательно наблюдая за реакцией Брежнева, спрашивал, казалось, самого себя:

— Но здесь, Леонид, возникает вопрос, зачем тогда нужен Госплан? Ведь даже хозяйственные договоры на поставку произведенной продукции будут заключаться прежде всего в соответствии со сложившимися рациональными производственно-хозяйственными связями. Предприятие — изготовитель продукции — не имеет права нарушать эти связи без согласия заказчика. Поставки произведенной продукции должны устанавливаться строго по согласованию с соответствующими сбытовыми и снабженческими структурами. А где стороны найдут целесообразным, то стоит заключать хозяйственные договоры на несколько лет, с ежегодным уточнением ассортимента и количества продукции, сроков и других условий.

И знаешь что, Госплан в данном случае выступает как лишнее звено.

Здесь Брежнев не мог не возразить:

— Госплан это же наше все?!

Алексей Николаевич проигнорировал и эту реплику, боясь потерять нить мысли, логику изложения своей идеи:

— Долгосрочность должна подразумевать и повышение материальной ответственности предприятий за возможный срыв договорных обязательств, с обязательным возмещением причиненных убытков. Такой «удар рублем» всегда считался чувствительным, и я решил не игнорировать данное средство…

Хотя думаю, что многим это придется не по душе…

По экспрессии лица Брежнева было видно, что и он, скорее всего, «один из многих».

Косыгин это предполагал и потому постарался несколько «смягчить» позицию:

— Да, конечно, и «усилить материальную ответственность», и «установить материальную ответственность» звучат постоянно… Но кроме «материальной ответственности» необходимо улучшить организацию материально-технического снабжения, а для этого необходимо…

Видимо, чтобы «не сбиться», Косыгин выудил из своей папки очередную «шпаргалку» и зачитал, почти не отрываясь:

— Первое: *разработать* рациональные схемы устанавливаемых на длительное время «прямых связей» между различными промышленными предприятиями, подразумевая создание по-настоящему рационального территориального и отраслевого разделения труда и обеспечение наименьших затрат на производство продукции, на ее транспортировку.

Второе: *обеспечить* расширение и использование всей системы снабжения предприятий материальными ресурсами и техникой и организовать оптовую торговлю средствами производства.

Третье: *укрепить* хозяйственный расчет в деятельности как снабженческих, так и сбытовых структур, усилить их как материальную заинтересованность, так и ответственность за организацию рациональных хозяйственных связей между предприятиями, за обеспечение бесперебойного снабжения всего национального хозяйства всем необходимым и ускорение «оборачиваемости товарно-материальных ценностей».

Отложив в сторону текст, Алексей Николаевич внимательно посмотрел на собеседника: не сложно ли? Понимает ли? Складывалось впечатление, что он «обкатывает» на Брежневе свои идеи, которые для большей «усвояемости» собеседником заранее изложил на бумаге.

— Важнейшим для нас, я считаю, остается вопрос экономического стимулирования предприятий и укрепления хозяйственного расчета. Размер прибыли, который мы оставляем предприятию, естественно, должен зависеть от результатов его хозяйственно-финансовой деятельности, а сама прибыль выступать источником образования фондов предприятий, для собственных капиталовложений, прироста оборотных средств и прочего…

За счет прибыли и собственных ресурсов предприятий я предлагаю создавать собственные фонды: *материального*

поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, развития производства.

По реакции генсека было видно, что его заинтересовало…

— Фонд *материального поощрения* — для премирования, для вознаграждения за годовые результаты работы предприятий и для оказания единовременной помощи. Это, Леонид, по сути, основной фонд, предопределяющий заинтересованность в результатах труда.

Что касается фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, то его предполагается использовать для строительства и капитального ремонта жилых домов, для культурно-бытовой сферы. Опять же — важнейшую роль и в формировании данного фонда, и в использовании его средств, я думаю, стоит поручить именно предприятиям.

Фонд развития производства… Я считаю, что он должен быть привлечен для внедрения новой техники, модернизации уже задействованного оборудования, обновления основных фондов, совершенствования организации производства.

И еще… я предлагал ввести за правило — капитальные вложения, производимые за счет фонда развития производства и фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, должны полностью обеспечиваться материально-техническими ресурсами и фондом заработной платы… А порядок распределения получаемой прибыли должен быть следующим: предприятие в первую очередь, и это главное, обязано вносить из прибыли в бюджет плату за основные фонды и оборотные средства и фиксированные платежи по уплате процентов за банковский кредит.

И, глаза в глаза с Брежневым, отчеканил следующее предложение:

— Государство, таким образом, сохраняет первенство при распределении прибыли.

Затем, опустив глаза в свои бумаги, вновь «цитировал» сам себя:

— «После внесения всех платежей часть прибыли предприятия должна была направляться в фонд материального поощрения, в фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и в фонд развития производства. И все эти фонды, их создание и функционирование, таким образом, оказывались „вторичным“ в сравнении с государственными затратами и долгами предприятия перед государством. Из оставшейся части прибыли должны были осуществляться погашение кредита, предоставленного на капитальные вложения, финансирование централизованных капитальных вложений, а

также производиться отчисления в резерв для оказания финансовой помощи и на другие цели».

Выдохнул… Но Брежнев, казалось, оставался безучастным. Или только «казалось»?

— И самое главное, Леонид, по крайней мере для меня, — материальная заинтересованность работников. Я думаю, что важно увеличить в зарплате ту ее часть, которая непосредственно, я подчеркиваю — непосредственно! — зависит от общих результатов работы предприятия. Важно повысить долю премий в зарплате, повысить вознаграждения за улучшение общих годовых итогов работы предприятия.

Брежнев с этим спорить не стал, но откуда деньги?

— Да оттуда же, Леонид, из создаваемых фондов! А знаешь что… Я думаю… я уверен, что можно ежеквартально расходовать до 90 % средств, поступающих в тот же фонд материального поощрения! А система поощрения должна обеспечить заинтересованность всех работников предприятия в росте объема реализации продукции, прибыли, в повышении рентабельности производства. А показатели, условия и размеры поощрений должны рассчитываться ежегодно, при утверждении годового плана! Но, я считаю, и коллеги со мной соглашаются, нельзя допускать условностей и ограничений в выплате премий. Иначе бóльшая часть премий будет просто «*заиграна*», и это поймут все — от простого рабочего до меня, председателя Совмина.

Здесь Брежнев был двумя руками «за», и это было видно хотя бы по его улыбке!

— И еще, Леонид, вот что важно: при поощрении важно исходить из того, что зарплата должна находиться в прямой зависимости не только от количества, но и от качества произведенной продукции. Руководителям предприятий надо предоставить право доплачивать и за совмещение профессий, и за широкое использование отходов производства.

Это я почерпнул для себя там, в Европе…

Что еще…

— Нам необходимо выстроить такую управленческую систему, в которой важнейшим считается каждое звено. Но здесь заложена и опасность: при ослаблении или выпадении какого-либо из звеньев вся система становится недееспособной! Это «узелок», который я себе завязал на память!

Что еще?..

— Всерьез продумать и перестроить процесс подготовки кадров экономистов и инженеров… Это — долгосрочно!

В мае 1968-го, готовя текст своего выступления на совещании

в Совете экономической взаимопомощи, А. Н. Косыгин записал: «Впервые, пожалуй, вопросы экономических исследований стали занимать важное народнохозяйственное значение… мы можем сказать, *что только теперь у нас появились настоящие экономисты*»[397].

Что и кого он имел в виду? Видимо, тех, кто восемь лет спустя составил костяк создаваемого Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований. Об этом — чуть ниже…

Сейчас о другом.

Все косыгинские выкладки нашли отражение в уже упомянутом постановлении «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»[398].

Бесспорно, постановление отличалось противоречивостью: с одной стороны, стремление достичь смыслового единства документа, логичности, ведь каждое слово должно было весомо лечь в строчку! С другой стороны, удивительно наличие явно идеологических штампов, без которых премьер мог бы и обойтись. Но дело было не в председателе Совмина, но об этом чуть ниже…

Нуждалась в доработке и сама «модель». «Шлифовку» последней предлагалось осуществлять «по ходу реформирования». Но! Но снятие противоречий возможно было — так считали авторы реформы — только при одном условии — развитии реформы в сторону рыночных отношений!

«Антирыночники» возражали — что же, уходим от социализма?

Конечно, на такой резкий кульбит Косыгин и сам не пошел. *Он стремился и рассчитывал занять «серединку», достичь компромисса между «рыночниками» и «антирыночниками»…*

…Реформе Брежнев — поначалу — не мешал, в его рабочих записях и дневниках мы не найдем ни одной заметки о ее подготовке и ходе, и она пошла своим чередом, тем более что она его, и объективно, и субъективно, не касалась.

Заработала в полную силу инициативная группа из десяти экономистов-практиков (причем — ни один из них не занимал каких-либо постов в самом правительстве). Особо выделялся главный экономист Воскресенского химического комбината Мирон Владимирович Фельдман, с которым Косыгин был знаком еще с 1930-х годов как с разработчиком первого техпромфинплана — развернутой годовой росписи производственно-технической и финансовой деятельности предприятия, составленной на основе заданий пятилетнего плана

на соответствующий год[399].

Фельдман слыл знающим человеком, экономистом, что называется, «от Бога», прекрасно ориентирующимся в проблемах как отдельно взятого предприятия, так и целой отрасли.

Группе этой по ходу реализации основных пунктов постановления важно было учитывать все особенности, контролировать ход событий, корректировать то или иное решение, порой по отдельно взятому предприятию. И это понятно, так как каждое из производств отличалось своей уникальностью и по технологиям, и по подбору коллектива, и по профессионализму руководства, и по возможностям решать поставленные задачи.

* * *

И уже тогда, в конце 1965-го, когда Косыгин представил свое видение реформы, он «завязал еще один узелок на память»: не выпускать из-под контроля международную ситуацию, всеми силами и возможностями поддерживать авторитет Советского Союза среди ведущих, динамично развивающихся стран мира, в первую очередь Западной Европы, а также тесные и доверительные контакты с представителями делового мира — руководством крупнейших промышленных компаний, финансовых групп и пр.

Все это было важно с учетом того, что и реформы, и сама советская экономика не могли — и это было понятно всем — развиваться в отрыве и в изоляции от экономики других стран, от мировых достижений в области технологий различных хозяйственных отраслей.

…В декабре 1965-го состоялась встреча Алексея Николаевича с министром иностранных дел Великобритании Майклом Стюартом, в ходе которой обсуждались как «международные проблемы, так и вопросы двусторонних советско-английских отношений: вопрос о возможности заключения договора о нераспространении ядерного оружия и о связи этого вопроса с делами НАТО, а также с проявляемой Советским Союзом озабоченностью в отношении Западной Германии».

Западная Германия (Федеративная Республика Германия) в то время являлась одной из нескольких стран, которые с научно-технической точки зрения могли самостоятельно произвести атомное оружие, что не могло не вызывать обеспокоенности в странах, участвовавших — двадцать лет назад — в антигитлеровской коалиции.

Начал разговор Алексей Николаевич:

— Все ядерные державы должны не только выступать против допуска неядерных держав к ядерному оружию. Они должны выработать программу, которая преследовала бы цель ограничить рост их собственного ядерного потенциала и привести к сокращению, а затем и к уничтожению ядерного оружия… В позиции западных держав в вопросе о нераспространении ядерного оружия имеется определенное противоречие: по их мнению, неядерные державы не должны обладать ядерным оружием, ядерные же державы могут идти и идут по пути дальнейшего наращивания запасов ядерного оружия…

Главное, — считал Косыгин, — это не допустить расширения «ядерного клуба», то есть появления новых стран, владеющих ядерным оружием. И осуществить это можно было только объединенными усилиями ядерных держав.

Обменялись шутками. Отвечая на замечание А. Н. Косыгина о том, что западные страны не приглашают Советский Союз на консультации внутри НАТО, М. Стюарт отметил:

— Советское правительство не приглашает Англию принимать участие в делах Варшавского договора.

А. Н. Косыгин парировал:

— Если Англия хочет, социалистические страны могли бы пригласить ее участвовать в Варшавском договоре. Это вполне осуществимо.

Видимо, Алексей Николаевич вспомнил «инициативу» Сталина, который в самом начале 1950-х годов рассматривал вопрос участия в НАТО и Советского Союза.

Подытоживая обсуждение вопроса о нераспространении ядерного оружия, Косыгин очень коротко суммировал:

— Советский Союз готов все делать для успешного решения проблемы нераспространения ядерного вооружения и надеется, что, разрабатывая различные проекты, касающиеся ядерных сил НАТО, а именно: атлантические ядерные силы, не говоря уже о многосторонних ядерных силах, *в могилу которых Англия, надо надеяться, уже забила осиновый кол*, Советский Союз постарается вместе с Англией окончательно добить этот план…

Очень образная речь была у Алексея Николаевича… *Может, с точки зрения дипломатии не совсем уместно, но — убедительно*.

Майкл Стюарт, рассмеявшись, «выразил удовлетворение» по поводу замечания А. Н. Косыгина о том, что работа над договором о нераспространении ядерного оружия будет, видимо, продолжаться. Сославшись далее на высказывание А. Н. Косыгина о том, что трудно заниматься этим в атмосфере растущей международной напряженности, Стюарт высказывает свое

мнение:

— Если ждать, пока напряженность уменьшится, то вообще никогда невозможно будет добиться заключения данного договора. Но, если даже в условиях напряженности мы сосредоточим свои усилия на каком-то конкретном шаге и достигнем соглашения по нему, это уменьшит напряженность и тем самым создаст более благоприятные возможности для последующих шагов в том же направлении…

Отдельно рассматривался вопрос о готовности Советского Союза увеличить закупки товаров в Англии: до сих пор положение в этом плане оставалось «разочаровывающим» английскую сторону. Англии трудно оставлять и принимать такую «несбалансированность» в торговле с СССР.

Алексей Николаевич вставил свое слово в строку:

— Я был когда-то министром финансов и имею определенный опыт в решении вопроса «несбалансированности»… Решим[400].

Это была очень важная для Косыгина как для премьера встреча. Великобритания рассматривалась советской стороной как важнейший западноевропейский торговый партнер, как страна, известная своими промышленными разработками и технологиями, как одно из сильнейших и авторитетных — в геополитическом плане — западноевропейских государств.

И британские политики достаточно высоко ценили Косыгина как практика, как специалиста, прекрасно знающего экономику собственной страны и очень авторитетного и у себя дома, и за рубежом.

Косыгин озвучивал позицию своей страны, своего общества, воспитанного на определенных — советских — принципах, пережившего всего каких-то 20 лет назад тяжелейшую войну и не желавшего ни одному другому народу пережить подобного рода страдания вне зависимости от социального и государственного устройства.

Важно также помнить, что «холодная война» была в полном разгаре и СССР стремился не только искать вероятных союзников, но и поддерживать контакты с потенциальным противником. Великобритания хотя и противостояла Советскому Союзу, но не желала двигаться в «кильватере» внешней политики Соединенных Штатов Америки. Официальный Лондон стремился выработать собственную линию, придерживаться своих внешнеполитических принципов. И Косыгин это прекрасно понимал и старался «сыграть» на этом.

Но ни один из британских политиков не стал, как, например, президент Финляндии, по-настоящему другом Косыгина[401].

Таких встреч в карьере Косыгина — премьера — *будет множество*, и во время каждой из них он проявлял себя и как знаток — *именно так!* — того или иного рассматриваемого вопроса, и как дипломат, цель которого — «отстаивать национальные интересы». Конечно, нельзя списывать со счетов его коммунистические убеждения, которые зачастую, даже в ущерб самому Алексею Николаевичу, создавали определенные трудности…

В самом начале января 1966 года А. Н. Косыгин, министр иностранных дел Советского Союза А. А. Громыко и министр обороны СССР Р. Я. Малиновский вылетели в Ташкент мирить Индию и Пакистан, которые уже не первый раз — после провозглашения независимости стран — сталкивались в вооруженном конфликте.

«Семь дней терпеливых поисков взаимоприемлемых решений», — так характеризовал сам Косыгин ту поездку. Добавим, еще и семь бессонных ночей…

В итоге 10 января была подписана Ташкентская декларация — дипломатическое соглашение между высшим руководством двух стран — президентом Пакистана Мухаммедом Айюб Ханом и премьер-министром Индии Лалом Бахадуром Шастри при участии председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. Декларация предусматривала меры по ликвидации последствий этого кровопролитного конфликта между Индией и Пакистаном, в том числе отвод армейских подразделений обеих стран на позиции, которые они занимали до начала боевых действий, возобновление деятельности дипломатических представительств, обсуждение мер по восстановлению между Индией и Пакистаном дипломатических, социально-экономических связей[402].

Подписание мирного договора было омрачено трагическим известием: премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри скончался в Ташкенте от сердечного приступа… Все вопросы, связанные с этим экстраординарным случаем, пришлось решать все тому же Косыгину…

А в самом Советском Союзе экономическая реформа делала первые шаги…

Согласно постановлению от 22 января 1966 года за № 55[403], в I квартале 1966 года первая группа — 43 промышленных предприятия — была переведена на новую систему планирования и экономического стимулирования промышленного производства.

«Вешки» расставлены, надо действовать, и действовать активно, по нарастающей, к первым 43 предприятиям, участвовавшим в экономическом эксперименте, подключили еще

200 новых производств. Косыгин старался отслеживать идущие на предприятиях процессы, проблемы, то, как они решались. Особое внимание он уделял кадрам — руководителям, инженерно-техническим работникам, рационализаторам — из рабочей среды.

Он стремился поддерживать все начинания, которые способствовали бы реализации реформ, перестройке производства и производственных отношений, не боялся выдвигать на руководящие посты людей, еще не увенчанных наградами, но умеющих и не боящихся мыслить, принимать нестандартные решения.

Наибольшую известность получил Щекинский химический комбинат. На 1967–1970-е годы комбинату был определен стабильный фонд заработной платы, а вся экономия этого фонда при повышении производительности труда и при сокращении числа работников должна была оставаться в распоряжении самого предприятия. К 1967 году число рабочих на комбинате сократилось на 870 человек, а объем выпускаемой продукции вырос за годы реформ в 2,7 раза, производительность труда в 3,4 раза, почти в 4 раза повысилась рентабельность, расходы заработной платы на рубль товарной продукции снизились почти втрое[404].

К сожалению, так оптимистически обстояла ситуация далеко не на всех предприятиях этой экспериментальной группы…

Дела внутренние чередовались у Алексея Николаевича с проблемами внешними. Расписание его встреч по линии Совета министров сочеталось с графиком его международных саммитов, причем — в различнейших форматах.

22 февраля 1966 года состоялась его беседа с британским премьер-министром Гарольдом Вильсоном.

Почему именно с ним?

Обе стороны считали, что отношения СССР с Великобританией — не с Францией и не с Западной Германией — представляют собой *своего рода «индикатор» общего состояния международной обстановки в Западной Европе*. 1945 год: отношения между двумя странами были хорошими, это — последствия участия двух стран в антигитлеровской коалиции и победы последней во Второй мировой войне.

Последующее десятилетие — это период так называемой холодной войны, который был отмечен не только речью Уинстона Черчилля в американском городке Фултоне, но и осложнением положения в Западной Европе и других частях света; возникновением военных блоков НАТО и Варшавского пакта и т. д. «Одним словом — это был период мрачного, но бескровного противостояния друг другу…»

1955–1965 годы характеризовалось наступлением некоторой «оттепели» в международных отношениях, улучшением двусторонних отношений между СССР и Англией, развитием торговли, культурных и научно-технических обменов. Все это вселяло надежду, что отношения между СССР и Великобританией будут развиваться по восходящей, а для этого требовалось приложить известные усилия.

Но на встрече обсуждались и международные проблемы, которые волновали не только две страны, но и весь мир. Одна из проблем — война во Вьетнаме, о которой говорили не только в Москве или Лондоне, но и во всем мире.

Вильсон отметил:

— Мы, в Англии, признаем вашу позицию, ваши трудности и вашу лояльность к своему союзнику — социалистической стране. Мы не ожидаем, что вы откажетесь от своих союзников. Мы признаем ваши трудности, если вас обвинят в том, что вы хотите начала мирных переговоров по Вьетнаму. Но, — продолжал Вильсон, — мы надеемся, что вы поймете и нашу позицию. Ведь и у нас есть свои союзники… Президент США Джонсон подвергается определенному давлению со стороны некоторых кругов США, толкающих его на проведение опасного курса не только против Демократической Республики Вьетнам, но и против Китая… Военного решения вьетнамской проблемы нет, возможно только политическое решение.

Руководители партии и правительства в перерыве между заседаниями XXIII съезда КПСС. Слева направо: председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь

ЦК КПСС М. А. Суслов, председатель Совета министров РСФСР Г. И. Воронов, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест. Апрель 1966. [РГАКФД. Ед. хр. 115881]

Министр культуры СССР Е. А. Фурцева, председатель ревизионной комиссии КПСС Н. А. Муравьева, генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин (слева направо) в фойе Кремлевского Дворца съездов в перерыве заседания XXIII съезда КПСС. Апрель 1966. [РГАКФД. Ед. хр. 2353]

Ухватившись за это очень откровенное признание, А. Н. Косыгин сконцентрировал свое внимание на критике США:

— Они преследуют в Европе свои меркантильные цели и создают напряженность, которая сказывается на всех европейских государствах. С общечеловеческой точки зрения, США ведут войну, как настоящие бандиты, убивают гражданское население и дотла разрушают города, деревни и другие населенные пункты. Нет никакой разницы между старой колониальной политикой и нынешней политической линией США. Они посылают отъявленных бандитов и головорезов в Южный Вьетнам и ведут войну так, как вели ее в свое время фашисты. Мы не делаем секрета из того, что симпатии Советского Союза и советского правительства полностью на стороне Демократической Республики Вьетнам, что мы посылаем туда вооружение во все большем масштабе и делаем это безвозмездно в целях укрепления обороны этой страны против агрессии со стороны американского империализма. Мы будем и впредь оказывать всю нашу помощь и поддержку[405].

Здесь Косыгин в меньшей степени дипломат, скорее — человек, выплескивающий свои эмоции, порожденные таким страшным явлением, как война, как страдания и гибель мирного населения. Эмоции перехлестывают через край… Но, по крайней мере, Косыгин

откровенен… Ведь он пережил Вторую мировую войну…

* * *

В конце весны 1966 года реформа пришла и в аграрный сектор советской экономики.

Команда Косыгина инициировала реализацию на практике следующих изменений, которые в первую очередь затрагивали вопросы труда колхозников и его оплату…

В конце осени 1965-го состоялся долгий разговор с назначенным всего несколько месяцев назад министром сельского хозяйства В. В. Мацкевичем.

Косыгин сразу «взял быка за рога»:

— А знаете что, Владимир Владимирович… ситуация в колхозах у нас просто аховая. Думаю, что вам это объяснять не надо, вы в министерстве уже лет двенадцать работаете, и министром были, и в Госплане… Поэтому сразу, без обиняков… мои предложения…

Предлагаю, во-первых, нормы трудовой выработки в колхозах приравнять к аналогичным нормам совхозов.

Во-вторых, приравнять колхозников и работников совхозов в объемах заработной платы.

В-третьих, ввести гарантированную государством оплату труда.

В-четвертых, при существовании гарантированной оплаты труда за определенный объем работ ввести оплату за конечный результат — за количество и качество произведенной продукции или за полученный валовой доход.

В-пятых, оплата труда должна осуществляться как натурой, так и деньгами; причем деньгами — не реже одного раза в месяц, натурой — в соответствии со сроками получения сельхозпродукции.

Подлежит опубликованию в Собрании постановлений Правительства СССР 110

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от "7" марта 1967 г. № 199

О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями

Во исполнение решений XXIII съезда КПСС, в целях облегчения условий труда рабочих и служащих, расширения возможностей для дальнейшего повышения их квалификации и культурного уровня, а также в целях более рациональной организации производства, дальнейшего роста производительности труда и эффективности общественного производства Центральный Комитет КПСС, Совет Министров Союза ССР и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Осуществить планомерный перевод рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю (пять рабочих дней и два выходных) с сохранением установленной в настоящее время общей продолжительности рабочего времени за неделю, имея в виду завершить в основном этот перевод к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Для рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций, перевод которых на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями по характеру производства и условиям работы является нецелесообразным, сохранить прежний режим рабочей недели.

Внести в Президиум Верховного Совета СССР проект Указа по данному вопросу.

2. Установить следующий порядок перевода рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями:

а) перевод на пятидневную рабочую неделю рабочих и служащих осуществляется, как правило, одновременно на всех предприятиях, в учреждениях и организациях, расположенных на территории союзной республики (не имеющей областного деления), автономной республики, края, области, города или рабочего поселка;

2. Установить, что при распределении доходов в колхозах в первую очередь выделяются средства на оплату труда колхозников.

Отчисления на пополнение неделимых и других общественных фондов производятся в размерах, устанавливаемых самими колхозами, после выделения средств на оплату труда колхозников, расчетов по обязательным платежам государству и взносов в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников.

3. Для удовлетворения потребностей колхозников в сельскохозяйственных продуктах рекомендовать колхозам создавать гарантированный натуральный фонд распределения по труду. Выделять в этот фонд определенную долю валового сбора зерна и других сельскохозяйственных продуктов, с тем чтобы колхозники, по их желанию, могли получать в счет гарантированной оплаты труда зерно и другие продукты, а также корма для скота, находящегося в личной собственности, в размерах и в порядке, установленных общим собранием колхозников.

4. Введение гарантированной оплаты труда колхозников и дальнейшее повышение оплаты должны осуществляться на основе увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, роста производительности труда, устранения имеющихся недостатков в нормировании и тарификации труда, ликвидации излишеств в численности управленческого и обслуживающего персонала, резкого сокращения непроизводительных расходов и строгого соблюдения режима экономии.

5. Обязать Советы Министров союзных республик в месячный срок разработать и по согласованию с Министерством сельского хозяйства СССР и Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы утвердить рекомендации по оплате труда в колхозах.

6. Обязать Госбанк СССР при недостатке у колхозов собственных средств для обеспечения гарантированной оплаты труда колхозников в соответствии с пунктом 1 настоящего постановления предоставлять таким колхозам в 1966-1970 годах кредит на срок до пяти лет в пределах сумм, предусмотренных в планах долгосрочного кредитования колхозов.

Указанный кредит предоставляется колхозам по их заявкам, рассмотренным и утвержденным райисполкомами.

Размер кредита определяется в пределах разницы между фондом гарантированной оплаты труда и собственными средствами колхозов, предусмотренными на эту цель в производственно-финансовых планах.

Погашение указанного кредита производится колхозами, начиная с третьего года после получения его, в первую очередь после платежей в бюджет.

В связи с тем, что планы долгосрочного кредитования колхозов на 1966 год уже доведены до автономных республик, краев, областей и районов, Советам Министров республик, крайисполкомам, облисполкомам и райисполкомам в целях обеспечения гарантированной оплаты труда колхозников произвести в необходимых случаях перераспределение долгосрочных кредитов между автономными республиками, краями, областями, районами и колхозами.

7. В связи с введением гарантированной оплаты труда в колхозах и увеличением доходов колхозников обязать Советы Министров союзных республик обеспечить в 1966 году соответствующее увеличение розничного товарооборота и производство товаров народного потребления из местных ресурсов.

8. Обязать ЦСУ СССР по согласованию с Министерством сельского хозяйства СССР и Госбанком СССР разработать и ввести с 1 августа 1966 г. оперативную ежемесячную отчетность о расчетах с колхозниками по оплате труда.

9. Поручить Юридической комиссии при Совете Министров СССР представить совместно с Министерством сельского хозяйства СССР и Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы в Совет Министров СССР предложения о внесении в действующее законодательство изменений, вытекающих из настоящего постановления.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
Брежнев (Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров Союза ССР
Косыгин (А.Косыгин)

УД

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 372 «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства». 16 мая 1966. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 798. Л. 128–130]

В-шестых, при сохранении неизменности гарантированной оплаты труда объемы натуральных выплат и премиальных

должны находиться в зависимости от объемов и качества произведенной продукции.

В-седьмых, мы, Совет министров, — через Госбанк — берем на себя обязательство обеспечить гарантированную оплату труда, в том числе и через кредит.

И, в-восьмых, с введением гарантированной оплаты предлагается увеличить производство промышленных товаров, востребованных в сельской местности[406].

Закончив «перечисление», Алексей Николаевич улыбнулся:

— Как видите, все предельно просто…

Но его собеседнику было не до шуток и не до улыбок. Косыгин «рубил по живому», и министр не был готов к столь радикальным идеям, тем более что с ним заранее ничего не обсуждали. Но времени на раздумье премьер не оставлял. Мацкевич мог уповать на то, что «колхозник, — так считал сам министр, — человек образованный»[407], он поймет.

Косыгинские идеи оформились в принятом 16 мая 1966 года постановлении «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства».

Как и все происходящие во второй половине 1960-х годов изменения, предлагаемая в сельском хозяйстве реформа несла в себе как положительный, так и отрицательный заряд. Положительным было то, что колхозники постепенно приравнивались в социально-экономических гарантиях ко всему населению страны, в первую очередь — к работникам совхозов, им гарантировалась оплата труда вне зависимости от объемов и качества продукции, по сути — только за отработанное время.

Но та же идея о гарантированной оплате несла в себе и отрицательное значение: социальная гарантия оплаты расхолаживала работника, не настраивала его на достижение оптимальных результатов, достижений.

Конечно, сохранение и натуральных выплат, и премий ставилось в зависимость именно от объемов и качества произведенной продукции, но не стоило забывать о ментальности крестьянина, который, получая гарантированную государством зарплату, мог покрыть разницу между доходами и расходами своей семьи не столько за счет дополнительной работы в колхозе, сколько поставками из собственного приусадебного хозяйства.

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. Москва. 1966. [РГАКФД. Ед. хр. 247]

1 июля 1966 года в колхозах Советского Союза впервые выдали зарплату. До этого колхозники — почти 50 лет — работали за «палочки» (трудодни отмечались в ведомостях и служили основанием для оплаты труда колхозников сельхозпродуктами и сельхозсырьем, в основном зерном или фуражом, которые тут же реализовывались тому же государству, конечно, по заниженным ценам).

Кроме того, колхозники спустя почти 60 лет после социалистической революции оставались, по сути, «крепостными крестьянами» — у них не было паспортов. И получить паспорт мог далеко не каждый колхозник.

В августе 1974 года А. Н. Косыгин подписал постановление Совета министров СССР, *согласно которому на колхозников распространили паспортную систему*.

Помнит ли кто об этом сегодня?

Экономические изменения — переход на полный хозяйственный расчет — планировались Алексеем Николаевичем

и в государственных сельскохозяйственных предприятиях.

В докладной записке на имя Брежнева Косыгин отмечал, что всего в 1967 году предполагалось перевести на полный хозяйственный расчет («в виде опыта») 390 государственных сельскохозяйственных предприятий — птицефабрики, племенные и конные заводы, питомники, учебные и опытные хозяйства, а также совхозы.

Переводимым на полный хозяйственный расчет сельхозпредприятиям предписывалось самостоятельно обеспечивать возмещение всех производственных затрат, в том числе и выплату кредитов, расширение производства — капитальные вложения, оборотные средства, фонды экономического стимулирования труда.

То есть *на государство колхознику уже не стоило рассчитывать*?

И так, и — не так.

Сельскохозяйственная продукция, реализуемая государственными сельскохозяйственными предприятиями, переведенными на полный хозяйственный расчет, должна была оплачиваться по закупочным ценам с надбавками, установленными для колхозов. Но допускались и изменения — с учетом специфики того или иного производства.

То есть по одним показателям колхозы приравнивались к советским хозяйствам, а по другим — уже совхозы приравнивались к коллективным хозяйствам? Косыгин искал «золотую середину»? Задавал ли Брежнев себе эти вопросы, когда знакомился с докладной Косыгина?

Не подлежащим «дискуссии» председатель Совмина считал правило *сохранения действующих* на тот момент правил реализации расчетов при продаже произведенной продукции в торговую сеть.

В то же время для всех переводимых на хозрасчет сельскохозяйственных предприятий Косыгин предлагал сократить количество плановых показателей, оставив только показатели — по труду, финансам, капитальным вложениям, материально-техническому снабжению. Отменялось обязательство уплачивать из полученной прибыли в государственный бюджет плату за основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения в размере 1 % от стоимости этих фондов.

Из полученной прибыли переходящие на полный хозрасчет предприятия, по мысли Косыгина, обязаны были вносить:

15 % — в фонд материального поощрения. А из сверхприбыли — 50 %, но так, чтобы общая сумма отчислений в данный фонд не превышала 12 % годового фонда зарплаты;

10 % — в фонд социально-культурных программ и жилищного строительства;

20 % — в страховой фонд;

10 % — в фонд укрепления и расширения хозяйства.

Остальная часть прибыли — примерно 45 % — должна была направляться, расставил приоритеты Косыгин, «на выплату премий» по результатам «Всесоюзного социалистического соревнования», а также — на прирост собственных оборотных средств, на погашение кредитов, на капитальные вложения, на покрытие расходов по жилищно-коммунальному хозяйству.

— Опять цифирь, — Брежнев поморщился…

Но не подстраиваться же «под Брежнева»?!

Косыгину было важно донести до генсека идею — переводимые на полный хозяйственный расчет (почти что «мантра») сельхозпредприятия *должны получить право самостоятельно решать вопросы* планирования объемов производства и производительности, распределения фонда заработной платы, формирования административно-управленческих штатов и общего количества работников, реализации не используемых в хозяйстве материальных ценностей — техники, семян, кормов, скота, оборудования, но — исключительно при отказе со стороны министерства от участия в данных процессах «перераспределения излишков», а также самостоятельность при приобретении стройматериалов, но по установленным государственным ценам[408].

И здесь плановость Косыгин старался «сочесть» с рыночными элементами хозяйствования.

Конечно, очень много декларативного, но смысл понятен: и индустриальный, и аграрный сектора «переводятся на новые экономические рельсы»…

Но это все — на бумаге, а на деле?

Самой заметной фигурой в процессе реформирования сельского хозяйства в 1960-х годах был, конечно, Иван Никифорович Худенко — родом из крестьянской семьи, прошедший советско-финскую и Великую Отечественную войны, по образованию — бухгалтер, по призванию — экономист.

Еще в начале 1960-х годов он принял руководство многоотраслевым совхозом «Илийский» Алма-Атинской области Казахской ССР.

1 марта 1963 года в этом совхозе И. Н. Худенко начал осуществление эксперимента по внедрению «безнарядно-звеневьевой системы организации и оплаты труда». 3 комплексных отделения и 9 полеводческих бригад были распущены, взамен были созданы 17 звеньев по 5 человек в

каждом, с закрепленной за ними техникой. Чиновников совхоза — 132 человека — сократили до двух, управляющий (он же агроном) и экономист-бухгалтер. Рабочие совхоза получали зарплату за достигнутые результаты, а не за проведенное на рабочем месте время.

За год работы в условиях эксперимента производство зерна возросло почти в 3 раза, прибыль — в 7 раз, а себестоимость зерна сократилось с 7 рублей до 53 копеек за центнер. Зарплата работников совхоза составила 330–350 рублей (против 100 рублей зарплаты в соседних совхозах). Соседи завидовали? Безусловно, и писали многочисленные кляузы… Что во многом послужило причиной ухода И. Н. Худенко из «Илийского».

В 1969 году Иван Никифорович выступил организатором создания в казахской степи совхоза «Акчи» — «Опытного хозяйства по производству витаминной травяной муки». И здесь, в «Акчи», Худенко применил ту же систему, что и в совхозе «Илийском», а также — полный хозрасчет, оставив в штате управления всего двух чиновников — директора и экономиста-бухгалтера (эту должность занял сам).

Уже через год производительность была в 6 раз выше, чем у соседей, зарплата — в 3 раза. И травяная мука отличалась самым высоким качеством; это признавали и отечественные, и зарубежные специалисты, которые бывали в совхозе в гостях у Худенко.

О новом эксперименте И. Н. Худенко писала как советская, так и восточноевропейская печать. Но в верхах начали проявлять недовольство: работники совхоза получали зарплату больше, чем секретари райкомов партии. Это уже «непорядок»…

В 1970 году эксперимент был свернут, «Акчи» закрыт, сам И. Н. Худенко обвинен в попытке хищения государственной собственности, арестован — в 1972-м, а год спустя осужден к лишению свободы на 6 лет. В 1974 году Худенко скончался в тюремной больнице[409].

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин в Лувре. Франция, Париж. Декабрь 1966. [РГАКФД. Ед. хр. 392817]

Знал ли об этой просто чудовищной истории Косыгин?

Смерть в тюремной больнице — уже в начале 1980-х годов — ждала и еще одного экспериментатора в области экономики и техники тех времен — Йоханнеса Александровича Хинта, который, применяя рационализаторство и хозрасчет, создал уникальную научно-практическую школу механохимии и механоактивации, несколько десятков не имеющих аналогов в мире дезинтеграторных технологий, ряд заводов и технологических линий (без финансовой поддержки со стороны государства)[410].

Знал ли о нем (естественно — не о его трагической судьбе) Косыгин?

…10 ноября 1966 года Алексей Николаевич был назначен председателем Президиума Совета министров СССР. Должность скорее декларативная, так как никаких добавочных прав и уважения она председателю Совета министров не предоставляла.

Авторитет Косыгина мог расти только благодаря его деятельности, судить о которой обыватели могли исключительно по тем постановлениям, которые прямо или косвенно сказывались на их материальном достатке или благополучии.

Проводы на Внуковском аэродроме председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, отбывающего в Лондон по приглашению премьер-министра Г. Вильсона. Среди присутствующих: К. Т. Мазуров (первый слева), А. А. Громыко (второй справа), Д. С. Полянский (первый справа) Москва. 6 февраля 1967. [РГАКФД. Ед. хр. 317004]

* * *

И вновь — внешняя политика в сочетании с решением дел внутри страны… *Деятельность в режиме «нон-стоп»*…

6 февраля 1967 года А. Н. Косыгин прибыл в столицу Великобритании с «официальным визитом».

В Лондоне председателя Совета министров СССР ждали деловые встречи и беседы с премьер-министром Гарольдом Вильсоном, министром иностранных дел Джорджем Брауном и другими высокопоставленными чиновниками.

Коммюнике по результатам встречи содержало два важнейших пункта, ради обсуждения которых Косыгин и Вильсон провели за столом переговоров в общей сложности несколько десятков часов: «Общим интересам отвечает мирное урегулирование нерешенных международных проблем. Они убеждены в том, что *государства с различным общественным строем могут и должны осуществлять мирное сотрудничество на основе соблюдения принципов независимости, национального суверенитета, равноправия и невмешательства во внутренние дела других, отказа от применения силы или угрозы ее применения при решении межгосударственных споров*». Подобный подход к взаимоотношениям двух социальных миров прозвучал впервые.

Встреча в аэропорту Хитроу председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, прибывшего с визитом в Великобританию. А. Н. Косыгин (на возвышении), слева

направо Д. Браун и Г. Вильсон и другие во время исполнения государственного гимна. Великобритания, Лондон. Февраль 1967. [РГАКФД. Ед. хр. 116176]

Советский и британский премьеры договорились об *окончательном урегулировании* взаимных имущественных и финансовых претензий, которые возникли между Советским Союзом и Соединенным Королевством после 1 января 1939 года, получили развитие в годы Второй мировой войны и выступали предметом переговоров в течение многих лет. Стороны брали на себя обязательства не предъявлять друг другу исков или претензий, а также не поддерживать их в дальнейшем. В соответствии с этой договоренностью Великобритания обязалась произвести — в кратчайший срок — в пользу Советского Союза платеж в сумме 500 тысяч фунтов стерлингов за счет активов, находящихся в стране. А. Н. Косыгин дал согласие «*принять этот платеж в форме потребительских товаров английского производства*…»[411]

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин (слева) беседует с послом СССР в Великобритании А. А. Солдатовым после посещения Мемориальной библиотеки Маркса. Великобритания, Лондон. Февраль 1967. [РГАКФД. Ед. хр. 384695]

Налаживание взаимоотношений с Великобританией — важнейший итог деятельности А. Н. Косыгина — совсем не дипломата — *лишь по одному международному направлению*.

Но не только Великобритания находилась в центре внимания советского премьера. Косыгин, не чураясь встреч с мировыми лидерами, искал партнеров в области экономики, готовых поделиться новыми технологиями, инвестициями, опытом,

знаниями… Все это «работало» на авторитет СССР, что являлось, пожалуй, «стержнем» всех внешнеполитических усилий советского премьера…

В декабре 1966 года состоялся его визит во Францию. Беседы и встречи касались основных мировых политических проблем и советско-французских взаимоотношений.

Корреспондент газеты «Известия» в Великобритании М. Г. Стуруа (справа) беседует с Л. А. Гвишиани, дочерью А. Н. Косыгина, на одном из мероприятий, устроенном по случаю визита партийно-правительственной делегации Советского Союза в Великобританию. Великобритания, Лондон. Февраль 1967. [РГАКФД. Ед. хр. 38747]

А. Н. Косыгин и президент Франции Шарль де Голль обсудили в первую очередь европейские проблемы «в духе советско-французской декларации от 30 июня 1966 года», а во-вторых, «изыскивали возможности для сотрудничества в различных областях — мирного использования атомной энергии и космических исследований, новых областей экономики, науки и техники»[412].

Опять же, это все «для публики»… 21 апреля 1966 года Франция вышла из Комитета военного планирования и Группы ядерного планирования НАТО, продолжая принимать участие в работе политических структур Североатлантического альянса. Советской стороне важно было понять дальнейшую политику Франции в этой связи. Лучше, чем Косыгин, для этой роли никто не подходил…

Усилиями Косыгина в решении вопросов мировой политики и экономики заинтересовались и в США. В конце января 1967 года посол США в СССР Льюэллин Томпсон через министра иностранных дел Советского Союза А. А. Громыко передал Алексею Николаевичу личное — и доверительное — послание президента США Линдона Джонсона. Американский президент в своем письме акцентировал внимание на «*возможности достижения понимания*, которое сдержало бы гонку стратегических вооружений», из-за которой и та, и другая стороны «понесли бы колоссальные расходы без существенного усиления безопасности наших собственных народов и без улучшения перспектив прочного мира на земле». Джонсона интересовало мнение по этому вопросу *именно* Косыгина (не Брежнева и не Подгорного), он подчеркивал, что рассчитывает на то, что «в предстоящем году мир вернется на нашу беспокойную землю».

Джонсон был заинтересован в диалоге *именно* с Косыгиным, а потому предоставил в распоряжение посла Томпсона канал связи, к которому будут иметь доступ только сам президент и государственный секретарь Дин Раск[413].

Ровно через месяц Л. Джонсон получил ответное послание от Алексея Николаевича:

«Советская сторона готова продолжать обмен мнениями по тем вопросам, которые связаны со стратегическим ракетно-ядерным оружием. Некоторые дополнительные соображения советской стороны относительно подхода к решению этих вопросов передаются через посла Томпсона. Мы не исключаем также возможности проведения в будущем, как Вы предлагаете, и специальной встречи соответствующих наших представителей для более детального обсуждения всей этой проблемы…»

Косыгин, оставаясь реалистом во взглядах на необходимость мирного сосуществования государств с различными социальными системами, поддержал необходимость установления не просто каналов связи с США, а таких, которые давали бы возможность без огласки, оперативно решать возникающие вопросы.

Далее Алексей Николаевич продолжал:

«Разумеется, для делового рассмотрения проблем, представляющих взаимный интерес, создались бы гораздо более благоприятные условия, если бы была нормализована обстановка в мире в целом и прежде всего ликвидированы такие очаги напряженности, как вьетнамский. В этой связи хотелось бы думать, что выраженная Вами надежда на то, что на нашу землю вернется мир, будет подкреплена соответствующими

практическими действиями с вашей стороны»[414].

Диалог — через обмен посланиями — налаживался.

В очередном послании президент Л. Джонсон отмечал: «…мы, похоже, стоим перед рядом ситуаций, которые, являясь опасными и сами по себе, взятые вместе, могли бы нанести серьезный ущерб интересам наших двух стран и попыткам, предпринимаемым с обеих сторон для улучшения наших отношений». Таких ситуаций, таких «горящих и взрывоопасных» для мирового сообщества точек американский президент усматривал три: во-первых, Вьетнам, во-вторых, Ближний Восток, в-третьих, Куба.

Кроме этих «очагов опасности и конфликтов», Джонсон очерчивал еще две сферы «благоприятных возможностей», где, по его «глубокому убеждению», американские и советские «общие» интересы и «общий долг перед человечеством» нуждались в достижении «конструктивных результатов». Это достижение взаимопонимания в ограничении взаимного развертывания систем противоракетной обороны и межконтинентальных баллистических ракет и переговоры о нераспространении ядерного оружия. Американская сторона была убеждена в том, что советское руководство осознавало: «задача убеждения неядерных держав принять договор о нераспространении была бы значительно облегчена», если бы стороны смогли продемонстрировать одновременно и волю, и способность положить начало процессу более действенного сдерживания гонки ядерного оружия. Джонсон также не сомневался в том, что Советский Союз прекрасно понимает: «Ни одна из наших стран не контролирует полностью силы, действующие в Юго-Восточной Азии, на Среднем Востоке или в районе Карибского моря. И не в состоянии самостоятельно определить и то, окажется ли договор о нераспространении приемлемым для правительств, парламентов и народов основных неядерных стран»[415].

Последний абзац письма американского президента — о ситуации на Востоке, в Азии — оказался едва ли не пророческим.

Еще 2 февраля 1967 года в официальном письме председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина премьеру Государственного административного совета и министру иностранных дел КНР Чжоу Эньлаю отмечалось:

«У советского посольства [в Пекине] днем и ночью происходят сборища, организуются демонстрации и шествия, носящие резко выраженный злобный антисоветский характер. Демонстрации сопровождаются грубой бранью в адрес Советского Союза и советского народа, выкрикиваются угрозы „свергнуть“ советское правительство и „расправиться“ с государственными и

политическими деятелями СССР.

Бесчинствующие элементы устраивают дикие оргии с кострами, на которых сжигаются изображения советских людей. На территорию посольства бросают разные горящие предметы, создающие опасность пожара. Все это напоминает сборища куклукскласновцев, которых все честные люди заклеймили как носителей крайней реакции и мракобесия.

Дело доходит до того, что распоясавшиеся хулиганы грубо нарушают территориальную неприкосновенность посольства, а право на такую неприкосновенность признается с давних времен и является твердо установившейся нормой в отношениях между государствами. Участники оргий забираются на крыши посольских помещений, развешивают во дворе посольства листовки с оскорбительными непристойными надписями и призывами к расправе, глумятся над государственной эмблемой Советского Союза.

Посольство и Торгпредство СССР в Пекине полностью блокированы. При выезде в город или даже подходе к ограде посольства советских людей по служебным делам со стороны участников антисоветских демонстраций им не только наносятся всяческие оскорбления, но и предпринимаются попытки физической расправы с ними. Имеются случаи нанесения телесных повреждений сотрудникам советских учреждений. Для того чтобы создать затруднения в питании, отоплении и удовлетворении других бытовых нужд сотрудников советских учреждений, 26 января был отозван с работы китайский персонал, обслуживающий посольство. Вокруг посольства, вдоль жилых домов через каждые сорок метров установлены мощные громкоговорители, из которых круглосуточно несется оглушительный свист и гул, что лишает сотрудников сна и отдыха. От этих изуверских действий особенно страдают женщины и дети, среди которых возникли случаи серьезных заболеваний»[416].

9 февраля 1967 года представитель западногерманского информационного агентства «Шпрингер Форин ньюс сервис» задал А. Н. Косыгину вопрос о возможности вооруженного конфликта с Китаем.

Алексей Николаевич ответил, что не видит причин для такого конфликта[417].

Причины, конечно же, были, и очень серьезные…

Но полностью «погрузиться» в международные дела Косыгин возможности не имел, да и не должен был, на то существовало Министерство иностранных дел. Хотя прерогатива принятия

решений оставалась за премьером. Но его больше волновала ситуация в собственной стране…

7 марта 1967 года было принято решение Совмина СССР «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями».

«Планомерный» переход должен был осуществляться «с сохранением установленной общей продолжительности рабочего времени за неделю и *завершиться в основном к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции*». Идеологически притянуто к юбилейной дате. Стоило ли? По меркам того времени — да, поскольку преподносилось как еще одно достижение советской власти и коммунистической партии.

Но при переводе рабочих и служащих на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями продолжительность очередного и дополнительного отпусков увеличивать не предполагалось.

Устанавливалось, что действие этого «постановления» не распространяется на общеобразовательные школы, высшие и средние специальные учебные заведения и учебные заведения системы профессионально-технического образования. Однако требовалось «обеспечить» проведение «необходимой» организационной и политико-воспитательной работы[418].

Политика «малых дел»? Может быть… В такой огромной стране, как Советский Союз, любое «малое дело» могло обернуться либо триумфом, либо крахом… Надо было сто раз продумать — стоит ли?

Подлежит опубликованию в Собрании постановлений Правительства СССР 110

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от "7" марта 1967 г. № 199

О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями

Во исполнение решений XXIII съезда КПСС, в целях облегчения условий труда рабочих и служащих, расширения возможностей для дальнейшего повышения их квалификации и культурного уровня, а также в целях более рациональной организации производства, дальнейшего роста производительности труда и эффективности общественного производства Центральный Комитет КПСС, Совет Министров Союза ССР и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов ПОСТАНОВЛЯЮТ:

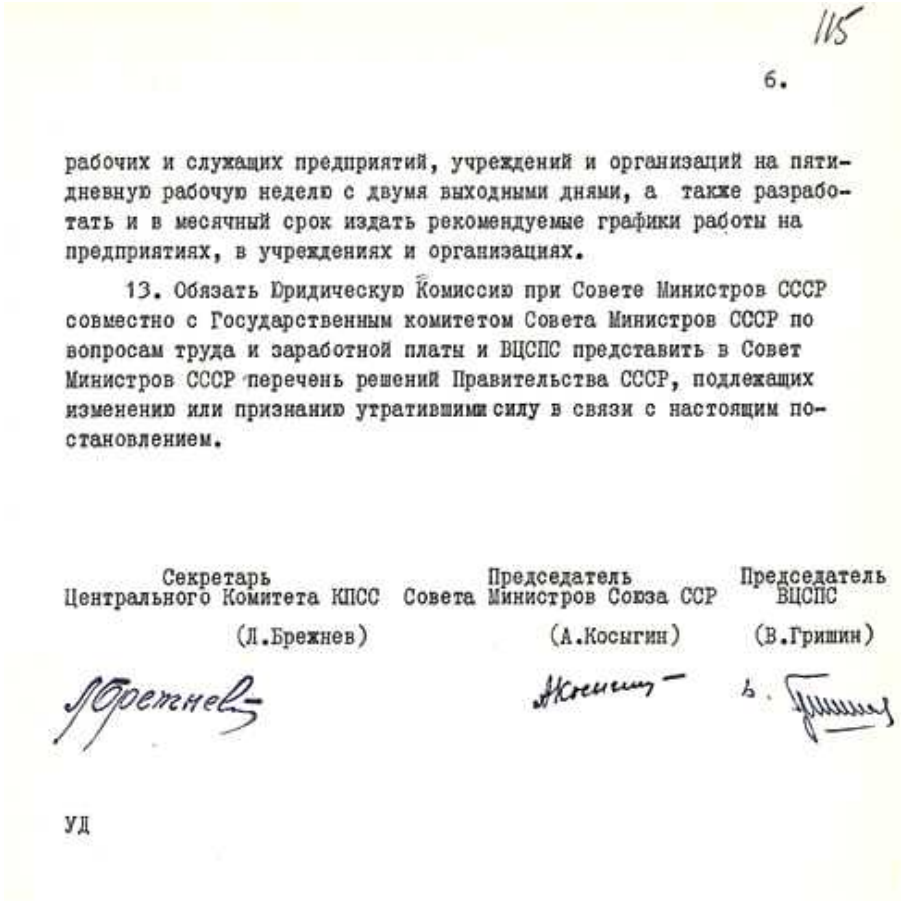
1. Осуществить планомерный перевод рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю (пять рабочих дней и два выходных) с сохранением установленной в настоящее время общей продолжительности рабочего времени за неделю, имея в виду завершить в основном этот перевод к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Для рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций, перевод которых на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями по характеру производства и условиям работы является нецелесообразным, сохранить прежний режим рабочей недели.

Внести в Президиум Верховного Совета СССР проект Указа по данному вопросу.

2. Установить следующий порядок перевода рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями:

а) перевод на пятидневную рабочую неделю рабочих и служащих осуществляется, как правило, одновременно на всех предприятиях, в учреждениях и организациях, расположенных на территории союзной республики (не имеющей областного деления), автономной республики, края, области, города или рабочего поселка;

115

6.

рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями, а также разработать и в месячный срок издать рекомендуемые графики работы на предприятиях, в учреждениях и организациях.

13. Обязать Юридическую Комиссию при Совете Министров СССР совместно с Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС представить в Совет Министров СССР перечень решений Правительства СССР, подлежащих изменению или признанию утратившими силу в связи с настоящим постановлением.

Секретарь Центрального Комитета КПСС (Л.Брежнев)

Председатель Совета Министров Союза ССР (А.Косыгин)

Председатель ВЦСПС (В.Гришин)

УД

Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов № 199 «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями». 7 марта 1967. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 807. Л. 110, 115]

* * *

1 мая 1967 года стало по-настоящему «черным» днем для Алексея Николаевича. Умерла Клавдия Андреевна…

Врачи вспоминали, что, узнав о диагнозе (онкология была выявлена в поздней и неоперабельной стадии), она держалась стойко, отчаянно сопротивляясь болезни, но увы…

Последние две недели ее жизни Косыгин провел с ней в больнице, ночуя в соседней палате, только в случае крайней необходимости выбираясь в свой рабочий кабинет. О смерти жены ему сообщили, когда он стоял на трибуне Мавзолея на Красной площади. Первомайский парад он, как второе лицо государства, пропустить не мог. От слов помощника сжалось

сердце, померкло в глазах… Он ждал этого известия, но все же надеялся на чудо, но чуда не произошло…[419]

Вечером 2 мая Леонид Ильич Брежнев вместе с супругой Викторией Петровной был на даче у Косыгина с выражением соболезнований…[420] И Косыгин, несмотря на все недомолвки с генеральным секретарем, до конца дней помнил это…

Клавдия Андреевна упокоилась на Новодевичьем кладбище Москвы…

Смерть жены в самом начале такого важного дела, дела всей его жизни, не могла не сказаться самым отрицательным образом… Уход из жизни самого близкого человека подкосил его…

Несмотря на то, что он был настоящим «трудоголиком», несмотря на то, что премьерство для него стало не просто профессией, а образом жизни, семья, по его мнению, всегда должна была оставаться на первом месте. Ради семьи он никогда не приезжал в Кремль по субботам, проводя выходные в окружении самых близких ему людей. Да, после смерти жены ему было на кого опереться: поддерживали дочь, зять, внуки… Хотя все больше и больше «погружался в себя». Застолья, как и раньше, не любил, но приглашений в гости от старых друзей не чурался, но — исключительно старых, дружил с философом Теодором Ойзерманом, писателем Михаилом Шолоховым и композитором Арамом Хачатуряном.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от „13" апреля 1967 г. №319

Москва, Кремль

О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет

В целях усиления экономического стимулирования производства сельскохозяйственной продукции и повышения материальной заинтересованности работников совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий в улучшении результатов работы предприятий Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Осуществить постепенный перевод совхозов, племенных и конных заводов, птицефабрик, питомников, сельскохозяйственных опытных и учебно-опытных хозяйств и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет.

Хозяйства, переведенные на полный хозяйственный расчет, обеспечивают возмещение всех производственных затрат, осуществление дальнейшего расширенного воспроизводства (капитальные вложения производственного назначения, формирование основного стада, прирост собственных оборотных средств и др.), создание фондов экономического стимулирования и других фондов, а также своевременный возврат кредитов банка за счет собственных средств.

2. Министерству сельского хозяйства СССР по согласованию с Советами Министров союзных республик перевести в виде опыта в 1967 году на полный хозяйственный расчет 390 совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий.

3. Установить, что сельскохозяйственная продукция, продаваемая государству совхозами и другими государственными сельскохозяйственными предприятиями, переведенными на полный хозяйственный расчет, оплачивается по закупочным ценам с надбавками, установленным для колхозов.

28. Разрешить Министерству сельского хозяйства СССР провести в 10 совхозах опыт по изучению отдельных вопросов расширения хозяйственной самостоятельности совхозов на условиях, разработанных Министерством сельского хозяйства СССР и согласованных с Министерством финансов СССР, Госбанком СССР, Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС.

x x
x

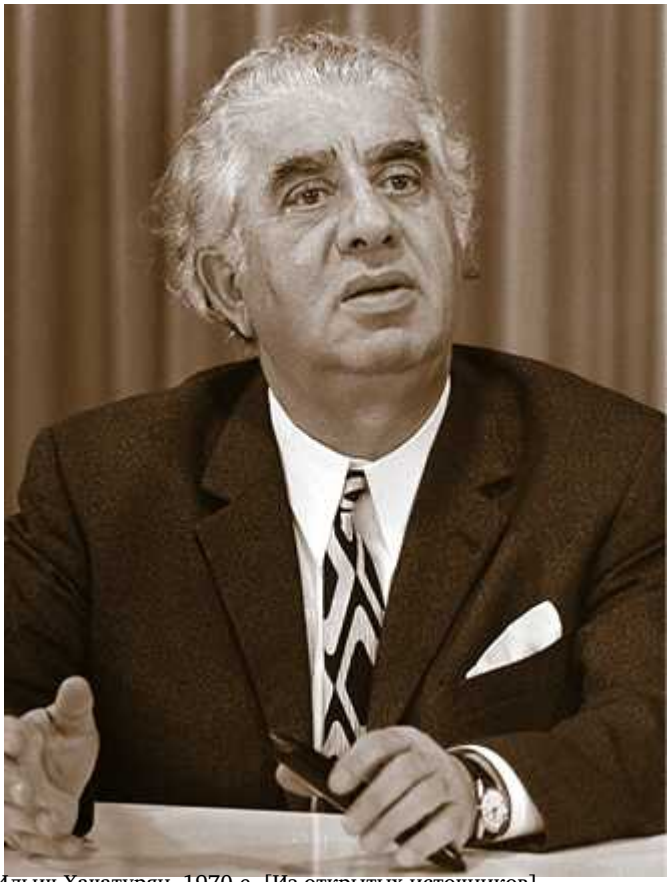
Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР обязывают партийные, советские и сельскохозяйственные органы, руководителей и специалистов совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на основе осуществления предусмотренных настоящим постановлением мероприятий по укреплению хозяйственного расчета и усилению экономического стимулирования сельскохозяйственного производства в совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях добиться коренного улучшения их работы, всемерно совершенствовать технологию производства, организацию труда, внедрять хозрасчетные принципы во всю деятельность предприятий с тем, чтобы обеспечить увеличение производства сельскохозяйственной продукции, снижение ее себестоимости и повышение рентабельности и прибыльности предприятий.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
(Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров Союза ССР
(А.Косыгин)

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 319 «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет». 13 апреля 1967. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 808. Л. 70, 85]

Близко был знаком с маршалом Г. К. Жуковым и маршалом авиации А. Е. Головановым, которым пытался помочь с изданием мемуаров.

Арам Ильич Хачатурян. 1970-е. [Из открытых источников]

Александр Евгеньевич Голованов [Из открытых источников]

Во время одной из встреч в 1967 году Георгий Константинович Жуков пожаловался, что давно уже закончил работу над своими воспоминаниями, но вот уже несколько лет их «маринуют» в издательстве Агентства печати «Новости». Все попытки как-то ускорить процесс издания закончились тем, что рукопись передали в отдел ЦК КПСС Д. П. Шевлягину[421], который «читает» ее вот уже два года. Не помогло и личное обращение Жукова к Л. И. Брежневу. А маршалу так хотелось издать книгу не позднее января-февраля 1968-го, к 50-летию Советской армии.

Ответа он не получил.

Косыгин посоветовал: «А Вы напишите еще одно, но не только на имя Брежнева, но и на мое. Вот с этим письмом я и пойду к Генеральному».

Второе письмо Жуков, как и советовали, адресовал двум лицам, очень корректно и убедительно. Особо подчеркивал, что учел все замечания и пожелания рецензентов, что положительное заключение на рукопись дал отдел Центрального комитета КПСС.

Но «воз и ныне там». А ведь эти воспоминания — труд его долголетней жизни.

Косыгин обещал помочь. Но удалось это не сразу.

Редактор издательства Миркина рассказывала, что Л. И. Брежнев был в курсе работы Жукова над мемуарами и желал, чтобы маршал упомянул и его в своих воспоминаниях. Но Жуков с Брежневым во время войны не встречались. А без этого «дополнения» книгу в печать не подписывали. И Жуков тоже не соглашался на «вставку». Редакция нашла «выход»: придумали историю, что встреча должна была произойти в районе Новороссийска, куда Жуков должен был прибыть для того, чтобы посоветоваться с политработником полковником Брежневым, но не застал того на месте. Жуков отказывался от подобного «воспоминания», уговаривали его и сам Косыгин, и редакторы издательства. «Скрипя зубами», маршал согласился. Книга увидела свет в марте 1969-го. А вставку о несостоявшейся встрече удалось снять только в седьмом издании жуковских мемуаров[422].

Однако Косыгин так и не смог помочь Жукову преодолеть результаты опалы осени 1957 года, когда маршал лишился, по сути, всех своих постов — как военных, так и партийных. Тогда — при Хрущеве — Косыгин голосовал за подобное решение, а спустя десятилетие старался помочь Жукову, но, увы, Брежнев, поддерживаемый М. А. Сусловым, не реагировал на обращения Жукова, направленные, кстати, и генеральному секретарю, и председателю Совета министров… Почести Жукову воздали только после его смерти в 1974-м…

По предложению Косыгина и Александр Евгеньевич Голованов подготовил на имя генерального секретаря Центрального комитета КПСС Л. И. Брежнева и председателя Совета министров СССР, то есть самого Алексея Николаевича, обстоятельное письмо.

Главный маршал авиации А. Е. Голованов был более обстоятелен в письме, чем Жуков, начав «издалека», очень подробно изложив — предваряя просьбу — свою биографию, акцентируя внимание на том, что он — участник четырех войн. И далее — уже просьба — издать его мемуары, которые много лет уже «ходили» по издательствам. Хотя воспоминания Голованова и публиковались отдельными фрагментами в журнале «Октябрь», но целиком не издавались, тормозились цензурой, в частности лично руководителем Главлита при Совете министров СССР П. К. Романовым[423]. Из-за его «придирок» выход книги откладывался вот уже два года.

Попытка опротестовать действия Главлита в Центральном

комитете КПСС закончилась тем, что против публикации полной версии мемуаров «восстало» и Главное политическое управление Советской армии.

Основная претензия, предъявляемая голововановским воспоминаниям, заключалась в «неправомерном» завышении роли Сталина не только в создании и развитии авиации дальнего действия, вооруженных сил, но и в Великой Отечественной войне в целом. По мнению советской цензуры, Голованов «умаляет роль» всех остальных лиц и структур — Государственного комитета обороны, Ставки Верховного главнокомандования, Наркомата обороны, Военного совета Авиации дальнего действия. Особенно раздражало Главлит и Главпур то, что мемуарист «многократно» подчеркивал «дальновидность, прозорливость, безупречный стиль работы, чуткость и внимательность» Сталина.

Главлит также составил для Голованова (маршала!) огромный список всех замечаний, сокращений и необходимых исправлений, без которых рукопись так никогда и не станет книгой.

Защищая себя и свои воспоминания, Голованов апеллировал к объективности, ссылаясь на многочисленные отзывы читателей, поступавшие к нему после публикации отрывков воспоминаний в журнале «Октябрь», а также на отзывы и рецензии ряда научно-исследовательских институтов, в частности — на положительное заключение, предоставленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Однако Голованов решительно отстаивал свое видение роли и места Сталина в истории СССР, считая его едва ли не единственным руководителем боевых действий всей авиации дальнего действия. Как он сам считал, случай это «уникальный», но это действительно было так. А Ставку Верховного главнокомандования и Генеральный штаб маршал авиации расценивал только как структуры, выполняющие прямые приказания Верховного главнокомандующего. Такую позицию он считал «неотъемлемым правом автора», так же как и оценки деятельности Сталина, его стиля работы, общения с людьми.

Голованов особо подчеркивал в своем письме, что дает оценку деятельности Сталина только применительно к периоду Великой Отечественной войны и в этом его позиция совпадает с позицией ЦК КПСС: «положительная и позитивная роль». В целом же Голованов полностью поддерживал решения XX партийного съезда, осуждающего «культ личности».

Далее следовал абзац, вписанный по настоянию Косыгина: «Я прошу вас дать мне ответ, имею ли я право, как гражданин, как коммунист, писать о минувшей войне так, как я ее видел, так, как

я в ней жил, писать о том, что я наблюдал, чему был свидетелем, писать без прикрас и выдумок, словом, писать правду о том, что было и как было, писать так, как написана сама книга, где говорится о нашей Родине, о нашем народе, о советском труженике и советском воине, о тех трудностях, которые пришлось пережить советскому народу, о сложностях войны, о наших полководцах и Верховном главнокомандующем, о силе и действенности партийно-политической работы, об организующей и направляющей деятельности нашей партии, которая, в конечном счете, привела к разгрому злейшего врага человечества — фашизма и его головного отряда — гитлеровской Германии».

Но Голованов добавил и от себя — просил дать оценку тем, кто задерживал выход книги в свет, кто подвергал критике его позицию, обобщения и оценки, подчеркивая, что по его, маршала, мнению, данные действия «отдельных лиц» носят, что называется, «сепаратный» характер и «не санкционированы» «руководством партии и государства»[424].

Алексей Николаевич изучил и поправил местами письмо маршала авиации еще до отправки его в Центральный комитет. Он поддержал Голованова, руководствуясь лишь желанием помочь человеку, которого прекрасно знал уже много лет и позицию которого уважал. Сам же Косыгин свое отношение к Сталину от всех тщательно скрывал.

Косыгин старался «пробить» издание мемуаров маршала авиации, но ничего не удавалось *даже ему*, цензура — Главлит, Главпур — оказалась «не по зубам». Впервые мемуары Голованова отдельным изданием были опубликованы только в конце 1990-х годов[425], а их полная версия появилась в 2004 году.

Но в письме вновь был поднят вопрос о Сталине, о «культе личности». В этой связи стоит вернуться на несколько лет назад. В декабре 1969 года в Политбюро ЦК КПСС обсуждался вопрос о возможности публикации в «Правде» статьи, посвященной 90-летию со дня рождения Сталина. Косыгин был сторонником публикации. Против — Подгорный, Пельше, Кириленко, считавшие, что данная публикация ставит под сомнение решение XX съезда КПСС о «развенчании культа личности». Статья все же была опубликована[426]. В СССР и за рубежом заговорили о «реабилитации Сталина»… *Но стоит ли и в этом случае говорить о Косыгине как не только о «поклоннике», но и о «почитателе» Сталина, о «пропагандисте» его идей, его видения мироустройства? Думаю, что в данном случае необходимо учитывать тот факт, что Алексей Николаевич формировался как государственный деятель, как личность именно в сталинское время, мало того — в сталинском круге, не в самом ближнем, но рядом с ним и под его*

влиянием… И с учетом этого будет вырисовываться и отношение Косыгина к Сталину в целом и в частностях: он не был апологетом, но и в критики не спешил, молчал…

…Вообще такое внимание и желание помочь Жукову и Голованову объясняется тем, что Косыгин испытывал пиетет перед военными, особенно перед теми, кто прошел дорогами войны. И ветераны отвечали ему неподдельным уважением, вспоминая о различных эпизодах Великой Отечественной, о которых сам Алексей Николаевич уже и забыл…

В 1960-е годы он получил в подарок книгу воспоминаний героя Советского Союза, летчика Сергея Георгиевича Курзенкова, в которой с большим удивлением прочитал о самом себе:

«1943 год… Под крылом воздушного корабля на сотни километров простиралась степь. „Си-47“ летел в Ташкент. А немного спустя я впервые вступил на узбекскую землю.

Начальник Ташкентского аэропорта встретил меня любезно, но тут же разочаровал:

— В ближайшие дни, — сказал он, — вылета самолетов на Алма-Ату не предвидится.

Я попытался уехать по железной дороге, но поезда ходили редко и, как правило, были забиты до отказа.

Расстроенный, вернулся с вокзала. Начальник аэропорта сказал:

— Не надо раньше времени беспокоиться. Утро вечера мудренее.

И он оказался прав…

Во второй половине дня в аэропорту приземлился двухмоторный транспортный самолет. Это прилетел Алексей Николаевич Косыгин, в ту пору нарком легкой промышленности[427]. Его встретили члены узбекского правительства.

Вечером я узнал, что из Ташкента Косыгин полетит в Алма-Ату. Вот тогда и зародилась мысль попросить его взять меня на самолет. Я поделился с начальником аэропорта, он поддержал мою идею.

Из-за непривычной жары и волнения я не спал короткую ночь, а когда рассвело, увидел: воздушный корабль, на котором прилетел нарком, готовится к отлету.

Разорвав тишину раннего утра, прогремели сотрясающим гулом моторы. И снова тишина. Потом одна за другой промчались к самолету несколько легковых автомашин. В первой сидел Косыгин.

Я поспешил к самолету. Неподалеку от воздушного корабля

меня остановил майор в форме войск НКВД.

— Вам куда, товарищ майор?

— К товарищу Косыгину, — ответил я.

— К Косыгину? А по какому вопросу?

— По личному…

— По личному? — с удивлением переспросил майор.

Косыгин беседовал с членами узбекского правительства. Вдруг он увидел меня и майора.

— Что случилось?

— Да вот, товарищ Косыгин, морской летчик, майор, желает обратиться к вам.

— Так пропустите его…

Я быстро подошел к Алексею Николаевичу, отрекомендовался и рассказал, что мне нужно попасть в Алма-Ату.

— Какой же может быть разговор? Мы как раз летим туда. Рад вам помочь. А где ваши вещи?

— В аэропорту…

— Товарищ майор, — обратился Алексей Николаевич Косыгин к тому майору, который задержал меня, — не сочтите за труд, возьмите машину и быстренько привезите вещи нашего нового попутчика. Они в аэропорту…

Майор уехал. Пока Алексей Николаевич расспрашивал меня о том, где я воевал, как был ранен, мои два чемодана погрузили в самолет. Скоро командир доложил о готовности к вылету, и Косыгин пригласил нас занять места.

Из-за гор, маячивших у горизонта, поднималось большое, слепящее солнце, искрометно разбрасывая в синеву безоблачного неба стрелы ярких лучей. Наш воздушный корабль взлетел и, набирая высоту, взял курс на восток. Ритмично, монотонно пели знакомую песню моторы. В спокойном воздухе раннего утра, освещенный лучами, самолет, казалось, не летел, а висел, и под ним, словно скроенные из цветных лоскутов, плыли поля и сады. Потом пошли холмы, а за ними горные хребты величественного Тянь-Шаня.

Я сидел в мягком кресле в последнем ряду и незаметно заснул…

Разбудило меня чье-то легкое прикосновение. Открыл глаза и увидел перед собой Алексея Николаевича.

— Жаль вас будить, но завтрак ждет. Прошу, товарищ майор, к столу…

— Спасибо! Спасибо, Алексей Николаевич! Я не голоден.

— Спасибо положено говорить после… Мы ждем вас…

После посадки в Алма-Атинском аэропорту Косыгина и его спутников встретили члены правительства Казахстана. Я

оставался в самолете и через открытую дверь наблюдал за всем происходящим.

Поздоровавшись со всеми, Косыгин вдруг посмотрел вокруг, словно разыскивая кого-то, и бросил взгляд в мою сторону.

— А вы, товарищ майор, почему не выходите? Давайте-ка спускайтесь на землю.

Я сошел по трапу. Косыгин, обращаясь ко всем присутствовавшим, сказал:

— Прошу познакомиться! Герой Советского Союза. Морской летчик-истребитель. Прилетел в вашу столицу за семьей. Здесь, в эвакуации, живут его мать, сестра, брат…

По указанию председателя Верховного совета Казахской ССР в мое распоряжение был выделен автомобиль… Поблагодарив Алексея Николаевича, я поехал разыскивать родных»[428].

Думаю, что таких встреч было в годы Великой Отечественной войны немало, и уверен, что о большинстве из них Алексей Николаевич просто забыл. Тем более что мемуаров он не писал и, видимо, не собирался…

В мае — июне 1967-го А. Н. Косыгину пришлось вновь принять на себя обязанности «международного миротворца», благо, что «опыт» уже был.

25 мая 1967 года с Алексеем Николаевичем в Москве встретился министр обороны Египта Шамс эд-Дин Бадран. Египтянин открыто говорил о планах своей страны развернуть широкомасштабные военные действия против Израиля.

Косыгин отверг эту идею, о чем в жесткой форме «уведомил» Бадрана:

— Мы в Советском Союзе не можем дать согласие на ваш упреждающий удар против Израиля. Это было бы в противоречие всей нашей политике и позиции. Если вы атакуете первыми, то вы станете агрессорами, а мы против агрессии. Мы против решения спорных вопросов военной силой… В этом случае мы вас поддержать не сможем.

Бадран пытался найти поддержку в Министерстве обороны СССР, рассчитывая, что военные более гражданских заинтересованы в возможности испытать свое вооружение в реальной схватке.

Косыгин, узнав о 3-дневных попытках египетского министра найти союзников в советском военном ведомстве, повторил ему:

— Мы не можем поддержать агрессию и поддержать применение силы. Это противоречит нашей политике!

В тот же день делегация Министерства обороны Египта

отбыла на родину.

Но Алексей Николаевич настоял на том, чтобы советские дипломаты предупредили и другую сторону — Израиль. Советский посол в Тель-Авиве Дмитрий Степанович Чувахин смог настоять на срочной встрече с израильским премьер-министром, которая состоялась в 2 часа ночи 29 мая.

Чувахин передал израильтянину телеграмму от Косыгина, в которой тот предупреждал о необходимости воздержаться от конфронтации.

…5 июня 1967 года война, позднее получившая название «Шестидневная», все же началась. Израиль противостоял одновременно Сирии, Египту, Ираку и Иордании. И удача была на стороне израильтян.

На шестой день боевых операций президент США получил от А. Н. Косыгина послание:

«Уважаемый мистер Президент!

…Наступил очень критический момент, который заставляет нас принять независимое решение, если военные действия не будут остановлены в течение нескольких последующих часов.

Мы готовы сделать это. Однако эти действия могут привести нас к столкновению, что завершится сокрушительной катастрофой.

Мы предлагаем, чтобы Вы потребовали от Израиля немедленного прекращения военных действий без всяких предварительных условий.

Мы предлагаем Вам предупредить Израиль, что, если это не будет принято во внимание, будут предприняты необходимые действия, включая военные.

Просим сообщить Вашу точку зрения. А. Косыгин»[429].

Предупреждение решили подкрепить, в Советском Союзе шли приготовления для нанесения — силами, правда, одного полка стратегической авиации — удара по важнейшим целям Израиля. *Мир вновь, как и во времена Карибского кризиса, оказался на грани мировой войны.*

Слово оставалось за официальным Вашингтоном.

Президент Л. Джонсон собрал свой ближайший круг в так называемом Ситуационном зале Белого дома. В первую очередь был зачитан перевод послания Косыгина, заданы вопросы переводчикам: нет ли каких-то разночтений и толкований в терминах.

Первое решение, принятое американским президентом, — передвинуть 6-й флот США с расстояния 100 миль на расстояние

не более 50 миль к побережью Сирии.

Второе — объяснить израильской стороне необходимость приостановки наступления ее вооруженных сил в этом районе. Официальный Тель-Авив вынужден был согласиться с этим требованием Вашингтона.

Об этом было сообщено советской стороне.

А. Н. Косыгин немедленно связался с министром иностранных дел А. А. Громыко и потребовал проверить, насколько эта информация соответствует действительности.

Громыко в ту же минуту вызвал к телефону посла СССР в Сирии А. А. Барковского. Тот не подтвердил сообщение, сказав, что только что над посольством барражировали два израильских боевых самолета[430].

Правда, артиллерийской канонады слышно не было, и израильские танки не продвигались уже к сирийской столице. Так что советский посол явно преувеличивал напряженность.

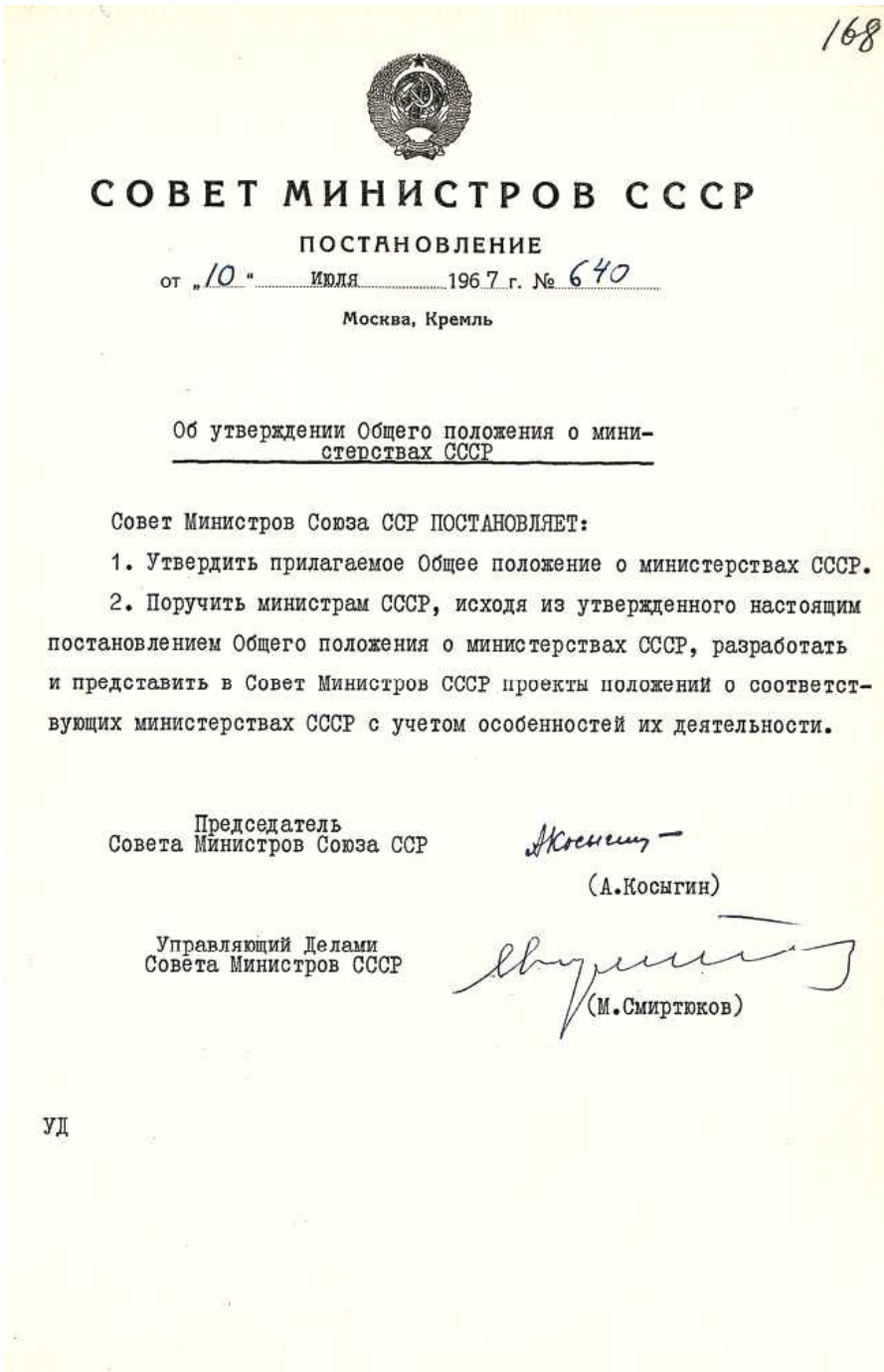
Но Косыгин, не отходя от стола, набросал текст сообщения для американской стороны: «Израиль продолжает военные действия в Сирии. У нас есть постоянный и непрерываемый контакт с Дамаском. Израиль, с использованием всех видов наступательного оружия — авиации, артиллерии, танков, ведет наступление на Дамаск. Несомненно, Ваше посольство в Дамаске может подтвердить это. Военные действия интенсифицируются. Было бы крайне важно избежать дальнейшего кровопролития. Это дело не терпит отлагательства…»[431]

Разозленный Л. Джонсон, которого Косыгин, по сути дела, отчитал, «как мальчишку», вновь, уже в более резкой форме, потребовал от руководства Израиля выполнить свои обязательства… Так или иначе, но войну удалось прекратить именно в тот день — 10 мая 1967 года.

Кстати, египетского министра обороны Шамса эд-Дина Бадрана, который стремился втянуть в конфликт с Израилем и СССР, после поражения египетской армии в Шестидневной войне обвинили в «заговоре с целью захвата власти», арестовали и осудили… к пожизненному лишению свободы[432].

…Обмен мнениями с американским президентом заставил Косыгина размышлять над главнейшими и сложнейшими геополитическими событиями… Частично свои раздумья, идеи, планы он изложил — очень аккуратно — 19 июня 1967 года во время выступления на Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной проблемам Ближнего Востока, а также 23 и 25 июля 1967 года на встречах с президентом США Линдоном Джонсоном в Гласборо (штат Нью-Джерси), где обсуждались не только ситуации на Ближнем Востоке и во

Вьетнаме, но и пункты будущего договора о нераспространении ядерного оружия (заключен в 1968-м).

168

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от „10" Июля 1967 г. № 640

Москва, Кремль

Об утверждении Общего положения о министерствах СССР

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить прилагаемое Общее положение о министерствах СССР.

2. Поручить министрам СССР, исходя из утвержденного настоящим постановлением Общего положения о министерствах СССР, разработать и представить в Совет Министров СССР проекты положений о соответствующих министерствах СССР с учетом особенностей их деятельности.

Председатель
Совета Министров Союза ССР (А.Косыгин)

Управляющий Делами
Совета Министров СССР (М.Смиртюков)

УД

Постановление Совета министров СССР № 640 «Об утверждении Общего положения о министерствах СССР». 10 июля 1967. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 811. Л. 168]

Первая встреча длилась пять с половиной часов. На брифинге для журналистов Джонсон был откровенен:

— Мы не пришли к новому соглашению, этого нельзя достичь в результате одной беседы, но мне кажется, что мы достигли лучшего взаимопонимания.

Косыгин его поддержал:

— Действовать надо не спеша.

Вторая встреча продолжалась в два приема: четыре и три часа. Однако конкретных результатов вновь достичь не удалось. Но стало очевидным, что Советский Союз, Косыгин это подтвердил публично, не намерен оспаривать результаты Шестидневной войны и не пойдет на столкновение с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке[433].

Примерно о том же Алексей Николаевич говорил в послании Линдону Джонсону от 19 ноября 1967 года: «Правительство Соединенных Штатов по-прежнему стоит за скорейшее политическое урегулирование на Ближнем Востоке, но не выдвигает никаких новых условий или новых толкований по альтернативным проектам резолюции… США и СССР во избежание потери времени должны предложить согласованный проект резолюции по политическому урегулированию на Ближнем Востоке для обсуждения его в Совете Безопасности ООН».

Далее следовали чисто идеологические штампы, которыми был «богат» и текст косыгинского выступления на сессии ООН:

— Советский Союз исходит далее из того, что Ближний Восток играет и будет играть большую роль в системе мирового хозяйства и в международной жизни. Агрессор получил награду за свои действия в виде территорий, которые ему не принадлежат, или любой другой форме. Израильские экстремисты, охваченные шовинистическим военным угаром и волной авантюризма… Недопущение и обуздание агрессии…

…Советское правительство исходит, прежде всего, из необходимости безотлагательного устранения последствий израильской агрессии против арабских стран и восстановления мира и прежде всего решения самого острого, коренного вопроса — вывода израильских войск с оккупированных ими территорий арабских государств… Не думаем, однако, что возобновление поставок американского оружия Израилю — стране, совершившей и продолжающей агрессию против арабских государств, будет способствовать пробуждению у израильских руководителей чувства реальности. Последними наглыми военными провокациями Израиль явно пытается осложнить путь к

урегулированию, перечеркнуть работу, которая ведется в интересах выработки какой-то общей платформы. Советский Союз исходит и намерен исходить из того, что государства не могут жить по политическому календарю, который удобен для Израиля[434].

Предполагаем, что в большей степени эти идеологические «ремарки» — дань идеологии, времени и особенностям советской дипломатии… Вообще Алексей Николаевич был очень осторожен, тем более если речь шла о международной обстановке. И, что называется, правильно делал. В тех случаях, когда он все же не сдерживался, о его словах докладывали лично генеральному секретарю ЦК КПСС. Так, Л. И. Брежнев в своем дневнике оставил от 23 января 1970 года такую запись: «Вечером Д. С. Полянский[435] по телефону рассказал мне, как Алексей Николаевич звонил ему, [был] очень мил и клеветал на Нассера [глава Египта в то время. — *В. Т.*], что он не вождь, не лидер, и т. д.»[436].

Почему всеми этими вопросами не занимался министр иностранных дел А. А. Громыко? Эта сфера — не Косыгина, по сути.

Объяснить это можно было только одним — тем авторитетом, которым Алексей Николаевич Косыгин пользовался среди мировых лидеров — президентов, дипломатов, политиков, и той завистью, которую испытывали к Косыгину советские лидеры. Конечно, они тщательно скрывали подобные настроения, но «следы» остались — в дневниках и мемуарах.

Но, как у всякого дипломата, — «ничего нельзя было прочесть на твердом, опрятно прибранном лице» Косыгина[437].

Однако… Один из руководителей советских спецслужб Вадим Кирпиченко вспоминал, как они летали вместе в Египет:

«По возвращении во дворец уже поздно вечером Косыгин имел обыкновение минут двадцать гулять по дворцовому парку… Здесь он уже отвлекался от политики, от арабского мира и переключался на более интимные темы. Говорил он и о своем возрасте, о состоянии здоровья, о необходимости не поддаваться наступающим недугам и немощам. При этом он распрямлял плечи, словно показывая, как надо это делать. На второй этаж дворца он тоже пытался быстрой, молодцеватой походкой подниматься по лестнице, минуя лифт.

— В следующем году мне будет семьдесят лет — это уже много…

Однажды, уже совсем неожиданно, Алексей Николаевич заговорил о том, что несколько лет назад потерял жену, что она

была очень образованной и доброй женщиной, настоящим другом. И от этих откровений, сделанных, по существу, незнакомому человеку, мне стало как-то тоскливо. Я вдруг почувствовал, что *он очень одинок, что ему надо выговориться, что невмоготу хранить в себе свои тяжелые мысли*. Очевидно, предположение о его душевном одиночестве было верным: к тому времени прошло уже семь лет после смерти жены, а говорил он об этом так, будто эта невосполнимая утрата была совсем недавно, чуть ли не на днях. *Жизнь все больше пригибала его, он чувствовал наступление дряхлости*, да и отношения с Брежневым были крайне напряженными, если не сказать враждебными. От моих встреч с Алексеем Николаевичем остались у меня *ощущение безысходной грусти* и теплое чувство к большому человеку…»[438]

Все-таки о Косыгине советский обыватель знал мало: да, скромен, да, спокоен, да, выделялся на общем фоне других членов Политбюро ЦК КПСС. Но многое из его деятельности оставалось вне поля зрения современников…

…Действительно, после смерти жены Косыгин старался чаще бывать вне стен своего дома… Все здесь ему напоминало ушедшую из жизни супругу. Чаще задерживался в рабочем кабинете, старался чаще выезжать в санатории в Подмосковье, несмотря на солидный уже возраст, он не отказывался от многокилометровых пешеходных прогулок, продолжал увлекаться рыбной ловлей (готовил отличную уху), греблей на байдарке… Широкую известность и озабоченность, последнее — у руководства КГБ СССР, лично Ю. В. Андропова, и Министерства здравоохранения Советского Союза, лично Е. И. Чазова, — получил его поход через Главный Кавказский хребет в паре с президентом Финляндии Урхо Калева Кекконеном. Вместе они прошли около 200 км, поднялись на Клухорский перевал (2 782 м) и спустились к Черному морю. Часто стал бывать в Кисловодске, который полюбил и где проводил несколько недель каждое лето.

«Воспоминания» С. Ю. Витте (М., 1960). [Из открытых источников]

Много читал, однако меньше всего какие-то экономические трактаты. Но внимательно изучил три тома воспоминаний Сергея Юльевича Витте, которые еще в 1960 году были подготовлены к публикации научными сотрудниками Академии наук. Воспоминания Витте оказались настоящей находкой, удивительным открытием для Косыгина, который хотел получить представление о том, как складывалась и как действовала система управления экономикой Российской империи. «И почему я не открыл их для себя раньше?» — спрашивал себя Алексей Николаевич, проглатывая страницу за страницей…

И что же Витте? И что же Косыгин? Есть ли, было ли что-то общее в их видении мира, экономики общества, реформ?

Вот что писал Витте и что могло заинтересовать Алексея Николаевича: «Конечно, были такие люди, которые понимали, что

металлическое обращение лучше, нежели бумажно-денежное обращение, но и они были все-таки против меня, боясь моей энергичности и решительности, — которые и вели к успешности. Я же со своей стороны отлично понимал, что если я не проведу это дело быстро, то оно, по той или по другой причине, совсем не удастся…»[439]

Выступление председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина на торжественном заседании Московского городского и Московского областного советов депутатов трудящихся, посвященном 50-летию Октябрьской революции. 6 ноября 1967. [РГАКФД. Ед. хр. 349880]

Как будто прямо для Косыгина написано: завистников много, причем таких, которые понимают важность реформы, но завидуют «энергичности и решительности»…

В то же время, Алексей Николаевич, действовать надо быстро, так как любое торможение есть «смерть» реформам. Что, в сущности, и произошло…

И вновь находил у Витте подтверждение последней мысли о важности времени: «Вообще из последующего моего государственного опыта я пришел к заключению, что в России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются. Так как уже в то время знали мой нрав, то многие лица боялись этого нрава, то есть в том смысле, чтобы я эту реформу, задуманную мною, не совершил быстро и решительно, предпочитая медленность и систематичность»[440]. Конечно, нрав у Косыгина совсем не тот, что у Витте, совершенно разные люди, но цель одна и видение путей одно — это «сближало».

Косыгин был полностью согласен с Витте в том, что «против… реформы внутри России были те лица, которые вообще, по тем или другим причинам, желали меня если не свергнуть, то обесцветить»[441]. Такие «лица» были во все времена, «свергать» Косыгина, конечно, вряд ли кто собирался, но «обесцветить» — это сколько угодно.

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин принимает главного редактора американского журнального объединения «Тайм Энд Лайф Интеркорпорейшн» Х. Донована (в центре) и главного редактора журнала «Лайф» Г. Ханта (слева). Москва. 19 января 1968. [РГАКФД. Ед. хр. 315833]

Алексей Николаевич почерпнул у Витте и еще кое-что: «… Против… реформы в том виде, в каком я ее проводил… были многие из весьма компетентных и достойных финансистов…»[442]

Как здесь Косыгину было не вспомнить бывшего министра финансов А. Г. Зверева, который, будучи к середине 1960-х годов научным сотрудником академического Института экономики, был яростным противником реформы.

Прибывший с визитом в Индию председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин (слева), премьер-министр Индии Индира Ганди (справа) и другие на праздновании национального праздника Индии — Дня Республики. Индия, Дели. 26 января 1968. [РГАКФД. Ед. хр. 397753]

Беседа Л. А. Гвишиани (слева) и Индиры Ганди (справа). Индия, Дели. Январь 1968. [РГАКФД. Ед. хр. 397752]

Визит советской делегации в Пакистан. Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин выступает на приеме, устроенном пакистанской стороной. Среди присутствующих: губернатор Западного Пакистана Мохаммед Муса (3-й слева), чрезвычайный и полномочный посол СССР в Пакистане М. В. Дегтярь (2-й справа). Пакистан, г. Равалпинди. Апрель 1968. [РГАКФД. Ед. хр. 384049]

«Противодействие [реформам], — подчеркивал Витте, и с ним соглашался Косыгин, — конечно, не заключалось в том, чтобы прямо сказать „нет“, но в том, чтобы замедлить это дело и поставить такие препятствия, при которых дело это было бы провалено»[443]. И опять, что называется, «точно в точку»: никто открыто не выступал против реформы, но все делалось, чтобы потихоньку «спускать пар», не дать реформам двигаться вперед, создать такие препоны, которые реформаторам не удастся преодолеть…

Реформатор конца XIX — начала XX века мог себе позволить сказать: «*Я совершил реформу так, что население России совсем и не заметило ее, как будто бы ничего, собственно, не изменилось. Когда я совершил реформу, то весь простой класс населения, весь народ совсем не заметил и не подозревал, что я сделал реформу. Все сказали бы: вот затеял дело вопреки всевозможных предостережений и произвел полную смуту в умах всей России*»[444].

А. Н. Косыгин так сказать, естественно, не мог, да и не хотел.

Но эти строки как будто прямо для Косыгина написаны… Ему было о чем задуматься… Каждый его день начинался и заканчивался с мыслью об одном — реформе, которую начал и которая шла очень непросто… Косыгин не собирался отказываться от своих идей, предпринимая все новые и новые шаги по созданию различных структур новой экономической

парадигмы. Особенно его беспокоило сельское хозяйство, где дело шло не так, как планировалось. Не хватало всего, в первую очередь — знающих людей, новых технологий и, наконец, *новых идей*…

* * *

…1968 год потряс Западную Европу: «красный май во Франции», в августе — чехословацкие события. Косыгин не жаловал чехословацкого лидера Александра Дубчека, которого считал «подлецом»[445], так как не видел, по его глубокому убеждению, альтернативы советскому образцу социализма.

Из воспоминаний чешского политика, секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии в 1968–1970 годах Зденека Млынаржа следовало, что «последнее слово в вопросе о советской интервенции было произнесено после возвращения из Праги маршала Гречко (17–22 мая 1968) и Алексея Косыгина, который с 17 по 25 мая 1968 года „лечился“ в Карловых Варах»[446].

Чешский политик считал, что Косыгин пришел к заключению: поставить на карту сторонников хрущевской политики, оказав поддержку чехословацкому лидеру Александру Дубчеку и его реформе, крайне рискованно и очень опасно. Они могли бы лишиться своих позиций в «верхах» советской власти. И если сторонники хрущевской линии не проголосуют за аргументы «ястребов», то больше они своих представителей в Политбюро иметь не будут[447].

Почему? Потому, что в Чехословакии возникла «угроза социализму», опасность гражданской войны? Потому, что там действовали силы, стремившиеся к «реставрации капитализма»? Потому, что руководство Коммунистической партии Чехословакии рассчитывало оторвать Чехословакию от Советского Союза? Нет. Косыгин прекрасно понимал, что все это — «пропагандистская болтовня, идеологические ризы, которые набрасываются на реальное положение вещей»[448].

Косыгин, воспринимавший чехословацкие события совсем не так, как высшее советское военное руководство, все же судил о них с позиций «великодержавных интересов». На чем он основывал свои соображения? Обширную информацию Алексей Николаевич получил еще в Москве, а дополнительную — в Чехословакии, где встречался с некоторыми членами партийного руководства, например с одним из ключевых деятелей «Пражской весны» Честмиром Цисаржем. Несколько дней Косыгин «дышал

воздухом» этой «Пражской весны», но все, что он узнал и с чем столкнулся, привело его к заключениям, мало чем отличавшимся от выводов «ястребов» из Политбюро ЦК КПСС.

Косыгин прекрасно понимал, что государственная система Чехословакии переживает глубокий кризис, что эту систему стремятся изменить как «низы», так и «верхи». Он увидел, что те рычаги управления, которые во всех странах социалистического блока обеспечивали власть партийной бюрократии, в Чехословакии выведены из строя.

Поэтому положение чехословацких властей советский премьер оценивал как «нестабильное». Косыгин не разделял веры Александра Дубчека в возможность претворения в жизнь идеалов «марксизма-ленинизма» ненасильственными средствами, был глубоко равнодушен к приверженности чехословацкого народа идеям демократии и гуманизма. Косыгин не допускал и мысли, что коммунистическая партия, которая должна обеспечивать интересы Советского Союза, может осуществлять власть на демократических основах.

Ряд моментов неприятно задел и личные чувства Косыгина. Чехословацкие руководители не смогли оградить его от навязчивых чехословацких и западноевропейских журналистов: во время прогулки по Карловым Варам, когда Косыгин попивал прописанную ему порцию минеральной воды, они на него накинулись, и по телевизору было показано, как Косыгин уклонялся от ответов на неприятные вопросы.

Сомнения лишь укрепила и беседа с упомянутым выше Ч. Цисаржем. Высказывания последнего вызвали у Косыгина неприятие, особенно в части, касавшейся непригодности многого в ленинизме для других стран. В восприятии Косыгина Цисарж представлялся неким недорослем, который, похоже, не знает, что говорит. Он упорно отстаивал свои взгляды, не понимая, что Косыгин экзаменует его на пригодность быть в числе наместников одной из подвластных губерний.

Во время своей майской поездки в Чехословакию Косыгин лично убедился, что в дубчековском руководстве нет единства, что в нем есть и немало приспешников московских «ястребов».

Все это и привело к тому, что в конце мая советское руководство приняло решение о вводе войск в качестве возможного варианта решения чехословацкой проблемы. Предотвратить военное вторжение, таким образом, могло лишь усиление умеренной кремлевской группы настолько, чтобы она не опасалась за исход конфликта с «ястребами» по вопросу Чехословакии[449].

Так считали чехи.

А вот как описывал позицию, занятую Косыгиным, один из советских партийных деятелей.

19 июля 1968 года на заседании Политбюро председатель КГБ Ю. В. Андропов, давнишний недоброжелатель премьера, раскритиковал предложение А. Н. Косыгина о проведении двухсторонних переговоров руководства Советского Союза и Чехословакии. Алексей Николаевич настаивал на мирных мерах «политического воздействия».

— Я считаю, — рубил с плеча Ю. В. Андропов, — что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступаете на меня. Они сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением. Правые во главе с Дубчеком стоят твердо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Все идет против нас.

Косыгин не заставил ждать с ответом:

— Я хотел бы также ответить товарищу Андропову, я на вас не наступаю, наоборот, наступаете вы. На мой взгляд, *они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу*. Вот их суть борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию[450]. *Приемлемо ли это было для советского руководства? Это другой вопрос*.

Дальнейшей полемике помешал Брежнев, попросивший «всех успокоиться».

Но Андропов «отомстил» Косыгину, настояв на том, чтобы именно Алексей Николаевич, когда встреча с чехословацким руководством закончилась ничем, подготовил «Экстренное сообщение ТАСС», опубликованное в «Правде» 21 августа 1968 года, в день ввода советских войск в Чехословакию. Над сообщением Алексей Николаевич трудился долго, даже в ночь с 20-го на 21-е, когда надо было уже запускать типографский станок, все еще продолжал вносить правку.

Тогдашний главный редактор «Правды» Михаил Васильевич Зимянин вспоминал: «Ближе к вечеру [20 августа 1968-го] позвонил Косыгин: „Михаил Васильевич, имейте в виду, мы вводим войска. Это ответ на обращение чехословацких товарищей. Акция будет мирная, никакого огня мы открывать не намерены. Сейчас заявление еще формулируется. Когда работу закончим, дадим знать. Так что ночной выпуск попридержите“. На протяжении оставшейся ночи мы согласовывали, я вносил свои поправки. Хотелось избежать задиристости, придать строкам спокойный, уравновешенный тон, отвечающий серьезности

события и нашим добрым намерениям. „Пока не выпускайте номер, — повторял Косыгин, — я дам команду“. Не знаю, звонил ли Косыгин из своего кабинета или из Генерального штаба, где в эту ночь находилось руководство страны. Команда в печать поступила, когда за окнами было уже светло»[451].

Но и на этом «Обращении» участие А. Н. Косыгина в чехословацких делах не закончилось.

23 января 1969 года он поставил — вместе с Л. И. Брежневым — свою подпись под письмом, обращенным к А. Дубчеку. В письме в первую очередь отмечалось, что советское руководство беспокоило и настораживало то обстоятельство, что в Чехословакии в конце прошедшего — начале настоящего годов «усилиями определенно враждебных сил» складывалась, по мнению советской стороны, «напряженная политическая ситуация». Последняя характеризовалась «стремлением усилить националистические антисоветские настроения, затруднить нормализацию ситуации в Чехословакии». Как считало советское руководство, и Косыгин в том числе, факт самосожжения Яна Палаха[452] использовался в чисто пропагандистских целях. То же советское руководство считало, что «Палах не понимал последствий» своего поступка и «стал жертвой намерений провокаторов, которые его подталкивали к этому трагическому действию».

И Косыгин, и Брежнев были убеждены в том, что политический смысл самосожжения Палаха заключался в провокации: «антисоциалистические силы с удивительной готовностью и целеустремленностью используют самосожжение Яна Палаха для обострения напряженности политической атмосферы, возбуждения тревоги и психоза, направленных против политики Коммунистической партии Чехословакии, реализации решений ноябрьского, декабрьского и январского пленумов ЦК КПЧ».

Идеологический штамп, конечно, но иного не могло быть.

Согласно письму генсека и премьера, «особое внимание обращает на себя то обстоятельство», что чехословацкие и все западноевропейские средства массовой информации распространяют «нездоровые и опасные настроения, которые возбуждают общественность в стремлении скрыть действительных организаторов новой политической кампании и выдать акцию антисоциалистических и антисоветских элементов за акцию патриотов. Эту же цель преследуют те, которые стремятся смерть Яна Палаха оценить как геройский акт общенационального значения».

В письме далее отмечалось, что «нельзя не видеть, что

события в Чехословакии приобретают опасный политический характер»: сначала выдвигались требования о ликвидации цензуры в средствах массовой информации, затем в периодической печати Чехословакии, в «некоторых выступлениях» появились открытые требования вывода советских войск из ЧССР. «Имели место случаи прямых нападений на грузовики советских военных представителей и даже нападения на советских официальных представителей»…

Конкретных примеров, правда, предъявлено не было.

Но даже гипотетические случаи являлись «достаточным поводом утверждать, что правые», а значит, «антисоциалистические круги после январского пленума ЦК предпринимают новую попытку столкнуть партию с принятого курса. В этих условиях было бы чрезвычайно важно правильно и принципиально оценить действительное значение поступка Яна Палаха и организованной провокационной кампании, которая за этим последовала».

Однако советская сторона должна была констатировать, что «этого до сих пор не произошло». Со стороны чехов наблюдались «только политические игры вокруг безрассудного поступка молодого человека».

Представители чехословацкой антисоветской оппозиции «все больше проявляют солидарность» с теми требованиями политических групп, которые «не имели вообще ничего общего с желаниями чехословацких трудящихся, направленными на совершенствование социалистического общества».

Для советских лидеров было «совершенно очевидным», что «антисоциалистические круги готовятся использовать похороны Яна Палаха для широкого развертывания провокационной кампании. Если в этих условиях не удастся проявить твердость, если не будут предприняты решительные меры, события могут выйти из-под контроля партии и правительства и перерасти в открытые выступления против дела социализма в Чехословакии».

Страхи, ни на чем не основанные…

Но авторы письма продолжали:

«Мы убеждены, что создавшуюся ситуацию еще можно быстро поправить, если опираться на трудящихся, которые в своем большинстве не поддерживают развязанный психоз, если развернуть наступление на враждебные силы.

Мы хотим подчеркнуть, что ЦК КПЧ, правительство ЧССР и другие ответственные органы республики:

— должны сделать все политически необходимые выводы и правильно сориентировать партию, трудящихся и дать

принципиальную партийную оценку деятельности антисоциалистических, антисоветских сил в связи с развязанной провокационной кампанией вокруг случая на Вацлавской площади;

— должны принять незамедлительные меры, которые будут направлены на приостановление деятельности тех, кто стремится воспрепятствовать нормализации в стране на марксистско-ленинской интернациональной основе…»[453]

Был ли искренен в этом письме Алексей Николаевич? Думаю, что да, был…

* * *

События мая 1968 года в Париже и уход в отставку президента Франции Шарля де Голля Косыгин не приветствовал, считая, что французский лидер поддался «давлению» со стороны радикалов, но в то же время, согласно советскому канону диалектического подхода к различным событиям и явлениям, критиковал и самого генерала де Голля, который не ответил «на чаяния простого народа»…

Но и в 1968, и в 1969 году приоритетными и для Косыгина, и в целом для Советского Союза оставались взаимоотношения с Соединенными Штатами Америки.

Косыгин продолжал начатый еще в январе 1967-го диалог с Л. Джонсоном осторожно, стараясь не «пережать», но и опасаясь не «дожать». Вопросы, подымаемые Джонсоном в переписке и в беседах при встрече летом 1967 года, были важны как для США, так и для Советского Союза, совсем недавно «столкнувшихся» в Карибском кризисе, который едва не вылился в мировой конфликт. Косыгин, думаю, как и Джонсон, понимал, что «лучше худой мир, чем хорошая война», а потому поддерживание контактов, решение острейших вопросов исключительно за столом переговоров оставались для советского премьер-министра приоритетными.

Но в то же время Алексей Николаевич стремился ни в чем не уступать, считая, что уступки ослабят позиции не только Советского Союза, но и всего социалистического блока.

По сути, именно две мировые державы в 1960–1970-х годах решали сложнейшие геополитические проблемы, от этих держав во многом, если не в основном, зависело мировое спокойствие. Это «красной нитью» проходило сквозь все заявления обеих сторон.

Косыгин давал понять своему визави, что без СССР США, так же как США без СССР, не в состоянии решить мировые проблемы, и потому стоит выработать совместные подходы, согласовать по возможности официальные заявления, принимая решения о том, чтобы сохранять «в тайне» и не афишировать те или иные заявления до определенного времени.

Развитием переписки с американским президентом можно считать и встречу Косыгина (22 апреля 1969 года) со вновь назначенным послом США в СССР Джэкобом Бимом.

Для «разминки» обменялись приветствиями.

Алексей Николаевич Косыгин был краток:

— США — великая страна, с которой у Советского Союза в дальнейшем, очевидно, будут развиваться более широкие отношения. Наш народ хорошо относится к американскому народу, и американский народ питает добрые чувства к народу Советского Союза.

Джэкоб Бим был согласен с премьером:

— У нас был хороший опыт, был также опыт, который не был так хорош. Во время войны мы успешно защищали дело мира против общего врага. Мы научились уважать друг друга и знать друг друга. Но у нас были некоторые разногласия; которые не нуждаются в подробном разъяснении. Мы живем в различных частях мира, и естественно, что у нас возникают различные интересы, разногласия временами бывают резкими и могут приводить к опасностям; в результате новых подходов мы сможем найти путь, который приведет к полезным результатам для обеих стран.

Затем собеседники обратились к тем темам, которые продолжали волновать мировую общественность, — договору о нераспространении ядерного оружия, Ближнему Востоку и Вьетнаму.

А. Н. Косыгин повторил позицию, занимаемую СССР:

— Советское правительство всегда выступало за то, чтобы найти конструктивные решения по самым актуальным вопросам международных отношений. *Эти решения должны быть найдены в деловой обстановке, без шума и сенсаций*. Очевидно, лучше не бряцать оружием, а достичь определенного успеха в урегулировании назревших мировых проблем в спокойной обстановке за столом переговоров, без обострения уже существующих или возникающих новых проблем.

В своих высказываниях Алексей Николаевич был откровенен, считая, что США ставят советскую сторону «в сложное положение», затрудняя «возможность содействовать решению проблем»… И прямолинеен, высказываясь о принципах, на

которых Советский Союз хотел бы выстраивать отношения с США: «не на конъюнктурной основе, не путем приспособления к существующей обстановке и не в плане противопоставления наших стран другим государствам. Мы хотим честных и конструктивных отношений, которые отвечали бы стремлениям наших народов к мирному сотрудничеству, к разрядке напряженности. Но если мы почувствуем фальшь с другой стороны, то это сделает наши отношения ненадежными».

Прибывший с визитом в Китай председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин (в центре), премьер Госсовета Китая Чжоу Эньлай и другие во время беседы. Китай, Пекин. 11 сентября 1969. [РГАКФД. Ед. хр. 397769]

Косыгин проявлял сдержанность и дипломатичность, но и американский посол не отставал:

— И США, и Советский Союз должны быть готовы взять на себя некоторое бремя, чтобы обеспечить успех переговоров. Мы не поддерживаем до конца ни одну из сторон. Мы поддерживаем процесс приближения мира.

Алексей Николаевич подытоживал:

— Положение в мире складывается так, что СССР и США должны найти решения по ряду вопросов. Это необходимо, если ответственно и всерьез стремиться к сохранению мира[454].

…В 1969 году вновь обострились советско-китайские отношения, и вновь Брежнев поручил заняться этим вопросом именно Алексею Николаевичу.

…Первые выстрелы, как казалось, полномасштабной войны уже прозвучали — боевые столкновения на острове Даманском, у

озера Шаланашколь и в других советско-китайских пограничных районах. Еще чуть-чуть, и в смертельной — для всего мира — схватке могли сойтись две ядерных державы — Китай и Советский Союз…

Сам Косыгин считал, что китайскому руководству надо сразу предложить «откровенные переговоры», перечеркнуть «темный период» и восстановить прежнюю дружбу:

— Мы — коммунисты, и они — коммунисты, и не может быть, чтобы не смогли договориться, глядя в глаза друг другу[455].

4 сентября 1969-го из Ханоя пришло известие о кончине лидера вьетнамских коммунистов Хо Ши Мина. На следующий день на похороны отбыла советская партийно-правительственная делегация во главе с А. Н. Косыгиным. Но перед делегацией стояла и другая задача.

Прибывший с визитом во Вьетнам председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин (в центре) приветствует членов команды одного из советских судов в Хайфонском порту. Вьетнам, Хайфон. Сентябрь 1969. [РГАКФД. Ед. хр. 397762]

Согласно представленному в ЦК КПСС отчету, «первоначально товарищ А. Н. Косыгин имел поручение встретиться с Чжоу Эньлаем в Ханое. Однако, как известно, китайский премьер возвратился в Пекин до прибытия в ДРВ [Демократическую Республику Вьетнам] нашей делегации. 8 сентября… делегация через вьетнамских товарищей обратилась с запросом к правительству КНР о возможности пролета через Пекин при условии организации беседы А. Н. Косыгина с Чжоу Эньлаем. Однако в Ханое ответ на этот запрос не был получен, в

связи с чем делегация 10 сентября сего года вылетела в Москву по другому маршруту. Лишь через три часа после отъезда из Ханоя от вьетнамских товарищей стало известно о согласии китайской стороны на встречу в Пекине. Делегация узнала об этом уже на советской территории. С китайским руководством была вновь установлена связь и уточнены его намерения относительно встречи. После того как Чжоу Эньлай сообщил, что он приветствовал бы встречу, 11 сентября сего года А. Н. Косыгин вылетел в Пекин»[456], где провел встречу с премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем…

В результате четырехчасовой беседы в зале для почетных гостей Международного аэропорта Шоуду в Пекине Косыгин попытался убедить китайского премьера в том, что СССР не готовит «превентивного удара» по Китаю. Китайский премьер, со своей стороны, заявил, что его страна также «не имеет намерений нападать на Советский Союз». Сформирован был и пакет мер по деэскалации напряженности между двумя странами.

От военного руководства обеих стран потребовали решать все проблемы не оружием, а взаимными консультациями. Предписывалось неукоснительно соблюдать государственную границу между двумя странами. Решено было учитывать интересы — в хозяйственной деятельности — гражданского населения. Четвертым пунктом был закреплен запрет на использование средств психического воздействия — через громкоговорители и ослепляющие прожектора[457].

Весной 1969 года Косыгин представил Брежневу проект постановления «О мерах по внедрению в планирование, учет и управление в сельском хозяйстве экономико-математических методов и средств вычислительной техники». Брежнев не вчитывался, попросив изложить канву «в двух-трех словах».

— Леонид Ильич, есть идея: в Москве, на базе научно-исследовательского центра экономической кибернетики Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства создать Всесоюзный научно-исследовательский институт кибернетики. А на базе Центральной контрольной агрохимической лаборатории, действовавшей при Всесоюзном научно-исследовательском институте удобрений и агропочвоведения, — Центральный институт агрохимического обслуживания сельского хозяйства с сетью филиалов в основных природно-экономических зонах страны. Цель этих научных центров я определяю так — внедрение экономико-математических методов и средств вычислительной техники в планирование, учет и управление в сельском хозяйстве; а задачи

— отработка методологии планирования, учета и управления в сельском хозяйстве на базе применения экономико-математических методов и электронных вычислительных машин…[458]

Брежневу этого объяснения вполне хватило, и он заверил постановление своей подписью. В этих вопросах он считал правильным доверять Косыгину полностью.

Задумки Косыгина, конечно, интересные, но, учитывая российские особенности, российскую ментальность, существующие различия между состоянием аграрного комплекса в различных советских республиках и даже в различных областях, сам по себе «возникал» вопрос: не станет ли создание подобных научных центров своеобразным «прыжком» через те фазы развития, которые надо не перепрыгивать, а пройти, с учетом всех сложностей? Задумывался ли об этом Косыгин?

250

Подлежит опубликованию
в Собрании постановлений

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 21 мая 1969 г. № 967

Москва, Кремль

О мерах по внедрению в планирование, учет и управление в сельском хозяйстве экономико-математических методов и средств вычислительной техники

В целях обеспечения широкого внедрения в практику планирования, учета и управления в сельском хозяйстве экономико-математических методов и средств вычислительной техники Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Создать в г.Москве Всесоюзный научно-исследовательский институт кибернетики (ВНИИК) Министерства сельского хозяйства СССР на базе Научно-исследовательского центра экономической кибернетики Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. Установить, что ВНИИК является головной организацией по внедрению экономико-математических методов и средств вычислительной техники в планирование, учет и управление в сельском хозяйстве. Научно-методическое руководство деятельностью ВНИИКа осуществляется Академией наук СССР.

Министерству сельского хозяйства СССР обеспечивать в первоочередном порядке необходимыми денежными и материально-техническими ресурсами работы по решению проблем, связанных с внедрением экономико-математических методов и средств вычислительной техники в планирование, учет и управление в сельском хозяйстве.

	Исполнители	Срок исполнения
Обработка на электронно-вычислительных машинах результатов агрохимических анализов и решение задач по рациональному использованию минеральных удобрений, микроэлементов и бактериальных препаратов	Минсельхоз СССР	1973 год
Расчеты на электронных вычислительных машинах оптимальных кормовых смесей с учетом различных условий их применения	Госкомзаг и Минсельхоз СССР	1969 год
Внедрение в практику работы комбикормовой промышленности методов оптимизации составления кормовых смесей	Госкомзаг	1970 год
Создание отраслевой автоматизированной системы планирования, управления и учета (первая очередь) х)	Минсельхоз СССР, Союзсельхозтехника, Минводхоз СССР, Госкомзаг, Минсельстрой СССР	1973 год

х) До создания Главного вычислительного центра отраслевой информационно-вычислительной системы планирования, учета и управления в сельском хозяйстве выполнение расчетов производится вычислительными центрами ЦСУ СССР и других организаций по договорам с ними. В дальнейшем распределение работ между системой вычислительных центров и машиносчетных станций ЦСУ СССР и указанным Главным вычислительным центром производится ЦСУ СССР и Министерством сельского хозяйства СССР.

Управляющий Делами
Совета Министров СССР (М.Смиртюков)

Постановление Совета министров СССР № 367 «О мерах по внедрению в планирование, учет и управление в сельском хозяйстве экономико-математических методов и средств вычислительной техники». 21 мая 1969. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 829. Л. 250, 257]

Но главным детищем Алексея Николаевича в вопросе «ковки» кадров и генерирования идей для реформируемого хозяйственного механизма стал Институт управления народным

хозяйством, постановление об организации которого он подписал 28 мая 1970 года: «Возложить на Институт работу по повышению квалификации руководящих работников народного хозяйства в области современных методов управления, организации производства и планирования *с применением экономико-математических методов и вычислительной техники*…»[459]

Неужели Косыгин повернулся к идеям тех, кто предлагал осуществить реформу национального хозяйства, взяв за основу «систему оптимального функционирования экономики», то есть систему экономико-математического планирования и учета? Думаю, что нет. Речь могла идти либо о том, чтобы расширить границы реформаторской парадигмы, не замыкая ее в рамках исключительно «прибыли» и «рентабельности», либо о поиске компромисса — в условиях жесткого противостояния реформе — между «рыночниками» и «антирыночниками». Компромисс этот, как рассчитывал Косыгин, мог бы вдохнуть «вторую жизнь» в реформу…

* * *

О реформе Косыгина сказано и написано так много[460], что нет необходимости все повторять или пересказывать. Важен лишь *итог*, с учетом того, что продолжалась реформа *не более пяти лет*!

С одной стороны, цель и смысл реформ — дать значительную самостоятельность предприятиям, возможность хозяйственного маневра, поднять ответственность рабочих коллективов за результаты собственного труда, заставить более рационально использовать материальные ресурсы и финансы и — главное — объединить интересы государства, отдельного предприятия и отдельного рабочего…

С другой стороны, базовые принципы реформы — планирование, хозяйственный расчет, прибыль — могут восприниматься как взаимоисключающие. И это не случайно. Косыгин рассчитывал «совместить несовместимое», но так, чтобы принципы эти не противоречили, а дополняли друг друга.

Сам себя Алексей Николаевич убеждал: «Я не рассчитывал сделать из реформ панацею, какое-то чудодейственное средство, которое должно было все изменить, причем — в один миг. На это я и не рассчитываю…» (Вопросы невозможно *решить*, их надо *решать*.)

Нужно было создавать новые отрасли, новые производства, а для этого нужны были передовые технологии, специалисты,

свободные финансовые средства. Причем и первое, и второе, и третье — срочно и в «больших объемах».

То, что сегодня, сейчас воспринимается как «азы» в экономике, тогда, во второй половине 1960-х годов, отличалось новизной, шло дальше общепринятых положений.

Глава 7. Итого…

Итого? — как результат реформ.

Самый сложный и для реформатора, и для всего общества, и для автора книги вопрос. Думается, что сам Косыгин на него ответ не искал, он пытался разобраться и понять.

Почему все складывается не так, как он планировал? Почему и где реформа свернула с заданного пути? Как так случилось, что руководство страны не просто отвернулось от Косыгина, а старалось всячески навредить ему? Почему большая часть интеллигенции, даже нонконформисты, были настроены против?..

Неутешительное

Что же с косыгинской реформой пошло «не так»?

Во-первых, без «палок в колесах» дело, конечно, не обходилось, и, как оказалось, трудности создавались искусственно, и число их увеличивалось изо дня в день.

Во-вторых, изо дня в день увеличивалось и количество противников реформы… Один из его злопыхателей, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и, одновременно, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Николай Григорьевич Игнатов называл Косыгина «*Керенским*», якобы за то, что у него ничего не получается[461]. Но это была просто плохо скрытая зависть человека, который считал себя обиженным всеми, не более того.

А. Н. Косыгин, Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный беседуют с дояркой колхоза «Пергале» (Литовская ССР) Марите Шаулене на III Всесоюзном съезде колхозников в Кремлевском Дворце съездов. Москва. Ноябрь 1969. [РГАКФД. Ед. хр. 303810]

Косыгин пытался противостоять: он объяснял, дискутировал, доказывал, но все было тщетно… Все против него.

Почему — все тщетно? Почему — сопротивление? Почему не было реальной помощи от Центрального комитета, от генерального секретаря?

Почему?

Да потому, что его реформа грозила серьезными изменениями

того социального положения, в котором благостно пребывала партийно-хозяйственная элита Страны Советов. Реформа Косыгина, как и иные преобразования, требовала постоянного развития, движения вперед, новых идей, их реализации, дискуссий в обществе, оценок со стороны того же общества…

Все это сочеталось с ростом (реальным, а не декларативным и показушным) материального благосостояния тех, кто трудился не в чиновничьем кабинете, а на производстве — у станка, на стройке, на ферме…

Авторитет чиновника мог «упасть», а этого больше всего боялись те, кто «не сеет, не пашет, не строит, кто гордится общественным строем»…

Противники реформы «перешли в наступление» еще в момент подготовки самого постановления от 5 октября 1965 года. По воспоминаниям тех, кто помогал Косыгину в подготовке текста, в озвученном на пленуме ЦК варианте появились абзацы, которые явно противоречили основному смыслу задуманного. Это были явные идеологические штампы и вставки, произведенные на свет Агитпропом. И это был «первый звонок» — «за флажки не выходить».

Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Большевик» Владимирской области А. В. Горшков, Н. В. Подгорный, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени XXI съезда КПСС Одесской области М. А. Посмитный и Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «40 лет Октября» Талды-Курганской области Н. Н. Головацкий в кулуарах III Всесоюзного съезда колхозников. Москва. 26 ноября 1969. [РГАКФД. Ед. хр. 326529]

Цена этим «штампам» и «вставкам» — «рупь в базарный день». Но чем дальше — тем больше, создавались специальные —

многочисленные — комиссии, главная цель которых была (негласно, конечно) «обнаружить» то «звено», благодаря которому можно было затормозить реформу, а затем и полностью ее свернуть. И делать это не «топорно» и не «враз», а осторожно, исподволь, но — настойчиво и целеустремленно… Косыгина, с одной стороны, побаивались, с другой — прекрасно понимали, что у него нет поддержки ни в Политбюро, ни в силовых структурах. Косыгин, таким образом, ходил «по лезвию бритвы»…

Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест (слева), председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин (в центре), член Политбюро ЦК КПСС Д. С. Полянский (направо) с делегатами III Всесоюзного съезда колхозников от Украинской ССР в Кремлевском Дворце съездов. Москва. Ноябрь 1969. [РГАКФД. Ед. хр. 387087]

Наибольший вклад в дело сворачивания реформы внесли так называемые межведомственные комиссии, напоминавшие, с одной стороны, конторы, штампующие бессмысленные инструкции, разъяснения, директивные письма и прочее, а с другой — продовольственные отряды времен «военного коммунизма», изымавшие излишки; в 1960-е годы — «излишки» финансов у предприятий.

В-третьих, реформа не удалась и в силу — как бы это ни звучало странно — *благоприятной* для Советского Союза экономической конъюнктуры на нефтяном и газовом рынках. Западная Европа была готова платить (и платила!) за тонну нефти 100 долларов, в то время как ее себестоимость в СССР составляла примерно 5 рублей, а общий объем нефтедобычи

Советский Союз в 1970-е годы быстро довел до 600, а затем и 650 миллионов тонн. И уже ненужными в высшем руководстве страны казались разговоры об экономии в «большом» и «малом» на производстве, о сокращении штатов управленцев, о перспективном и текущем планировании… Казалось, что «нефтедолларов» хватит на все и на всех…

Разработка нефтяных запасов СССР — которую сам Косыгин всемерно поддерживал — оказалась неблагоприятным фактором: покрытие дефицита продовольствия осуществлялось за счет поставок по импорту, на закупки шли все увеличивающиеся объемы «нефтедолларов». Подобная ситуация ставила под сомнение все разговоры о необходимости такого сложного процесса, как реформирование экономики, и важности такого фактора, как «свободные нефтедоллары», которые, как считалось, могли «решить все внутренние проблемы».

Но главная «мина замедленного действия» заключалась в «*неразрывности*» в СССР *идеологии и экономики*, которую А. Н. Косыгин при всем желании (думаю, и мысли у него такой не возникало!) преодолеть не мог.

Многие из тех, кто разбирался в экономике, кто не был «зашорен» идеологически, уже к концу 1960-х годов пришли к выводу: сама *экономическая модель СССР себя полностью изжила и реформированию не поддается*. Да, какие-то подвижки были возможны, они были заметны, но это были лишь «*подвижки*», не более того.

Так ли это?

Ответ дала косыгинская реформа.

Понимал ли это сам Алексей Николаевич?

Если и понимал, то не решался сам себе в этом признаться…

И еще одно: не последнюю роль в свертывании реформы сыграла позиция генерального секретаря ЦК КПСС. Изначально, как мы уже указывали, он не мешал Косыгину, но к 1970 году позиция изменилась кардинальным образом.

Политическая борьба группировок в высшем руководстве СССР в первой половине 1960-х годов завершилась падением Н. С. Хрущева и возвышением Л. И. Брежнева в октябре 1964-го. Но в последующие пять лет Брежнев, казалось бы, самая могущественная фигура в советском государственном истеблишменте, оставался «первым лицом» по милости других, так как ни одна из соперничающих группировок не обладала достаточной силой, и потому все поддерживали на вершине власти именно Брежнева. Сам он не располагал еще преданным лично ему Политбюро, ни один из тогдашних членов высшего партийного руководства не был обязан своим положением новому

генсеку. Наоборот, он был всем обязан… И только начиная с конца 1960-х годов Брежнев начал заменять прежних членов Политбюро своими людьми, создавать собственную «команду», акцентировать внимание на собственной персоне и пр. А для всего этого необходимы были громкие заявления, которые, правда, ничего реального не содержали. То же произошло и с косыгинской реформой: Брежнев, понимая, что премьер выше его «на голову» и что надо его хотя бы немного «задвинуть», пошел на отказ от радикальных — по тем меркам — изменений в экономике, трансформировав свое видение и участие в хозяйственной жизни страны…[462]

И все же реформа сдвинула (но — *только «сдвинула»*!) советскую экономику с мертвой точки! Не зря 8-ю советскую пятилетку (1966–1970 годы) называют «золотой пятилеткой советской экономики».

Успех косыгинской реформы — пусть даже в самой малой, скромной форме, но все же был! Согласно официальным данным, других нет, в 1970 году (в сравнении с 1960 годом) национальный доход вырос на 85 %, фонд зарплаты — более чем на 100 %, производство предметов народного потребления — на 100 %, розничный товарооборот — на 98 %.

В аграрном секторе были повышены закупочные цены, установлена 50-процентная надбавка за произведенную сверхплановую продукцию; введено денежное авансирование труда колхозников, по ряду условий труда и его оплаты приравнены в правах работники советских и коллективных хозяйств, последним гарантирована минимальная оплата труда, ослаблено налоговое бремя на личные подсобные хозяйства, которые во многом помогали порой просто выживать, рентабельность колхозного производства (по официальным данным) возросла более чем на 30 %, а совхозного — более чем на 20 %.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от «28» мая 1970 г. № 384

Москва, Кремль

Об организации Института управления народным хозяйством

В целях повышения квалификации руководящих работников народного хозяйства в области научных методов управления, организации производства и планирования для обеспечения дальнейшего повышения эффективности производства и уровня управления Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Организовать в г.Москве при Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике Институт управления народным хозяйством.

Возложить на Институт работу по повышению квалификации руководящих работников народного хозяйства в области современных методов управления, организации производства и планирования с применением экономико-математических методов и вычислительной техники.

2. Установить продолжительность обучения слушателей в Институте управления народным хозяйством до 3 месяцев с отрывом от работы.

Повышение квалификации руководящих работников народного хозяйства должно проводиться на основе учебного плана и программ, обеспечивающих рациональное сочетание лекционной работы, практических занятий по разбору конкретных производственных ситуаций, применения экономико-математических методов и вычислительной техники, и завершаться курсовой работой.

Повышение квалификации руководящих работников народного хозяйства проводить периодически, как правило, раз в 5 лет.

3. Установить начало занятий слушателей в Институте управления народным хозяйством с января 1971 г.

Государственному комитету Совета Министров СССР по науке и технике, Госплану СССР и Министерству высшего и среднего

специального образования СССР разработать порядок отбора и направления слушателей на учебу в Институт и до 1 ноября 1970 г. представить его в ЦК КПСС и Совет Министров СССР на утверждение.

4. Отнести Институт управления народным хозяйством по условиям оплаты труда руководящего и профессорско-преподавательского состава к высшим учебным заведениям I категории, предусмотренной постановлением Совета Министров СССР от 5 июня 1957 г. № 660.

Распространить на Институт управления народным хозяйством действие пунктов 11 и 12 постановления Совета Министров СССР от 6 июня 1967 г. № 515.

Разрешить Институту управления народным хозяйством производить оплату труда профессорско-преподавательского состава и специалистов, привлекаемых на почасовую работу, на условиях, установленных распоряжением Совета Министров СССР от 24 июля 1968г. № 1564.

5. Сохранять за слушателями Института управления народным хозяйством на время повышения квалификации с отрывом от работы среднюю заработную плату по месту основной работы.

На время обучения указанные слушатели обеспечиваются общежитием с оплатой за счет направляющей организации в порядке, установленном для аспирантов.

Стоимость проезда к месту учебы и обратно и суточные за время нахождения в пути оплачиваются предприятиями, организациями и учреждениями, в которых они работают.

6. Осуществить в 1970-1972 годах в г.Москве строительство комплекса зданий Института управления народным хозяйством с общежитием гостиничного типа из расчета одновременного обучения в Институте до 500 слушателей.

Возложить на Мосгорисполком проектирование и строительство в г.Москве комплекса зданий Института с вводом их в эксплуатацию в первом полугодии 1972 г.

7. Мосгорисполкому выделить и переоборудовать в III квартале 1970г. в г.Москве здание площадью 5 тыс.кв.метров для временного размещения Института управления народным хозяйством.

8. Госплану СССР и Министерству финансов СССР в месячный срок представить в ЦК КПСС и Совет Министров СССР предложения об увеличении Государственному комитету Совета Министров СССР по науке и технике на 1970 год объема капитальных вложений, необходимых для проектирования указанного комплекса зданий и для переоборудования выделяемых Мосгорисполкомом зданий для временного размещения Института управления народным хозяйством, и об источниках финансирования этого объема капитальных вложений.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
(Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров Союза ССР
(А.Косыгин)

УД

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 384 «Об организации Института управления народным хозяйством». 28 мая 1970. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 839. Л. 238–240]

Председатель правительства Чехословацкой ССР Любомир Штроугал, члены партии и правительства СССР Н. В. Подгорный, Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, А. П. Кириленко, А. Н. Шелепин (слева направо) и другие во время открытия выставки. Москва. Май 1970. [РГАКФД. Ед. хр. 1368]

Но при этом страна продолжала закупать зерно за границей, год за годом увеличивая его объемы. Причем на покупку зерна шли не только «нефтедоллары», но и средства, получаемые от реализации золотого запаса страны. Почему такое противоречие: зерна собирали с каждым годом все больше и больше, но и от закупок не отказывались? Конечно, свою роль в увеличении объемов сыграли банальные приписки, но еще один фактор оказался не менее важным: огромное количество зерна пропадало из-за ошибок его хранения, при перевозках и пр. Общие объемы потерь даже представить невозможно…

И такая вот *противоречивость* во всем — в постановке проблем, в реализации, в итогах реформы…

Реформа А. Н. Косыгина была свернута… Да, о ней, еще в 1970-е годы, много говорили, рассуждали… Но уже не спорили… Она была свернута… Но это не его вина, это была его беда… Реформа тормозилась и сворачивалась под предлогом «несоответствия… духу социализма». Это было для Косыгина больнее всего, ведь он считал себя советским человеком до корней волос!

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от „22" июля 1970 г. № 513

Москва, Кремль

О переводе буровых организаций Министерства нефтяной промышленности, Министерства газовой промышленности и Министерства геологии СССР на новую систему планирования и экономического стимулирования

Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Принять предложение Госплана СССР, Госстроя СССР, Министерства нефтяной промышленности, Министерства газовой промышленности, Министерства геологии СССР, Министерства финансов СССР и Стройбанка СССР о переводе, начиная с 1971 года, буровых организаций Министерства нефтяной промышленности, Министерства газовой промышленности и Министерства геологии СССР на новую систему планирования и экономического стимулирования применительно к порядку, предусмотренному постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 "О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства", с учетом особенностей работы буровых организаций.

Министерству нефтяной промышленности, Министерству газовой промышленности и Министерству геологии СССР в 3-месячный срок разработать и утвердить по согласованию с Междуведомственной комиссией при Госплане СССР перечень утверждаемых показателей для оценки хозяйственной деятельности буровых организаций, а также методические указания по переводу буровых организаций на новую систему планирования и экономического стимулирования.

2. Распространить, начиная с 1971 года, на буровые организации Министерства нефтяной промышленности, Министерства газовой промышленности и Министерства геологии СССР, осуществляющие бурение разведочных и эксплуатационных скважин на нефть и газ, действие пункта 10 постановления Совета Министров СССР от 2 декабря 1968 г. № 950 "О нормах накладных расходов в строительстве".

Председатель
Совета Министров Союза ССР

(А.Косыгин)

Управляющий Делами
Совета Министров СССР

22/VII-1970

(М.Смиртюков)

Постановление Совета министров СССР № 583 «О переводе буровых организаций Министерства нефтяной промышленности, Министерства газовой промышленности и Министерства геологии СССР на новую систему планирования и экономического стимулирования». 22 июля 1970. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 842. Л. 21–22]

Но наработки А. Н. Косыгина, результаты его эксперимента были в полном объеме использованы в ряде стран, чьи

национальные хозяйства оказались на грани полного хозяйственного коллапса, но чье руководство не желало отказываться от идеологии. Как, например, в Китае или Вьетнаме. Однако как раз именно в этих двух странах, не отступивших от реформ, решившись на их развитие, руководство, по сути, отказалось от идеологии в пользу экономики; идеология осталась здесь, скорее, как дань традициям, как ширма…

* * *

В августе 1970 года А. Н. Косыгин поставил свою подпись под текстом Московского договора между СССР и Федеративной Республикой Германией — знаковое событие не только в отношениях двух стран, но и в истории международных отношений всего послевоенного периода. Сам Алексей Николаевич считал Московский договор 1970 года одним из базовых факторов нормализации обстановки в Европе, налаживания сотрудничества СССР не только с Федеративной Республикой Германией, но и с другими западноевропейскими странами. Против подписания договора выступал министр обороны Д. Ф. Устинов, считавший, видимо, что, по сути, договор может перечеркнуть многие результаты Второй мировой войны… Но это — чистой воды фантазия…

Потребность в договоре диктовалась необходимостью выхода из образовавшегося в 1960-е годы настоящего «тупика» в отношениях официального Бонна и официальной Москвы. Договор отвечал стратегическим целям ФРГ не только по разрядке напряженности в отношениях с Советским Союзом, но и по объединению Германии. Договор явился, — отмечал советский премьер в день его подписания, — «с одной стороны, во многом плодом последовательных внешнеполитических усилий Советского Союза по смягчению международной напряженности и нормализации отношений с Западом, с другой — результатом радикального изменения политики Западной Германии, ее поворота в сторону признания сложившихся в Европе послевоенных реалий»[463].

…В конце 1960-х годов в Европе сложилась обстановка, характеризовавшаяся нарастающей конфронтацией и гонкой вооружений двух политических систем и «олицетворявших» их военно-политических блоков — НАТО и Варшавского договора.

Внешняя политика Западной Германии строилась на основе *непризнания* существующих европейских территориальных и политических реальностей, сложившихся после окончания Второй

мировой войны. Правительство ФРГ, отказываясь признавать государственный суверенитет ГДР, продолжало в своей дипломатической практике следовать так называемой доктрине Хальштейна[464], предполагавшей «единоличное представительство» Западной Германией всего немецкого народа.

Ситуация изменилась лишь после прошедших в ФРГ выборов, в результате которых к власти пришли умеренные социал-демократы.

В 1969 году глава только что сформированного западногерманского правительства Вилли Брандт обозначил поворот всей внешней политики страны, прежде всего в оценке положения и перспектив отношений Восток — Запад, на единственно возможной основе — признания территориальных реалий, сложившихся в Европе после Второй мировой войны.

Выступая в Бундестаге, Брандт четко очертил приоритеты внешней политики Западной Германии:

— Наши национальные интересы не позволяют нам занимать позицию между Западом и Востоком. Наша страна нуждается в сотрудничестве и согласии с Западом и взаимопонимании с Востоком. Немецкому народу нужен мир в полном смысле этого слова также с народами Советского Союза и всеми народами Восточной Европы.

Это заявление послужило основой для перехода в практическую плоскость идей нового германского канцлера о заключении договора с СССР.

Переговоры начались в Москве осенью 1969 года. 7 августа 1970 года министрами иностранных дел СССР и ФРГ А. А. Громыко и В. Шеелем договор был парафирован, а затем 12 августа того же года подписан в Москве. С советской стороны его подписали председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин и министр иностранных дел А. А. Громыко, с германской стороны — федеральный канцлер В. Брандт и министр иностранных дел В. Шеель[465].

Документ касался главных принципов взаимоотношений между обеими странами и их подхода к решению основных европейских и мировых проблем. Договор базировался на признании европейских территориальных реальностей. 1-я статья договора гласила: «Союз Советских Социалистических Республик и Федеративная Республика Германии рассматривают поддержание международного мира и достижение разрядки напряженности в качестве важной цели своей политики. Они выражают стремление содействовать нормализации обстановки в Европе и развитию мирных отношений между всеми европейскими государствами, исходя при этом из существующего

в этом районе действительного положения»[466].

Договор также зафиксировал, что обе стороны согласны в признании того, что мир на Европейском континенте может быть сохранен только при условии, если никто не будет посягать на существующие современные границы. Обе стороны брали на себя обязательство и ответственность неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их настоящих границах. Обе договаривающиеся страны заявляли, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем. СССР и ФРГ рассматривали «как нерушимые сейчас и в будущем» границы всех государств в Европе так, как они проходили на день подписания Московского договора, в том числе линию Одер — Нейсе, которая является западной границей Польской Народной Республики, и границу между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой[467].

Обе страны в своих взаимных отношениях обязывались руководствоваться целями и принципами, сформулированными в Уставе ООН, то есть разрешать все спорные вопросы только за столом переговоров, воздерживаться от применения — на словах и на деле — угроз.

«Договоренность о намерениях сторон» — отдельный документ, приложение к Московскому договору. В «Договоренности» был зафиксирован общий подход сторон к решению ряда важнейших и современных международных проблем, в частности к развитию отношений ФРГ с ГДР, другими социалистическими странами на договорной основе в «соответствии с принципами полного равноправия, взаимного уважения и отсутствия дискриминации». Федеративная Республика Германия заявляла о своей готовности заключить с ГДР такой договор, который будет иметь общепринятую между государствами обязывающую силу. Тем самым официальный Бонн признавал, что ни ФРГ, ни ГДР не могут представлять другую сторону или действовать от ее имени.

СССР выражал готовность предпринять все от него зависящие шаги, призванные содействовать вступлению ФРГ и ГДР в ООН, урегулированию между ФРГ, с одной стороны, и Чехословацкой Советской Социалистической Республикой и Польской Народной Республикой — с другой, вопросов, связанных с Мюнхенской конференцией 1938 года.

Договор стал настоящим дипломатическим «прорывом» в политических и социально-экономических отношениях Советского Союза и ФРГ.

Нормализация отношений между СССР и ФРГ нашла

поддержку и в западногерманских предпринимательских кругах (именно на это очень рассчитывал и Алексей Николаевич). Владельцы и руководители таких крупнейших промышленных объединений, как «Крупп», «Маннесман», «Сименс», достаточно объективно оценили всю важность Московского договора, сулившего им выгоду благодаря развитию торговых, экономических и научно-технических связей между странами.

Между тем в ФРГ ратификация договора и его вступление в действие затягивались. Только 17 мая 1972 года западногерманский Бундестаг принял решение о ратификации Московского договора. Вскоре договор был ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Бонне 3 июня 1972 года…

Продолжаются и дипломатические вояжи Алексея Николаевича за рубеж, некоторые из них ознаменовались, правда, не очень приятными инцидентами. Так, во время визита в Канаду в октябре 1970-го на Косыгина было совершено покушение: во время прогулки вокруг здания парламента в Оттаве на него набросился молодой человек с финкой в руке. Косыгина спас профессионализм двух его охранников, которые обезоружили и скрутили террориста. Нападавшим оказался эмигрант из Венгрии, решивший отомстить за 1956-й…[468]

По другим свидетельствам, нападавший вооружен не был, он, выкрикивая лозунги о свободе Венгрии, вцепился руками в Косыгина, но, скрученный охранниками, смог только оторвать от пиджака советского премьер-министра пуговицу. Ее потом пришили в приемной у канадского премьера, пока оба политика распивали чай и рассуждали об опасности терроризма[469].

Дочь Косыгина, сопровождавшая отца в поездке, подружилась с женой канадского премьера, они стали переписываться и своего второго сына Маргарет Трюдо назвала Сашей (старшего и младшего сыновей звали Устин и Михаил)[470].

Это нападение никак не отразилось на взаимоотношениях двух стран, полгода спустя, во время ответного визита канадского премьера Пьера Эллиота Трюдо в Москву, Косыгин заявил:

— Между Советским Союзом и Канадой нет споров или вопросов, которые нельзя было бы решить с учетом взаимных интересов и которые не позволяли бы развивать дальше наше сотрудничество и налаживать добрососедство[471].

Выступление генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на заключительном заседании XXIV съезда КПСС. Среди присутствующих в президиуме: Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин, Ю. В. Андропов и другие. Москва. 9 апреля 1971. [РГАКФД. Ед. хр. 384454]

* * *

Если на международной арене дела у советского премьера складывались и решались довольно удачно, то дома, в Советском Союзе, все было сложно, запутано, напряжено…

Леонид Ильич Брежнев еще до XXIV съезда КПСС (март — апрель 1971 года) принял для себя решение «досрочно завершить реформы»…

А Алексей Николаевич Косыгин выступил с докладом «О директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы». Несмотря на поставленный генеральным секретарем «крест» на реформах, председатель Совета министров и в своем докладе говорил о… необходимости дать реформам новый «толчок».

Увлекшись, Алексей Николаевич не замечал, что его идеи превращались в догматические «клише»:

— Необходимо умело использовать экономические рычаги, совершенствовать товарно-денежные отношения. Центральный комитет КПСС и Советское правительство исходят из того, что ведущим и определяющим является директивное планирование, что товарно-денежные отношения могут и должны использоваться в интересах укрепления планового руководства народным хозяйством и развития инициативы предприятий и объединений на началах хозяйственного расчета. Товарно-денежные отношения имеют свое, присущее социализму содержание.

Мы отвергаем всякие ошибочные концепции, подменяющие рыночным регулированием ведущую роль централизованного планирования!..

Все эти пассажи и оставались лишь пассажами. Но уже сам факт того, что Косыгин так рассуждал о товарно-денежных отношениях, заслуживает внимания, поскольку деньги и социализм в представлении советских ортодоксальных теоретиков «позднего марксизма» были несовместимыми понятиями.

Косыгин же продолжал отстаивать свое — очень оригинальное и очень странное — видение советской экономики:

— Необходимо полнее сочетать индивидуальную и коллективную заинтересованность, интересы отдельного работника, предприятия и всего общества с тем, чтобы воспитывать в людях отношение к труду на благо общества как к своей первейшей обязанности, главному источнику повышения благосостояния…

Важно уметь заинтересовать работников предприятий, объединений, министерств не только в текущих, но и долговременных результатах — в широком внедрении достижений науки и техники и улучшении качественных показателей работы предприятий. Этим целям нужно подчинить совершенствование всех экономических рычагов, поставив систему материального стимулирования в прямую зависимость от выполнения заданий.

Новая система экономического стимулирования, основанная на укреплении и развитии хозяйственного расчета, предлагает усиление роли прибыли в народном хозяйстве. Мы рассматриваем прибыль и рентабельность как важные показатели эффективности производства. Прибыль — это основной источник доходов государственного бюджета.

Повышение эффективности производства, снижение себестоимости продукции и рост производительности труда — вот наш путь увеличения прибыли. Всякие попытки получать прибыль за счет обхода государственных цен или повышения их, нарушения установленного ассортимента и стандартов являются антигосударственной практикой…

Понимал ли он всю противоречивость — того, о чем говорит, и реальной ситуации, сложившейся в национальной экономике?

— Действительность экономических рычагов планового руководства народного хозяйства во многом зависит от системы ценообразования. По упорядочению цен была проведена большая работа. В результате цены стали точнее отражать общественно необходимые затраты труда и уменьшение издержек

производства, оптовые цены на промышленную продукцию будут снижаться. Правильная система ценообразования должна усилить заинтересованность предприятий и объединений в обновлении продукции, улучшении ее качества, ускорении научно-технического прогресса. Цены — это мощный рычаг экономического управления в руках государства, и надо пользоваться им умело и эффективно[472].

Аплодировали ему долго, но реальной поддержки Косыгин, естественно, не получил. Удручающая ситуация…

…Съезду предшествовали трагические для А. Н. Косыгина события.

Уже в конце 1970 года разразился «бунт 40 министров» — команда Косыгина взбунтовалась! И как же он ее набирал? Как контролировал? Как направлял и обновлял? «Человек слаб»: слаб оказался и сам Алексей Николаевич, не решившись на жесткие меры при первом известии о «правительственном кризисе», слабы оказались и его подчиненные, повернувшие «вспять» при «первых раскатах грома»… А что мог Алексей Николаевич? Ведь, согласно правилам, председатель Совета министров СССР никого из министров или своих замов без решения Политбюро ЦК КПСС «уволить не мог, даже если те из рук вон плохо работали»[473]. Не смог Косыгин уволить никого из своих замов и после «мятежа 40 министров», и все из-за тех же существующих правил…

Министры, в большинстве своем, выступили против косыгинского предложения — *выполнение плана засчитывать лишь после удовлетворения всех заказов потребителей*. «Мятеж» активно поддержал Госплан, руководил которым «соратник» Косыгина Н. К. Байбаков…

Николай Константинович Байбаков… Моложе Косыгина всего на семь лет, а пережил более чем на четверть века, только трех лет «не дотянув» до столетнего юбилея… По специальности «горный инженер по нефтепромыслам», один из виднейших специалистов в этой — нефтяной — отрасли. В 29 лет — заместитель народного комиссара нефтяной промышленности СССР. В начале Великой Отечественной войны — уполномоченный Государственного комитета обороны по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий на Кавказе.

В 33 года (1944 год) — народный комиссар нефтяной промышленности СССР, через два года — министр нефтяной промышленности южных и западных районов СССР, еще через два с половиной года — министр нефтяной промышленности СССР.

Во второй половине 1950-х годов сошелся в жутком «клинче» с Н. С. Хрущевым, поскольку критиковал вводимую последним

систему совнархозов. В отместку первый секретарь ЦК КПСС лично отдал распоряжение о «ссылке» Байбакова в «провинцию» (Краснодарский край), откуда ему удалось вернуться только в конце 1963-го…

С октября 1965 года Байбаков — заместитель председателя Совета министров СССР, председатель Государственного планового комитета СССР (Госплана СССР). Считался одним из ближайших соратников Косыгина. Но до поры до времени. «Вовремя» понял, что премьер и его реформа «не пользуются успехом» в высших структурах власти. Не был доволен и тем, какую роль отводил Косыгин Госплану, которым Байбаков руководил в течение 20 лет в пореформенное время.

Да, Госплан никто расформировывать не собирался, но его значение, его место и роль в экономической системе государства, в случае успеха реформ, сводились к второстепенной значимости. И, конечно, Байбаков, как человек достаточно амбициозный, да еще занимающий по сути «третий пост» в государственной иерархии, не мог допустить собственного «понижения». Допускаю, что и далеко не все он в реформе Косыгина понимал… Допускаю, что выстраивал свои планы, связанные с возможным уходом Косыгина с поста председателя Совета министров еще в начале 1970-х годов… Слухи об этом «ходили»… Но надо отдать Байбакову должное: «сор из избы» он не выносил, публично — никогда и нигде — он не допускал критики своего шефа, в 2000-х годах характеризовал его как «гения»…

В тот же период косыгинская реформа подверглась и атаке «слева». Группа экономистов, научных сотрудников Центрального экономико-математического института АН СССР — директор Н. П. Федоренко, его подчиненные А. И. Каценелинбойген, С. С. Шаталин и «примкнувший к ним» будущий директор Института США и Канады Академии наук СССР Г. А. Арбатов — выступили с идей создания так называемой системы оптимального функционирования экономики, для краткости названной «СОФЭ». Авторы последней предложили рассмотреть в качестве альтернативы косыгинской реформе создание ими «экономико-математической модели советской экономики». СОФЭ должна была *заменить в полном объеме товарное производство системой экономико-математического планирования и учета*.

Впервые идея СОФЭ была озвучена на конференции Института экономики АН СССР еще в 1967 году. Несколькими годами позже система эта нашла поддержку не только в академических научно-исследовательских институтах, но и в Центральном комитете КПСС, хотя *там* вряд ли кто понял, что

такое СОФЭ, скорее всего, просто хотели в очередной раз «насолить» Косыгину. Но система эта — СОФЭ — оставалась чисто теоретической парадигмой, на практике так никто и не решился ее опробовать.

Практики мало что понимали, а теоретики не могли толком объяснить принципы ее действия.

В конце 1960-х годов вопрос о сравнении и сопоставлении СОФЭ с косыгинскими подходами к реформированию экономики перешел, правильнее сказать, его перевели, в плоскость политических обвинений: самого Косыгина и его сторонников создатели СОФЭ обвинили в «заигрывании с Западом» и «предательстве идей социализма»…

Обвинения, в принципе, «старые», только звучали «по-новому»…

Препоны создавали и Центральный комитет КПСС, и Верховный Совет СССР. Если Л. И. Брежнев самоустранился от дискуссий, идущих вокруг реформы, то председатель Президиума Верховного Совета Советского Союза Н. В. Подгорный был неумолим в своей критике: реформа, которую осуществляет Косыгин, ни к чему хорошему привести не может. Подгорного поддерживал почти весь Центральный комитет партии, все плотнее и плотнее смыкавшийся в своей критике косыгинской реформы[474].

Тогдашний заместитель заведующего отделом Президиума Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов вспоминал о том времени:

«Косыгин постоянно чувствовал сопротивление, скажем так, днепропетровской группировки. Я видел эти столкновения на Политбюро. Чаще всего они возникали в отношениях с Подгорным, Кириленко, гораздо реже — с Сусловым. А Брежнев как бы отходил в сторонку. Особенно активничал Кириленко, который претендовал на то, что он знает хорошо производство, но эрудит это был своеобразный. Как-то, выступая против того, что говорил Косыгин, Кириленко сказал буквально так: „Вы же хотите вогнать нашу живую советскую действительность, хозяйство наше в Проскурово ложе“.

Косыгин помолчал, а потом говорит:

„Бедный Прокруст, он не знал своего точного имени и основ планового ведения хозяйства“.

И пошел докладывать дальше. Так же спокойно и сдержанно»[475].

Неутомимый зуд амбициозности Кириленко, Подгорного,

Суслова… Выпячиваемой до такой степени, что даже Брежнев, всегда лояльно относившийся ко многим своим «зарывавшимся» коллегам по ЦК, вынужден был сделать все, чтобы отстранить Подгорного с его поста…

Косыгин был «на голову» выше и Брежнева, и Подгорного… Но в драку не лез, старался обходиться без схваток за власть… Может, это его и «сгубило»? Может, надо было быть жестким и беспринципным? История, еще со времен Макиавелли, свидетельствует о том, что власть базируется не на доброте и уступках, а на борьбе, порой на безжалостной борьбе… А борцом он не был… Об этом ему еще в 1920-х годах намекали…

По воспоминаниям современников, «власть у так называемых партийных лидеров была и впрямь абсолютной и почти безраздельной. По сути, аппарат партии намертво срастился с государственным управлением. В Совет министров частенько приходили на подпись постановления Совета министров же, но подготовленные в Центральном комитете»…[476]

Добавляло проблем и личное соперничество, например, со стороны Н. А. Тихонова, который оказался в замах у Косыгина благодаря настойчивому указанию того же Центрального комитета КПСС и который старался исподволь, но всеми силами доказать, что действия его «шефа» малопродуктивны.

Контрпродуктивно действовало и Министерство обороны, возглавлявшееся тогда еще одним недоброжелателем Косыгина — Дмитрием Федоровичем Устиновым, который настаивал на *ежегодном* увеличении расходов на военные нужды, не считаясь с важностью затрат на социальные программы. Это и понятно, по мнению военных, кругом были «одни враги». У Косыгина было свое видение ситуации вокруг оборонного бюджета страны, расходящееся с позицией министра обороны. Но справедливости ради стоит сказать, что военное ведомство СССР времен премьерства Косыгина в расходах никогда «не ущемлялось».

Не сменил «гнев на милость» по отношению к Косыгину и руководитель КГБ СССР Ю. В. Андропов, который продолжал считать премьера «либералом» и завидовал его успеху. При каждом удобном случае Андропов «вставлял» свое слово в критику Косыгина, последний же, понимая «вес» председателя КГБ, опять же старался не занимать жесткой позиции, в лучшем случае ограничиваясь малозначимыми фразами.

…Количество «ненавистников» увеличивалось с каждым днем и месяцем, с каждым годом, причем последние «рекрутировались» исключительно из числа совминовского и «цекашного» аппаратов. Противники Косыгина брали не «качеством» критики, а количеством критикующих…

От всех этих обстоятельств Косыгин уставал больше, чем от ежедневных вопросов, решаемых правительством.

В частном разговоре (1971 год) А. Н. Косыгин обмолвился: «Ничего не осталось. Все рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят… Реформу торпедируют. Людей, с которыми я разрабатывал реформу, уже отстранили, а призвали совсем других. И я уже ничего не жду»[477].

Это был по-настоящему выплеск эмоций человека, который много лет ждал своего часа и, только заняв второй пост в руководстве страны, получил возможность что-то изменить. Но и этот шанс, эту возможность у него отобрали…

…В 1971 году было *восстановлено планирование показателей производства труда*, темпы роста которого должны были обязательно опережать темпы роста заработной платы…

Реформа не просто забуксовала, она остановилась… Политика и идеология вновь переиграли экономику, реформаторы уступили свои позиции, отошли в сторону, не рискнули ринуться в бой…

Политическое «подмораживание» началось уже (уже!) в 1967-м, а в 1968-м вылилось в настоящий «ледниковый период» — советские танки в Праге[478].

А дальше пошло по нарастающей…

Еще в конце 1970-го «рвануло» в Польше, где руководство правящей Польской объединенной рабочей партии 13 декабря — нашли же день — объявило о повышении цен на продукты, промышленные товары, бензин… В ответ, вместо слов поддержки со стороны рабочих и служащих, на улицы крупнейших городов вышли докеры, строители, студенты, пенсионеры, творческая интеллигенция, потребовавшие отставки правительства… В ответ со стороны властей прозвучали выстрелы, — был отдан приказ «патронов не жалеть». Итог: 45 погибших и более тысячи раненых.

Москва отреагировала мгновенно — через четыре дня закрытым письмом ЦК КПСС в адрес высшего польского руководства с обвинением «в нарушении ленинских норм в народном хозяйстве».

Высшее польское руководство — первый секретарь ПОРП Вл. Гомулка и премьер Б. Ящук — покинули свои посты. Их сменили не менее знаковые фигуры польского политического истеблишмента — Эдвард Герек и Петр Ярошевич соответственно. 5 января 1971 года они вылетели в Москву, во Внуково их встречали Брежнев и Косыгин — два первых лица советского руководства, такое было впервые, все это свидетельствовало о важности и чрезвычайности ситуации.

Переговоры, естественно, крутились исключительно вокруг

необходимых для Польши поставок из СССР продуктов, кредитов и отсрочек по ним.

Еще в октябре 1970 года прежнее польское руководство просило Москву выделить 2 миллиона тонн зерна, 200 тысяч тонн нефти и предоставить на 15 лет отсрочку по советским кредитам (при общем внешнем долге Польши в один миллиард долларов).

И в январе 1971-го новое польское руководство вновь просило о поставках из СССР всего: ежегодно в течение пяти лет по 2 миллиона тонн зерна, по 50 тысяч тонн подсолнечного масла. А еще 4 миллиона тонн нефти, 750 тысяч тонн дизеля — все в год, 3 миллиарда кубометров газа для всей Польши и отдельно 100 миллионов кубометров для Белостокского воеводства, 200 тысяч тонн в год стального проката, цемент, удобрения. И — кредит в 500 миллионов валютных рублей сроком на 10 лет.

Косыгин поинтересовался:

— А что взамен?

Ярошевич, ничтоже сумняшеся, заявил:

— 1200 спецвагонов, из которых 500 цистерн, и самолеты «АН-2» нового типа…

Косыгин его прервал:

— И вы сами в состоянии сконструировать новый тип?

Польский премьер отвел глаза:

— Мы рассчитывали, что его сконструируют в Советском Союзе…[479]

Какая уж тут реформа в собственной стране, когда надо вытаскивать из экономической «дыры» социалистического соседа!

* * *

Уже в январе 1971 года начали пересматривать уже готовый к утверждению на съезде КПСС проект пятилетнего плана: «Поручить Госплану СССР переработать проект Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. с учетом обмена мнениями и в соответствии с предложениями и замечаниями, высказанными на заседании Политбюро ЦК КПСС, обратив серьезное внимание на дальнейшее повышение жизненного уровня народа, на основе всемерного повышения эффективности и интенсификации всего общественного производства, дальнейшего развития и внедрения научно-технического прогресса, роста национального дохода страны и более полного обеспечения рынка страны товарами народного потребления»[480].

Если «перевести» эти слова «с русского языка на понятный», то последнее означало: цены повышать не будем, но дефицит неизбежен. Правда, Москве, Ленинграду и ряду крупных промышленных центров выделялись дополнительные фонды по продовольствию и товарам первой необходимости, но вопросы дефицита они не решали…

А на подходе стояли Вьетнам, Лаос, Камбоджа, которые требовали «вливаний» из-за идущей там войны; Куба, Ангола, где «строился социализм», но собственных средств, естественно, не хватало…

В начале 1970-х годов о реформах все, кроме Косыгина, просто «забыли»… Такова была высшая партийная установка, и противостоять этому не получалось даже у председателя Совета министров…

В общем, реформа Косыгина «приказала долго жить»…

Отечественные — современные — «специалисты» считают, что «*все успехи экономической реформы 1965 года являются либо статистической иллюзией, либо следствием благоприятного стечения обстоятельств, включая влияние погоды на сельское хозяйство… На высшем в советской экономике посту Косыгин ничем особенным себя не проявил*»[481].

Или:

«*Реформа 1965 года проводилась экономистами, которые характеризуются западными авторами как умеренные „оппозиционеры“, желающие улучшить систему планирования страны „сверху“, также руководствуясь марксистско-ленинскими принципами. Изменения не положили конец централизованному планированию. Скорее, они хотели несколько сократить его негативные эффекты*»[482].

В принципе, неудивительно. Удивило бы обратное — учитывая российские традиции и российскую ментальность — если бы оценка была исключительно однозначной и положительной… И все же, все зависит от приоритетов тех лиц, кто оценивал реформу…

Попытка реформировать советскую экономику предпринималась дважды — в начале 1920-х и в середине 1960-х годов (во второй половине 1980-х ее не реформировали; она, экономика, просто рухнула под тяжестью проблем). Если с 1920-ми годами (со временем «новой экономической политики») более-менее понятно, то с реформами второй половины 1960-х годов многое остается сложным и противоречивым… И в этих противоречиях предстоит еще разбираться…

Косыгин пытался «*в одну телегу впрячь коня и трепетную лань*», стремясь сохранить, казалось бы, «незыблемые»

первоосновы социалистической идеологии, вливая «новую кровь» с помощью таких явлений, которые не были прописаны ни у Маркса, ни у Ленина.

Косыгин считал возможным оживить экономику путем интеграции в планово-директивную систему таких рычагов, как прибыль и рентабельность.

Реформа без отхода от «советского классицизма» в экономике Косыгину не удалась, основной цели реформы достичь не получилось — переход на интенсивный путь развития не сложился.

Но его образ мысли, его идеи, его попытки пересмотреть место и роль государства в национальном хозяйстве оказались востребованными…

Что ему удалось?

Доказать, что реформы советской экономики возможны, но для развития их необходим отказ от, казалось бы, незыблемых мировоззренческих принципов.

Попытка их сочетать и развить требовала не сиюминутного акта, а перманентных изменений, причем всего хозяйственного комплекса.

Он хотя бы *попробовал*, «проба» обернулась удивительными результатами, но была немедленно блокирована. А Косыгин не решился ринуться в открытый бой. По свойствам своего характера и в силу умения приспосабливаться к ситуации Алексей Николаевич не настаивал на своих взглядах.

Была ли вина Косыгина в том, что реформа не была доведена до своего логического завершения? Скорее, не вина, а беда: сказав «а», он не сказал ни «б», ни «в» и далее… то есть, достигнув первых результатов, не смог, в силу объективных и субъективных обстоятельств, настоять на их развитии. И обстоятельства эти многочисленны — прямое и косвенное противодействие партийных верхов, фетишизм, уже со стороны самого Косыгина, ряда откровенно идеологических установок, таких, как, например, плановость, нелюбовь к Косыгину тех, кто считал его, по крайней мере, «выскочкой», но кто после его смерти пришел к идеям необходимости реформирования советской экономики… Но, так же как и Косыгин, обжегшись на невозможности преодолеть и собственную мировоззренческую предвзятость, и косность «товарищей по партии», не доводили свои реформаторские начинания до логического конца…

Один из главных его недоброжелателей Ю. В. Андропов, став в конце 1982 года генеральным секретарем ЦК КПСС, также поставил своей целью реформировать экономику СССР.

Его интересовали проблемы хозяйственного расчета и

самостоятельности предприятий, концессий и кооперативов, совместных предприятий и акционерных обществ — все это Андропов хотел соединить с плановой экономикой и руководящей ролью КПСС. 1983 год — «Закон о трудовых коллективах».

Июль 1983 года — широкомасштабный экономический эксперимент по расширению прав предприятий в планировании и хозяйственной деятельности, по усилению их ответственности за результаты работы.

По указанию Андропова была создана «комиссия Политбюро», она же — «комиссия Н. А. Тихонова — Н. И. Рыжкова», для подготовки экономической реформы в СССР. «Мозговым центром» этой комиссии стал Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований под руководством Д. М. Гвишиани (об институте и его руководителе чуть ниже), который в 1985–1986 годах занимал пост заместителя председателя Госплана СССР.

То есть идеи А. Н. Косыгина оказались востребованы даже его противниками и недоброжелателями…

Удивительно, но факт!

* * *

В первой половине 1970-х годов Алексей Николаевич несколько раз ставил перед Брежневым вопрос о собственной отставке, но генеральный секретарь раз за разом просьбу председателя Совета министров отклонял.

А Косыгин чувствовал, что все больше устает (очевидцы писали о нем в это время: «Очень пожилой и очень уставший человек»[483]), но не от годов своих, нет, а от того, что его никто не поддерживает. Косыгин не в состоянии был противостоять движению вспять и не в состоянии был видеть, как страдают те, кто поверил ему…

Что же делать?

«Бесполезно пытаться отстаивать свои убеждения — система безучастно освобождается от людей принципиальных и независимых. *И он, оставив реформу, „работал, честно и добросовестно“*»[484], — это был его выстраданный в то время принцип.

Косыгин сохранил свой первый пост в правительстве, но был вынужден заниматься вопросами текущего управления. От решения стратегических вопросов экономики его, по сути дела, отстранили[485].

Да и «десятилетием» 1970-е годы назвать для Косыгина было нельзя, это, скорее, пятилетие, так как в 1976 году он перенес клиническую смерть (результат несчастного случая, связанного с историей переворачивания байдарки, на которой Косыгин в один из воскресных дней совершал плавание по Москве-реке в районе Архангельского), что, естественно, сказалось на его работоспособности…

Все чаще и чаще на заседаниях Совета министров Алексея Николаевича подменяет Николай Александрович Тихонов — человек Брежнева, мало разбирающийся в экономике, но очень преданный «верхушке ЦК»[486]. Тихонов докладывал Брежневу и Андропову о «проколах» Косыгина, причем большинство из последних были «плодом его фантазии», но преподносились как ошибки, могущие иметь серьезные последствия для страны, экономики, общества. Все чаще Косыгин становится «гостем» поликлиник, больниц и санаториев, все реже встречи с генеральным секретарем, который, как кажется, просто «не видел» и «не замечал» премьера. Хотя «по протоколу» им очень часто приходилось бывать на том или ином мероприятии.

Подтверждают все это воспоминания очевидцев: «Будучи самодовольным и тщеславным, Брежнев не мог не ощущать свою слабость в экономических проблемах и поэтому испытывал к высокому авторитету Алексея Николаевича Косыгина, возглавлявшего правительство, плохо скрываемую зависть. Отношения между ними обострялись. С Косыгиным все меньше считались. По существу, оказалась свернутой (во многом из-за негативного отношения Брежнева) предложенная и разработанная под руководством председателя Совета министров СССР экономическая реформа 1965 года, с реализацией которой мы связывали большие надежды. Когда же Алексей Николаевич тяжело заболел и его стал замещать великовозрастный Тихонов (всего на год младше его), дела пошли все хуже и хуже. Стало появляться много нерешенных вопросов, ослабли государственная дисциплина и контроль за выполнением принимаемых решений, вошла в моду корректировка годовых и пятилетних планов, снизились темпы нашего экономического роста»[487].

Но и Брежнев, и Косыгин прекрасно понимали, что все за ними наблюдают, и старались «не выносить сор из избы».

Конечно, и в эти годы Алексей Николаевич старается сделать все от него зависящее, помочь тем, кому мог и был в состоянии это сделать.

Во-первых, он во что бы то ни стало стремился завершить давно уже задуманный проект — создание стратегического научно-исследовательского центра, настоящего «мозгового

центра» правительства.

Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ) Государственного комитета по науке и технике при Академии наук СССР — еще одно «детище» А. Н. Косыгина.

Идея зародилась еще в первой половине 1960-х годов, на волне «общественной оттепели»… Но сам институт был создан только в 1976 году. Его директором стал Джермен Михайлович Гвишиани — зять Алексея Николаевича (женился на Людмиле Алексеевне Косыгиной в 1948 году).

Послужной список Д. М. Гвишиани к 1976 году выглядел весьма солидно.

Родился в 1928 году в семье одного из руководителей (в будущем) Народного комиссариата внутренних дел. Окончил Московский институт международных отношений (1951) и аспирантуру под научным руководством профессора Т. И. Ойзермана (друга Алексея Николаевича Косыгина еще с 1930-х годов). В 1960–1968 годах преподавал на философском факультете Московского государственного университета. В 1962-м («без отрыва от производства») защитил кандидатскую диссертацию «Социология американского менеджмента» (1961), которая послужила базой для его первой монографии «Социология бизнеса» (М., 1962). Само название для того времени было более чем оригинально!

Через три года после выхода книги и в течение последующих 20 лет Д. М. Гвишиани занимал пост руководителя международного отдела по науке и технике, затем — заместителя председателя в Государственном комитете Совета министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР). В 1969 году защитил докторскую диссертацию «Американская теория организационного управления» (1969), послужившую базой для его же монографии «Организация и управление: социологический анализ буржуазных теорий» (1970). Книга переиздавалась трижды, последний раз — в 1998 году.

В 1979-м был избран в Академию наук СССР. Председатель Совета Национальной ассоциации содействия Римскому клубу, иностранный член Шведской академии инженерных наук, действительный член Американской и Международной академий управления…

Совместно с лордом С. Цукерманом и М. Банди Джермен Михайлович выступил организатором Международного института прикладного системного анализа в Лаксенбурге (Австрия), став председателем научного совета института. Первоначально ВНИИСИ рассматривался как своеобразный филиал

Международного института.

В 1970–1980-е годы Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований занимался исследованиями по следующим направлениям: теоретические основы и методологические принципы системного анализа; теория управления; методология моделирования и комплексного анализа долгосрочного национального и мирового развития с учетом взаимодействия социально-экономических, научно-технических и экологических факторов; методы формирования и управления крупномасштабными проектами, целевыми национальными, межотраслевыми и региональными программами и программами специального назначения; методы системных исследований по важнейшим прикладным междисциплинарным и межотраслевым проблемам, включая разработку методов управления созданием и функционированием сложных организационных и технических систем.

Это то, о чем мечтал А. Н. Косыгин в начале 1960-х годов, ставя вопрос о подготовке кадров управленцев новой генерации! Имена научных сотрудников ВНИИСИ «прогремели» гораздо позже — уже в конце XX века, когда Россия в очередной раз рискнула реформироваться: П. О. Авен, Е. Т. Гайдар, А. Д. Жуков, С. С. Шаталин, М. Ю. Зурабов, Н. К. Сванидзе, В. И. Данилов-Данильян, Б. А. Березовский…

Е. Т. Гайдар вспоминал: «По идее, институт должен был представлять собой советский аналог „Рэнд корпорейшен“[488]: объединив способных экономистов, математиков, системщиков, философов, специалистов по организационным структурам, развернуть серьезные теоретические исследования и решать самые сложные задачи государственного масштаба. Место Д. М. Гвишиани, зятя Косыгина, в формальной и неформальной иерархии советского общества того времени обеспечивало институту хорошие связи, а следовательно, и относительную идеологическую автономию». Во ВНИИСИ исчезала известная «двойственность»: «жесткое разделение того, что можно обсуждать открыто, и того, о чем можно думать, но ни в коем случае не высказывать вслух в официальной обстановке научного семинара. Здесь можно было обойтись без „кукиша в кармане“, обсуждать самые острые теоретические проблемы без оглядки на идеологическую „чистоту“ суждений»[489].

Институт существует и в настоящее время…

Во-вторых, Косыгин представлял Советский Союз на встречах с международными лидерами, хотя «по протоколу» это должен был делать председатель Верховного Совета СССР.

В-третьих, Косыгин рассчитывал реанимировать ряд своих старых идей (например, идею возрождения потребкооперации), но, понимая, что изменилась страна, изменились коренным образом воззрения большинства советско-хозяйственной элиты на роль и значение того или иного экономического института, отказывался от своих идей…

И все же Косыгин оставался премьером…

Последние годы премьерства

Авторитетный американский политик и финансист с мировым именем Дэвид Рокфеллер вспоминал, как и когда впервые встретился с Косыгиным — летом 1971 года после Дартмутской встречи в Киеве[490]. Высокий и худощавый человек с печальным лицом, талантливый менеджер, совершавший настоящие «чудеса», управляя неподатливой советской экономикой, — так характеризовал Алексея Николаевича Рокфеллер, не осведомленный, естественно, обо всех перипетиях советской внутренней политики.

Это была первая поездка Рокфеллера в Москву после его встречи с Хрущевым (летом 1964 года). Прошло пять лет, и американский бизнесмен — наблюдательный и осторожный в оценках — свидетельствовал: советская столица за это время «значительно изменилась».

И в чем эти изменения?

Рокфеллер считал, что это — результат того, что Косыгин акцентировал внимание на производстве товаров для потребительского сектора. В результате — «на улицах стало больше автомобилей, более доступной стала одежда и другие товары». Подметил Рокфеллер и то, что везде быстрыми темпами реализовывались проекты прокладки современных автомагистралей, а московское метро представляло собой «чудо» — современное, чистое, удобное и дешевое. И сама Москва — по общему впечатлению — была «относительно чистой и без мусора. Хиппи и люди с длинными волосами в основном отсутствовали».

С Косыгиным в его кремлевском кабинете Рокфеллер говорил о торговле, и советский премьер призвал Дартмутскую группу сделать все, чтобы «снять барьеры», препятствовавшие торговле с СССР.

Встречался Косыгин не только с Д. Рокфеллером, круг представителей западного делового мира, ищущих возможности выйти на советский рынок, был велик. Для советской стороны интерес в первую очередь представляли те компании, которые работали в сфере продовольственных товаров. В частности, компания «Пепсико», чей президент Дональд Кендалл оставил воспоминания о встречах с советским премьером:

«Я приехал в Россию на встречу с Косыгиным, который тогда был премьер-министром. Он рассказывал о пятилетнем плане, жал нам руки. Томми Томпсон, который был здесь послом в 1959 году, говорил мне: „Если хочешь иметь с ними дело, нужно

забыть о прямых денежных сделках. Только бартер“. И еще он сказал: „Русские вне себя из-за смирновской водки. `Смирнофф` выглядит как русский продукт, а разливают ее в Хартфорде, штат Коннектикут. Нужно предложить им пепси в обмен на русскую водку“.

Перед тем как ехать в Москву, я встречался с Анатолием Добрыниным, который тогда был послом в Вашингтоне, и сообщил ему, что мы хотим устроить бартер с водкой. И когда, пожимая руку Косыгину, я представился, сказав, что я Дональд Кендалл из „Пепси-колы“, он заметил: „А, вы тот самый человек, который хочет торговать с нами в обмен на нашу водку“. И я понял, что Добрынин сообщил о наших планах. У меня с собой был портфель, где лежала банка пепси. Я достал ее и вручил Косыгину. Конечно, все тут же стали говорить, что Кендалл приехал проталкивать свою пепси. А внутри банки на самом деле был приемник. Я включил его, и он был настроен на московское радио, к удивлению Косыгина. Эффект был потрясающий».

Косыгин сказал:

— Мы хотим с вами торговать, ваша пепси за нашу водку, литр на литр.

Кендалл уже успел выпить и чувствовал себя непринужденно:

— Я могу понять, почему вы не министр торговли. Литр на литр! Мы, конечно, готовы отдавать литр за литр.

Косыгин отреагировал мгновенно:

— Я говорю о вашем концентрате, литр на литр.

«И тут до меня дошло, — вспоминал Кендалл, — что он имеет в виду. К нам как раз подошел Моррис Стэнс, тогдашний министр торговли, чтобы попытаться мне посодействовать. Косыгин обратился к нему со словами:

— Вы ведь не любите монополии?

— Нет, не любим, — ответил Стэнс.

А Косыгин продолжил:

— Я предоставляю господину Кендаллу монополию на „Пепси-колу“ в Советском Союзе и монополию на нашу водку в Соединенных Штатах.

А потом сказал своему министру внешней торговли Патоличеву, чтобы он встретился со мной на следующий день для разработки условий сделки.

На следующий день я встретился с Патоличевым и Владимиром Алхимовым[491], его заместителем, и мы разработали соглашение о строительстве десяти заводов, а потом он говорит:

— Мы не можем предоставить вам эксклюзивных прав, о которых говорил премьер.

Я посмотрел на него и ответил:

— Скажите это премьер-министру, мы скрепили это соглашение рукопожатием. У нас эксклюзивные права.

На следующий день ко мне в отель приехал Алхимов, мы подписали контракт и протокол к нему о пятилетних эксклюзивных правах с опционом их продления еще на пять лет. Так я получил этот контракт.

Но после этого долго ничего не происходило. Потом совершенно неожиданно мне позвонил Добрынин и сказал:

— Премьер-министр хочет снова с вами встретиться, вы сможете поехать?

И я вернулся в Москву…

Косыгин принял нас в своем кабинете без посторонних. Не было никого, кроме самого Косыгина:

— Господин Кендалл, я — премьер-министр. Я могу отдавать распоряжения министру пищевой промышленности. Но он доказывает, что нет никакого смысла вести дела с Соединенными Штатами, и не хочет выполнять наше соглашение. Я могу заставить его делать то, что я хочу, но почему бы вам не пригласить его в США и не показать, почему нам нужно иметь дело с Соединенными Штатами?

Так мы и поступили, и я возил его по всем Соединенным Штатам и Канаде на одном из наших самолетов».

Благодаря долгосрочному соглашению с корпорацией «Пепсико» в Советский Союз с 1973 года были поставлены оборудование для 10 цехов для производства напитка «Пепси-кола», а также необходимый концентрат. За период с 1973 по 1981 год было отгружено 1,9 миллиона декалитров водки «Столичная» на сумму 25 миллиона долларов. Если бы эта водка была продана в Советском Союзе, можно было бы получить 164 миллиона рублей. «Пепси-колы» за эти же годы было выработано и продано в СССР на сумму более 303 миллиона рублей. В случае разрыва контракта на оборудовании построенных цехов появлялась бы возможность вырабатывать безалкогольные напитки собственного производства[492].

Но, пожалуй, одна из важнейших международных проблем, которую Косыгину пришлось решать, — советский долг за поставки по ленд-лизу…

Ленд-лиз — государственная программа, по которой Соединенные Штаты Америки поставляли своим союзникам по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне

промышленные полуфабрикаты, тяжелую технику, стрелковое вооружение, продовольствие, медицинское оборудование и медикаменты, стратегическое сырье. Основными «клиентами» поставок по ленд-лизу из США стали страны Британского содружества наций и Советский Союз.

Объем американских поставок по ленд-лизу в СССР был оценен в сумме около 10,8 миллиарда долларов. Но согласно договоренности о ленд-лизе оплате подлежала *только* уцелевшая в ходе войны техника. Для согласования итоговой суммы сразу по окончании Второй мировой войны начались советско-американские переговоры. Согласно американским подсчетам, сумма, подлежащая оплате, за уцелевшую технику и оборудование, с учетом их износа, составила 2,6 миллиарда долларов. Во время подготовки переговоров эта сумма американской стороной была снижена до 1,3 миллиарда долларов (огромная уступка; впрочем, Великобритании американская сторона также вдвое уменьшила долг). На переговорах 1948 года советские представители согласились выплатить лишь 170 миллионов долларов, американская сторона не согласилась с подобными советскими расчетами. Переговоры, шедшие в 1949 году, тоже ни к чему не привели: советские представители готовы были признать долг и в 200 миллионов долларов, но с рассрочкой на 50 лет. Американская делегация предлагала снизить сумму с 1,3 до 1 миллиарда долларов, причем с рассрочкой на 30 лет. В 1951 году американцы дважды предлагали снизить сумму платежа — до 800 миллионов долларов, однако советские представители соглашались только на 300 миллионов долларов. По мнению советской стороны, расчет должен был вестись на основе прецедента — пропорций при определении долга США со стороны Великобритании, которые были достигнуты между этими странами в марте 1946 года.

Вопрос о выплатах Советского Союза по ленд-лизу возложили (решением Политбюро ЦК КПСС) на Алексея Николаевича…

Решение принималось в мае 1972 года, во время визита в СССР Президента США Р. Никсона — «хрипловатый бас, несколько прямолинейная, доходчивая речь, направленный прямо в глаза собеседнику взгляд — повадка „политического волкодава“»[493].

Проблему выплат по ленд-лизу А. Н. Косыгин обсуждал с государственным секретарем США У. Роджерсом[494] в ходе нескольких встреч.

Первая встреча советского премьер-министра и американского госсекретаря состоялась 25 мая 1972 года.

Хотя во время первой встречи обсуждался ряд экономических вопросов — о создании Комиссии по торгово-экономическим вопросам, о закупке зерна, о предоставлении кредитов, — центральным узлом оставалась проблема ленд-лиза.

А. Н. Косыгин, что называется, сразу взял «быка за рога»:

— Вы предлагаете, чтобы мы платили вам 751 миллион долларов и, кроме того, 200 миллионов в виде процентов. Таким образом, мы должны уплатить около 1 миллиарда долларов. Эта цифра — нереальна, и мы не видим, чтобы мы могли бы приблизиться к этим цифрам. *Наш народ не поймет такой постановки вопроса.* [Знал ли «советский народ» об этом долге и об этих переговорах? — *В. Т.*] …Нельзя платить 200 миллионов долларов в виде процентов неизвестно за что. Это беспрецедентный случай, чтобы задним числом оплачивать проценты на какую-то условную сумму. Вы ликвидировали условия наиболее благоприятствуемой нации и в результате нарушили всю торговлю между Советским Союзом и Америкой. Мы понесли от этого значительные убытки. Это могут подтвердить любые нейтральные экономисты [нейтральные, это кто? — *В. Т.*]. …Нам… трудно платить проценты за неизвестные суммы.

Теперь, что касается суммы в 751 миллион долларов. Мы предложили 300 миллионов долларов и придерживаемся этой суммы. Есть вопрос и относительно сроков оплаты. Как Вы помните, англичанам вы предоставили возможность производить платежи в течение 50 лет. Мы считаем себя вправе поставить вопрос о тех же 50 годах рассрочки, которую вы дали англичанам. Что касается суммы компенсации, то, когда мы будем разговаривать с президентом, мы вернемся к двум цифрам: 751 и 300 миллионов долларов, которые нам предстоит обсудить. Я понимаю, что Вы не имеете полномочий и не можете согласиться со мной, я же не могу согласиться с Вашими предложениями. Есть еще и такой вопрос. У нас сохранилось некоторое количество судов, полученных по ленд-лизу, которые большей частью в непригодном к плаванию состоянии. Может быть, некоторые используются в каботажном плавании. Мы готовы их вернуть или вывезти в море и в вашем присутствии потопить, если Вы получите от этого моральное удовлетворение. [Не очень тактично! Хотя можно принять и за шутку. — *В. Т.*]

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин и заместитель генерального секретаря регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (БААС) Ирака, заместитель председателя Совета революционного командования Иракской республики Саадам Хусейн на переговорах. Также присутствуют Б. Н Пономарев, А. А. Громыко и другие. Москва. 22 марта 1973. [РГАКФД. Ед. хр. 316824]

Прием председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР А. Н. Косыгиным (2-й слева) мэра города Нью-Йорка Дж. Линдсея. Среди присутствующих председатель Исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов (1-й слева). Москва. 8 мая 1973. [РГАКФД. Ед. хр. 350001]

У. Роджерс улыбнулся:

— Может быть, они нам понравятся, и мы их возьмем себе.

— Пожалуйста, — парировал Алексей Николаевич, — но я

возвращаюсь к уточнению вопросов, которые, очевидно, мы могли бы обсудить с президентом Никсоном. Это прежде всего вопрос о глобальной сумме компенсации и сроке платежа. *Мы* не скрываем, что *хотели бы договориться по вопросам ленд-лиза*, пока президент находится в Советском Союзе, *и полностью закрыть этот вопрос*.

И госсекретарь Роджерс «хотел бы решить эту проблему раз и навсегда»:

— Но наш Конгресс не примет решения о предоставлении вашей стране режима наибольшего благоприятствования в торговле. Вопрос о процентах… Если бы не было проблемы долга… Но эта проблема существует, у вас есть долг, и проценты надо платить. Следует просто стремиться к достижению урегулирования, которое удовлетворяло бы и вас, и нас.

А. Н. Косыгин решил рассмотреть вопрос о ленд-лизе в ином ракурсе:

— Теперь о закупках зерна…

У. Роджерс не возражал:

— Пожалуйста. Я сам это понимаю.

Алексей Николаевич тут же расставил «приоритеты»:

— В принципе мы готовы купить зерно в кредит в США. Но рынков зерна у нас достаточно. У нас есть Канада, у которой мы покупаем зерно. Сейчас открылись европейские рынки. Мы покупаем у Франции и у других европейских стран, покупаем в Австралии. Мы хотим покупать у вас зерно в течение длительного периода времени и должны серьезно подумать о своих платежах. Поэтому вопрос о покупках зерна связан с вопросом о кредитах. Если мы договоримся о кредитах, то подпишем соглашение и о зерне. Если — нет, то будем покупать зерно у других или в США, но путем заключения отдельных сделок… Предлагается кредит на 3 года и 6,8 %. Это нас не устраивает.

У. Роджерс поправил своего собеседника:

— 6 1/8 %.

Косыгин развел руками:

— 3 года и 6 1/8 % — это очень дорогой кредит и очень маленький срок погашения. Конечно, мы можем купить у вас зерно и на этих условиях. Но это будут лишь небольшие закупки. Мы можем купить по одному миллиону тонн в год для того, чтобы можно было говорить о развитии торговли…

Надо сказать, что первый раунд Косыгин провел мастерски: обрисовал советскую позицию и дал понять, что при устраивающем СССР решении по ленд-лизу советская сторона готова закупать у США зерно, причем — в больших объемах.

Вторая встреча госсекретаря У. Роджерса и министра

торговли США П. Флэнигана с А. Н. Косыгиным состоялась 26 мая.

Первым слово взял У. Роджерс, который был откровенен, говоря о том, что для обеих сторон важно решить вопрос о ленд-лизе с учетом интересов и СССР, и США, поскольку от решения этого вопроса во многом зависят взаимоотношения двух мировых держав на многие годы вперед. Соединенные Штаты готовы учесть все те сложности, с которыми столкнется Советский Союз по выплате долга, а потому американская сторона идет на уступки, но СССР должен учесть интересы официального Вашингтона. Необходимо учитывать, что мало достичь условий по выплате долга, надо, чтобы последние одобрил Конгресс, который не всегда поддерживает решения президентской администрации.

Прием председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным президента Международного олимпийского комитета лорда М. Килланина, находящегося в Советском Союзе в качестве почетного гостя Универсиады-73. Москва. 16 августа 1973. [РГАКФД. Ед. хр. 350006]

Отмечая это, государственный секретарь не хотел «воздействовать на ход переговоров, а лишь констатировал определенные факты».

Американская сторона была убеждена, что, приняв 50 лет в качестве срока платежей с процентной ставкой 2 %, восстановить режим наибольшего благоприятствования между двумя странами в экономической сфере вряд ли будет возможным. Для примера госсекретарь привел факт выпуска займов в США на 10 лет при

ставке 7 %.

Вмешался П. Флэниган, по мнению которого, условия расчетов американской стороны для советской ничуть не хуже, чем те, что были предоставлены Великобритании: 2 % годовых, выплата производится в течение 30 лет.

Алексей Николаевич остался недоволен и длиннотами государственного секретаря, и краткой репликой Флэнигана:

— Почему англичанам дали 50 лет, а Советскому Союзу — 30? У нас тоже будут трудности… При этих условиях получается, что нам нужно будет ежегодно платить 23 миллиона долларов. Нам нужно, чтобы первые 5 лет нас освободили от платежей с тем, чтобы эти деньги можно было использовать на закупку зерна. Мы не можем покупать у вас зерно и другие товары и одновременно платить по ленд-лизу… Сейчас существует дискриминация. Почему с Франции, ФРГ, Италии или с африканских стран вы берете 6 % налога, а с Советского Союза 40 %? Остаток нашей задолженности по кредитному соглашению около 50 миллионов. Мы берем рассрочку на 30 лет и платим в течение пяти лет по два миллиона долларов… Мы могли бы договориться с соответствующими американскими фирмами, которые занимаются продажей нашей водки, чтобы все наши поступления от этой сделки обратить на покупку зерна… Президент Никсон сказал: давайте искать пути, чтобы вы купили у нас зерно. Я хочу искать деньги для того, чтобы можно было бы это сделать.

У. Роджерс, пожав плечами, возражал, считая, что закупки зерна в США — это не срочное дело…

Косыгин сделал вид, что не услышал собеседника, «продавливая» свою позицию:

— Наша задолженность по кредитному соглашению 50 миллионов долларов. Эти 50 миллионов мы оплачиваем в течение пяти лет. 50 миллионов долларов мы вам выплатим за пять лет. Затем мы начинаем платить по ленд-лизу. Начиная с 1979 года нам останется выплатить 450 миллионов долларов. До 2001 года останется 22 года, в течение которых мы должны будем платить в счет основного долга ежегодно примерно по 22 миллиона долларов. Кроме того, мы должны будем заплатить проценты на всю сумму 450 миллионов долларов. Мы договариваемся с Вами, что платежи по ленд-лизу мы погашаем до 2001 года. В течение первых пяти лет мы сохраняем платежи на существующем уровне. Мы имеем в виду 11,5 миллиона и за пять лет покрываем задолженность, которая у нас имеется по кредитному соглашению. И последний вопрос. Если у нас возникнут какие-то трудности в течение этих лет, мы хотели бы

иметь право на дополнительную отсрочку платежей на семь лет.

У. Роджерс же «оказался погруженным» в зерновые закупки, несмотря на то что в начале разговора считал их не таким уж важным делом:

— Что касается зерна, то в какие годы Вы предлагаете сделать закупки?

Косыгин ответил очень спокойно и четко:

— Пока только в 1973 году в количестве 3 миллионов тонн с оплатой наличными. Никакого кредита мы у вас не просим. 3 миллиона тонн будут стоить не менее 120 миллионов долларов. Что касается дальнейшего, то в течение 1973 года будут проведены переговоры о покупках в последующие годы. Мы можем записать, что стороны договорились о закупке зерна в 1973 году в количестве 3 миллионов тонн и о проведении переговоров о дальнейших закупках в последующие годы.

У. Роджерс что-то фиксировал в своем блокноте, Алексей Николаевич продолжал, вернувшись опять к ленд-лизу:

— Вчера Вы называли следующие цифры: 200 миллионов долларов в качестве процентов, 571 миллион долларов в качестве основной суммы компенсации и 50 миллионов долларов в качестве задолженности по кредитному соглашению. Фактически получалось около 1 миллиарда долларов. Когда мы говорили с президентом [Никсоном. — *В. Т.*], то я сказал ему, что 200 миллионов долларов в уплату процентов мы не признаем, и мы условились говорить о глобальной сумме.

Госсекретарь вставил реплику:

— Размер процента. Мы предлагаем 5,5 %. Вы предлагаете 2 %.

Косыгин устало покачал головой:

— Для нас 5,5 % совершенно исключается.

И, чтобы немного раззадорить американцев, неожиданно вспомнил:

— Мы не закончили переговоры с Италией. Мы им уже продали 6 миллиардов кубометров газа, но они просят удвоить поставку. У нас есть также предложения со стороны Швеции, Норвегии, Финляндии, Австрии, Франции.

Третья встреча состоялась — по просьбе государственного секретаря У. Роджерса — 28 мая.

И вновь первым слово взял Роджерс, отметив, что, не разрешив вопрос о выплатах по ленд-лизу, нет никакой возможности развивать взаимоотношения вширь и вглубь. Американская сторона, скорее — лично он сам, прекрасно понимает, почему советский премьер считает условия дискриминационными. То, что предлагают советские

представители, ставит президентскую команду «в тупик», так как получить одобрение подобных подходов у Конгресса США будет очень затруднительно.

Уставший от бесконечных разговоров Косыгин был хмур:

— Может сложиться такое положение, что вы согласитесь урегулировать вопрос ленд-лиза, а вам потом не утвердят режим наибольшего благоприятствования. Учтите, безработицы у нас нет, экономика наша развивается нормально[495].

Соглашение с Советским Союзом о погашении долгов по ленд-лизу все же было заключено тогда же, в 1972 году. Согласно этому соглашению советская сторона обязалась до 2001 года заплатить 722 миллиона долларов, включая и проценты.

101

Подлежит опубликованию
в Собрании постановлений

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от „3" июня 1971 г. № 342

Москва, Кремль

О внесении изменений в Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1971 года "О повышении минимального размера пенсии по старости для рабочих и служащих" Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Внести следующие изменения в Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 4 августа 1956 г. № 1044:

а) изложить пункт 19 в части минимального размера пенсии в следующей редакции:

"Минимальный размер пенсии по старости – 45 рублей в месяц";

б) изложить абзац первый пункта 103 в следующей редакции:

"103. Пенсионер, постоянно проживающий в сельской местности, считается связанным с сельским хозяйством, если он входит в состав хозяйства, имеющего приусадебный участок свыше 0,15 гектара (или свыше другой, более высокой нормы, установленной на основании законодательства союзных республик для хозяйств рабочих и служащих соответствующей категории)".

2. Настоящее постановление ввести в действие с 1 июля 1971 г.

Председатель
Совета Министров Союза ССР (А.Косыгин)

Управляющий Делами
Совета Министров СССР (М.Смиртюков)

УД

Постановление Совета министров СССР № 342 «О внесении изменений в Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий». 3 июня 1971. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 850. Л. 101]

К июлю 1973 года были осуществлены три платежа на общую сумму 48 миллионов долларов, после чего выплаты были прекращены в связи со вводом американской стороной

санкционных мер в торговле с Советским Союзом (Поправка Джексона — Вэника)[496].

Косыгин выиграл, но выигрыш дался очень нелегко, напомним, что премьеру тогда шел 70-й год…

Вторая встреча Косыгина и Рокфеллера совпала с открытием в Москве офиса «Чейз Манхэттен Банка» в мае 1973 года[497]. Косыгин, несомненно, был воодушевлен этим событием и выражал надежду на то, что «препятствия», мешающие развитию и расширению торговли между США и Советским Союзом, будут наконец-то ликвидированы. Акцентировал внимание Косыгин и на разведке крупных газовых месторождений Сибири, указывая их на висящей на стене карте.

— В экономическом отношении, — говорил он, — мы готовы идти дальше, однако мы не знаем, насколько далеко пойдут Соединенные Штаты[498].

То есть, несмотря на все «палки в колесах», несмотря на все заявления об отставке (отклоненные одно за другим), Косыгин оставался председателем Совета министров Советского Союза, причем — не формальным, а действующим. Да, конечно, о глобальных изменениях он уже и не мыслил. Но надо было работать, и он трудился настолько, насколько позволяли ему его силы, возможности, окружающая обстановка.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 12 сентября 1974 г. № 748

Москва, Кремль

О дальнейшем увеличении материальной помощи малообеспеченным семьям, имеющим детей

В соответствии с Директивами XXIУ съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971-1975 годы Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Признать целесообразным ввести с 1 ноября 1974 г. пособия на детей семьям, в которых средний совокупный доход на члена семьи не превышает 50 рублей в месяц.

Пособия на детей назначаются и выплачиваются в размере 12 рублей в месяц на каждого ребенка до достижения им 8-летнего возраста.

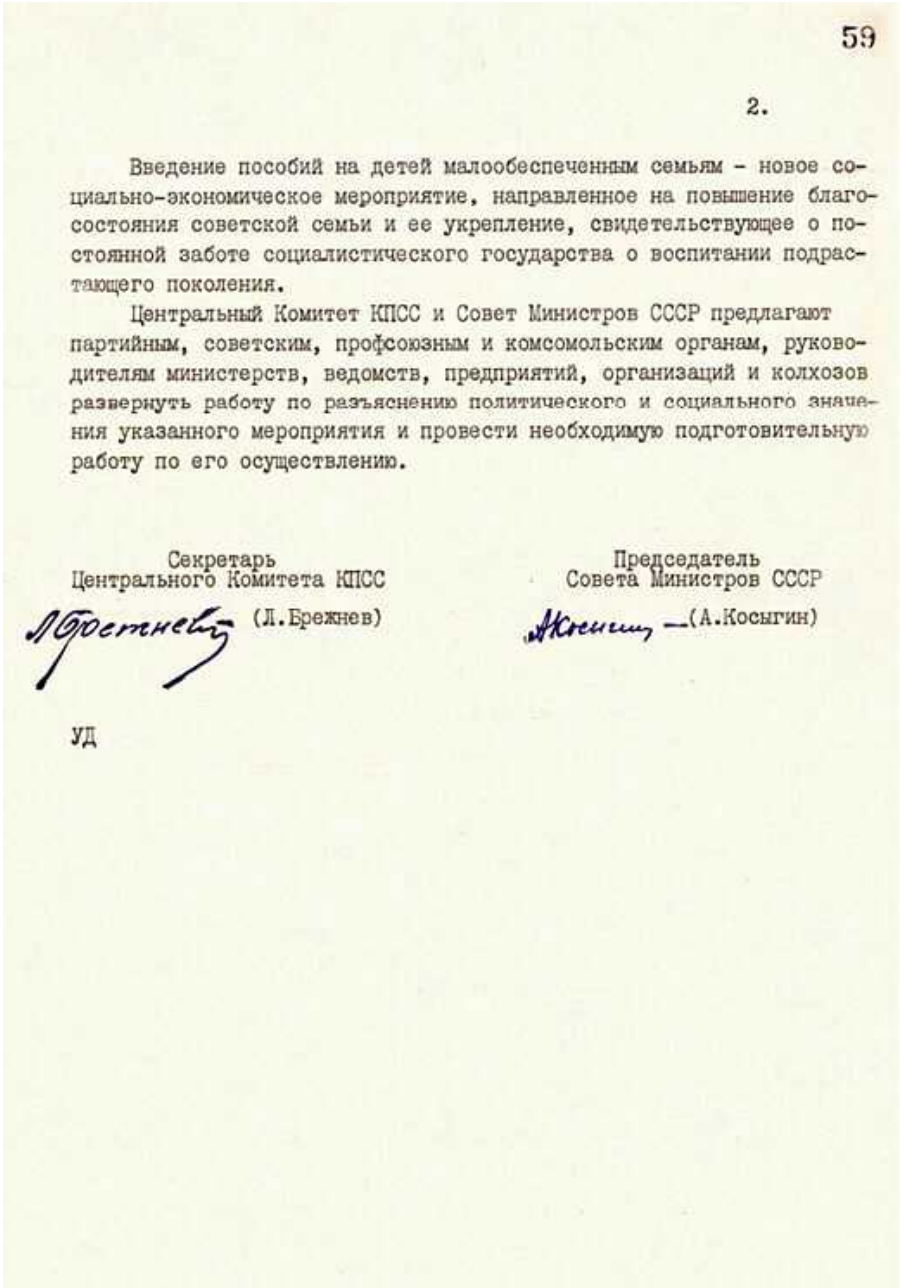
2. Возложить работу по назначению и выплате пособий на детей семьям рабочих, служащих, учащихся, военнослужащих и членов колхозов на предприятия, учреждения, организации, воинские части и колхозы, а семьям неработающих пенсионеров и некоторых других категорий граждан - на органы социального обеспечения.

3. Выплата пособий на детей семьям рабочих, служащих, учащихся, военнослужащих и пенсионеров производится за счет средств государственного бюджета, передаваемых в бюджет государственного социального страхования, а семьям членов колхозов, пенсионеров из числа членов колхозов и рабочих и служащих, работающих в колхозах по трудовому договору, - за счет средств централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников.

4. Внести в Президиум Верховного Совета СССР проект Указа "О введении пособий на детей малообеспеченным семьям".

х х

х

59

2.

Введение пособий на детей малообеспеченным семьям – новое социально-экономическое мероприятие, направленное на повышение благосостояния советской семьи и ее укрепление, свидетельствующее о постоянной заботе социалистического государства о воспитании подрастающего поколения.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР предлагают партийным, советским, профсоюзным и комсомольским органам, руководителям министерств, ведомств, предприятий, организаций и колхозов развернуть работу по разъяснению политического и социального значения указанного мероприятия и провести необходимую подготовительную работу по его осуществлению.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
(Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров СССР
(А.Косыгин)

УД

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 748 «О дальнейшем увеличении материальной помощи малообеспеченным семьям, имеющим детей». 12 сентября 1974. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 879. Л. 58–59]

3 июня 1971 года он подписывает постановление Совета министров СССР «О внесении изменений в Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий»: «Минимальный размер пенсии по старости — 45 рублей в месяц»[499]. Маленький,

но шаг вперед в социальной политике, то, о чем многие из политиков всегда говорят, но мало делают.

12 сентября 1974 года А. Н. Косыгин скрепляет своей подписью постановление «О дальнейшем увеличении материальной помощи малообеспеченным семьям, имеющим детей», согласно которому признавалось целесообразным ввести — уже с 1 ноября 1974 года — пособия на детей семьям, в которых средний совокупный доход на члена семьи не превышал 50 рублей в месяц. Пособия на детей назначались в размере 12 рублей в месяц на каждого ребенка и выплачивались до достижения им 8-летнего возраста.

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин на балконе резиденции советской правительственной делегации. Марокко, г. Рабат. 8 октября 1971. [РГАКФД. Ед. хр. 391359]

Косыгин считал, и провел в постановлении, что выплата пособий на детей должна была осуществляться за счет средств из государственного бюджета, передаваемых в бюджет государственного социального страхования, или за счет средств централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников.

Как отмечал Косыгин, редактировавший постановление собственноручно, «введение пособий на детей малообеспеченным семьям — новое социально-экономическое мероприятие, направленное на повышение благосостояния советской семьи и ее укрепление, свидетельствующее о постоянной заботе социалистического государства о воспитании подрастающего поколения»[500].

В преддверии 30-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов в апреле 1975 года в аппарате Косыгина был подготовлен проект постановления «О дополнительных льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих», согласно которому предполагалось законодательно закрепить, что жилая площадь, занимаемая инвалидами Отечественной войны I и II групп и проживающими совместно с ними членами их семей, а также семьями, получающими пенсии по случаю потери кормильца за погибшего военнослужащего, должна оплачиваться в размере 50 % квартирной платы; что для указанных категорий граждан должна быть также предусмотрена скидка в размере 50 % от установленной платы за пользование отоплением, водопроводом, газом, электроэнергией; что инвалидам Отечественной войны должны отпускаться бесплатно лекарства по рецептам врачей и предоставляться право бесплатного проезда на всех видах городского общественного транспорта, а также на общественном транспорте в сельской местности в пределах административного района по месту жительства.

Прием председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным делегации губернаторов штатов США во главе с председателем Национальной конференции губернаторов губернатором штата Миссури У. Хэрнсом. 15 октября 1971. [РГАКФД. Ед. хр. 349967]

Еще один пункт постановления содержал предложения о повышении минимальных размеров пенсий по случаю потери кормильца семьям погибших военнослужащих рядового состава срочной службы с одним нетрудоспособным членом семьи; о назначении пенсии по случаю потери кормильца родителям, дети которых погибли на фронте, независимо от того, состояли ли

родители на иждивении погибшего военнослужащего или нет; о выплате пенсии работающим инвалидам Отечественной войны III группы в полном размере.

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин (1-й слева) и председатель Революционного совета Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьен (3-й справа) на встрече с рабочими металлургического завода. Алжир, г. Эль-Хаджар. Октябрь 1971. [РГАКФД. Ед. хр. 390671]

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин принимает группу руководителей крупных компаний и корпораций США, прибывших в Москву для участия во встрече «За круглым столом» с представителями советских министерств, организаций и предприятий и обсуждения с ними возможностей развития советско-американских экономических отношений. 29 ноября 1971. [РГАКФД. Ед. хр. 349972]

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин и премьер-министр Норвегии Трюгве Браттели во время пресс-конференции. 1-й слева — переводчик В. М. Суходрев. Норвегия, Осло. 7 декабря 1971. [РГАКФД. Ед. хр. 391387]

Предлагалось также засчитывать в общий трудовой стаж для назначения пенсий членам семей инвалидов время их фактического ухода за инвалидом Отечественной войны I группы на основании решения исполкома районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту жительства инвалида.

Отдельным пунктом прописывалось: обеспечить автомобилями «Запорожец» с ручным управлением инвалидов Отечественной войны, имеющих право на их бесплатное получение, для чего только в 1975 году органам социального обеспечения предполагалось выделить более 31 тысячи легковых машин.

И последнее: согласно постановлению, требовалось установить, что льготы, предусмотренные настоящим постановлением, распространяются на лиц из числа военнослужащих, ставших инвалидами из-за ранения, контузии или увечья, полученных при защите интересов Советского Союза или при исполнении служебных обязанностей на военной службе[501].

Прием в замке Фреденсборг. Слева направо: кронпринцесса Маргрете, король Дании Фредерик IX, председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, Л. А. Гвишиани-Косыгина. Дания, Копенгаген. Декабрь 1971. [РГАКФД. Ед. хр. 390741]

Подлежит опубликованию 31
в Собрании постановлений

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 18 апреля 1975 г. № 304

Москва, Кремль

О дополнительных льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих

В связи с 30-летием победы советского народа в Великой Отечественной войне и в целях дальнейшего улучшения материально-бытовых условий инвалидов войны и семей погибших военнослужащих Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Установить, что жилая площадь (в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством), занимаемая инвалидами Отечественной войны I и II групп и проживающими совместно с ними членами их семей, а также семьями, получающими пенсии по случаю потери кормильца за погибшего военнослужащего, оплачивается в размере 50 процентов квартирной платы, исчисленной по ставкам, установленным для рабочих и служащих.

Излишняя жилая площадь (до 15 кв.метров), занимаемая указанными инвалидами и семьями, оплачивается в одинарном размере.

2. Предоставить инвалидам Отечественной войны I и II групп и проживающим совместно с ними членам их семей, а также семьям, получающим пенсии по случаю потери кормильца за погибшего военнослужащего, скидку в размере 50 процентов с установленной платы за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией.

3. Установить, что инвалидам Отечественной войны лекарства по рецептам врачей отпускаются бесплатно.

4. Предоставить всем инвалидам Отечественной войны право бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси), а также на автомобильном транспорте общего пользования (за исключением такси) в сельской местности в пределах административного района по месту жительства.

5. Признать необходимым:

а) повысить минимальные размеры пенсий по случаю потери кормильца семьям погибших военнослужащих рядового состава срочной службы с одним нетрудоспособным членом семьи с 27 до 33 рублей в месяц;

б) назначать пенсии по случаю потери кормильца родителям, дети которых погибли на фронте, независимо от того, состояли ли родители на иждивении погибшего военнослужащего;

в) выплачивать пенсию работающим инвалидам Отечественной войны III группы в полном размере, если пенсия вместе с заработком не превышает 300 рублей в месяц.

Внести в Президиум Верховного Совета СССР проект Указа по этим вопросам.

6. Засчитывать в общий трудовой стаж для назначения пенсий членам семей инвалидов время их фактического ухода за инвалидом Отечественной войны I группы на основании решения исполкома районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту жительства инвалида.

В связи с этим дополнить пункт 109 Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 г. № 590 (СП СССР 1972 г. № 17, ст.86), абзацем следующего содержания:

"В общий трудовой стаж засчитывается также время фактического ухода за инвалидом Отечественной войны I группы члену семьи инвалида на основании решения исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся по месту жительства инвалида".

7. Обеспечить полностью в 1975 году автомобилями "Запорожец" с ручным управлением инвалидов Отечественной войны, имеющих право на их бесплатное получение.

В связи с этим выделить в 1975 году органам социального обеспечения 31,3 тыс. автомобилей "Запорожец" с ручным управлением для выдачи бесплатно указанным инвалидам.

12. Поручить Советам Министров союзных республик определить по согласованию с Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы порядок предоставления льгот, предусмотренных пунктами 1, 2 и 4 настоящего постановления.

13. Настоящее постановление в части льгот, предусмотренных пунктами 1–4 и 6, ввести в действие с 1 мая 1975 г.

14. В связи с настоящим постановлением признать утратившими силу с 1 мая 1975 г. пункты 4 и 9 постановления Совета Министров СССР от 6 марта 1965 г. № 140 (СП СССР 1965 г. № 4, ст.22), постановление Совета Министров СССР от 14 декабря 1965 г. № 1062 (СП СССР 1965 г. № 25, ст.223) и распоряжение Совета Министров СССР от 11 ноября 1973 г. № 2398.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
(Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров СССР
(А.Косыгин)

УД

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 304 «О дополнительных льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих». 18 апреля 1975. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 884. Л. 31–34]

То есть под действие данного документа подпадали участники не только Великой Отечественной войны, но и других военных конфликтов, в которых СССР принимал

непосредственное участие.

Конечно, данные постановления, быть может, оставались незаметными на фоне более «глобальных» событий в жизни страны, но и без этих «малых дел» невозможно было бы говорить о развитии СССР и улучшении — хоть по чуть-чуть — советского общества.

105

Подлежит опубликованию
в Собрании постановлений

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от „19" октября 1976 г. № 852

Москва, Кремль

Об утверждении Положения о Государственном комитете Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий

Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить прилагаемое Положение о Государственном комитете Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий.

2. Признать утратившими силу решения Правительства СССР согласно прилагаемому перечню.

Председатель
Совета Министров СССР
(А.Косыгин)

Управляющий Делами
Совета Министров СССР
(М.Смиртюков)

Постановление Совета министров СССР № 852 «Об утверждении Положения о Государственном комитете Совета министров СССР по делам изобретений и открытий». 19 октября 1976. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 899. Л. 105]

* * *

В октябре 1972 года в Советский Союз прибыл премьер-министр Италии Джулио Андреотти. Кроме Москвы и Ленинграда итальянский политик посетил Тольятти, по сути «заштатный город», который только за шесть лет до прибытия сюда итальянской делегации сменил имя со «Ставрополь-Волжский» на нынешнее (в память об итальянском коммунисте). Но здесь, в этом волжском городе, строился и уже начал выпускать свою продукцию Волжский автомобильный завод — «это конкретный пример советско-итальянского сотрудничества и в более широком плане выражение преимуществ мирного сосуществования между государствами с различным общественным строем»…[502]

С чего все начиналось?

С начала 1960-х годов в мире разворачивался настоящий автомобильный бум: увеличивалось количество (и качество) сходящих с конвейера автомобилей, росли показатели продаж. Личный автотранспорт превращался из роскоши в средство, облегчающее жизнь человека.

В Советском Союзе покупка авто в частное пользование стала возможна только с 1948 года (конечно, были и исключения), но выбор, даже к началу 1960-х годов, был чрезвычайно мал: или «Москвич», или «Победа». Однако востребованность личного транспорта росла год за годом. А значит, стояла задача создания новых производственных мощностей.

Министр иностранных дел Италии Джулио Андреотти. 1980-е. Фотограф M. Lanni. [Их открытых источников]

Проанализировав ситуацию с производством автомобилей в СССР, специально созданная правительственная комиссия представила А. Н. Косыгину обоснованное предложение о строительстве нового автомобильного завода, способного выпускать свыше полумиллиона легковых автомобилей в год.

Принципиальное решение о возведении нового автомобильного производства было принято в январе 1965 года на Научно-техническом совете при Комитете по автотракторному машиностроению Совета министров СССР — проходил он на ВДНХ в Москве под руководством Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина.

Для ускорения создания такого предприятия Косыгин предложил привлечь иностранных партнеров. Изучались автомобильные производства в Италии («Фиат»), Федеративной Республики Германии («Фольксваген») и Франции («Рено»). Выбор решили остановить на итальянском варианте, на «Фиате» — известном в Европе производителе легковых автомобилей различного класса. Да и инженеры «Фиата» в состоянии были в кратчайшие сроки спроектировать завод, способный выпускать более полумиллиона авто в год.

Против кооперации с иностранными деловыми кругами выступил — не упустил момента — Д. Ф. Устинов, считая, что проблему создания легкового автомобиля можно решить,

опираясь на военно-промышленный комплекс. Разгорелся жесточайший спор. А. Н. Косыгин, чувствуя, что в идее сотрудничества с иностранными предпринимателями начал сомневаться и Брежнев, предложил, по сути, настоящее «Соломоново решение»: одного завода будет недостаточно; может, стоит создать два? Один — в сотрудничестве с западноевропейскими фирмами, второй — пусть берет на себя и ведет так, как считает нужным, оборонное ведомство СССР[503].

В 1966 году итальянская компания представила новую модель «Фиат-124», которая и была выбрана советской стороной как базовая, и еще две модификации: «Фиат-124 „Familiare“» и «Фиат-124 „Speciale“» (автомобиль класса «люкс»), выпуск которых также предстояло запустить в Советском Союзе.

20 июля 1966 года после анализа более чем пятидесяти различных площадок, раскиданных по всей стране, председателем Совета министров СССР было принято решение о строительстве нового автомобильного завода в Куйбышевской (ныне — Самарской) области — альтернативами рассматривались Ярославская и Вологодская области[504]. Технический проект завода был поручен тому же итальянскому автомобильному концерну «Фиат».

Еще месяц ушел на согласование различных «мелочей».

15 августа 1966 года в Москве глава компании «Фиат» Джанни Аньелли[505] подписал с министром автомобильной промышленности СССР А. М. Тарасовым[506] контракт о создании — с полным производственным циклом — автомобильного завода в городе Тольятти. По контракту на итальянскую сторону возлагались технологическое оснащение завода, подготовка специалистов.

Сделка обошлась Советскому Союзу в 550 миллионов долларов.

3 января 1967 года Центральный комитет комсомола объявил строительство Волжского автомобильного завода всесоюзной «ударной молодежной стройкой». Тысячи молодых людей направились в Тольятти на стройку ВАЗа, — таким образом советская сторона решила вопрос о рабочей силе.

21 января 1967 года был вынут первый кубометр земли под строительство одного из цехов завода. Начался монтаж производственного оборудования, которое производилось на 800 заводах Советского Союза, 900 заводах стран, входящих в Совет экономической взаимопомощи. 1 марта 1970 года цех сварки Волжского автозавода выдал первые 10 кузовов автомобилей, 19 апреля с главного конвейера предприятия сошли и первые шесть автомобилей ВАЗ-2101 «Жигули», похожих на итальянский

«Фиат-124», но с изменениями — свыше 800 модификаций, после чего он получил наименование «Фиат-124R».

28 октября 1970 года в Москву были отгружены первые «Жигули». А. Н. Косыгин предложил:

— Давайте первые авто не будем отправлять за границу, а дадим нашим людям почувствовать, что такое машина-люкс[507].

Идею поддержали.

24 марта 1971 года была принята первая очередь Волжского автомобильного завода, мощностью в 220 тысяч «легковушек» в год. 16 июля того же года в Тольятти был выпущен 100-тысячный автомобиль. А 10 января 1972-го была запущена в эксплуатацию вторая очередь Волжского автозавода, способная выпускать еще 220 тысяч автомобилей в год.

Только после выезда через проходную миллионного автомобиля завод официально был принят — *22 декабря 1973 года* — государственной комиссией. Мощность завода в 1970-х годах составляла 660 тысяч автомобилей в год, к началу 1990-х мощность достигла 740 тысяч…

…Сам Алексей Николаевич смог побывать на АвтоВАЗе только в 1978 году.

…Вернемся к поездке Андреотти, которая проходила «в хорошей обстановке».

В беседах глава итальянского правительства, сообщал «источник» в ЦК КПСС и Совет министров СССР, проявлял «доброжелательность», «с нескрываемым интересом» относясь к тому, что ему показывали и о чем рассказывали. «Вдумчиво и внимательно» Андреотти подходил к «фактам советской действительности», особо отмечая «значение договоренностей, достигнутых во время переговоров в Москве», и подчеркивая «важность их реализации». Андреотти отмечал также, что предстоит большая работа по реализации на практике советско-итальянских договоренностей и что «по возвращении в Италию он вплотную займется этим».

Большое впечатление на Андреотти произвело посещение Тольятти, в частности — размах не только промышленного, но и жилищного строительства, идущего в «автомобильной столице». Итальянский премьер был «поражен» масштабами Волжского автомобильного завода, быстротой, с которой он был возведен и запущен в действие, впечатлили Андреотти и современное оборудование, установленное в заводских цехах, организация труда, чистота, порядок. В качестве положительного и даже несколько неожиданного факта итальянец отмечал, что на автозаводе трудится в основном молодежь и что «атмосфера труда на заводе деловая и приподнятая».

Андреотти высказывал пожелание, чтобы Италия приняла участие в расширении производственных мощностей Волжского автозавода, что сулило продолжение контракта с советской стороной и новые доходы для страны, а также в строительстве нового автомобильного предприятия на Каме (речь идет о КамАЗе). Итальянский премьер благодарил руководство автозавода за заботу об итальянских специалистах, работающих на предприятии. Действительно, итальянцев в Тольятти полюбили и очень уважали.

Особо отмечалось, что при посещении ВАЗа и г. Тольятти «рабочие и жители города» встречали итальянца «с достоинством и благожелательностью».

Но это — сообщения советской стороны, Андреотти, чуть позже вспоминая свою поездку, отмечал большое число занятых на АвтоВАЗе рабочих; он считал, что завод, даже такой гигант, может обойтись гораздо более малым числом специалистов, делая ставку на автоматизацию производства, на новые технологии…[508]

В Ленинграде, куда итальянский премьер пожелал попасть, узнав, что это еще и родной город советского премьер-министра, которого он очень уважал и ценил, Андреотти возложил венок на Пискаревском мемориальном кладбище…

Советский премьер не смог сопровождать своего итальянского коллегу в этой поездке. Последняя встреча Косыгина и Андреотти состоялась летом 1979 года; несмотря на солидный возраст — и Алексея Николаевича, и итальянского политика — они обсуждали довольно острые вопросы — результаты встречи на высшем уровне в Токио, итоги 30-летней деятельности Совета экономической взаимопомощи и результаты встречи Л. И. Брежнева с американским президентом Дж. Картером[509].

Министр иностранных дел Итальянской Республики Джузеппе Медичи[510], сопровождавший итальянского премьер-министра, даже заметил:

— Я думал, что неплохо знаю Советскую Россию, но, видимо, мне придется заново сесть за изучение советской действительности и выделить время для русского языка[511].

Выпуск автомобиля «Жигули» и превращение его в по-настоящему «народный легковой автомобиль» — заслуга Алексея Николаевича.

Благодаря А. Н. Косыгину стало возможным и создание в Татарской АССР Камского автомобильного завода (КамАЗ). Стоит отметить, что изначально КамАЗ предполагалось возвести в Сибири, но руководство Татарстана сумело убедить председателя

Совета министров СССР в том, что город Набережные Челны — очень удачное место для создания именно здесь производства дизельных грузовых автомобилей. И Косыгин сделал выбор в пользу Татарской АССР и никогда об этом не пожалел, хотя и имел столкновение в этом вопросе с всесильным тогда Михаилом Сусловым[512]. Строительство КамАЗа шло в 1969–1974 годах.

Решение о строительстве комплекса автомобильных заводов в Набережных Челнах Татарской АССР было принято 14 августа 1969 года. 13 декабря 1969-го был вынут первый ковш земли на котловане первого производственного объекта — ремонтно-инструментального завода. А в марте 1974-го установлен последний блок металлоконструкций на главном корпусе комплекса, в ноябре начался монтаж главного сборочного конвейера, самого большого в СССР, длина только одной нитки составила 673 метра.

16 февраля 1976 года из сборочного цеха вышел первый «КамАЗ», в том же году производство было запущено в полную силу…

Подлежит опубликованию в "Ведомостях", центральной и местной печати

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Героя Социалистического Труда товарища Косыгина А.Н. орденом Ленина и второй золотой медалью "Серп и Молот"

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Героя Социалистического Труда товарища КОСЫГИНА Алексея Николаевича орденом ЛЕНИНА и ВТОРОЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ "СЕРП и МОЛОТ".

Не подлежит опубликованию

Соорудить бронзовый бюст на родине Героя.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(Н.Подгорный)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(М.Георгадзе)

Москва, Кремль.
20 февраля 1974 г.
№ 5535-УШ.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Героя Социалистического Труда А. Н. Косыгина орденом Ленина и второй золотой медалью „Серп и Молот“». 20 февраля 1974. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 105. Д. 411. Л. 26]

* * *

Новая встреча Д. Рокфеллера с А. Н. Косыгиным, который незадолго до этого получил вторую Золотую Звезду Героя

Социалистического Труда[513], состоялась весной 1974 года. Американский финансист вспоминал, что к этому времени круг *внешнеэкономических* вопросов, которые интересовали Косыгина как премьера, расширился. Он интересовался проблемой повышения цен на нефть со стороны ОПЕК[514] и воздействия, которое это оказывало на весомость американской валюты, а также на западноевропейские и азиатские платежные балансы. Косыгин внимательно вслушивался в расчеты и объяснения аналитиков, стараясь составить собственное представление об идущих в мировых топливно-энергетических комплексах процессах. Алексей Николаевич был убежден, что западные страны в скором времени столкнутся с трудностями в плане решения вопросов энергопотребления, а для поиска оптимальных решений потребуются годы. Интересовали его достоинства и недостатки таких источников, как атомная энергия. Премьер с уверенностью предположил, что развитие атомной энергетики в конечном счете понизит стоимость нефти. Занимали его и возможности финансирования строительства атомных электростанций в Советском Союзе, которыми бы совместно владели Соединенные Штаты и СССР, со стороны банковских и предпринимательских кругов Запада. Это было революционным предложением, поскольку демонстрировалось то, насколько важными были для советской стороны как американские инвестиции, так и технология, и на что официальная Москва готова была ради этого пойти. Но дальше этого косыгинского предложения вопрос о возможности финансирования развития атомной энергии в СССР со стороны западных деловых кругов развития не получил.

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин беседует с президентом французской фирмы «Пешине-Южин-Кюльман» П. Жувеном во время приема в Кремле. Москва. 16 января 1974. [РГАКФД. Ед. хр. 358]

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин на трибуне Мавзолея В. И. Ленина в день празднования 1 Мая. 1 мая 1974. [РГАКФД. Ед. хр. 118]

Завершая встречу с Рокфеллером, Косыгин был категоричен в своих выводах:

— А знаете что… История покажет неправоту тех, кто пытается препятствовать развитию новых отношений между Соединенными Штатами и СССР, руководство Советского Союза верит в руководство Соединенных Штатов, и они единодушны в своем желании найти новые пути для развития новых отношений

между нашими странами.

Рокфеллер был с ним согласен, обобщая: «*Это был наиболее изобилующий техническими моментами, экономически ориентированный диалог…*»[515]

Не зря Алексей Николаевич в своей беседе с Рокфеллером акцентировал внимание на вопросе о нефти. Вопрос этот рассматривался советским руководством в 1970-е годы разносторонне и разнопланово. *Закладывались основы Газпрома, настоящей империи в империи*, тогда — это еще просто Министерство газовой промышленности СССР, созданное в 1965-м и ведавшее поиском и разработкой газовых месторождений, добычей, доставкой и продажей газа. В 1972 году из газового ведомства выделилась новая структура, еще один, в будущем, монстр — Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности.

Члены советской делегации во главе с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным (3-й справа) на аэродроме по возвращении в Москву с 28-й сессии Совета экономической взаимопомощи. 26 июня 1974. [РГАКФД. Ед. хр. 337926]

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин и президент США Р. Никсон обмениваются рукопожатием после подписания советско-американского соглашения о сотрудничестве. Среди присутствующих — генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. 28 июня 1974. [РГАКФД. Ед. хр. 316585]

Постановлением от 23 августа 1974 года утверждалась «генеральная схема управления нефтяной промышленностью».

Министр нефтяной промышленности СССР Валентин Дмитриевич Шашин работал вместе с Косыгиным с 1960 года. И вместе с премьером разрабатывал схему управления этой отраслью в начале 1970-х годов.

Шашин предлагал:

— По системе управления нефтяной промышленностью необходим переход к двухзвенной (Министерство нефтяной промышленности — производственное объединение, предприятие) и к трехзвенной (Министерство нефтяной промышленности — всесоюзное промышленное объединение — производственное объединение, предприятие) системам.

Косыгин не возражал:

— А знаете что, давайте так: по основному (первичному) звену нефтяной промышленности стоит предусмотреть повышение уровня концентрации производства нефтяной промышленности с включением более чем 300 предприятий и организаций отрасли в состав производственных объединений. 22 производственных объединения в нефтяной промышленности будем рассматривать как единые хозяйственные комплексы, несущие всю, я подчеркиваю — *всю* — ответственность за состояние и развитие нефтяной промышленности в

нефтегазодобывающих районах, за научный и технический уровень нефтяного производства, за качество выпускаемой продукции и оптимальное использование капитальных вложений, материальных и трудовых ресурсов, за концентрацию выполнения работ — буровых, по ремонтному, транспортному и другому производственно-техническому обслуживанию основного производства в производственных объединениях…

Шашин, не без гордости, добавил:

— Осуществление запланированного позволит получить эффект в сумме примерно 27 миллионов рублей в расчете на год, а также уменьшить в 1974–1975 годах численность работников предприятий и организаций министерства более чем на десять тысяч человек, в том числе и управленцев на две с половиной тысячи человек[516].

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 23 августа 1974 г. № 661

Москва, Кремль

О генеральной схеме управления нефтяной промышленностью

Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить разработанную Министерством нефтяной промышленности в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. № 139 "О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью" генеральную схему управления нефтяной промышленностью, предусматривающую:

по системе управления нефтяной промышленностью:

переход на управление нефтяной промышленностью по двухзвенной (Министерство нефтяной промышленности - производственное объединение, предприятие) и по трехзвенной (Министерство нефтяной промышленности - всесоюзное промышленное объединение - производственное объединение, предприятие) системам;

по основному (первичному) звену нефтяной промышленности:

повышение уровня концентрации производства нефтяной промышленности путем упразднения свыше 300 самостоятельных предприятий и организаций, с включением их в качестве производственных единиц в состав производственных объединений;

создание в нефтяной промышленности 22 производственных объединений согласно приложению № 1 как единых хозяйственных комплексов, несущих полную ответственность за состояние и развитие нефтяной

промышленности, на базе которых создаются указанные промышленные объединения, а также суммы персональных надбавок, получаемых работниками этих управлений, переведенными на работу в Союзнефтемаш-ремонт, Союзнефтегазпереработку и Союзнефтеспецматериалы.

7. Принять к сведению сообщение Министерства нефтяной промышленности о том, что осуществление намеченных мероприятий по внедрению генеральной схемы управления нефтяной промышленностью позволит получить экономический эффект в сумме 27 млн.рублей в расчете на год, а также уменьшить в 1974–1975 годах численность работников предприятий и организаций Министерства (по сравнению с расчетной численностью на 1975 год) на 10823 человека, в том числе работников аппарата управления на 2500 человек.

8. Обязать Министерство нефтяной промышленности закончить работу по реализации мероприятий, предусмотренных генеральной схемой управления нефтяной промышленностью, в 1975 году и доложить в апреле 1976 г. Совету Министров СССР о выполнении настоящего постановления.

Председатель
Совета Министров СССР (А.Косыгин)

Управляющий Делами
Совета Министров СССР (М.Смиртюков)

УД

Постановление Совета министров СССР № 661 «О генеральной схеме управления нефтяной промышленностью». 23 августа 1974. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 878. Л. 167, 170]

Ровно через четыре года, 24 августа 1978 года, в целях организации работ по освоению ресурсов нефти и газа на континентальном шельфе председатель Совета министров СССР

подписал постановление «Об организации работ по освоению ресурсов нефти и газа на континентальном шельфе СССР», согласно которому на Министерство газовой промышленности возлагалось осуществление работ по поиску, разведке, добыче и транспортировке нефти и газа, по планированию и финансированию указанных работ, по проведению централизованной технической политики в процессе создания специальных средств и технологических методов разведки и разработки морских нефтяных и газовых месторождений, по осуществлению мероприятий по предотвращению загрязнения морской акватории в районах разведки и добычи нефти и газа, по подготовке квалифицированных кадров для выполнения работ по освоению ресурсов нефти и газа, по проведению с другими министерствами и ведомствами координации работ, связанных с созданием в кооперации со странами — членами Совета экономической взаимопомощи специальных технических средств для освоения ресурсов нефти и газа[517].

Так создавался Газпром! И вопрос этот А. Н. Косыгин «держал на контроле» на протяжении всех 1970-х годов, постоянно обращаясь и возвращаясь к нему, считая вопрос о нефти и газе для страны одним из важнейших, одним из базовых. Так, готовясь к заседанию Совета экономической взаимопомощи летом 1977 года, он оставил в записной книжке «пометку»: «К вопросам топливно-энергетического баланса. Поставки нефти и нефтепродуктов на уровне 1980 г. на 1981–85 гг. Для этого требуется 6–6,5 млн руб. от членов СЭВа для участия и поставок буровых судов, полупогружных плавучих буровых установок и других форм сотрудничества в шельфах Баренцева, Карского и Каспийского моря»[518].

…Последняя встреча Алексея Николаевича Косыгина и Д. Рокфеллера произошла в апреле 1975-го, и, как отмечал американский банкир, она «прошла по-иному [чем прежние]». *После принятия Конгрессом США поправки Джексона — Вэника и осуждения генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым непредоставления Америкой СССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле Косыгин перешел к конфронтационному стилю общения, к которому до этого не прибегал*. «Пользуясь риторикой, пугающе напоминавшей хрущевскую, он говорил о превосходстве советской экономики и о растущем влиянии его страны на мировую экономику», — суммировал Рокфеллер и «бросил» Косыгину «вызов»:

— Если Советский Союз действительно собирается стать мировой экономической державой, тогда он должен быть серьезным фактором в мировой торговле. Как это может быть,

если вы не имеете конвертируемой валюты, валюты, которую принимают во всем мире?

Своей репликой Рокфеллер старался дать понять, что рубль не принимают нигде за пределами советского блока, но что приобретение рублем конвертируемости может создать другие осложнения для СССР, так как советская идеология требует ограничения поездок советских граждан за границу, их владения валютой и покупки на нее товаров. Каким образом можно примирить друг с другом две эти реальности?

Косыгин оказался в некотором замешательстве, а потом дал путаный и «не особенно адекватный ответ». Рокфеллер счел, что советский премьер никогда серьезно не думал о практических последствиях введения конвертируемой валюты.

СССР, считал американский финансист, *не мог стать международной экономической державой без конвертируемой валюты*:

— Однако это было невозможно до тех пор, пока они придерживались марксистской догмы и поддерживали репрессивный авторитарный порядок в обществе[519].

Думать о конвертируемости рубля надо было, хотя бы держа в памяти разосланную членам Политбюро ЦК КПСС записку за подписью Л. И. Брежнева, но подготовленную Косыгиным:

«Последние дни я вновь детально разбирался с обеспечением страны зерном на ближайшие годы и в связи с этим хотел бы высказать некоторые соображения.

Как известно, после мартовского Пленума ЦК мы постоянно уделяем особое внимание увеличению производства зерна — этому важнейшему продукту, все более приобретающему стратегическое значение. В этом направлении проведена огромная работа, и достигнуты немалые результаты. Если в седьмой пятилетке среднегодовые сборы зерна составляли 130,3 млн тонн, то в восьмой — они повысились до 167,6 млн, а в девятой, несмотря на два крайне засушливых года, — до 181,6 млн тонн. Если сравнить максимальные сборы, то в период до мартовского Пленума ЦК в 1964 году было собрано 152 млн тонн, а в 1976 году — 224 млн тонн. Соответственно увеличились и государственные закупки хлеба. В 1976 году они достигли 92,1 млн тонн».

Как говаривал один из советских экономистов: «Лукавые цифры»…

И в чем лукавство?

Выше уже отмечалось — в приписках, приобретавших

характер настоящей эпидемии, и в огромных потерях при транспортировке и хранении зерна.

Вернемся вновь к «записке»:

«Но, несмотря на это, мы все еще испытываем серьезные затруднения в обеспечении страны зерном. Потребности опережают рост его производства…

Думаю, что все эти задачи мы можем и должны незамедлительно решить.

…Но для полного покрытия образовавшегося разрыва нам *надо вновь вернуться к вопросу о его закупках за рубежом*. По-видимому, *мы не сможем обойтись без завоза извне до конца пятилетки ежегодно примерно по 15 млн тонн зерна*».

То есть при собранном урожае в 224 миллиона тонн в 1976 году закупки составили всего 92,1 миллиона тонн. И при этом нехватка (по минимуму) 15 миллионов тонн… Куда «исчезли» еще 132 миллиона тонн? Приписки, хищения, потери?

И вновь «записка»:

«Конечно, это связано с большими трудностями, но избежать этого не удастся.

С учетом состоявшегося предварительного обмена мнениями следовало бы поручить тов. Косыгину внести в Политбюро ЦК конкретные мероприятия. Л. И. Брежнев 13 мая 1977 года»[520].

Косыгин сам признавался, что меньше всего он разбирается в вопросах сельского хозяйства, но как председателю Совета министров ему приходилось вникать и в особенности этого сложнейшего и противоречивого сектора национального хозяйства.

РАССЕКРЕЧЕНО

Подлежит возврату
в ЦК КПСС
(Общий отдел, 1-й сектор)
№ П829

Разослано членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС

Сов.секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Последние дни я вновь детально разбирался с обеспечением страны зерном на ближайшие годы и в связи с этим хотел бы высказать некоторые соображения.

Как известно, после мартовского Пленума ЦК мы постоянно уделяем особое внимание увеличению производства зерна - этому важнейшему продукту, все более приобретающему стратегическое значение. В этом направлении проведена огромная работа и достигнуты немалые результаты. Если в седьмой пятилетке среднегодовые сборы зерна составляли 130,3 млн.тонн, то в восьмой - они повысились до 167,6 млн., а в девятой, несмотря на два крайне засушливых года, - до 181,6 млн.тонн. Если сравнить максимальные сборы, то в период до мартовского Пленума ЦК в 1964 году было собрано 152 млн.тонн, а в 1976 году - 224 млн.тонн. Соответственно увеличились и государственные закупки хлеба. В 1976 году они достигли 92,1 млн.тонн.

Но несмотря на это, мы все еще испытываем серьезные затруднения в обеспечении страны зерном. Потребности опережают рост его производства. Назову только две цифры. Общий расход зерна

мощностей тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Но это связано с длительными сроками. Для ускорения оснащения колхозов и совхозов уборочной техникой в этой пятилетке следовало бы привлечь в порядке кооперации другие машиностроительные министерства с тем, чтобы увеличить выпуск в 1978-1980 г.г. зерноуборочных комбайнов хотя бы на 15-20 тыс. и жаток на 20-25 тыс. в год.

Очень важно также изыскать возможность более полного обеспечения сельского хозяйства шинами для колесных тракторов, грузовых автомобилей и других машин, а также дефицитными запасными частями. Секретари ЦК и обкомов партии постоянно жалуются, что из-за нехватки шин и запасных частей систематически простаивает большое количество тракторов, автомобилей и другой техники.

Думаю, что все эти задачи мы можем и должны незамедлительно решить.

Осуществление этих мер, безусловно, будет способствовать увеличению производства зерна, но для полного покрытия образовавшегося разрыва нам надо вновь вернуться к вопросу о его закупках за рубежом. По-видимому, мы не сможем обойтись без завоза извне до конца пятилетки ежегодно примерно по 15 млн.тонн зерна.

Конечно, это связано с большими трудностями, но избежать этого не удастся.

С учетом состоявшегося предварительного обмена мнениями следовало бы поручить тов.Косыгину внести в Политбюро ЦК конкретные мероприятия.

Л.Брежнев

13 мая 1977 года

40-дз
14.V.77г.
нш

Записка Л. И. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС о снабжении страны зерном и с поручением А. Н. Косыгину внести соответствующие предложения на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС. 3 мая 1977. [РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 315. Л. 122, 126]

Конечно, еще и до «записки Брежнева» был принят ряд решений по улучшению дел в аграрной сфере.

Постановлений о «развитии всего аграрного сектора и его отдельных структур» принималось в 1970-е (и чуть ранее — в 1960-е, и чуть позже — в начале 1980-х) годы множество. И все — по определенной схеме: сначала о достижениях, затем — о проблемах, венчала «постановление» тирада: «Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР *выражают уверенность*, что Центральные комитеты компартий союзных республик, крайкомы, обкомы и райкомы партии, Советы министров союзных и автономных республик, крайисполкомы, облисполкомы и райисполкомы, Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, Министерство заготовок СССР и Министерство мясной и молочной промышленности СССР сделают все возможное… с тем, чтобы в ближайшие годы увеличить производство в стране мяса, молока и яиц и улучшить снабжение населения этими продуктами»[521].

Продуктов, к сожалению, от этого перечисления не прибавилось…

Приоритетным — как для промышленности, так и для сельского хозяйства — Косыгин считал в 1970-е годы *внедрение электронной вычислительной техники*.

В этом вопросе главным оставалось то, что даже с учетом роста выпуска средств электронной вычислительной техники и существенного расширения области применения электронных вычислительных машин (ЭВМ) в различных сферах национального хозяйства «*обслуживание их должным образом не организовано*».

Выступая на одном из заседаний Совета экономической взаимопомощи, Алексей Николаевич очертил круг проблем, сдерживающих внедрение вычислительной техники:

— Предприятия и организации, имеющие и использующие ЭВМ, вынуждены были содержать для обслуживания последних огромный штат как квалифицированных специалистов, так и математиков-программистов, создавать для обеспечения эксплуатации ЭВМ запасы запасных частей и устройств — дорогостоящих и дефицитных, затрачивать время и средства на обучение и повышение квалификации обслуживающего персонала.

Аудитория «не возражала»…

— Слабым «звеном» остается и взаимодействие со странами — участницами сотрудничества в области электронной вычислительной техники.

И здесь Косыгин попадал в «яблочко»!

— Мы предлагаем создать «Всесоюзное объединение по

комплексному централизованному обслуживанию средств ЕС ЭВМ и ЭВМ других типов» (СоюзЭВМкомплекс); технические центры — по обслуживанию средств электронной вычислительной техники; учебные центры — по подготовке и переподготовке эксплуатационного персонала для работы со средствами электронной вычислительной техники; испытательные центры многомашинных вычислительных комплексов и автоматизированных систем управления.

Заканчивал свою речь Косыгин еще одним «посылом»:

— И еще один важнейший момент, на котором необходимо заострить внимание, — *связь* науки с производством: научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы должны выполняться соответствующими организациями, предприятиями, научно-производственными объединениями исключительно — *по договорам* с заказчиками. В годовых планах выделение подведомственным научно-исследовательским организациям финансовых средств должно составлять не менее 20 % средств общего фонда развития науки и техники. В научно-исследовательских организациях необходимо создавать фонды материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и развития организации…[522]

То есть Косыгин и здесь старался провести идеи 1965 года![523] В частности, стремился развить идею материального стимулирования научных разработок, связи науки с производством.

…Для простого работяги все постановления, речи, директивы мало о чем говорили, но для специалиста-управленца, или, как сейчас говорят, «менеджера», содержание документов Совмина, выступления его председателя служили (или должны были служить), что называется, «руководством к действию». По крайней мере, так рассчитывал сам Алексей Николаевич, который настойчиво старался отстоять хоть какие-то «крохи реформ»…

* * *

Самый конец 1970-х годов. Новое обострение на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Причем в сферу уже существующих вооруженных конфликтов втягиваются новые страны, начинает заявлять о себе и экстремизм, пытающийся скрыть свою сущность религиозными обоснованиями об исключительности той или иной веры.

Да и сам Советский Союз никогда не упускал возможности

расширить сферу своего геополитического влияния.

Так было и в истории взаимоотношений с Египтом, Сирией, Кубой, Анголой. Так выстраивались взаимоотношения и с Афганистаном, страной, дипломатические отношения с которой СССР поддерживал с начала 1920-х годов.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от «10» октября 1977 г. № 908

Москва, Кремль

Об организации Академии народного хозяйства СССР

В целях дальнейшего совершенствования подготовки руководящих кадров для работы в министерствах, ведомствах и других органах управления народным хозяйством Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Организовать в г.Москве при Совете Министров СССР Академию народного хозяйства СССР.

2. Возложить на Академию народного хозяйства СССР подготовку руководящих кадров органов управления народным хозяйством, владеющих научными основами развития экономики, современными научными методами управления, организации и планирования народного хозяйства.

Академии народного хозяйства СССР обеспечить глубокое овладение слушателями марксистско-ленинской теорией, опытом коммунистического строительства, знанием узловых проблем экономики, управления, планирования и организации производства.

При организации учебного процесса обеспечить дифференцированное обучение слушателей с учетом профиля их подготовки и опыта работы, а также создание необходимых условий для стажировки слушателей.

3. Установить срок обучения в Академии народного хозяйства СССР до двух лет с отрывом от работы, с ежегодным месячным отпуском для слушателей.

Протокольно. 12. Включить должности ректора и проректоров Академии народного хозяйства СССР в номенклатуру Секретариата ЦК КПСС, а деканов факультетов и заведующих кафедрами – в учетно-контрольную номенклатуру ЦК КПСС.

Признать необходимым, чтобы ректор Академии народного хозяйства СССР являлся членом Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
Брежнев (Л.Брежнев)

Председатель
Совета Министров СССР
Косыгин (А.Косыгин)

УД

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 908 «Об организации Академии народного хозяйства СССР». 10 октября 1977. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 908. Л. 276–280]

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко встречают на аэродроме президента Сирийской Арабской Республики Хафеза Асада (2-й справа), прибывшего в СССР с официальным визитом. 5 октября 1978. [РГАКФД. Ед. хр. 178]

Обстановка в этой стране никогда не характеризовалась стабильностью, или — почти никогда; исключение составил период 1926–1973 годов, когда Афганистан был королевством. И А. Н. Косыгин как премьер высоко оценивал те дипломатические и хозяйственные контакты, которые сложились между «первой страной социализма» и королевством[524].

Афганистан многие годы служил «разменной монетой» в большой игре мировых держав, его территория постоянно была ареной больших и малых вооруженных столкновений, переворотов и кровопролитных мятежей…

К началу так называемой Апрельской революции 1978 года почти 90 % населения Афганистана проживало в сельской местности, а 2,5 миллиона жителей страны, по официальным данным, вело кочевой и полукочевой образ жизни. Около трети крестьянских хозяйств были безземельными, часть крестьян была обременена тяжелыми кредитными задолженностями, выплачивая по долгам до 45 % годовых. Почти 90 % населения страны оставалось неграмотным, а на 16 миллионов жителей приходилось всего 70 больниц с 3600 койками, в афганской столице работало более двух третей из 1020 проживающих в стране врачей.

Но пришедший к власти руководитель Народно-демократической партии Афганистана Нур Мухаммед Тараки считал себя сторонником идей социализма и рассчитывал на

поддержку Москвы и всего социалистического лагеря.

Взяв власть, Тараки приступил к проведению радикальных экономических и социальных реформ, которые, однако, вошли в противоречие с существовавшими в афганском обществе социально-религиозными традициями, что, в свою очередь, предопределило общественный взрыв, массовую эмиграцию в сопредельные страны и начало вооруженной борьбы оппозиции с режимом Тараки.

15 марта 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в Герате. Город оказался под контролем мятежников, многие солдаты и офицеры дислоцированной там 17-й пехотной дивизии перешли на сторону вооруженной оппозиции. В Афганистане началась кровопролитная гражданская война.

18 марта состоялся телефонный разговор между А. Косыгиным и Н. М. Тараки.

В первую очередь А. Н. Косыгин попросил охарактеризовать обстановку в Афганистане.

Н. М. Тараки оценил ситуацию в стране как очень плохую. По его словам, в течение 1,5 месяцев с иранской стороны под Герат было заброшено около 4 тысяч военнослужащих, причем — в гражданской одежде, которые проникли в город и в воинские части, где вели агитацию, направленную против Демократической партии Афганистана. 17-я пехотная дивизия правительственных войск — до 5 тысяч солдат и офицеров — перешла на сторону мятежников, включая артиллерийский полк и зенитный дивизион. В городе уже несколько дней шли бои. Все боеприпасы и склады оказались в руках мятежников. Поэтому продукты питания и боеприпасы правительственным войскам, которые вели бои в Герате, перебрасывали авиацией из Кандагара. Но преданных правительству в районе Герата оставалось всего 500 человек, они удерживают лишь местный аэродром. Офицерский состав дивизии тоже изменил, только небольшая часть офицеров осталась верна присяге. Активной поддержки со стороны населения нет, оно почти целиком находилось под влиянием шиитских лозунгов, главный из которых: «Не верьте безбожникам, а идите за нами».

Герат — один из крупнейших городов Афганистана, с населением в 200–250 тысяч человек, но они, по убеждению Тараки, ведут себя «в зависимости от обстановки. Куда их поведут, туда они и пойдут. Сейчас они на стороне противника».

Косыгин поинтересовался, сколько в Герате рабочих. Как будто рабочие Афганистана (если их там вообще можно было найти) могли бы — исключительно в силу марксистского учения о рабочем классе — изменить ситуацию.

Чтобы еще более усилить негатив от сложившейся ситуации, Тараки подытожил:

— Сегодня вечером или завтра утром Герат падет и будет полностью в руках противника, который будет формировать новые части и пойдет дальше в наступление.

В этой ситуации Н. М. Тараки считал себя вправе просить об оказании помощи — людьми и вооружением. В противном случае пугал тем, что мятежники пойдут в сторону Кандагара и дальше — в сторону Кабула, а затем уже и на север, к советской границе. И если советская сторона не нанесет настоящий удар по Герату, то революция погибнет, и южные границы СССР окажутся под ударом.

Герат, правда, не пал, мятежников подавили с помощью авиации и бронетехники…

А. Н. Косыгин попытался спрогнозировать реакцию со стороны Пакистана и Ирана, подчеркивая, что главный враг сейчас — Соединенные Штаты, против которых настроены иранцы, и в пропагандистском плане это, очевидно, можно использовать, если подойти к вопросу грамотно. Кроме того, А. Н. Косыгин пытался понять, насколько надежна вся афганская армия? И можно ли собрать верные правительству войска, чтобы деблокировать Герат?

Н. М. Тараки считал, что афганская армия надежна. (И это после того, как присяге изменила целая дивизия!) Но переброска войск ослабит позиции правительства в других городах.

То есть власть держалась только на штыках. И даже выделение дополнительно вооружения и техники не спасет, по мнению афганского военного руководства, положения в Герате.

Тараки откровенно запугивал Косыгина тем, что если падет Герат, то и Пакистан тоже не останется в стороне и развернет боевые действия на границе с Афганистаном:

— Моральный дух пакистанцев после этого поднимется. Американцы оказывают им соответствующую помощь. После падения Герата также направят в гражданской одежде солдат, которые начнут захватывать города, и иранцы будут активно вмешиваться. Успех в Герате — это ключ ко всем остальным вопросам, связанным с борьбой.

А потому, как отмечал Н. М. Тараки:

— *Надо сочетать и пропагандистскую, и практическую помощь. Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает.* Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула. От Кушки очень близко до Герата. А в Кабул можно доставить войска и на самолетах. Если вы пришлете войска в Кабул и они пойдут

из Кабула на Герат, то никто ничего не узнает, по нашему мнению. Будут думать, что это правительственные войска.

Косыгин счел данный вариант неприемлемым:

— Все мировое сообщество оценит подобные действия как *интервенцию в Афганистан со стороны Советского Союза*.

Взамен он предлагал на самолетах поставить в Кабул оружие, в том числе тяжелую технику. Но найдутся ли танкисты?

Н. М. Тараки ответил быстро:

— Очень небольшое количество.

Косыгин был удивлен:

— В Советском Союзе прошли подготовку сотни афганских офицеров. Что с ними?

Как оказалось, большая часть из них после возвращения была арестована по обвинению в принадлежности к оппозиции, а кто-то и вообще расстрелян.

Косыгин предлагал набрать военнослужащих из рабочих, беднейшего крестьянства или студентов. Подобное предложение свидетельствовало о том, что он все же мало представлял, что происходит в Афганистане и есть ли у режима Тараки социальная поддержка… Но от вопроса — пошлет ли СССР вооруженную силу в Афганистан — старательно уходил, обещая, правда, ремонт военной техники, поставку боеприпасов и вооружения — все бесплатно, 100 тысяч тонн зерна и повышение цены на афганский газ, идущий в СССР, с 21 доллара за 1 тысячу кубических метров до 37,82 доллара.

Н. М. Тараки настойчиво уже не просил, а требовал посылки воинского контингента, мотивируя это невозможностью сформировать несколько дивизий в Кабуле из «передовых людей, на которых можно было бы положиться», и не только в Кабуле, но и в других местах, а также отсутствием офицерских кадров. Он выложил и свой, казалось, последний «козырь»:

— Иран посылает в Афганистан военных в гражданской одежде. Пакистан посылает также в афганской одежде своих людей и офицеров. Почему Советский Союз не может послать узбеков, таджиков, туркмен в гражданской одежде? Никто их не узнает. Хотим, чтобы к нам послали таджиков, узбеков, туркмен, для того чтобы они могли водить танки, так как все эти народности имеются в Афганистане. Пусть наденут афганскую одежду, афганские значки, и никто их не узнает. Это очень легкая работа, по нашему мнению. По опыту Ирана и Пакистана видно, что эту работу легко делать. Они дают образец!

Но А. Н. Косыгин уходил от ответа:

— Это сложный политический, международный вопрос… Вам стоит рассчитывать не только на помощь со стороны, но и на свои

внутренние резервы, а также на советских военных советников, которые будут вас поддерживать с риском для жизни и будут бороться за вас. Эти силы надо сейчас вооружать.

Тараки, понимая, что о вооруженном контингенте Косыгин говорить не хочет, заходил «с другой стороны», настаивая на поставках тяжелой военной техники, но желательно с водителями, которые знают языки, — узбеков, таджиков, туркмен….

Косыгин оставался на своей позиции:

— Если что, нам надо посоветоваться, и только после этого мы выскажем наше мнение[525].

Сразу после разговора Косыгина и Тараки в кабинете Косыгина состоялось обсуждение положения дел, сложившегося в Афганистане.

Всех, конечно, волновали события, происходящие в Герате, так как последние могли явиться детонатором социально-политического взрыва, способного полностью дестабилизировать обстановку в стране.

Министр обороны СССР Д. Ф. Устинов на тот момент не был безоговорочным сторонником ввода войск, он колебался, но был уверен в том, что «афганская революция встретила на своем пути большие трудности», а афганское руководство считает, что «спасение ее зависит только от Советского Союза». По его мнению, «руководство Афганистана недооценило роль исламской религии». Именно под знаменем ислама на сторону оппозиции переходят правительственные войска.

Секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, курировавший промышленный сектор, капитальное строительство, транспорт и связь, добавил:

— Власти Афганистана надеются только на советские танки и бронемашины и сами усилий для собственного спасения не предпринимают вообще никаких.

Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов отметил:

— Совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость экономики и т. д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане? Там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что *мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск.*

Сказал свое слово и министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, который полностью поддержал предложение

Андропова *исключить такую меру, как введение советских войск в Афганистан*:

— Армия там ненадежная. Таким образом, *наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором*. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего, и в него надо будет стрелять. Правильно отметил товарищ Андропов, что именно *обстановка в Афганистане для революции еще не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки вооружений, и многое другое — все это будет отброшено назад*… Все неприсоединившиеся страны будут против нас… *Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с его нынешним правительством, с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах*. И юридически нам не оправдать введение войск. Согласно Уставу ООН, страна может обратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска в случае, если бы они подверглись агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. *Это внутреннее их дело, революционная междоусобица одной группы населения с другой. К тому же надо сказать, что афганцы официально не обращались к нам относительно ввода войск*. Одним словом, *здесь имеем дело с таким случаем, когда руководство страны в результате допущенных серьезных ошибок оказалось не на высоте, не пользуется должной поддержкой народа*…

Андропов добавил:

— *Народ не поддерживает правительство Тараки. Могут ли тут помочь им наши войска? В этом случае танки и бронемашины не могут выручить. Я думаю, что мы должны прямо сказать об этом Тараки, что мы поддерживаем все их акции, будем оказывать помощь, о которой сегодня и вчера договорились, и ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан*.

Алексей Николаевич подытожил:

— Может, его пригласить к нам и сказать, что мы увеличиваем вам помощь, но *войска вводить не можем, потому что они будут воевать не против армии, которая, по существу, перешла на сторону противника или отсиживается по углам, а против народа? Минусы у нас будут огромные. Целый букет стран немедленно выступят против нас. А плюсов никаких для нас тут нет*. Если что, *мы ничего не меняем в помощи Афганистану, кроме ввода войск. Они будут сами более ответственно относиться к решению вопросов руководства делами государства. А если мы все за них сделаем, защитим революцию, то что же для них останется? Ничего*…[526]

Тараки прибыл в Москву 19 марта, на следующий день состоялась его встреча с А. Н. Косыгиным, А. А. Громыко,

Д. Ф. Устиновым и Б. Н. Пономаревым (последний отвечал в ЦК КПСС за связь с «коммунистическими и рабочими партиями»).

Начал разговор Алексей Николаевич, подчеркнувший, что дружба между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан выстраивается не на конъюнктурной основе, продиктована не какими-то временными и сиюминутными соображениями, а «рассчитана на века». СССР оказывал и будет оказывать Афганистану помощь «в борьбе со всеми врагами, которые выступают против вас в настоящее время, и против тех врагов, с которыми вам, возможно, придется столкнуться в будущем».

Но помощь помощи рознь.

По словам Косыгина, советское руководство, внимательно проанализировав и обсудив ситуацию, сложившуюся в Афганистане, наметила те пути оказания помощи, которые будут оптимально отвечать интересам «нашей дружбы и вашим отношениям с другими странами». Алексей Николаевич был откровенен:

— *Если что, пути решения существующих в Афганистане проблем могут быть различными, но наилучшим представляется тот, который восстановил бы авторитет афганского правительства в афганском народе, не испортил бы отношений Афганистана с государствами-соседями, не нанес бы никакого ущерба международному престижу страны*. Но нельзя доводить ситуацию до того, чтобы все выглядело так, будто бы афганское руководство само не смогло справиться со своими собственными, хотя и многочисленными, проблемами и пригласило на помощь иностранные войска.

Косыгин привел пример Вьетнама, который выдержал многолетний вооруженный конфликт с США, но никогда не ставил вопрос о вводе иностранных войск на свою территорию для участия в боевых действиях против американцев:

— Вьетнамцы сами мужественно защищают свою родину от агрессивных посягательств.

По мнению советской стороны, которое озвучил Косыгин, в распоряжении революционного Афганистана достаточно сил, способных отразить действия «контрреволюции». Но эти силы надо «только по-настоящему объединить». К объединению, к формированию преданных правительству воинских частей нужно приступить «уже сейчас с учетом того, что какое-то время потребуется на их обучение и подготовку». И у самого афганского руководства есть все возможности для защиты революции, в том числе и «воля к победе». Свидетельства тому — события в Герате, который мог превратиться в настоящий контрреволюционный

центр, откуда по всей стране могли разойтись «волны» антиправительственных выступлений… «Но когда вы за это дело взялись по-настоящему, вы сумели овладеть положением…»

Свои же задачи на нынешнем этапе советская сторона, как считал Косыгин, видела в том, чтобы «охранять» Афганистан от «всяких возможных международных осложнений». Кроме того, СССР обещал оказывать помощь «всеми возможными средствами» — поставлять вооружение, боеприпасы, направлять инструкторов и советников, которые помогут в «обеспечении руководства военными и хозяйственными делами страны», специалистов для обучения афганских военных обращению с современными видами вооружения и боевой техники, которые шли из Советского Союза. Ввод же советских войск через афганскую границу тут же «возбудит международную общественность», повлечет «резко отрицательные многоплановые последствия» со стороны других государств.

— Это, по существу, будет конфликт не только с империалистическими странами, но и конфликт с собственным народом, — так считал советский премьер. — Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска. Это им даст предлог для ввода на афганскую территорию враждебных вам вооруженных формирований.

Косыгин повторял еще и еще:

— *Вопрос о вводе войск рассматривался советской стороной со всех сторон, тщательно изучаются все аспекты этой акции. Но на сегодняшний день советское руководство считает, что если ввести войска, то обстановка в Афганистане не только не улучшится, а, наоборот, усложнится*. Ведь советским войскам придется бороться не только с «внешним агрессором», но и с определенной частью афганского населения. А «народ таких вещей не прощает». Кроме того, как только советские войска пересекут афганскую границу, действия противников афганской революции будут оправданы.

— Советское руководство, — продолжил Косыгин, — придерживается мнения, что на данном этапе наилучшими, с точки зрения оказания Афганистану наиболее эффективной поддержки, будут методы исключительно политического воздействия на соседние государства и предоставления разносторонней помощи. Этим Советский Союз достигнет большего «малой кровью», чем вводом военных контингентов. Политическими средствами, которые предпринимаются и с советской, и с афганской сторон, можно «одолеть врага». Афганистану следовало бы наладить хорошие отношения с

Ираном, Пакистаном и Индией с тем, чтобы лишить политическое руководство этих стран любого предлога для вмешательства в афганские проблемы.

— Вот, — подытожил Алексей Николаевич, — в основном те соображения, которые советское руководство хотело откровенно, по-товарищески, донести до афганского руководства.

Н. М. Тараки остался недоволен советской позицией, хотя, как восточный человек, старался это не показывать. Он, конечно, был «очень признателен… за обстоятельное изложение позиции советского руководства» и тоже считал, что афганские проблемы необходимо в первую очередь решать политическими средствами, а «военные акции должны носить вспомогательный характер».

— Но это, — Тараки был сердит, — далеко не все. Отношения между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан это не просто обычные межгосударственные отношения. Они базируются на классовой основе, на общности идеологии и политики. Советская сторона должна знать, что реакционные силы свою пропаганду начинали с того, что объявили нас отступниками от ислама. Затем стали обвинять во всех других смертных грехах…

Тараки на словах был согласен с советским руководством в том, что меры политического воздействия — первоочередные для разрешения афганского кризиса, а война — «очень рискованная вещь», что афганское руководство делает все, чтобы править страной не силой оружия, а «завоевывать авторитет революционно-демократическими преобразованиями в интересах трудового народа… Народ это чувствует и понимает, кто его друг, а кто — враг…»

Обобщая изложенное, Тараки подошел к проблеме нужд афганской армии, которая хотела бы получить бронированные вертолеты «Ми-24», бронетранспортеры и боевые машин пехоты, современные средства связи. Они были бы «признательны» и за возможность направления «персонала для их обслуживания».

Д. Ф. Устинов и А. Н. Косыгин заверили Тараки, что готовы направить специалистов, которые технически обслуживали бы вертолеты (бортмехаников), но не боевые экипажи. Афганцам самим нужно готовить своих боевых пилотов, тем более что советская сторона уже обучала и продолжает обучать афганских военнослужащих в советских военных училищах.

Н. М. Тараки выдвинул идею о том, что, может быть, привлечь вертолетчиков из Вьетнама или, например, Кубы.

И эта идея не нашла отклика у советского премьера, который повторил то, что говорил накануне:

— СССР много помогал и помогает Вьетнаму, но вьетнамцы

никогда не ставили вопроса о направлении советских вертолетчиков, настаивая только на присутствии технических специалистов. Боевые экипажи формировались из вьетнамцев.

Косыгин напомнил Тараки, что в настоящее время в СССР учится 400 афганских офицеров, можно «ускорить подготовку, выпустить их досрочно». Но Тараки упрямо настаивал на привлечении «наемников», но из социалистических стран. Идея эта советскому военному руководству не нравилась, и ее отвергали «с порога».

На вопрос премьера и министра обороны, почему Тараки игнорирует своих земляков, которые готовились в Советском Союзе, последний ответил:

— Мне нужны преданные люди, а среди афганских офицеров, которые были направлены на учебу в Советский Союз раньше, есть много «братьев-мусульман» и прокитайцев.

Трудность заключается в том, что, по словам Тараки, афганская сторона не знает людей, «принадлежащих к контрреволюционным группировкам, поименно». Но — «постарается разобраться».

А. Н. Косыгин перевел разговоры в практическую плоскость:

— В марте 1979 года в Афганистан будут дополнительно и безвозмездно поставлены вертолеты — пять «Ми-25», восемь «Ми-8Т»; бронетехника — 33 «БМП-1», 50 «БТР-60 ПБ», 25 «БМРД», 50 противосамолетных установок на подвижных средствах, зенитная установка «Стрела».

Премьер повторил:

— *Все это предоставляется безвозмездно*.

Пошел разговор и о поставках в Афганистан продовольствия, в частности зерна. И вновь позиции советской и афганской сторон не совпадали. Тараки настаивал на большем, чем предлагал Косыгин.

По словам афганского руководителя, тех 100 тысяч тонн пшеницы, которые был готов поставить СССР, стране было недостаточно, так как осенью собрать полного урожая афганцам не удастся:

— Помещики, у которых отбирается земля, не засеяли ее, а в ряде мест посевы уничтожены.

А. Н. Косыгин отвел афганские требования, резонно заметив, что 100 тысяч тонн пшеницы это очень много:

— Пшеница из СССР будет поставляться по мере того, как афганцы смогут ее принимать на границе и завозить в страну. У Афганистана будут трудности с транспортировкой пшеницы, учитывая, что афганские перевалочные пункты в состоянии обработать только 15 тысяч тонн пшеницы в месяц.

Но премьер заверил: пока 100 тысяч тонн будут перерабатываться, будем думать, что можно будет сделать в дальнейшем.

Н. М. Тараки настаивал на своем, требуя (именно так!) 300 тысяч тонн зерна.

Косыгин озвучил встречное предложение:

— СССР купит пшеницу у американцев и осуществит ее поставку в Афганистан. 200 тысяч тонн пшеницы обойдутся в 25 миллионов рублей (примерно 40 миллионов долларов).

Н. М. Тараки такой вариант не устраивал:

— Мы не сможем найти такую сумму.

Косыгин развел руками:

— Найдите столько, сколько можете, и мы на эту сумму закупим для вас пшеницу.

Н. М. Тараки постарался сдерживать свое недовольство, поскольку обсудил далеко не все вопросы:

— Если нам не удастся изыскать средства, то мы будем просить вас помочь нам с пшеницей. Мы хотели бы также получить отсрочку платежей по вашим кредитам и процентам на них. Наш военный бюджет спланирован с надеждой на то, что такая отсрочка будет предоставлена.

Косыгин ответил коротко:

— Безвозмездной поставкой военной техники мы уже оказали существенную помощь вашему военному бюджету. Мы дополнительно подумаем о том, чтобы предоставить вам некоторую отсрочку платежей по кредитам. Мы рассмотрим вопрос и сообщим, что можно будет сделать в этом направлении.

— Еще одно, — Н. М. Тараки очень торопился. — Мы нуждаемся также в мощной радиостанции, которая позволила бы *нам вести пропаганду на весь мир*. Наша радиостанция маломощная. В то время как любое клеветническое заявление какого-нибудь религиозника разносится по всему миру западными органами массовой пропаганды, голос нашей радиостанции почти не слышен… Мы хотели бы, чтобы весь мир слышал наш собственный голос. И поэтому просим вас оказать помощь в строительстве радиостанции мощностью в 1000 киловатт.

Косыгин выдохнул устало:

— Мы изучим этот вопрос… строительство радиостанции требует значительного времени. А пока было решено отправить в Афганистан специалиста по пропаганде.

И вновь Тараки вернулся к разговору о военных специалистах:

— А не разрешите ли вы все-таки использовать нам пилотов и

танкистов из других социалистических стран?

И снова Косыгин вынужден был объяснять:

— Когда мы говорим о наших военных специалистах, мы имеем в виду техников, которые обслуживают военную технику. Если что, я не могу понять, почему возникает вопрос о пилотах и танкистах. Этот вопрос для нас совершенно неожиданный. И я думаю, что соцстраны вряд ли пойдут на это. Вопрос о направлении людей, которые сели бы в ваши танки и стреляли в ваших людей, — это очень острый политический вопрос. — На секунду задумался. — За нами остается вопрос об оказании вам помощи в строительстве мощной радиостанции. Стоит также вопрос об ускорении поставки военной техники. Вы, как мы понимаем, будете подбирать пилотов для вертолетов из числа офицеров, получивших подготовку у нас. Если у вас возникнут какие-либо другие просьбы и пожелания, то вы можете сообщить о них через советского посла и главного военного советника. Мы будем их внимательно рассматривать и соответствующим образом реагировать. Мы также договорились о проведении политических мер в защиту Демократической Республики Афганистан от империалистов и происков реакционеров. Мы будем продолжать оказывать политическое воздействие на них. Наша печать также будет оказывать постоянную поддержку Афганистану.

Нам представляется важным, чтобы у себя в стране вы работали над расширением социальной опоры режима, привлекали на свою сторону народ, не допускали того, чтобы между правительством и народом возникало отчуждение. И, наконец, последнее. Не для обсуждения, а в порядке пожелания *мне бы хотелось высказать соображение о необходимости очень осторожного и бережного подхода к своим кадрам. Кадры нужно беречь, иметь к ним индивидуальный подход. Всесторонне и хорошо разобраться с каждым человеком, прежде чем вешать на них какой-либо ярлык.*

Мы это испытали на себе. *При Сталине. Вы знаете, многие наши офицеры сидели в тюрьмах. А когда разразилась война, Сталин вынужден был отправить их на фронт*. Эти люди показали себя подлинными героями. Многие из них выросли до крупных военачальников. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, но мы хотим высказать наше мнение насчет необходимости бережного отношения к кадрам[527].

Н. М. Тараки защищался:

— Мы стараемся бережно относиться к нашим кадрам. Насколько я понял из состоявшейся беседы, вы предоставляете и будете предоставлять нам помощь, но *вы не гарантируете нам*

защиту против агрессии.

А. Н. Косыгин, успокоившись, продолжил:

— Если что, в такой плоскости мы с вами вопроса не обсуждали. Мы говорили о данном этапе, о том, что сейчас наиболее эффективными являются средства политической защиты вашей страны. Вы не должны понимать нас так, как будто бы мы оставляем вас на произвол судьбы.

Н. М. Тараки пытался возражать, хотя и безрезультатно, видимо, хотел «сохранить лицо»:

— Существуют три вида поддержки — политическая, экономическая и военная. Два вида помощи вы нам уже оказываете, а как вы поступите, если на нашу территорию будет совершено нападение извне?

По мнению А. Н. Косыгина, если будет иметь место вооруженное вторжение на афганскую территорию, то это будет уже «совершенно иная ситуация». А в настоящее время Советский Союз сделает все для того, чтобы интервенции в Афганистан с сопредельной территории не произошло. И Косыгин убеждал своего собеседника, что этого советской стороне «удастся достичь»:

— При агрессии возникает совершенно иная ситуация. Вот совсем недавний пример — вьетнамо-китайский конфликт начала 1979 года. Китайцы убедились и теперь, образно говоря, кусают себе локти. Что касается Афганистана, то советское руководство предприняло ряд мер для того, чтобы оградить его от агрессии…

Подытоживая встречу, Н. М. Тараки спросил:

— По возвращении в Кабул я должен буду доложить о результатах наших бесед. Должен ли я сказать, что Советский Союз будет оказывать Демократической Республике Афганистан только политическую поддержку и другую помощь?

Ответ Косыгина был однозначен:

— Да, и политическую поддержку, и большую помощь по линии военных и других поставок. Я думаю, что вы возвратитесь в Афганистан уверенным в нашей поддержке, уверенным в своих действиях[528].

В середине апреля 1979-го А. Н. Косыгин получил выписку из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 12 апреля 1979 года, на котором обсуждались переговоры премьера с Н. М. Тараки:

«О нашей дальнейшей линии в связи с положением в Афганистане.

В соответствии с поручением от 18 марта сего года докладываем анализ причин возникшего в последнее время

обострения обстановки в Демократической Республике Афганистан и соображения о наших возможных шагах по оказанию помощи афганскому руководству в деле укрепления его позиций и стабилизации положения в стране…

Советское руководство неоднократно давало руководителям Демократической Республики Афганистан, в том числе и на самом высоком уровне, соответствующие рекомендации и советы, обращало внимание на их ошибки и перегибы. Однако афганские руководители, проявляя недостаточную политическую гибкость и отсутствие опыта, далеко не всегда и не во всем учитывали эти советы.

Недостаточный политический опыт руководителей Демократической Республики Афганистан проявился в разгар событий в Герате, когда выявилось непонимание ими тех возможных далеко идущих политических последствий, с которыми был бы сопряжен ввод в страну советских войск, если бы советская сторона пошла на удовлетворение соответствующей просьбы афганского руководства.

Между тем ясно, что ввиду преимущественно внутреннего характера антиправительственных выступлений в Афганистане участие советских войск в их подавлении, с одной стороны, нанесло бы серьезный ущерб международному авторитету СССР и отбросило бы далеко назад процесс разрядки, а с другой — обнаружило бы слабость позиций правительства Тараки и могло бы еще больше поощрить контрреволюционные силы внутри и вне Афганистана к расширению масштабов антиправительственных выступлений. Тот же факт, что афганское правительство сумело подавить мятеж в Герате своими силами, должен оказать сдерживающее влияние на контрреволюцию, продемонстрировать относительную прочность нового строя.

Таким образом, наше решение воздержаться от удовлетворения просьбы руководства Демократической Республики Афганистан о переброске в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений в Афганистане, исключать возможность которых не приходится…»[529]

Даже не имея полной информации о том, что творилось в Афганистане, имея довольно слабое представление о социально-экономических и политических особенностях развития этой азиатской страны, не говоря уже об особенностях ментальности многонационального афганского народа, Косыгин сделал совершенно правильные выводы о том, что советскому

руководству стоит делать в сложившейся ситуации. И смог убедить в правильности своей позиции всех «твердо-лобых»…

От дальнейшего решения афганских проблем Косыгина «отстранили», больше ни в одном документе он не фигурирует… Конечно, надо учитывать тот факт, что в октябре 1979-го он угодил в больницу с обширным инфарктом, но, зная его натуру, можно с уверенностью говорить о том, что он продолжал следить за всем, что происходило и в Советском Союзе, и в мире. А уж афганский вопрос, на решение которого он положил столько сил и времени, оставался для него приоритетным.

В декабре 1979 года советские войска все же перешли афганскую границу… Затем последовали девять лет войны в Афганистане, 15 тысяч погибших советских солдат, несколько десятков тысяч раненых… В 1989-м ограниченный континент Вооруженных Сил СССР был выведен из страны… Но что самое ужасное, это то, что война там, в Афганистане, продолжается и сегодня…

Много лет спустя министр иностранных дел А. А. Громыко писал в своих воспоминаниях: «Сами виноваты! Надели на себя хомут и теперь носимся с ним. Еще в 1978 году мы же четко определились — ни при каких условиях наши войска в Афганистан не вводить… *Мы устояли при твердой позиции Косыгина*… В конце 1979 года мы изменили сами себе… А теперь ищем выхода из тупика, в который вогнали себя сами»[530].

При этом всем было известно, что Громыко Косыгина недолюбливал.

Вопрос: почему недолюбливал?

А. А. Громыко считал, что Косыгин — вольно или невольно — перехватил у него, министра иностранных дел, пальму первенства в решении внешнеполитических дел. По мнению Громыко, премьер и президент, в советском случае — генеральный секретарь ЦК КПСС, должны принимать на себя в международных делах исключительно представительскую функцию, все остальное — стратегия и тактика — должны исходить от министра, тем более от такого авторитетного, каким сам себя считал Громыко. На деле же все складывалось наоборот: Косыгин сам вырабатывал стратегию, самостоятельно принимал решения по тактике ведения переговоров, сам вырабатывал повестку дня во время того или иного визита и пр. За внешнеполитическим ведомством сохранялась, по сути, одна функция: «подай — унеси»… Громыко, столько лет стоявший «у руля» советского МИДа, был явно недоволен сложившейся ситуацией, считая себя несколько «задвинутым в сторону»… Но, в отличие от Устинова, Андропова, да и Тихонова, не стремился открыто противоречить Косыгину,

действуя, что называется, «тихой сапой».

* * *

Для проведения экономической реформы нельзя было игнорировать внешнюю политику, она должна была работать (и работала) на преобразования внутри страны.

Все взаимосвязано, все…

Косыгин надеялся в процессе реформирования экономики модернизировать ее. А для этого важны были партнерские связи, в первую очередь с промышленно развитыми странами Запада, у которых стоило перенять опыт, закупать оборудование и технологии. Важно было не зацикливаться в собственной «скорлупе», а идти навстречу западным деловым кругам и не бояться инноваций. Советскому Союзу было что предложить предпринимательским кругам Запада и было чему всерьез подучиться. Запад также был заинтересован в совместных проектах с Советским Союзом. И хотя на дворе была еще холодная война, эти контакты помогали «тронуться льду» между странами.

В то же время Косыгин выбирал тех западных предпринимателей, с кем можно было иметь дело, выбирал тщательно, «прощупывая» каждого и взвешивая все «за» и «против». Он не бросался «в объятья» первому встречному коммерсанту или политику. Он внимательно отслеживал особенности времени, развития страны, не забывая об экономической конъюнктуре. И его дипломатические вояжи, его встречи с коммерсантами и промышленниками, с политиками прекрасно вписывались в общий план реформирования индустриального и аграрного секторов советской экономики.

Алексей Николаевич решал и более глобальные вопросы, отстаивая геополитическую позицию СССР в таких конфликтах, как война во Вьетнаме или на Ближнем Востоке, в таких проблемах, как нераспространение ядерного оружия и сокращение стратегических вооружений. Его голос, его позиция воспринимались не только противостоящими в ближневосточном конфликте сторонами, но и президентом США. Да и само «сохранение мира в мире» во многом в те 1960-е годы зависело от жизненного опыта и дипломатических способностей Алексея Николаевича Косыгина.

Польский политик Казимеж Козуб был уверен в том, что советский премьер-министр обладал уникальным, в своем роде, талантом: он создавал не только деловую, но и дружескую

атмосферу во время официальных приемов. Уже при первой встрече складывалось «ощущение», что «люди с ним были уже знакомы на протяжении длительного времени». Это отмечали почти все, кто встречался с Косыгиным, в том числе и многочисленные журналисты, которые освещали встречи и переговоры Алексея Николаевича с зарубежными (и не только) политиками и чиновниками. «Интересно, — акцентировал внимание Козуб, — что Косыгин обладал большим юмором и талантом рассказчика». Кроме того, он еще был и очень выдержанным, спокойным человеком, «почти» застенчивым; и это была не «рисовка», это было состояние души. Но он умел очень тщательно скрывать свои чувства, и при первом знакомстве с ним многим казалось, что он — «очень холодный и чересчур официальный человек». Но это только на первый взгляд, стоило сойтись с ним ближе, услышать его, внимательно понаблюдать за его реакциями на те или иные события, и становилось понятным: он «деловой человек», большой знаток своего дела, он быстро завоевывал симпатию у своих зарубежных коллег, у своих подчиненных. «Сам не [был] склонен к сердечности, однако не скрывал своего недовольства и симпатии к партнерам, чьи знания и суждения являются видимыми. Мог от души в голос посмеяться над другими и даже предложить выпить с ним 100 грамм». Кстати, любимым спиртным напитком Косыгина оставался дагестанский коньяк…

* * *

Осенью 1979 года Косыгин получил очередной «сигнал» о том, что Брежнев и ЦК все больше и больше недовольны им и его командой, считая, что он — основная причина того, что нарастает конфликт между Советом министров и Центральным комитетом, вызванный различием подходов к ряду важнейших моментов социально-экономического развития страны. Этим объясняются и ставшие обычными «мелкие» уколы, наносимые Косыгину и его ближайшему окружению.

Тогда, в сентябре 1979 года, исполнялось 70 лет управляющему делами Совета министров СССР Михаилу Сергеевичу Смиртюкову. По существующим «негласным» правилам, ему полагалось дать Героя Социалистического Труда. Но генеральный секретарь считал управляющего делами одним из основных действующих лиц в противостоянии правительства и ЦК и отложил документы о награждении «в дальний ящик стола». Рассерженный Косыгин вынес вопрос на Политбюро[531]. Героя

Соцтруда Смиртюков все же получил…

Тогда же, осенью 1979 года, Косыгин отдал распоряжение своему заместителю и председателю Государственного комитета СССР по науке и технике академику В. А. Кириллину подготовить доклад о состоянии экономики Советского Союза. Подготовленный — в начале 1980-го — текст содержал в себе безрадостные перспективы. Итогом ознакомления с докладом членов ЦК КПСС стало увольнение Кириллина[532]. А заместителем академика был зять Косыгина Д. М. Гвишиани… То есть удар пришелся и по нему.

Если в середине 1960-х годов цены были более-менее адекватны затратам, то после 1975-го стал ощущаться дисбаланс цен, вылившийся к концу 1970-х годов в инфляцию. Инфляцию подхлестнуло увеличение зарплат, не связанных с повышением производительности труда, — затраты из бюджета на субсидирование продовольствия для населения выросли в 16 раз. С 1976 года в угледобывающей промышленности, на железнодорожном транспорте, в металлургии и энергетике начали наблюдаться серьезные проблемы, которые Совет министров решал с большим трудом. Дорого стоила поддержка Кубы, Вьетнама, Анголы, Никарагуа и Эфиопии.

В 1979 году проблемы свернулись в тугой узел, приведший не просто к отказу от запланированных темпов развития, а к спаду производства.

Косыгин в больнице, по сути, он — «хромая утка». Он не знал, что благодаря усилиям М. А. Суслова на заседании Политбюро была создана специальная комиссия по экономике (полномочия и пост руководителя комиссии получил все тот же Михаил Андреевич).

Первое же решение — о повышении цен[533]. О польских событиях 1970-го уже забыли…

* * *

Все чаще и чаще он бывал на Новодевичьем кладбище, на могиле жены… Как-то вспомнилось где-то прочитанное: «Самые горькие слезы над гробом мы проливаем из-за слов, которые так и не были сказаны, и поступков, которые так и не были совершены…»

В 1978-м Алексей Николаевич пережил микроинсульт, в октябре 1979-го — тяжелый инфаркт; это уже второй после 1976 года.

…Жизнь уходила, жизнь завершала свой цикл… Он многого не успел, многого просто не смог… Но он оставлял память о себе как об очень достойном человеке в очень непростое время. Хотя когда оно было простым для страны и ее граждан? Но, даже ощущая, что все заканчивается, Косыгин не мыслил себя без дела.

21 февраля 1980-го он выступает перед депутатами Фрунзенского избирательного округа Москвы, встреча эта проходила в Большом театре. Алексей Николаевич вновь озвучивает свои идеи о развитии газовой и нефтяной промышленности, о важности этих отраслей для хозяйства в целом, призывая в то же время делать ставку в управлении производством и использовании добываемых природных ископаемых с дальним расчетом, с опорой на научные достижения по использованию нефтепродуктов, доставке к производителям и утилизации отходов, связанной в первую очередь с защитой окружающей среды[534].

Участвовал Косыгин и в переговорах с новым руководством Западной Германии — с канцлером Гельмутом Шмидтом и министром иностранных дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером, с руководством Вьетнама, страны, которая оказалась втянутой в конфликт с Китаем, а СССР (в лице председателя Совета министров) предстояло решить задачу — как мирить две социалистические страны. В польской столице Алексей Николаевич выступает на сессии Совета экономической взаимопомощи с докладом о мировой энергетической обстановке, о разумном использовании газа и нефти, о необходимости разрабатывать возобновляемые источники энергетических ресурсов и ставит свою подпись под соглашением о кооперировании стран СЭВ в создании вычислительной техники. Участвует А. Н. Косыгин в открытии Олимпийских игр в Москве (лето 1980-го). Готовит к XXVI съезду КПСС свой доклад «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы».

Члены советской делегации на юбилейной сессии государств — участников Варшавского договора (справа налево): заместитель министра обороны СССР Н. В. Огарков, член Политбюро ЦК КПСС К. У. Черненко, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков и другие. 14 мая 1980. [РГАКФД. Ед. хр. 192]

А. Н. Косыгин в группе руководителей КПСС и Совета министров СССР во время осмотра основных олимпийских сооружений в Москве и поздравлений строителей. 1980. [РГАНИ. Ф. 80. Оп. 2. Д. 125. Л. 204]

А. Н. Косыгин (во 2-м ряду 4-й справа) в ложе для почетных гостей во время открытия Московской Олимпиады. 19 июля 1980. [РГАНИ. Ф. 80. Оп. 2. Д. 125. Л. 205]

7 октября 1980 года под опубликованным в «Правде» некрологом о смерти первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Петра Мироновича Машерова, погибшего в автокатастрофе, последний раз — в цековской связке — появляется его фамилия…

В начале октября 1980 года Алексей Николаевич снова в Центральной клинической больнице, что на Мичуринском проспекте в Москве… Процедуры, консилиумы, утренние обходы лечащего врача…

Неожиданный звонок от заведующего Общим отделом ЦК КПСС К. У. Черненко прозвучал ранним утром:

— Алексей Николаевич, а не пора ли подумать об отставке?

Промелькнуло — «это все…» Написал заявление, подписал, поставил число… На сердце тяжело, опустошенно… Сразу сняли охрану и отключили правительственный телефон… Андропов постарался…

Подлежит опубликованию 93

ПОСТАНОВА ВЕРХОЎНАЙ РАДЫ СРСР
ПАСТАНОВА ВЯРХОЎНАГА САВЕТА СССР
СССР ОЛИЙ СОВЕТИНИНГ ҚАРОРИ
СССР ЖОҒАРҒЫ СОВЕТІНІҢ ҚАУЛЫСЫ
ՍՍՀՄ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ՈՐՈՇՈՒՄ
СССР ЖОҒОРКУ СОВЕТИНИН ТОКТОМУ
ТSRS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS NUTARIMAS

ХОТЭРЫРЯ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ АЛ УНИУНИЙ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES LĒMUMS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИН ТОКТОМУ
ҚАРОРИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
ՍՍՀՄ ԳԵՐԱԳՈՒՅՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ՈՐՈՇՈՒՄ
СССР ЕКАРЫ СОВЕТИНИЙ ҚАРАРЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU OTSUS

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ТОВ.КОСЫГИНА А.Н.
ОТ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик
п о с т а н о в л я е т:

Освободить тов.КОСЫГИНА Алексея Николаевича от обязанностей Председателя Совета Министров СССР по его просьбе.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(Л.Брежнев)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(М.Георгадзе)

Москва, Кремль.
23 октября 1980 г.
№ 3147-X.

Постановление Верховного Совета СССР № 3147-X «Об освобождении А. Н. Косыгина от обязанностей председателя Совета министров СССР». 23 октября 1980. [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 134. Д. 93. Л. 93]

В ДЕЛО
-13-

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 6 февраля 1981 г. № 149

МОСКВА, КРЕМЛЬ

Б УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ А. Н. КОСЫГИНА И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕГО СЕМЬИ

Учитывая большие заслуги видного деятеля Коммунистической пар-и и Советского государства, члена Центрального Комитета КПСС, епутата Верховного Совета СССР, дважды Героя Социалистического руда А. Н. Косыгина и в целях увековечения его памяти, Централь-ый Комитет КПСС и Совет Министров СССР постановляют:

1. Присвоить имя А. Н. Косыгина Камышинскому хлопчатобумаж-ому комбинату (Волгоградская область), Московскому ордена Трудо-ого Красного Знамени текстильному институту и Архангельской едней школе (Красногорский район Московской области).

2. Установить мемориальные доски в память А. Н. Косыгина на зда-ии ленинградской прядильно-ткацкой фабрики «Октябрьская», директ-ром которой он был, на здании Ленинградского института тек-ильной и легкой промышленности имени С. М. Кирова, где учился Н. Косыгин, и на доме № 3 по ул. Грановского в г. Москве, где он ал в 1942—1968 годах.

3. Поручить Мосгорисполкому и Ленгорисполкому решить соответ-венно вопрос о присвоении имени А. Н. Косыгина одной из новых иц в г. Москве и г. Ленинграде.

4. Поручить Министерству морского флота решить вопрос о присвое-ии имени А. Н. Косыгина одному из транспортных морских судов.

5. Назначить Кривошеиной Елизавете Андреевне (сестре жены . Н. Косыгина, находившейся на его иждивении) персональную пенсию размере 100 рублей в месяц пожизненно и выдать ей единовременное особие в размере 500 рублей.

6. Закрепить за дочерью А. Н. Косыгина — Гвишиани Л. А. квартиру № 15 и за внучкой А. Н. Косыгина — Рославцевой Т. Д. квартиру № 16 доме № 6 по Воробьевскому шоссе и за внуком А. Н. Косыгина — вишиани А. Д. квартиру № 15 в доме № 6 по Несвижскому переулку г. Москве, установив, что оплата излишков жилой площади произво-ится в одинарном размере.

Не для печати

7. Сохранить право пользования:

Объединенной специальной больницей с поликлиникой Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР за дочерью А. Н. Косыгина — Гвишиани Л. А. и ее мужем Гвишиани Д. М., а также столовой лечебного питания за Гвишиани Л. А.;

Первой поликлиникой и больницей Четвертого главного управления при Министерстве здравоохранения СССР за внуком А. Н. Косыгина Гвишиани А. Д., его женой — Гвишиани Н. Б. и их дочерью — Гвишиани Е. А. (до получения ею высшего образования, но не долее достижения 23-летнего возраста), за внучкой А. Н. Косыгина — Рославцевой Т. Д., ее мужем — Рославцевым В. В. и их сыном — Косыгиным-Рославцевым А. В. (до получения им высшего образования, но не долее достижения 23-летнего возраста).

Не для печати

8. Поручить Управлению Делами Совета Министров СССР выделить дачу в дачном поселке «Успенское» дочери А. Н. Косыгина — Гвишиани Л. А. и обеспечить обслуживание ее легковой автомашиной по вызову.

Секретарь
Центрального Комитета КПСС
Л. БРЕЖНЕВ

Председатель
Совета Министров СССР
Н. ТИХОНОВ

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
★
ОБЩАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

УД

В ДЕЛО
(подпись)
8. II 1981 г.

В АРХИВ
(подпись)
1. VII 1981 г.
(Зав. Отделом
П.Г.Мищунин)

ГА РФ, ф. Р-5446 оп 140 д. 1396 л. 13

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об увековечивании памяти А. Н. Косыгина и обеспечении его семьи». 8 февраля 1981. [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 140. Д. 1396. Л. 13–13 об.]

23 октября Косыгин был освобожден от обязанностей председателя Совета министров СССР и от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС.

…Со дня отставки прошло чуть менее двух месяцев. 18 декабря 1980 года сердце не выдержало переживаний и огорчений, Алексея Николаевича Косыгина не стало… Но о смерти сообщили только несколько дней спустя, так как «не хотели портить» день рождения Л. И. Брежнева.

Прощание проходило в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской армии. Проститься с Косыгиным пришли тысячи москвичей… Организаторам похорон пришлось даже продлить время, дабы все, кто хотел, смогли поклониться премьеру.

В дневнике Л. И. Брежнева осталась короткая запись: «22 декабря 1980 года. *Постояли* [именно так! — *В. Т.*] у гроба Косыгина»[535]. И все…

24 декабря урну с прахом поместили в нише Кремлевской стены. Земной путь Алексея Николаевича закончился…

«Сыгранная им роль в истории России интересна, но еще интереснее та роль, которую ему сыграть не дали…»[536]

* * *

Отмерено ему 74 года, 9 месяцев, 27 дней. Много или мало? Много не бывает… А вот мало, это да…

Но дело, конечно, не в возрасте…

Наверное, нет людей, портрет которых можно было бы рисовать одной краской. И Косыгин нес на себе груз своего времени, своего окружения, в конце концов, своего характера, сформировавшегося в сталинскую эпоху. И, вероятно, поэтому не стоит удивляться.

Да, таков был Алексей Николаевич, таким его «слепило» время, его работа, его жизнь. «Портрет человека» нельзя рисовать одной из двух красок — черной или белой. Даже тогда, в советское время, когда казалось, что все в жизни человека и гражданина страны выверено и просчитано заранее, когда казалось, что все оценки, даваемые гражданином окружающей его обстановке, однозначны и заранее предсказуемы, советское общество оставалось многообразным и разноликим. И опять же, Косыгин в этом случае тоже не составлял исключения… *Он был разным*…

Он очень любил свою страну, не понимал и не принимал диссидентства, считая, что и в рамках существующей ситуации многое можно было бы сделать.

Сам себя обманывал?

Нет, жил по тем правилам, по которым был воспитан.

Но во многом он отличался от своих современников, и в первую очередь от тех, кто входил в «правящую обойму». Да, зачастую он, как и остальные члены ЦК и Политбюро, был однозначен в идеологических оценках того или иного события, но всех удивляла, если не сказать больше — неприятно поражала, его скромность, которая, скажем откровенно, совершенно не свойственна была власть имущим…

Алексей Николаевич не любил «увешивать себя» многочисленными и разнообразными орденами, не любил очень уж пристального внимания к своей персоне и, даже когда его имя, его участие в том или ином событии явно замалчивалось, старался просто не замечать. Не стремился он и к «популяризации» своего «теоретического наследия». Да такового и не было, он сам не хотел…

Мы уже отмечали выше, что у Косыгина нет ни одной обобщающей работы по экономике.

Но почему он не оставил мемуаров?

Да, в 1979 году был выпущен 2-томник его избранных «произведений», но это тексты его выступлений на съездах, партийных конференциях и на встречах «хозяйственного актива», дежурные речи во время официальных приемов, интервью, которые он давал советским и зарубежным средствам массовой информации. Из этих двух томиков мало что можно «выудить», так же как и из предисловий, которые открывают ряд изданий, посвященных блокаде Ленинграда во время Великой Отечественной войны. В этом 2-томнике, впрочем, как и в изданном несколькими годами ранее сборнике статей и речей, он предстает исключительно как официальное лицо, как премьер. Только иногда — как правило, в интервью иностранным средствам массовой информации — прорывалось что-то личное, теплое, неофициальное…

…Время реформ — «квинтэссенция» всей жизни Косыгин, всей его предыдущей деятельности.

Мог ли он спасти Советский Союз, который распался под тяжестью собственных проблем ровно 11 лет спустя после ухода Алексея Николаевича из жизни?

Первый том сборника речей и статей А. Н. Косыгина «К великой цели». 1979. [РГАСПИ]

Он мог бы его реформировать только в том случае, если бы реформы не просто не затормозили, а дали бы им развиться (развиваться далее). Пример тому — Китай, вышедший из такой социальной трясины, из такого общественного ада, который даже представить себе трудно. И вывел страну на «социально-экономический простор» Дэн Сяопин, которого считали едва ли не «братом по духу Алексея Николаевича»…[537]

Конечно, китайцы и русские ментально совершенно противоположны друг другу. Но и у того, и у другого народа были лидеры, авторитетные среди населения, которые своими действиями, своими реформами могли бы способствовать процветанию нации, «если бы им только не мешали» (П. А. Столыпин).

Заключение

Мы прошлись по основным вехам жизни Алексея Николаевича, чтобы высветить то, что ускользало — вольно или невольно — от его биографов. Нам предстояло ответить на главные вопросы. Их было всего семь: откуда? как? почему? зачем? когда? что? итого?

Обобщим.

Социальное происхождение у Алексея Николаевича было, что называется, «самое подходящее»: из рабочих. Отец его трудился на оборонном предприятии и, хотя сам был выходцем из крестьян, профессии свои — слесаря и токаря — знал, знания свои — ценил и за место — «держался», политикой не увлекался, все думы его были поглощены судьбой семьи и детей.

Потеряв рано мать, Алексей Косыгин до конца дней своих был «травмирован» этим событием — отсюда и некая замкнутость, грусть и даже угрюмость во взгляде. Отец его всю жизнь посвятил детям, но заменить им мать не мог…

По меркам того времени (начало XX века) Алексей смог получить прекрасное, правда только начальное, образование, поскольку отец имел возможность оплачивать учебу в достаточно авторитетном среднем учебном заведении, но «помешали» революции 1917-го и гражданская война. «За парту» удалось вернуться, только когда А. Н. Косыгину исполнилось 15 лет. Учебу удалось продолжить по очень «престижной» в начале 1920-х годов специальности — «кооператор»… А кооператоры во время новой экономической политики ценились и котировались почти на одном уровне с появившейся тогда социальной прослойкой — предпринимателями (нэпманами), сумевшими занять свою нишу в условиях известной либерализации экономики.

Как складывалось начало карьеры? Довольно удачно… Начинал он в далеких от центра восточных районах России, где на счету был не только каждый специалист, но и каждый человек вообще.

Став коммунистом, наверное, и по убеждению, и прекрасно сознавая, что со вступлением в партию перед ним открываются дополнительные перспективы карьерного роста, Косыгин уверенно двигался вверх по профессиональной и партийной лестнице, не забывая о материальном благосостоянии своей семьи.

Период нэпа оказался очень коротким, и Косыгин, знаток своего дела и человек, ориентирующийся в окружающей

социальной обстановке, отказался от кооперации, решив избрать иной путь для реализации своих личностных талантов и возможностей, но такой путь, который бы не вызывал такого шквала критики, какой обрушился и на нэп, и на кооперацию…

1920-е годы многому его научили, но главное — не высовываться, жить «в русле» тех изменений, что происходили в советском обществе, не идти наперекор политическим особенностям времени, быть одним из миллионов «винтиков» огромной государственной машины.

Все последующие годы своей жизни он был просто «невероятно осторожен», никогда не допускал каких-то выражений, которые можно было интерпретировать двусмысленно, он, как многим казалось, говорил исключительно только по делу. Эта осторожность давала ему возможность сохранить себя в разные эпохи.

В 27 лет он вновь оказался за ученической партой, получив через 4 года специальность инженера-технолога по ткачеству. Совсем вроде не престижная профессия для 31-летнего мужчины, но в сочетании с упорством, целеустремленностью, подспудной тягой к профессиональному лидерству и с партийным стажем возраст Косыгина только добавил ему шансов на успех в карьерном росте. Буквально через пять лет после окончания института он занимал уже пост наркома, а затем и заместителя председателя Совета народных комиссаров Советского Союза! История Страны Советов не знала второго такого рывка «наверх». Конечно, свою роль сыграла и социально-политическая обстановка, сложившаяся в то время в СССР: репрессии, ставшие составной частью внутренней государственной политики, «освобождали» посты в высших эшелонах власти, и многим из тех, кого считали «ровесниками XX века», мог выпасть «счастливый билет» — место во власти. Правда, далеко не все этим «билетом» могли и смогли воспользоваться. Ко всем перечисленным социальным характеристикам «выдвиженцу» необходимо было добавить поддержку «сильного мира сего», который и проталкивал бы свою креатуру. Для Косыгина такой личностью стал А. А. Жданов, «жадный до власти» политик, «сбивающий» себе «команду» с собственным расчетом на высшие посты в этой власти.

Косыгин не просто «пришелся ко двору», он воспитывался, взращивался в советской системе, а потому уже к концу 1930-х годов стал ее частью, не сомневаясь в ее правоте и незыблемости и, может быть, «победе коммунизма в отдельно взятой стране»…

Только этим можно объяснить то, что долгое время он, когда-то кооператор и последователь идей нэпа, был бесспорным

сторонником экономики мобилизационного типа (в широком смысле этого определения).

Плановость экономики, государственный интерес, государственный контроль и учет, полный отказ от идей частной собственности и прочее, и прочее, и прочее стали для Косыгина как для советского управленца приоритетными вехами. Да, политиком он не стал, но стал «крепким хозяйственником», которого ценили не только коллеги, но и недоброжелатели, и эта оценка, его профессионализм, по сути, сохранили его и его семью от многих социальных перипетий.

В важность экономики мобилизационного типа Косыгин еще больше уверовал и укрепился в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и восстановительного периода — время, которое, несомненно, повлияло на его жизнь, — когда обстоятельства требовали жесткой централизации всего и вся, и в первую очередь — управления хозяйственным комплексом.

Осознание того, зачем, что и почему необходимо менять в экономике, складывалось шаг за шагом, перманентно, с постепенным пониманием того, что изменения — и в национальном хозяйстве, и в обществе — необходимы…

Решающую роль в подобном осознании сыграла общественная оттепель, охватившая страну с конца 1950-х годов… Это время, когда появилась возможность не опасаться за высказывание нонконформистских идей, правда, если они не переходили определенной черты. И это был период не только зарождения диссидентского движения, но и время, когда и в верхах власти шли жаркие дискуссии о том, как «нам реорганизовать…»

Первые лица государства, справедливости ради скажем — далеко не все, не чурались новых идей и предложений, не прятались от споров и критики, не сторонились Запада и его успехов и даже (даже!) призывали, с оговорками, у него учиться…

Одним из таких «продвинутых» первых лиц советского государства был и Алексей Николаевич, перешагнувший 50-летний рубеж жизни… Он принял — но далеко не сразу и не все — «оттепельные» идеи, такие, как важность изучения зарубежного опыта в управлении экономикой, изучение и освоение технических новинок, интерес к инженерной мысли, к новым технологиям, к идеям прямого взаимодействия производства и науки…

И в этом вновь проявились индивидуальные черты характера Косыгина: оставаясь сторонником идей патернализма, он осмыслил и осознал необходимость реформ: время, общество, производство не могут «ходить по кругу». «Идея круга» (по сути

«милитаризационной» экономики) самодостаточна, но порочна… Отставание в этом случае неизбежно… Как и следующий за ним коллапс…

Что и как реформировать и каким — с учетом незыблемости идеологических установок — образом? Самый сложный вопрос, вокруг которого с конца 1950-х и до середины 1960-х годов было «поломано много копий»… Как «впрячь в одну телегу ломовую лошадь и трепетную лань» — плановость и хозяйственный расчет, ориентированный в первую очередь на рынок? Идеи социализма и ставку на товарно-денежные отношения? Можно было, конечно, оговориться, что в СССР эти самые товарно-денежные отношения приобретают особый смысл, ничего не имеющий общего с капиталистическим миром… Но это всего лишь отговорка…

Косыгин предложил свое видение реформирования хозяйственного механизма, и, как бы он ни ссылался на социалистическое мировоззрение, в его парадигме социализм в конце концов сводился к обязательному, но не определяющему все и вся атрибуту…

Что-то подобное происходит в современном Китае…

Итог. Реформы в России, особенно в экономике, оцениваются, такова уж традиция, как правило, «диалектически»: и хорошо, и плохо…

И «косыгинская реформа» не стала исключением — в ее анализе царит мозаичность оценок, их разнообразие порой не просто удивляет, оно поражает: от абсолютного одобрения до полного неприятия, от признания восьмой пятилетки едва ли не «золотым временем советской экономики» до ее характеристики как начальной точки ухода страны «в полную нищету» времен «перестройки»…

* * *

Все эти вопросы работали на разрешение одной задачи: *почему Косыгин был всегда «второй»*?

«Призвание»? Отсутствие карьерной цепкости? Нежелание вмешиваться в какие-либо «подковерные схватки»? Желание оставаться в личине «человека в футляре»? Человек, живущий по принципу «не высовывайся», или очень осторожный, но умеющий — по необходимости — «показывать зубы»?

Наверное, все «в комплексе».

Однако сам не рвался «в битву»… Как не был, так и не стал «борцом».

Это одновременно и плохо, и хорошо.

Почему — хорошо?

Гарантия самосохранения.

Почему — плохо?

Был «шпыняем» со всех сторон, в первую очередь со стороны «силовиков», не мог сколотить «своей команды», и даже те, кого он считал своими сторонниками, предавали его.

«Второй» он всегда «второй», всегда подотчетен «первому», даже если интеллектуально он выше «первого» на голову, он всегда зависим от «первого». А если «второй» еще и более талантлив и профессионален в своей области, чем «первый», и это заметно всем и каждому, то зависть неизбежна и она выливается в паранойю.

Косыгин, вольно или невольно (скорее — второе), но всем своим видом, поведением демонстрировал, что он действительно профессионал-управленец, хотя порой идеологические рамки не давали ему развернуться, порой демонстрировали — и не только у Косыгина — отрыв от реальности. (Чем еще объяснить многие его пассажи, например о роли рабочего класса в Афганистане?) Причем рамки эти — результат его взращивания в советском обществе… «Ничего личного», как говорится.

Но Косыгин по праву считался «первым» среди «вторых». И это его устраивало? Думаю, что — да!

Но с другой стороны, что же, Косыгин — человек, начисто лишенный амбиций? Думается, вопрос в другом: насколько тщательно скрывалось самомнение или насколько процесс пускался на самотек — получится или нет…

Он был убежден — он «первый», хотя и среди «вторых», а признание… а признание будет…

На первые роли никогда не рвался (или, по крайней мере, не проявлял такого желания и такой прыти). Но и безвольным не был, характером он, несомненно, обладал.

И еще одно. *Косыгин — человек, порожденный и воспитанный своим — советским — временем, но в силу природного таланта и природного характера вырвался вперед из когорты советских руководителей второй половины 1960-х — 1970-х годов. Вырваться-то вырвался, но реализовать себя так и не смог…*

В этом-то и заключается феномен Косыгина…

* * *

В одну и ту же реку нельзя вступить дважды.

Так и с косыгинскими реформами: их невозможно повторить, изменились время, люди, обстоятельства. Сама страна

изменилась!

Но о них важно помнить, важно изучать. Почему и зачем? Да чтобы не повторять больше тех ошибок, которыми так богато наше прошлое. Чтобы лучше понимать тех, кто действительно хочет «преобразовать» страну и общество, причем — без войн и революций…

В противном случае вновь и вновь будут звучать слова Бориса Годунова, вложенные в его уста Александром Пушкиным: «Они любить умеют только мертвых»…

Использованные источники и литература

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. А-259. Совет министров РСФСР.

Ф. А-374. Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат РСФСР).

Ф. А-385. Верховный Совет РСФСР.

Ф. А-411. Министерство финансов РСФСР.

Ф. Р-5446. Совет министров СССР.

Ф. Р-7523. Верховный Совет СССР.

Ф. Р-6822. Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР.

Ф. Р-8131. Прокуратура СССР.

Ф. 8418. Комитет обороны при Совете народных комиссаров СССР.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 215. Коллекция документов деятелей архитектуры, строительства, промышленности строительных материалов: А. С. Болдырева, В. А. Веснина, В. Н. Марочкина, Р. Л. Певзнера, И. Д. Шадра.

Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз СССР).

Ф. 1884. Министерство путей сообщения СССР.

Ф. 4108. Всесоюзный союз сельскохозяйственной кооперации по переработке, производству и сбыту зерновых и масличных культур (Хлебоцентр СССР). 1926–1932.

Ф. 4372. Государственный плановый комитет Совета министров СССР (Госплан СССР).

Ф. 7604. Министерство легкой промышленности СССР (Минлегпром СССР).

Ф. 7733. Министерство финансов СССР (Минфин СССР).

Ф. 8044. Министерство авиационной промышленности СССР.

Ф. 8243. Министерство тяжелого машиностроения СССР (Минтяж-

маш СССР).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. Центральный комитет КПСС.

Ф. 77. Жданов Андрей Александрович.

Ф. 82. Молотов Вячеслав Михайлович.

Ф. 83. Маленков Георгий Максимилианович.

Ф. 397. Хрущев Никита Сергеевич.

Ф. 477. Восемнадцатый съезд ВКП(б). 1939.

Ф. 558. Сталин Иосиф Виссарионович.

Ф. 644. Государственный комитет обороны СССР (ГКО СССР).

Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ)

Ф. 3. Московский областной комитет КПСС (МК КПСС).

Ф. 5196. Институт истории партии МГК и МК КПСС.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

Ф. Р-3100. Кооперативный техникум Северо-Западного областного отделения Всероссийского центрального союза потребительских обществ. Ленинград (1922–1926).

Ф. 9492. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна».

Министерства образования и науки Российской Федерации. Санкт-Петербург. 1930–1992.

Ф. Р-7384. Санкт-Петербургский городской совет народных депутатов. Санкт-Петербург. 1917–1993.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)

Ф. Р-25. Ленинградский городской комитет КПСС. Ленинград (1931–1991).

Ф. Р-9088. Коллекция учетных карточек членов и кандидатов в члены партии образца 1926 г. Ленинград.

Ф. Р-1728. Коллекция личных дел. Петроград (1917–1924), Ленинград (1924–1950).

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД)

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 1. Съезды Коммунистической партии Советского Союза XX XXVIII созывов (1956–1991).

Ф. 2. Пленумы ЦК ВКП(б) — КПСС (1941–1991).

Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952–1990).

Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1949–1991).

Ф. 80. Брежнев Леонид Ильич (1906–1982).

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ)

Ф. 3.

Ф. 129.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

Ф. 98. Референтура по Италии.

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 15123. Управление 16 военного строительства Западного фронта.

Ф. 33594. 61 Военно-полевое строительство Петроградского военного округа.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

Ф. П-919. Первичная организации ВКП(б) Сибкрайсоюза.

Литература

А. М. Бирман и время экономических реформ: Материалы «круглого стола» / под ред. М. И. Воейкова. М.: Институт экономики РАН, 2011.

Абрамов С. В. «Челночная» дипломатия советского премьер-министра А. Н. Косыгина // Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011. Т. 13. С. 106–121.

Абрамов С. М. Советский Союз на Ближнем Востоке и арабо-израильский конфликт (1948–1991 гг.). М.: Б. и., 2009.

АвтоВАЗ между прошлым и будущим: История Волжского автомобильного завода, 1966–2005 гг. / под ред. Р. Г. Пихои. М.: Издательство РАГС, 2006.

Аксютин Ю. В. Восьмой советский премьер Косыгин // Россия XXI: Общественно-политический и научный журнал. 2000. № 4. С. 146–180; № 5. С. 66–89.

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М.: Международные отношения, 1994.

Аллен Р. С. От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013.

Андреотти Д. СССР, увиденный вблизи: От «холодной войны» до Горбачева. М.: Прогресс, 1989.

Андриянов В. И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2004.

Антонов М. Революция обывателей. Реформа Либермана — Косыгина, или «Революция обывателей» (Из книги «Капитализму в России не бывать») // Молодая гвардия. 2004. № 9. С. 144–171.

Антонов М. Точка зрения: Косыгинская реформа 1965 года.

URL: http: www.redstar.ru

Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.): Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991.

Арбатов Г. А. Из недавнего прошлого // Знамя. 1990. № 10. С. 197–227.

Архивная публикация 2006 года: «Ленинградское дело» и другие дела генерала Абакумова // Профиль. 2006. 5 мая.

Архипова Т. Г. Алексей Николаевич Косыгин: деятельность в годы Великой Отечественной войны // Человек и война в XX веке: Материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Тольятти, 2 июня 2007 г. М., 2007. С. 204–210.

Атомный проект СССР: Документы и материалы. М.; Саров: Физматлит, 2003. Т. 2. Кн. 4; Саров: РФЯЦ — ВНИИЭФ, 2006. Т. 2. Кн. 6; М.; Саров: РФЯЦ — ВНИИЭФ; М.: Физматлит, 2007. Т. 2. Кн. 7.

Бабкина Н. М. Экономическая реформа 1965 г. в СССР: Механизм отбора предприятий для внедрения новой системы планирования и экономического стимулирования // Вестник Московского государственного университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2017. № 3. С. 76–90.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971.

Байбаков Н. К. Дело жизни: Записки нефтяника. М.: Советская Россия, 1989.

Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М.: ГазОилпресс, 1998.

Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М.: Республика, 1993.

Белкин В. О реформе Косыгина — из первых уст // Прямые инвестиции. 2013. № 3. С. 36–38.

Бирман А. М. Мысли после Пленума // Новый мир. 1965. № 12. С. 194–213.

Богомолов А. «Тюремный чемоданчик» Косыгина // Совершенно секретно. 2015. 21 дек.

Богуславский А. Р. Первые переговоры ГДР — ФРГ в 1970 г. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 3–17.

Боффа Д. От СССР к России: История неоконченного кризиса, 1964–1994. М.: Республика, 1996.

Будкевич Г. В. Алексей Косыгин — человек и реформатор // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2015. Т. 16. № 3. С. 430–453.

Будкевич Г. В. Косыгин А. Н. как политик и «человек системы», смотрящий в будущее // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление.

2015. № 4. С. 36–49.

Ваксер А. З. А. Н. Косыгин // История России: исследования и размышления: Сб. статей к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля наук Российской Федерации Валентина Михайловича Ковальчука. СПб.: Европейский дом, 2006. С. 336–357.

Ван И. Что нам нужно ввозить из заграницы? // Боевая правда. 1920. 9 мая.

Вандышева О. А. Косыгин, реформатор и однолюб // Комсомольская правда. 2004. 21 февр.

Вдовин В. А. Киренск и Киренский район. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1959.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. 30 авг. № 35.

Вклад А. Н. Косыгина в развитие государственного управления СССР. М.: Ритм, 2021.

Вознесенский Н. А. Избранные произведения, 1931–1947. М.: Политиздат, 1979.

Волынец А. Н. Жданов. М.: Молодая гвардия, 2013.

Воробьев Ю. Ф. К исследованию опыта реформы 1965 г. // Вопросы истории развития хозяйственного механизма в СССР. М.: Институт экономики АН СССР, 1988. С. 221–249.

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10–21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1939.

Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Кн. 4.

Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997.

Гвишиани А. Д. Феномен Косыгина: Записки внука. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004.

Гизатуллина Э. Ф. Теоретическое обоснование и предпосылки «косыгинских» реформ в Советском государстве середины 1960-х годов (историко-правовой аспект) // Вестник Краснодарского университета МВД. 2017. № 1(35). С. 115–120.

Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 гг.: Историко-биографический справочник / сост. В. И. Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999.

Гранин Д. Чужой дневник: Очерки и эссе. М.: КоЛибри — Азбука-Аттикус, 2018.

Грегори П., Ольсевич Ю. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: ТИЭС, 2000.

Громыко А. А. Памятное: В 2 кн. М., 1990.

Грушко В. Ф. Судьба разведчика: Книга воспоминаний. М.: Международные отношения, 1997.

Губанов С. «Косыгинская реформа»: итоги и уроки // Экономист. 2004. № 4. С. 42–52.

Гусаров А. Ю. Путеводитель по Петербургу: Увлекательные экскурсии по Северной столице. М.: Центрополиграф; СПб.: Русская тройка, 2016.

Гругман Р. А. Светлана Аллилуева: Пять жизней. Ростов н/Д.: Феникс, 2012.

Гуськов А. М. Под грифом правды: Исповедь военного контрразведчика. М.: Русь, 2004.

Давыдов А. Ю. Кооператоры советского периода в годы нэпа. СПб.: Алетейя, 2011.

Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001.

XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 года): Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1956. Т. 2.

Денежная реформа в СССР 1947 года: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2010.

Доклад члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» // Правда. 1965. 28 сент.

Дроздов В. В. Экономические реформы в СССР (1953–1985): Взгляды зарубежных ученых. М.: Теис, 1998.

Ершов В. Н. Премьер, оставшийся в памяти (из воспоминаний о А. Н. Косыгине) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 152–161.

Жизневский И. Киренский округ // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибирское краевое издательство, издательство газеты «Правды», ОГИЗ, 1931. Т. 2. С. 672–678.

Жирнов Е. Партийная кола // Коммерсантъ-Деньги. 2006. № 16.

Залесский К. А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Замостьянов А. А. А. Н. Косыгин: Биографический очерк. М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2002.

Зверев А. Г. Записки министра. М.: Политиздат, 1973.

Золотай П. А. Экономическая реформа 1965 г. и ее теоретическая база: оценки зарубежных экономистов // Экономический журнал. 2005. № 10. С. 84–103.

Из разговора А. Н. Косыгина с премьер-министром

Афганистана Н. М. Тараки 18 марта 1979 г. // Азия и Африка. 1994. № 5.

История государственного управления в России (X–XXI вв.). М.: Издательство РАГС, 2003.

История ОАО «АвтоВАЗ»: уроки, проблемы, современность: Материалы II Всероссийской научной конференции, 26–27 октября 2005 г. / отв. ред. Р. Г. Пихоя. Тольятти: АвтоВАЗ, 2005.

Ичин К. Петроград в 1919 году в воспоминаниях Ольги Ивановны Вендрих // Русское зарубежье и славянский мир. Руска дијаспора и словенски свет. Белград, 2013.

Каганович Л. М. Памятные записки. М.: Вагриус, 2003.

Ковальская Т. В. Учительская семинария — педтехникум // Земля Иркутская. 2002. № 3(20). С. 99.

Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародная помощь фронту. М.: Наука, 1982.

Колесников А. Советский флирт с профитом: история вопроса // Forbes. 2012. 10 сент.

Константинов С. «Я ведь не политик, я — инженер» // Независимая газета. 2001. 8 февр.

Косыгин: Каталог историко-документальной выставки [Москва, 2016] / организаторы выставки: ГА РФ и другие; научный руководитель проекта С. В. Мироненко (ГА РФ). М.: Кучково поле, 2016.

Косыгин А. Как проводит снижение цен Киренский Рабкооп // Ленская правда. 1927. 7 мая.

Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. М.: Политиздат, 1980.

Косыгин А. Н. Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 годы. М.: Политиздат, 1966.

Косыгин А. Н. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы. М.: Политиздат, 1972.

Косыгин А. Н. Задачи текстильщиков в третьей сталинской пятилетке: Речь на XVII съезде ВКП(б). М.; Л.: Государственное изд-во легкой промышленности, 1939.

Косыгин А. Н. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1974.

Косыгин А. Н. К великой цели: Избранные речи и статьи: В 2 т. М.: Политиздат, 1979.

Косыгин А. Н. О государственном плане развития народного хозяйства на 1965 год: Доклад и заключительное слово на пятой сессии Верховного Совета СССР 11 декабря 1964 г. М.: Политиздат, 1964.

Косыгин А. Н. О государственном пятилетнем плане развития

народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы и о государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1972 год: Доклад и заключительное слово на третьей сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва. М.: Политиздат, 1971.

Косыгин А. Н. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 сентября 1965 года. М.: Политиздат, 1966.

Косыгин А. Н. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы: Доклад XXV съезду КПСС 1 марта 1976 года. М.: Политиздат, 1976.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7: 1938–1945. М.: Политиздат, 1985; Т. 10: 1961–1965. М.: Политиздат, 1986.

КПСС и советско-итальянские отношения в 1953–1970 гг. М.; СПб.: Нестор-история, 2019.

Кривошеина Н. А. Три четверти нашей жизни. М.: Русский путь, 2017.

Кришталь В. В. Алексей Николаевич Косыгин: «Я ведь не политик, я инженер» // Экономическое возрождение России. 2007. № 4. С. 87–93.

Кудашин А. С. Партийная и государственная деятельность А. Н. Косыгина: 1939–1980 гг.: Дис. … канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2005.

Кудашин А. С. Роль А. Н. Косыгина в событиях, связанных с отстранением Н. С. Хрущева от власти // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы докторантов, аспирантов и соискателей за 2004 г. М.: МПГУ, 2004.

Куманев Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945. М.: Наука, 1988.

Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005.

Курганов О. «Дело» и дело Иоханнеса Хинта // Известия. 1994. 17 дек.

Лазарева Л. Н. К вопросу о принципах экономической реформы в СССР 1965 года // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 3. С. 157–161.

Лазарева Л. Н. «Реформа Косыгина» 1965 года в зеркале современной научной литературы // Вестник Московского государственного областного университета. 2008. № 3. С. 110–

115.

Лазарева Л. Н. Экономическая реформа А. Н. Косыгина — предпосылки, причины, результаты, следствие: Дис. … канд. ист. наук. М.: МГОУ, 2011.

Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М.: ИИУ МГОУ, 2021.

Латов Ю. В. «Косыгинские» реформы — упущенная возможность «дэнсяопинизации» советского общества? // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3. С. 424–439.

Левичева И., Петров Ю., Татаринов С. Денежная реформа 1947 года: неизвестные подробности // Родина. 2011. № 1. С. 50–54.

Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи: В 3 т. М.: Историческая литература, 2016.

Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро: Политическая биография. М.: Терра — Книжный клуб, 1998.

Либерман Е. План. Прибыль. Премия // Правда. 1962. 28 июля. (Переизд.: Либерман Е. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 420–432.)

Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1.

Люди хотят знать: История создания «Блокадной книги». СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2021.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М.; Ярославль: НОРД, 2004.

Максименков Л. Переговоры, которые удержали СССР и КНР от войны // Огонек. 2019. № 35. С. 20.

Максименков Л. Усвоенные уроки: Как повышение цен в 1970 году привело к политическому кризису в Польше // Огонек. 2020. № 50. С. 22.

Маньков А. Г. Дневники тридцатых годов. СПб.: Европейский дом, 2001.

Материалы к неделе фронта труда. (Тезисы Главкомтруда для агитации на фронте труда) // Боевая правда. 1920. 9 мая.

Матсов М. Последнее слово Хинта // Дружба народов. 1990. № 3. С. 190–222.

Медведев Р. А. Н. Косыгин: штрихи к политической биографии // Правда. 1991. 3, 5 авг.

Медведев Р. А. Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева. М.: Новости, 1991. Кн. 1.

Микоян А. И. В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 31–38.

Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999.

Минцлов С. Р. Петербург в 1903–1910 гг. Рига: Книга для всех, 1931.

Миронов И. Электрификация сельского хозяйства // Боевая правда. 1920. 25 мая.

Млечин Л. Брежнев: Разочарование России. М.; СПб.: Питер, 2012.

Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992.

Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия»; Стэнфорд: Гуверовский институт войны, революции и мира, 1998.

Москва военная, 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1995.

Москва прифронтовая, 1941–1942: Архивные документы и материалы. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001.

Мухитдинов Н. А. Годы, проведенные в Кремле: Воспоминания ветерана войны, труда и Коммунистической партии, работавшего со Сталиным, Маленковым, Хрущевым, Брежневым, Андроповым. Кн. 1: О деятельности ЦК КПСС и его Политбюро в 50-е годы. Ташкент: Издательство народного наследия им. Абдуллы Кадыри, 1994.

Мухитдинов Н. А. Река времени (от Сталина до Горбачева): Воспоминания. М.: Финансово-промышленная корпорация «РУСТИ-РОСТИ», 1995.

На дороге жизни. М.: Лениздат, 1975.

На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе. М.: Политиздат, 1990.

На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М.: Новый хронограф, 2008.

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012.

Обратного хода нет: Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки. М.: Политиздат, 1989.

Основные постановления первого общеорганизационного совещания Сибпотребкооперации 22–29 апреля 1926 года. Новосибирск: Сибкрайсоюз, 1926.

Отчетный доклад правления Сибкрайсоюза III-му собранию уполномоченных. Новосибирск: Типография Сибкрайсоюза, 1928.

Павлов В. Поражение: почему захлебнулась «косыгинская реформа» // Родина. 1995. № 11. С. 66–70.

Палажченко П. Профессия и время: Записки переводчика-

дипломата. М.: АНО РИД «Новая газета», 2020.

Переладов К. Г. На подступах к власти: Жизнь и деятельность Алексея Косыгина в Сибирском крае // Кооперация Сибири: факторы и условия устойчивого развития: Сб. научных статей. Новосибирск: Издательство Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК), 2003. Вып. 4. С. 147–157.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. М.: Издательство РАГС, 1998.

Попов Г. Эволюция советского экономического развития 1950–1960 годов. Ч. 1: Реформы Маленкова // Вести Экономика. 2020. 18 янв.

Попов Г. Х. Реформирование нереформируемого: Попытка Алексея Косыгина. М.: Международный университет в Москве, 2009.

Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2003.

Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А. Н. Косыгине: Сб. / сост. Т. И. Фетисов. М.: Республика, 1997.

Пушкарев В. С. Денежная реформа 1947 г. и «черный рынок» // Экономические реформы: уроки истории. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 244–256.

Пыжиков А. В. Опыт модернизации советского общества в 1953–1964 годах: общественно-политический аспект. М.: Издательский дом «Гамма», 1998.

Рабкин С. В. Реформы А. Н. Косыгина: Исторический аспект поиска невещественных факторов институционального развития // Genesis: Исторические исследования. 2015. № 5. С. 29–50.

Рокфеллер Д. Клуб банкиров. М.: Алгоритм, 2013.

Рыжков Н. И. Размышления о прошлом, настоящем и будущем. М.: Экономическая газета, 2012.

Савченко Д. П. Деятельность А. Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М.: РУДН, 2013.

Секретариат ЦК КПСС: Рабочие записи и протоколы заседаний, 1968 год. М.: Историческая литература, 2021.

Сенявский А. С. Хозяйственная реформа 1965 года // Хозяйственная реформа 1965 года: Причины, содержание, реализация, исторические уроки. М.: [Б. и.], 1989. С. 148–169.

Сеппянен Э. Президент У. К. Кекконен и премьер А. Н. Косыгин // Международная жизнь. 2007. № 1/2. С. 125–132.

Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931). Новосибирск: Институт истории Сибирского

отделения РАН, 2012.

Сирош Н. В. Реформы А. Н. Косыгина: Анализ и оценка с точки зрения современных экономических реформ // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Экономика и управление. 2013. Т. 26(65). № 1. С. 149–155.

Соболев Э. Н. Косыгинские реформы — невыученный урок истории // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 149–154.

Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1940. № 31.

Сорокин А. К. «Практический работник» Георгий Маленков. М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2021.

Соснин И. В. О торговле и кооперации на Лене. Иркутск: Иркутская секция научных работников, 1925.

Спутник практиканта Ленинградского кооперативного техникума Центросоюза: Сб. руководящих материалов к практике. Л.: [Б. и.], 1924.

Спутник слушателя Кооперативного техникума. Л.: Ленинградский кооперативный техникум Центросоюза, 1925.

Стенограмма торжественного собрания, посвященного 100-летию со дня рождения Алексея Николаевича Косыгина // Бюллетень отечественного товаропроизводителя (материалы, документы, информация). М., 2004. № 2.

100 лет со дня рождения А. Н. Косыгина: Стенограмма круглого стола // Труды Вольного экономического общества России. М.: Вольное экономическое общество России, 2004. Т. 45.

Суходрев В. М. Язык мой — друг мой: От Хрущева до Горбачева. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008.

Сушков А. «Ленинградское дело»: Генеральная чистка «колыбели революции». М.: Альфа-Принт, 2020.

Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: Личности и власть. Екатеринбург: УрО РАН, 2009.

Торговый договор со Швецией // Боевая правда. 1920. 25 мая.

Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства. М.: Республика — Современник, 1999.

Филиппов А. Алексей Косыгин: прагматический подход // Родина. 2007. № 1. С. 79–83.

Фирсов Ю. В. Косыгин и его время // Регионология. 2004. № 5/6. С. 56–82.

Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль — XXI. 2003. № 7. С. 52–56; № 8. С. 58–70; № 9. С. 103–124; № 12. С. 61–76.

Хлевнюк О. В. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.

Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М.: Госюриздат, 1958. Т. 3.

Цирлин А. Д., Бирюков П. И., Истомин В. П., Федосеев Е. Н. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М.: Воениздат, 1970.

Чазов Е. И. Здоровье и власть: Воспоминания кремлевского врача. М.: Центрполиграф, 2015.

Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах: Справочник. М.: Журнал «Родина», Научный центр «Руссика», 1996.

Чесноков Э. Алексей Косыгин — главный инженер СССР // История от «Русской семерки». 2016. № 5. [Электронное издание].

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: ТЕРРА — TERRA, 1991.

Чуянов А. С. Сталинградский дневник. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1968.

Шахурин А. И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1983.

Шевелев В. Он не любил панибратства // Московские новости. 1994. № 9.

Шелест П. Е. Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Ed. Q Квинтэссенция, 1994.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М.: Наука, 2006.

Шинкарев Л. Я это все почти забыл… Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М.: Собрание, 2008.

Шишкина Н., Яковлева И. Генеральный директор. Набережные Челны: Б. и., 2009.

Эшелоны идут на Восток. М.: Наука, 1966.

Яковлев А. Н. «Я был вождем индейского племени»: Интервью Е. Вайцеховской // Спорт-Экспресс. 1996. Дек.

Zemtsov I. Chernenko. The Last Bolshevik: The Soviet Union on the Eve of Perestroika. New Brunswik; New Jersey: Transaction Publishers, 1989.

Именной указатель

Абакумов В. С. 85, 86, 89, 103, 266
Абрамов С. В. 534
Абрамов С. М. 400, 534
Авен П. О. 455
Агаджанов К. А. 103
Агапов Г. С. 51, 52
Адамович А. 108
Аджубей А. И. 338
Айюб Хан М. 365
Аксютин Ю. В. 345, 423, 535
Александров-Агентов А. М. 418, 535
Алексей Михайлович 41
Алексей Николаевич, цесаревич 5
Аллен Р. С. 535
Аллилуева (Сталина) С. 282, 283, 284
Алмазов А. О. 101
Алхимов В. С. 458, 459
Алякринский А. П. 53
Андреев А. А. 91, 189, 199, 205, 208, 243, 257
Андреев И. М. 138
Андреотти Дж. 478, 479, 482–484, 535
Андриянов В. 48, 55–57, 164, 184, 195, 218, 445, 447, 513, 519, 535
Андропов Ю. В. 321–323, 325–327, 404, 412, 413, 440, 446, 451, 453, 504, 505, 515
Анисимова 184
Антонов М. 246, 535
Аньелли Дж. 481
Арбатов Г. А. 321, 322, 444, 535
Артемьев П. А. 124
Арутюнов Б. Н. 122, 155
Архипов И. В. 324
Архипова Т. Г. 535
Асланов А. О. 103

Бабкина Н. М. 423, 535
Баграмян И. Х. 113, 535
Бадаев Г. Ф. 251
Байбаков Н. К. 171, 324, 443, 444, 535
Банди М. 455
Барковский А. А. 399

Бауман Н. Э. 47
Белкин В. О. 535
Беляков А. В. 158
Бенедиктов И. А. 92
Бербасов М. В. 101
Березовский Б. А. 455
Берия Л. П. 89, 108, 109, 124, 134–136, 138, 141, 158, 186, 197, 199, 215, 221, 225, 245, 249, 250, 254, 257–259
Бим Дж. 417
Бирман А. М. 534, 536
Бирюков П. И. 150, 153, 543
Богатых А. 537
Богомолов А. 253, 536
Богуславский А. Р. 437, 536
Болдырев А. С. 101, 138–140, 152, 189
Болота О. 40
Бородаев В. А. 540
Боффа Д. 536
Брандт В. 436, 437
Браун Дж. 379
Брежнев Л. И. 12, 13, 42, 146, 277, 282, 283, 294, 299, 301, 302, 316, 319–322, 324, 328, 344, 345, 348, 350–352, 355–361, 369, 373–375, 382, 389–391, 402, 404, 413, 414, 418, 421, 427, 428, 431, 433, 440, 445, 446, 448, 452, 453, 480, 483, 487, 488, 492–495, 499, 517, 520, 524
Бродский М. С. 34
Булганин Н. А. 186, 189, 199, 243, 245, 252, 255–259, 274, 277, 280

Вайцеховская Е. 439, 544
Ваксер А. З. 424, 536
Ван И. 536
Вандышева О. 536
Ванзина (Меркушева) Е. П. 42
Ванзина Людмила 42
Ванзина Ляля 42
Василевский А. М. 124
Вахитов Ф. И. 158
Вахрушев В. В. 169, 209
Вдовин В. А. 41, 536
Вендрих О. И. 22, 538
Вербицкий А. Д. 251
Вильсон Г. 367, 368, 378, 379
Виноградов Н. А. 31

Витте С. Ю. 404, 405, 406, 407, 409
Вишневский С. А. 43
Владимир Александрович, великий князь 15
Власов И. В. 326
Власов М. Ф. 216, 227
Воейков М. И. 534
Воженин Б. В. 103
Вознесенский Н. А. 82, 118, 132, 134, 135, 141, 149, 186, 189, 195, 199, 205, 208, 215, 223, 227, 229, 245, 250, 252, 253, 265, 269, 326, 536
Волынец А. Н. 536
Волынский А. П. 17
Воробьев М. П. 146–149, 152–154
Воробьев Ю. Ф. 424, 536
Воронин К. П. 103
Воронов Б. А. 53
Воронов Г. И. 368
Воронов Н. Н. 106–108, 158
Ворошилов К. Е. 108, 109, 111, 158, 199, 203, 243, 245, 255, 257, 258, 277, 281, 282, 299
Врангель М. Д. 536
Вылинский 184
Вышинский А. Я. 186, 189, 194
Вэник 468, 492
Вяхирев С. В. 53

Гайдар Е. Т. 455, 456, 536
Гвишиани А. Д. 536
Гвишиани Д. М. 329, 452, 454, 456, 518
Гвишиани-Косыгина Л. А. 17, 23, 43, 44, 56, 57, 82, 221, 254, 269, 303, 381, 389, 408, 439, 476
Гвишиани-Косыгина Т. А. 445
Геншер Г.-Д. 519
Герек Э. 448
Гизатуллина Э. Ф. 536
Глушков В. М. 338, 340
Гоголев В. Ф. 103
Гойхбарг А. Г. 204
Голев Я. И. 204, 215, 223
Голиков Ф. И. 124
Голль Шарль де 382, 416
Голованов А. Е.
Гомулка Вл. 12, 448
Горчаков А. К. 101, 130, 131, 138

Горьков Ю. А. 103, 536
Гранин Д. 17, 108, 109, 111, 122, 138, 139, 403, 537
Грегори П. 537
Гречко А. А. 410
Григорьев П. В. 64
Громыко А. А. 321, 322, 324, 365, 378, 382, 399, 403, 418, 437, 462, 499, 504, 505, 515, 520, 537
Гругман Р. А. 284, 537
Грушко В. Ф. 452, 537
Губанов С. 424, 537
Гусаров А. Ю. 17, 537
Гуськов А. М. 284, 537

Давыдов А. Ю. 34, 537
Данилов А. А. 537
Данилов-Данильян В. И. 455
Двинской 227
Дегтярь Д. Д. 166, 168
Дегтярь М. В. 409
Джексон 492
Джонсон Л. 13, 368, 382–384, 399, 400, 416
Добрынин А. 457–459
Дроздов В. В. 537
Дубровин Н. Ф. 85, 86
Дубчек А. 410–413
Дымшиц В. Э. 324
Дьяченко В. П. 204
Дэн Сяопин 5, 526

Егорова М. И. 8, 17
Ежов Н. И. 69
Ермолин П. А. 155
Ершов В. Н. 537

Жаворонков Г. В. 216
Жданов Л. А. 56, 60, 65–67, 69–71, 76, 80, 136–138, 143, 160, 220, 221, 225, 239, 240, 249, 250, 252, 253, 256, 257, 266, 267, 274, 326, 327, 529
Желинин Я. А. 103
Желябов А. И. 9, 54, 60, 61
Жигарев П. Ф. 107, 108
Жизневский И. 44, 537
Жирнов Е. 459, 537
Жуков А. Д. 455

Жуков Г. К. 94, 111, 277, 390–392, 394

Закржевская М. В. 251
Залесский К. А. 537
Замостьянов А. А. 537
Захаров М. В. 106
Зверев А. Г. 203–206, 215, 216, 223, 225, 236, 246, 338, 407, 537
Зеленский А. Ф. 51, 52, 55
Зембатов М. Р. 236
Зимина 267
Зимянин М. В. 413
Зиновьев Г. Е. 249
Золотай П. А. 424, 450, 538
Зотов В. П. 92, 126
Зубов В. Т. 103
Зурабов М. Ю. 455

Ивкин В. И. 537
Игнатов А. А. 152
Игнатов Н. Г. 426
Истомин В. П. 150, 153, 543
Ичин К. 22, 538

Каганович Л. М. 7, 69, 72, 78, 85, 86, 88, 93–95, 103, 124, 132, 135, 141, 186, 189, 199, 243, 250, 255–259, 276, 277, 281, 538, 540
Калинин М. И. 69, 185, 206
Калягин А. Я. 152
Капустин Я. Ф. 249, 250, 255
Карпов А. Г. 117, 140, 340
Карпов В. В. 391
Карпоносов А. Г. 158
Карппинен А. 365
Картер Дж. 483
Каценелинбойген А. И. 444
Кекконен У. К. 13, 404
Кендалл Д. 457–459
Кириленко А. П. 368, 394, 433, 445, 504
Кириллин В. А. 518
Кириченко А. И. 277
Киров С. М. 9, 10, 55, 56, 70,
Кирпиченко В. 403, 404
Кирпичников П. И. 86
Ковалев И. В. 246

Ковалев Ф. И. 64
Ковальская Т. В. 43, 538
Ковальчук В. М. 424, 536
Козлов Ф. Р. 277, 299, 301, 302
Козловский Е. А. 328
Козуб К. 516, 517
Козырев С. П. 303, 308
Козырин П. Н. 64
Колесник А. Д. 7, 538
Колесников А. 360, 447, 538
Колосов Г. М. 103
Комаров 266
Кондратьев Н. Д. 46
Константинов С. 345, 394, 413, 538
Копенкина Л. В. 172
Корнилов Л. Г. 21
Кортунов А. К. 324
Костандов Л. А. 324
Косыгин И. Т. 17
Косыгин Н. И. 8, 12, 15, 16, 17, 19–21, 24, 26, 29, 31, 34, 56, 123, 275, 276
Косыгин П. Н. 8, 16, 20, 24, 29, 31, 51
Косыгина (Сорокина) А. В. 34
Косыгина (Кривошеина, Ванзина) К. А. 9, 13, 42, 44, 56, 57, 60, 81, 123, 217, 218, 219, 230, 251, 254, 269, 275, 296, 303, 387, 389, 404, 519
Косыгина (Алексеева) М. А. 8, 15, 16, 17
Косыгина М. Н. 8, 16, 17, 21, 275, 123
Косыгина П. И. 17
Котовский Г. И. 18
Кривошеина Н. А. 539
Кришталь В. В. 539
Круглов С. Н. 85, 211, 216, 225
Крылов И. А. 93
Крячков А. Д. 45
Кудашин А. С. 424, 539
Кудряшов А. И. 124
Кузакова А. 44
Кузнецов А. А. 67, 137, 205, 245, 247–253, 255, 256, 265, 266, 269
Кузнецов Н. Г. 107, 108
Кузьмин И. И. 311
Куманев Г. А. 83, 89, 93, 94, 119, 325, 453, 539
Курбаткин П. Н. 251

Курганов О. 377, 539
Куренский М. К. 53
Курзенков С. Г. 395, 397
Курмашев И. В. 161
Куусинен О. В. 301, 326

Лавренов С. Я. 385
Лазарева Л. Н. 7, 340, 342, 352, 424, 539
Лазутин П. Г. 137, 250
Латов Ю. В. 424, 526, 539
Левичева И. 211, 540
Ленин В. И. 29, 240, 245, 252, 450, 504
Леонов Н. С. 540
Либерман Е. Г. 329–340, 540
Литошенко Л. Н. 46
Ломагин Н. А. 540
Лукин С. Г. 92
Лукьянов А. И. 445
Любимов А. В. 214, 223, 225, 227, 231
Любимов И. Е. 74
Лядский 184
Ляховский А. А. 503, 505, 514, 540

Мазуров К. Т. 324, 378
Максарев Ю. Е. 114, 183
Максименков Л. 323, 420, 448, 449, 540
Маленков Г. М. 7, 69, 76, 99, 107–109, 124, 134, 136, 141, 158, 189, 199, 212, 215, 221, 225, 243, 245, 250, 255, 257–259, 263, 264, 276, 277, 280, 540
Малиновский Р. Я. 301, 365
Малышев В. А. 78, 118, 186, 189
Малявин Г. А. 101
Маньков А. Г. 57, 540
Мао Цзэдун 46, 220, 252, 313
Марков П. Г. 43
Мартышев В. К. 123
Матвеев А. В. 32
Матвеев-Бодрый Н. Н. 32
Матсов М. 377, 540
Маттарелло Б. 308
Мацкевич В. В. 370, 372
Машеров П. М. 520
Медведев Р. А. 540
Медичи Дж. 483

Мельников Г. Е. 103
Мехлис Л. З. 111, 129, 186, 189, 216
Микоян А. И. 78, 89–92, 95–97, 103, 111, 118, 124, 126, 130, 132, 136, 155, 158, 160, 186, 189, 199, 202, 205, 215, 216, 223, 225, 245, 252, 257–259, 269, 277, 299, 301, 302, 319, 322, 540
Микоян С. А. 269
Миллер Г. Ф. 41
Минаев Л. 35
Минцлов С. Р. 15, 540
Мироненко С. В. 538
Миронов И. 540
Митропольский Е. К. 53
Митрохин Н. 518
Млечин Л. 255, 540
Млынарж З. 410, 412, 431, 540
Модлинг Р. 304
Молотов В. М. 7, 56, 69, 71, 74, 76, 91, 104, 107–109, 124, 141, 158, 180, 186, 188, 189, 199, 206, 209, 211–215, 220, 221, 225, 245, 257–259, 276, 277, 280, 281, 540
Монахов А. Д. 53, 62
Моро А. 308
Москатов П. Г. 79
Мухитдинов Н. А. 277, 299, 541

Невский 227
Неизвестный Э. 316
Немчинов В. С. 338
Ненни П. 308
Николай II 5, 15
Николс 164
Никсон Р. 13, 461, 463, 466, 467, 488
Новиков В. Н. 118
Новиков И. Т. 324
Новиков Ф. 35
Нуриев З. Н. 324

Ойзерман Т. И. 388, 454
Октябрьская Р. 220
Октябрьский Ф. С. 219, 220
Ольсевич Ю. 537
Оника Д. Г. 169

Павлов В. 424, 541
Палажченко П. 461, 541

Палах Я. 414, 415
Панкратов И. И. 35, 37, 39
Патоличев Н. С. 324, 458
Патон Е. О. 183
Пелипейко Т. 232
Пельше А. Я. 394
Первухин М. Г. 78, 89, 90, 103, 118, 186, 189, 276
Переладов К. Г. 37, 48, 541
Пересыпкин И. Т. 118
Перов Г. В. 253
Петров Б. Ф. 220
Петров Ю. 211, 540
Петровский А. Н. 69
Питерский А. М. 216
Пихоя Р. Г. 535, 538, 541
Плешанов П. Н. 43
Поволоцкий Л. И. 53
Подгорный Н. В. 12, 13, 301, 302, 321, 328, 382, 394, 427, 428, 433, 440, 445, 446, 487, 488
Полянский Д. С. 299, 378, 403, 429
Пономарев Б. Н. 462, 505
Пономаренко П. К. 111, 252, 256
Попков П. С. 85, 134, 247–250, 255, 265, 269
Попов 227
Попов Г. 207, 264, 541
Попов Г. М. 213, 245, 251
Попов Г. Х. 5, 541
Попов И. М. 385
Порошин Е. М. 103
Поскребышев А. Н. 148, 219
Претти Л. 306
Примаков Е. М. 400
Прокопович С. Н. 46
Пронин В. П. 83, 85, 124, 136
Пузаков В. 48
Пушкарев В. С. 205, 542
Пушкин А. С. 532
Пыжиков А. В. 537, 542

Рабкин С. В. 424, 542
Ракитская Э. 537
Раск Д. 382
Роджерс У. П. 461, 463, 464, 466–468
Родионов М. И. 248–250, 255

Розенбаум С. А. 53
Рокфеллер Д. 319, 456, 457, 470, 484, 487, 489, 492, 493, 542
Романов П. К. 392
Руденко Р. А. 254, 265–267
Румянцев А. М. 338
Рыжков Н. И. 442, 446, 451, 542
Рыков А. И. 9, 47, 51
Рыловников-Рыльский [Т. И.] 129

Сабуров М. З. 103, 155, 189, 199, 276
Савченко Д. П. 7, 127, 128, 141, 142, 146, 542
Сайков Е. А. 34
Салтыков М. И. 103
Сарагат Дж. 308
Сванидзе Н. К. 455
Селиванов А. Н. 43
Семенов С. Е. 78
Семичастный В. Е. 283, 284, 315, 316
Сеньи А. 308
Сенявский А. С. 542
Сеппянен Э. 542
Серов И. А. 277
Сингх Браджеш 282–284
Сирош Н. В. 424, 542
Славский Е. П. 324
Смирнов А. И. 398
Смирнов В. П. 93, 126
Смиртюков М. С. 92, 324, 517, 518
Соболев Э. Н. 424, 542
Собянин Н. П. 34
Соколовский В. Д. 86
Соколовский В. Н. 328
Соловьев Н. В. 251, 255
Сорокин А. К. 264, 542
Соснин И. В. 41, 542
Сталин В. И. 281
Сталин И. В. 47, 56, 66, 68, 71, 74, 76, 79, 80, 83, 91, 93, 98, 100, 106, 109, 111, 114–116, 118, 119, 124, 126, 129, 134–137, 140, 143–148, 151, 154, 156, 157, 159, 160, 180, 188, 195, 199, 203–207, 209–213, 215–225, 227, 229, 234–236, 240, 244, 246, 250, 253–261, 263, 264, 274, 276, 281, 284, 311, 313, 322, 327, 363, 392–394, 512
Степанов А. 171
Степанов А. П. 101
Столыпин П. А. 526

Стриковский Л. С. 38, 39
Струмилин С. Г. 338, 339
Стуколов С. Н. 8, 17
Стэнс М. 458
Стюарт М. 362, 363
Суслов М. А. 245, 251, 256, 277, 301, 368, 391, 445, 484, 518
Суходрев В. М. 389, 439, 475, 543
Сушков А. В. 313, 543

Тараки Н. М. 500–505, 508–514, 538
Тарасов А. М. 481
Татаринов С. 211, 540
Тевосян И. Ф. 78
Телегин К. Ф. 124
Тимошенко С. К. 157, 158
Тихонов Н. А. 324, 325, 446, 451, 453, 515
Томпсон Л. 382, 383
Томпсон Т. 457
Томский Н. В. 485
Трубецкой Н. И. 94
Трюдо М. 439
Трюдо П. Э. 439
Турко И. М. 251
Тыркова (Тыркова-Вильямс) А. В. 15

Улуотс Ю. 78
Урицкий М. С. 56
Устинов Д. Ф. 324–327, 435, 446, 480, 504, 505, 509, 515

Фалин В. М. 543
Фанфани А. 306, 307, 308, 310
Федоренко Н. П. 444
Федосеев Е. Н. 150, 153, 543
Фельдман М. В. 361
Фетисов Т. И. 541
Филимонов В. П. 124
Филиппов А. 366, 424, 499, 543
Фирсов Ю. В. 424, 543
Флэниган П. 464, 466
Фомин 227
Фурцева Е. А. 369

Хальштейн В. 436
Ханин Г. И. 424, 450, 543

Ханин Ю. И. 43
Хачатурян А. И. 300, 389, 390
Хинт Й. А. 377
Хлевнюк О. В. 199, 543
Хломов М. Д. 101
Хо Ши Мин 419
Хозин М. С. 137
Хохлов И. С. 216
Хрулев А. В. 92
Хрущев Н. С. 12, 42, 98–101, 134, 207, 250, 253, 257–259, 264, 265, 267, 268, 274, 276, 277, 279–281, 284, 286–290, 293, 299, 301, 302, 311, 313, 315, 316, 322, 338, 353, 391, 431, 443, 457
Хрущев С. Н. 285, 316, 426
Худенко И. Н. 375, 376, 377

Цинь Шихуан 46
Циранкевич Ю. 12
Цирлин А. Д. 150, 153, 543
Цисарж Ч. 411, 412
Цукерман С. 455

Чазов Е. И. 543
Чаянов А. В. 46
Черкасов Н. К. 70, 71
Чернев А. Д. 543
Черненко К. У. 520
Чернецов 267
Черчилль У. 305, 367
Чесноков Э. 424, 543
Четвериков Н. И. 158
Чехов А. П. 185
Чжоу Эньлай 13, 252, 384, 419, 420
Чувахин Д. С. 398
Чуев Ф. 281, 543
Чуянов А. С. 157, 172, 173, 543

Шамс эд-Дин Бадран 397, 400
Шапошников Б. М. 83, 85
Шастри Л. Б. 365, 366
Шаталин С. С. 444, 455
Шахурин А. И. 119, 179, 543
Шашин В. Д. 489, 491
Шашков З. А. 126
Шверник Н. М. 85, 95, 106, 115, 116, 118, 119, 124, 155, 189,

205, 208, 277
Шевелев В. 543
Шевлягин Д. П. 390
Шеель В. 437
Шелепин А. Н. 322, 433
Шелест П. Е. 284, 345, 368, 429, 543
Шепилов Д. Т. 276
Шестаков В. А. 543
Шестаков В. И. 70, 71
Шинкарев Л. 413, 416, 543
Широградский А. 518
Шишкина Н. 484, 544
Шмидт Г. 519
Шолохов М. А. 389

Щаденко Е. А. 111, 158
Щербаков А. С. 119, 124

Эйхе Р. 47
Энгельс Ф. 56

Яковлев А. Н. 439, 544
Яковлев Е. Н. 53
Яковлев Н. Д. 118, 158
Яковлева И. 484, 544
Ярошевич П. 448
Ящук Б. 448

Zemtsov I. 445. 544

notes

Примечания

1

АвтоВАЗ между прошлым и будущим: История Волжского автомобильного завода, 1966–2005 гг. М., 2006;

Денежная реформа в СССР 1947 года: Документы и материалы. М., 2010;

Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародная помощь фронту. М., 1982;

Косыгин: Каталог историко-документальной выставки. М., 2016;

Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: Предпосылки, ход, итоги. М., 2021;

Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998;

Москва военная, 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995;

Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. М., 2003. Т. 1;

Савченко Д. П. Деятельность А. Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 2013;

Секретариат ЦК КПСС: Рабочие записи и протоколы заседаний, 1968 год. М., 2021; URL: http://kosygin.rusarchives.ru/

Минцлов С. Р. Петербург в 1903–1910 г. Рига, 1931. С. 69–70.

3

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 61.

4

«Северная газета» еще в 1834 году писала, что название петербургского района «Коломна» принесено мастеровыми из села Коломенского (выходцами из той же подмосковной Коломны), переселенными в российскую столицу в самом начале 1830-х годов. Традиции сохранились и в XX столетии: выходцы из Коломенской губернии селились в «Коломне».

5

См.: *Гусаров А. Ю.* Путеводитель по Петербургу: Увлекательные экскурсии по Северной столице. М., 2016. С. 58.

6

Гранин Д. Запретная глава // *Гранин Д.* Чужой дневник. М., 2018. С. 25.

7

ЦГА СПб. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 107. Л. 1 об. (Только в 1952 году улица была переименована в честь Григория Котовского.)

8

В первые годы советской власти училище стало 1-й Советской трудовой школой.

Косыгин А. Н. К великой цели: Избранные речи и статьи. М., 1979. Т. 2. С. 495.

10

Рабочая и крестьянская Красная армия и флот. 1918. 30 апр.

11

Ичин К. Петроград в 1919 году в воспоминаниях Ольги Ивановны Вендрих // Русское зарубежье и славянский мир. Руска дијаспора и словенски свет. Белград, 2013.

12

РГВА. Ф. 15123. Оп. 3. Д. 8. Л. 120 об. Документ опубликован на сайте: https://kosygin.rusarchives.ru/

13

РГВА. Ф. 33594. Оп. 1. Д. 12. Л. 86 об. Документ опубликован на сайте: https://kosygin.rusarchives.ru/

14

Материалы к неделе фронта труда. (Тезисы Главкомтруда для агитации на фронте труда) // Боевая правда. 1920. 9 мая.

15

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 5.

16

Боевая правда. 1920. 28 авг.

17

ЦГА СПб. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 107. Л. 2. (Косыгин учился на счетоводно-ревизионном отделении.)

18

В 1924 году был переименован: Кооперативный техникум северо-западного областного отделения Всероссийского центрального союза потребительского общества.

19

Буква «н» в оригинале пропущена, видимо, А. Н. Косыгин очень волновался.

20

ЦГА СПб. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

21

Вклад А. Н. Косыгина в развитие государственного управления СССР. М., 2021. С. 31.

Спутник слушателя Кооперативного техникума. Л., 1925.

23

ЦГА СПб. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 107. Л. 1 об.

24

Спутник слушателя Кооперативного техникума. С. 240–241.

25

Спутник слушателя Кооперативного техникума. С. 240–241.

Давыдов А. Ю. Кооператоры советского периода в годы нэпа. СПб., 2011. С. 98.

27

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9088. Оп. 1. Д. 1580. Л. 66 об.

28

ЦГА СПб. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 109. Л. 6 об.

29

Панкратов Иван Иванович (1886–1962) — кооператор, большевик. В конце 1926 года перебрался в Москву (см.: РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 589. Л. 15; Ф. 4108. Оп. 1. Д. 32. Л. 197).

30

Отчетный доклад правления Сибкрайсоюза. Новосибирск, 1928. С. 3.

31

См.: *Переладов К. Г.* На подступах к власти: Жизнь и деятельность Алексея Косыгина в Сибирском крае // Кооперация Сибири: факторы и условия устойчивого развития: Сб. научных статей. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 147–157.

32

Основные постановления первого общеорганизационного совещания Сибпотребкооперации 22–29 апреля 1926 года. Новосибирск, 1926.

Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.): Сб. документов. Новосибирск, 2012. С. 340.

Там же. С. 359–362.

35

Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А. Н. Косыгине М., 1997. С. 181.

36

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-9088. Оп. 1. Д. 1580. Л. 66–66 об.

Соснин И. В. О торговле и кооперации на Лене. Иркутск, 1925.

Вдовин В. А. Киренский район. Иркутск, 1959. С. 8–44.

39

В 1925 году Новосибирским окружным комитетом Косыгин был принят кандидатом в члены ВКП(б).

Правильнее сказать — родилась на заимке переселенцев, так как само Черепаново (как населенный пункт) появилось только в 1912 году.

41

Ковальская Т. В. Учительская семинария — педтехникум // Земля Иркутская. 2002. № 3(20). С. 99.

42

Косыгин А. Как проводит снижение цен Киренский Рабкооп // Ленская правда. 1927. 7 мая.

Жизневский И. Киренский округ // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. С. 674–675.

44

ЦГА СПб. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 20а. Л. 18.

45

Речь идет о Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана.

Андрианов В. Косыгин. М., 2004. С. 27.

Переладов К. Г. На подступах к власти. С. 155.

48

В автобиографии (от 7 июля 1937 года) Косыгин писал, что «был отпущен для учебы „по моему заявлению“» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 5).

Может, сыграло свою роль то, что Павел Николаевич Косыгин был директором рабфака Красногвардейского района Ленинграда.

50

ЦГА СПб. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 20а. Л. 19.

51

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 6–7.

Отдел культуры и пропаганды ленинизма.

53

ЦГА СПб. Ф. 9492. Оп. 1. Ф. 20а. Л. 5.

Андрианов В. Косыгин. С. 50.

Правда. 1934. 25 мая.

Цит. по: *Андриянов В.* Косыгин. С. 49–50.

Маньков А. Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001. С. 18, 20–21, 26, 30, 89, 91, 93, 110, 130.

Андрианов В. Косыгин. С. 49.

59

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 12.

Там же. Л. 5 об.

61

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 1030. Л. 113 (подпись под решением А. А. Жданова).

62

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420046/2. Л. 18.

Имени Октября: История прядильно-ткацкой фабрики «Октябрьская». Л., 1986. С. 40–43.

Коммерсантъ-Власть. 2011. 22 авг.

65

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 1334. Л. 3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1197. Л. 146.

21 августа 1938 года Петровский был арестован, в 1939-м — расстрелян.

67

ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 550. Л. 123.

В Наркомате легкой промышленности остались предприятия кожевенно-обувной, дубильно-экстрактовой, по производству кожзаменителей, меховой, стекольной (хозяйственно-бытовое стекло), валяльно-войлочной, швейной, галантерейной, первичной обработки пеньки, хлопкоочистительной отраслей, по производству вспомогательных материалов для легкой промышленности и строительные организации.

Правда. 1939. 3 янв.

Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1940. № 31. С. 1031.

71

Премьер известный и неизвестный. С. 235.

72

Любимов Исидор Евстигнеевич (1882–1937) — в 1932–1937 годах нарком легкой промышленности. В 1935 году был награжден орденом Ленина за успехи в развитии отрасли. В 1937-м арестован, осужден и расстрелян.

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), 10–21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939. С. 400–405.

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), 10–21 марта 1939 г. С 315, 498.

75

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 12. Л. 40.

На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 257.

77

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 36. Л. 76.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 166. Л. 126.

79

На приеме у Сталина. С. 303–304.

Семенов С. Е. Присоединение Прибалтики к СССР. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/

81

На приеме у Сталина. С. 316.

82

На приеме у Сталина. С. 323.

83

Там же. С. 328.

Вознесенский Н. А. Избранные произведения, 1931–1947. М., 1979. С. 504, 582.

85

Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 8; ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 224; Оп. 25. Д. 120; Оп. 27. Д. 244.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 20. Л. 190.

См. об этом: *Микоян А. И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3.

88

ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 550. Л. 1, 3–4.

89

Там же. Л. 1–2.

90

В 1941 году М. Г. Первухин занимал посты заместителя председателя СНК СССР и председателя Совета по топливу и электрохозяйству при СНК СССР.

91

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 60.

Эшелоны идут на Восток. М., 1966. С. 72.

93

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 222.

94

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 3; ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 22. Л. 212.

Микоян А. И. Так было. М., 1999. С. 394.

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 69.

97

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 315.

99

13 февраля 1942 года Н. И. Трубецкого приговорили к смертной казни, а 23 февраля расстреляли в Саратове. Семья — жена и четверо детей — были сосланы в Красноярский край, где провели 15 (!) лет. После посмертной реабилитации Н. И. Трубецкого Г. К. Жуков смог помочь его семье вернуться в Москву и получить квартиру.

Каганович Л. М. Памятные записки. М., 2003. С. 8; Коммерсантъ-Власть. 2006. № 12. С. 68.

101

Эшелоны идут на Восток. С. 208–209.

102

Только в течение одной недели — с 28 июня по 4 июля 1941 года (согласно отчетам отделов НКВД) — на близлежащих к Москве железнодорожных станциях было задержано для проверки более 49 тысяч человек, из них были арестованы по разным причинам 2116 человек (см.: ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 200. Л. 20–37).

103

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 22. Л. 357–361.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 206–207.

105

Имеется в виду речь И. В. Сталина от 3 июля 1941 года.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 207–208.

107

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

108

Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 28.

109

ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 195. Л. 46.

110

РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 2. Д. 956. Л. 87–88.

111

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 5. Л. 150–152.

112

На приеме у Сталина. С. 347.

113

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 862. Л. 5.

Воспоминания эти собирались для «Блокадной книги», готовящейся Д. Граниным и А. Адамовичем, но в окончательный текст книги они не вошли.

115

Гранин Д. Запретная глава. С. 14–15.

116

ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 201.

117

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 211–212.

118

На приеме у Сталина. С. 349.

119

Гранин Д. Запретная глава. С. 15.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1971. С. 398.

121

В феврале 1942 года по распоряжению И. В. Сталина Максарев (тогда директор Танкового завода имени Коминтерна в Нижнем Тагиле) был снят с должности за невыполнение плана выпуска танков, его намеревались отдать под суд. Директора спас первый заместитель народного комиссара танковой промышленности, в дело вмешался и А. Н. Косыгин, давший Максареву прекрасную характеристику.

122

На приеме у Сталина. С. 353.

Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983. С. 121.

См.: *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6.

125

ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 452. Л. 154.

126

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 8062. Л. 58.

127

Гранин Д. Запретная глава. С. 19.

128

Премьер известный и неизвестный. С. 85.

129

ЦАОПИМ. Ф. 5196. Д. 1500. Л. 252.

130

Эшелоны идут на Восток. С. 213–214. См. также: Стенограмма беседы с начальником движения Ленинградской железной дороги В. П. Филимоновым // ЦАОПИМ. Ф. 5196. Д. 1500. Л. 252–256. Опубл.: Москва прифронтовая, 1941–1942: Архивные документы и материалы. М., 2001. С. 280–283. По мнению В. П. Филимонова, «16–17 октября… самый главный план [по эвакуации Москвы. — *В. Т.*] был выполнен».

131

ЦАОПИМ. Ф. 5196. Д. 1500. Л. 252. Опубл.: Москва прифронтовая. С. 280.

132

На приеме у Сталина. С. 354.

133

Там же. С. 354–355.

134

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 176.

135

Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 94.

Москва военная. С. 139.

137

ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 408. Л. 17–27; *Савченко Д. П.* Деятельность А. Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. … канд. ист. наук. М., 2013. Приложения. С. 285.

Савченко Д. П. Деятельность А. Н. Косыгина… Л. 87.

139

ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 495. Л. 110–111, 116.

140

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 10. Л. 57. По другим данным — 2,5 миллиона человек. См.: Там же. Ф. 5196. Д. 1500. Л. 264. Опубл.: Москва военная. С. 355; Москва прифронтовая. С. 283–284.

141

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 4. Л. 105. (Резолюция: «Разослать товарищу Мехлису, товарищу Косыгину»; стоит дата «14 XI-41 года» и пометка о том, что Алексей Николаевич с письмом был ознакомлен.)

Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. М., 1980.

143

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 4. Л. 110.

Там же. Д. 5. Л. 125–128.

145

ГА РФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 481. Л. 152.

146

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 30. Л. 179.

147

РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 2988. Л. 277; Д. 3980. Л. 14, 27, 123, 130; Д. 4038. Л. 5–6, 19, 30.

148

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 30. Л. 199.

149

На приеме у Сталина. С. 360.

Кстати, В. П. Пронин порой, разбирая поступавшие к нему обращения, писал на последних, что тот или иной вопрос может решить *только Косыгин* (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 4. Л. 3).

Коммерсантъ-Власть. 2006. № 12. С. 68.

152

Премьер известный и неизвестный. С. 88.

153

Гранин Д. Запретная глава. С. 31.

См.: Люди хотят знать: История создания «Блокадной книги». СПб., 2021. [Электронный вариант].

155

Премьер известный и неизвестный. С. 89.

Гранин Д. Запретная глава. С. 30.

157

Там же. С. 28.

158

Премьер известный и неизвестный. С. 90.

159

См.: *Савченко Д. П.* Деятельность А. Н. Косыгина… С. 117.

160

На приеме у Сталина. С. 362.

161

Савченко Д. П. Деятельность А. Н. Косыгина… С. 280. (Составлено Д. П. Савченко по данным ЦАМО РФ: Ф. 217. Оп. 1221. Д. 630.)

162

Премьер известный и неизвестный. С. 91.

163

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 48. Л. 162–163.

164

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 13. Л. 3; Д. 14. Л. 65–66.

165

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 54. Л. 144.

На основании данных: АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 430. Л. 98–99. Документ опубликован на сайте: https://kosygin.rusarchives.ru/

167

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 80. Л. 167.

168

Там же.

Савченко Д. П. Деятельность А. Н. Косыгина… С. 44.

170

РГАЭ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 35. Л. 32.

171

Воробьев Михаил Петрович (1896–1957) — советский военачальник. С января 1942 по май 1943 года — заместитель наркома обороны СССР по инженерным войскам, начальник инженерных войск СССР. В 1942 году — генерал-майор инженерных войск СССР, с 1944 года — маршал инженерных войск СССР.

Так в документах того времени именовали иногда Государственный комитет обороны СССР (ГКО СССР).

173

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 63. Л. 165.

Там же.

175

Цирлин А. Д., Бирюков П. И., Истомин В. П., Федосеев Е. Н. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970. С. 362.

176

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 12.

177

На приеме у Сталина. С. 375.

178

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 802. Л. 19–20.

179

РГАЭ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 36. Л. 13–14.

180

РГАЭ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 36. Л. 12–13.

181

Премьер известный и неизвестный. С. 96.

182

См.: РГАСПИ. Ф. 464. Оп. 2. Д. 63. Л. 163–168; Д. 61. Л. 1–19.

183

Цирлин А. Д., Бирюков П. И., Истомин В. П., Федосеев Е. Н. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. С. 369.

184

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 863. Л. 31.

185

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 80. Л. 167.

Там же. Д. 72. Л. 77–78.

187

Эшелоны идут на Восток. С. 216.

Чуянов А. С. Сталинградский дневник. Волгоград, 1974. С. 54.

189

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 12. Л. 12.

190

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 243. Л. 13.

Там же. Л. 18.

192

Курмашев Иван Васильевич — с 1940 года заместитель наркома угольной промышленности СССР, в 1942–1945 годах начальник Главснабугля при Совнаркоме СССР.

193

См.: *Косыгин А. Н.* В едином строю защитников Отчизны. [Электронный вариант].

194

Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. [Электронный вариант].

Цит. по: *Андрианов В. И.* Косыгин. М., 2003. С. 5.

196

ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 13. Д. 17. Л. 32, 175.

197

ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Т. 1. Д. 48. Л. 371.

198

Дегтярь Д. Д. Возрождение районов РСФСР, подвергавшихся немецкой оккупации. М., 1947. С. 7. Дегтярь Дмитрий Данилович (1904–1982) — с 1939 года председатель Госплана РСФСР, с 1940 года, одновременно, заместитель председателя Совнаркома РСФСР.

199

Там же.

Там же. С. 11.

201

7-я сессия Верховного Совета РСФСР первого созыва. Бюллетень № 4. М., 1946. С. 50.

202

Там же.

203

Там же.

204

Там же.

205

ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 2. Д. 112. Л. 15.

Там же. Л. 16.

Там же. Л. 21.

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР 25 апреля 1945 года // *Косыгин А. Н.* К великой цели. Т. 1. С. 24.

Дегтярь Д. Д. Возрождение районов РСФСР… С. 13.

210

ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 2. Д. 112. Л. 10.

211

Там же.

Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 430.

213

Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. [Электронный вариант].

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 2. С. 173.

215

Премьер известный и неизвестный. С. 85–110. Вахрушев умер, не дожив до 45 лет.

216

Оника Д. Г. Восстановление Подмосковного угольного бассейна. М., 1945. С. 81. Оника Дмитрий Григорьевич (1910–1968) — в 1939–1957 годах начальник главка, заместитель наркома угольной промышленности СССР, начальник комбината «Москвоуголь».

217

Интервью Н. К. Байбакова А. Степанову. Цит. по: https://maxpark.com/community/1920/content/1298248

218

Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. [Электронный вариант].

219

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 29.

Копенкина Л. В. Торфяная отрасль в годы Великой Отечественной войны // Труды Инсторфа. 2016. № 13(66). С. 55.

Чуянов А. С. Сталинградский дневник. С. 226, 228.

222

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 16. Л. 101.

223

ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 61. Л. 60–61.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 829–834.

225

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 829.

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 26.

227

ГА РФ. Ф. А-411. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 25.

229

Там же. С. 28.

230

РГАЭ. Ф. 8243. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

231

Там же. Л. 3–62.

232

ГА РФ. Ф. А-411. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

233

ГА РФ. Ф. А-411. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 28–29.

235

Там же. С. 25.

236

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 1217. Л. 31–36.

237

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 39. Л. 10–11.

238

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 39. Л. 184.

239

Там же. Д. 104. Л. 1–5, 9–12.

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 27.

241

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 1217. Л. 49.

242

РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 7. Д. 99. Л. 112.

243

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 32. Л. 41 (постановление ГКО СССР № 1666с «О мерах помощи авиационным заводам в г. Куйбышеве и г. Казани» от 26 апреля 1942 года).

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 25.

245

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 1217. Л. 56–57, 65.

246

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 804. Л. 87–88.

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 26.

Новые сварочные технологии Е. О. Патона «обкатывались» на Уральском танковом заводе в Нижнем Тагиле, директором которого был знакомый Косыгина по Харькову Ю. Е. Максарев.

249

Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. [Электронный вариант].

Косыгин А. Н. Выступление на XI сессии Верховного Совета СССР… С. 27.

Андрианов В. И. Косыгин. С. 47.

252

ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 44. Л. 152.

253

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 17. Л. 31–33.

Премьер известный и неизвестный. С. 99.

255

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1406. Л. 27.

256

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 20. Л. 271.

257

Премьер известный и неизвестный. С. 100.

Цит. по: *Андриянов В. И.* Косыгин. С. 57.

259

ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 1. Д. 412. Л. 259.

Хлевнюк О. В. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 68–70.

Атомный проект СССР: Документы и материалы. М., 1999. Т. 2. Кн. 3. С. 159, 227; Кн. 4. С. 193; Кн. 6. С. 679; Кн. 7. С. 335.

262

На приеме у Сталина. С. 473.

263

Дьяченко Василий Петрович (1902–1971) — экономист, финансист, ученый.

264

Гойхбарг Александр Григорьевич (1883–1962) — юрист и экономист. В 1946-м на юрисконсультской работе в Наркомате внешней торговли. В 1947 году был, неожиданно для всех, арестован по обвинению в антисоветской агитации. Признан невменяемым! До конца 1955 года находился на принудительном лечении… Темная история…

Пушкарев В. С. Денежная реформа 1947 г. и «черный рынок» // Экономические реформы: уроки истории. М., 2013. С. 245–248.

На приеме у Сталина. С. 473–474.

267

Попов Г. Реформирование нереформируемого: Попытка Алексея Косыгина. М., 2009. С. 235. У Н. С. Хрущева найдем следующее: «Сталин послал в Молдавию Косыгина… Косыгин вернулся, доложил, что там люди голодают и страдают дистрофией. Сталин возмутился и тоже на него накричал, а потом до самой смерти, встречаясь с ним, в шутку говорил: „Вот мой брат-дистрофик“. Косыгин тогда был очень худым. Так его некоторые и звали в те времена (в узком кругу, естественно, подражая Сталину)».

268

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 788. Л. 14–29; Денежная реформа в СССР 1947 года: Документы и материалы. М., 2010. С. 209, 212, 216–220.

269

Там же.

Левичева И., Петров Ю., Татаринов С. Денежная реформа 1947 года: неизвестные подробности // Родина. 2011. № 1. С. 54.

271

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 49а. Д. 2902. Л. 32.

Указ был принят 4 июня 1947 года: Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

На приеме у Сталина. С. 487.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1499. Л. 162.

275

На приеме у Сталина. С. 487.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 161, 163; Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 157.

277

Премьер известный и неизвестный. С. 177.

278

Поездка по Сибири Сталина продолжалась с 15 января по 6 февраля 1928 г. В советской прессе о ней ничего не было, но о том, что Сталин в Сибири, местному населению было известно. Вечером 17 января 1928-го сталинский поезд прибыл в Новосибирск, вечером 21 января лидер большевистской партии выехал на Алтай, 23 января Сталин был уже в Рубцовске, а 27–28 января провел в Омске, 30-го его поезд был уже в Красноярске. 4 февраля из Омска он двинулся обратно в Москву. В ходе своего сибирского «вояжа» Сталин стремился понять причины кризиса хлебозаготовок (виноватыми он в конце концов счел «зажиточных крестьян-кулаков» и настаивал на использовании в борьбе за хлеб методов как социально-экономического, так и политического характера).

Андрианов В. И. Косыгин. С. 119.

280

Октябрьский Филипп Сергеевич (1899–1969) — советский военно-морской деятель.

281

Петров Борис Федорович (1914–1984) — советский военачальник; в 1946–1949 годах — командир крейсера «Молотов».

282

Октябрьская Р. И. В. Сталин на крейсере «Молотов» и в Севастополе, 1947 г. // Тайны истории. Онлайн архив. URL: https://secrethistory.su/782-iv-stalin-na-kreysere-molotov-i-v-sevastopole-1947-g.html

283

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 39. Л. 157, 158.

На приеме у Сталина. С. 493.

285

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 40. Л. 79.

Там же.

287

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 40. Л. 78, 79.

288

На приеме у Сталина. С. 495.

289

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1067. Л. 2–3; Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 328–329.

290

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 49. Д. 4606. Л. 137.

291

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 49. Д. 4607. Л. 193–196. Отмена карточек сопровождалась еще одним постановлением Совмина, о введении «предельных норм отпуска в одни руки»: крупа и макароны — 1 кг; молоко — 1 литр; сахар — 0,5 кг; нитки на катушках — 1 катушка; чулки, носки — 2 пары; мыло хозяйственное — 1 кусок; спички — 2 коробка; керосин — 2 литра. Отменили эти нормы только в 1958 году. См.: *Пелипейко Т.* Феномен Косыгина. Часть 2 // Дилетант. URL: https://diletant.media/blogs/67288/33884519/

292

РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2282. Л. 24; Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 674.

293

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 59. Д. 43. Л. 18.

294

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 323. Л. 255; РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 1865. Л. 1.

Зембатов М. Р. Арсений Зверев — министр финансов военного времени. URL: https://investfuture.ru/news/id/arseniy-zverev-ministr-finansov-voennogo-vremeni

Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 437.

Денежная реформа в СССР 1947 года. С. 427.

298

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1513. Л. 73.

299

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1514. Л. 186.

300

РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2532. Л. 220–229; Советская жизнь, 1945–1953. М., 2003. С. 539–544.

301

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 774. Л. 120–130.

302

РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 1865. Л. 1.

Антонов М. Точка зрения: Косыгинская реформа 1965 года. URL: http: www.redstar.ru

Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128.

305

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1520. Л. 125–127.

Там же. Д. 1521. Л. 86.

307

На приеме у Сталина. С. 520.

Архивная публикация 2006 года: «Ленинградское дело» и другие дела генерала Абакумова // Профиль. 2006. 5 мая.

309

Перов Георгий Васильевич (1905–1979) — советский государственный и партийный деятель. Выпускник Ленинградского планового института.

310

Богомолов А. «Тюремный чемоданчик» Косыгина // Совершенно секретно. 2015. 21 дек.

311

Богомолов А. «Тюремный чемоданчик» Косыгина; Премьер известный и неизвестный. С. 197.

312

Цит. по: *Млечин Л.* Брежнев: Разочарование России. СПб., 2012. С. 94–95.

XIX съезд ВКП(б) — КПСС (5–14 октября 1952 г.): Документы и материалы. С. 5. URL: https://litlife.club/books/209011

XIX съезд ВКП(б) — КПСС (5–14 октября 1952 г.). С. 186–187. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/s19/index.html

315

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 77. Д. 55. Л. 62; Д. 105. Л. 10.

Попов Г. Эволюция советского экономического развития 1950–1960 годов. Ч. 1: Реформы Маленкова // Вести Экономика. 2020. 18 янв. См. также: *Сорокин А. К.* «Практический работник» Георгий Маленков. М., 2021.

317

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 3289. Л. 1, 8, 11.

Постановление Президиума ЦК КПСС о «Ленинградском деле» // Альманах «Россия. XX век». URL: https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/55699; Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 124–137.

Микоян С. Жизнь, отданная народу // *Микоян А.* Так было. С. 15–16.

XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 года): Стеногр. отчет. М., 1956. Т. 2. С. 231.

321

Косыгин А. Н. К великой цели. Т. 2. С. 155.

Косыгин А. Н. К великой цели. Т. 2. С. 155.

XX съезд КПСС. Т. 2. С. 231–240.

Там же. С. 252.

325

XX съезд КПСС. Т. 2. С. 393.

См.: Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

327

Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 317.

См.: *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. Цит. по: https://biography.wikireading.ru/71918

329

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 455.

Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1998. № 1–2. С. 47–49. URL: https://military.wikireading.ru/9183

331

Там же.

332

Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1998. № 1–2. С. 47–49.

333

См.: *Гуськов А. М.* Под грифом правды: Исповедь военного контрразведчика. М., 2004; *Гругман Р. А.* Светлана Аллилуева: Пять жизней. Ростов н/Д, 2012. С. 283–286.

Цит. по: *Хрущев С. Н.* Хрущев. М., 2001. С. 187.

335

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 242.

336

Предверхоянский прогиб — огромная впадина, протягивающаяся в виде крутой дуги свыше 1 200 км вдоль долины рек Лены и Алдана.

337

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 19. Л. 157–159.

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 436.

339

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 696.

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 697.

341

Там же. С. 668.

Там же. С. 697.

343

Там же. С. 699.

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 811.

345

Документы, связанные с поездками А. Н. Косыгина в Италию в 1962 и 1964 годах, были опубликованы на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru

Вклад А. Н. Косыгина в развитие государственного управления СССР. С. 11.

Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009. С. 60–61.

Там же. С. 38.

349

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 82. Д. 118. Л. 152.

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 863.

351

Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 886.

Там же. С. 890.

Хрущев С. Н. Хрущев. С. 147.

Хрущев С. Н. Хрущев. С. 147.

355

ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 82. Д. 153. Л. 116.

Рокфеллер Д. Клуб банкиров. М., 2013. С. 170.

357

Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи. М., 2016. Т. 3. С. 260.

358

Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 44.

359

Премьер известный и неизвестный. С. 10.

360

Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Знамя. 1990. № 10. С. 205–206. «Связка» Шелепин — Косыгин многих удивила. Но на очень короткое время. Со стороны Косыгина никакой поддержки Шелепину не оказывалось, а в 1967-м, когда Шелепин выступил против Брежнева, Алексей Николаевич не поддержал его, как, впрочем, и его старый соратник А. И. Микоян, сохранив за собой все посты и регалии, которых сам Шелепин лишился.

Максименков Л. Переговоры, которые удержали СССР и КНР от войны // Огонек. 2019. № 35. С. 20.

Труды Вольного экономического общества России. М., 2004. С. 68.

363

Патоличев Николай Семенович (1908–1989) — в 1958–1985 годах — министр внешней торговли СССР.

364

Славский Ефим Павлович (1898–1991) — в 1957–1986 годах — министр (председатель Госкомитета) среднего машиностроения СССР.

365

Кортунов Алексей Кириллович (1907–1973) — в 1965–1972 годах — министр газовой промышленности СССР, затем — министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

366

Новиков Игнатий Трофимович (1907–1993) — в 1962–1983 годах — заместитель председателя Совета министров СССР, председатель Государственного комитета СССР по делам строительства.

367

Байбаков Николай Константинович (1911–2008) — в 1965–1985 годах — заместитель председателя Совета министров СССР, председатель Госплана СССР.

368

Дымшиц Вениамин Эммануилович (1910–1993) — с 1965 по 1976 год — председатель Государственного комитета Совета министров СССР по материально-техническому снабжению.

369

Костандов Леонид Аркадьевич (1915–1984) — с 1965 по 1980 год — министр химической промышленности СССР.

370

Мазуров Кирилл Трофимович (1914–1989) — в 1965–1978 годах — первый заместитель председателя Совета министров СССР.

371

Архипов Иван Васильевич (1907–1998) — в 1958–1974 годах — заместитель, первый заместитель председателя Госкомитета Совмина СССР по внешним экономическим связям. В 1974–1980 годах — заместитель председателя Совета министров СССР.

372

Нуриев Зия Нуриевич (1915–2012) — с 1969 по 1973 год — председатель Государственного комитета заготовок при Совете министров СССР, министр заготовок СССР. С 1973 по 1985 год — заместитель председателя Совета министров СССР, председатель Комиссии Президиума Совета министров СССР по вопросам агропромышленного комплекса.

373

Смиртюков Михаил Сергеевич (1909–2004) — с 1964 по 1989 год — управляющий делами Совета министров СССР.

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. [Электронный вариант].

375

Власов Иван Владимирович (1905–1958) — государственный и партийный деятель. Работал сначала в Ленинграде, затем в Карело-Финской ССР. С 1945 года — председатель Комитета по делам культ-просветучреждений при Совете министров Карело-Финской ССР.

Труды Вольного экономического общества России. С. 8.

377

Премьер известный и неизвестный. С. 107.

Министр СССР: «о реформах Брежнев говорил — „не дергайте людей, дайте людям отдохнуть“» (URL: http://tass.ru/interviews/3883597).

379

Либерман Евсей Григорьевич (1897–1981) — экономист. После свертывания косыгинских реформ его имя просто забыли, работ не переиздавали. К идеям Либермана пытались вернуться только во время горбачевской «перестройки», то есть в 1985–1991 годах. Но была уже другая эпоха, другие люди; требовались другие идеи. И разработки Либермана отошли исключительно в область «*истории экономической мысли*».

Либерман Е. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 420–432.

381

Аджубей Алексей Иванович (1924–1993) — советский журналист и публицист. В 1959–1964 годах — редактор «Известий». Зять Н. С. Хрущева.

382

Немчинов Василий Сергеевич (1894–1964) — экономист и статистик, одним из первых применил математические методы в экономических исследованиях и планировании. Румянцев Александр Матвеевич (1905–1993) — экономист. В 1962 году — шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма». Именно Румянцев способствовал публикации статьи Е. Г. Либермана в «Правде», воспользовавшись знакомством с Н. С. Хрущевым. Либермана знал по совместной работе в Харькове. Струмилин Станислав Густавович (1877–1974) — экономист. Автор одного из методов построения индекса производительности труда.

383

Премьер известный и неизвестный. С. 73.

Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М., 2021. С. 129.

385

Доклад члена Президиума ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» // Правда. 1965. 28 сент.

Лазарева Л. Н. К вопросу о принципах экономической реформы 1965 г. в СССР // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 3. С. 157.

387

Доклад члена Президиума ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

Константинов С. «Я ведь не политик, я — инженер» // Независимая газета. 2001. 8 февр.

Шелест П. Е. Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994. С. 247.

См.: *Аксютин Ю. В.* Восьмой советский премьер Косыгин // Россия XXI век. 2000. № 4.

391

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 791. Л. 73–83.

Там же. Д. 811. Л. 169–186.

393

Постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС от 4 октября 1965 года за № 729 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1965. № 19–20. С. 153.

394

Доклад члена Президиума ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

395

Лазарева Л. Н. К вопросу о принципах экономической реформы 1965 г. в СССР. С. 159.

Это то, из-за чего «дискутировали» Хрущев и Косыгин летом 1964-го.

Колесников А. Советский флирт с профитом: история вопроса // Forbes. 2012. 10 сент.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 791. Л. 84–118.

399

Премьер известный и неизвестный. С. 6.

400

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 413. Л. 75–86. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

401

Финский дипломат Антти Карппинен считал, что Алексей Николаевич никогда не проводил различий между Советским Союзом и его «маленьким дружелюбным соседом» — Финляндией. Финн подчеркивал то, что советский премьер был «очень симпатичным в общении», за что его всегда уважали. Его по-настоящему тактичное отношение к тем финнам, с которыми ему приходилось встречаться и общаться, не оставалось без внимания и сказывалось на отношении не только к нему, но и ко всему Советскому Союзу. «Некоторые советские руководители выходили из рамок приличия и смотрели на нас [финнов] сверху вниз. Но только не он».

Филиппов А. Алексей Косыгин: прагматический подход // Родина. 2007. № 1. С. 79–80.

403

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 796. Л. 77–80.

404

URL: http://ihaefe.org/files/publications/full/kovalenko-20years.pdf

405

АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 411. Л. 13–26. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 798. Л. 128–130.

Земля и люди // Советская культура. 1970. 29 янв.

408

Постановление от 13 апреля 1967 года «О переводе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 808. Л. 70–85.

409

См.: Обратного хода нет: Перестройка в народном хозяйстве: общие проблемы, практика, истоки. М., 1989. С. 506–523.

Курганов О. «Дело» и дело Иоханнеса Хинта // Известия. 1994. 17 дек.; *Матсов М.* Последнее слово Хинта // Дружба народов. 1990. № 3.

411

АП РФ. Ф. 3а. Оп. 8. П. 22. Д. 211. Л. 75–86, 136. Документ опубликован на сайтах: http://kosygin.rusarchives.ru; https://www.conventions.ru

Известия. 1966. 10 дек.

413

АВП РФ. Ф. 129. Оп. 53б. П. 431а. Д. 4. Л. 3, 4. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru

Там же. Л. 8, 9. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru

415

АВП РФ. Ф. 129. Оп. 53б. П. 431а. Д. 2. Л. 15. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru

Лавренов С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003. С. 347–348.

417

Там же.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 807. Л. 110–115.

Переводчик В. М. Суходрев был более откровенен и, видимо, более внимателен и в силу своего характера, и в силу той должности, которую он занимал: «Много добрых воспоминаний осталось в моей душе об Алексее Николаевиче Косыгине, человеке очень деятельном, интересном, я бы сказал, выдающемся, особенно по тем временам. Под стать ему была и его жена, которую, если позволял протокол, он обычно брал с собой в зарубежные поездки. Это была симпатичная, улыбчивая и приятная женщина, не вмешивающаяся в дела мужа. К сожалению, она рано умерла, и все вспоминали, с какой теплотой и нежностью Алексей Николаевич к ней относился. Словом, Косыгины являли собой достойную супружескую пару. Они были приветливы с людьми, умели шутить, подтрунивать друг над другом, не боясь, что это как-то унизит их в глазах окружающих» (*Суходрев В. М.* Язык мой — друг мой. М., 2008. URL.: https://www.litmir.me/bd/?b=148733).

420

Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи. Т. 2. С. 187.

421

Шевлягин Дмитрий Петрович (1913–1969) — советский партийный деятель. Во второй половине 1960-х годов заведующий Отделом информации ЦК КПСС.

Карпов В. В. Маршал Жуков: Опала. М., 1994. С. 383.

423

Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств, орган государственного управления СССР, осуществлявший цензуру печатных произведений. Романов Павел Константинович (1913–1992) — советский государственный и партийный деятель. Руководил Главлитом с 1966 по 1986 год.

Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная… М., 2004. С. 15–17. (Письмо было датировано апрелем 1975 года.)

Голованов А. Е. Записки командующего АДД [Авиацией дальнего действия]. М., 1997.

Константинов С. «Я ведь не политик, я — инженер».

427

Ошибка мемуариста. В 1943 году А. Н. Косыгин был заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР.

Курзенков С. Г. Под нами — земля и море. М., 1960. С. 120–122.

429

Цит. по: *Смирнов А. И.* Арабо-израильские войны. М., 2003. С. 260.

Там же. С. 261.

431

Там же.

Каир: Заговор был обречен // Правда. 1968. 19 янв.; *Примаков Е. М.* Вслед за приговором. Каир // Правда. 1968. 24 янв.

Абрамов С. М. Советский Союз на Ближнем Востоке и арабо-израильский конфликт (1948–1991 гг.). М., 2009. С. 62–63.

434

АВП РФ. Ф. 129. Оп. 53б. П. 431а. Д. 2. Л. 41–43. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

435

Полянский Дмитрий Степанович (1917–2001) — советский государственный деятель. В 1965–1972 годах — первый заместитель председателя Совета министров СССР.

436

Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 455.

Гранин Д. Запретная глава. С. 18.

Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М., 2001. С. 132.

Витте С. Ю. Воспоминания. М.; Л, 1960. Т. 2. С. 94.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 94.

441

Там же.

442

Там же.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 95.

Там же. С. 85–86.

445

Вклад А. Н. Косыгина в развитие государственного управления СССР. С. 12.

Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 179.

Там же. С. 180.

Там же.

Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. С. 181.

Константинов С. «Я ведь не политик, я — инженер».

451

Цит. по: *Шинкарев Л.* Я это все почти забыл… Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008. С. 113–114.

452

Палах Ян (1948–1969) — студент философского факультета Карлова университета в Праге. 16 января 1969 года совершил самосожжение на Вацлавской площади в Праге в знак протеста против ввода в Чехословакию войск Варшавского договора. Умер от ожогов.

453

Цит. по: *Шинкарев Л.* Я это все почти забыл… С. 335–337.

454

АП РФ. Ф. 3. Оп. 89. Д. 9. Л. 16–23. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

455

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М., 1994. С. 168.

Максименков Л. Переговоры, которые удержали СССР и КНР от войны. С. 20.

Там же.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 829. Л. 250–257.

459

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 839. Л. 238–240.

См., напр.:

Аксютин Ю. В. Восьмой советский премьер Косыгин;

Бабкина Н. М. Экономическая реформа 1965 г. в СССР: Механизм отбора предприятий для внедрения новой системы планирования и экономического стимулирования // Вестник Московского государственного университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2017. № 3;

Будкевич Г. В. Алексей Косыгин — человек и реформатор // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2015. Т. 16. № 3;

Он же. Косыгин А. Н. как политик и «человек системы», смотрящий в будущее // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2015. № 4;

Ваксер А. З. А. Н. Косыгин // История России: исследования и размышления: Сб. статей к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля наук Российской Федерации Валентина Михайловича Ковальчука. СПб., 2006;

Вклад А. Н. Косыгина в развитие государственного управления СССР;

Воробьев Ю. Ф. К исследованию опыта реформы 1965 г. // Вопросы истории развития хозяйственного механизма в СССР. М., 1988;

Губанов С. «Косыгинская реформа»: итоги и уроки // Экономист. 2004. № 4;

Золотай П. А. Экономическая реформа 1965 г. и ее теоретическая база: оценки зарубежных экономистов // Экономический журнал. 2005. № 10;

Кудашин А. С. Партийная и государственная деятельность А. Н. Косыгина: 1939–1980 гг.: Дис. … канд. ист. наук. М., 2005;

Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги;

Латов Ю. В. «Косыгинские» реформы — упущенная возможность «дэнсяопинизации» советского общества? // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 3;

Павлов В. Поражение: почему захлебнулась «косыгинская реформа» // Родина. 1995. № 11;

Рабкин С. В. Реформы А. Н. Косыгина: исторический аспект поиска невещественных факторов институционального развития // Genesis: Исторические исследования. 2015. № 5;

Сирош Н. В. Реформы А. Н. Косыгина: анализ и оценка с точки зрения современных экономических реформ // Ученые записки

Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Экономика и управление. 2013. Т. 26(65). № 1;

Соболев Э. Н. Косыгинские реформы — невыученный урок истории // Вопросы экономики. 2009. № 8;

100 лет со дня рождения А. Н. Косыгина: Стенограмма круглого стола // Труды Вольного экономического общества России. Т. 45;

Филиппов А. Алексей Косыгин: прагматический подход;

Фирсов Ю. В. Косыгин и его время // Регионология. 2004. № 5/6;

Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль-XXI. 2003. № 7–9, 12;

Чесноков Э. Алексей Косыгин — главный инженер СССР // История от «Русской семерки». 2016. № 5. [Электронное издание].

Хрущев С. Н. Хрущев. С. 125.

Об этом много говорили за рубежом и даже в странах «социалистического лагеря». См.: *Млынарж З.* Мороз ударил из Кремля. С. 117.

О Московском договоре между СССР и ФРГ. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/o-moskovskom-dogovore-mezdu-sssri-frg?inheritRedirect=false

Хальштейн Вальтер (1901–1982) — западногерманский государственный деятель, юрист. Статс-секретарь МИД ФРГ в 1950–1958 годах.

См.: *Богуславский А. Р.* Первые переговоры ГДР — ФРГ в 1970 г. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 3–17.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. 30 авг. № 35. С. 316.

Ведомости Верховного Совета СССР. С. 316.

468

Мало что известно о дорожно-транспортном происшествии, случившемся с автомобилем советского премьера в Москве, когда в «ЗИЛ» Косыгина врезался старенький «Запорожец». Алексей Николаевич распорядился не наказывать водителя «Запорожца», пенсионера, который, разбив свою машину, сам чудом сохранил свою жизнь. Но после этого чрезвычайного случая последовало решение Совета министров СССР и Мосгорисполкома об ограничении скорости в столице. Даже на самых современных магистралях она была снижена с 80 до 60 километров.

469

Суходрев В. М. Язык мой — друг мой. С. 249–250.

Яковлев А. Н. «Я был вождем индейского племени»: Интервью Е. Вайцеховской // Спорт-Экспресс. 1996. Дек.

Косыгин А. Н. К великой цели. Т. 2. С. 64.

Косыгин А. Н. К великой цели. Т. 2. С. 44–45.

Рыжков Н. И. Размышления о прошлом, настоящем и будущем. М., 2012. [Электронный вариант].

Zemtsov I. Chernenko. The Last Bolshevik: The Soviet Union on the Eve of Perestroika. New Brunswik; New Jersey, 1989. P. 103, 118.

Андрианов В. Неизвестный Косыгин: О драматических страницах жизни советского премьера рассказывает его внучка — Татьяна Гвишиани-Косыгина // Российская газета. 2003. 24 авг.

Рыжков Н. И. Размышления о прошлом, настоящем и будущем. [Электронный вариант].

Андрианов В. И. Косыгин. С. 220–221.

Колесников А. Советский флирт с профитом.

Максименков Л. Переговоры, которые удержали СССР и КНР от войны. С. 22.

480

Цит. по: *Максименков Л.* Усвоенные уроки: Как повышение цен в 1970 году привело к политическому кризису в Польше // Огонек. 2020. 21 дек. № 50. С. 22.

Ханин Г. И. Советское экономическое чудо. С. 73.

Золотай П. А. Экономическая реформа 1965 г. и ее теоретическая база. С. 125.

483

Премьер известный и неизвестный. С. 25.

Там же.

485

Грушко В. Ф. Судьба разведчика: Книга воспоминаний. М., 1997. С. 29.

27 ноября 1978 года Н. А. Тихонов был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, 27 ноября 1979 года переведен из кандидатов в члены Политбюро.

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. [Электронный вариант].

488

Американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, вооруженных сил и связанных с ними организаций.

Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 30.

490

Дартмутские встречи или конференции — неполитический формат неофициальных встреч американских и советских в 1961–1990 годах (затем — российских с 2014 года и по настоящее время) общественных деятелей, ученых и экспертов, обсуждающих наиболее актуальные проблемы двусторонних отношений и вырабатывающих рекомендации по их решению для правительств и других органов власти США и СССР / Российской Федерации.

491

Алхимов Владимир Сергеевич (1919–1993) — советский экономист и государственный деятель. Пост заместителя министра внешней торговли СССР занимал в 1967–1976 годах.

Жирнов Е. Партийная кола // Коммерсантъ-Деньги. 2006. № 16. С. 88.

Палажченко П. Профессия и время: Записки переводчика-дипломата. М., 2020. С. 285.

494

Пирс Роджерс Уильям (1913–2001) — американский политик и государственный деятель. В 1969–1973 годах — государственный секретарь США.

495

АП РФ. Ф. 3. Оп. 89. Д. 21. Л. 78–102. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

496

В июне 1990 года в ходе переговоров президента США и президента СССР (должность с марта 1990-го) стороны вернулись к обсуждению долга. Согласованы были и сумма — 674 миллиона долларов, и новый срок окончательного погашения задолженности — 2030 год. После декабря 1991 года встал вопрос — к кому переходят долги по ленд-лизу? В течение 1992–1994 годов Российская Федерация подписала с бывшими советскими республиками двусторонние соглашения о «нулевом варианте». То есть Россия принимала на себя весь государственный долг исчезнувшего с политической карты Советского Союза в обмен на отказ других республик от полагавшейся им почти половинной доли во всех советских активах. Официально об этом было объявлено 2 апреля 1993 года. Долг за ленд-лиз был долгом правительству США. Согласно договоренностям, должен был выплачиваться так называемому Парижскому клубу. Россия погасила свою задолженность по ленд-лизу в полном объеме в августе 2006 года.

497

«Чейз Манхэттен Банк» («Chase Manhattan Bank») в 1971 году помог СССР профинансировать крупную закупку зерна в США и Канаде, а в 1973 году открыл свой филиал в Москве. Стал первым банком США, получившим лицензию в СССР.

Рокфеллер Д. Клуб банкиров. С. 171.

499

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 850. Л. 101.

500

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 879. Л. 58–59.

501

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 884. Л. 31–34.

502

АВП РФ. Ф. 98. Оп. 55. П. 87. Д. 6. Л. 38. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

503

Действительно, подобный завод был создан в Ижевске, где создавался «переработанный и усовершенствованный» автомобиль «Москвич», но — в небольших количествах и плохого качества. См.: АвтоВАЗ между прошлым и будущим: История Волжского автомобильного завода, 1966–2005 гг. М., 2006. С. 44.

Там же. С. 53.

505

Аньелли Джанни (1921–2003) — предприниматель, главный акционер и исполнительный директор «Фиата».

506

Тарасов Александр Михайлович (1911–1975) — с 1965 до 1975 года министр автомобильной промышленности СССР.

507

АвтоВАЗ между прошлым и будущим. С. 156.

Андреотти Д. СССР, увиденный вблизи: От «холодной войны» до Горбачева. М., 1989. С. 111–114.

509

Там же. С. 150.

510

Медичи Джузеппе (1907–2000) — министр иностранных дел Италии в 1972–1973 годах.

511

АВП РФ. Ф. 98. Оп. 55. П. 87. Д. 6. Л. 398. Документ опубликован на сайте http://kosygin.rusarchives.ru/ См. также: *Андреотти Д.* СССР, увиденный вблизи.

512

Шишкина Н., Яковлева И. Генеральный директор. Набережные Челны, 2009. С. 65–66.

513

Указ «О награждении Героя Социалистического Труда товарища Косыгина А. Н. орденом Ленина и второй золотой медалью „Серп и Молот“» «*не подлежал опубликованию*»: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 105. Д. 411. Л. 26. Какая и зачем здесь секретность, трудно понять… Но согласно существующим правилам, на Аллее Героев в Московском парке Победы в Ленинграде 21 февраля 1977 года был открыт бюст А. Н. Косыгина работы скульптора Н. В. Томского.

514

ОПЕК (OPEC) — международная организация экспортеров нефти, созданная нефтедобывающими странами в целях контроля квот добычи на нефть. Советский Союз в ОПЕК не входил.

Рокфеллер Д. Клуб банкиров. С. 171.

516

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 878. Л. 167–170.

517

Там же. Д. 917. Л. 282–288.

518

Записная книжка А. Н. Косыгина. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

519

См.: *Рокфеллер Д.* Клуб банкиров. С. 37.

520

РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 315. Л. 122, 126. Документ опубликован на сайте: http://kosygin.rusarchives.ru/

521

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 881. Л. 214–223.

Там же. Д. 91. Л. 57–65.

См. также: Там же. Д. 896. Л. 194–205.

Филиппов А. Алексей Косыгин: прагматический подход. С. 81–82.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М.; Ярославль, 2004. С. 112–116.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. С. 112–116.

527

Из разговора А. Н. Косыгина с премьер-министром Афганистана Н. М. Тараки 18 марта 1979 г. // Азия и Африка. 1994. № 5. С. 3.

Андрианов В. И. Косыгин. С. 309.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. С. 125–130.

530

См.: *Громыко А. А.* Памятное. М., 1988. [Электронный вариант].

Коммерсантъ-Власть. 2003. № 50. С. 42.

АвтоВАЗ между прошлым и будущим. С. 183.

Широградский А. «Перестройку предлагал еще Брежнев»: Что обрушило экономику СССР: Интервью с Н. Митрохиным. URL: https://www.svoboda.org/a/perestroyku-predlagal-esche-brezhnev-chto-obrushilo-ekonomiku-sssr/31549668.html

Андрианов В. И. Косыгин. С. 335.

535

Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи. С. 1046.

Будкевич Г. В. Алексей Косыгин — человек и реформатор. С. 443.

См., напр.: *Латов Ю. В.* «Косыгинские» реформы — упущенная возможность «дэнсяопинизации» советского общества? С. 424–439.